

История Русской Церкви

Проф. П. В. Знаменского

Профессор П. В. Знаменский как историк Русской Церкви.

Введение в историю Русской церкви: христианство в России при святом Владимире.

Христианство в пределах России до начала Русского государства. Крещение великой княгини Ольги. Обстоятельства крещения святого Владимира. Крещение русских в Киеве. Образование Русской церкви. Понятие о науке — истории Русской церкви.

Период 1.

От крещения русского народа до нашествия монголов и усиления северо-восточной Руси (989—1237 гг.).

1. Распространение христианской веры.

Распространение христианства при святом Владимире. Распространение веры при преемниках святого Владимира в XI—XII в. Христианство у инородцев. Обстоятельства, препятствовавшие и способствовавшие быстрому и мирному распространению христианства в России. Древне-языческая мифология, представления о душе и загробной жизни, праздники и обряды. Попытки римского католичества утвердиться в России. Орден Меченосцев. Распространение латинства в Галицком княжестве.

2. Устройство Русской церкви; церковное управление.

Начало Русской митрополии. Митрополиты греки. Попытки к избранию митрополитов из русских. Зависимость киевских митрополитов от патриарха. Взаимные отношения между властями церковной и гражданской и значение иерархии в делах гражданских. Первые епархии в России. Отношения епископов к митрополиту, порядок их избрания и отношения их к своим князьям. Законы церковного управления. Уставы русских князей. Права, предоставленные княжескими уставами духовенству в содержании и церковном суде. Низшее духовенство, порядок его избрания и средства содержания.

3. Учение и духовное просвещение.

Влияние веры Христовой на пробуждение и развитие любви к учению. Ревнителю духовного просвещения, первые училища и библиотеки. Характер книг, употреблявшихся в древней России. Переводная письменность. Преподобный Феодосий. Кирилл Туровский. Иоанн II, архиепископ новгородский. Игумен Даниил. Писатели в повествовательном роде.

4. Богослужение.

Общий взгляд на богослужение. Первые храмы. Святыни храмов — святые иконы. Святые мощи. Общественное значение храмов. Новые русские праздники. Богослужebные особенности Русской церкви и развитие обрядности в религиозно-жизни. Спор о постах в среду и пяток. Влияние христианства на перемену нравственно-религиозной жизни русского народа. Остатки язычества. Примеры благочестия в жизни русских князей и пастырей церкви. Монашество. Преподобные Антоний и Феодосий. Устройство Киево-Печерского монастыря. Значение Киевской обители. Другие замечательные монастыри.

Период II.

От нашествия монголов и усиления северо-восточной Руси до разделения Русской митрополии (1237-1461 гг.).

1. Бедствия церкви и распространение веры.

Нашествие монголов и влияние его на образование нового центра церковной жизни. Отношение к христианству монголов. Мученики за веру. Ханские ярлыки духовенству. Распространение христианства среди татар. Христианство на севере. Христианство на северо-востоке у зырян; святой Стефан Пермский. Борьба православия с католичеством на северо-западе. Борьба с католичеством в княжестве Галицко-Волынском. Православие и борьба его с католичеством в Литве. Успехи католичества при Ягелле.

2. Церковная иерархия и состояние духовенства

Расстройство в церковном управлении вследствие татарского нашествия восстановление порядка митр Кириллом II. Митрополит Максим. Святой Петр. Митрополит Феогност. Святой Алексей. Споры о единстве митрополии. Смуты в митрополии по кончине митрополита Алексея. Митрополит Киприан и его заслуги. Митрополит Фотий. Григорий Цамблак. Митрополит Исидор. Святитель Иона. Разделение митрополии. Государственное значение митрополитов. Церковная власть и права митрополита. Епархии и епархиальное управление. Новгородские владыки. Местное значение владыки. Отношения владык к митрополиту. Белое духовенство.

3. Богослужение

Расстройство богослужebного порядка и заботы о восстановлении его. Определения соборов Владимирского 1274 г. и Константинопольского 1276г. относительно богослужения. Деятельность митрополита Киприана к упорядочению богослужения. Строение храмов и их значение. Святые иконы. Новые праздники. Противодействие обрядовому благочестию. Ересь стригольников.

4. Христианская жизнь.

Влияние времени на развитие добрых и худых качеств в жизни русского народа. Примеры благочестия многих русских пастырей и князей. Монашество. Причины быстрого умножения монастырей. Преподобный Сергей. Значение Сергиевой лавры. Другие наиболее замечательные монастыри и подвижники. Устройство монастырей. Общежитие и отшельничество. Монастырские вотчины. Общественное значение монастырей. Особый род подвижничества — юродство во Христе.

5. Состояние просвещения.

Неблагоприятные условия для развития образования. Переводная письменность. Размножение апокрифов. Оригинальная письменность. Поучения XIII века. Поучения

XIV века. Поучения XV века. Поучения и послания митрополитов XV века. Жития святых. Путешествия к святым местам.

Период III.

Разделение Русской Церкви на две митрополии (1461-1589 гг.).

А. Московская митрополия.

Общий взгляд на состояние Московской митрополии по отделении от нее юго-западной.

1. Распространение веры

В Пермском крае. Преподобный Трифон Вятский. Христианство на северном Поморье. В Казани. Просветительная деятельность казанских чудотворцев. Святой Гурий. Святые Варсонофий и Герман. Христианство в Астрахани на Кавказе. Отношение митрополита к патриарху и к московским государям. Митрополиты при Иоанне III и Василии. Митрополиты в малолетство Грозного. Митрополит Макарий. Митрополит святой Филипп II. Митрополиты при царе Феодоре. Епархии московской митрополии. Органы епархиального управления. Устройство церковного суда. Состояние белого духовенства. Сборы с духовенства. Содержание белого духовенства. Перехожие и крестцовые попы. Меры к улучшению нравов белого духовенства.

3. Богослужение и христианская жизнь.

Нестроения в церковном богослужении. Испорченность богослужебных книг, указанная Максимом Греком, и неудовольствия на него. Определение о богослужебных книгах собора 1551 года. Устройство типографии в Москве, первые печатные книги и судьба печатников. Новые храмы. Судьба местных святынь. Соборы 1547 и 1549 годов. Новые праздники и обряды. Святые иконы. Дело Висковатого. Обрядовый характер благочестия русских людей. Домострой. Состояние монашества. Преподобный Нил Сорский. Преподобный Иосиф Волоцкий (1440-1515 гг.). Другие подвижники и обители XV—XVI веков. Распоряжения правительства о церковных вотчинах. Недостатки монастырской жизни.

4. Учение и духовное просвещение.

Печальное состояние просвещения в XVI веке. Недостаток школ и других просветительных средств. Ересь жидовствующих. Борьба с ересью архиепископа Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого. Просветительная деятельность святителя Геннадия и преподобного Иосифа. Возбужденные ересью вопросы и спор о них иосифлян и белозерских старцев. Отношение к спору иосифлян с белозерцами митрополита Даниила. Максим Грек и его просветительная деятельность. Участие Максима в споре иосифлян с их противниками. Судьба Максима. Труды митрополита Макария. Ереси Башкина и Косого. Зиновий Отенский. Отношения православных к протестанству и католичеству.

Б. Киевская митрополия до присоединения Малороссии к Москве.

Общий обзор состояния православия в Литве. Положение Киевской митрополии по отделении ее от Московской. Отношение митрополитов к константинопольскому патриарху и внутреннее управление митрополии. Участие мирян в церковных делах. Состояние православия при Александре и Сигизмунде. Виленский собор, 1509 года. Состояние церкви при Сигизмунде II. Распространение в Польше и Литве протестанства, появление и деятельность иезуитов. Виленская иезуитская академия.

Развитие иезуитами мысли об унии с Римской церковью. Усиление католического влияния на высшие классы при Стефане Батории и Сигизмунде III. Борцы за православие. Братства. Приезд патриарха Иеремии и положение в это время церкви. Низложение митрополита Онисифора и возведение в митрополиты Михаила Рогозы. Подготовка и главные деятели унии. Введение унии на Брестском соборе. Усилия иезуитов и польского правительства к распространению унии. Орден базилиан. Противодействие унии со стороны православных. Братские школы и вышедшие из них защитники православия. Восстановление православной иерархии патриархом Феофаном. Митрополит Иов Борецкий. Петр Могила. Преобразование Петром Могилой киевской школы. Ученые труды Петра Могилы и его коллегии.

Период IV.

Московское патриаршество (1589-1700 гг.).

1. Церковное управление.

История учреждения патриаршества в Москве. Права и управление патриарха. Умножение епархий и возвышение епископских кафедр. Служение отечеству в смутное время патриарха Иова. Служение отечеству патриарха Гермогена. Заслуги отечеству епархиальных архиереев. Заслуги отечеству русских монастырей и особенно Троицкой лавры. Патриарх Филарет и его значение. Отношение государства к Церкви при патриархах Иоасафе и Иосифе. Уложение царя Алексея. Монастырский приказ. Никон до патриаршества. Патриаршество Никона и его отношения к царю. Враги Никона. События по удалении Никона. Суд над Никоном и его заточение. Собор 1666 и 1667 гг. Значение и труды патриархов после Никона.

2. Расширение пределов Московского патриаршества.

Внешнее расширение пределов Русской церкви. Присоединение Малороссии. Подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху. Распространение христианства в Сибири.

3. Христианская жизнь и богослужение.

Характер времени. Остатки язычества и суеверия. Развитие крайне обрядовой религиозности. Недостатки в отправлении богослужения и умножение ошибок в богослужебных книгах. Исправление богослужебных книг и обрядов до патриарха Никона. Исправления при Никоне. Одобрение Никоновых исправлений собором 1666 года и отделение раскола от Церкви. Раскольнические волнения и меры против раскола. Продолжение обрядовых исправлений после 1667 года.

4. Духовное просвещение.

Состояние просвещения в Москве до половины XVII века и заботы о его возвышении. Вызов киевских ученых в Москву; Ртищевское братство. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий. Сильвестр Медведев и инок Евфимий. Братья Лихуды. Осуждение хлебопоклоннической ереси на соборе 1690 года и высылка киевских ученых из Москвы. Начало московской академии и состояние ее при Лихудов. Быстрый упадок академии после высылки Лихудов.

Период V.

Синодальный.

1. Церковное управление.

Переходное время; местоблюстительство патриаршего престола. Отношения Петра к великорусскому духовенству; святитель Митрофан и другие иерархи-великороссы. Отношения Петра к Стефану. Борьба Стефана против увлечений протестантством; дело Тверитинова и Камень веры. Новые приближенные царя — Феодосий и Феофан. Составление Духовного регламента. Открытие Святейшего Синода и его состав. Положение Синода в общем составе государственной администрации. Права Святейшего Синода в области церковного управления и его органы. Перемена в составе Синода по смерти Петра. Святейший Синод при Петре II и Анне Иоанновне и борьба Феофана с своими врагами. Кончина Феофана и его значение. Св. Синод при императрице Елизавете. Святейший Синод при императрице Екатерине II. Святейший Синод при Александре I. Св. Синод с царствования Николая I. Перемены в епархиальном управлении. Органы епархиального управления. Управление военным духовенством. Перемены в содержании высшей иерархии и монастырей. Протест Арсения Мацеевича и его судьба. Перемены в положении белого духовенства.

2. Распространение веры

Обзор расширения пределов Русской церкви. Крещение инородцев в Казанской епархии и соседних местностях. Крещение калмыков. Миссионерство в Сибири. Макарий Глухарев; Алтайская и другие миссии. Миссия восточной Сибири. Миссионерство в Китае. Миссионерство в Японии. Устройство православного миссионерского общества. Восстановление православия на Кавказе. Положение церкви в Грузии; экзарх и грузинская контора. Состояние православия в польских областях до Екатерины II. История воссоединения униатов до императора Николая I. История воссоединения униатов при Николае I и Александре II. Успехи православия среди католиков. Распространение православия среди протестантов Западного края.

3. Учение и духовное просвещение.

Устройство Московской академии по образцу Киевской. Покровитель образования Иов Новгородский. Школы при архиерейских домах по Духовному регламенту. Обучение в архиерейских школах и их содержание. Преобразование духовных училищ в 1808 г. Дальнейшие реформы духовных школ. Ученые труды по богословским наукам и известнейшие писатели: св. Димитрий Ростовский. Борьба богословских направлений в начале XVIII века. Полемика из-за Камня веры и Феофилакт Лопатинский. История исправления Библии до издания 1751 года. Известнейшие представители богословской науки и проповедничества во 2-й половине XVIII в. Известнейшие представители духовной науки и проповедничества в XIX столетии. Филарет Московский. Библейское общество и перевод Библии на русский язык. Дальнейшая история перевода Библии на русский язык. Борьба с вредными для веры западными влияниями: а) с религиозным вольнодумством. Борьба с масонством и мистицизмом. Состояние религиозного образования народа. Народное сектантство: хлысты и скопцы. Духоборцы, молокане и штундисты. Раскол старообрядства.

4. Богослужение и жизнь христианская.

Исправление некоторых богослужбных чинов и последований и составление новых служб. Новые праздники. Наблюдение за иконописанием. Распоряжения о церковном пении. Наиболее замечательные храмы. Меры относительно усиления церковного

благочиния и народной религиозности. Состояние при Петре I монастырей; Невская лавра. Последующие распоряжения о монашестве; монастыри штатные и заштатные. Восстановление более известных монастырей и открытие новых. Внутренняя жизнь монашества. Заслуга для монашества св. Тихона, митр Гавриила и других архиереев. Паисий Величковский и его влияние на русское монашество.

Профессор П. В. Знаменский как историк Русской Церкви.

Профессор Петр Васильевич Знаменский бесспорно принадлежит к числу выдающихся представителей российской церковно-исторической науки 2-й половины XIX, начала XX столетий. Он прожил долгую и плодотворную жизнь, хотя в его биографии мы не встречаем особенного разнообразия жизненных обстоятельств, передвижений, водворота событий.

П. В. Знаменский родился 27 марта 1836 г. в Нижнем Новгороде, в семье диакона. По окончании обучения в Новгородском духовном училище (1846—1850) и семинарии (1850—1856) поступил в Казанскую духовную академию, которую с успехом окончил и в сентябре 1860 г. был направлен преподавателем философии и логики в Самарскую духовную семинарию. Менее чем через год (в августе 1861 г.) Знаменский вернулся в родную Казанскую академию, где поначалу занимал кафедру математики, а с мая 1862 г. окончательно утвердился на близкой его научным интересам кафедре русской церковной истории. Помимо того, начиная с 1865 г., Петр Васильевич преподавал историю Русской Церкви на историко-филологическом факультете Казанского Университета, а также читал лекции в училище для девиц из семей духовного звания. С этого же времени он заведовал богатейшей библиотекой Соловецкого монастыря, 1593 манускрипта которой были переведены в Казанскую духовную академию в 1855 году. С 1875 г. он возглавлял научную Комиссию для описания рукописей Соловецкого собрания.

И все же большую часть жизни Знаменский посвятил Казанской духовной академии. Без малого сорок лет он продолжал в ней преподавательскую деятельность в качестве штатного профессора, а с 20 ноября 1895 г. в качестве сверхштатного. 12 августа 1896 г. он оставил сверхштатную службу, однако вплоть до 1897 г. продолжал бесплатно читать свои лекции, пользовавшиеся неизменной популярностью у студентов. Как говорилось в адресе академической корпорации, поднесенном П. В. Знаменскому по случаю оставления им службы в академии, “Даже в эпоху наибольшего упадка трудолюбия студентов между самыми неаккуратными из них считалось зазорным не быть на лекции у Петра Васильевича.” Его глубоко интересные чтения “очаровывали гармоническим соединением обильного фактического материала с художественной обработкой его”¹. Любопытны мотивы его окончательного ухода из академии. С присущей ему скромностью и требовательностью к себе он считал что может “не поспеть идти нога в ногу ни с современным развитием науки, ни с работой других членов академической корпорации” и, таким образом, “помимо своей воли принизить свою кафедру, всегда высоко стоящую в составе академического курса.”²

Научная и преподавательская деятельность П. В. Знаменского была высоко оценена его современниками. Уже в 1860 г. (всего в двадцать четыре года), за труд “Обозрение постановлений по церковным делам в России в начале XVII столетия” он удостоен степени магистра богословия. В 1866 г. он возведен в звание экстраординарного, а в 1868 г. — ординарного профессора. В 1875 г. за труд “Приходское духовенство со времен реформы Петра I-го ” удостоен степени доктора церковной истории. В 1892 г. его избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности³.

В последние годы своей жизни П. В. Знаменский продолжал живо интересоваться наукой, написал несколько статей для журналов, старался следить за книжными новинками. Он умер 2 мая 1917 г. незадолго до трагических событий октябрьской революции. Перед кончиной он завещал Академии свой дом и библиотеку.

¹ Православная Богословская энциклопедия, Игр . 1904 т. 5, с. 722.

² Харлампович К. В. Историк-художник П. В. Знаменский, М., 1917 с. 13.

³ Сенько П. Н. «Русские церковные деятели — члены Академии наук», СПб 1995, с. 162—163.

* * *

Всю свою долгую жизнь П. В. Знаменский выступал против изолированности богословской науки и церковного учительства вообще от движения науки светской и от явлений мирской жизни, против схоластической и боязливой останки перед всякими проявлениями самостоятельности мысли и даже перед некими новыми выводами из уже существующих богословских постулатов. Он призывал своих учеников и коллег спуститься от проповеди “ни к кому и ни к чему в частности не относящейся морали, и притом морали большей частью сурово-аскетического характера, упускавшей из виду обыденную жизнь обыкновенных мирских людей,” поближе к живым людям и современной действительности. В своих трудах он поддерживал богословское направление, которое “стремилось объять всю человеческую жизнь, научить людей находить Христа не в одном отрешении от мира и действительной жизни, а во всех, даже самых темных углах самой этой жизни оставаться истинными христианами среди самого мира, со всею ее обыденной суетою и дрязгами”⁴. Для Знаменского всегда было важно “освятить светом православия все стороны человеческой жизни и все их подвести под общее возглавление христианства,” т.е. проявлять свою православную веру не в одном лишь теоретическом убеждении, но и в самой жизни.

П. В. Знаменский был убежденным православным христианином и, вместе с тем, не принимал узкого сектантского фанатизма, свойственного иным “ревнителям веры,” доводящим своим формализмом правила и учреждения церковные, сами по себе святые и спасительные “до мертвой ветхозаветности.” Он понимал, что в его время, (и это особенно ощущалось в последние десятилетия перед революцией 1917 г.) трудно требовать от всех детской и доверчивой веры, не подтвержденной научным знанием. Это означает, — писал он, — что мы имеем потребность в современной науке, которой необходимо дать истинное направление, т.е. основать ее на Краеугольном Камне, который есть Христос. Наука, равно как и ремесла, искусство, политика, общественная деятельность, государственное устройство не могут быть отделены от христианских начал, не должны быть секуляризированы. Важно подчеркнуть, что эта позиция Знаменского не имела ничего общего с клерикализмом. “Сын Божий Сам поставил Себя во все условия человеческой жизни, был записан при рождении в государственную ревизию, жил в доме ремесленника, участвовал в занятиях рыбакой, признавал дань кесарю. Сам подверг Себя тогдашним судам и проч. Зачем же мы будем отделять эти стороны жизни от Его благодати и устраивать их, не возглавляя их в Нем, помимо Него, как язычники или иудеи с мусульманами?”¹

П. В. Знаменский стремился в своих исследованиях рассматривать историю Церкви в тесной связи с проявлениями “внешней” народной и общественной жизни. При этом, как подчеркивал А. В. Карташов, отличительное достоинство содержания Учебного руководства по истории Церкви состоит в том, что “оно отводит менее, чем это делалось до него, места самому рассказу о “внешних событиях,” а с большой подробностью и с большим вниманием изображает внутреннюю жизнь церкви, религиозно-нравственное настроение русского общества.”²

В своих научных трудах П. В. Знаменский использовал тогда еще новый метод научного исследования, основанный на мысли о том, что “история не является только биографией высоких лиц и рассказом о громких событиях.” Он сумел отойти от голого позитивизма, т.е. от простого описания наиболее значительных фактов из прошлой жизни, стремился увидеть внутреннюю связь событий и явлений. “Историк, — говорит о нем “Православная богословская энциклопедия,” — восстанавливает прошлую жизнь общества и народа во всей совокупности составляющих его единиц, подмечая внутренние движущие идеи и господствующие течения этой жизни и соответственно этому подбирая и группируя факты.”³

“История нашей Церкви, — писал Знаменский в 1863 г. на страницах “Православного собеседника,” — доселе шла по официальному, так сказать, направлению, в каком разрабатывалась некогда и гражданская история. Как последняя исключительно занималась биографиями князей и царей, следовала за развитием государственного начала, не обращая никакого внимания на склад жизни, на требования и жизненные идеалы самого народа, так и в параллель ей церковная история рассказывала нам жития и подвиги благочестивых иерархов и святых мужей, следовала за проявлениями в жизни

⁴ Знаменский П. В. «Православие и современная жизнь. Poleмика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни. (А М.Бухарев).. М. 1906 с. 86.

¹ Знаменский П. В. «Православие и современная жизнь...» с, 14—15.

² Карташев А. В. «Очерки по истории Русской Церкви». М. 1991 т. 1 с. 30—31.

³ Православная Богословская энциклопедия т. 5 с. 722.

внешней стороны православия, тоже не обращая никакого внимания на религиозный склад, на развитие религиозного сознания самого народа, на те оригинальные формы, в коих народ выражал понимание предложенного ему учения. Мы знали, кто и когда учил народ православной вере, какие правила церковной жизни переданы были в Россию греческой церковью; но не знали другой, — самой существенной стороны дела, как народ усвоил учение веры, как церковный закон обнаружил свое влияние на народную жизнь, какие особенности в вероучении и в церковной практике проистекали от соприкосновения православия с народными понятиями и жизнью.”⁴

В своих церковно-исторических изысканиях П. В. Знаменский основывался на рассмотрении эволюции в культурной и общественно-экономической жизни всех слоев русского народа, полагая в основу количественно преобладающий слой крестьянства. При этом, как отмечает его биограф — К. В. Харлампович, — он не вдавался в крайности “исторического экономизма” и, “...отмечая важность экономических факторов в исторической жизни русского народа, указывал рядом с тем и на другие, более важные факторы духовного развития, во главе которых стояло развитие религиозно-нравственное.” При этом все его работы отличало гармоническое соединение художественной обработки материала с обилием фактов, метких и ёмких характеристик.”

Надо сказать, что метод исторического исследования Знаменского вызывал определенное недовольство у тех его коллег, кто пытался соотносить свои суждения прежде всего с точкой зрения вышестоящего начальства, не боясь допустить при этом необъективность или умолчания. Когда 13 мая 1875 г. академический Совет удостоил Знаменского степени доктора церковной истории, тогдашний ректор Академии — архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) выступил с “особым мнением,” в котором находил, что труд Знаменского не принадлежит к богословским сочинениям ни по содержанию, ни по направлению, причем с неодобрением подчеркнул, что в нем “выставлены” темные стороны жизни высшей церковной иерархии и приходского духовенства. Однако П. В. Знаменский получил поддержку в Святейшем Синоде, где отзыв архиепископа Антония (Амфитеатрова) был “парализован” благодаря усилиям замечательного церковного историка митрополита Макария (Булгакова), бывшего еще тогда архиепископом Литовским. Закреплением этого успеха и признания была оценка Святейшим Синодом главного труда П. В. Знаменского — Учебного руководства по истории Русской Церкви.

* * *

Общей проблемой духовных школ России в XIX — нач. XX столетий была слабость учебных пособий и история Русской Церкви не была в этом смысле исключением. На это указывали в частности историки российской духовной школы. По данным проф. Б. В. Титлинова в 1860—1861 гг. директору духовно-учебного управления Урусову при обозрении духовных семинарий почти повсеместно указывалось на неудовлетворительность учебников русской церковной истории. К началу XX века в качестве учебных пособий до истории Церкви использовались труды архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова)¹. При всех достоинствах указанных сочинений их общий объем делал затруднительным процесс преподавания в семинариях и (тем более) в духовных училищах. Вышедший в 1838 г. учебник Муравьева сводил повествование к собранию биографий иерархов, пособие еп. Иннокентия (Смирнова)² было не приспособлено к учебным целям.³

Вот почему Учебное руководство П. В. Знаменского было с удовлетворением встречено церковной общественностью. Тем более, что написано оно было ярким, образным языком, отличалось целым рядом других несомненных достоинств.

Не удивительно, что всего за два десятилетия после своего выхода в свет труд П. В. Знаменского выдержал несколько изданий, причем уже за первое из них (Казань 1870 г.) он был удостоен премии имени митрополита Макария. Эта книга безусловно является главным сочинением Знаменского, принесшим ему широкую известность. “Меткие характеристики, живописные очерки, художественность изложения, — писала “Богословская энциклопедия,” — делают “Руководство” хорошей книгой для чтения вообще.” “Руководство” проф. П. В. Знаменского, — отмечает в своих знаменитых “Очер-

⁴ Цит. по Харлампович К. В. «Историк-художник...» с. 19—20.

¹ См. Филарет (Гумилевский), архиепископ «История Русской Церкви», т. 1-5, Рига, Москва, 1847—1848 (1-е издание), Макарий (Булгаков), митрополит «История Русской Церкви» М. 1995—1996 (последнее издание).

² См. Иннокентий (Смирнов), епископ «Начертание библейской истории от древнейших времен до XVIII в.» т. 1—2, СПб, 1817.

³ См. об этом Титлинов Б. В., проф., «Духовная школа в России в XIX столетии». Лондон, 1970 (репринт с издания 1909 г.) т. 1 с. 115—117, т. 2 с. 166—169.

ках по истории Русской Церкви” проф. А. В. Карташов, — без сомнения должно занять место в ряду самостоятельных церковно-исторических систем и по своему плану, и по подбору фактов, и по искусству построения. Правда, автор излагает здесь историю догматически: без цитат и ученой критики, предлагает читателю уже свою беловую работу, не показывая черновой, но во всем его изложении обнаруживается солидное знание первоисточников, из которых им самостоятельно извлечено множество ценных фактов, обставленных многозначительными замечаниями и меткими характеристиками, проливающими свет на характер целых эпох. Прекрасны, например, его краткие, но содержательные характеристики: религиозного состояния русского народа вскоре после крещения, общественного значения в древности храма, отношения между церковью и государством в XIV — XV вв., и множество других. Очень выразительно изложены характерный в русской истории XVI век, смутное время, история патр. Никона, реформы Петра Великого и т. д. Одним словом, опытное перо профессора, так умело владеющего во всех своих трудах искусством исторического построения, в равной мере сказывается и здесь. Оттого его “Руководство” представляет собой наилучшую у нас по данному предмету “книгу для чтения,” тем более ценную, что подобных “книг для чтения” вообще пока еще слишком мало в нашей научно-богословской литературе”.⁴ К этому отзыву проф. Карташова мы можем лишь добавить, что, к сожалению, со времени опубликования его “Очерков” в нашей церковно-исторической науке мало что изменилось.

Весьма показательно, что о Знаменском и о его “Руководстве” не забыли даже в советское время, в трудные годы торжества безбожия и абсолютного господства марксистских схем. Об этом свидетельствует, например, статья проф. С. С. Дмитриева в “Советской исторической энциклопедии.”

Первые пять изданий “Руководства” вышли в 1870, 1876, 1880, 1886, 1888 годах, после чего книга стала собственностью Училищного комитета при Св. Синоде. С этого момента Знаменский сделал в ней значительные изменения, диктовавшиеся синодальной учебной программой. Правда, как отмечает его биограф — К. В. Харлампович, большинство из них касались не столько идейной и фактической стороны, сколько порядка изложения материала. Знаменский должен был усвоить периодизацию российской церковной истории в соответствии с церковно-историческим курсом архиепископа Филарета (Гумилевского)¹. В таком виде “Руководство” было напечатано в 1896 и в 1904 году.

Передача рукописи “Руководства” Училищному комитету имела и определенные негативные последствия, т. к. впоследствии Синод, бывший (по меткому выражению проф. П. В. Верховского) “хранителем всяких традиций и преданий, хотя бы и не научных,” не позволил Знаменскому отойти от официальной точки зрения по целому ряду церковно-исторических вопросов и переработать некоторые части своего труда. Вот почему в последних изданиях книги оказались неучтенными некоторые новейшие достижения церковно-исторической науки, как, например, исследования выдающегося церковного историка Е. Е. Голубинского. Кроме того Знаменский не смог отказаться от умолчаний о путях и об общем духе петровских церковных преобразований, а также о существовании нового синодального строя Российской Церкви. В “Руководство” также не внесены данные исследований Знаменского о первобытных религиозных верованиях славяноруссов, которым он посвятил несколько академических лекций, читанных в Казани. Но, несмотря на это, сочинение Знаменского и до сего дня остается одним из лучших пособий по курсу русской церковной истории. Вот почему у нашего издательства есть все основания считать полезным переиздание этой книги сегодня, ибо и современные ее читатели почерпнут из неё для себя много полезного и интересного.

Илья СОЛОВЬЕВ

(Вступительное слово к изданию девятому, исправленному. 2000 год, Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории. Москва.)

⁴ Карташев А. В., проф. «Очерки...», т. 1, с. 30.

¹ Преосвященный Филарет (Гумилевский) подразделял историю Русской Церкви на 5 основных периодов: 1) домонгольский, 2) до разделения митрополии, 3) до учреждения патриаршества, 4) период патриаршества, 5) синодальный.

Введение в историю Русской церкви: христианство в России при святом Владимире.

Христианство в пределах России до начала Русского государства.

Древнее предание, занесенное в русскую летопись, говорит, что начало христианства в России положено еще во времена апостольские святым апостолом *Андреем Первозванным*: проходя с проповедью Евангелия Фракию, Скифию и Сарматию, он доходил будто бы до Днепровских гор, где после возник Киев, благословил их и предрек, что на них “воссияет благодать Божия, имать град велик быти и церкви многи имать Бог воздвигнути.” Но после этого еще долго мы не видим никаких признаков христианства по всему пространству будущей Русской земли, за исключением только самых южных ее пределов, где находились старинные колонии греков и где находим очень древние его следы, может быть, действительно относящиеся ко временам святого апостола Андрея. В III веке на устьях Дуная была епархия Скифская или Таматарха. В Крыму христиане были еще во дни святого *Климента Римского*, который был сослан сюда из Рима в 94 году; в IV веке упоминаются здесь епархии Херсонская и Босфорская; в VII и VIII вв. Сурожская и Фульская. В IV веке была епархия у готфов, живших между Доном и Днестром. Из всех этих местностей семена христианства, конечно, удобно могли заноситься и в Россию, но едва ли могли здесь прививаться, потому что падали, так сказать, при пути, на большой дороге, по которой непрестанно двигались в Европу разные азиатские орды.

Более благоприятные условия для успехов здесь евангельской проповеди настали с неопределенного времени поселения в пределах России оседлого народонаселения племен славянских. Славяне были издавна близко знакомы с Грецией, куда они ездили для грабежа, для торговли и для службы в войсках императорских. Есть кое-какие известия и о результатах этого знакомства их с христианской империей, о случаях принятия ими христианства. Таково известие жития святого *Стефана Сурожского* (+ 787) о некоем славянском князе *Бравалине*, который вскоре после смерти святого напал с дружиной на Сурож, разграбил его, хотел ограбить и мощи Стефана, но был поражен чудесною силой и крестился. В житии святого *Георгия Амастридского* передается подобный же рассказ о россах, напавших на Амастриду (в Пафлагонии) и хотевших раскопать гроб святого *Георгия*; пораженный чудом над воинами, вождь их просил молитв христиан, освободил пленных и заключил с жителями союз. — В половине IX века Болгария, Моравия и Паннония услышали евангельскую проповедь первоучителей славянских *Кирилла и Мефодия*, которые изобрели славянские письмены и переложили на славянскую речь Священное Писание и богослужебные книги. Около того же времени призыванием князя *Рюрика* в Новгороде было положено начало Русского государства, которому Провидением суждено было воспользоваться трудами Кирилла и Мефодия более всех других славянских стран; княжеская власть стала соединять разрозненные славяно-русские племена в один народ и таким образом пролагать путь к будущему всенародному крещению Руси.

Киевские князья *Аскольд и Дир* первые подпали под влияние православной Греции и подготовили ему путь в Россию. В 864 году они сделали набег на Царьград. После усердной молитвы император *Михаил III* и патриарх *Фотий* с крестным ходом вынесли на берег Босфора чудотворную ризу Богоматери и погрузили ее в воду. Поднялась буря и стала топить суда россов; только немногие из варваров воротились домой. Пораженные чудом, князья просили крещения. Посланный к ним епископ произвел на киевлян сильное впечатление как своею проповедью, так и, особенно, чудом, бросив в костер Евангелие и потом вынув его из

огня невредимым. Многие руссы тогда же крестились. Вероятно, крестились и князья; по крайней мере известно, что киевские христиане на могиле Аскольда возвели после церковь святого Николая.

По убиении Аскольда и Дира князем в Киеве стал *Олег*, переехавший сюда из Новгорода. Он тоже совершил поход под Царьград, сильно притеснил этот город и успел заключить с греками выгодный мир (в 911 году). Когда его послы были в Греции для заключения мира, греки, по приказанию императора, водили их по церквам, показывали разные святыни и давали наставления в вере. После заключения договора русские еще чаще стали ходить в Византию для торговли, жили там по несколько месяцев при монастыре святого Маммы и ближе знакомились с православием; другие поступали на службу к императору. В 944 году преемник Олега *Игорь* тоже заключил договор с греками; в этом договоре Русь разделяется уже на крещеную и некрещеную; первая клялась в соблюдении договора при киевской церкви святого Илии.

Крещение великой княгини Ольги.

Вдова Игоря *Ольга*, мудрейшая из всей людей, как ее называет летопись, сама пожелала креститься. В 957 году, уже 67 лет от роду, она поехала в Царьград, будучи, по всей вероятности, еще раньше оглашена евангельским учением от православных пастырей Киева; одного из них по имени *Григорий* мы видим даже в числе ее спутников, Крещение ее совершено было патриархом *Полиевктом*; восприемником был император *Константин Багрянородный*. С княгиней в Царьграде были ее племянник, многие знатные женщины, служанки, послы, гости, переводчики; многие из них тоже крестились. По возвращении в Россию Ольга, — в крещении Елена, — до самой кончины своей сияла благочестивой жизнью, “аки луна в ночи,” среди язычников. Она уговаривала к принятию христианства и сына своего *Святослава*, но он не хотел и слушать о крещении. Новая вера была вовсе не по характеру этого воинственного князя и его дружины; над теми, кто принимал крещение, дружина и князь смеялись. Но зато, по всей вероятности, Ольга имела немалое влияние на детей Святослава, при которых оставалась воспитательницей во время постоянного отсутствия его в Киеве. Есть известия, что святая княгиня ездила из Киева по городам и весям земли Русской для проповеди христианства. Она скончалась в 969 году. Сравнивая ее значение со значением святого Владимира, летописец называет ее “зарей утренней, предвещающею солнце.”

После кончины Ольги Святослав воздвиг на христиан гонение, — знак того, что новая вера обратила на себя серьезное внимание языческой партии. При его детях *Ярополке* и *Олеге*, помнивших наставления своей бабки, участь христиан опять облегчилась; надо заметить при этом, что у Ярополка и жена была христианка, какая-то пленная гречанка-монахиня. В 1044 году великий князь *Ярослав* крестил кисти Ярополка и Олега; этот странный факт объясняют именно тем, что Ярослав слышал о расположении своих дядей к христианству. Оба князя погибли в усобице. Их младший брат *Владимир*, севший после них в Киеве, был еще ребенком, когда умерла Ольга, и меньше других братьев подпал под ее влияние; потом он, тоже еще в детстве, увезен был в Новгород, где христианство было менее известно, чем в Киеве, и вырос там под влиянием старой веры. От этого занятие им киевского престола было вместе с тем торжеством языческой стороны в Киеве над христианской.

Обстоятельства крещения святого Владимира.

Новый князь с дядей *Добрыней* на первых порах показали большую ревность к язычеству, стали ставить и украшать в Киеве кумиры. На холме перед своим двором князь поставил Перуна деревянного с серебряной головой и золотыми усами, Хорса-Дажьбога, Стрибога,

Волоса, Симаргла, Мокошь. По словам летописи, никогда еще в Русской земле не было такого гнусного идолослужения, как в это время. В 983 году, после счастливого похода на ятвягов, решено было принести богам даже человеческую жертву. Жребий пал на христианского юношу Иоанна, сына варяга *Феодора*. Отец не хотел выдать сына и оскорбил язычников обличением их безумия. Яростная толпа убила обоих. Судя по немногим известиям летописи, великий князь обладал широкой натурой, способной ко всяким излишествам. Былины народные помнят о его разгульных пирах с дружиной. Летопись говорит о чрезмерном его женолюбии, сравнивая его в этом отношении с Соломоном. Но эта же самая широта натуры делала его способным, при содействии благодати Божией, и к коренному нравственному перевороту.

Славяно-русское язычество, несмотря на свое торжество, не в состоянии было бороться ни с одной из окружающих его религий: ни с мусульманством болгар, ни с иудейством хазар, ни с католичеством Запада, ни тем более с православием греков. А все эти религии оказывали на него сильное давление, как это ясно видно из предания о приходе к Владимиру из разных стран послов с предложением разных вер. Самая ревность князя к языческой вере должна была повести только к большему обнаружению ее несостоятельности и ускорить переворот в убеждениях князя и лучших людей. Начался выбор новой веры. Этот выбор, подробно изображенный в летописном сказании о беседе Владимира с миссионерами разных религий, склонился в сторону греческого православия. Греческий миссионер, по этому сказанию, сильно подействовал на Владимира своим учением об искуплении и будущей жизни и особенно иконой Страшного суда, которую показал князю. По уходе его князь, по совету дружины и градских старцев, послал десять разумнейших мужей в разные страны для испытания разных вер на месте. Ничья вера так не понравилась этим послам, как греческая. Вернувшись в Киев, они рассказывали, что в греческом храме константинопольской Софии они не знали, где стояли — на небе или на земле. В Киеве нашлось и другое доказательство в пользу православия — пример великой княгини Ольги, которая “была мудрее всех человек.” Решено было креститься, ждали только удобного случая к этому. “Пожду еще немного,” — говорил князь, в сердце которого уже начиналось действие призывающей благодати Божией.

В 988 году войско Владимира осадило Корсунь. Подобно другим языческим вождям в подобных же обстоятельствах, князь дал обет креститься в случае победы. Взяв город, он потребовал у тогдашних императоров *Василия* и *Константина* руки их сестры *Анны*, и при этом обещал принять их веру. Императоры согласились, уговорили согласиться и сестру. В ожидании невесты князь разболелся глазами. Прибывшая в Корсунь царевна убедила его ускорить крещение, если он хочет избавиться от болезни. И действительно, как только корсунский епископ крестил его, так он прозрел и, дивясь своему исцелению, воскликнул: “Теперь только узрел я Бога истинного.” Дружина его тоже крестилась. После крещения совершен был брак его с Анной. В память всего этого он создал в Корсуне церковь, вернул город грекам и возвратился в Киев, взяв с собою попов корсунских и царицыных, мощи святого Климента Римского и ученика его Фива, церковные сосуды, кресты, иконы и всякую церковную утварь.

Крещение русских в Киеве.

В Киеве князь крестил своих 12 сыновей и многих бояр; потом велел истреблять идолов; Перуна привязали к конскому хвосту и потащили в Днепр, по дороге били его палками. По истреблении идолов духовенство и князь ходили по городу с проповедью. Многие киевляне крестились с радостью; другие не хотели и слушать проповеди; третьи колебались, как колебался прежде и сам князь. Тогда Владимир выдал повеление, чтобы на другой же день все

некрещенные явились к реке, а кто не явится, будет противником князю. Это решило недомыслие тех, которые колебались. “Если бы новая вера была не хороша, — думали они, — то князь и бояре не приняли бы ее,” и пошли креститься; другие явились на реку из страха. Упорные язычники бежали от княжеского гнева в степи и леса. На другой день после княжеского повеления на Днепре произошло общее крещение народа. Тогда, по слову благочестивого летописца, земля и небо ликовали, видя множество спасаемых. “Боже великий, сотворивый небо и землю, — взывал в радостном восторге Владимир, — призри на новых людей Своих, дай им, Господи, уведать Тебя, как уведали страны христианские, и утверди в них веру правую и несовертимуую.”

Образование Русской церкви.

После крещения князя, дружины и всего столяного города христианство сделалось на Руси верой в собственном смысле господствующей. Вместе с тем последовало образование особой поместной Русской церкви, для существования которой имелись налицо уже все нужные условия. Она имела в Киеве значительную паству, которая вскоре начала еще увеличиваться через распространение истинной веры и вне Киева, среди разных славянских и иноподческих племен Руси; имела свою иерархию, состоявшую из митрополита *Михаила*, епископов и священников, прибывших из Константинополя и Корсуня, и, вероятно, нескольких своих прежних, туземных; непосредственно после крещения народа великий князь стал повсюду строить для ее богослужения святые храмы; постепенно стали определяться и отношения новой церкви к ее матери — церкви Греческой, а равно местные внутренние ее отношения государственного и общественного характера; началась ее борьба со старыми языческими суевериями, и спасительное руководство к преуспеянию новых людей Божиих на пути внутреннего христианского совершенства; одним словом, началась историческая жизнь Православной Русской церкви.

Понятие о науке — истории Русской церкви.

Эта историческая жизнь православной Русской церкви и составляет предмет русской церковной истории. Как наука, систематически изображающая ход постепенного внешнего и внутреннего преуспеяния православной Церкви Христовой в земле Русской, она должна рассказать в частности: 1) как распространялась Церковь Христова среди русских людей и иноподцев Русской земли, побеждая при этом разные препятствия или терпя ущерб со стороны врагов православного христианства, внутренних и внешних, 2) как она устраивалась по своему внутреннему иерархическому строю, как определяла свои отношения к Русскому государству и народу и приспособляла общие вселенские законы и обычаи своего управления, суда и экономического строя к потребностям и укладу местной государственной и народной жизни и, в свою очередь, сама влияла на изменение характера последних, преобразуя их по своим собственным началам; 3) чему и как она учила народ, в какой степени последний усваивал ее учение, в каких особенных, народных формах это учение закреплялось в его сознании, и как своим воспитательным влиянием она постепенно сглаживала эти особенности, приближая христианское сознание своей паствы к вселенскому типу православного учения; 4) какие особенности под влиянием народных понятий и местных жизненных условий обнаруживались в ее православном богослужении, в понятиях народа о христианских святынях, о способах богослужения, о принадлежностях богослужения, обрядах и прочем, и какие воспитательные средства принимала она с своей стороны для устройства и этой отрасли христианской жизни в Русской земле; наконец 5) как под ее влиянием шло в просвещенном ею народе преуспеяние христианской нравственной жизни.

Источники из которых можно почерпнуть относящиеся сюда сведения двоякого рода: одни — общие у истории Русской церкви с русской историей вообще: хронографы, летописи, всякого рода официальные акты и законы, записки современников, письма, памятники литературные, памятники вещественные, памятники бытовые, сказания иностранцев и прочее, другие — частные, относящиеся специально или главным образом к церковной или религиозной жизни России. Сюда относятся: памятники церковного и относящегося к церкви законодательства, правила, грамоты, послания и всякие распоряжения русских иерархов, постановления русских соборов, церковные уставы русских князей и другие законодательные памятники правительства относительно церкви; дела архивов, летописи и акты церковных учреждений — церквей и монастырей, синодики, каталоги иерархов, истории частных епархий по местным первоисточникам, жития святых и сказания о разных святынях Русской земли, жизнеописания церковных деятелей; поучения, проповеди, обличительные и назидательные послания и другие памятники духовной словесности, в которых с той или другой стороны выразилась религиозная мысль и чувство русского человека; памятники церковной жизни вещественные — храмы, иконы, предметы церковной утвари, богослужебные книги; памятники невещественные — устные предания, легенды, народные верования, суеверия, религиозные обычаи, обряды и другие живые остатки народной религиозной жизни прежних времен, оживляющие и уясняющие скудные известия о ней других источников и во многих случаях заменяющие даже и самые эти известия.

Разделение русской церковной истории на периоды близко соответствует обычному разделению на периоды русской гражданской истории. В продолжение первых веков своего существования церковная жизнь России развивается преимущественно на юге, около своего киевского центра, среди неустойчивой удельной обстановки гражданского быта, в борьбе с сильными еще остатками старой языческой жизни и под непосредственным руководством и господственным влиянием Греческой церкви. Период этот продолжался до монгольского нашествия, после которого гражданская жизнь России с юга переместилась на север, в пределы Великороссии, и стала развивать здесь более устойчивый государственный строй; вместе с нею туда же, в новую обстановку великорусского племени, переносится и главный центр жизни церковной — Русская митрополия. Русская церковь, получив здесь тоже большую внешнюю устойчивость и облегчившись от своей первоначальной борьбы с язычеством, начала яснее определять свои отношения к государству и народу, развивать в себе все более и более национальный характер и принимать живейшее участие во всех современных жизненных вопросах, — в облегчении монгольского ига, в объединении страны через ослабление удельного быта, в удержании связи между разрывавшимися двумя половинами Руси — северной и южной, в ослаблении своей собственной зависимости от Греции. Этот период истории церкви завершается политическим разделением Русской Церкви на две половины, Московскую и Киевско-Литовскую, после чего наступает новый период раздельной жизни этих двух ее половин, — внешнего и внутреннего преуспевания Московской церкви и бедствий церкви Киевской среди иноверного государства. Для Московской церкви период этот заканчивается достижением ей полной автономии и возвышением ее на степень самостоятельного патриархата, для Киевской же — присоединением ее к Московскому патриаршеству в общий состав единой Русской церкви. С начала XVIII века настало новое время для всей русской жизни, время нового государственного строя и новых определений касательно государственного положения и внешнего устройства церкви, время усвоения Россией плодов западной цивилизации, а вместе с тем и время многих новых явлений в истории русской религиозности и новых отношений к церкви русского общества, — с этого времени можно начать новый, текущий период русской церковной истории. Таким образом, все течение русской церковной жизни можно разделить на пять периодов: 1) Киевский — до нашествия монголов; 2)

от нашествия монголов до разделения Русской митрополии; 3) период разделенной митрополии; 4) от учреждения патриаршества до реформы Петра Великого; 5) период Синодальный, со времени Петровской реформы до настоящего времени.

Период 1.

От крещения русского народа до нашествия монголов и усиления северо-восточной Руси (989—1237 гг.).

1. Распространение христианской веры.

Распространение христианства при святом Владимире.

После крещения киевлян христианство стало распространяться по всей России. Крестив народ по городам и селам около Киева, митрополит *Михаил* с епископами и Добрыней в 990 г. ходили в Новгород, где произошло такое же низвержение Перуна в Волхов, как в Киеве, и общее крещение народа. Из Новгорода проповедники отправились на восток по Волге и крестили много народа в Ростове и Ростовской земле. Сам Владимир посещал с проповедью веры страну Волынскую, крестил в Киеве даже несколько князей болгарских и печенежских. Дети великого князя, разосланные по уделам, вероятно, тоже заботились о распространении веры между подвластным народом. Так распространялось христианство в главных удельных городах, кроме Новгорода и Ростова, а также в Муроме, Полоцке, земле Древлянской, Владимире Волынском, Смоленске, Пскове, Луцке, Тмуторокани. Вообще же новая вера распространялась преимущественно около Киева и по великому водному пути от Киева до Новгорода; вправо и влево от этой линии, где жили племена, мало подчиненные киевскому князю, она распространялась слабо: чем дальше от Киева, тем христианство было слабее. Даже в Новгороде язычество было все еще сильнее христианства; когда в 992 году явился туда первый новгородский епископ *Иоаким*, то был встречен очень опасным сопротивлением язычествующего народа, которое нужно было преодолевать оружием. Тысяцкий князя *Путяты* вместе с Добрыней усмирили город после злой сечи и пожара, вследствие чего про новгородцев составила пословица: “Путяты крести мечом, а Добрыня огнем.” В Ростове народ выгнал первых епископов *Феодора* и *Иллариона*. В Муроме противодействие христианству довело до того, что заставило удалиться из города самого князя *Глеба*.

Распространение веры при преемниках святого Владимира в XI—XII в.

После Владимира христианская вера продолжала распространяться по всем местам, которых прежде не коснулась или коснулась слабо. Распространению ее много помогало раздробление Руси на уделы, потому что теперь каждый князь заботился о распространении христианства в своем уделе и потому каждый стольный княжеский город становился центром христианства, каким прежде был один Киев для целой Руси.

В Ростове все ещё продолжалась борьба с язычеством. Первые епископы, греки, бежали от ярости язычников в Грецию. Третий епископ, родом русский, святой *Леонтий* не бежал от вверенной ему паствы, хотя язычники и его выгнали из города. Оставив старое поколение, закореневшее в язычестве, он обратился к молодому, — поселившись за городом, стал при-

влекать к себе детей и учить их. Язычники взволновались против него и однажды большой толпой пошли убить святого, но, когда он вышел к ним в своем святительском облачении, с крестом в руках, окруженный клиром, они не имели духа исполнить своего намерения. Сильное наставление святителя так подействовало на толпу, что многие тут же изъявили готовность креститься. После этого Леонтий стал действовать успешнее не только в Ростове, но и в окрестностях. Подвиги его, однако, кончились мученической смертью (около 1070 г.). Преемник его (1077 г.) святой *Исаия*, киевский уроженец и постриженник Печерского монастыря, ходил с проповедью веры по всей Ростовской и Суздальской земле, крестил народ, ниспровергал идолов и строил церкви (+ 1089 г.). В конце XI же века прибыл в Ростов русский инок преподобный *Авраамий* и поселился в хижине на берегу озера Неро. В Ростове вся чудская окраина еще поклонялась тогда идолу Волоса. Авраамий долго учил народ и молился об его обращении. Святой Иоанн Богослов, явившись ему в видении, дал ему жезл на сокрушение идола. На месте сверженного истукана Авраамий основал Богословский монастырь, в котором и был первым архимандритом. В XII веке, благодаря трудам святых Леонтия, Исаии и Авраамия, Ростов был уже весь христианским городом. Вместе с тем христианство успело крепко утвердиться по всей Ростовской земле и в Суздале с его областью.

В Муроме сопротивление язычников христианству было еще серьезнее. Язычество поддерживалось здесь самой глушью этого края, населенного дикой муромой и мордвой. После святого Глеба здесь не было даже особого князя до самого конца XI в., когда на Муромско-Рязанское княжество приехал сын Святослава Черниговского *Ярослав-Константин*, родоначальник рязанских князей и просветитель этого края. Он прибыл в Муром с детьми *Михаилом* и *Феодором*, с духовенством и целой колонией христиан. Язычники встретили его с оружием и убили княжича Михаила. Ярослав занял город и велел строить в нем церкви. Усердие его к обращению жителей в христианство долгое время только усиливало упорство их в язычестве. Однажды, раздраженная ревностью князя, толпа язычников собралась ко двору его с намерением убить его. Святой князь неустрашимо вышел к ней один с иконой в руках. Мятежники были поражены чудесным ужасом и просили крещения. В назначенный день на Оке произошло такое же крещение народа, как в Киеве при святом Владимире. После этого труды Ярослава в пользу святой веры сделались успешнее. До самой смерти (+ 1129 г.) он занимался обращением язычников и строением по своему княжеству церквей и монастырей.

Дольше всех славянских племен оставалось в язычестве племя вятичей. Просветителем их был в XII веке преподобный *Кукиа*, Печерский инок, принявший у них мученическую смерть.

Христианство у инородцев.

Инородческие племена, жившие по соседству и на окраинах Руси, получали христианское просвещение уже от русских, с которыми имели сношения. Менее всех славяно-русских племен отличались влиянием на инородцев племена южнорусские. Среди своей воинственной жизни они мало заботились о прочном, нравственном подчинении себе чуждых народностей и отличались большой терпимостью к иноверию. Но святая вера успевала проникать в степные вежи* и южных инородцев. Есть известия о крещении некоторых половецких князей; крестились также половецкие княжны, на которых женились русские князья, крестились пленники из степей и разные люди, поступавшие к русским князьям на службу. С другой стороны просветителями степняков были иногда их русские пленники. В конце XI века крестился со всем семейством один знатный половчанин, пораженный чудесным освобождени-

* Юрта, кибитка, кочевой шалаш. — *Прим.ред.*

ем своего пленника, Печерского инока преподобного *Никона Сухого*, которого он три года томил в заключении, и которому в предупреждение бегства подрезал на ногах жилы. Другой Печерский иннок преподобный *Евстратий* попал в плен с 50 другими христианами к крымским евреям. Всех его товарищей евреи поморили голодом, а его самого в день Пасхи распяли на кресте. Но, по его предсказанию, всех евреев в Крыму в скором времени постигла казнь от греков. Пораженные исполнением пророчества и чудесами от мощей преподобного Евстратия, многие евреи приняли крещение.

Самым сильным влиянием на инородцев отличались племена северные, селившиеся между финскими народами. Начало такого влияния на инородцев принадлежит Новгороду, который раскинул свои колонии по всему финскому северу. Ближайшие к Новгороду финны стали креститься еще со времен святого Владимира, например, ижора и корела. В 1227 году новгородский князь *Ярослав Всеволодович* посылал к корелам миссию и они все беспрекословно крестились. Более отдаленные от Новгорода и менее восприимчивые инородцы, как например, воть, хранили язычество даже еще в XVI в. Просветителем Вологодского края был преподобный *Герасим* из Киева; в 1147 г. он поселился около небольшого новгородского Торжка Вологды, основал монастырь святой Троицы и 30 лет проповедовал Евангелие обитателям этой дикой страны. Среди чуди заволоцкой на северной Двине христианство появилось еще во времена святого Владимира. В новгородских колониях этого края были церкви и монастыри. При слиянии Сухоны и Юга, уже в пределах древней Биармии, еще в XII в. стоял старый город Устюг, выстроившийся около Троицкого Гledenского монастыря. Семена святой веры разносила по северу и новгородская вольница, хотя вовсе не для ее интересов совершали свои удалые разъезды. В 1174 году две партии повольников проникли в области реки Камы, в страну черемис и вотяков, и заняли их города Болванский, названный потом Никулицыным, и Каршаров, названный Котельничем. Несколько времени спустя, построен был на реке Вятке г. Хлынов, нынешняя Вятка. Во всех этих городах появились русские храмы и утвердилось христианство.

В Приволжском крае из смеси русского и инородческого народонаселения еще в XII в. успело сформироваться крепкое великорусское племя, которое более всех других племен оказало влияние на обрусение инородцев. В половине XIII в. мы уже вовсе не слышим здесь о существовании старого племени мери; все Поволжье до самых селений мордвы было уже чисто русское и православное, кроме разве каких-нибудь лесных захолустьев. В 1221 г. русская колонизация по Волге остановилась в Нижнем. В пределах этого города русские вступили в долгую борьбу с воинственной мордвой, в резерве у которой стояли сильное черемисское племя и волжские болгары. За Нижним встречаем только частные примеры обращения инородцев. Например, князь *Андрей Боголюбский* крестил у себя во Владимире много болгар и евреев. Между болгарями встречаем мученика *Авраамия*, богатого купца, замученного в Болгарии за веру в 1229 г. Мощи его в 1230 году перенесены были во Владимир.

На западе русское влияние должно было остановиться на своем пути близко от своих исходных пунктов — Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска, потому что столкнулось с другим сильным влиянием, которое шло с запада от латинской церкви. В Финляндии просветительная деятельность Новгорода ограничивалась племенами ижоры и корелы. Жившее далее на запад племя ям* было крещено уже латинскими миссионерами из Швеции (в XII в.). На юг от Финского залива русские князья распространяли христианство среди чуди. В 1030 г. Ярослав построил здесь город Юрьев (Дерпт). Преемники Ярослава посылали к чуди священников. Но вскоре и здесь началась деятельность латинских миссионеров; в 1070 годах Эстонией завладели датчане и остановили успехи православия, а в Ливонии в конце XII века

* Вероятно, емь (тавасты). — прим.ред.

основался орден Меченосцев. Еще далее по Неману лучи христианства, впрочем весьма слабые, проникали из России к племенам Литовским, находившимся тогда еще в самом упорном язычестве. В конце XII столетия между ними известны четыре православных князя. Самое сильное влияние на Литву имело княжество Галицко-Волынское, особенно в правление *Романа Мстиславича*, грозного победителя и цивилизатора литовцев.

Обстоятельства, препятствовавшие и способствовавшие быстрому и мирному распространению христианства в России.

Православная вера успела, таким образом, распространиться по всему пространству тогдашней Русской земли как между русскими, так и между инородцами. Такая победа ее над язычеством досталась ей, конечно, не без борьбы; но об этой борьбе, особенно о борьбе в открытой форме, какова была, например, борьба христианства с язычеством в греко-римском мире, до нас дошло очень мало известий, и притом только относительно распространения христианства на севере, — в Новгороде, Ростове и Муроме; к северному же краю главным образом относятся известия о некоторых попытках произвести против новой веры народные волнения со стороны главных представителей язычества — волхвов. Волхвы эти являлись преимущественно во времена народных бедствий, которые суеверный народ склонен был приписывать гневу покинутых богов. В 1024 году, по случаю голода, восстали волхвы в Суздале и стали избивать старых женщин, обвиняя их в том, что они удерживают плодородие. Великий князь Ярослав сам приехал в Суздаль и казнил волхвов. Около 1071 года настал голод в Ростове. По этому случаю из Ярославля пришли два волхва и пошли по Волге, тоже избивая пожилых женщин. Жители приводили к ним своих матерей, жен и сестер; волхвы надрезали у них за плечами и показывали вид, что вынимают оттуда хлеб, мед или рыбу; имущество убитых женщин они забирали себе. Когда они пришли на Белоозеро, с ними было уже до 300 последователей. Здесь встретил их *Ян*, боярин князя Святослава Черниговского. Произошла схватка, в которой был убит священник Яна. Белозерцы едва согласились выдать волхвов. На вопросы Яна волхвы изложили ему свое учение о двух богах — небесном и подземном, о создании тела дьяволом, а души Богом. Ян велел бить их и, привязав к лодке, поволок особой по Шексне и на устье этой реки выдал их на месть родственникам убитых женщин; оба волхва были повешены на дубе. В 1091 году опять было явление волхв в Ростов, но уже не имел успеха и скоро погиб. В Новгороде тоже была сильна вера в волхвов. Новгородцы ходили гадать к финским кудесникам. В 1071 году один волхв хулил христианскую веру и вызывался перейти Волхов, как по суху. Народ взволновался и хотел убить епископа *Феодора*. Епископ явился с крестом на вече и звал к себе всех верных; на его сторону встали только князь *Глеб* с дружиной, а весь простой народ остался на стороне волхва. Глеб убил волхва, и волнение утихло. В конце описываемого времени (1227 г.) уже само вече казнило четверых волхвов. В 1071 году появился волхв в самом Киеве; он утверждал, что ему явилось пять богов, и что, по их откровению, через 5 лет Днепр потечет вверх, Русская земля станет на месте Греческой, а эта на месте Русской. И в Киеве нашлись невежды, которые ему верили; но другие посмеялись над ним, говоря: “Бес играет тобою на пагубу тебе.” В одну ночь волхв этот пропал без вести. Более решительное сопротивление христианству обнаружили инородческие племена, мало или вовсе не зависевшие от влияния княжеской власти, как некоторые племена финнов на севере, литовцев на западе и половцев на юге. Во время войн с русскими половцы наносили христианству много вреда, грабя и разоряя его святыни; в 1095 г. ими разграблена и опустошена была главная святыня Киева — Печерский монастырь.

Славянские и подчиненные им инородческие племена принимали христианство большей частью без сопротивления, отчасти потому, что были уже несколько с ним знакомы раньше, а главным образом — из повиновения власти, которая сама встала во главе нового религиозного движения. Особенно же много помогало успехам христианства то обстоятельство, что оно само распространялось средствами мирными — проповедью, убеждением, и притом на родном славянском языке. Для этого новая Русская церковь воспользовалась всем, что греческая миссия успела выработать для просвещения славян еще раньше в других славянских странах, — славянской Библией, славянским богослужением и первыми славянскими пастырями и учителями, и с самого же начала явилась в России церковью национальной. Для России было великою милостью Божьей то, что она получила свое просвещение христианством не от церкви Римской с ее латинской библией и мессой и с ее противными национальной жизни насилиями, а от церкви православной Греческой, относившейся к национальным началам просвещаемых ей стран с большим уважением. Но, говоря о мирном и быстром распространении христианства в России, нужно иметь в виду распространение его только количественное, от которого было еще очень далеко до истинного, внутреннего усвоения Христовой веры всей массой крещеных тогда людей. К такому внутреннему перевоспитанию своих новых чад православная церковь в России не имела еще ни времени, ни сил. От того после крещения Руси в нашей церковной истории тянется длинный период двоеверия; смешения христианства с язычеством, в котором язычество сначала даже преобладало над христианством. Двоевер чтил и священника, и волхва, последнего даже более, чем первого; от священника он явно уклонялся, как от врага своей священной старины, считая саму встречу с ним не доброй. Множество старых верований и обрядов перешло в само христианство народа и придало ему своеобразную народную окраску, которая заметна в народной вере до позднейшего времени. Отсюда ясна важность вопроса о том, в чем состояло наше древнее язычество, что в нем было слабо и легко уступало христианству, и что особенно сильно и долго удерживалось в народных верованиях.

Древне-языческая мифология, представления о душе и загробной жизни, праздники и обряды.

В эпоху принятия Россией христианства русское язычество находилось еще на низшей степени развития, на переходе от непосредственного поклонения явлениям и силам природы, — солнцу, месяцу, звездам, заре утренней, ветрам буйным, морозу, царю-огню, матери сырой земле, живой воде, зеленой дубраве и прочим, которые доньше призываются в народных заговорах и песнях, — к олицетворениям этих явлений и сил в личных образах. Такие олицетворения распространялись в ней пока только еще на низшие, более простые и понятные божества: на домового — божество домашнего очага, на леших, водяных, русалок, на бабу-ягу — олицетворение зимы и всяких страхов вне дома и вне благодетельного влияния домашнего очага, на деда мороза, на кощя (костяка) — тоже зимнее божество, на божества смерти (нежить, морена), болезней и проч. Но божества высшие — более отвлеченного характера — еще не успели развиться в ней до ясных образов, и известны нам почти по одним только именам. Сюда относятся: Сварог — божество неба, вроде Варуны индусов и Урана греков, которого, вероятно, и имели в виду Прокопий и другие древние писатели, свидетельствовавшие, что славяне поклонялись единому Богу, верховному между другими низшими божествами, затем братья Сварожичи — огонь, высшим проявлением которого были молния и гром, олицетворенные в образе громовника Перуна, и Дажьбог — солнце. Идолы этих Сварожичей видим на киевском холме при Владимире. Вместе с ними там же стояли идолы Хорса — божества зимнего солнца, иначе называвшегося Карачуном (хрс., крш., крч.), Стрибога — деда

ветров. Волоса — бога скота, и непонятных божеств Симарглы и Мокоши, из которых первую считают богиней молнии, вторую водяной богиней, морской царевной Ладой, супругой солнца*. Были у славян и божества темные, злые, как, например, смерть, мороз, карачун и другие. По космогоническим преданиям, в создании и жизни мира участвовали и те и другие — одни создавали, другие портили и разрушали созданное первыми. Земля возникла первоначально из воды в виде острова, известного в народных преданиях под именем Буяна, на котором живут все буйные, вечно деятельные силы, отцы и матери всего живущего; поэтому к Буяну и силам, находящимся на нем, и доселе обращаются в разных случаях за помощью народные заговоры. Живя одной жизнью с природой, славянин и душу свою роднил с природой, представлял ее в материальном виде, в виде воздуха или огня — частицы царя огня, ставил в тесную связь со светилами, со звездой, под которой родился человек, и считал все проявления ее жизни какими-то напускными и наносными. Вся жизнь его была окружена приметами по разным явлениям природы, поверьями, чародейными средствами, заговорами и таинственными, кудесническими обрядами. Была сильно развита вера в судьбу, в то, что человеку “на роду написано”; божества судеб или долей каждого человека назывались Рожаницами и считались покровительницами женщин и детей. В памятниках старины упоминается еще божество Род, — это, вероятно, общее божество судьбы. Будущую жизнь русские славяне представляли в форме настоящей, а потому погребали или сжигали покойников вместе с разными принадлежностями их обыденного быта. Путь на тот свет лежал, по их верованиям, через море, поэтому покойника погребали или сжигали в ладье и клали с ним деньги за перевоз. Над умершим совершалась пьяная, шумная тризна. Сохранялись следы поклонения душам предков, например, в чествовании домового, самое название которого дедом указывает на его родовое значение, в почитании Чура или Щура (пращур, предок), именем которого заклинали в опасностях и божились при спорах о собственности, в поверьях о кикиморах и русалках, что они — суть души некрещеных людей (в старину все были некрещеными).

По своему богослужебному развитию славяно-русская религия стояла тоже еще на низшей, переходной степени от частного, домашнего культа к общественному. Последний был очень слабо развит, так как и сами славянские роды жили между собою еще разрозненно, и начинал устраиваться только в городах, где уже завелись кумиры, но не имел еще ни храмов, ни жрецов. У славян, правда, были волхвы, но они не были постоянными общественными жрецами, а только временными посредниками между людьми и богами в особенных, чрезвычайных случаях. Совершителями постоянных обрядов оставались в семьях главы семей, а в общих религиозных собраниях, если в их обрядах, песнях и жертвах не участвовали все собравшиеся вместе, толпой — выборные старики или девицы. Круг языческих праздников определялся годовыми поворотами солнца, — главного божества славянина-земледельца. Зимний солнцеворот сопровождался праздником коляды, когда праздновалось рождение летнего солнца, царство которого должно заменить царство зимнего солнца — Карачуна. Главными принадлежностями праздника были колядование — сбор на общую жертву юному богу — и общие взаимные благопожелания и гадания по поводу обилия и счастья на будущий год. За ним следовали весенние праздники: встреча весны, праздник красной горки, которая только лишь показалась из-под снега, радуница, которая оживляет даже покойников, и разных периодов возрастания и возмужания юного бога. Он является в обрядах и песнях то в виде Яра, Юра, Юрия, слившегося потом со святым Георгием, отмыкающего землю, выпускающего траву для скота, то в виде Власия, выгоняющего коров на пастьбу, с его масляным культом,

* Мокошь — единственное женское божество древнерусского пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Сварога и Велеса, Симарга (Семаргл) — божество огненных жертвоприношений, обычно являющееся в виде вещи орлоподобной птицы. — *прим.ред*

то в виде юного Лада, влюбленного в прекрасную Ладу, ее жениха, воспеваемого особенно в праздник семика. Летний солнцеворот, когда вся природа приходила в полную, чародейную силу, ознаменовался торжеством купалы — праздником брака солнца и Лады, с очистительными кострами, с собиранием чародейных трав, поверьями о таинственных обрядовых сборищах ведунов и ведьм на Лысой горе. Последний праздник ярилы выражал уже обессиление и погребение ярого солнца.

Понятно, что малоразвитые в сознании язычников высшие божества после введения христианства должны были забыться скорее, чем божества низшие, более ясные и более близкие к человеку, жившие вместе с ним в его избе, в его родной реке, в лесу и повсюду, куда он ходил с своим топором, косой и сохой. Что касается до обрядов языческого культа, то для действия духовной и гражданской власти из них, разумеется, доступнее были обряды богослужения общественного, отличавшиеся более открытым характером; проникнуть в самое святилище русского язычества, бывшего исключительно семейной религией, — в темные углы домашнего быта с его тайными, частными обрядами, — ни та, ни другая власть не имели средств, и эти домашние обряды долго сохранялись целиком. Целиком так же остался в народе и языческий взгляд на природу с его приметам, чародейными средствами, суевериями и обрядами, которыми обставлены были каждый шаг славянина, каждый предмет его домашнего обихода.

На такой же, даже еще более низкой степени развития стояли в России и религии инородцев. Исключение составляла разве только более других развитая религия литовцев, имевших у себя богатые храмы и сильную жреческую иерархию. Из особенностей финских религий обращает на себя внимание большее, чем у славян, развитие в них дуализма; светлым богам разных наименований (Юма, Тора, Пас) с их многочисленными семьями в этих религиях резко противопоставляются божества темные, злые (керемети и шайтаны): последние чтились даже более, чем первые; финские волхвы занимались главным образом умилостивлением именно злых богов, а не добрых.

Попытки римского католичества утвердиться в России.

Кроме язычества, православная церковь в России должна была вести борьбу еще с латинством, которое в эпоху крещения Руси успело уже совсем отделиться от Греческой церкви и всеми силами старалось привлечь на свою сторону как можно больше земель в Европе. Внимание Римской церкви более всего привлекали новопросвещаемые славянские страны — Болгария, Моравия, Богемия, Польша, наконец, Россия. В Россию Рим засылал миссионеров еще при великой княгине Ольге, затем при Владимире. Поэтому и греческий миссионер, проповедовавший православную веру при дворе Владимира, и греческие пастыри, крестившие князя в Корсуне, считали нужным прежде всего предостеречь его от учения римлян. В 991 г. в Россию опять приходили послы от папы, и патриарх нашел нужным послать великому князю послание с увещанием не сообщаться с зловерными латинами, а русский митрополит Леонтий написал против латинян сочинение об опресноках. По случаю брака сына Владимира *Святополка* с дочерью Болеслава польского с последней в Россию приехал кольбергский бискуп *Рейнберн* и приобрел большое влияние на *Святополка*; он рассчитывал воспользоваться этим князем, как орудием, для отклонения Русской церкви от востока к западу и принял участие в восстании его против отца; Владимир заключил обоих в тюрьму, где Рейнберн и умер. В 1070-х годах латинская пропаганда воспользовалась распрей между сыновьями великого князя *Ярослава*. Великий князь *Изяслав* Ярославич, изгнанный из Киева братьями, решил обратиться за помощью к знаменитому по своему властолюбию папе *Григорию VIII*. Папа поспешил отправить к нему послов. Но князь успел возвратить себе Киев и

без помощи папы. В 1080-х годах предложение о соединении Русской церкви с Римом было сделано папой *Климентом III* митрополиту *Иоанну II*, но последствием этого предложения было только послание митрополита к папе с обличением заблуждений Римской церкви. В 1207 г. папа *Иннокентий III* прислал послание ко всем русским князьям, духовенству и народу, в котором говорилось, что, хотя они и давно уже удалены от сосцов своей матери, т.е. церкви Римской, но он доселе не может подавить в себе отеческих к ним чувств и зовет их к себе; вся Греческая церковь признала власть апостольского седалища (указание на взятие Константинополя крестоносцами), — ужели же часть ее (Русская церковь) не последует за целым? В 1227 г. такое же послание было прислано русским князьям от папы *Гонория III*. Но все такие попытки пап оставались без последствий, а появившиеся около 1230 г. в Киеве доминиканцы за свою католическую пропаганду в 1233 г. были изгнаны великим князем Владимиром Рюриковичем. Успехи католичества ограничивались только некоторыми землями на западе Руси, где латинская пропаганда действовала с помощью вооруженной силы датчан, овладевших Эстонией, ордена Меченосцев в Ливонии и венгров в Галицком княжестве.

Орден Меченосцев.

До основания ордена в Ливонии с половины XII в. проповедовали латинские монахи, приезжавшие с бременскими купцами; во главе их стоял монах *Мейнгард*, бывший потом ливонским епископом. Латинская миссия, подкрепляемая военными дружинами и не гнушавшаяся насильственных мер, скоро вызвала целый ряд восстаний со стороны ливонцев. Даже те из них, которые уже крестились, снова возвращались к язычеству и бросались в Двину, чтобы смыть с себя принятое крещение. Тогда епископ *Албрехт*, с согласия папы, учредил для распространения между ними христианства духовный рыцарский орден Меченосцев, главной резиденцией которого стал город Рига, выстроенный в 1200 г. Восстания туземцев были подавлены жестокими мерами. По всей стране немцы настроили замков и крепко утвердили свое суровое фанатическое владычество над ливонцами. Вскоре они проникли и в Эстонию, завоевали у русских Юрьев, а от датчан получили Ревель. В той и другой стране влияние русских было устранено на долгое время.

Распространение латинства в Галицком княжестве.

Самая западная часть южной России — Галиция тоже подвергалась владычеству латинства. В конце XII в. она была покорена венграми, которые воздвигли в ней настоящее гонение на православие. *Роман Мстиславич* волынский избавил ее от их насилий и присоединил к своему Волынскому княжеству. Сильный князь обратил на себя внимание папы *Иннокентия III*. Это было во время самого широкого развития папской власти, когда папа раздавал королевские короны, когда самый Царьград был в руках крестоносцев. В 1204 г. явился к Роману легат папы, обещал ему королевскую корону, если только он покорится св. престолу, и уверял в содействии папского меча. “А такой ли меч у папы?” — спросил князь, ударяя по своему мечу. Но вскоре после этого гордого приема папского посла при малолетних сыновьях Романа, *Данииле* и *Васильке*, Галич снова сделался жертвой венгров, которые посадили в нем своего королевича *Коломана*. Явились латинские священники и монахи и выгнали из города православное духовенство, из православных церквей сделали костелы, а народ стали принуждать к латинству. В 1220 г. *Мстислав Удалой* снова избавил Галич от венгров, но сам испортил свое благое дело, выдав свою дочь замуж за брата Коломана и отдав Галицию за ней в приданое. После его смерти (1228 г.) здесь опять началось усиленное распространение латинства, а православие подверглось гонению, которое облегчилось уже в начале 1240-х го-

дов, после того, как Галицким престолом завладел опять русский князь, сын Романа — Даниил.

2. Устройство Русской церкви; церковное управление.

Начало Русской митрополии.

Русская церковь была устроена в виде особой митрополии Константинопольского патриархата. Первым ее митрополитом был пришедший с Владимиром из Корсуня *Михаил* (+ 992). Все время его святительства прошло только в первоначальном распространении по России христианства, вследствие чего Русская митрополия при нем еще не успела устроиться. Первое правильное устройство дал ей преемник его *Леонтий* (+ 1008 г.), который в 992 г. разделил ее на епархии и назначил первых епархиальных епископов. Кафедру свою первые митрополиты до великого князя Ярослава имели в Переяславе, потом при Ярославе, когда был устроен киевский Софийский собор с митрополичьим домом, перешли на жительство в Киев.

Митрополиты греки.

Русские митрополиты и избирались и посвящались в Греции самим патриархом с согласия императора и, разумеется, из греков. В России они поэтому были люди чужие и по происхождению, и по языку, и по национальным симпатиям, и не возбуждали к себе особенного доверия ни в князьях, ни в народе. Нужно при этом иметь в виду и ту дурную репутацию, какой греки исстари пользовались на Руси и которая выразилась в заметке летописца: “суть бо Греци льстиви и до сего дне.” Притом же на Русскую митрополию присылались даже не лучшие люди из греков. Из 25 митрополитов греков в первые 4 с половиной века существования Русской Церкви не более 5-6 человек заявили себя просвещением и благочестием. Таковы были: *Георгий* (с 1062 г.), человек образованный но, как чуждый пастырь, покинувший свою паству во время междоусобия детей Ярослава; преемник его *Иоанн II* (с 1077 г.), по свидетельству летописи, умудренный книгами, ласковый ко всем, смиренный, молчаливый и вместе с тем речистый, когда нужно было святыми книгами утешать печальных; *Никифор I*, известный своими посланиями к Мономаху. Другие только вскользь упоминаются в летописях, а об одном — *Иоанне III* (с 1089 г.) даже прямо замечено, что он был не книжен и прост умом. Между тем, немногие митрополиты из русских все оставили после себя самую хорошую память и по своему образованию, и по благочестию, и по благотворному влиянию на паству*.

Попытки к избранию митрополитов из русских.

Не мудрено, что у великих князей рано явилась мысль об избрании митрополитов из русских. После смерти м. *Феопемпта* греки 3 года не присылали нового митрополита. В это время только что кончилась война Ярослава с греками, в которой греки варварски ослепили 800 русских пленников. И вот в 1051 году “Бог князю вложи в сердце” поставить митрополи-

* Порядок митрополитов был следующий: 1) Михаил; 2) Леонтий; 3) Иоанн (с 1008 г.); 4) Феопемпт (с 1036 г.); 5) Св. Иларион (с 1051 г.); 6) Георгий (с 1062 г.); 7) Св. Иоанн II (с 1077 г.); 8) Иоанн III (с 1089 г.); 9) Ефрем (1089 г.); 10) Николай (1097 г.); 11) Никифор (с 1104 г.); 12) Никита (с 1122 г.); 13) Михаил (с 1130 г.); 14) Климент Смолятич (с 1147 г.); 15) Константин (1156 г.); 16) Феодор (с 1161 г.); 17) Иоанн IV (с 1164 г.); 18) Константин II (с 1167 г.); 19) Никифор (с 1182 г.); 20) Матфей (с 1201 г.); 21) Кирилл (с 1224 г.); 22) Иосиф (с 1237 г.).

та из русских и собором русских же епископов, — поставлен был *Илларион*, священник княжеского села Берестова. Новый святитель, впрочем, в том же году испросил себе благословение патриарха. Он был муж благочестивый, часто уединялся для молитвы в пещеру, которую выкопал в горе недалеко от своего села, и кроме того, был известен своим просвещением. Несколько времени спустя, в конце XI века, видим еще митрополита из русских св. *Ефрема*, бывшего прежде придворным великого князя Изяслава, потом епископом Переяславским. И он был известен, как святой муж и чудотворец; свое управление и переяславской епископией, и митрополией он ознаменовал строением многих церквей, больниц и странноприимниц. Поставление на митрополию он, впрочем, получил не в России, а в Греции.

После Иллариона другой пример независимого поставления митрополита из русских видим в 1147 году при *Изяславе Мстиславиче*. Вследствие неудовольствия на митрополита *Михаила*, который покинул свою паству во время княжеских смут и ушел в Грецию, а также вследствие смут из-за патриаршего престола в самой Греции, великий князь собрал в Киеве собор для поставления митрополита из русских. Выбор пал на *Климента Смолятича*, схимника и затворника, и вместе с тем человека книжного, философа, какого на Руси прежде не бывало. О личности его не было спора, но возник важный вопрос, можно ли посвящать митрополита в России одним епископам без патриарха. Три епископа, — Новгородский *Нифонт*, Смоленский *Мануил* и Полоцкий *Косьма*, решали этот вопрос в интересах греческого патриарха отрицательно. Напротив, 6 епископов из русских доказывали, что по церковным канонам собор епископов всегда может поставить себе митрополита; им легко было бы опровергнуть крайнее мнение греческой партии, если бы они сами не впали в крайность, настаивая на праве епископов ставить митрополита без благословения патриарха. Греческая партия оперлась на эту ошибку противников и заставила их прибегать к странным уловкам. *Онуфрий* Черниговский предложил заменить благословение патриарха поставлением митрополита посредством главы Климента римского; греки ставят же, утверждал он несправедливо, рукою Иоанна Предтечи. Спор не кончился ничем определенным. Климент был поставлен, но греческая партия не признала его митрополитом и была им за это преследуема. Нифонт был посажен в тюрьму в Киеве; Мануил спасся от тюрьмы только бегством. Но и положение Климента было не прочно; его не признавал соперник Изяслава, сильный князь *Юрий Долгорукий*. Сделавшись великим князем после смерти Изяслава (1155), он изгнал Климента и выпросил у патриарха другого митрополита — *Константина*. Нифонт, уже выпущенный из тюрьмы, с радостью ехал из Новгорода на встречу новому святителю греку, но не дождался его и умер в Киеве. Греческая партия торжествовала, новый митрополит запретил служение всем ставленникам Климента и даже проклял умершего князя Изяслава, но когда по смерти Юрия (1158 г.) Киевом овладели дети Изяслава и посадили великим князем своего дядю *Ростислава* Смоленского, и этот митрополит должен был оставить кафедру. После этого Ростислав выписал из Греции третьего митрополита — *Феодора*. Константин скоро умер в Чернигове, где поселился у своего земляка, епископа Антония, но Климент еще оставался в живых, и был устраним от кафедры единственно по внушениям греческой партии. Уже после смерти митрополита Феодора (1162 г.) Ростислав решил вернуть Клименту митрополию, и отправил в Царьград посла испросить ему благословение патриарха. Но посол этот встретил на пути посла царского, шедшего в Россию с новым митрополитом *Иоанном*, назначенным из Царьграда без ведома великого князя. Это так рассердило Ростислава, что пришедший в Киев царский посол едва уговорил великого князя принять Иоанна. “Если патриарх, — сказал великий князь, — еще поставит митрополита без нашего ведома, то не только не приму его, но и закон сделаем вечный избирать и ставить митрополита из русских, с повеления великого князя.” С этого времени при избрании на Русь митрополита в Греции действительно стали более соображаться с волей великого князя.

Зависимость киевских митрополитов от патриарха.

Но сама возможность таких иерархических смут показывает, что Русской церкви еще рано было помышлять о своей независимости от церкви Греческой. Среди своей полуязыческой паствы и при неустойчивости гражданских основ удельного времени ей еще не на что было опереться внутри самой России. Митрополит, избранный дома и из своих людей, мог легко подвергаться разным случайностям княжеских счетов и усобиц, да и сам не мог возвыситься над этими счетами и усобицами — держаться в отношении к ним беспристрастно и независимо. Легко могло случиться и то, что враждующие между собой князья избрали бы для себя нескольких митрополитов в одно время, — тогда удельная рознь стала бы угрожать разделением самой Русской Церкви. С этой стороны иметь митрополитом человека постороннего, чуждого местным удельным счетам и вместе с тем независимого от местной княжеской власти, до поры до времени было нужно пока не только для Русской церкви, но и для самого государства. Зависимость же митрополита от заграничной власти греческого патриарха была не велика и не могла быть большой помехой ни для его собственной церковно-правительственной деятельности, ни для самобытного развития местной церковной жизни. Греческая церковь не стремилась к порабощению себе народов, как церковь Римская. Русский митрополит с самого начала был поставлен совершенно самостоятельным первосвященником своей поместной церкви; вся зависимость его от патриарха ограничивалась только его избранием и посвящением от последнего, да еще обязанностью участвовать по возможности на патриарших соборах и в особенно важных или сомнительных случаях подчиняться определениям этих соборов. Внутри своего ведомства он вершил все церковные дела самостоятельно, или сам лично, или с собором местных епископов, которые часто собирались около него в Киеве. Решения его признавались окончательными и переносились на суд патриарха чрезвычайно редко, чему, кроме политической независимости России от Греции, способствовали даже самая отдаленность их одной от другой и разные неудобства частых сношений.

Взаимные отношения между властями церковной и гражданской и значение иерархии в делах гражданских.

Не тяжело и на первых порах даже полезно было иметь среди себя чужую иерархическую власть и для самого государства. Православная церковь не соблазнялась мирским владычеством, как Римская, хотя на Руси соблазн этот мог быть особенно для нее силен. Церковная иерархия явилась здесь в виде крепко сплоченного общества более или менее образованных лиц, хорошо знакомых с политической мудростью своей тысячелетней империи, воспитавшихся на началах вселенского римского права и при этом еще бывших подданными чужого сильного, по крайней мере вполне развитого, государства; она сразу должна была приобрести здесь громадный авторитет не только духовный, но и политический. Младенчествовавшее государство Руси само добровольно устремилось под опеку церкви; князья, начиная с Владимира, сами призывали митрополитов и епископов к участию в своих государственных делах; на княжеских советах и съездах на первом месте после князей видим духовенство. Но, верная своим православным, греко-восточным понятиям об отношении духовной власти к светской, русская иерархия не воспользовалась выгодами своего положения для того, чтобы создать для себя в юном государстве самостоятельное церковно-политическое могущество, как это делали в юных государствах Европы представители иерархии латинской, а напротив, употребляла все свое влияние на устройство самого же государства, на воспитание и укрепление в нем слабой княжеской власти. Она принесла на Русь неведомые еще здесь понятия о верховной власти, поставленной от Бога. Советуя св. Владимиру казнить

разбойников, епископы, с которыми он советовался о строе земляном, говорили ему: “Князь, ты поставлен от Бога на казнь злым и добрым на помилование.” Так с самого начала определилась важная задача духовенства в нашей истории — содействовать развитию верховной власти. Самое единство русской иерархии способствовало ему к выполнению этой задачи, стягивая все уделы к Киеву, где сидел общий русский митрополит, и тем усиливая власть великого князя киевского. К той же цели направлялись и все политические наидания князьям лучших иерархов, всегда склонявших их к миру, единению и повиновению великому князю. Русские иерархи вступались почти в каждую усобицу князей, как общие миротворцы и ходатаи за общее благо народа. Митр. *Николай* в 1197 г. удержал князей от усобицы по случаю ослепления Василька Волынского: “Если станете воевать друг с другом, — говорил он, — то поганые возьмут землю Русскую, которую приобрели отцы ваши; они с великим трудом и храбростью поборали по Русской земле и другие земли приискивали, а вы хотите погубить землю Русскую.” Митр. *Никифор* говорил князю киевскому Рюрику: “Князь! Мы поставлены от Бога в Русской земле, чтобы удерживать вас от кровопролития, да не проливается кровь христианская в Русской земле.” Митр. *Кирилл I*, бывший пред самым нашествием монголов, в течение всего своего святительства ездил по России из конца в конец и везде мирил враждовавших князей. Где не действовали увещания, иерархи удерживали князей от усобиц грозой святительской клятвы. Во время княжеских переговоров послами постоянно видим тех же всеобщих миротворцев — духовных лиц; их слово было авторитетнее, чем слово мирских послон; притом же своим саном они были ограждены от обид, от которых тогда не спасало иногда и звание посла.

Понятно, по какому образцу духовенство должно было воспитывать юную княжескую власть. Идеалом государства у него была Византийская империя, с которой одни иерархи, греки, были знакомы непосредственно, а другие, русские, через Кормчую, источник их юридической мудрости. И сами князья смотрели на империю с благоговением. Те из них, которые были в родстве с императорами, пользовались особенным почетом; например Борис и Глеб, или Владимир Мономах, потому что они “святились царски.” Митр. Никифор, восхваляя Мономаха, говорил, что его Бог “из утробы помаза, от царской и княжеской крови смесив.” В знак уважения князей часто титуловали “царями,” титулом, который у нас обыкновенно прилагался к императору. О Мономахе составилось предание, по которому империя в лице императора Алексея Комнена передала русскому князю знаки царского сана — венец и бармы, а греческий митрополит *Неофит* совершил над ним обряд царского помазания. Это предание имело потом большой вес на Руси, указывая на преемственность русского самодержавия от греческого. Образец царской власти был таким образом дан; но еще много требовалось времени, чтобы он нашел себе приложение в самой жизни Русского государства. Среди удельных порядков сама иерархия могла пока говорить только о единстве и мире земли и о повиновении младших князей старшему, как отцу. С наибольшей ясностью мысль о верховной власти усвоена была только в северной Руси, где впервые явились князья самовластцы, Андрей Боголюбский и Всеволод. Владимирская летопись говорит о своих князьях несравненно с большим благоговением, чем новгородская и южные летописи. Рассказав, например, об убиении великого князя Андрея, она предает убийц проклятию и долго распространяется о святости княжеской власти, сравнивает князя по власти с Богом, доказывает, что противник власти противится Богу и проч.

Первые епархии в России.

Церковная жизнь, однако, во многих отношениях и сама не могла не подвергаться влиянию удельного строя государства. Удельное деление Руси прежде всего отразилось на епар-

хиальном делении. Первое разделение Русской церкви на епархии, как мы видели, было произведено в 992 году митрополитом Леонтием. Всех епархий, устроенных тогда, летопись перечисляет 6: в Киеве, Новгороде, Чернигове, Ростове, Владимире Волынском и в Белгороде, но прибавляет к этому перечню, что тогда же поставлены были епископы и в другие города, может быть — в Тмуторакань, Туров и Полоцк, где сидели князьями дети Владимира. В течение последующего времени до половины XII в. открылось еще несколько епархий, так что всех стало 15, сверх митрополичьей Киевской: Новгородская, Ростовская, Владимирская на Волыни, Белгородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Холмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская и Владимирская на Клязьме. Границы их близко совпадали с границами соответствующих им удельных княжеств. Вследствие религиозного строя древнего общества всякий общественный союз сосредоточивался обыкновенно около какой-нибудь святыни, храма, и являлся, смотря по величине, в форме или прихода, или епархии. Новый удел, выделившись из старого, стремился сделаться самостоятельным и в церковном отношении, завести у себя особую епархию, потому что гражданская самостоятельность без церковной казалась неполной. Так, в XII в. после выделения новых удельных княжеств из старых, из Переяславского удела — Смоленского, из Волыни — Галицкого, из Черниговского — Рязанского, явились и новые епархии, Смоленская — в 1137 году, Галицкая — в 1157 году, Рязанская — в 1198 году. С падением удела уничтожалась и епархия; например, в конце XI в. после разорения половцами Тмуторакани пала и тамошняя епархия. Возвышение земли возвышало и ее епархию; в 1165 г. богатый Новгород выхлопотал своему владыке *Иоанну* титул архиепископа, — тогда еще первый и единственный на Руси. Далее, как ни крепко было единство Русской церкви и как ни заботилась она о том, чтобы сохранить это единство, обычное стремление каждого удела к самостоятельности, к меньшей зависимости от Киева и к жизни особняком нередко отражалось и на церковных отношениях епархиальных епископов к митрополиту и стесняло его законные права и полномочия.

Отношения епископов к митрополиту, порядок их избрания и отношения их к своим князьям.

Зависимость епископов от митрополита была не велика, ограничиваясь почти одним только их поставленным на епархии. Делами своей епархии каждый из них управлял вполне самостоятельно, при помощи своих наместников из почетных духовных лиц, своего “клироса” или соборных священников, составлявших при нем постоянный кафедральный совет, и светских десятильников по разным епархиальным округам, заведовавших главным образом архиерейскими сборами с округов. Митрополит вмешивался в их дела весьма редко, только в особых случаях и по каким-нибудь жалобам. Но для удельных земель тяжела казалась и такая зависимость, хоть и немного, но все-таки тянувшая их к Киеву, в подчинение не одному митрополиту, но также и киевскому великому князю, и они старались по возможности ее ослаблять. Как великие князья стремились к ограничению власти патриарха в избрании митрополитов, так, в свою очередь, удельные князья и жители уделов стремились ограничить власть митрополита в назначении своих епископов. В XII в. вошло уже в общий обычай ставить епископов не иначе, как по избранию удельных князей и народа. В 1183 г. *Всеволод III* не принял назначенного в Ростов епископа *Николая* Грека, потому что митр. Никифор при назначении его не испросил согласия князя и народа. Летописец выразительно заметил по этому поводу: “несть бо достойно наскакати на святительский сан, но его же Бог позовет, князь восхощет и людие.” В княжеских уделах главный голос при избрании епископа принадлежал князьям, а в Новгороде, где вече было сильнее князя, с XII века видим народное

избрание владык. Известный нам Нифонт был последним владыкой, присланным из Киева; его преемник *Аркадий* был избран уже на вече. В этих выборах обыкновенно участвовали князь, духовенство, софияне (лица принадлежавшие к ведомству Софийского собора и владычной кафедры) и народ. В случае несогласия избирателей прибегали к жребию; для этого жребии избираемых клали на престол святой Софии и посылали вынимать их слепца или младенца; первый вынутый жребий обозначал избранника святой Софии. Избранного владыку посылали в Киев для посвящения. В исправление должности он вводился, впрочем, до посвящения, и в качестве нареченного владыки управлял всеми делами епархии, иногда года по два и больше. Выбор во владыки падал всегда на своего новгородца, тогда как в других местах князь принимали к себе в епископы и чужих людей, которых по чему-нибудь успевали заприметить во время своих переходов по уделам. К особенностям Новгорода относится и то, что владык выбирали здесь не из одних иноков, но и из белого духовенства (владыки *Илия* и *Гавриил*).

Воля князя или народа могла быть причиною и изгнания епископов, даже без церковного суда. В 1157 году Андрей Боголюбский выгнал из Ростова епископа *Нестора* за то, что он не разрешал постов в господские праздники. В 1159 г. ростовцы выгнали епископа *Леона* за то, что он “грабил (отягощал поборами) попов.” В 1168 году Святослав черниговский изгнал епископа *Антония* грека. В Новгороде владык изгоняло вече. Особенно не прочно было здесь положение владык, выбранных по влиянию только одного князя, без согласия веча. В 1211 году новгородцы свергнули владыку *Митрофана*, избранного князем Всеволодом владимирским и его партией, а на его место, с согласия князя Мстислава Удалого, выбрали хутынско-го монаха *Антония*. Но по уходе Мстислава опять усилилась владимирская партия и провозгласила владыкой опять Митрофана. Антоний не уступал своего места, и новгородцы теперь только вспомнили о суде митрополита, которому и предоставили сделать выбор между двоими владыками. Митрополит оставил в Новгороде первого по времени Митрофана, а Антонию дал другую епархию. В 1228 году во время святительства владыки *Арсения*, по случаю долгой дождливой осени, вече решило: “Это из-за Арсения стоит у нас так долго тепло,” и изгнало владыку из города.

До чего могло дойти влияние удельной розни на иерархию, показывает знаменательная попытка северной Руси отделиться от церковного влияния южной. Это было в половине XII века при великом князе Андрее Боголюбском, когда северо-восточная Русь усилилась, приобрела влияние на Киев и стала заводить у себя новые самодержавные порядки. Владимирский князь был сильнее киевского, но в Киеве был митрополит, а во Владимирском княжестве только ростовский епископ. И вот великий князь Андрей отправил посла к патриарху *Луке Хрисовергу* с просьбой поставить ему во Владимир особого митрополита; у него был уже готов и кандидат на новую митрополию, его любимец *Феодор*. Патриарх отказал, ссылаясь на то, что разрывать единство русской митрополии будет противно канонам, и посвятил Феодора только в епископа. Великий князь отказался от своего желания, но гордый Феодор, разочаровавшись в надежде сделаться митрополитом, хотел по крайней мере освободиться от подчинения киевскому митрополиту (Константину), — ссылаясь на то, что получил посвящение от самого патриарха, он не поехал в Киев за благословением митрополита. Митрополит послал во Владимир грамоту с увещанием не признавать Феодора епископом. Многие послушались этой грамоты; тогда Феодор пришел в такое раздражение, что совершенно обезумел, затворил во Владимире все церкви и принялся обирать, мучить и казнить своих противников. Князь Андрей за его жестокость наконец выдал его митрополиту, а митрополит Константин “обвинил его всеми винами и велел отвезти на Песий остров, где ему урезали язык, руку правую отсекали и глаза выкололи.”

Таким образом церковь выдержала напор удельного влияния без потери своего единства. Само влияние общества на ее иерархию обратилось в ее же пользу, несмотря на несколько частных случаев, в которых страдал ее канонический порядок. Иерархия, вследствие своего выборного значения, получила народный характер, сделалась своей для общества и сама приобрела на него сильное влияние. В пределах своей епархии каждый епископ был первым и самым влиятельным человеком во всех гражданских делах, был также нужен для удельной области, как князь. Новгородцы не могли себя и представить без владыки. С благословения местного святителя делались все дела, так что он невольно втягивался во все местные земские интересы. Мы видим его в челе * удельного посольства к князю с приглашением на княжеский стол; он же принимал вновь приехавшего князя и совершал обряд его посажения на стол; в княжеской думе святитель был первым советником, внушал князю миролюбивые отношения к родичам, и предстательствовал перед ним за благо удельного народонаселения. Особенно отличались своим земским значением новгородские владыки, в половине XII века бывшие всегда природными новгородцами. Городское вече и собиралось большей частью около святой Софии и владычного двора. Даже печальная судьба некоторых владык показывает, как тесно была связана жизнь новгородской иерархии с переменами в местной гражданской жизни.

Законы церковного управления.

Основанием для внутреннего церковного управления служил *Номоканон*, несомненно существовавший у нас в славянском переводе, потому что из него делали заимствования в свои уставы наши князья, правила его цитировали в своих сочинениях чисто русские авторы, например Феодосий Печерский и Кирик. Инок XVI века Зиновий Отенский сам видел в свое время два списка Кормчей от времен князей Ярослава и Изяслава, сына Ярославова перевода “первых переводник,” по всей вероятности болгарские. Кроме болгарского перевода древнейшей редакции Номоканона Иоанна Схоластика (VI века), у нас еще употреблялись списки Кормчей, содержавшие в себе Номоканон, известный под именем Фотиева, но еще в неполной до-Фотиевской редакции и без толкований.

Русские пастыри в своих постановлениях делали применения Кормчей к потребностям русской жизни. Так появилось *церковное правило митрополита Иоанна II* в ответ на вопросы *Иакова* черноризца, с XIII века постоянно вносившееся в наши Кормчие. В нем содержатся постановления: а) относительно веры — против остатков язычества, общения с иноверцами в пище и посредством браков, против продажи христиан в рабство неверным, отступления от церкви; б) относительно семейной жизни — против сожития с женой без благословения церкви и незаконных браков; в) касательно церковного благочиния — о почитании святых, соблюдении постов, неядении удавленины и мертвечины, о бесовских песнях, пирах по монастырям; г) касательно иерархии — об отношении епископов к митрополиту и епархиальном управлении, против пьянства и неблагочиния иереев и монахов. Вместе с правилом Иоанна в русские Кормчие с XIII века постоянно вносилось другое замечательное в церковно-историческом отношении сочинение: *Вопросы Кирика* (новгородского иеродиакона) и ответы на них разных епископов и других духовных лиц; они живо изображают дух своего времени, церковные обычаи, остатки язычества, характер современной религиозности и состояние нравов в духовенстве и народе.

* Во главе. — прим.ред.

Уставы русских князей.

Из русских князей первый опыт приложения Номоканона к русской жизни сделал в своем церковном уставе *святой Владимир*. Этот устав касается главным образом судебных прав Русской церкви. К ведомству ее суда отнесены здесь: 1) дела против веры и церкви — еретичество, волшебство, урекание в них*, совершение языческих обрядов (моление под овином и в лесу), святотатство, повреждение могил и церковных стен, неуважение к храмам; 2) дела семейные: умыкание девиц, вступление в брак в родстве и в свойстве, споры между супругами об имении, блуд и прелюбодеяние, развод, побои от детей родителям, дела о наследстве, словесное оскорбление семейной части и проч. В греческом законодательстве некоторые из этих дел (о нарушении родительской власти, споры супругов об имении и детей о наследстве) подлежали гражданскому суду; у русских было признано за лучшее передать в ведомство Церкви все семейные дела, чтобы она тем успешнее могла содействовать нравственному перерождению общества. Расширено было сравнительно с греческим законодательством ведомство церкви и относительно подсудных ему лиц; кроме духовенства, суду церкви подчинены: просвирня, паломник, прощеник и разные люди, которых церковь призревала в своих гостиницах, больницах и богадельнях.

Великий князь *Ярослав* издал другой такой же церковный устав, содержащий в себе подтверждение и раскрытие устава святого Владимира. В нем видим некоторые новые определения; так, к церковному суду, вместо непринятых у славян телесных наказаний и жестоких казней за вины, какие были определены в Номоканоне, применена славянская система вир или денежных штрафов за преступления и указаны случаи участия в нем князя. Совместному суду церкви и князя подсудны были: а) оскорбления, насилия и побои девицам и чужим женам, поджоги, позорное острижение головы и бороды, б) кража и убийство в пределах семьи. За первые преступления пеня шла епископу, а князь только казнил (наказывал) виновных, за вторые пеня делилась между князем и епископом “на полы.”**

Удельные князья применяли потом эти первые общерусские уставы Владимира и Ярослава к своим уделам. Так, *Всеволод Мстиславич* Новгородский (около 1135 г.) на основании их дал грамоту святой Софии Новгородской. В перечислении церковных людей прибавлены у него изгои — люди, не принадлежавшие ни к какому ведомству, и поступавшие под покровительство церкви, каковы “попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одождает, а еще князь осиротеет.” Грамота *Ростислава* Смоленской епископии (1150 года), кроме церковного суда, определяет еще источники содержания для новой епископии. Грамоты *Всеволода* Новгородского выстроенной им церкви Иоанна Предтечи на Опоках и *Святослава Ольговича* святой Софии (1137 г.) исключительно занимаются определением материальных средств для этих церквей.

Права, предоставленные княжескими уставами духовенству в содержании и церковном суде.

Источниками содержания для митрополита и епископов служили: 1) *десятина* из княжеских доходов и имения, какую давали, например, святой Владимир своей Десятинной церкви, Всеволод святой Софии, Андрей Боголюбский владимирскому собору, Ростислав Смоленской епископии; иногда десятина заменялась деньгами, как, например, в грамоте Святослава святой Софии; 2) *весчие* пошлины о торговых мер и весов, наблюдение за которыми уставом Владимира дано святителям; 3) *судные* — с церковного суда; 4) *ставленные* — за поставление в клир оставленников; 5) *недвижимые имения*. Митрополит, например, имел во

* Уговор.

** Пополам.

владении несколько городов с волостями и селами. Во владении Десятинной церкви был тоже целый город Полонный. Ростислав своей епископии пожертвовал озера, сенокосы, огороды и села с данями и продажами. Андрей Боголюбский дал владимирскому собору несколько слобод, сел и город Гороховец. Уставы князей замечательны еще тем, что утверждали за духовенством разные права, свободу от мирского суда, службы и податей. Но эти права часто нарушала практика удельно-вечевого уклада. Князья и веча судили и низвергали даже епископов. Новгородский владыка с корпорацией своих софийян нес городовую повинность наряду с другими новгородскими общинами; он мостил крепость и всю дорогу по Волховскому мосту до торговой стороны. Помимо земских повинностей, казна архиереев, монастырей и церквей имела важное общественное значение. Около соборов, церквей и монастырей сосредоточивалась общественная благотворительность, содержались больницы, богадельни, странноприимницы и школы.

Низшее духовенство, порядок его избрания и средства содержания.

Низшее духовенство, непосредственно связанное с своими приходскими общинами и жившее одной жизнью с народом, имело менее привилегированное и обеспеченное положение, чем высшее. О положении его за описываемое время мы имеем, впрочем, мало известий. Первоначально оно большей частью было так же пришлое, как и высшее духовенство, потому что, если и были в Киеве священники до Владимира, то их было, вероятно, не много. Несколько духовных лиц пришло с Владимиром из Корсуни и с царицей Анной из Константинополя; есть известие, что много было прислано их еще из Болгарии. Затем первое же грамотное поколение русских людей, образовавшееся в школах, заведенных св. Владимиром, дало своих русских пастырей для народа. Члены приходских причтов очень рано должны были получить выборное значение, потому что епархиальная власть не имела под рукой своих собственных кандидатов священства и по необходимости должна была ставить на церковные места тех грамотеев, каких представляли ей для поставления сами городские общины, разные владельцы сел и князья. В 1228 г. патриарх *Герман* написал грамоту к митрополиту *Кириллу I*, из которой видно, что влияние светских лиц на избрание членов клира успело уже дойти до злоупотреблений; некоторые господа обучали грамоте своих рабов, потом приводили их к архиереям для поставления во священство, не освободив из рабства, и после поставления спекулировали их саном, пользуясь их доходами. Содержание свое приходское духовенство получало главным образом от доходов служения треб. Церкви княжеской постройки, особенно соборы, получали определенное содержание от князей. Так, Ярослав, строя церкви, давал им от своего имения урок*. Князь Всеволод на содержание причта и церкви Иоанна Предтечи на Опоках дал от имени своего вес вощаной** в Новгороде, да такой же вес в Торжке пополам с торжковским собором Спаса; при церкви была устроена торговая община, купечество Иванское, для вступления в которое требовалось от каждого члена 50 гривен вклада; делами купечества управляли старосты Иванские, они же наблюдали за весом в притворе церкви и заботились о содержании церкви и причта. Самым важным вопросом относительно духовенства был вопрос об его образовании, которое стояло на очень низкой ступени и подвергалось сильным обличениям в тогдашней письменности, а между тем было крайне нужно для борьбы с остатками языческих суеверий и утверждения народа в христианстве.

* Оброк, подать. — *Прим.ред.*

** Право контроля над торговлей воска. — *Прим.ред.*

3. Учение и духовное просвещение.

Влияние веры Христовой на пробуждение и развитие любви к учению.

Начало образования на Руси положено было одновременно с введением христианства, которое пробудило в русском обществе первую потребность книжного учения, принесло с собой и первые книги. Учение книжное прежде всего потребовалось для приготовления самих русских пастырей; затем желание учиться божественному писанию не могло не проявиться и у лучших из мирян. Пастыри церкви, древние грамотники и списыватели книг постоянно старались внушать всем и каждому мысль о важности “почитания (чтения) книжного” и о великой пользе божественных книг как для спасения души, так и для здешней земной жизни. Первый же христианский князь св. Владимир, вскоре после крещения народа, стал заводить училища и насильно отбирать детей лучших граждан в ученье книжное; “матери, — рассказывает летопись, — плакали по ним, как по мертвым.” Учителями в новых школах были лица духовные. В религиозном просвещении русского народа наибольшее значение имела не столько Греция, сколько Болгария, которая, будучи просвещена православной верой раньше России, по своему родственному с русским языку и по своей славянской письменности, сделалась естественной и лучшей посредницей между русскими и греками; из нее явились к нам и первые христианские учителя, и первые церковные книги, и сама славянская грамота. Первое грамотное поколение русских христиан образовалось еще при Владимире. Сам он остался неграмотным, но дети его Ярослав, Мстислав, Изяслав, Борис и Глеб были уже люди книжные.

Ревнители духовного просвещения, первые училища и библиотеки.

Дело Владимира поддержал Ярослав, еще более распространивший грамотность в России и умноживший число школ. Строя церкви по городам и селениям, он велел священникам везде обучать народ. В Новгороде он велел собрать у старост и духовенства до 300 детей и учить книгам. Сам он, по отзыву летописца, читал книги и день и ночь и собрал около себя писцов многих, которые, по его распоряжению, одни книги переписывали, а другие даже вновь переводили с греческого языка; книги эти он положил в святой Софии, которую сам создал. “Владимир, — говорил летописец, — распахан я умягчил сердца людей, просветивши их крещением, а Ярослав насеял их книжными словами, а мы теперь пожинаем, принимая книжное учение.” При преемниках Ярослава средства к образованию еще более умножились. Сын Ярослава *Святослав* Черниговский имел у себя полны клети книг, из которых до нас дошли два сборника, известных под его именем, один, переведенный с греческого языка в Болгарии для болгарского царя Симеона в 1073 г., другой — составленный в 1076 г. Любвью к образованию известны так же *Всеволод* Переяславский и сын его *Владимир* Мономах. Есть известия, хотя и не вполне доказанные, что дочь Всеволода *Янка* (Анна) завела при Андреевском женском монастыре в Киеве училище для обучения девиц, что во Владимире Волынском в конце XI в. были училища, ради “смотрения” которых был назначен некто *Василий*, повествователь об ослеплении князя Василька, что *Роман Ростиславич* Смоленский, строя училища, держал при них учителей даже греческих и латинских и истощил на них все свое имение, что Галицкий князь *Ярослав Осмомысл* распорядился, чтобы школы и учителей содержали на свой счет монастыри, что *Константин Всеволодович* Ростовский постоянно держал при себе ученых людей, покупал греческие книги и составил у себя библиотеку, в которой было до 1000 книг. Некоторые из князей сами лично занимались перепиской книг, например *Владимир Василькович* Галицкий и княжна *Ефросиния* Полоцкая. Но главными рев-

нителями и распространителями христианского образования были, конечно, люди духовные, между которыми всего более было людей, по выражению летописей, “хитрых книгам и учению.” Оттого и самые средоточия образования — школы и библиотеки — были при церквах и монастырях. Кроме упомянутых школ в Киеве, Новгороде и на Волыни, в житиях Авраамия Смоленского и Феодосия Печерского упоминаются еще школы в Смоленске и в Курске; наверное, были они и в других местах, где были церкви и монастыри. Духовные же лица заботились главным образом и об умножении книг, усердно занимаясь их перепиской. Книги в то время были еще великой редкостью и стоили очень дорого. Собираение их по своей трудности и ценности, кроме князей, доступно было только богатым владыкам и монастырям. В монастырях на это дело смотрели, как на великий богоугодный подвиг, и некоторые иноки посвящали книжной переписке все время, остававшееся у них от молитвы. Для списывания и собирания книг некоторые монастыри иногда нарочно посылали своих иноков на восток в Константинополь — в монастырь Студийский и на Афон.

Характер книг, употреблявшихся в древней России. Переводная письменность.

Само собой понятно, что, будучи всем обязана церкви, древнерусская книжность вся носила религиозный характер. Раньше и более всех стали умножаться, разумеется, книги, необходимые для совершения христианского богослужения, затем уже и другие вероучительного и нравственного характера, преимущественно в болгарских, а позднее и в русских переводах. Переводная письменность была преобладающей за все описываемое время. Книги священного писания употреблялись в древнем переводе свв. Кирилла и Мефодия болгарской редакции. Впрочем, полного кодекса Библии в употреблении у нас еще не было; из нее употреблялись только отдельные книги, и то одни канонические, потому что неканонические не были переведены самими славянскими первоучителями. Вместе с книгами священного писания в переводах распространялись творения святых отцов, жития святых, хронографы, Палея, сборники в роде Святославовых, Златоструя, Пчелы и др. Влияние Болгарии на нашу письменность не обошлось и без вреда. Православие болгар много страдало тогда от примеси к нему остатков язычества и сильно распространенной по всей Болгарии ереси павликиан. В X веке поп *Богомол* выработал из этой ереси особый болгарский и богомильский толк, проповедовавший дуалистическое учение о создании тела и материи сатанаилом, отвергавший всю иерархию и обряды и отличавшийся крайней строгостью в нравственных требованиях. Богомилство усвоило себе между прочим множество еврейских и христианских апокрифов или отреченных сказаний, всегда имевших большой успех в простом народе и в Греции, и у славян. Собираением этих апокрифов и лживых молитв сделался особенно известен другой болгарский поп *Иеремия*. Из Болгарии отреченные сказания или книги вместе с некоторыми богомильскими мнениями занесены были и в Россию. В 1004 году в Киеве учил богомильской ереси монах и скопец *Адриан*, митрополит Леонтий заключил его в тюрьму, где он скоро раскаялся. Потом в 1123 году явился здесь другой еретик *Дмитр*, но митрополит Никита тоже посадил его под стражу. Апокрифические сказания распространялись в русской письменности с очень раннего времени. Летописец Нестор в своей летописи пользовался уже сказаниями из Палеи, в которой наряду с истинными библейскими рассказами помещены рассказы апокрифического характера; видим у него ссылку на апокрифическое слово о последних временах Мефодия патарского.

За переводами следуют сочинения наших митрополитов-греков, написанные на греческом языке и делавшиеся известными русским грамотникам тоже в переводах. Таковы: сочинение против латинян об опресноках митрополита *Леонтия*, полемическое послание митрополита *Иоанна II* к папе Клименту *III* и его же церковное правило, два послания к русским

князьям митрополита *Никифора* о латинах, его же послание к Мономаху о посте и поучение к народу в неделю сыропустную. В послании к Мономаху доказывается важность поста и между прочим высказывается замечательная в историческом отношении похвала Владимиру Мономаху, простоте его жизни, ласковости, щедрости и другим качествам. Поучение к народу тоже о посте между прочим вооружается против господствовавшего зла русской жизни — больших ростов и пьянства.* Замечательно начало, из которого видно, что митрополит не говорил поучения сам по незнанию языка, а поручал читать его другим.

Русские писатели в своих сочинениях старались подражать греческим образцам и подвергались немалой опасности усвоить те же недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литература, — хитросплетения диалектики, пышное и многословное риторство, скудное живой практической мыслью. Их выручали из этой опасности: добрый обычай подражать не столько новым греческим авторам, сколько древним отцам церкви, а также сама новость образования в России, еще не успевшего войти во вкус византийской диалектики и риторства, живое религиозное чувство, которое так свойственно юным христианам и которое само собой оживляло бездушную форму риторской речи, если и успевало облекаться в нее, наконец, слишком много важного дела в современной обстановке русской жизни, дела, которое естественно одушевляло древнерусское поучение и давало ему современное и практическое значение.

Первое место по времени между русскими произведениями занимает поучение новгородского епископа *Луки Жидяты* (1036—1060 г.), в безыскусственном перечне излагающее главные обязанности христианина. *Митрополит Илларион* еще в сане пресвитера написал замечательное по своему одушевленному витийству слово, содержание которого определяется заглавием: “О законе, Моисеем данном, и о благодати и истине, Иисус Христом бывших, и како закон отыде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простерлась и до нашего языка русского, и похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещены были, и молитва к Богу от всея земли нашей.” Особенным одушевлением проникнуто изображение плодов крещения на Руси и похвала Владимиру. Эта похвала очень нравилась в старину, так что летописцы часто целиком заимствовали из нее разные черты и прилагали их к другим князьям, которых думали похвалить. Заключительная молитва к Богу от лица новопросвещенного народа была принята даже в церковное употребление. После Иллариона осталось еще “Исповедание веры,” образец православного изложения главных догматов, написанное им, вероятно, при возведении в сан митрополита.

Преподобный Феодосий.

Он был известен своей учительностью не только среди своей братии, но и за стенами Печерского монастыря, оставил несколько поучений инокам и мирянам. Из поучений к инокам узнаем темные стороны тогдашней монастырской жизни, о которых не говорят ни Нестор, ни Печерский Патерик, занимавшийся исключительно прославлением знаменитой лавры. Феодосий обличает иноков за леность к богослужению, несоблюдение правил воздержания, собирание именина в келии, недовольство общей одеждой и пищей, ропот на игумена за то, что он на монастырские средства содержал странных и бедных. Два поучения Феодосия обращены ко всему народу, одно — “о казнях Божиих” за грехи — замечательно изображением остатков языческих поверий в народе и господствующих пороков времени, грабежей, своекорыстия, мздоимства и пьянства; другое направлено против пьянства, кроме того, содержит краткие наставления не пить на пирах множество тропарей и не пить за каждым тро-

* Так у автора. — *Прим. ред.*

парем особой чаши, не считать кутью яством во оставление грехов, не прикладывать к ней по языческому обычаю воды и яиц, не вносить в церковь пищи и питья в виде приношений. Два послания к великому князю Изяславу отвечают на другие вопросы, — одно о посте в среду и пяток, решающее этот вопрос согласно с Студийским уставом, другое — о вере варяжской или латинской, где исключаются отступления от православия и обычаи латинян, запрещается всякое с ними общение в пище, питье и браках.

Кирилл Туровский.

Во второй половине XII века у нас явился проповедник, который прославился, как русский Златоуст — святой Кирилл Туровский. После него осталось 12 слов, 3 послания к инокам, 30 молитв и молебный канон. Название Златоуста к нему, впрочем, мало идет; он даже не столько проповедник, сколько религиозный поэт. В его словах мало общедоступной учительности; это скорее отвлеченные, восторженно витийственные размышления о предмете того или другого праздника, чем поучения. Форма представлений оратора большей частью символическая и аллегорическая, изобилующая картинами, олицетворениями, разговорными эпизодами и т. п.; аллегорически объясняются иногда даже простые евангельские повествования. Для большинства тогдашних слушателей все эти слова были малопонятны. За то святой Кирилл, по характеру своего таланта, является безусловно хорош в своих церковных молитвах и каноне. Его аскетические произведения — “Сказание о черноризническом чине” и послание к печерскому игумену Василию, излагают разные правила монашеской жизни; например: “будь, как одежда, не заботься, если разорвут тебя и на тряпки; имей свою волю только до вступления в монастырь; принимай, как манну, хлеб, над которым ты не трудился, от руки келаря” и проч. В последнем послании автор мимоходом касается непостоянных иноков, которые рады всякому случаю ослабить строгость жизни ради праздника, ради друга и т. п. Объясняя значение монашеских одежд и обетов, святитель и здесь впадает в любимую аллегорическую форму представлений. Третье послание — “О белоризце человеце” — все состоит из аллегории и называется притчею.

Иоанн II, архиепископ новгородский.

Был избран на кафедру в 1164 году из белого духовенства (был священником при церкви святого Власия) и пользовавшийся общим уважением, известен своим соборным поучением приходскому духовенству. Оно предложено им в первый год святительства (1165) на епархиальном соборе в неделю православия и представляет собой первый известный и замечательный образец этого рода учительства древних архипастырей. Содержание его составляют разнообразные, отрывочные наставления и правила, изложенные в случайном порядке, вероятно, в порядке разновременных наблюдений святителя над жизнью духовенства и народа; между прочим обличаются в нем ростовщичество между духовными, участие их в народных игрищах, пьянство, даются увещания о благоговейном обращении со святынями, о наблюдении за ослаблением языческих обычаев в народе, против невенчаных супружеств и проч.

От описываемого времени до нас дошло несколько *поучений безымянных авторов*. Особенно замечательны поучения против остатков язычества. Таково “Слово некоего христоролюбца и ревнителя по правой вере” (в сборнике Златая Цепь). Ревнитель, как Илия Фесвитянин, вооружается против христиан, двоеверно живущих, верующих в Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла* и в Вил; требы им кладут неведгасы** и кур им режут; молятся огню,

* Симаргла.

** Невежда, безграмотный, неученый человек.

зовут его Сварожичем; и чеснок богом творят. Так поступали, по слову христороубца, даже попы и книжники, по крайней мере соизволяли творящим так и не хотели их поучить. Не подобают христианам игры бесовские, плясанье, гудьба, песни, жертвы идольские; не подобает молиться под овином, молиться огню, Вилам, Мокоши, Перуну, Волосу скотью богу, Роду и Рожаницам.

Игумен Даниил.

Кроме поучений, до нас дошли назидательные творения и в других родах. Игумен *Даниил*, ходивший в Иерусалим, составил для любителей святых мест любопытное описание своего паломничества, бывшее самым употребительным чтением благочестивых людей. Даниил был в Иерусалиме вскоре после первого крестового похода, был обласкан королем *Балдуином*, видел там много русских путешественников, в течение 16 месяцев осмотрел все святые места, видел в Пасху чудесное схождение огня ко гробу Господню, молился о русских князьях, боярах и своих духовных детях, записал их имена при гробе Господнем и повесил здесь лампаду от русской земли.

Писатели в повествовательном роде.

Из повествователей древнейший (XI века) *Иаков мних*, от которого остались: житие святого Владимира, сказание о святых Борисе и Глебе и нравоучительное послание к великому князю Изяславу. В конце XI и в начале XII века Печерский монастырь воспитал знаменитого летописца — отца Русской Истории — преподобного *Нестора*; 17-ти лет пришел он (1073 г.) к преподобному Феодосию, при игумене Стефане был пострижен и поставлен диаконом, скончался около 1114 года. Летописи древней Руси, кроме своего исторического значения, всегда имели еще значение религиозно-поучительное. Летописец искал в событиях нравственного смысла, предлагал свой труд, как поучение. От того рассказ его постоянно прерывается назидательными размышлениями, в которых проводятся обычные мысли современной ему морали. Такова летопись преподобного Нестора; таковы же труды и других летописцев как этого времени, так и позднейших. Кроме летописи, преподобный Нестор написал повествование о святых Борисе и Глебе и житие преподобного Феодосия.

После Иакова и Нестора, как жизнеописатель, известен еще святой *Симон Владимирский* (1215—1226 г.). Он написал обширное послание к *Поликарпу*, печерскому иноку, который, будучи обладаем страстью почестей, два раза уходил из монастыря для занятия игуменских мест и домогался даже епископского сана. В послании Симон увещевал его твердо стоять в монашеских обетах послушания и смирения, не искать высших санов, а главное — не оставлять своего монастыря. При этом Симон описывает славу Печерской обители, выражает горячую любовь и благоговение к ней и, чтобы сильнее подействовать на Поликарпа, представляет целые рассказы о святых подвижниках лавры и о некоторых иноках, погубивших души страстями, наконец подробно передает историю создания печерской церкви. *Поликарп* продолжал труд Симона в своем послании к печерскому архимандриту *Акиндину*, который просил его рассказать о печерских угодниках. Ссылаясь на устные рассказы Симона, Поликарп написал еще 11 рассказов о печерских святых, о которых не сказано в послании Симона. Из этих посланий Симона и Поликарпа, с прибавлением к ним известий об Антоние, Феодосии и некоторых других подвижниках из Нестора, составилась печерский *Патерик*.

Из житий русских святых к описываемому времени принадлежат еще: житие Антония Римлянина, написанное преемником его по игуменству Андреем, житие Авраамия Смоленского, написанное учеником его Ефремом, и жития Леонтия и Исаии ростовских.

4. Богослужение.

Общий взгляд на богослужение.

Христианская письменность была доступна, разумеется, только людям грамотным; народная же масса, как и везде, особенно в новопросвещенных странах, училась вере и приобретала христианское настроение главным образом через церковное богослужение. Богослужение это, совершавшееся у нас с самого начала на родном славянском языке, было самым могущественным миссионерским и просветительным орудием православной церкви и более всего способствовало водворению ее в русской земле. Действие его на народ было тем сильнее, что до введения христианства русские славяне почти вовсе не имели у себя общественных богослужебных обрядов; оно было для них в собственном смысле первым общественным богослужением и, будучи принесено из Греции уже в полном развитии всех своих обрядов, до того поражало их своим благолепием и величием, что все старые народные игрища и обряды сразу получили пред ним значение одной только игры и пустого народного увеселения. Не мудрено, что первые просветители русских славян, иерархи и князья, заботились о размножении храмов Божиих еще более, чем о размножении школ и книг. Построение церквей и снабжение их иконами, сосудами, облачениями, книгами и всякими необходимыми принадлежностями поставлялись в числе особенно важных подвигов благочестия, которые современные летописи восхваляли при воспоминании почти о всех более замечательных духовных и светских лицах.

Первые храмы.

Первым строителем церквей является первый русский князь-христианин, святой Владимир, повелевший по крещении народа “рубить церкви по градам.” В Киеве он сам поставил церковь во имя святого Василия (своего ангела по христианскому имени) на холме, где стоял идол Перуна. Другую церковь каменную во имя Успения Богородицы он построил на месте убиения варягов Феодора и Иоанна с помощью греческих мастеров, которые строили ее 5 лет (до 996 г.), украсил ее серебром и золотом и назначил на содержание ее десятину от своего имения и своих городов, от чего она и была названа Десятинной. Осталось после него несколько других церквей, — в Берестове, в Василеве, Вышгороде и проч. После Владимира усердными строителями церквей явились его дети — Мстислав и Ярослав. Первый выстроил собор Спаса в Чернигове, второй — богатую киевскую Софию наподобие Софии цареградской, церковь Благовещения на Златых вратах Киева, “да радость будет граду тому всегда святым Благовещением,” церкви в киевских монастырях святого Георгия (ангела великого князя) и святой Ирины (ангела его супруги). Сын его Владимир построил Софию новгородскую. Владимир Мономах построил соборы в Ростове и Смоленске, сын его Юрий — в Суздале, Андрей Боголюбский — богатейший собор Успения во Владимире и монастырь Боголюбов и т. д. Много церквей построено нашими архипастырями, частными лицами и целыми народными общинами. С течением времени церквей, особенно по городам, стало очень много, о чем можно судить по известиям летописей о разных городских пожарах; например в 1124 году в Киеве сгорело до 600 церквей, во Владимире в 1185 году — 32, в Новгороде в 1217 году — до 20 только в одной половине города и т. д. Церкви, впрочем, были большей частью деревянные. Каменных было немного, для постройки их обращались обыкновенно к помощи греческих или немецких мастеров. При известии о возобновлении суздальского со-

бора в 1193 году летописец, как о чуде, замечает, что епископ *Иоанн* не искал для того мастеров от немцев, а довольствовался своими русскими.

Святыни храмов — святые иконы.

Первые святыни храмов — святые иконы — были тоже не русского мастерства, а получались из Греции или Болгарии. Много принес их с собой еще святой Владимир из Корсуня и царица Анна из Царьграда. Древнейшие иконы у нас так и называются доселе общим именем корсунских и царьградских. Подвижные иконы выписывались из Греции, для расписывания храмов неподвижным стенным письмом вызывались оттуда сами мастера, например, для расписания киевского, новгородского и владимирского соборов, Киево-Печерской церкви и др. Потом от греческих мастеров иконописное искусство стали принимать и русские. В XI веке в киевопечерском монастыре встречаем первого, известного по имени иконописца, преподобного *Алипия*, который из безвозмездного писания икон для церквей и частных лиц сделал для себя христианский подвиг. Житие его рассказывает, что ангел писал за него иконы, когда он был болен, что иконы его оставались целыми во время пожаров украшенных им церквей. Издревле существовал обычай украшать иконы богатыми ризами.

Особенно украшались и чествовались иконы чудотворные. Самыми замечательными из них были: 1) икона Богоматери *Печерская*, принесенная из Царьграда греческими мастерами; 2) икона Богоматери *Смоленская* (Одигитрия), присланная из Царьграда к Всеволоду Черниговскому, потом (в 1111 году) перенесенная в Смоленск Владимиром Мономахом; 3) *Владимирская*, бывшая прежде в женском монастыре в Вышгороде, потом перенесенная во Владимир князем Андреем Боголюбским; 4) икона *Знамения* Божией Матери в Новгороде; 5) святителя *Николая Зарайского*, в 1224 году принесенная из Корсуня в Зарайск Корсунянином *Евстафием*, которому трижды являлся святитель, повелевая нести свою икону в Рязанскую землю. Почти каждый город имел свою чудотворную икону, которую считал своей славой и утверждением. На чествовании святых икон отразилось большое влияние удельного духа. Святыня являлась местной, покровительствующей своему краю исключительно. С такой местной точки зрения рассказывались и чудесные действия от местной святыни. О Владимирской иконе летопись рассказывает, что, когда вышгородские клирики рассказали князю Андрею, как икона несколько раз оставляла свое место в храме, князь убедился, что ей угодно перейти в Ростовскую землю, и тайно унес ее с собой. На пути в Ростов сама Богоматерь повелела ему нести икону не в Ростов, а во Владимир, который Андрей хотел сделать своим стольным городом вместо Ростова. Поставленная во владимирском соборе, святая икона сделалась местной святыней города. Каждое замечательное событие края в местной летописи рассказывается, как чудо Богородицы. Возникла, например, борьба между Ростовом и Владимиром о первенстве, кончилась в пользу Владимира, и летописец объясняет, что в этом споре городов ростовцы были правы, но они хотели поставить свою человеческую правду, а забыли о правде Божьей, воспротивились Богородице, которая избрала не Ростов, а Владимир. В 1170 году Андрей Боголюбский послал в Новгород войско в наказание за нарушение крестного целования. Владыка *Иоанн* вынес на стены местную святыню Новгорода — икону Знамения Богоматери. Осаждавшие не переставали стрелять и одна стрела попала в чудотворный образ; он сам собой обратился ликом к городу и испустил слезы. И вот тьма покрыла полки Боголюбского, как некогда полки Фараона, и они потерпели страшное поражение. Так рассказывает новгородская летопись; но владимирский летописец, разумеется, не считает своего святого князя за Фараона и рассказывает, что войска его с помощью Владимирской Богоматери достаточно наказали клятвопреступников новгородцев, бедственное же возвращение Андреевых полков приписывает только трудности пути и голоду. С чужой святыней

часто обращались без подобающего уважения. В 1169 г. полки того же князя Андрея и его союзников взяли Киев и разграбили Софийский, Десятинный и др. храмы и монастыри, взяли с собой ризы, колокола, иконы и всякую утварь, вероятно, для украшения своих церквей; некоторые церкви даже сожгли.

Святые мощи.

Другой чтимой святыней были святые мощи. Их доставлял в Россию Царьград, бывший тогда хранилищем мощей из разных мест востока, захваченных мухаммеданами. Открывались мощи и русских святых: в 1007 году были открыты мощи святой великой княгини Ольги, в 1020 году — святых Бориса и Глеба, в 1091 году — преподобного Феодосия Печерского, в 1164 году — святых Леонтия и Исаии Ростовских, потом — Авраамия Ростовского, в 1192 г. — князя Всеволода Псковского. Удельный дух проявлялся и в чествовании святых мощей. Когда открыты были мощи святого Леонтия, Андрей Боголюбский благодарил за них Бога и говорил: “теперь я уже ничем не охужден” пред другими князьями, у которых в уделах были свои мощи. В сказании об открытии мощей князя Всеволода в укоризну Новгороду говорится, что новгородцы выгнали от себя этого князя при жизни, а теперь прислали протопопа во Псков за его мощами, но что святой сам не восхотел идти к ним (рака с мощами не сдвигалась с места) и только в знак примирения своего с Новгородом отдал на благословение этому граду ноготь со своей руки.

Общественное значение храмов.

Христианские святыни таким образом, кроме религиозного, получили еще высокий общественный характер. Понятно, какое общественное значение должен был иметь христианский храм, когда около него сосредоточивалась вся общинная жизнь. На погосте около него собирались общинные сходы, решались общинные дела, завязывались сделки, торги, тут же стояла приходская школа, в которой учило местное духовенство, и приходская богадельня, в которой через посредство того же духовенства совершались дела общественной благотворительности. От того наша древняя община всегда носила не столько юридический, договорный характер, сколько религиозно-братский. Лучшим выражением такого религиозного братства ее членов служит древняя приходская братчина. Вся приходская община из сборного солода и круп готовила общее братское пиво и кашу и сообща праздновала свой приходский праздник. О важности этих праздников для развития общенности говорит старая поговорка, замечаящая о неуживчивом человеке: “с ним пива (или каши) не сварить.” С течением времени такие временные братские собрания от частого повторения их обращались в постоянные союзы, в братства, которые принимали на себя заботу о всех приходских делах, о содержании церкви и причта, о богадельне и приходской школе. Такое именно братство мы и видим в Иванском купечестве около церкви Иоанна Предтечи на Опоках. Чем был приходский храм для приходской общины, тем же был собор для города и для целого удела. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили владыка и князь, собиралось по звону соборного колокола вече. Самый город считался как бы принадлежностью собора. Новгород был городом святой Софии, Псков — святой Троицы, Владимир — Богородицы и т. д. Все волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софии, Спаса, Богородицы и пр. Имена этих святынь служили военными кликами в удельных битвах. Все городское благосостояние поставлялось под покровительство местной святыни. О построении новгородского собора сохранилось в этом отношении выразительное предание. На куполе собора иконописцы изобразили Спаса с благословляющей рукой, но на другой день рука Его оказалась сжатой; два раза поправляли и оба раза рука опять сжималась; в третий раз услышали голос от

образа: “Писари, писари! Не пишите Меня с благословляющей рукой, а пишите со сжатой; в этой руке Я держу весь Новгород; когда она раскроется, будет скончание граду.”

Новые русские праздники.

Обретение мощей русских угодников Божиих, строение знаменитых храмов, чудеса, например, чудо Знамения Богородицы во время осады Новгорода в 1170 г., чудо Спасителя, Богоматери и Честного Креста в победе 1-го августа князя Андрея Боголюбского над болгарями (1164 г.) и другие события делались поводом к установлению новых праздников. К концу XI или в начале XII века явился новый праздник перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в город Бар (оно происходило в 1087 г. по случаю занятия Ликии турками), праздник, которого греки не праздновали.

Богослужебные уставы, книги и церковное пение. Какой устав был принят у нас при богослужении, определить трудно. В большинстве бедных церквей не доставало даже самых нужных богослужебных книг, а о постоянной уставной организации богослужения нечего было пока и думать. Первый определенный устав введен был ранее всех церквей и монастырей преподобным Феодосием в монастыре Печерском; это был устав Студийский. Отсюда он распространился повсюду и сделался надолго господствующим в Русской церкви. Богослужебные книги употреблялись у нас сначала в болгарском переводе; в самой России их стали переводить со времени Ярослава, который, по отзыву летописца, любил церковные уставы. Явилось несколько и русских богослужебных произведений: митрополит *Иоанн I* написал службу святым Борису и Глебу, епископ *Иоанн* Ростовский в конце XII века — службу святому *Леонтию* Ростовскому; были написаны службы преподобному Феодосию Печерскому, на перенесение мощей святителя Николая в Бар-град (9-го мая) и святому Владимиру. Из авторов в богослужебном роде известны: печерский инок конца XI века *Григорий* — творец канонов, которому принадлежат каноны преподобному Феодосию и святому Владимиру, сам Феодосий, составивший несколько молитв, и святой Кирилл Туровский, написавший молитвы на дни недели и канон молебный. При великом князе Ярославе русское богослужение получило особенное благолепие от введения в него, вместо прежнего болгарского унисонного пения, “изрядного осмогласия (по 8 гласам октоиха), наипаче же трисоставного сладкогласования (гармоничного трехголосного пения),” которое принесли в Россию явившиеся в 1051 году с нотами три греческих певца, “и самого демественного пения,” т.е. партесного по мелодиям императорских и патриарших доместиков (регентов).

Богослужебные особенности Русской церкви и развитие обрядности в религиозной жизни.

Из вопросов Кирика епископу Нифонту и другим духовным лицам, церковного правила митрополита Иоанна II и других памятников описываемого времени узнаем разные особенности Русской церкви в совершении священнодействий сравнительно с позднейшим временем, обычаи, при том наблюдавшиеся, и вместе указания на крайнее развитие обрядности в религиозной жизни. Крещение младенца совершалось в 40-й день по рождении, если он не был очень слаб, и позднее, даже до трех лет. После наречения христианского имени всегда оставалось в употреблении другое мирское (славянское) имя. При крещении взрослых принято было оглашать инородцев в течение 40, а славянина в течение только 8 дней, вероятно, как лучше подготовленного к принятию веры. В 8-й день после крещения совершался обряд разрешения, состоявший, вероятно, в снятии с крещенного белой одежды и в омовении знаков миропомазания. Латинян, а равно отпадших от православия присоединяли к церкви чрез одно миропомазание. Касательно литургии известно, что ее можно было совершать даже на

одной просфоре: вообще число просфор не было определено. Таинство Евхаристии было окружено высоким благоговением, которое возбуждало в Кирике иногда простодушные вопросы, например: можно ли попу служить, если он, поужинав, промолится всю ночь и не соснет? Можно ли давать причастие человеку, у которого гной идет из уст? Владыка Нифонт отвечал ему, что можно. Смущало также Кирика недоумение, можно ли причащать женщину, умирающую от родов, ранее 40 дней; ведено вынести ее в другую избу, обмыть и потом причастить. Обрядовый взгляд на покаяние выразился, между прочим, в дозволении супругам нести епитимии друг за друга. Было еще верование, что 10 литургий могут избавить от грехов за 4 месяца, 20 — за 8 месяцев, 30 — за целый год. Владыка Нифонт отвергал это верование, говоря, что богатый мог бы при этом грешить беспрепятственно, только расплачиваясь за литургии. Погребать умерших было принято до захождения солнца: “то бо есть последнее видит солнце до будущего воскресения,” объяснил Нифонт. Святители находили нужным запрещать совершение сорокоустов заживо. Нельзя отсюда не замечать в юном русском христианском обществе слабого знакомства с духом православия и уже слишком крайнего преобладания обрядового направления. Церковные пастыри вынуждены были даже восставать против чрезмерного упования на обряды, в которых простота видела более доступные для нее и легкие способы к спасению без внутреннего религиозного развития. Так, в XII веке стало нужно запрещать путешествия к святым местам, которые очень рано вошли у нас в благочестивый обычай. Нифонт новгородский советовал разрешать путешествия только немногим, с разбором, а его преемник святой Иоанн за обеты идти к святым местам велел даже налагать епитимии.

Спор о постах в среду и пяток.

Он долго занимал русское общество, и принадлежит к характеристическим явлениям времени. В 1157 г. ростовцы выгнали от себя епископа *Нестора* за то, что он, на основании действовавших в Греции древних строгих постановлений, не разрешал поста в среду и пяток даже по случаю великих праздников, кроме Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявления Господня. Противником сего был некто *Феодор*, племянник смоленского епископа Мануила, который, на основании более позднего Студийского устава (X в.), считал дозволенным разрешать пост не только для Господских и Богородичных праздников, но и для памятей великих святых. Митр. *Феодор* и патриарх оправдали учение Нестора. Но преемник Нестора *Леонтий* был еще строже: основываясь на правилах, в X и XI в. уже отмененных, он не хотел разрешать поста ни для каких праздников, и явилась, по выражению летописца, “ересь леонтинианская.” В России его оспорили; он отправился для решения дела в Грецию, но и там тоже был осужден. В 1168 году спор о посте, затихший было на севере, с новой силой возгорелся на юге. Печерский игумен *Поликарп* с братией держались относительно постов правил Студийского устава. Митрополит Константин разделял напротив мнение Нестора. По предложению великого князя Мстислава, в Киеве собрался собор. Но на соборе мнения тоже разделились: одни с великим князем стали на сторону митрополита; другие, не желая досаждать ни митрополиту, ни великому князю, предоставляли распоряжения о соблюдении того или другого устава воле архиереев и игуменов по монастырям; третьи думали, что дело нужно перенести на суд патриарха. Мстислав закрыл собор без решения, но когда все несогласные с митрополитом разъехались. Поликарп был осужден на заточение. Этот поступок митрополита сильно встревожил противную партию, которая благоговела перед печерским игуменом за его святость. Святослав Черниговский даже прогнал своего епископа Антония за то, что он действовал заодно с митрополитом. Последовавшее вскоре взятие Киева войсками Боголюбского народ прямо объяснял гневом Божиим за Поликарпа. Правила Студий-

ского устава относительно постов оставались господствующими в России до падения этого устава в следующем периоде.

5. Христианская жизнь.

Влияние христианства на перемену нравственно-религиозной жизни русского народа.

Понятно, что обрядовое благочестие не могло сдержать особенно сильных проявлению грубых страстей удельного времени. Это было тяжелое время усобиц; опустошительные войны шли из года в год то там, то здесь. Князь, строивший в своем городе церкви и монастыри, подававший милостыню, прославляемый летописцем, как князь благочестивый, грабил и жег церкви и монастыри в чужом уделе, истреблял чужих смердов и их животы, и потом на счет чужого добра и чужих, православных же, святынь украшал свои святыни. То же самое делали жители одного края с жителями другого. Видим множество жестокостей, в роде ослепления Василька, братоубийства между князьями рязанскими, убийства князя Игоря киевлянами, Андрея Боголюбского его дружинниками, ослепления Ростиславичей владимирцами. В религии, в крестном целовании было единственное ручательство мира и безопасности, но под влиянием страстей и это ручательство оказалось не крепким; встречаем примеры грубого презрения к клятве. Нарушив клятву, данную великому князю Изяславу II, Владимирко Галицкий с насмешкой сказал его послам, указывая на крест, который целовал: “Что мне сделает этот маленький крестик?” и после этого отправился к вечерне. Видим имел большее уважение к духовенству, но и это уважение было тоже не прочно. Ростислав, брат Мономаха, убил святого инока *Григория* за обличение. Великий князь Святополк тоже за обличение мучил печерского игумена *Иоанна*, а между тем этот князь славился своим уважением к Печерскому монастырю. Сын его Мстислав замучил иноков того же монастыря *Феодора* и *Василия*, услышав, будто они нашли клад и не хотят отдать ему своей находки.

При всем том в жизни общества нельзя не замечать и христианского влияния. И древние летописи, и проповедь духовенства, и речи князей — все говорят о мире, о соединении, осуждают современную рознь и безурядицу во имя высших, нравственных начал. Речи эти не всегда переходили в дело, но важно и то, что они существовали; видно, что общество было все-таки христианское. Пастырям церкви нередко и на самом деле удавалось останавливать кровопролитие. Под влиянием церкви является между князьями нечто похожее на мир Божий, который видим в это же время среди усобиц западного феодализма: по воскресеньям не делали приступов к городам; Мономах прекращал войну перед великим постом. Вместо древнего долга мстить за свою обиду и богатырского стремления везде честь свою взять, некоторые князья усваивают себе другие, высшие правила — прощать обиды, смиряться перед соперником, чтобы не проливать крови христианской. Мономах уступает великокняжеский престол другому, чтобы избежать кровопролития, всю жизнь свою разбирает ссоры князей и мирит их. Сын его Мстислав не хочет воевать с Олегом Рязанским, даже ходатайствует за него перед своим отцом, а этот Олег убил его брата, хотел отнять удел у него самого. По этому случаю Мономах написал замечательное по своему теплomu христианскому чувству послание к Олегу, вызывая его на мир и прощая ему все.

В семейной жизни церковь старалась прежде всего проводить правильные понятия о браке. Из правила митрополита Иоанна узнаем, что в простом народе думали, будто брачный обряд существует только у князей и бояр. Устав Ярослава назначил пеню с двоеженца. Из вопросов Кирика видим, что языческая невоздержанность и сожителство с женами без благословения церковного не исчезли еще и в высших классах. Церковь старалась ограничить

свободу разводов по смыслу канонических постановлений, допуская послабление только в том случае, когда муж оставлял жену или жена мужа для пострижения в монашество; остающейся в миру половине дозволялось вступать в новый брак. В отношениях полов господствовала чувственная грубость, что унижало даже самый брак и вызывало противоположную крайность — развитие крайне аскетических воззрений на брак и на женщину. Второй брак допускался только из снисхождения к немощам природы, а третий считался уже блудом; священнику, благословившему такой брак, правило митрополита Иоанна назначило извержение из сана. Женщина трактовалась, как причина соблазнов и существо нечистое. Кирик сомневался, можно ли служить в ризах, в которые вшита заплата от женской одежды. В грамотном обществе ходили разные бранчивые заметки о женской злобе, которые потом разрослись в огромные статьи.

Остатки язычества.

Вооружаясь против нравственных настроений общества, церковь должна была в то же время с особенной настойчивостью бороться против даже прямых остатков язычества. Это было время еще самого грубого двоеверия в народе. Многие по старой памяти ходили молиться под овины, к священным деревьям, озерам и кладезям, сходились на языческие игрища и проч. Не забыты еще были и древние мифы; в “Слове о полку Игореве” говорится и о ветрах — Стрибожьих внуках, и о Дажьбоге, и о Хорее, которому прерыскивал путь волкодлак (оборотень) Всеслав полоцкий, и о Бояне — внуке Волоса, и о мифической силе стихий, к которым плачущая Ярославна (супруга Игоря) обращается, как к божествам, с воззванием: “почто господине?” Мы видели, как сильны еще были волхвы. Сам летописец разделяет народную веру в их силу, только, сообразно с новыми понятиями, приписывает эту силу дьяволу. О Всеславе полоцком он рассказывает, что мать “родила его от волхвования с язвой на голове, и волхвы сказали: навяжи на эту язву на уз, который пусть носит до смерти; Всеслав точно носит его до сих пор, от того он так и кровожаден.” В другом месте летописец уверяет, что волхвования особенно бывают от женщин, повторяя языческие понятия о ведьмах. Церковь преследовала полуязыческие народные игрища и волхвов, но ее меры не могли проникнуть в недоступные недра семьи, где главным образом и хранилась языческая старина. Тут по-старому краяли (резали) хлеб, сыр и мед Роду и Рожаницам, молились домашнему очагу, употребляли разные заговоры и чародейные средства; приметы, обряды и поверья окружали всю домашнюю жизнь, так что проповедники прямо обличали народ в язычестве.

Примеры благочестия в жизни русских князей и пастырей церкви.

При слабом усвоении христианства в народной массе не удивительно, что примеры истинно христианской жизни за описываемое время известны нам преимущественно между высшими классами и духовенством. Восходящее солнце озарило еще только вершины — низменности лежали в прежнем мраке. Первый пример нравственного возрождения под влиянием христианской веры представляет нам сам *Владимир*. Из удалого вождя дружины, чуждого земле, какими были и он, и все прежние князья, он стал первым земским князем нарядником*, который думал с дружиной, епископами и старцами “о строи земляном,” который и воевал уже не из одной беззаветной богатырской удали, а для защиты своей страны, стал “красным солнышком” народа. Его широкая натура, которая вела его прежде к излишествах языческого разгула, теперь проявлялась в необыкновенном благодушии и ласковости, о которых говорят и летопись, и старые былины. Это был ласковый князь, у которого весьма был

* Распорядителем. — *Прим. ред.*

радушный прием и привет, добрый кормилец нищих, покровитель слабых. Бедняк смело шел на его княжеский двор и брал кушанье, питье и деньги. Этого мало: “дряхлые и больные, сказал князь, не могут доходить до моего двора,” и велел всякие припасы развозить для них по городу. В праздники он ставил трапезы себе с дружиной, духовенству и нищим. В своем церковном уставе, как мы видели, он тоже позаботился о богадельнях и больницах. 15 июля 1015 года умер добрый князь и плакали по нему все, знатные и убогие. Мощи его положены были в Десятинной церкви. По следам Владимира пошли дети его, — второе христианское поколение русских князей, — мученики *Борис* и *Глеб*, *Мстислав*, *Ярослав* с супругой *Ириной*, в иночестве *Анной*, первой инокиней из русских княгинь. Следующие поколения русских князей выставили из своей среды несколько святых, прославленных церковью, каковы были: сын Ярослава *Владимир* Новгородский — строитель новгородской Софии, просветитель Муромы *Константин* с чадами, сын благочестивого Мономаха *Мстислав*, сын Мстислава *Всеволод* Псковский, черниговские *Игорь Ольгович* и *Святослав Давидович* — в иночестве *Николай Святоша*, *Ростислав* Смоленский, *Андрей Боголюбский*, *Петр* и *Феврония* Муромские и другие. Между княгинями, кроме св. Ольги, Февронии и Ирины, прославились святостью *Анна*, сестра Мономаха, подвизавшаяся в киевском Андреевском монастыре, и *Евфросиния*, дочь Святослава Полоцкого, основавшая монастырь в Полоцке, под старость путешествовавшая в Иерусалим и там скончавшаяся (1173).

Из русских митрополитов причислены к лику святых *Михаил*, *Илларион*, *Иоанн II*, *Ефрем* и *Константин*; из епископов: ростовские — *Феодор*, *Леонтий*, *Исаия*, владимирский *Симон*, туровский *Кирилл*. Особенно много видим в лике святых новгородских владык, таковы: *епископы Иоаким*, *Лука Жидята*, *Никита* чудотворец, известные *Нифонт* и *Аркадий*, *Иоанн*, участвовавший в чуде Знамения Богородицы; слава о его святости и чудесах над бесами послужила поводом к составлению сказания о поездке его в Иерусалим на бесе.

Монашество.

Но главным средоточием святой жизни были монастыри. За стенами монастыря грубым страстям давался полный простор; в монастыре был совершенно другой мир, где дух господствовал над плотью, мир дивных сказаний об иноческих подвигах, видениях, чудесах, сверхъестественной помощи в борьбе с бесовской силой. Подвиги монахов — богатырей духа — были поразительнее всех прежних подвигов богатырей физической силы, сияли, как выражался святитель Кирилл туровский, выше мирской власти. Этим объясняется стремление в монастырь всех лучших людей времени, стремление по крайней мере хоть перед смертью облечься в иноческий образ, которое церковь должна была даже сдерживать. Игумен Поликарп с трудом уговорил отказаться от пострижения великого князя Ростислава, представляя ему, что князьям Бог повелел жить в миру, творить суд и правду и соблюдать данную присягу. Умирая без пострижения, Ростислав горько жаловался на то, что его удержали от монашества. Некоторые поучения старались внушать, что не спасут человека один пост и черные ризы, когда он имеет злобу и неправду делает. Монастыри стали появляться у нас с самого начала христианства в Киеве и Новгороде. “Много монастырей, — говорит летописец, — поставлено от князей и бояр, но не таковы они, как те, которые поставлены слезами, постом и бдением.” Таким монастырем, какой был нужен для юного христианского общества, со времен Ярослава и Изяслава явился монастырь Киево-Печерский, основанный Антонием и Феодосием.

Преподобные Антоний и Феодосий.

Преподобный Антоний был родом из Любеча. Пострижение свое он получил на Афоне, куда отправился для удовлетворения своего стремления к иноческому совершенству. Игумен монастыря, в котором он подвизался, понял, какую пользу его подвиги могут принести в России, и сказал ему: “Иди опять на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя имеют произойти многие черноризцы.” Антоний пришел в Киев, обошел все монастыри, но ни в одном не нашел такой строгой жизни, к какой привык на Афоне, и в 1051 году поселился в пещере недалеко от города. Скоро узнали о подвижнике люди, стали приходиться за благословением, а некоторые просились к нему на сожительство. Первый поселился в его пещере пресвитер *Никон*, постригавший потом всех, кого принимал Антоний. За ним пришел *Феодосий*.

Преподобный Феодосий был родом из Василева, но всю молодость провел в Курске, куда переселился с родителями. Еще 14 лет он лишился отца и попал в руки матери, одной из тех матерей, которые любят деспотически. Мальчик рано выучился грамоте, стал читать книги, увлекся мыслями в иной мир и предался аскетическим подвигам. Домашняя жизнь не представляла удобств для этих подвигов, против которых сильно протестовала любовь матери, и Феодосий бежал из дома с прохожими паломниками, увлеченный их рассказами о святых местах. Мать воротила его с дороги и день после этого держала в оковах. Через несколько времени Феодосий снова бежал от нее в соседний город, где приютился у священника и пек просфоры для церкви; но мать нашла его и здесь и опять воротила домой. Она бранила его за то, что он отдавал свое платье нищим и хотел ходить в рубище; однажды увидала на нем вериги, которые резали его тело до крови, с сердцем сорвала их и больно его побила. Препятствия только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили из ума слова Спасителя: “иже любит отца или матере паче Мене, несть Мене достоин.” Он в третий раз бежал из дома и явился в Киев, чтобы поступить в один из монастырей. Нигде не приняли нищего скитальца, который не мог дать за себя вклада. Наконец он нашел себе убежище по сердцу, пещеру Антония. Антоний (в 1052 г.) его принял и велел Никону постричь его. Через 4 года мать и здесь нашла Феодосия, но не могла уже воротить его домой. Желая умереть вблизи сына, она сама постриглась в женской обители святого Николая на Аскольдовой могиле. Братья Антониевой пещеры подвизались в строгом посте и трудах. Феодосий трудился не только за себя, но и за других, делая часть их работы; в знойные ночи он выходил обнаженный на болото; комары мириадами впивались в его тело, а он спокойно пряд волну и целую ночь пел Псалтирь.

Одним из самых ранних пришельцев в пещеру Антония был Моисей Угрин, слуга святого князя Бориса, уцелевший после резни на реке Альте. Во время нашествия Болеслава на Русь он попался в плен к полякам и достался одной панне, которая 6 лет мучила его, склоняя на любовь. Он тайно от нее успел постричься от одного странствующего инока. Измученный истязаниями и оскопленный злой госпожой, по освобождении от нее он провел остаток жизни в пещере Антония. При великом князе Изяславе явились к Антонию один знатный дружинник князя скопец Ефрем и сын другого дружинника, Варлаам. Скоро в пещерной общине произошли важные перемены. Никон удалился в Тмуторокань, где основал новую обитель. Ефрем уехал в Царьград, где стал заниматься списыванием книг для России. Потом и сам Антоний удалился в затвор на соседнюю гору, поставив игуменом Варлаама. Он жил в затворе до самой кончины (в 1073 году), только изредка принимая участие в делах обители. В игуменство Варлаама братья выпросили у князя Изяслава всю гору над пещерой, построили на ней, вместо прежней пещерной церкви, новую деревянную церковь во имя Успения Божией Матери, поставили келии, оградил все тыном и таким образом с 1062 года открыли Пе-

черский монастырь, пошедший, по замечанию летописца, от благословения святой горы. После Варлаама игуменом (в том же году) сделался преподобный Феодосий.

Устройство Киево-Печерского монастыря.

С самого же начала своего игуменства преподобный Феодосий принялся за устройство монастыря. Число братии возросло до 100, и он позаботился введением между ними общежития. По его просьбе, Ефрем прислал из Царьграда устав Студийского монастыря, который и был положен в основание жизни в Печерском монастыре. Святой игумен принимал живейшее участие в спасении каждого брата, давал каждому спасительные советы, поучал братию в церкви; свои поучения говорил он тихо, с мольбой; во время обличительной речи из глаз его текли слезы. Он часто обходил келии, чтобы узнать, нет ли у кого, сверх общих, своих вещей, пищи или одежды, и все подобное предавал огню.

Даже ночью неусыпный игумен, ходя по монастырю, слушал у дверей келий, что делает каждый брат, и если слышал праздную беседу сошедшихся монахов, то ударял в дверь жезлом, а наутро обличал виновных. В положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни в монастырь, ни из монастыря. Вратарь однажды не пустил в монастырь самого великого князя. Первыми добродетелями иноческой дисциплины были послушание и смирение. Вся жизнь иноков проходила в долгих церковных службах и тяжких трудах. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многие вкушали в самом малом количестве и через день. О материальном обеспечении монастыря не заботились ни игумен, ни братия, твердо веруя, что Питающий птиц небесных пропитает и Своих рабов; случалось, что с вечера не знали, чем будут питаться завтра; при всем том монастырь на последние средства помогал нищим. Когда обитель несколько обогатилась, Феодосий отчислил на бедных десятую часть ее доходов и устроил особый двор, где жили нищие, калеки и больные; кроме того, каждую субботу из монастыря отсылались воз хлебов по тюрьмам.

Феодосий был во всем примером для братии. Никогда не видали его праздным; он носил воду, рубил дрова, работал в пекарне; ел один сухой хлеб и щи без масла; лежа не спал, а только дремал немного сидя и, очнувшись, спешил продолжать свою непрестанную молитву; тела никогда не мыл, кроме лица и рук; одежду носил в заплатках, так что в это нищем старце нельзя было и узнать знаменитого игумена, которого уважал сам великий князь. Раз он возвращался ночью от Изяслава. Возница не знал его и сказал грубо: “Ты, монах, всегда празден, а я постоянно в трудах; ступай на лошадь, а меня пусти в колесницу.” Феодосий смиренно послушался и повез слугу. Последний со страхом узнал свою ошибку, когда увидел, как Феодосию кланялись, слезая с коней, встречные бояре, но Феодосий успокоил его и накормил в монастыре. Он часто ходил с наставлениями в дома мирян, своих духовных чад; по ночам иногда ходил в жидовскую часть Киева спорить с евреями, желая или обратить их ко Христу, или потерпеть от них мучение. Бедные, угнетенные в судах, находили в нем заступника, и судьи перерешали дела по просьбе уважаемого игумена. Феодосий имел большой вес у князя Изяслава. Когда Святослав отнял престол у Изяслава, один Печерский монастырь оставался верен изгнанному великому князю. Святослав, однако, терпеливо выслушивал обличения в неправде от преподобного Феодосия и не смел гневаться на него. Однажды Феодосий, прийдя к князю, застал у него музыку, песни и пляски скоморохов. Святой сел поодаль и со слезами заметил Святославу: “Будет ли так на том свете?” Великий князь велел прекратить игры, и с тех пор они всегда умолкали, когда докладывали о приходе Феодосия. Святослав так уважал святого мужа, что говаривал ему: “Если бы отец мой встал из мертвых, я так не обрадовался бы ему, как твоему приходу.” Так же относились к Феодосию многие бояре. Между ними замечателен варяг *Шимон*, обращенный Феодосием из латинства, известный по

своему участию в строении печерской церкви. В 1074 году мая 3-го преставился великий игумен, обещав перед кончиной молиться за монастырь и быть непрестанно духом с братией. Печерское предание приписывает ему и другое обетование: что всякий, положенный в стенах обители, будет помилован от Бога; предание это в старину было предметом общего народного верования.

При игуменах *Стефане*, *Никоне* и *Иоанне* в течение 15 лет производилось строение великой церкви во имя Успения Богоматери, начатое еще при Антоние и Феодосие в 1073 г. и оконченное освящением храма в 1089. Необычайные знамения окружали и строение, и освящение этой главной святыни Киева. Варяг *Шимон* два раза видел в видении изображение будущей церкви и, явившись к Феодосию, дал ему откровенную свыше меру ее и богатый вклад на построение. Сама Богоматерь послала мастеров из Царьграда и, заплатив им за труды вперед, дала им для храма Свою икону и мощи семи мучеников. Небесная роса указала место для храма, а небесный огонь очистил это место от зарослей. Сами пришли иконописцы из Царьграда, нанятые там преподобными Антонием и Феодосием, спустя уже 10 лет после кончины этих святых. В 1091 г. в великую церковь перенесены из пещеры мощи преподобного Феодосия.

Прославлялась обитель и святыми иконами. Таковы были из сподвижников преподобного Феодосия: святой *Исаия* Ростовский, святой *Стефан* — преемник его по игуменству, потом епископ Волынский, провидец *Иеремия*, помнивший еще крещение Русской земли, нестяжательный *Григорий*, утопленный князем Ростиславом за обличения, безмездный врач *Агапит* и другие. Особенным уважением пользовался подвиг затворничества. Кроме преподобного Антония и Моисея Угрина, этим подвигом прославился преподобный *Исаакий*. Семь лет провел он в пещере в подвигах и в борьбе с бесами и однажды подвергся такому сильному бесовскому искушению, что дошел до потери сознания и телесных сил; нужны были многие годы, чтобы святой подвижник оправился от болезни, но, выздоровевши, он опять ушел в затвор, где и подвизался до смерти. Из иноков, подвизавшихся после Феодосия, замечательны: известные нам *Евстратий*, *Пимен Сухой*, *Кукиша*, иконописец *Алипий*, игумены *Стефан*, *Никон* и *Поликарп*. Из затворников известны особенно: *Феофил*, 12 лет не видавший солнца в пещере, плакавший день и ночь; он скопил целый сосуд своих слез, а ангел пред его кончиной показал ему еще другой сосуд слез, которые он ронял на пол и которые превратились в благовонное миро; *Никита*, бывший после епископом в Новгороде; через год своего затвора он подвергнулся искушению человеческой славы — по внушению беса, явившегося ему в виде ангела, перестал молиться, стал читать книги и сделался изумительным учителем, но опытные иноки, заметив, что он знал наизусть весь Ветхий Завет, а Нового не читал, поняли его состояние и молитвою отогнали от него беса; после этого его нужно было снова учить грамоте, потому что он все забыл, что знал. Третий затворник *Иоанн* (Многострадальный) замечателен своею борьбою против плотской страсти; 3 года он не вкушал пищи по 3 — 7 дней и носил вериги, потом 30 лет провел в пещере, наконец закопал себя в землю по грудь и пробыл так весь великий пост, претерпевая величайшие мучения от жара и судорог во всем теле; огненный змей палил его пламенем и грозил пожрать; в самый день Пасхи молния ударила в змия, он исчез, и страсть навсегда потухла в подвижнике. От тяжелого затворнического подвижничества неопытных иноков в монастыре старались отговаривать и требовали от них общего жития в послушании игумену. Подвигом послушания и смирения особенно прославился князь *Николай Святоша*, проведенный 6 лет искуса в унижительной для князя службе на поварне и привратником, несмотря на то, что против этого сильно восставали его братья, князья черниговские. Достопамятны многие другие иноки: знаменитый отец русской истории летописец *Нестор*, *Прохор* лободник, чудесно производивший во время голода хлеб из лободы и соль из золы, подвергшийся за это корыстолюбивой зависти великого князя Святопол-

ка; *Феодор и Василий*, убитые сыном Святополка *Мстиславом*. Бес в образе Василия сказал князю, что Феодор нашел клад в своей пещере; князь потребовал этого клада себе, но Феодор после долгой борьбы с корыстолюбием дошел до того, что забыл самое место клада; гнев князя поразил обоих подвижников.

Значение Киевской обители.

Печерский монастырь мало-помалу сделался образцом для всех других монастырей и получил огромное влияние на религиозность русского народа вообще. Из него аскетическая настроенность распространялась и в обществе; благочестие понималось в тех именно формах, в каких проявлялось оно здесь. По своей славе он считался старейшим между всеми монастырями; в XII веке игумен его Поликарп получил сан архимандрита. Из Печерской обители брали игуменов в другие монастыри и иерархов для епархий; более 50 человек из ее иноков занимали епископские кафедры; выходцы из нее всюду разносили ее дух, устав, и творения ее подвижников Иакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ее постриженник, где бы ни довелось ему жить, хранил к ней трогательную любовь и старался по крайней мере под старость, перед смертью воротиться в ее стены. Симон Владимирский называет блаженными тех, которые погребаются в священной печерской земле. В письме к иноку печерскому Поликарпу он писал: “Кто не знает красоты церкви владимирской и другой суздальской, которую я выстроил? Сколько городов и сел принадлежат им! По всей земле той собирают десятину, и всем этим владеет наша худость. Но пред Богом скажу тебе, всю эту славу и власть вменил бы я в прах, лишь бы Бог привел мне хоть хворостиною торчать за воротами или сором валяться в монастыре Печерском и быть попираемому людьми.” По мере распространения славы своей обитель обогащалась пожертвованиями князей и других благочестивых людей и стала богатейшим монастырем в России. Князь Ярополк Изяславич дал ей три волости, дочь его — 5 сел, Ефрем епископ суздальский — двор в Суздале с церковью и селами. Монастырь получил возможность возводить богатые постройки и совершать дела благотворительности в самых обширных размерах.

Другие замечательные монастыри.

Вслед за Киево-Печерским монастырем возникали новые обители во всех русских городах, преимущественно с половины XII века. В одном Киеве их было до 17; в Переяславле и Чернигове было по 4 монастыря, в Галицком княжестве 3, в Полоцке, по житию святой *Ефросинии*, значится тоже 3, кроме ее Спасского монастыря, а в Смоленске, по житию святого Авраамия смоленского и по летописи — 5 монастырей. Преподобный *Авраамий* подвизался к концу XII и в начале XIII в. Раздав свое богатство нищим, он несколько времени юродствовал по улицам, потом поступил в монастырь. Здесь, постоянно занимаясь книгами, он дошел до такой мудрости, что сделался любимым учителем и священником всего города. Из зависти к его славе, против него восстало городское духовенство и обвинило его перед епископом в ереси, но он скоро был оправдан своим благочестием и чудесами, и был поставлен игуменом Ризположенского монастыря, который своим мудрым управлением успел довести до высокого духовного совершенства. В юго-западной Руси возникновение обителей стеснялось набегами половцев и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основания монастырей особенно на север, где было более покоя, и где, кроме того, сама природа с своими лесами представляла прекрасные места для монашеских подвигов.

В одном Новгороде было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородских владений более 30. Первое место между новгородскими монастырями занимал основанный Ярополком Юрьев монастырь, настоятель которого носил титул архимандрита. За ним более дру-

гих пользовались уважением Антониев и Хутынский. Первый основан в начале XI века преподобным *Антонием Римлянином*, который, удалившись от гонения, воздвигнутого в Риме на православных, приплыл на камне в Новгород и спасался здесь в своем монастыре 40 лет; второй основан в конце XII века преподобным *Варлаамом* на пустынном месте в 10 верстах от Новгорода. В Ростовской земле также было довольно монастырей — в Ростове было их 2, в Суздале 4, во Владимире 5, Переяславле, Костроме, Нижнем, Ярославле по одному. Первым монастырем с настоятельством архимандрита был здесь Рождественский владимирский, основанный Всеволодом III в 1192 г. Богатством своим славился монастырь Боголюбов, основанный в 1158 году Андреем Боголюбским. В начале XIII века супруга Всеволода III *Мария* создала владимирский Успенский монастырь, в котором и почил вскоре после своего пострижения. В Ризположенском суздальском монастыре (с 1227 г.) спасалась другая княгиня *Евфросиния*, дочь *Михаила* Черниговского, прибывшая в Суздаль невестою суздальского князя, но не заставшая его в живых (+ 1250 г.).

Многие из упомянутых монастырей, как и Киево-Печерская лавра, владели недвижимой собственностью и рабами. Так, до нас дошли: грамота великого князя Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село с данью, вирами и продажами; грамота Варлаама Хутынскому монастырю на земли, разные угоды, челядь и село; купчая и духовная Антония Римлянина его монастырю тоже на земли и рабов и другие. И имущества Монастырей, кроме содержания обителей, везде назначались еще на дела благотворительности, которые давали монастырям высокое общественное значение.

Период II.

От нашествия монголов и усиления северо-восточной Руси до разделения Русской митрополии (1237-1461 гг.).

1. Бедствия церкви и распространение веры.

Нашествие монголов и влияние его на образование нового центра церковной жизни.

В 1237-1240 годах Россию постигло нашествие монголов. Сначала опустошены были Рязанское и Владимирское княжества; народонаселение их было вырезано; церкви и монастыри разрушены или осквернены. Во Владимире погибли епископ *Митрофан* и все семейство великого князя *Юрия Всеволодовича*. Сам Юрий пал за веру и отечество на берегах Сити. Его племянник *Василий Константинович* ростовский попал в плен к варварам и погиб мученической смертью за то, что не хотел отречься от православия. Потом в южной Руси разрушены Переяславль, Чернигов, Киев, города волынские и галицкие. В Киеве погибли его главные святыни — Софийский и Десятинный храмы; Печерская обитель была разрушена, монахи ее разбежались по лесным дебрям и пещерам. Краса Русской земли, стольный город великого князя и митрополита обратился в ничтожное местечко, в котором насчитывалось всего около 200 домов. Общее бедствие обрушилось, впрочем, не с одинаковой тяжестью над той и другой половиной Руси. Северо-восточная Русь была опустошена менее; когда страшная буря пронеслась, она снова поправилась, благодаря умной деятельности своих князей.

Южная же Русь обращена была в сплошную пустыню; кроме того, монголы и после ее опустошения продолжали кочевать по ее степным окраинам и были постоянной грозой для ее народонаселения. Вследствие этого земледельческое и промышленное население ее массами потянулось на север. Русская историческая жизнь отступила в область Волги, завязала для себя новый центр, вместо южного Киева, в Москве и стала развиваться здесь уже в новом направлении. Сюда же передвинулось и средоточие церковной жизни — русская митрополия. Главным поприщем церковно-исторической жизни сделалась Великороссия, что не могло не иметь сильного влияния на ход церковной истории, как вследствие новых особенностей государственной истории на новом месте, так и вследствие особенностей самого великорусского народонаселения.

Отношение к христианству монголов.

При завоевании Руси монголы были язычниками; они признавали единого Бога, но поклонялись и многим другим богам — идолам, солнцу, луне, воде, огню, теням умерших ханов, верили в силу молнии над бесами, в очистительное значение огня, в колдовство и держали у себя целые толпы шаманов и заклинателей. В Орде едва ли даже и была одна какая-нибудь господствующая религия — по всей вероятности, там господствовала смесь всяких верований средней Азии. Отсюда объясняется религиозный индифферентизм монголов. В своей Ясе (книге запретов) Чингис-хан велел уважать и бояться всех богов, чьи бы они ни были. В Орде свободно отправлялись всякие богослужения, и ханы сами участвовали при совершении и христианских, и мусульманских, и буддийских обрядов, уважали и духовенство всех вер. Разорение русских святынь, жестокости против христиан во время нашествия на Русь нимало не противоречили этой веротерпимости, проистекая из обычной азиатской манеры вести войну.

Мученики за веру.

Кроме князя Василька Ростовского, великий князь Юрий и *Меркурий* Смоленский (погиб во время нашествия монголов на Смоленск в 1238 году), гибнут на войне. Во время самого нашествия монголов видим уже их обычай щадить духовенство; из погибших в это время духовных лиц известны только *Митрофан*, епископ Владимирский, *Симеон* Переяславский и несколько печерских иноков. В 1246 году встречаем первых мучеников в самой Орде, князя *Михаила Всеволодовича* Черниговского с боярином *Феодором*. В 1270 году замучен в Орде князь *Роман Ольгович* Рязанский. Но и в этих двух случаях монголы не отступали от Ясы Чингис-хана; они, можно сказать, и не касались здесь самого христианства, а требовали от князей только исполнения некоторых принятых при дворе суеверных обрядов пред аудиенцией у хана — прохождения чрез очистительный огонь, поклонения изображениям умерших ханов, солнцу и кусту, и такого же уважения к вере хана, какое сами привыкли оказывать всем верам. При хане *Узбеке*, принявшем в 1313 году ислам, господствующей верой в Орде сделалось мусульманство, известное своим фанатизмом. Но старая языческая терпимость вер не вдруг пропала там и после этого. В Орде настал длинный период двоеверия, продолжавшийся до самого ослабления монгольского владычества над Русью. Прежние отношения монголов к православной церкви продолжались поэтому почти без изменения.

Ханские ярлыки духовенству.

Пользуясь веротерпимостью монголов, первый в монгольское время митрополит *Кирилл* в самой столице ханов Сарае учредил православную епископию, поставив в нее епископом (в 1261 году) *Митрофана*, а у хана *Менгу-Темира* выпросил ярлык духовенству. Еще при пер-

вом обложении Руси данью духовенство было освобождено от ее платежа. Хан Менгу в своем ярлыке так же освобождает все белое и черное духовенство от всех своих даней и пошлин, — пусть-де беспечно молятся за него и за все его, ханово, племя. От даней и пошлин освобождались также братья и дети священнослужителей, которые жили с ними не в разделе. Церковные земли и угодья, церковные люди, вещи, книги, иконы и прочее объявлены неприкосновенными; запрещено под страхом злой смерти хулить православную веру. По другому ярлыку хана Узбека митрополиту Петру духовенство освобождено было от всякого ханского суда; все церковные люди подчинены были суду митрополита и притом по всем делам, не исключая уголовных. Всех ярлыков духовенству известно доселе семь.

Распространение христианства среди татар.

Несмотря на порабощение Руси монголами и татарами, православная вера продолжала оказывать свое прежнее могущественное действие на инородческие племена, не исключая и самих татар. Тяготая над Россией материальной силой, Орда сама подпала духовному влиянию покоренной страны, хотя и весьма слабому. Учрежденная в 1261 году Сарайская епархия сделалась в ней первым семенем христианства. В 1276 г. сарайский епископ *Феогност* на константинопольском соборе предлагал уже вопросы о татарах, желавших креститься. Известны и разные случаи обращения татар даже из ханского рода. Племянник хана *Берке*, тронутый речами ростовского епископа *Кирилла*, бывшего в Орде, тайно от родных уехал в Ростов и крестился с именем *Петра*. Памятником его благочестия остался в Ростове монастырь во имя Петра и Павла. Он умер около 1288 года, приняв пострижение. Крестились и другие знатные люди: мурза *Чет*, построивший при Калите костромской Ипатьевский монастырь, родоначальник Годуновых, внук Мамаю *Олекса* в Киеве при Витовте, родоначальник Глинских. Родственницы ханов, выходя замуж за князей, тоже всегда принимали христианство. Особенно много крестилось татар при святом Алексии. Чаще всего крестились татары, поступавшие на русскую службу.

Христианство на севере.

Среди финских племен на севере успехи христианства много продвинулись вперед благодаря сильной проповеди и еще более сильным примерам святой жизни многих подвижников, спасавшихся в северных пустынях. Недалеко от Каргополя в конце XIII века на горе Челме поселился преподобный *Кирилл* и основал монастырь Челмогорский. В течение 52 лет своей подвижнической жизни он просветил христианством всю окрестную чудь. В 1329 году на Ладожском озере на острове Валаам поселился старец *Сергий*; с ним соединился другой инок, преподобный *Герман*; трудами их основался знаменитый Валаамский монастырь, имевший большое влияние на просвещение верою окрестных корелов. В конце XIV века инок Валаамского монастыря *Арсений* поселился на соседнем с Валаамом острове Коневском, где чудские язычники приносили коней в жертву одному камню, крестил многих язычников и основал Коневский монастырь. На Онежском озере в XIV веке преподобным *Лазарем* основан монастырь Мурманский. Дикие лопари много притесняли святого, но, исцелив слепого сына их старшины, Лазарь приобрел полное их доверие и многих крестил. Просветительной деятельностью известен еще Спасокаменный монастырь на Каменном острове Кубенского озера, в первый раз открытый в 1260 г. князем Глебом Белозерским, которого занесла к острову буря; доселе иноки, числом 23, безвестно подвизались в проповеди чудским племенам. В конце описываемого времени на Соловецком острове Белого моря возникла знаменитая Соловецкая обитель — просветительница всего северного Поморья.

Христианство на северо-востоке у зырян; святой Стефан Пермский.

К именам Арсения Коневского, Кирилла Челмогорского, Лазаря, иноков Валаамского и Каменского монастырей в истории христианской миссии нужно присоединить славное имя святого *Стефана* Пермского, просветителя Пермского края. Он был сыном соборного причетника в Устюге, рано выучился грамоте и получил страсть к книжному учению. Чтобы удовлетворить ее, он вступил (в 1365 году) в ростовский монастырь Григория Богослова, где было много книг. Давно уже у него возникла мысль сделаться апостолом диких зырян Перми, с языком и жизнью которых он был знаком еще на своей родине. В течение 13 лет монастырской жизни он постоянно готовился к задуманному подвигу, изучал греческий язык для перевода священных книг на зырянский язык, составил зырянскую азбуку и переводил наиболее нужные библейские и богослужебные книги. Приготовив себя таким образом, посвященный в сан иеромонаха, он отправился к зырянам. Местом деятельности он выбрал селение при устье Выми, где устроил церковь. Отсюда он ездил с проповедью во все стороны, всюду разрушал и жег капища и идолов. Язычники с удивлением замечали, что он ничего не брал себе из богатых приношений, которые находились на их священных местах, невольно признавали его превосходство перед своими корыстолюбивыми жрецами и крестились. Успехи святого Стефана встревожили языческих волхвов. Они стали возмущать против него народ, пользуясь при этом местной ненавистью к Москве. “Что, — говорили они, — слушать пришельца из Москвы, которая нас угнетает податями?” Святой Стефан вступал с ними в споры и победой над ними привлекал к церкви новых чад. Особенно важна была для успехов веры его победа над главным волхвом *Памой*. Знаменитый чудесник сам вызвался пройти вместе с Стефаном сквозь огонь и воду, покрытую по причине зимнего времени льдом, чтобы испытать, чья вера сильнее, думая, что Стефан не согласится на это. Но когда, сверх чаяния его, святой согласился, он сам отказался от испытания. Огромная толпа, собравшаяся смотреть на чудо, едва не растерзала Паму и затем перешла на сторону Стефана. Успехи Стефана весьма много зависели от того, что он проповедовал зырянам и совершал для них богослужение на их родном языке. Он неутомимо продолжал свой зырянский перевод церковных книг и трудился в их переписке; кроме того, учил зырян грамоте по своей азбуке. Лучших учеников, годных на священнические места, он посылал в соседние епархии для поставления к зырянским церквям, а в 1383 году митрополит Пимен посвятил его самого в епископа. С основанием епархии (в Усть-Выми) Пермская страна стала удобнее получать священников из природных зырян и дело просвещения пошло успешнее. Одним из самых сильных средств для привлечения зырян к вере была еще благотворительная деятельность святого Стефана. В голодные годы он привозил хлеб из Вологды и Устюга для раздачи бедному народу, делал большие ссуды и милостыни из архиерейской казны, испрашивал у великого князя прощение недоимок. В 1386 году он ездил в Новгород с просьбой, чтобы вече обуздало грабежи новгородской вольницы по Вычегде; потом ездил в Москву просить великого князя об обуздании насилий и поборов княжеских чиновников; он и умер в Москве во время поездки туда в 1396 году. За 18 лет своего апостольства святой Стефан обратил к христианству всю малую Пермь по Вычегде и Выми; великая Пермь по Каме и Чусовой оставалась еще в язычестве. Преемники Стефана *Исаак* и *Герасим* старались и ее обратить ко Христу. В 1442 году Герасим претерпел даже мученическую смерть от слуги своего Вогула, который удушил его омофором. После него в 1454 году погиб и другой пермский епископ *Питирим*, замученный в плену у вогулов. Святая вера начала распространяться у вогулов уже при преемнике Питирима *Ионе*, который в 1462 году крестил самого князя пермского и множество народа.

Борьба православия с католичеством на северо-западе.

На Северо-западной окраине Руси шла прежняя борьба между католической и православной миссией среди финнов. Из Швеции и Лифляндии против русских поднимались целые крестовые походы. В 1240 г. такой поход на Россию предпринял шведский владетель *Биргер*. На Неве встретил его новгородский князь *Александр Невский* и нанес шведам страшное поражение. Эта религиозная борьба ознаменовалась чудесами. Один ижорянин *Пелгуй* перед началом битвы видел ночью свв. Бориса и Глеба, плывших в лодке по Неве. “Поможем родичу нашему Александру,” — говорили они друг другу. В то же время Ливонский орден нападал на Изборск и Псков. Его военная пропаганда латинства была надолго остановлена тем же св. князем Александром после страшного поражения рыцарей в Ледовом побоище на льду Чудского озера (1242 г.). После этих подвигов неевского героя папа завязал с ним мирные сношения и в 1248 году прислал к нему двоих легатов с увещанием покориться Римской церкви. Александр Невский отпустил их с решительным отказом.

В 1265 году пришел во Псков другой св. князь, герой и защитник православия, литовец *Довмонт* (Тимофей), бежавший из Литвы от мщения родичей убитого им кн. *Миндовга*. Сделавшись псковским князем, он прославился защитой псковских земель от литвы и ливонцев, которые снова принялись за распространение латинства вооруженной силой. В 1268 г. он участвовал в знаменитой Раковорской битве русских князей против ливонцев и датчан; в следующем году спас от немцев сам Псков. После своей кончины (+ 1299) он стал небесным покровителем Пскова вместе с св. Всеволодом. Несмотря на подвиги Александра Невского и Довмонта, владычество ордена твердо укрепилось на балтийском Поморье; ливы, латыши и чудь были обращены в католичество, и слабые зачатки православия были вытеснены из всего края.

Между тем в Швеции время от времени появлялись папские буллы, призывавшие шведов к религиозной войне с Россией. В 1347 году шведский король *Мангус* открыл большой религиозный поход на новгородские земли. Предварительно он отправил в Новгород послов, прося назначить прение о вере с тем, чтобы все приняли ту веру, которая одержит верх. Владыка *Василий* отвечал, что новгородцам нечего спорить о вере, что приняли они ее от греков, а потому, если король желает узнать, чья вера лучше, так пусть и пошлет с этим послов к патриарху. После этого король опустошил всю Карельскую и Ижорскую землю и повсюду крестил народ в латинство. Но по удалении его в Швецию завоеванные места снова отложились от шведов, а жители возвратились к православию.

Борьба с католичеством в княжестве Галицко-Волынском.

Тот же папа Иннокентий IV, который сносился с Невским, завязал сношения с другим знаменитым князем, *Данишлом Романовичем* Галицко-Волынским. Тяготясь татарским владычеством более всех русских князей, Даниил посылал к папе послов с обещанием соединиться с Римской церковью, если папа будет помогать ему против татар. Буллы одна за другой полетели в Галич. Папа разрешал русским соблюдать греческие обряды, оставлял им квасный хлеб в Евхаристии, обещал проповедников и епископа, дал Даниилу право отнимать земли у князей, не исповедующих латинства, дал королевский венец, но помощи не дал; на проповедь его о крестовом походе против татар никто в Европе не откликнулся, и Даниил прекратил все сношения с Римом. Православие оставалось господствующим на юго-западе до самого пресечения рода галицких князей. С 1340 года в Галиции водворилось польское владычество, а Волынь соединилась с Литвой. У православных жителей Галиции католики стали отнимать церкви и обращать в костелы. С 1376 года латинство уже имело в Галиции

свою архиепископию и 3 епископии. Потом братья-доминиканцы с благословения папы завели (1381 г.) в ней инквизицию.

Православие и борьба его с католичеством в Литве.

В Литву христианство переходило из России и из соседних католических стран — Польши и Ливонии, а потому и здесь с самого же начала видим борьбу православия с католичеством. В 1246 г. принял православие кн. *Миндовг*, но только наружно, с целью сблизиться через то с русскими князьями для борьбы с Ливонским орденом. Потом он так же легко принял католичество, чтобы помириться с орденом. Папа дал ему королевский титул. Но, обманув и папу и рыцарей, он продолжал приносить жертвы старым литовским божествам. У него был жестокий сын *Воишелг*, каждый день убивавший по 34 человека. И этот тоже принял православие, даже постригся в монахи, но убийство его отца снова обнаружило его кровавые инстинкты, пробудив в нем языческую жажду мести. Сбросив с себя монашескую рясу, он объявил себя литовским князем и перебил множество своих врагов. Насытившись мезтью, он отдал все свои владения сыну Даниила Галицкого — *Шварну*, своему зятю, и опять ушел в монастырь. Правление его, однако, было полезно для православия в Литве, потому что для просвещения своей страны он нарочно вызывал священников из Новгорода и Пскова. Большинство литовских князей уже исповедовало православие.

Основатель единого Литовского княжества *Гедимин* (1315-1345) был язычником, но, не желая раздражать многочисленных православных жителей подвластных ему русских княжеств, оказывал полную терпимость к православию, позволял своим сыновьям креститься, дочерей своих выдал за русских князей замуж и сам вторым и третьим браком был женат на русских княжнах. Сын его *Ольгерд* (1345-1377) после вступления своего на престол вздумал было опереться на языческую партию, по настоянию жрецов, даже замучил за православие троих своих придворных, отказавшихся от жертвоприношений священному огню, — *Антония, Иоанна и Евстафия*; но литовцы оказали этим мученикам такое сочувствие и в таком множестве стали обращаться в христианство, что князь решил отложить свою языческую ревность в сторону и, по примеру отца, стал покровительствовать православным. Он был два раза женат на русских княжнах (*Марии* Витебской и *Иулиании* Тверской) и позволил крестить 12 своих сыновей, а под конец жизни крестился и сам. Католическое влияние хотя и проникло в Литву, но не могло пока осилить влияния православного; притом же оно имело тогда очень дурных представителей в соседних орденах прусских и ливонских рыцарей, которые за свои насилия были ненавидимы по всей Литве.

Успехи католичества при Ягелле.

Обстоятельства изменились при сыне и преемнике Ольгерда *Ягелле*. После его брака с польской королевой *Ядвигой* последовало вредное для православия соединение Литвы с католической Польшей. Ягелло принял в Польше (1386 г.) католичество и обязался ввести его и между литовцами. Он воротился в Литву с ксендзами и начал насильно крестить литовцев-язычников. Потом к католичеству стали принуждать и православных. Католичество приняли четыре брата Ягелла и несколько литовских князей. Двое православных литовских вельмож за отказ последовать примеру великого князя были казнены. Латинская пропаганда коснулась и русских областей, соединенных с Литвою. Все православные были объявлены лишенными права гербов, шляхетства и чиновной службы. Русские и литовцы сильно вознегодовали на Ягелла, который притом же совсем отдался полякам, даже и жил не в Литве, а в Поляпе. Соединившись вместе, они провозгласили своим князем его двоюродного брата *Витовта* (1392-1430). Витовт тоже был католик, но он лучше брата понимал, как неуместно в Литве

заявлять свою преданность папе насилием, и отличался терпимостью. Католичество все-таки и при нем было объявлено господствующей религией во всем княжестве. В Вильне и Киеве учреждены латинские епископии. На Городельском сейме 1413 года было постановлено: как в княжестве Литовском, так и в короне Польской право занимать высшие должности предоставить только тем русинам, которые примут католическую веру. Оттого многие из православных ради житейских выгод стали переходить в католическую. Преемник Витовта *Свидригайло* был ревнителем православия. Латинских монахов, ксендзов и бискупов выгнал из княжества, а католические костелы сжег. Но когда поляки посадили на его место *Сигизмунда*, ревностного католика, православию должно было дорого поплатиться за свое короткое торжество: большая часть его церквей была разорена. Вскоре затем последовала Флорентийская уния. Католическая церковь, видя невозможность распространить в западной России и Литве чистое латинство, ухватилась теперь за эту унию.

2. Церковная иерархия и состояние духовенства

Расстройство в церковном управлении вследствие татарского нашествия и восстановление порядка митр Кириллом II.

Монгольский погром печально отозвался на состоянии Русской церкви, произведя в ней сильное расстройство порядка. При разорении Киева без вести пропал недавно присланный из Греции митрополит *Иосиф*. На место его, по влиянию князя Даниила Романовича, около 1243 года избран был новый митрополит из русских, *Кирилл II*. Возвратясь из Греции с своего посвящения (около 1247 года), он уже не нашел себе удобного приюта в разоренном Киеве и должен был выбрать для своего местопребывания другой город, — или Галич, столицу южного великого князя, или Владимир, столицу великого князя северного. Он не мог еще сделать между ними решительного выбора и, не имея таким образом “пребывающего града,” все время своего 33-летнего святительства провел в разъездах по всей митрополии с места на место. Но и теперь было уже видно, что северная столица будет предпочтена им Галичу: большую часть своего управления Кирилл провел на севере, долгое время не рукополагая во Владимире даже особого епископа; он рукоположил туда епископа *Серапиона* уже в 1247 году. Во время своих разъездов митрополиту повсюду пришлось видеть много беспорядков как в церковном управлении, так и в жизни народа. Это послужило поводом к замечательным постановлениям собора, созванного им в 1247 г. во Владимире по случаю постановления Серапиона. Первосвятитель держал на этом соборе сильную речь против замеченных им нестроений, выставляя их причиною кары Божией на Русь и всех современных бед. Собор обратил внимание на поборы при поставлении ставленников во священный сан и на работы, какие они должны были нести в пользу архиерейских домов в том случае, когда заплатить за поставление им было нечем, назначил взимать с них только такое количество сбора (7 гривен), какое было нужно для покрытия необходимых издержек при поставлении, и указал рукополагать их только после внимательного их испытания; исправил некоторые вкравшиеся в последнее время неисправности в совершении богослужения; духовных лиц, впадавших в зазорную жизнь, распорядился лишать сана; обратил внимание на народный разгул и бесчиния в препровождении праздников и прочее. Для руководства в церковном управлении митр. Кирилл представил на утверждение собора новый список церковных правил, выписанный им из Болгарии и содержащий в себе полный Номоканон с прибавлением еще неизвестных до сих пор в России новых церковных постановлений и толкований на правила. Извещая об этом соборе, он говорил, что церковные правила доселе “помрачены были облаком мудрости

еллинского языка, ныне же облисташа, рекше истолкованы были и благодатию Божиею ясно сияют, неведения тьму отгоняюще.” Наконец в правление того же митрополита, как мы видели, определены были отношения Русской церкви к монголам в ярлыке Менгу-Темира и устроена Сарайская епархия. Деятельный святитель скончался в 1280 году и был погребен в Киеве.

Митрополит Максим.

Преемник Кирилла блаженный *Максим*, родом грек, прибыл из Греции в 1283 году и тогда же отправился в Орду за утверждением в своем сане от хана. И он должен был вести странническую жизнь подобно предшественнику, пока в 1299 году совсем и “с клиросом своим” не поселился во Владимире. Житие его повествует, что по прибытии в этот город сама Богоматерь явилась ему во сне, одобрила его намерение поселиться в Ее граде и дала ему омофор, который чудесно остался у него в руках по пробуждении. Так сделан был первый решительный шаг к перенесению митрополии на север. На юге, в Галиче, должны были, конечно, дурно отнестись к этому переселению митрополита. И действительно, еще при жизни Максима (+ 1305) между югом и севером видим следы соперничества из-за митрополии, которое с течением времени все разрастается и ведет к разделению Русской церкви на две половины. Из росписей кафедр константинопольской патриархии и ее актов XIV века видим, что еще в 1303 году греки учредили в Галиче особую митрополию; известно имя и первого митрополита галицкого — *Нифонта*. Виновником ее учреждения житие святого Петра выставляет великого князя *Юрия Львовича*, управлявшего Волынью и Галичем, внука Даниилова, который “восхоте Галичскую епископию в митрополию претворити.” После Нифонта он отправил в Царьград другого своего кандидата на эту митрополию, святого *Петра*. Но патриарх Афанасий (в 1308 году) поставил Петра митрополитом не галицким, а всея России, на место скончавшегося митрополита Максима.

Святой Петр.

Был родом из Волыни, с 12 лет поступил в монастырь и удивлял братию своим послушанием и подвигами, потом после многих лет монастырского подвижничества ушел в уединение на р. Рату и основал свой монастырь. Сделавшись митрополитом, он только проездом остановился в Киеве и отправился прямо на север. В северной Руси шла тогда сильная борьба из-за великокняжеского достоинства между *Михаилом* Тверским и *Юрием* Московским. Став на стороне Юрия, митрополит на первых же порах возбудил против себя вражду в Твери. Тверской епископ *Андрей* оклеветал святителя пред патриархом, вследствие чего для суда над ним в 1311 году был созван собор в Переяславле. Клевета, однако, скоро обнаружилась, но смиренный святитель от души простил ее виновника Андрея, сказав ему: “Мир тебе, чадо, не ты сотворил это, а диавол.” Неудивительно, что святой Петр не любил жить в Твери, а более всего проживал в Москве, у своего любимого князя, брата Юриева, *Иоанна Даниловича*. По смерти Михаила и Юрия, убитых в Орде, кандидатами на великокняжеское достоинство выступили Иоанн Данилович и сын Михаила *Александр* Тверской и подняли между собой новую борьбу. Узбек утвердил великим князем Александра, но Иоанн нашел сильное средство удержать первенство за Москвой в расположении к нему митрополита Петра. Сильный своим иерархическим значением, митрополит пользовался при этом еще своим большим значением в Орде, куда ездил за упомянутым ярлыком в начале правления Узбека, а потому был полезен Иоанну и с этой стороны. Престарелый святитель совсем поселился в Москве у любимого князя и просил его устроить здесь свой кафедральный собор. “Если послушаешь меня, сын мой, — говорил он, — храм Пречистыя Богородицы построишь и меня успокоишь

в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и город этот славен будет; святители в нем станут жить, и покорит он все другие города.” Иоанн Калита, по его слову, основал каменный собор Успения Богоматери. Святитель Петр скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончания желанной постройки, но гроб его, поставленный в Успенском соборе, действительно стал краеугольным камнем величия Москвы. Новое место для кафедры митрополитов было наконец найдено, хотя митрополия все еще продолжала именоваться не Московскою, а Киевскою. Пребывание митрополита в Москве давало этому городу значение главного города всей земли, потому что князей было много, а митрополит был один; кроме того, кафедра митрополичья способствовала возрастанию и обогащению Москвы, отовсюду привлекая к себе людей, имевших нужду до верховного святителя; наконец, митрополит, естественно, должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого жил. Между тем южная Русь подпала под владычество Литвы и окончательно потеряла свое первенствующее значение в церковной жизни. С 1315 г. литовским князем сделался знаменитый *Гедимин* и еще при жизни святителя Петра овладел всей Волынью и Киевом. С этого времени к заботам об отношениях к монголам у митрополитов присоединяются еще новые заботы об отношениях к Литве.

Митрополит Феогност.

Преемник святителя Петра, грек Феогност, посвященный в 1328 г., уже прямо отправился на жительство в Москву, к московскому князю, который в том же году сделался великим князем. Александр Михайлович Тверской, произведя в Твери восстание против ханского посла *Щелкана* и избиение его свиты, навлек на себя опалу Узбека и бежал во Псков. Иоанн Калита должен был взять его у псковичей и представить в Орду. При этом вполне обнаружилось, какого важного союзника имела Москва в митрополите. Феогност за прием опального князя объявил псковичам свою анафему. После этого Александр уехал в Литву. Удельные князья, конечно, были очень недовольны постоянною связью митрополита с Москвой, но помешать этой связи не имели силы. Более сильного противодействия можно было ожидать только от Литвы и Польши, владевших русскими землями. Действительно, по проискам с этой стороны и честолюбию разных духовных лиц юго-западной Руси, здесь один за другим являлись митрополиты, добывавшие себе сан у греков, — в Галиче *Гавриил* еще при митрополите Петре и *Феодор* при митрополите Феогносте, в Киеве лжемитрополит *Феодорит*, посвященный в 1352 г. тырновским патриархом. Патриарх Филофей константинопольский объявил его лишенным священного сана. Еще ранее в 1347 г. греки высказались против разделения Русской митрополии и объявили Галицкую митрополию упраздненной. В Орду Феогност должен был ездить два раза. Во вторую поездку (1342 г.) его встретили там большие неприятности. Кто-то сказал хану *Чанибеку*, что митрополит собирает большие доходы с духовенства и что у него много денег. Хан потребовал у него платежа со всего духовенства. Феогност перенес в Орде всякие притеснения, раздарил до 600 рублей разным сильным людям и все-таки настоял на том, что хан утвердил за Русской церковью все ее прежние льготы новым ярлыком. Святитель умер в 1353 году вместе с великим князем Симеоном от моровой язвы.

Святой Алексей. Споры о единстве митрополии.

Избранный еще при жизни Феогноста, его преемник святой *Алексий* был из боярского рода Плещеевых, родился в 1300 году и имел своим восприемником Калиту. Лет 20-ти он постригся в московском Богоявленском монастыре. Здесь заметил его митрополит Феогност и сделал своим наместником, а потом епископом владимирским. По смерти Феогноста свя-

той Алексей поехал в Грецию и был посвящен в митрополиты (1354 года). Как видится, неоднократное поставление на митрополию русских людей стало обращать на себя беспокойное внимание греков; собор по случаю его поставления сделал оговорку, что Алексей поставляется митрополитом только как исключение, вследствие личных своих достоинств, но что впредь митрополиты должны посылаться на Русь непременно из греков. В то же время было снова определено отнюдь не разделять Русской митрополии на части, потому что, хотя митрополит и живет не в Киеве, а в Москве, но Киев все-таки остается его престольным местом. Но еще не выехал Алексей из Цареграда, как приехал сюда новый кандидат на митрополию *Роман*, человек знатного, княжеского рода, родственник второй жены Ольгерда, Юлиании Тверской. Его прислал сам князь Ольгерд, который, желая освободиться от церковного подчинения своей страны московскому митрополиту, захотел иметь своего собственного митрополита. Опасение, как бы в случае отказа Ольгерд не сделал в своей стране какого-либо вреда православию, а более всего богатые дары заставили патриарха Филофея посвятить и Романа, назначив ему в управление Литву и Волынь с кафедрой в Новгородке Литовском. Киев все-таки оставлен был за святым Алексием. Оба митрополита явились на Русь, и “сотворился, по рассказу летописца, мятеж во святительстве.” Алексей покорился определению патриарха и его собора и довольствовался своею областью, но Роман не был доволен, домогался получить под свою власть и Киев с Брянской епархией, тоже уступленной Алексею, делал властные распоряжения в Твери, пользуясь тем, что Михаил Александрович Тверской был родственник и союзник Ольгерда. Церковная смута прекратилась уже в 1368 г. смертью Романа. Патр. Филофей и константинопольский собор опять определили, чтобы Литва не отделялась от всероссийского митрополита; но определение это, как увидим, не было приведено в исполнение, едва ли даже было обнародовано. Святой Алексей был вовсе не такой просветитель, которым могли бы быть довольны в княжествах, не ладивших с Москвой. В правление *Иоанна* // Алексей был главным советником великого князя и во всем ему содействовал, а его содействие было тогда очень важно вследствие особенного благоволения к святителю ордынских ханов. В 1357 году, по случаю глазной болезни ханши *Тайдулы*, которой никак не могли вылечить волхвы татарские, хан Чанибек писал к князю: “Мы слышали, что Бог не отказывает молитвам главного попа вашего; отпустите его к нам, да исцелеет его молитвами царица моя; а то пойду опустошать землю вашу.” Святитель поехал и исцелил Тайдулу. После этого его еще более стали уважать в Орде. В том же году Чанибек умер; его сын, свирепый *Бердибек*, потребовал от русских князей новой дани. Алексей снова поехал в Орду ходатайствовать за Русскую землю. При содействии Тайдулы он укротил хана и воротился с новым ярлыком. При малолетнем *Дмитрии Иоанновиче Донском* митрополит был настоящим правителем государства и выручил Москву из довольно опасных обстоятельств. Он помог Дмитрию удержать великокняжеское достоинство, несмотря на соперничество старшего родича, *Димитрия* Суздальского. Несколько времени спустя митрополит вступил в ссору суздальских князей *Димитрия* и *Бориса* из-за Нижнего и звал их судиться в Москву. Борис было отказался от московского суда, но святой Алексей послал к нему в Нижний преподобного *Сергия Радонежского* с повелением затворить все церкви в городе и этой сильной мерой смирил его пред московской властью и заставил уступить Нижний брату. При посредстве митрополита заключались все княжеские договоры; он употреблял свою духовную силу и для того, чтобы заставлять князей соблюдать эти договоры, предавал отлучению тех из них, которые вступали против Москвы в союз с Литвой.

Такая постоянная связь митрополита с Москвой, конечно, должна была возбуждать в нем сильную неприязнь в Литве и Польше. В 1371 году, несмотря на все прежние определения о единстве митрополии, патриарх Филофей должен был уступить сначала настояниям польского короля Казимира и дать Галичу особого митрополита *Антония*. Потом в том же

году пришло к нему настойчивое послание и от Ольгерда литовского, который жаловался, что никогда не бывало такого тяжелого митрополита на Руси, как святой Алексий, что Киева и Литвы он вовсе не посещает и любит одного только князя московского, с благословения его Москва обидела его, Ольгердова, шурина, Михаила Тверского, и зятя, Бориса Нижегородского, с перебежчиков на московскую сторону митрополит снимает крестное целование и проч., и в заключение просил поставить тоже особого митрополита в Киев, Малую Россию, Литву, Смоленск, Тверь и Нижний, т.е. во все местности, враждовавшие с Москвой. Филофей уступил и этой просьбе и в 1376 году поставил митрополитом киевским серба *Киприана*. В России стало таким образом сразу три митрополита. Для поддержания единства митрополии патриарх определил только, чтобы Киприан снова соединил Русь под одной своей властью после смерти Алексия.

Смуты в митрополии по кончине митрополита Алексия. Митрополит Киприан и его слуги.

Понятно, что в Москве были очень недовольны поставлением Киприана и назначением его в преемники святителю Алексию без согласия великого князя. Престарелый святитель хотел назначить себе преемником преподобного Сергия, но смиренный подвижник решительно отказался от этой чести. Тогда великий князь наметил на митрополию своего духовника и любимца, священника *Митяя* (Михаила). Это был человек видной наружности, с громкой и чистой речью, хорошо толковавший силу книжную, знавший все старинные повести, книги и притчи, рассуждавший красноречиво в судах и делах, но вместе с тем гордый и заносчивый. Великий князь уговорил его постричься и в самый же день пострижения сделал архимандритом своего московского Спасского монастыря. Несмотря на то, что Алексий никак не соглашался признать этого монаха — новоука своим преемником, едва только святитель скончался (в 1378 г.), как Митяй вошел на митрополичий двор и начал всем здесь распоряжаться, как настоящий митрополит, править делами и собирать митрополичью дань. Так как он желал быть посвященным русскими епископами, то в Москве, по распоряжению великого князя, собрался для этого собор епископов и высшего духовенства. Но между ними нашлось много людей, особенно из монахов, которые вовсе не желали иметь его митрополитом. Больше других говорил против него епископ Суздальский святой *Дионисий*. Митяй привязался к нему, запальчиво требуя от него ответа, почему по приезде в Москву он не явился к нему за благословением. “Ты должен был придти ко мне за благословением, а не я к тебе, — отвечал Дионисий, — потому что я епископ, а ты поп.” — “Я тебя и попом не оставлю, — кричал Митяй. — Своими руками спорю свои скрижали.” — Узнав, что Дионисий сам намерен отправиться за митрополичьим саном в Грецию, Митяй с великим князем посадили его под стражу. Дионисий дал слово не ездить в Грецию и выставил в этом поручителем за себя преподобного Сергия, но все-таки уехал не более как через неделю после своего освобождения. Митяй страшно рассердился и на него и на Сергия. А из Киева между тем ехал к Москве другой, еще более опасный кандидат на митрополию, Киприан, который должен был занять теперь всю митрополию в силу соборного определения 1376 г. Против этого кандидата восстал сам великий князь, видевший в нем избранника Ольгерда, и с бесчестьем выгнал его из Москвы. После всего этого Митяй решил поторопиться своим посвящением и сам наконец двинулся в Грецию с огромной свитой, с дарами для греков и с несколькими бланками, скрепленными печатью великого князя, на всякий случай, но при самом конце дороги, уже в виду самого Константинополя, внезапно умер в 1379 году.

После его смерти спутники его решились самовольно выбрать в митрополиты одного архимандрита из его свиты, *Пимена*, и на одном из бланков за великокняжеской печатью на-

писали от имени великого князя прошение об его поставлении. Патриарх Нил и император сначала было отказались исполнить это прошение, ссылаясь на то, что в Россию уже давно посвящен на митрополию Киприан. Но послы, воспользовавшись другим бланком, заняли денег, раздали, кому нужно, до 20 000 рублей и таки достигли своей цели. Узнав об обмане Пимена, великий князь еще до его возвращения пригласил к себе в Москву Киприана, а Пимена по возвращении велел заточить. Но через несколько времени оказалось, что он сделал это единственно под влиянием гнева на Пимена, а не потому, что возымел доверие к Киприану. Во время нашествия Тохтамыша митрополит Киприан удалился из Москвы в Тверь, как известно, союзную с Литвой. После этого великий князь опять прогнал его от себя и пригласил на митрополию Пимена. Но так как и этот митрополит был ему негоден, то он в то же время отправил в Грецию просьбу о поставлении в митрополиты Дионисия. Дионисий тоже был поставлен, но на обратном пути из Греции был задержан литовцами в Киеве и умер там в 1385 году в тюрьме. Между тем Киприан с Пименом ездили в Грецию тягаться о митрополии перед патриархом. Патриарх решил дело в пользу Киприана. В его же пользу сложились теперь и все другие обстоятельства; в 1389 году умер недоброжелательный к нему великий князь Димитрий; умер и низложенный Пимен. “И перестал, — говорит летописец, — мятеж в митрополии и бысть едина митрополия, Киев и Галич и вся Русь.” Известие это, впрочем, не вполне справедливо; в Галиче все еще оставался особый митрополит Антоний.

Единоличное правление Киприана все прошло в мире. Согласие его с новым великим князем *Василием Димитриевичем* не прерывалось ни разу, а так как великий князь был в постоянном мире с литовским князем *Витовтом* (своим тестем), то и в Литве перестали хлопотать об особом митрополите. В Орду ему не было уже надобности ездить, потому что после Донского она перестала быть страшной для Руси. С ослаблением силы и власти монголов митрополиты перестали домогаться ханских ярлыков, а стали выпрашивать грамоты у своих великих князей. В 1404 году такая грамота дана была митрополиту Киприану великим князем *Василием Димитриевичем*. Замечательно, что княжеские грамоты содержали в себе разные ограничения прежних гражданских прав церкви, дарованных ей ярлыками, так как они давались теперь уже от настоящей государственной власти, а не от власти дикой Орды, которая требовала себе от русских только рабского повиновения и не обращала внимания на самый строй и потребности Русского государства. Грамотой 1404 г. люди митрополичьи по-прежнему освобождались от податей и повинностей и от суда княжеских судей, но в том и другом отношении с ограничениями: они обязывались платить ордынский выход, ставить лошадей на ямы и платить тамгу* с торгового, кроме торгового своими собственными произведениями, и участвовать в повинности военной, — на войну митрополит должен был ставить свой полк с воеводой под стяг великого князя. По суду все церковные люди были подчинены митрополиту, но в том случае, когда дело касалось и княжеского и митрополичьего человека вместе, назначался суд общий — митрополита и великого князя; по челобитьям на митрополичьего наместника, десятильника или волостеля должен был судить сам великий князь. Ограничения коснулись и объема церковного ведомства: митрополит не должен был ставить в попы и дьяконы служилых и тяглых людей великого князя — это было одной из важнейших причин, почему на церковные места поступали большей частью дети самого же духовенства; попович, отделившийся от отца, выходил из церковного ведомства и становился человеком великого князя. Так определились отношения между государственным и церковным ведомствами. Великий князь вошел даже во внутреннее управление митрополичьей епархии и определил в ней количество церковных даней и десятичных сборов, к чему вызван был, вероятно, какими-нибудь злоупотреблениями, обнаружившимися во время долгих церковных смут.

* Пошлину, особый сбор.— *Прим. ред.*

Правление митрополита Киприана было замечательно и в чисто церковном отношении. Он много заботился об устранении разных беспорядков, возникших в богослужбном чине Русской церкви, и об исправлении и умножении церковных книг, сам привез с собою много рукописей из Сербии и, живя в уединении в своем подмосковном селе Голенищеве, занимался разными переводами с греческого языка. Святитель скончался в 1406 году и был погребен в Успенском соборе, где после святого Петра погребались все русские митрополиты.

Митрополит Фотий.

Непосредственно после его смерти снова начинается разделение в Русской церкви, потому что Москва опять рассорилась с Литвой. По просьбе Василия, из Греции прислали митрополитом строгого инока из Мореи — *Фотия*. Витовт сначала не хотел было его принимать, но потом принял с условием, чтобы он жил непременно в Киеве. Фотий действительно прожил в Киеве больше полугода, но потом в 1410 году всетаки уехал в Москву. Новый первосвятитель был строгий ревнитель церковных прав и отличался хозяйственным характером. После четырехлетнего отсутствия митрополита в Москве и после недавнего Эдигеевского нашествия Фотий нашел в своей митрополии много беспорядков. Дом митрополичий был опустошен; владения его были расхищены сильными лицами; много попало и в казну великого князя. Фотий начал собирать расхищенное и обидел этим многих бояр и самого великого князя. Между тем и Витовт рассердился на него за отъезд из Киева. В 1411 году Фотий посетил Литву, но только еще более повредил себе там, вооружив против себя много людей, вероятно, такими же хозяйственными распоряжениями, какие возбудили против него негодование в Москве.

Григорий Цамблак.

В 1414 году Витовт собрал собор из литовских епископов и настоял на избрании для Литвы особого митрополита. Избран был *Григорий Цамблак*, родом серб, племянник митрополита Киприана. Он жил сначала при разных духовных должностях в Болгарии, Сербии, Молдавлях, потом отправился в Москву к дяде, но, не застав его в живых, поселился в южной России, где приобрел большую славу своей ученостью и красноречием. Греки не желали разрыва с великим князем московским, который был тогда очень нужен для бедствующей Греции и, кроме того, только что породнился с императором Мануилом (через брак своей дочери с сыном Мануила), и отказали Витовту. Витовт снова собрал собор, говорил на нем о разорении церкви от московского митрополита, жаловался на корыстолюбие греков, которые ставят митрополитов по накупу*, кто больше даст денег, и требовал, чтобы епископы непременно сами поставили себе митрополита. Фотий поспешил в Литву уладить дело; но Витовт не хотел его и видеть, а на возвратном пути велел отнять у него всю церковную дань, собранную в Литве. После вторичного отказа из Греции собор литовских епископов (1416 года) решился исполнить требование Витовта и посвятил Григория без согласия патриарха. Для оправдания своего поступка отцы собора выдали окружную грамоту, в которой писали, что Фотий совершенно пренебрегал киевской половиной митрополии, заботясь только о собирании здесь своей дани, и что они, западные епископы, решились сами поставить себе митрополита по примеру болгар, сербов и самих русских (при Изяславе) и по уставу апостольскому, не думая, впрочем, разрывать этим связи своей с церковью Греческой, а только желая избежать беспорядков и насилия от греческого царя, от которого зависит поставление митрополита в Греции. Фотий, со своей стороны, разослал окружные послания, в которых

* За деньги или подарки.— *Прим. ред.*

представлял всю незаконность поставления Григория и требовал, чтобы православные не имели с ним общения. Григорий все-таки оставался митрополитом до самой смерти (1419 год). Судя по его сочинениям, он был пастырь православный и ревнитель православия. Об нем известно еще, что в 1417 году, по желанию Витовта, он был на Констанцском соборе, который между прочим имел целью обсудить вопрос о соединении церквей, но разошелся, даже не начав этого обсуждения. После его смерти обе половины Русской церкви опять соединились под властью Фотия.

В последние годы своей жизни Фотий оказал большое влияние на гражданские дела. В 1425 году великий князь Василий умер, оставив малолетнего сына *Василия*. Брат покойного *Юрий* Звенигородский предъявил свои права на великое княжение. Фотий крепко стал за Василия, утверждая этим новый московский порядок престолонаследия по нисходящей линии, а не по старшинству, как в старое время. Своей духовной властью он успевал удерживать Юрия от усобицы во все время своего святительства. Как только он умер (1431 г.), так эта усобица вспыхнула с небывалой силой. Она много поддерживалась тем, что после Фотия долго не было нового митрополита, который бы стал за великого князя и мог вместе с тем дать ручательство в безопасности удельным князьям.

Митрополит Исидор.

В 1433 г. великий князь и собор епископов нарекли митрополитом святого *Иону*, епископа Рязанского, пастыря ревностного и высокоблагочестивого, о котором еще в бытность его простым монахом в Симонове монастыре митрополит Фотий предсказал, что он будет великим святителем. В Литве выбрали было своего кандидата на митрополию, смоленского епископа *Герасима*, но в 1435 году литовский князь *Свидригайло*, преемник Витовта, сжег его в Витебске по подозрению в измене. После его смерти Иона отправился в Грецию за посвящением, но когда прибыл туда, император Иоанн *Палеолог* и патриарх *Иосиф* встретили его сожалением, что он опоздал, что в Россию уже уехал митрополит *Исидор*, и обещали ему митрополию только после Исидора. Новый митрополит был орудием императора и патриарха, замысливших унию с Римом, потому едва явился в Россию, как начал собираться на Флорентийский собор. На соборе этом он выступил ревностным борцом за папу и унию. Папа Евгений IV сделал его за это кардиналом и легатом от ребра апостольского в землях ливонских, литовских и русских. На возвратном пути Исидор еще с дороги разослал по России окружное послание, призывая христиан обоих исповеданий безразлично ходить и в православные, и в латинские храмы и приобщаться одинаково и в тех и в других. На первой же литургии в Москве он явился с преднесением латинского креста, поминал вместо патриархов папу, а после литургии велел читать акт унии, из которого узнали, что Дух Святой исходит “и от Сына,” что хлеб квасный и опресноки в Евхаристии все равно и проч. Великий князь тут же назвал его латинским прелестником, волком, и велел посадить под стражу. В 1441 г. он был осужден собором русских епископов, но бежал из-под стражи в Рим. Это был последний митрополит-грек в России. Произведенный им соблазн, смуты в самой Греции из-за унии, потом разрушение империи турками, а с другой стороны усиление России необходимо должны были повести к перемене в отношениях Русской церкви к Греческой.

Святитель Иона.

После свержения Исидора великий князь послал было в Грецию послов с прошением о поставлении Ионы, но узнав, что император с патриархом приняли унию, вернул свое посольство назад. Дело о поставлении митрополита затянулось и потому, что в России шла сильная усобица между великим князем и его двоюродными братьями, детьми Юрия, сопро-

вождавшаяся большими жестокостями, пленом и ослеплением Василия от одного из братьев, *Дмитрия Шемяки*. Во время всей этой усобицы духовенство крепко стояло за великого князя, всеми своими силами содействуя победе Москвы и самодержавия над старым удельным порядком. Святитель Иона неизменно действовал в пользу Василия, несмотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его к себе и, завладев Москвой, ввел его в полное управление делами митрополии. Заточив великого князя в Угличе, Шемяка захотел овладеть и великокняжескими детьми; для этого, обманув Иону обещанием для них безопасности, уговорил его принять их от родных и приверженцев на свою святительскую епитрахиль и привезти в Москву для пожалования уделами, но вместо того заточил их с отцом в Угличе. Между тем около Василия собрались его приверженцы и уговорили его идти против Шемяки. Кирилловский игумен *Трифон* разрешил его от присяги, данной Шемяке. Последний должен был уступить и обязался не домогаться великокняжеского престола, но не исполнил этого обязательства. Тогда собор архипастырей послал к нему грозное послание о повиновении великому князю; в этом послании осуждался весь удельный порядок вещей, Шемяка сравнивался с Каином и Святополком и в случае неповиновения великому князю отлучался от церкви. В 1448 году Иона был наконец поставлен в митрополиты собором русских пастырей. В Грецию написана была грамота, в которой объяснялось, что Русская церковь не разрывает своего союза с Греческою, что поставление митрополита совершено теперь в самой России по великой нужде от турок, по неудобству сношений, да и потому, что в России неизвестно даже, есть ли и патриарх в Царьграде. В 1453 году Царьград был взят турками. Иона утешил патриарха *Геннадия* посылкой даров и просил у него благословения. Вероятно, в это время Русской церкви дано было право поставлять митрополита независимо от Греческой церкви; Русская митрополия сделалась самостоятельной и поставлена была первою после Иерусалимского патриархата. В звании митрополита Иона продолжал свою деятельность в пользу великого князя. В окружной грамоте о своем поставлении он обличал клятвopеcтупление Шемяки, увещевал всех быть верными великому князю, а непокорным угрожал клятвой; потом с собором епископов лично ходил увещевать Шемяку. Когда последний бежал в Новгород, митрополит и туда посылал свои увещательные грамоты к нему и к гражданам. Смута кончилась только смертью Шемяки в 1453 году.

Разделение митрополии.

Другой заботой святителя Ионы были дела литовские. В Литве, под властью польско-литовского короля-католика, уния не прошла бесследно, как в московской Руси. В 1458 году латинствовавший константинопольский патриарх *Григорий*, отъехавший по своему лишению кафедры из Греции в Рим, посвятил в митрополиты на Литву ученика Исидорова *Григория*. В Москве этим сильно обеспокоились; великий князь и митрополит писали к королю и народу грамоты, умоляя не разделять церкви Русской. Собор великорусских епископов, собравшись в 1459 году в Москве, клялся не отступать от святой *Московской* церкви и определил на будущее время избирать митрополитов в Москве, по повелению великого князя и без сношения с греками. Здесь в первый раз упоминается о *Московской* церкви в отличие от Киевской. Последовало окончательное разделение митрополии; митрополиты стали титуловаться по главным городам своих областей, московским и киевским. Митрополит Иона умер в 1461 году. В следующем году умер и великий князь, оставив престол сыну своему *Иоанну III*.

Государственное значение митрополитов.

Во все описываемое время митрополиты большею частью были из русских и отличались обширной патриотической деятельностью, какой не видим у бывших прежде иерархов-

греков; самое видное место между ними занимают святые Петр, Алексей и Иона. Иерархия в это время постоянно была связующим средоточием русских земель, до последнего времени поддерживала связь с Россией даже ее западной половины, отторгнутой владычеством чуждых князей, пока наконец гражданское разделение не повлекло за собой разделения и самой церкви. Замечательно при этом, что, храня и укрепляя юное государство, иерархия вовсе не старалась с помощью своего сильного влияния на князей добиться для себя независимости от светской власти и самостоятельной постановки в государстве, как этого добивались средневековые иерархи Римской церкви. Оставив отдаленный от сильных князей Киев, митрополиты сами стремятся под покров мирской власти во Владимир, потом в Москву и неуклонно стараются об утверждении общего мира и общего подчинения всех единому великому князю. Великие князья понимали, что для них значили митрополиты, и оказывали им высокое уважение и полное доверие. Все княжеские грамоты начинались словами: “по благословиению отца нашего митрополита,” и скреплялись митрополичьей подписью и печатью; пред митрополитом князь давали крестное целование друг другу и разбирали свои споры; в их договорных грамотах писалось: “а о чем ся сопрут, ино им третий митрополит, а кого он обвинит, ино обидное отдати.” Понятно, что верховная власть, воспитавшаяся под руководством иерархии, приучалась действовать на основании не столько юридических, сколько нравственных начал, считала своим долгом простирать свое влияние не только на гражданские отношения подвластных, но и на их религиозно-нравственную жизнь, а через это получала обширное влияние и на церковные дела. С течением времени власть великого князя окрепла, стала меньше нуждаться в поддержке и руководстве церковной власти. С половины XIV века видим уже весьма резкую перемену в их положении; если прежде князей было много, а митрополит был один, то в XIV веке, наоборот, сильный князь был один, а митрополитов 23; значение митрополита от этого ослабело, а власть великого князя усилилась. Неизбежным следствием этого было то, что прежнее участие верховной власти в церковных делах под руководством иерархии, участие вспомогательное и служебное, обращалось в независимое от иерархии, самостоятельное. Избрание Митяя и поступки Донского с Пименом и Киприаном были выразительным знаменем нового порядка вещей, который развился потом в Московском государстве.

Церковная власть и права митрополита.

Церковная власть митрополита по-прежнему была самостоятельной, только номинально зависимой от власти патриарха, и простиралась на все епархии Русской церкви. Его собственная *епархия*, очень обширная, разделялась на две части, московскую и киевскую. В той и другой митрополит получал большие вотчинные доходы с земель прежней киевской кафедры и владимирской епископии и тоже значительные доходы церковные. От поставления епископов ему шли *ставленные* пошрины и дары как от поставленного, так и от его епархии. Во время своих поездок митрополит тоже получал много даров, а духовенство, кроме того, везде платило ему *подъезд* на содержание его со свитой и ставило подводы. Важную статью его доходов составляли *судные* пошрины с духовенства и мирян за церковный суд. В своей собственной епархии митрополиты, как и все архиереи, получали со всех церквей *дань*, петровские и рождественские *сборы*, *подъезд*, *пошрины ставленные*, сбор на *десятильников* и других служилых и домовых людей. При таких средствах кафедра русского митрополита по богатству занимала первое место в Константинопольском патриархате. Патриархи и императоры смотрели на нее, как на весьма важный источник своих доходов, и усердно старались о продолжении ее зависимости от Греции, о замещении ее своими кандидатами, потому что митрополиты-греки пересылали из России в Грецию большие суммы. На свои богатые средства

первосвятители, особенно из русских, строили многие церкви и монастыри и совершали дела благотворительности. *Двор митрополичий* был устроен, как двор удельного князя, имел своих бояр, отроков, слуг, стольников, конюших и другие чины; у митрополита был и свой полк с воеводой. Для управления митрополичьей областью у него были особые духовные и светские органы митрополичьей власти. Постоянными помощниками его по управлению по-прежнему были его соборяне, составлявшие при нем постоянный совет, его “клирос.” В Киеве всеми делами заведывал *наместник* митрополита из духовных лиц. Разные духовные — судные и административные — дела поручались иногда протопопам и архимандритам. Для суда над церковными людьми по гражданским делам и для сборов с духовенства были назначаемы из мирских людей митрополичьи *десятильники*, поставлявшиеся над округами из нескольких приходов (десятинами), а для управления вотчинными волостями — *волостели*.

Епархии и епархиальное управление.

По тому же образцу было устроено управление и в других епархиях. В них были те же клиросы и духовные чины, даже наместники у престарелых владык, и такие же доходы, как в епархии митрополита, разумеется, только в меньших размерах. Всех богаче был обставлен владыка новгородский; у него были большие вотчинные владения; жил он в богатых палатах, имел своих бояр, стольников, множество слуг и особый полк. Между другими владыками он занимал первое место и носил титул архиепископа, который имели еще только епископы ростовские (с конца XIV века), суздальские Дионисий и Евфросин и некоторые архиереи других епархий, удостоивавшиеся этого титула только лично.

После нашествия монголов и перенесения митрополии на север некоторые епархии были упразднены, как-то: Черниговская, Переяславская, Белгородская и Юрьевская; Владимирская вошла в состав епархии митрополита. Другие — Холмская, Брянская вместо Черниговской, Коломенская, Луцкая, Звенигородская, Сарайская — открылись вновь; с возвышением княжества Тверского и Суздальского в них появились новые отдельные епархии — в Твери около 1271 года, в Суздале около 1347; по случаю распространения христианства на северо-востоке открыта епархия в Перми (1383 год). Всех епархий было 18, из них 9 на севере и 9 на юге. После ослабления власти удельных князей с XIV века епархиальных епископов все чаще и чаще стали назначать прямо из Москвы. Избрание их происходило здесь на соборе всех епископов, которые или лично являлись по зову митрополита, или изъявляли свое согласие на соборное избрание повольными грамотами. Собор избирал троих кандидатов на вакантное место, а митрополит окончательно избирал из них одного, который и был поставляем. В XV веке такой порядок замещения епископских кафедр, без избрания местного князя и народа, утвердился окончательно и обстоятельно изложен в чине поставления епископа 1423 года. Епископы по-прежнему стояли во главе удельных событий, но, потеряв прежнее выборное значение, стали постепенно терять свои местные симпатии, тянуть к одному общему центру, где стоял стол великого князя и кафедра их общего отца митрополита. Примеры произвольного суда над иерархами встречаем только в начале описываемого времени или в местностях, где еще уцелел старый вечевой уклад. В 1388 году ростовцы выгнали от себя *святого Иакова* по ложному подозрению в нечистой жизни. В Муроме народ восстал на своего епископа *святого Василия* по такому же подозрению и заставил его удалиться в Рязань; с этого времени (конца XIII века) муромская епископия утвердилась в Рязани. В 1424 году новгородцы выгнали владыку *Феодосия* единственно за то, что он был “шестник,” пришелец, а не свой новгородец, хотя сами же его выбрали два года назад. Кроме таких исключительных случаев, суд над епископами постоянно принадлежал власти митрополита и собора епископов. В настоящих грамотах епископы обязывались во всем повиноваться первосвятите-

лю, наблюдать его пошрины в своем пределе и являться к нему по первому зову для суда или для участия на соборах. Все они величали его “отцом,” а за название “братом” подвергались от него выговору.

Новгородские владыки.

Только Новгород и Псков продолжали еще развивать у себя старые начала местной особенности и народного влияния на иерархию. *Избрание* новгородских владык по-прежнему совершалось на вече независимо от митрополита. Изредка встречавшийся прежде обычай избрания по жребию с половины XIV века становится в Новгороде постоянным. Три жребия избираемых клали на престол святой Софии и после литургии соборный протопоп выносил на вече один за другим два жребия и объявлял народу; третий, остававшийся на престоле, знаменовал того, “его же оставил себе Бог и святая София.” Посвящаться избранные владыки ездили в Москву. Но некоторые управляли епархией и до посвящения года по 2-3, владыка *Евфимий II* даже более 5 лет, да и посвящение принял не в Москве, а в Смоленске от митрополита Герасима (в 1435 году), после чего считал себя независимым от московской кафедры. Для того, чтобы избавиться от церковного подчинения Москве, новгородцы думали воспользоваться разделением Русской церкви, которое давало им возможность при посвящении владык делать выбор между двумя митрополитами. Но после митрополита Исидора, когда в Литве на митрополию сел его ученик Григорий, Новгород снова должен был признать права одного московского митрополита.

Местное значение владыки.

Развилось еще более прежнего. С его благословения вече начинало войну, заключало мир, решало свои внутренние дела; в новгородских грамотах имя его ставилось выше имени не только посадника, но и князя. Во внутренних делах города владыка был средоточием, около которого стягивались и примирались все разрозненные взаимными распрями концы и улицы города. Не имея возможности сами уладиться между собою на вече, они отдавали свои споры на суд владыке, как человеку более доверенному и влиятельному, чем все выборные власти города и сам князь. Оттого владыка был всегдашним миротворцем в вечевых раздорах. Богатая владычная *казна* имела тоже важное общественное значение. Владыка на ее средства выставлял свой полк в новгородское войско, нес городские повинности: мостил мост в кремле, строил стены как в Новгороде, так и в его пригородах, например во Пскове, Орешке — наконец, делал пожертвования деньгами в разных особенных случаях. В 1384 году Дмитрий Донской взял с Новгорода 8000 серебра; 3000 при этом дала софийская казна. В 1428 году пять концов Новгорода дали по 1000 рублей на выкуп пленных у Витовта; владыка Евфимий дал еще 1000 от себя. Во время голода или пожаров софийская казна помогала бедным и разоренным. Имена лучших владык с благоговением передавались из рода в род, как имена святых покровителей родного города; таковы святые владыки *Василий, Моисей, Евфимий II, Иона*. Мы видели, что по своему видному положению между русскими святителями новгородские владыки носили титул архиепископов. В 1346 году митрополит Феогност дал владыке Василию новое отличие — *крестчатые ризы*, потом патриарх прислал ему *белый клобук*. В Новгороде составила после целая легенда об этом клобуке в доказательство местных притязаний на независимость владык от митрополита: будто бы этот клобук дан был Константином Великим папе Сильвестру, потом, когда папы стали нечестивыми, после разных чудес был отослан в Царьград к патриарху Филофею, наконец, когда и Царьграду суждено было погибнуть, явился в Богом любимую страну, Россию, и именно в Новгород, а не в Москву, как бы следовало ожидать.

Отношения владык к митрополиту.

Эти отношения менялись, смотря по тому, в мире был Новгород с великим князем или нет. Дурные отношения между владыкой и митрополитом в первый раз обнаружили при Симеоне Гордом, который сильно стеснил новгородцев. Владыка *Моисей* обиделся, что митрополит Феогност не дал ему, как его предшественнику Василию, крестчатых риз, и послал к патриарху жалобу “о непотребных вещах, происходящих с насилием от митрополита.” Патриарх и ему дал крестчатую ризу, но при этом строго увещевал его покоряться митрополиту, как велят каноны. На преемника Моисеева *Алексия* митрополит жаловался патриарху, что этот владыка уже сам самовольно надел на себя крестчатую ризу и не повинуется ни ему, митрополиту, ни великому князю. Патриарх (1370 г.) велел Алексию снять крестчатую ризу, объяснив, что это отличие не принадлежит кафедре, а есть личное. После войны с Дмитрием Донским, во время смут из-за митрополии, новгородцы положили вовсе не судиться у митрополита, а только у своего владыки. Митр. Киприан, приехав в Новгород (в 1391 г.), потребовал своего митрополичьего месячного суда. Новгородцы отказали ему, говоря, что они уже крест целовали не ходить к нему на суд, грамоту о том написали и запечатали, и души свои попечатали. Митрополит уехал, не получив ничего. Не помогли ни его неблагословение строптивому городу, ни увещания патриарха, вставшего за митрополита. Наконец в это дело вступился великий князь и принудил Новгород к покорности силою. При Василии Димитриевиче владыка *Иоанн* (в 1398 г.) благословил новгородцев на войну с великим князем за Двинские волости, отнятые Москвой. По окончании войны его вызвали в Москву и продержали более трех лет в заключении. После этого Иоанн ездил в Москву для совета с митрополитом о духовных делах, чего, по замечанию летописца, никогда не бывало с владыками. Под конец описываемого времени и в Новгороде власть митрополита стала сильнее. Преемник Евфимия *Иона* был уже в постоянной связи с Москвою. Когда Василий Темный стал угрожать свободе Новгорода серьезною опасностью, святой Иона, уже дряхлый старец, сам ездил в Москву ходатайствовать о своем городе и умолял великого князя пощадить новгородскую свободу, обещая за это самой Москве свободу от Орды.

Как Новгород стремился обособиться от Москвы, так его бывший пригород Псков стремился отделиться от него самого. В 1331 году псковичи просили себе особого епископа, но получили отказ. После этого они постарались настоять по крайней мере на том, чтобы владыка назначал во Псков заместника из псковичей, а не из новгородцев, что и было утверждено ими особым договором с Новгородом в 1348 году. Другой обычай, на соблюдении которого настаивали псковичи, состоял в том, что владыка имел во Пскове один месяц своего суда, для чего должен был приезжать туда через три года. Этот обычай был предметом постоянных ссор их с владыкой; замечали, в свой ли подъезд наезжал владыка, сам ли собирал деньги с попов, не больше ли месяца жил. Не раз владыки уезжали из Пскова, объявив свое неблагословение. Весьма часто, помимо владыки, псковичи по духовным делам, даже для поставления священников, обращались прямо к митрополиту. Митрополиты поощряли это, как великие князья поощряли такие же непосредственные отношения Пскова к Москве в гражданских делах, находя в этом удобное средство к развитию своей власти в вечевых городах. Собор духовенства во Пскове имел такое же значение, как владыка в Новгороде; но за то и сам город развил у себя сильную власть над духовенством. Вече присвоило себе право даже судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. Митрополиты Киприан и Фотий писали во Псков грамоты, в которых обличали такой противоканонический порядок. Городской строй отразился на самой организации псковского духовенства; как и го-

род, оно разделялось на общины, — купы, из которых каждая, состоя из нескольких приходов, была приписана к одному из соборов и управлялась *старостой поповским*.

Белое духовенство.

Как организовано было белое духовенство в других местах, неизвестно. В Москве, Новгороде, наверное, и в других местах при соборах были протопопы, которым давались разные поручения относительно приходских причтов. В отношении к архиереям белое духовенство было классом “тяглым,” было обложено разными сборами и повинностями и ведалось по ним архиерейскими десятильниками. Для облегчения от тяжести сборов и от притеснений десятильников тяглые попы выпрашивали себе у архиереев и князей *жалованные грамоты*, а иногда даже силой отбивались от архиерейских сборщиков, в чем им помогали и прихожане. В 1435 году во Пскове духовенство вместе с народом сильно поколотили владычных людей. То же случалось в Вышгороде; горожане прибили и изувечили десятильника и людей митрополита Ионы. Поставление в члены клира по выбору приходской общины было уже повсеместное; приходская же община пеклась и о содержании причта, давала ему *землю*, известное количество *руги и сборов*. Некоторые, преимущественно соборные церкви были под покровительством князей, которые давали им свои княжеские земли и ругу. Только немногие церкви, тоже преимущественно соборные, имели у себя небольшие вотчины. Исходя из простого народа, плохо обеспеченное, едва грамотное, духовенство в нравственном отношении мало отличалось от своей паствы, страдало теми же пороками, как и простонародье. Поучения к попам обличают их в небрежении к святыне, в пьянстве, мздоимстве и проч. Митрополит Петр и митрополит Фотий нашли нужным всем вдовым попам и дьяконам, если они не постригнутся в монашество, запретить священнослужение. В тогдашней письменности встречаем горькие жалобы на невежество сельских попов, на распространение между ними разных суеверий, апокрифических сборников и “мануканунцев,” ложных молитв о трясавицах и недугах, на то, что духовенство плохо знало и свое богослужбное дело, неправильно совершало церковные службы и вносило в богослужение разные искажения.

3. Богослужение

Расстройство богослужбного порядка и заботы о восстановлении его.

Вопрос об устранении из богослужения разных нестроений и устройстве правильных церковных порядков был поднят с самого начала описываемого времени. Нестроения эти зависели от многих причин, и прежде всего, от крайнего недостатка богослужбных книг, которых и прежде было мало, а теперь, после монгольского разорения, стало еще меньше. По причине дороговизны их не могли приобретать для себя в достаточном количестве даже городские церкви. Во Пскове, одном из самых богатых городов, при митрополите Киприане по всему городу нельзя было сыскать в церквях некоторых самых необходимых церковных чинов. Полные служебные Миней в XIII и XIV веках везде были большой редкостью и, вместо них, довольствовались разными Трефологиями* и собраниями служб только на великие праздники и на памяти более знаменитых святых. Оттого переписка богослужбных книг и снабжение ими церквей считались великим богоугодным делом. Перепиской их занимались благочестивые люди из грамотеев всякого чина: много писалось их на востоке, в Константинополе и на Афоне, куда, как и прежде, грамотные монахи и писцы посылались для этого

* Собраниями служб праздничных и святым из Миней месячных.

иногда нарочно. Но, частью вследствие невежества переписчиков, частью вследствие большого запроса на их труд и происходившей отсюда спешности в работе, в богослужебные рукописи все более и более вкрадывалось разных ошибок и неисправностей. Отсюда в Русской церкви возник важный вопрос, кроме умножения богослужебных книг, еще об их исправлении. Некоторые архипастыри усердно занимались этим важным делом, особенно святитель Алексей, исправлявший по греческому тексту Новый Завет, и Киприан, исправлявший Служебник, Требник и следованную Псалтирь; в последнюю он внес несколько вновь переведенных им канонов и молитв. Кроме ошибок в тексте богослужебных книг, обнаружилось немало разностей в составе самих богослужебных чинов; это произошло от одновременного перевода разных новых служб или их частей, вновь появившихся в Греции, и одновременного распространения их по разным местностям России, разделенным удельными перегородами. Важной причиной подобных разностей было также тогдашнее переходное состояние нашего богослужения — во второй половине XIV и в XV веке в нем совершался постепенный переход от господствовавшего раньше Студийского устава к уставу Иерусалимскому святого Саввы, закончившийся водворением господства последнего уже в XVI веке. Вследствие всех перечисленных обстоятельств церковная власть во все описываемое время была постоянно озабочена водворением порядка и единства в богослужении.

Определения соборов Владимирского 1274 г. и Константинопольского 1276г. относительно богослужения.

Самые ранние определения касательно богослужения заключаются в правилах соборов Владимирского 1274 г. и Константинопольского 1276 г. (прежде неправильно относимого к 1301 г.). Первый заметил и запретил вкравшиеся в Русскую церковь обычаи: смешивать в миропомазании святое миро с маслом, в крещении употреблять вместо погружения обливание, при совершении литургии — в новгородских пределах просфоромисать и вынимать агнец дьякону вместо священника, простецам входить в алтарь, читать Апостол, петь прокимны и освящать кутью. Второй собор, составлявший свои определения по вопросам *Феогноста*, епископа Сарайского, имел в виду главным образом особенные потребности церкви Сарайской, но разрешил при этом несколько сомнений о чине богослужения и общего характера. Он дозволил сарайскому епископу завести подвижные храмы или престолы и совершать архиерейскую службу без дьякона с одними иереями; при служении нескольких иереев без дьякона эктении положено говорить младшему священнику, не выходя из алтаря; при участии в литургии нескольких священников им дозволено служить на нескольких агнцах вместе, но возносить только один. Служить литургию без вина не дозволялось, но, вероятно, случаи были. Феогност спрашивал, нельзя ли литургисать на сухой ветви виноградной — собор ответил, что нельзя, но на выжатом из свежей ветви соке дозволил. Священнику, убившему на войне человека, служение определено воспрещать. При крещении, за недостатком среди степей нужного количества воды для погружения крещаемого, дозволено тоекратное обливание водой. При многих крещаемых и многих иереях каждому иерею положено крестить особого крещаемого; если же иерей случился при том один, то чин крещения он мог совершить для всех общих, но погружать должен был каждого крещаемого особо. Пострижение в монашество перед смертью считалось необходимым и совершать его в этом случае дозволялось и черным и белым священникам, даже причетнику, тогда как общим правилом простым священникам не дозволялось постригать в монашество, как монахам не дозволялось венчать браков и без нужды крестить детей. Феогност высказал недоумение, как быть, когда умирающий не пожелал бы постригаться — собор не велел принуждать его к этому. Епископ, постригшись перед смертью в схиму, в случае выздоровления уже не мог более епи-

скопствовать; при погребении велено полагать его во гроб не в святительских одеждах, а в схиме. Запрещено влагать в руки умершего епископа тело Христово.

Деятельность митрополита Киприана к упорядочению богослужения.

Из дальнейших определений относительно богослужения важнейшие относятся ко времени митрополитов Киприана и Фотия. В своих посланиях во Псков оба митрополита вооружались против принятого там с запада обливательного крещения. Митрополит Фотий заметил там еще употребление латинского мира — из послания его между прочим видно, что мир тогда не варилось в самой России, а получалось из Греции от патриарха. При крещении оба митрополита требовали ставить для крещаемых только по одному восприемнику или восприемнице, смотря по полу крещаемых, а не обоих вместе. Крестить детей принято было в скором времени по рождении. Митрополит Киприан повторил запрещение просфоромисать дьяконам и служить литургию без вина, но, вопреки Константинопольскому собору 1276 года, запрещал при служении нескольких иереев исполнять одному из них диаконские обязанности и потому без дьякона велел служить только одному иерею. Необходимой принадлежностью для литургии был антиминос, потому во Пскове, за недостатком антиминосов, их резали на части (даже с дозволения владыки Иоанна II); Киприан запретил это и послал во Псков 60 новых антиминосов. Ворам, душегубцам, сквернословам, живущим с женами без брака и четвероженцам оба митрополита не велели давать причастия, разве при смерти; троеженцы отлучались от причастия на 5 лет. В одном послании в Новгород Фотий вооружился против тогдашних судебных поединков — убитого на поединке запретил хоронить, а убившего отлучал на 18 лет от причастия. Узнав, что во Пскове, за недостатком уставов и богослужебных книг, не знали, как совершать самые важные службы, Киприан послал туда устав служения литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого, чины крещения, венчания, освящения воды 1 августа и последование в неделю православия. Из руководительных посланий туда же митрополита Фотия узнаем, что псковское духовенство не знало, как совершать литургию Златоустого, как приготавливать агнец для литургии преждеосвященных даров и, между прочим, как петь аллилуйю — митрополит велел троеить аллилуйю.

Строение храмов и их значение.

Кроме устройства православного чина богослужения, ревнителям церкви немало заботы доставляло восстановление храмов Божиих, разрушенных монголами, и устройство новых. Строение церквей и монастырей сделалось господствующим подвигом возбужденного бедственным временем народного благочестия. Особенно много строилось церквей во время голода, мора и других народных бедствий; это так называемые церкви обетные и обыденные, которые строились по обету, обыкновенно в один день, и тут же освящались. Сговорившись на сходе, жители города или селения шли в лес, рубили бревна, свозили, а иногда из усердия сами на себе сносили их на место и всем миром выстраивали церковь, обыкновенно во имя дневного святого; если бедствие не прекращалось, строили другую такую же церковь. Во всех городах церквей было даже больше, чем нужно, так что их нечем было содержать. Особенно большим количеством и богатым украшением их отличались Новгород и Псков, а потом Москва. При Иоанне Калите в Москве выстроены были ее знаменитые соборы, получившие потом высокое всероссийское значение — Успенский и Архангельский, а при Василии Дмитриевиче построен и третий — Благовещенский. В это же время возникли замечательные соборы в Твери, Ростове, Нижнем Новгороде и других городах. Лучшие русские мастера для строения и украшения церквей были в Новгороде и Пскове; удобнее всего было достать здесь и немецких мастеров. Замечательно, что до XV века все церкви строились у нас

без печей. Первый устроил две теплые церкви новгородский владыка Евфимий — одну в Вяжицком монастыре (1439), другую (1445) во имя святого Евфимия у себя в доме. Сохранилось вполне прежнее общественное значение храмов. Как Новгород был городом святой Софии, Псков — святой Троицы и т. д., так и сама Москва с своим Успенским собором была землей Богородицы; пограничная с Литвой речка Угра называлась поясом Богородицы. Встречаем обычное в удельном быте неуважение к чужим храмам. В 1393 и 1398 годах новгородцы брали Устюг и оба раза грабили его собор; Михаил Тверской разграбил церкви и монастыри в Торжке, Василий Темный в Галиче. Находим ясные указания относительно важного значения храма для приходской общины. Одно из выразительнейших проявлений приходской жизни — братчина — составляла повсеместное явление. Грамоты князей давали братчинам важные права — варить на праздник пиво и мед и разбирать самим происшедшие на пиру ссоры; братчина судила как судья и передавала княжескому суду только дела уголовные и такие, которых не могла разобрать сама. В таком виде временной праздничной сходки братчина является во всей Великороссии. В западной России она развилась до формы постоянного союза — братства. Магдебургское право городов и их цеховое устройство в связи с обычным патронатом общин над церквями были главными элементами, из которых организовались юго-западные братства. Раньше других становятся известными братства во Львове (1439 г.) и в Вильне (1458 г.).

Святые иконы.

Украшая храмы, любили расписывать их иконами. Писание икон считалось неприличным поручать немцам, оно производилось или греческими, или русскими мастерами. На иконописное искусство был большой спрос, а потому иконописцев было много; они соединялись в артели или дружины под управлением старост; были особые дружины великого князя и митрополита, состоявшие на их содержании. Лучшими иконописцами в XV веке были *Феофан Грек* и московские монахи *Даниил Иконник* и *Андрей Рублев*. Иконописанием занимались некоторые из высших духовных лиц, напр. святой Петр митрополит и новгородский владыка *Василий*. Вера в чудотворную силу некоторых святых икон находила себе неоднократно оправдание в жизни. Во время Куликовской битвы прославилась Донская икона Богородицы, находившаяся в войске великого князя; после битвы пленные татары объясняли свое поражение видением молниеносного полка под предводительством грозной небесной Воительницы. В новый столичный город великого князя из Владимира перенесена была икона Владимирской Богородицы. Во время нашествия *Тамерлана* (1395 г.) ее торжественно встретили в Москве и поставили в Успенском соборе. В самый день и час ее встречи Тамерлан бежал из России, утраченный видением грозной светоносной Жены. В разных местах явились новые чудотворные иконы: в XIII веке Феодоровская (в Ярославле), Путивльская, Устюжская, Муромская, Курская-Коренная, в XIV веке Тихвинская, Толгская и др. Большею частью чудотворные иконы по-прежнему чтились только местно. Перенесением Владимирской иконы в Москву началось важное дело собирания местных святынь в одно центральное место; в Москве эти святыни должны были получить потом общерусское значение.

Новые праздники.

Кроме явления чудотворных икон, русское благочестие утешалось открытием мошей русских угодников — святителя Петра, святого Александра Невского, преподобного Сергия и др. В честь этих новоявленных угодников Божиих устанавливались новые праздники в Русской церкви или общие, или местные. Святые, как и иконы, тоже большею частью чтились местно, например князя Георгий II Владимирский, Василько Ростовский, Михаил Чер-

ниговский, Довмонт Псковский, Михаил Тверской и др. В Новгороде в последнее время его самостоятельности видим какое-то соревнование святынями с Москвой. Последние владыки старались собрать и увековечить письменно все, что было славного в новгородской старине. Владыка *Евфимий* (1430-1458) открыл мощи владыки Иоанна и Варлаама Хутынского, святых наиболее славных в новгородских преданиях, и установил 4 октября память всех князей и владык, положенных во святой Софии. Преемник его *Иона* заставил славного тогда ритора *Пахомия Серба* писать жития новгородских святых и не щадил для него за это ни даров, ни почестей. Замечательно, что только в последнее время, при этом Ионе, Новгород стал почитать великого покровителя Москвы, преподобного Сергия, и создал в честь его первый храм. В Москве новгородских святых не чтити долго спустя и после этого. Праздновали также дни особенных благодеяний Божиих, например, день сретения Владимирской иконы и бегства Тамерлана (26 авг. 1395 г.). После Куликовской битвы установлена (перед 26 октября) Дмитриевская суббота для поминовения павших за православие воинов. Составлялись и новые службы русским святым, например, святителю Петру, св. Алексею, Сергию Радонежскому и др. Одну из особенностей русских служб этого времени составляют молитвы об избавлении от агарян.

Противодействие обрядовому благочестию. Ересь стригольников.

Крайнее развитие обрядового благочестия вызывало обличения церковных учителей, но этими обличениями дело не ограничилось; крайность обрядового направления вызвала другую крайность — отрицания обрядов, обнаружившуюся во Пскове. Мы уже видели постоянные столкновения псковичей с новгородскими владыками, а новгородцев с митрополитами. Оппозиция против иерархического подчинения Новгороду и Москве ухватилась прежде всего за тяжелые ставленные пошрины и отсюда, как из исходного пункта, развила целую ересь *стригольников*. Вождями этой ереси в 70х годах XIV столетия явились дьякон *Никита* и Карп-стригольник (по одному объяснению — стригольник ремеслом, по другому — дьякон, назначенный простригать гуменце у ставленников при их посвящении). Еретики отрицались от пастырей церкви, как от незаконных, поставленных на мзде; затем, переходя к разбору их жизни, находили, что архиереи и монахи собирают себе много имения, а белое духовенство берет поборы с живых и мертвых и дурно живет; отсюда они выводили, что не нужно принимать ни учения, ни священнодействия от таких пастырей, что все священнодействия их недействительны, потому не нужно принимать от них ни крещения, ни покаяния, ни евхаристии, ни петь над умершими, ни приносить за них приносов. Отвергнув иерархию, еретики, естественно, должны были право учительства усвоить мирянам, а священнодействия по возможности вовсе устранить. Каяться, говорили они, можно и без священника, припадая к земле, евхаристию нужно понимать в духовном смысле; другие таинства и обряды вовсе не нужны. Некоторые доходили до отрицания соборов, даже евангельских и апостольских писаний, другие отвергали еще воскресение мертвых. Относительно нравственной жизни они все одинаково придерживались идей аскетических, отличались строгой жизнью и постничеством. Как и следовало ожидать, такая рационалистическая ересь распространялась главным образом между людьми более образованными, книжниками. Из Пскова она перешла в Новгород, где тоже нашла себе удобную почву; перешли сюда и сами Карп с Никитой. В 1375 году владыка отлучил их от церкви, а народ схватил их и бросил в Волхов. Смерть еретиков, однако, не ослабила самой ереси. В 1381 году услышал об ереси патриарх Нил и написал в Новгород и Псков две увещательные грамоты. Его преемник *Антоний* прислал еще новую грамоту с подробным опровержением ереси. Митрополит Фотий тоже написал три послания против еретиков. Псковичи возревновали о православии, засадили еретиков в тюрьму, неко-

торых казнили. Похваляя их ревность, Фотий, однако, укорял их за смертные казни еретикам. После 1427 года, когда написано последнее послание Фотия, о стригольниках больше не слышно, но движение, возбужденное ими, не исчезло и после вскрылось в другой опасной ереси жидовствующих.

4. Христианская жизнь.

Влияние времени на развитие добрых и худых качеств в жизни русского народа.

Обрядовое благочестие не могло много содействовать развитию нравственной жизни. Общее впечатление, какое выносится из изучения нравов описываемого времени, очень грустное. Большая часть исследователей народной жизни видит здесь начало всего дурного в русском народном характере. Трудно судить о том, лучше или хуже стала народная нравственность сравнительно с прежним временем, но, действительно, было много обстоятельств, которые тогда неблагоприятно действовали на нравы и мешали преуспеянию христианской жизни.

Первым обстоятельством такого рода было монгольское иго, поставившее Россию под огрубляющее влияние дикого народа, унижавшее и портившее характер народа русского восточным рабством. Сами князья должны были ездить в Орду с заявлениями рабской покорности и постоянно трепетать перед силой ордынского деспота и перед многочисленными доносами шпионов даже из своих же братьев-князей. Каждый раз перед поездкой в Орду они исповедывались и причащались, как перед смертью, а по возвращении служили благодарственные молебны. Для народа эта школа рабства была еще тяжелее; нужно было кланяться всякому заезжему баскаку, исполнять все, что он потребует, отделяться обманами и поклонами, когда он расходится. Один сильный человек не вытерпит и убьет татарина, другой сильный человек убьет за это его самого, спасая Русскую землю от татарской мести; а летописец похвалит последнего и осудит первого за недостаток смирения. Двоедушие, хитрость, низкопоклонничество, низкие проявления инстинкта самосохранения делаются добродетелями времени, которые проповедует иногда и летописная мораль. С другой стороны, внутри самой России совершался тяжелый переход от удельновечевого уклада к единой державному. Для усиления одного княжества за счет другого употреблялись всякие средства без разбора — клевета в Орде одного князя на другого, насилия, хитрость, коварства, небывалые жестокости усобиц. В администрации, при подавлении старых вечевых начал, видим крайние проявления торжества новых начал, жестокость казней, насилия властей, поборы, неправды. Один полоцкий князь спрашивал раз епископа тверского *Симеона* (+ 1289): “Где быть на том свете тиунам?” — “Где и князьям,” — отвечал Симеон. “Но тиун неправо судит, делает зло, берет взятки, а я что делаю?” — “Если князь без страха Божия не милует христиан, тиуна ставит злого, несправедного, лишь бы давал ему куны, пускает его, как пса на падаль, губить людей — то и князь будет в аду, и тиун его там же.” Насилия сильных, коварство слабых, общее недоверие друг к другу ослабляли все общественные узы. Летописи и жития святых постоянно говорят о разбоях, поджогах, грабежах и убийствах.

Кроме общественных неурядиц, важные пороки господствовали и в частной жизни. Слышим жалобы на грубые пороки пьянства, сквернословия, чувственности. Женщина окончательно запирается в тереме, который общество признало необходимым и единственным средством для сохранения семейной чистоты. Чем дальше на восток, тем нравы грубее. Митрополит Иона в своем послании в Вятку обличает жителей в том, что некоторые из них брали жен по 5, 7 и даже 10, а попы их благословляли; некоторые жили с женами вовсе без вен-

чания. Но и внутри России в 1406 году встречаем зверское убийство княгини вяземской святой *Иулиании* последним князем смоленским *Юрием* за то, что она не хотела удовлетворить его плотской страсти. Сильны еще были и остатки язычества. Вера в волхвов и ведьм была господствующей везде. Во Пскове однажды в начале XV века, по случаю язвы, сожгли 12 ведьм; во Владимире во время бездождия выкапывали из земли утопленников. Во всех классах народа распространена была вера "в сон, встречу, полаз^{*}, птичий грай" и другие приметы. Продолжались жертвы разным домовым, лешим, водяным и другим божествам старины. Народное веселье сопровождалось языческими обрядами даже при праздновании церковных праздников.

Но среди этих печальных явлений мы все-таки не можем не заметить отрадных проявлений и даже новых успехов христианских понятий и чувств. Самое двоеверие народных масс получило уже новый, более выгодный для христианства характер. Старые мифические предания успели уже сильно затемниться; поучения против язычества еще помнят имена некоторых старых богов, но уже не ясно понимают их мифическое значение и обличают главным образом сохранившиеся в большей свежести остатки старого культа. Вместо прежнего грубого двоеверия, механического соединения двух вер без изменения той и другой, появилось двоеверие более тонкое, состоящее из органического соединения их, при котором и та, и другая терпят значительные перемены, языческие понятия уступают христианским, а христианские низводятся до степени наивного, полуязыческого смысла народа. Это было начало господства в русском обществе всякого рода суеверий и апокрифов, но вместе с тем и начало самостоятельного отношения его к христианству, действительного усвоения его народным умом и чувством, вместо прежнего механического, неосмысленного усвоения его положений и обрядов. Далее, тяжкие беды времени оказались для разрозненного русского общества удельного времени исправительным бичом благого Промысла. С течением времени и поучения, и летописная публицистика все чаще и чаще начинают призывать всех к христианской любви и соединению. Голод, нападение татар, знамение на небе — все служит для летописца поводом к проповеди о покаянии. Под влиянием тяжелых обстоятельств, к которым присоединялись еще слухи о бедствиях востока, распространилась мысль о приближении кончины мира, временем которой назначали конец седьмой тысячи лет от сотворения мира. Эту мысль встречаем в летописях, у митрополита Киприана, митрополита Фотия и других учителей. В Софийской летописи под 1459 годом написано: "Здесь страх, здесь скорбь велика: якоже в распятии Христове сей круг бысть 23, луны 13, сие лето на концы явися, в оньже чаем всемирное пришествие Христово. О Владыко! умножишася беззакония наша на земли: пощади, Владыко!" Пасхалии не доводили дальше 7000 (1492) года; за этим годом ставили кружок и приписывали: "Горе достигшим до конца времен." Кроме подобного рода чувствований и проповеди современных пророков о покаянии, бедствия времени и общее для всех краев и общественных классов разрозненной удельной Руси угнетенное состояние под иноплеменным, басурманским игом, естественно вели русский народ к укреплению в нем сознания национального единства, своей русской народности и коренной черты этой народности — православия. Это было время настоящей — тяжелой, но прочной закладки последующей Московской Руси, которая затем и выступила по свержении басурманского ига, как Русь святая, православная.

Примеры благочестия многих русских пастырей и князей.

Русский народ немало выставил из среды себя за это время истинных угодников Божиих, бывших примером высоких христианских добродетелей и прославляемых Русской церквю

^{*} Точного значения не установлено.— *Прим. ред.*

вью в лике своих святых. Таковы были: русские первосвятители, великие московские чудотворцы Петр, Алексей и Иона, святые Серапион Владимирский, Игнатий Ростовский, Дионисий Суздальский, Стефан Пермский, несколько новгородских владык, из русских князей — Александр Невский, Довмонт Псковский, Михаил Тверской, Михаил Черниговский, Роман Рязанский и др., наконец многочисленный сонм высоких подвижников севера с своим главой Сергием Радонежским! Монашество и теперь продолжало быть средоточием и идеалом истинно христианской жизни, возбуждая к себе общее благоговение и увлекая в свои ряды самые лучшие силы народа.

Монашество. Причины быстрого умножения монастырей.

С XIV века начинается у нас, можно сказать, лучшее время для монашества, когда оно в полтора века успело воздвигнуть до 180 новых обителей, выставило из своей среды целый сонм высоких подвижников и проявило необыкновенную общественную деятельность. Причинами такого сильного развития монашеской жизни были, с одной стороны, большее усвоение лучшим обществом христианства, с другой — тяжкие обстоятельства времени, которые естественно возбуждали в народе набожность и заставляли прибегать за утешением к религии. Не нужно забывать и того, что монашество расширялось и строило свои новые обители преимущественно в лесах севера, где в это время господствующим явлением была колонизация новых земель; колонизация народная и колонизация монастырская развиваются совершенно параллельно. Мы видели, как после монгольского погрома все лучшие силы Руси переместились с юга на север; сюда же перенесен и центр монашества. Киевская лавра была в развалинах и стала поправляться только с XV века. Ее прежнее значение наследовала новая обитель преподобного Сергия, который стал тем же для севера, чем были Антоний и Феодосий для юга.

Преподобный Сергий.

В миру Варфоломей, был сын *Кирилла* и *Марии*, ростовской боярской семьи, при Калите переселившейся из Ростова в московский город Радонеж, родился около 1314 года. По смерти родителей он отдал все их имение младшему брату, а сам с другим (старшим) братом *Стефаном* удалился в пустыню в нескольких верстах от Радонежа. Пустынники построили себе в лесу келью и деревянную церковь Св. Троицы (около 1340 года). Стефан скоро оставил брата, перейдя в московский Богоявленский монастырь. Оставшись один, преподобный Сергий всей душой предался пустынным подвигам, претерпевая все неудобства пустыни, страх от зверей, искушения от демонов. Молва о святости отшельника привлекла к нему учеников. Около его кельи и храма поставлено было несколько избушек, в которых поселилось до 12 иноков. Святой Сергий трудился на братию, как купленный раб, строил келлии, рубил дрова, молот жито на ручных жерновах, пек хлеб, шил одежды, носил воду, а ночь проводил без сна в молитве, питался только хлебом и водой. В 1354 году братия заставили его принять сан пресвитера и игумена. Игуменство его было во многом сходно с игуменством преподобного Феодосия; та же строгость в жизни, неутомимость в трудах, бессонные ночи, ночные обходы братских келий, обличение праздных, тихие и кроткие речи, растворенные слезами братской любви и религиозной ревности. Новая обитель была очень бедна; не доставало ладана и вина для богослужения; в церкви служили с лучиной; ризы были из крашенины, церковные сосуды деревянные; книги писали на бересте; братия голодали по 2-3 дня без хлеба; однажды для утоления голода сам игумен нанялся построить сени к келье одного брата за куски гнилого хлеба. Патриарх *Филофей*, узнав о преподобном Сергии, прислал ему свое благословение и совет завести общежитие. С благословения его и митрополита Алексия об-

щежитие было введено; но многим инокам оно показалось тяжким и возбудило такой ропот, что сам Сергей должен был на время отлучиться от обители на Киржач, где основал новый монастырь. Он воротился по повелению митрополита Алексия и по просьбе всей братии, потому что без него в монастыре открылись большие беспорядки. Между тем средства обители стали понемногу увеличиваться, так что она уже в состоянии была совершать дела благотворительности. Возросла и слава преподобного Сергия. Митрополит Алексий часто пользовался его советами, хотел сделать его своим преемником. Не раз посещал обитель Дмитрий Донской; преподобный Сергей благословил его на Куликовскую битву. Он ездил от великого князя и митрополита послом в Нижний мирить суздальских князей. После Куликовской битвы своими тихими речами он склонил к миру с великим князем Олега Рязанского. Уважаемый старец крестил детей Донского и был свидетелем его духовного завещания. Еще при жизни прославляли в Сергии дар чудес, его прозорливость и силу молитвы. Один инок видел небесный огонь на престоле, на котором Сергей совершал литургию; другой видел сослужащего с ним ангела. Незадолго до кончины Сергий, в присутствии своего ученика *Михея*, был посещен Богородицею, которая сказала ему: “Не бойся, избранниче Мой! Молитва твоя о месте сем услышана; при тебе и после тебя неотступна буду от обители твоей.” 25 сентября 1392 года почил великий святой, передав после себя игуменство ученику своему *Никону*. Вместе с Петром, Алексием и Ионою он стал по смерти небесным покровителем Москвы.

Значение Сергиевой лавры.

Обитель святого Сергия сделалась первой святыней Москвы и образцом для других монастырей; при жизни Сергия и после его кончины через его учеников она распространила от себя во все стороны множество новых обителей — своих колоний, и целою сетью их охватила всю северную Русь, стягивая ее к одному центру — Москве. Еще при жизни Сергия появилось несколько монастырей: Киржачский и Голутвин, основанные им самим, Симонов в Москве, основанный племянником его — *Феодором*, Борисоглебский в Ростове, Дубенский на Стромыни, Дубенский на Острове, основанный с благословения Сергия Дмитрием Донским в память Куликовской битвы и др. Везде первыми игуменами были ученики Сергия. Митрополит Алексий, строитель 5 монастырей (в Москве, Серпухове и Нижнем), для своих московских монастырей, Чудова и Андроникова, взял игуменов также из учеников преподобного.

Другие наиболее замечательные монастыри и подвижники.

С половины XIV века, после прославления Сергиевой пустыни, число новых монастырей быстро стало возрастать по всем краям Великороссии. Москва была опоясана целой линией их, как духовной оградой. Усердными строителями их был митрополит Алексий, великий князь Василий Дмитриевич и другие лица. Супруга Донского *Евфросиния* (в миру Евдокия) по смерти своего мужа (около 1387 года) основала в Москве монастырь Вознесенский, в котором сама постриглась и была погребена и который с тех пор сделался постоянно усыпальницею московских великих княгинь и цариц. В Твери было основано 11 монастырей, в Нижнем — 4. Из Нижнего воссиял святостию известный *Дионисий* Суздальский. Он подвизался здесь сначала в пещере на берегу Волги, потом (около 1330 года) устроил тут Печерский монастырь. Учениками его были преподобный *Евфимий* Суздальский, основатель Спасо-Евфимиева монастыря, и преподобный *Макарий* Унженский, с 12 лет подвизавшийся в монастыре святого Дионисия, основатель трех монастырей в костромских пределах — на реке Лухе, на Желтых водах и на реке Унже. Другой костромской подвижник, ученик преподобного Сергия, *Аврамий* Галичский (+ 1375) основал таким же образом, переходя с места на

место, 4 монастыря. В Боровском княжестве прославился преподобный *Пафнутий* Боровский, подвизавшийся сначала в Высоцком монастыре ученика Сергия *Никиты*, потом основавший (в 1444 году) свой монастырь. Под его руководством начал свои подвиги знаменитый после преподобный *Иосиф* Волоцкий.

В Новгороде по-прежнему появлялось более монастырей, чем где-нибудь; их строили владыки (например, Моисей основал 5 монастырей), иноки и простые люди. Особенно были известны по святости подвижников монастыри: Вишерский, основанный (1418 г.) преподобным *Саввою* Вишерским, великим подвижником и столпником, и Клопский, прославленный подвигами юродивого *Михаила* Клопского из рода князей московских (+ 1452). Около Пскова возникло до 12 новых обителей. Из них замечателен монастырь преподобного *Евфросина* Псковского. Жизнь этого монастыря отличалась такою строгостью, трудами и длинными бдениями, что один новгородский священник, приходивший в обитель для проверки слухов об ее святости, после отзывается об игумене с братиею: “Это железный с железными.” Кончина святого относится к 1481 году. Святые отшельники особенно любили подвизаться в пустынях севера, где было основано ими множество монастырей, каковы упомянутые прежде монастыри — Челмогорский, Валаамский, Коневский, Мурманский, Спасокаменный и другие. Много отшельников даже из московских пределов привлекали к себе дикие вологодские леса. Так, на реке Глушице преподобный *Дионисий* Глушицкий в начале XV века основал один три монастыря. Во конце XIV века на реке Нурме основал монастырь ученик преподобного Сергия — *Сергий* Нуромский. Другой ученик Сергия, *Павел* Обнорский поселился в дупле старого дерева в Комельском лесу, прожил там 3 года один, потом привлек к себе учеников и основал другой монастырь на Нурме (+ 1429). В конце XIV века в вологодских лесах жил еще друг преподобного Сергия *Димитрий* Прилуцкий (+ 1392), монастырь которого в окрестностях Вологды был известен своею благотворительностью. В белозерской пустыне поселился симоновский постриженник и (после преподобного Феодора) архимандрит преподобный *Кирилл* (род. 1337 — + 1427) и сделался основателем Кирилло-Белозерского монастыря, одного из знаменитейших монастырей древней Руси. Недалеко от него и в одно время преподобный *Ферапонт*, тоже симоновский инок, основал Ферапонтов монастырь. Так развивалось в северных пустынях влияния Сергиевой лавры. Пустыннолюбивые иноки достигали даже до Белого моря. В конце описываемого времени (в 1430х годах) преподобный *Савватий* (+ 1435), *Герман* и *Зосима*, спасавшиеся на Соловецком острове, положили основание знаменитой Соловецкой обители, имевшей огромное влияние на христианское просвещение и гражданственность всего северного края.

Устройство монастырей. Общежитие и отшельничество.

Число братии в монастырях было различно, в одних было 100-300 братьев, в других 2-6. Различны были и права их; тогда как большая часть малых монастырей были даже не самостоятельны, управлялись настоятелями больших, некоторые большие монастыри были, напротив, независимы даже от епархиальной власти: монастырь Симонов, считавшийся ставропигией патриарха, монастыри, находившиеся под покровительством князей, и монастыри митрополичьи по епархиям, бывшие чем-то вроде ставропигий митрополита. Во всех таких монастырях экономия, перемена властей, суд над игуменом, иногда и над братией подлежали ведению покровителей их. Лучшие монастыри держались общежительного устройства. Но едва ли не более было обителей необщежительных, в которых монахи имели каждый свое особое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились вместе только для богослужения. Таковы большею частию были небольшие северные монастыри. При устройстве общежития монастыри руководствовались правилами соборов, Василия Великого, Ефрема Си-

рина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и других. Сведения о монастырских правилах описываемого времени можно получать из уставной грамоты святого Дионисия Суздальского Снетогорскому (псковскому) монастырю, из жития Кирилла Белозерского, где излагается содержание устава, введенного в его монастыре, из устава Евфросина Псковского, из поучений и посланий об иноческой жизни, между которыми замечательны послания митрополита Фотия.

Монастырские вотчины.

Средствами для содержания монастырей были разные пожертвования богомольцев, вклады на помин душ и монастырские вотчины. Вотчин монастырских было уже так много, что они составляли главный источник содержания монастырей и успели повлиять на самую жизнь монастырей, втягивая их более надлежащего в мирские попечения о хозяйстве, суде и управе над крестьянами, в тяжбы с соседями и прочее. В описываемое время возникал уже серьезный вопрос о том, прилично ли монастырям владеть селами. В послании к игумену высококому *Афанасию* митрополит Киприан писал, что отцами не предано владеть инокам селами и через то связывать себя мирскими делами, и советовал, если кто пожертвует в монастырь село, брать это село, но самим монахам им не управлять, а отдавать его в управление какому-нибудь богобоязненному мирянину, который бы доставлял инокам уже все готовое припасами. Но подобные мнения мало имели силы на практике. Вотчины быстро увеличивались за монастырями то через покупку, пожертвования, вклады, то главным образом через заселение монастырями пустых мест. Жалованные грамоты снабжали их разными льготами. Крестьяне их освобождались от княжеской дани, яма^{*}, мыта^{**}, тамги, городского дела, строения княжьего двора, кормления княжьих коней, княжьего сенокоса и других пошлин, — всех или некоторых, и притом бессрочно или на известный срок, от 2 до 10 лет. При продаже своих произведений и покупке припасов на свой обиход монастыри освобождались от торговых пошлин и сборов. В их пользу князь уступали также сборы с торжков, заводившихся около обителей и в монастырских селах. Служилые люди князя к монастырским крестьянам не въезжали, сборов с них не брали и не судили их; судили их игумен с братией, и притом во всех делах, кроме душегубства, разбоя и татьбы, а по некоторым грамотам даже и без такого исключения. В случае совместного суда игумен судил с княжьим судьей вместе. Богатство монастырских вотчин, меньшее тягло, льготы и покровительство сильных монастырских властей привлекали на монастырские земли густое население. Это стремление к поселению на них тяглою люда скоро начало задевать даже интересы княжеской казны. Поэтому в жалованных грамотах монастырям им дозволялось перезывать крестьян только из чужих княжеств, а не с тяглых земель князя, давшего грамоту.

Общественное значение монастырей.

Расширение монастырских вотчин поощрялось особенно в тех случаях, когда оно происходило через заселение пустых земель, которое было очень важным интересом того времени. Придет инок в дикую пустыню, где в непроходимых лесных чащах никто еще не смел до того селиться, выкопает землянку или поселится в дупле старого дерева, и мало-помалу его жилище делается почином для большой монастырской колонии. Он первый победит девственную природу своим трудом, а пустынные страхи своею святою молитвою, и пустыня после этого привлечет к себе густое народонаселение, станет градом обительным. Около монастырей колонизовались таким образом целые волости и города, например Устюг возник

* Почтовая повинность.— *Прим. ред.*

** Пошлины за проезд через заставу, мост; за провоз товара, припасов. Иногда — просто за товар.— *Прим. ред.*

около Гledenского монастыря, Варнавин — около Варнавинского, Калязин — около Калязинского, Кириллов около монастыря Кирилла Белозерского. Весьма много населения привлекала на монастырские земли благотворительная деятельность монастырей, которая снабжала монастырского крестьянина всем нужным и во всем ему помогала. В голодные годы монастыри кормили из своих житниц целые сотни обнищавшего люда. В один голодный год Кириллов монастырь кормил ежедневно 600 нищих, а Пафнутиев монастырь — до 1000. Около обителей были устроены богадельни, больницы и гостиницы. Просветительная деятельность монастырей давала им еще более важное общественное значение. Вступая в монастырь, человек чувствовал себя в особом мире, мире книжном, где почитание книжное было специальностью и вместе подвигом, где все говорили от Писания, и на трапезе, и в церкви, и в кельях предлагались благочестивые чтения, где, наконец, в обширных размерах производилась переписка всякого рода книг. Кто хотел учиться, мог найти в монастыре и лучших учителей, и богатую библиотеку. В монастыри шли и князья и простые люди для духовной беседы, для утверждения в благочестии. Кроме устных наставлений, оттуда выходили учительные послания к разным лицам, которые передавались из рук в руки и распространялись во множестве списков. Влияние монастырей на народную нравственность всего яснее видно из того аскетического оттенка, который замечается во всех проявлениях нашего древнего благочестия. Наконец, монастыри распространяли, как мы видели, свет истинной веры среди инородцев севера.

Особый род подвижничества — юродство во Христе.

Особенного рода подвигом является подвиг юродства, которому предавались некоторые подвижники в самих монастырях, например Михаил Клопский. Но преимущественно юродивые любили жить в миру, в больших городах, где им чаще приходилось терпеть поругания. В конце XIII века и начале XIV в. в Устюге подвизался в юродстве святой *Проконий*, купец-латинянин, в Новгороде обратившийся к православию. Из чудес, прославивших его еще при жизни, известно, как он однажды спас Устюг молитвою от страшной каменной тучи. В XV веке в Ростове жил юродивый *Исидор Твердислов*, тоже латинский купец с запада. В Новгороде в XIV в. жили юродивые *Николай* и *Феодор*. Один жил на софийской стороне, другой на торговой; представляясь непримиримыми врагами, они постоянно стерегли друг друга на Волховском мосту, не пуская друг друга на свою сторону. Этим они обличали новгородские усобицы, делая на них пародию. Люди видели, как Николай бросал в своего противника кочанами капусты, стоя на Волхове, как на суше, и прозвали его Никола Кочанов.

5. Состояние просвещения.

Неблагоприятные условия для развития образования.

Религиозное образование описываемого времени развивалось под самыми неблагоприятными условиями. Татарские нашествия разрушали и школы, и монастыри с их библиотеками. С другой стороны, среди постоянных удельных драк все внимание лучших людей было отвлечено от книги к мечу. Один Новгород проявлял некоторую образованность вследствие своего большего спокойствия от татар и своих сношений с Западом. Школы, заведение которых прежде так поощрялось князьями, закрывались. Само духовенство плохо удовлетворяло своему просветительному призванию. Митрополит Исидор на Флорентийском соборе говорил, что на Руси сами епископы люди некнижные. Низшее духовенство митрополит Киприан

прямо обвинял в невежестве и указывал при этом на толстые сельские сборники, которые попы наполняли молитвами о трясавицах и нежитях и разными суеверными сказаниями. Среди этой скудости образования в церковной письменности находим очень мало оригинальных произведений; главным источником образования были переводы с греческого.

Переводная письменность.

В этот период видимо усилилась. Русские нарочно ездили на восток за книгами. Из путешествия Стефана Новгородца узнаем, что в Студийском монастыре при нем жили новгородцы *Иван* да *Добрило* для списывания книг. С тою же целью игумен Высоцкий *Афанасий*, современник митрополита Киприана, прожил в Царьграде целых 20 лет. О митрополите Кирилле II известно, что он выписал из Болгарии перевод Номоканона в полном виде. Для религиозного просвещения древней Руси особенно важное значение имели *переводные сборники*, каковы, например, сборники писателя XI века Никона Черногорца из статей догматического, нравственного, литургического и канонического содержания; книга Пчела, в которой помещались изречения Священного Писания, отцов церкви, древних философов, поэтов и историков о разных предметах; Златая Цепь — русский сборник из поучений святых отцов и русских статей; Паисиевский сборник с многими русскими статьями и переделками греческих переводов на русские нравы, Маргарит, Измарагд, Торжественники и другие.

Размножение апокрифов.

Но с умножением переводов, наряду с истинными книгами, из Греции, Болгарии и Сербии к нам перешло в это время особенно много апокрифов. У нас давно уже известно было определение об истинных и ложных книгах, в краткой редакции занесенное еще из Греции (помещенное в сборнике Святослава); теперь оно все более и более разрасталось по объему; в более полном виде помещено в Паисиевском сборнике и молитвеннике митрополита Киприана; потом распространялось во множестве списков с разными вариантами и дополнениями. Из апокрифов, которые в нем запрещаются, одни относились к библейской истории, например Адамов завет, Сифова молитва, Енох, Заветы 12 патриархов, О древе крестном, Хожание Богородицы по мукам, Деяние Павла, Первоевангелие Иакова, Евангелие от Фомы и другое от Варнавы и т. п.; другие содержали разные народные понятия о явлениях природы и суеверия, например: Остронумия, Чаровник, Громник, Сносудец, Волховник с приметами: храм трещит, ухозвон, воронограй, куроклик, пес воет, сон страшен, кошка мяукает и проч., Путник (о встречах) и т. д. Апокрифы эти быстро распространялись в читающей публике, потому что она находила в них вполне сродные себе понятия, более для нее ясные, чем чистое христианское учение, и обильную пищу для своей наивной пытливости. Православие в них было понижено до степени народного мирозерцания, искажено примесью легенд и суеверий, но зато в таком виде легче делалось достоянием народного сознания. Даже лучшие церковные писатели пользовались апокрифами с полным доверием; сами составители руководительного списка истинных и ложных книг в числе истинных нередко помещали и ложные.

Оригинальная письменность.

Любимым родом оригинальной письменности были поучения и послания. Характер их преимущественно обличительный. С умножением религиозных и практических вопросов у писателей начинает уже пропадать прежняя простота и непосредственность, появляются, особенно с XV века, многоглаголивость, риторские замашки, хитросплетения речи, бывшие следствием не одного только подражания византийскому риторству, но вместе с тем и уси-

лившейся умственной работы, прилива мыслей и вопросов, в которых ум тогдашних начетчиков писаний еще не умел разобраться и в которых их неопытное перо еще путалось.

Поучения XIII века.

С самого начала монгольского времени на поприще церковной проповеди являются знаменитые в свое время деятели, митрополит *Кирилл* и *Серапион* Владимирский. Правило митрополита Кирилла (на соборе 1274 года), обличающее современные ему нестроения, указывающее на современные бедствия, как наказание Божие за грехи, начинает собой целый ряд последовавших за ними обличительных поучений. “Поучение к попам,” которым оно оканчивается, было долгое время любимую статью русских сборников. Поучения Серапиона ярко характеризуют темные стороны удельного времени: междоусобия, насилия, разбои, порабощение слабых сильными, издоимство, немилосердие к бедным и сирым, слабость семейных уз, пьянство. Особенно замечательны обличения против остатков язычества, веры в волшебство, обычая во время народных бедствий жечь колдунов, для отвращения голода или засухи выкапывать из земли утопленников и удушенных.

Поучения XIV века.

От XIV века дошли до нас: Поучение игуменом, попом и дьяконом митрополита *Петра*, сходное с поучением митрополита Кирилла, Поучение митрополита *Алексия* ко всей пастве, Послание владыки новгородского *Василия* к тверскому епископу *Феодору* о рае, замечательное по влиянию на него апокрифов. Василий доказывает, что земной рай доселе существует на земле, что до него доходил Макарий Египетский, что в нем доселе живут Енох и Илия; к этому прибавляет и русский рассказ, как до рая доходил на судне новгородец Моислав с товарищами — видели гору, облитую светом, а за ней слышали ликования; один новгородец побежал посмотреть и не вернулся, другой тоже, третьего привязали веревкой за ногу и насильно стащили с горы, но уже мертвого. Характером положительного нравоучения, без обличений, замечательно поучение *Матфея*, епископа Сарайского; оно излагает ряд кратких и простых наставлений о вере, любви, посте, почитании духовенства, о князе, о челяди и проч.

Поучения XV века.

Особенной простотой и жизненностью отличается еще поучение владыки Новгородского *Симеона* к псковичам, похожее на поучение Луки Жидяты, такой же перечень нравственных правил, между которыми замечательны наставления чтить сан духовный и не вступаться в церковные имущества. К этому же разряду поучений положительного характера относятся послания знаменитого игумена белозерского преподобного *Кирилла* к великому князю Василию Дмитриевичу, к князьям Андрею Можайскому и Дмитрию Звенигородскому. Преподобный Кирилл смотрит на князя, как на игумена подвластных, обязанного пещись не только об устройении их гражданского благосостояния, но и о спасении их душ, за которые он даст ответ на страшном суде. В этих же посланиях находим замечательные в историческом отношении увещания о правом суде, непритеснении сирот и рабов, об уничтожении неправедных мытов, перевозов, корчемства, о прекращении усобиц и проч. После преподобного Кирилла остались еще два сборника разнообразного содержания; в одном обличаются суеверные приметы, вера в голоса животных, в полет птиц, в бег зверей и прочее и объясняются явления природы в статьях о строении земли, землетрясении, стихиях, море, облаках, о громе и молнии, о падающих звездах, большей частью из сочинений Галена (греческого врача II века).

Поучения и послания митрополитов XV века.

Затем идут поучения святителей не русского образования: Киприана, Фотия и Григория Цамблака, произведения большей частью отвлеченного, витийственного характера, мало соприкасавшиеся с жизнью народа. Более других имел значение в истории нашего образования святой *Киприан*. Он привез в Россию много сербских рукописей, исправлял и дополнял переводами с греческого Служебник, Псалтирь, Требник, своей рукой переписывал многие нужные книги из творений святых отцов, составил 9 грамот юридического содержания, несколько посланий и исторических трудов. В четырех посланиях к Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому он рассказывает обстоятельства своей жизни, важные для истории бывшего при нем спора о Русской митрополии. Он известен еще как составитель витийственного жития святого Петра митрополита. Догадываются, что ему же принадлежит первый почин в составлении Степенной книги. От митрополита *Фотия* сохранилось 8 поучений и 29 грамот и посланий. Поучения его мало имеют жизненного значения. Из посланий некоторые ближе к жизни, например послания к псковичам по поводу уклонения их к латинским обычаям и по поводу ереси стригольников, и в Литву — по поводу разделения церквей. Еще менее значения в церковнопоучительной письменности имеет третий иноземец, *Григорий Цамблак*. Его 22 слова представляют собою совершенно оторванное от жизни, многоречивое и напыщенное подражание византийским образцам, малопонятное для русского народа. После митрополита Фотия живая церковная проповедь замолкает на Руси и поучительные послания делаются единственным родом поучительной словесности. После митрополита *Ионы* осталось 35 таких посланий самого разнообразного практического содержания. Таковы: послания к Шемяке, послания к новгородцам и псковичам о прекращении смут и повиновении великому князю, к вятчанам тоже о повиновении великому князю, о прекращении разбоев, против жизни с женами без венчания, незаконных браков и остатков язычества, и послания к частным лицам — учительные, увещательные и утешительные.

Кроме помянутых поучений, в сборниках Паисиевском, Златой Цепи, Маргаритах, Златоструях и др. рассеяно много поучений неизвестных авторов, которые большей частью надписываются именами святых апостолов и святых отцов, но представляют собою или русские произведения, или переделки греческих статей на русские нравы. Некоторые из них любопытны по обличениям современного двоеверия; автор одного слова в Паисиевском сборнике говорит, что еще в его время по окраинам Руси держалась вера в Перуна, Хорса и других богов; в других поучениях осуждаются леность народа к посещению храмов Божиих и более охотное участие в скоморошьих играх и идольских зрелищах, вера в волшебство, сны, встречи, чох, полаз, птичий грай, обличаются глумления, сопели, пляски на пирах, свадьбах и игрищах, басни и песни бесовские. Замечательно одно слово на собор архистратига Михаила, часто встречающееся в сборниках и приписываемого митрополиту Кириллу; после кратких сказаний о сотворении ангелов, падении сатаны и падении человека автор описывает жизнь души за гробом и мытарства, в числе которых помещены между прочим: срамословие, пляски, игры, плескание ручное, скакание, вера в приметы и ворожбу; под конец автор говорит, что по истечении 7000 лет будет кончина.

Жития святых.

Литература назидательных повествований значительно увеличилась по своему объему. В XIII веке написаны жития святых Михаила Черниговского и боярина его Феодора — неким *Андреем*, по всей вероятности, современником событий, святого Александра Невского и святого Исаии ростовского — неизвестными авторами. В XIV веке явились жития святого Кирилла Туровского и митрополита Петра; последнее написано епископом Ростовским *Прохо-*

ром (+ 1327), и своей краткостью и простотою резко отличается от многословного жития того же святителя, написанного митрополитом Киприаном. В летописях находим еще сказания о святом Довмонте, о Михаиле Тверском, о житии и преставлении Дмитрия Донского, о чуде Владимирской Богородицы при нашествии Тамерлана и другие, наконец, житие святителя Алексия, составленное в XV веке *Путиримом* (пермским). В XV веке прежними жизнеописаниями святых уже не удовлетворялись, как “просторечными,” и переделывали их на витийственный лад. Из витийственных писателей их известны: троицкий монах *Епифаний Премудрый*, от которого остались жития преподобного Сергия и святителя Стефана Пермского, и *Пахомий Логофет*, родом серб, великий ритор, живший сначала в Москве, потом при новгородских владыках Евфимии и Ионе, наконец, опять переехавший в Москву. Он написал до 16 или 18 служб и канонов русским святым, несколько похвальных слов и жития преподобного Варлаама Хутынского, новгородских владык Иоанна, Евфимия и Моисея, преподобного Кирилла Белозерского, митрополитов Алексия и Ионы, великой княгини Ольги и Саввы Вишерского. Почти все эти жития его отличаются самым многословным красноречием. Он был недоволен даже Епифаниевым житием преподобного Сергия, постарался и его переделать и изукрасить своим витийством, несмотря на то, что оно и без того составляло замечательное явление по своему многоречивому красноречию. Кроме житий, бывших в церковном употреблении, встречаются жития апокрифические, в которых отразились народные понятия и верования. Примером может служить муромское сказание о Петре и Февронии, где, по древним эпическим преданиям, приложенным к святым, Петру приписывается борьба с мифическим змеем, а Феврония представляется вещей девой. Народный элемент в значительной степени отразился также в древних житиях преподобного Авраамия и святого Меркурия Смоленских.

Путешествия к святым местам.

Сохранились благочестивые описания путешествий к святым местам. В половине XIV века путешествовал в Царьград и Иерусалим новгородец *Стефан*. В записках своих он заметил, как греки были ласковы к русским, как сам патриарх удостоил его разговором, “не наш бо обычай имеет,” заметил, что в Студийском монастыре жили русские для перевода и списывания книг; в его рассказе часто попадаются простодушные легенды, которые он доверчиво принимал от своих греческих вожаков. Сохранились описания путешествий смоленского иеродиакона *Игнатия*, спутника митрополита Пимена, и троицкого иеродиакона *Зосимы*, путешествовавшего в Иерусалим. Замечательны записки о путешествии на Флорентийский собор митрополита Исидора одного из его спутников, где описываются диковинки запада, поразившие русского человека: соборы разных городов, колокольница флорентийская, о которой недоумевает ум, иконы, статуя Мадонны и прочее. Сохранилось описание Флорентийского собора, написанное суздальским иеромонахом *Симеоном*, тоже спутником Исидора.

Период III. Разделение Русской Церкви на две митрополии (1461-1589 гг.).

А. Московская митрополия.

Общий взгляд на состояние Московской митрополии по отделении от нее юго-западной.

В половине XV века вся Русская земля составила две большие государственные группы земель — восточную под управлением московских самодержцев и западную под властью литовско-польского правительства. Русская церковь тоже разделилась на две митрополии — Московскую и Киевскую. Московская митрополия, находившаяся под покровительством государства, успешно возрастала в своих пределах, украшалась внешним благолепием и вместе с государством, которое, успокоившись от внешних и внутренних бед, начало стремиться к усвоению плодов западной цивилизации, обнаружила внутри себя замечательное просветительное движение. В конце XVI века она возвысилась до степени самостоятельного патриархата.

1. Распространение веры

В Пермском крае. Преподобный Трифон Вятский.

Мы видели, что владычество татар остановило успехи христианства на границах Казанского царства. Но, минуя татарские земли, христианство не переставало распространяться в Пермском крае. Его успехи сделались особенно заметны после покорения Перми, с 1472 года. Но еще долго церковь не могла вытеснить из пермских лесов остатков язычества, тем более, что само пермское духовенство не отличалось надлежащей ревностью к вере. В 1501 году митрополит Симон горько укорял его за небрежение к исполнению пастырских обязанностей и дурную жизнь; из его послания к пермичам видно, что незаконные браки, нарушение церковных уставов, даже открытое служение кумирам были обыкновенными явлениями в Перми и теперь, 100 лет спустя после проповеди святого Стефана. После завоевания Перми важной эпохой для всего края было поселение здесь *Строгановых*; кругом их богатых усольев начали возникать церкви и монастыри, между которыми замечательны по просветительному значению монастыри Пыскорский и Соликамский. Из Пыскорской обители вышел просветитель пермских вогулов и остяков *Трифон Вятский*. Проповедуя Христа, он дошел до места нынешней Перми, где сжег одно уважаемое дерево, около которого происходили языческие моления. Язычники едва не убили его за это, но многие, видя, что боги не наказали его за свою святынню, стали креститься; крестились даже семейства остяцкого и вогульского князей. Потом Трифон основал обитель на реке Чусовой, где жил 9 лет, продолжая свою проповедь до тех пор, пока его не прогнали соседние жители. После этого он ушел в Вятку, где основал Успенский монастырь (1580 г.), но, по неудовольствию братии на его строгость, скоро удалился и отсюда. С тех пор он вел долгую странническую жизнь, проповедуя христианство по берегам Камы и Вятки. Уже в глубокой старости он снова воротился в свою

вятскую обитель, где и скончался в 1612 году. К концу XVI века, с покорением Сибири, христианству проложена была дорога и в эту обширную страну.

Христианство на северном Поморье.

Просветительная деятельность пустыннолюбивых иноков в XV и XVI веках проникла и в отдаленное северное поморье, где по обширным тундрам кочевали дикие лопари. Просветительным центром для этого края был Соловецкий монастырь. Владея обширными землями по всему поморскому берегу, он заселял их русскими, крестил инородцев и строил для них церкви. Слава чудес от мощей соловецких чудотворцев заставляла обращаться к христианскому Богу и к Его угодникам даже языческих кебунов (волхвов). Долее всех местностей Поморья был чужд христианству самый северный край к Нордкапу. При великом князе Василии и Иоанне Грозном там подвизался в проповеди постриженник Соловецкого монастыря преподобный *Феодорит*. Для пустынных подвигов он отплыл на самый дальний север к реке Коле и подвизался здесь около 12 лет, потом в Новгороде был посвящен во иерея и, воротясь в Лапландию, основал на устье Колы монастырь Святой Троицы. Он проповедовал лопарям на их родном языке, переводил для них церковные молитвы и учил их грамоте. Сила его проповеди была так велика, что он однажды в один день крестил до 2000 человек. Удалясь из своего монастыря, по неудовольствию братии за строгость его устава, он жил потом в Новгороде, затем был архимандритом в суздальском Евфимиевом монастыре, ездил в Грецию по поручению Грозного для испрошения у восточных патриархов утверждения принятого государем царского сана; воротясь с востока, жил в вологодских пределах, но не забывал и своих кольских духовных чад и два раза, уже в глубокой старости, ездил туда для укрепления их в вере. Он скончался в 1577 году. В одно время с Феодоритом у самого Нордкапа проповедовал христианство преподобный *Трифон Печенгский* (1495-1583). Несколько лет он боролся с языческими кебунами, не раз подвергался от язычников побоям, прятался в горах от явной смерти, но все-таки достиг цели своей настойчивостью. Просветив множество лопарей на реке Печенге и Пазреке, он сходил в Новгород за антиминомом, построил на Печенге церковь Святой Троицы, в Коле нашел священника и в 1533 году открыл богослужение, а сам постригся в монашество. С Колы и Печенги христианство потом распространилось на Терском берегу, около Кандалашской губы и по всему Поморью. Правительство помогало проповедникам, давая им средства к устройению церквей и снабжая крестившихся лопарей жалованными грамотами. Величайшим бедствием для христиан в Лопском крае были частые нападения на него шведов. Сама Соловецкая обитель должна была превратиться в крепость и содержать вооруженные отряды как в своих стенах, так и в построенном ею Сумском остроге.

В Казани. Просветительная деятельность казанских чудотворцев.

В половине XVI века Московское государство предприняло наступательное движение на Казань. Началось завоевание Казанского царства, пролагавшее церкви путь на неизмеримый восток. В сказаниях древности эта война вся запечатлена религиозным характером. Первый шаг к завоеванию Казани — основание Свияжска — ознаменован чудесным явлением преподобного Сергия — покровителя Москвы. Язычники-черемисы видели, как неземной старец ходил вокруг лесной поляны, на которой возник после Свияжск, с пением и кадил линию будущих городских укреплений. Самый поход Иоанна 4-го под Казань в 1552 году был окружен церковными обрядами и молитвами и имел характер крестного похода. На 2 октября Казань была взята после ужасного взрыва ее стен, последовавшего в то самое время, когда диакон в походной церкви преподобного Сергия читал Евангелие на литургии и возгласил многозначительные слова: “И будет едино стадо и един Пастырь.” По взятии города царь

велел ломать в нем мечети и строить церкви. На месте, где во время штурма Казани стояло царское знамя с образом Спаса, сам заложил церковь Спаса, а близ нее выстроил обыденную церковь во имя дневных святых Киприана и Иустины, потом на другой день заложил собор Благовещения. За городом, где погребены были павшие воины, велено было построить монастырь Успенский Зилантов. Татары крестились целыми семействами, как во все время пребывания царя в Казани, так и после. На другой год в Москве крестились два царя казанских *Эдигер* и пятилетний *Утемиш-Гирей*.

Святой Гурий.

Но после взятия Казани еще долго нужно было воевать с подвластными ей татарами, черемисами, чувашами, мордвой, вотяками и башкирами. Долгая борьба предстояла и церкви с мусульманством татар и язычеством других инородцев. Для больших успехов веры на московском соборе 1555 года положено было открыть в Казани особую епархию. Первым святителем в Казань назначен был селижаровский игумен *Гурий*. Он был прежде боярский сын из фамилии Руготиных, родился в Воронеже, жил в молодости на службе у князя Пенькова. Оклеветанный в преступной связи с женой Пенькова, он был ввергнут разгневанным князем в тюрьму. Через 2 года, освободившись из заключения, он постригся в Волоколамском монастыре и за святую жизнь удостоился выбора в игумены; из этого монастыря послан от царя игуменом же в монастырь Селижаров, а отсюда уже назначен в Казань. Отправление его на епархию совершилось с необыкновенной торжественностью; это был другой, духовный поход на Казанское царство. Новый святитель ехал с иконами, книгами, церковной утварью и казной государя на строение церквей и монастырей. Ему дан был подробный наказ: обращать людей к истинной вере, привлекая их к себе лаской, кормами, дарами, заступлением перед властями, крестить неверных только волей, а не насилием, крещенных наставлять у себя на дому или по монастырям в вере, крестить и тех, которые пожелают того для избежания от наказаний за вины, печаловаться пред воеводами и судьями за подсудимых, обличать неправды властей, участвовать с ними во всех советах. Своим учением и жизнью святой Гурий весьма благотворно действовал на покоренных инородцев и в 9 лет своего святительства обратил их многие тысячи. Последние 3 года своей жизни он не мог уже ходить вследствие болезни, но и теперь неопустительно на носилках являлся в храм и учил свою паству. Царь очень благоволил к святителю и во всем ему помогал. В 1556 году, когда новокрещенные татары приняли участие в казанском бунте, по настоянию святого Гурия, все некрещенные татары были выселены из Казани в особую слободу. Святитель Гурий скончался 4 декабря 1563 г. В 1595 году последовало открытие его мощей.

Святые Варсонофий и Герман.

Помощниками святого Гурия были архимандриты *Варсонофий* и *Герман*. Первый был сын серпуховского священника и с юных лет отличался любовью к книгам. Лет 17-ти он попал в плен к крымским татарам и за три года тяжкой неволи успел изучить язык и веру своих поработителей, что ему очень пригодилось впоследствии. До своего служения в Казани он жил несколько времени домовым иеродиаконном у тверского архиерея, потом был игуменом Пешношской обители. В Казани он устроил Спасский монастырь и дал ему устав. По своему знанию татарского языка и нравов, он был полезнейшим сотрудником святителя Гурия; много татар привлекло к нему еще его искусство врачевания болезней. С 1567 года он был епископом в Твери, но под старость (1571 г.) снова воротился в Спасский монастырь, где и скончался в 1576 году. Мощи его обретенны вместе с мощами святого Гурия. Святой *Герман*, из боярской фамилии Полевых, родился в Старице и был постриженником Волоколамского

монастыря, где подвизался под руководством святого Гурия. В Казанской земле он устроил Свияжский Богородицкий монастырь, сделавшийся просветительным центром для всей нагорной части Казанского края. После смерти святого Гурия он был преемником его по кафедре и достойным продолжателем его дела (+ 1567). Преемники святых Гурия и Германа, кроме *Гермогена*, не оказали особенной ревности к обращению инородцев, так что всем своим христианским просвещением Казанский край до самого XVIII века был обязан единственно деятельности своих чудотворцев; после них остались целые селения так называемых старокрещеных инородцев. Прославлению имени Божия среди мусульман и язычников много содействовали между прочим с 1579 года чудеса новоявленной иконы Казанской Божией Матери.

Христианство в Астрахани на Кавказе.

Завоевание Казанского царства проложило путь к завоеванию царства Астраханского. В 1567 году в Москве крестилась астраханская царица с сыном, а в следующем году послан в Астрахань игумен *Кирилл* для крещения народа и устройства церквей и монастырей. По церковному управлению Астрахань присоединена была к Казанской епархии. Из Астрахани Россия завязала сношения с народами Кавказа, которые издревле исповедовали православие, но отступали от него вследствие мусульманских гонений. В Москву один за другим приезжали черкесские князья и крестились. Из Москвы посылали к ним в горы священников восстанавливать православную веру. В 1586 году приходили послы из единой верной Кахетии; князь ее *Александр*, теснимый турками и персами, просил царя о защите от врагов; из Москвы отправлены к нему священники, монахи и иконописцы для восстановления чистоты веры и богослужения, пострадавших от постоянного влияния соседних мусульманских народов.

2. Церковное управление.

Отношение митрополита к патриарху и к московским государям.

Кроме содействия к расширению внешних пределов церкви, усиление Московского государства было полезно для церкви и потому, что она могла теперь опираться на силу гражданской власти с большей уверенностью, чем в прежнее время слабости государства. Но, с другой стороны, усилившееся государство, вследствие уже знакомого нам своего религиозного характера, теперь вполне проявило ту власть в церковных делах, начало которых мы видели в предшествовавшее время. Развитию этой власти не препятствовала даже и прежняя слабая зависимость митрополитов от иноземной власти патриарха. Со времени митрополита Ионы митрополиты постоянно уже поставлялись своими епископами и сами вполне сделались своими людьми в России. После этого все связи России с Грецией по церковным делам стали ограничиваться почти одними только благотворениями страждущим восточным церквям. Все более и более усиливавшаяся подозрительность русских к чистоте православия Греческой церкви побуждала их даже нарочно отстраняться от слишком близких отношений к грекам. Около 1480 года в архиерейскую присягу было включено клятвенное обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на епископии, как находящихся под властью неверного царя. Но понятно, что, сделавшись независимой от внешней, заграничной власти, русская иерархия должна была очутиться в большем подчинении своей местной государственной власти.

Митрополиты при Иоанне III и Василии.

Преемник митрополита Ионы, кроткий и благочестивый *Феодосий* (Бывальцев) был поставлен на митрополию уже без сношения с Грецией. Также поставлялись и последующие митрополиты времен Иоанна III: *Филипп I* (с 1464 г.), *Геронтий* (1472), *Зосима* (1491) и *Симон* (1495). При таком порядке замещения митрополичьей кафедры великий князь имел сильное влияние на выбор первосвященителей, не стесняемое уже ни влиянием Константинополя, ни влиянием ослабевших удельных князей. Отношения его к митрополитам выражались в прежних формах: русский первосвященитель призывался на княжеские советы, скреплял княжеские договоры, ходатайствовал за опальных и прочее. Во время борьбы великого князя с последними остатками удельного быта митрополиты, как прежде, усердно действовали в пользу верховной власти; Филипп и Геронтий содействовали великому князю в покорении Новгорода, писали послания о повиновении великому князю в непокорные края — Псков, Вятку и Пермь. Памятниками руководительных отношений церкви к верховной власти служат между прочим два послания к великому князю, одно от митрополита Геронтия и собора духовенства, другое от ростовского епископа *Вассиана* — оба на Угру, где великий князь в боязливой нерешительности стоял с полками перед ханом *Ахматом*; оба послания возбуждали его к решительному бою за землю Русскую. Но с другой стороны, при Иоанне, несмотря на его постоянное старание во всем держаться старых форм, под этими формами видим проявления уже новых отношений. Великий князь не любил, например, митрополита Геронтия, пастыря твердого, не боявшегося в случае надобности сказать великому князю решительное слово, и однажды едва не отказал ему от кафедры.

В княжение Василия Иоанновича, который развил верховную власть еще больше отца, поставление митрополита происходило даже без соборного избрания, по воле одного великого князя. Преемник митрополита Симона *Варлаам* (с 1511 г.) чем-то не понравился великому князю, и великий князь заточил его в Спасо-Каменный монастырь. На место его поставлен был (1522 г.) волоцкий игумен *Даниил*, человек весьма образованный, учительный, искренно преданный верховной власти, но слишком уже подчинявшийся воле властительного и не всегда справедливого великого князя. Один опальный боярин Берсень-Беклемишев говорил о нем: “Учительнаго слова (т.е. великому князю) от него не слышно, и не печалуется ни о ком, а прежние святители сидели на своих местах в мантиях и печаловались государю о всех людях.” Слабость духовной власти особенно ясно высказалась в деле о разводе великого князя с его неплодной супругой *Соломонией*. Есть предание, что против этого незаконного развода были и *Максим Грек*, живший тогда в России, и восточные святители, приславшие свой голос из Греции. Но Даниил, исполняя желание великого князя, все-таки насильно постриг Соломонию в суздальском Покровском монастыре и обвенчал великого князя новым браком с *Еленой Глинской*. Плодом этого брака был *Иоанн Грозный*.

Митрополиты в малолетство Грозного. Митрополит Макарий.

В малолетство Грозного постоянное участие митрополитов в гражданских делах втянуло их в распри бояр и подвергло насилию партии *Шуйских*. Митрополит Даниил стал было на сторону противной партии *Бельских*, но Шуйские заставили его отречься от кафедры (1539 г.) и сослали в Волоцкий монастырь. Преемник его *Иоасаф* тоже стал за Бельских и тоже подвергся (1542 г.) от Шуйских бесчестному низвержению с кафедры и ссылке в Кириллов монастырь. После него митрополит *Макарий*, бывший новгородский владыка, был осторожнее и сумел удержаться на кафедре целых 22 года. Но и он потерпел от Шуйских много неприятностей, когда заступился за любимца Иоаннова, князя *Воронцова*, которого Шуйские хотели убить, опасаясь его влияния на царя.

Новый государь вступил в управление делами с сильно возросшей жадной властью, которую у него слишком долго отнимали бояре, и с самым высоким понятием о значении самодержавного государя. На 17 году (1547 г.) он принял помазание на царство, по примеру, как он говорил, греческих царей и прадеда своего Владимира Мономаха, и явился на русском престоле первым “прирожденным” и “Божиею милостию” царем. После, в 1557 г., он получил утверждение в царском сане от собора греческих святителей. Юный царь был благочестив, почитал священный чин, ревновал о благе церкви. После потрясения, произведенного в его впечатлительной душе московским пожаром 1547 года, он торжественно, на лобном месте, принес покаяние в грехах своей юности и бедствиях земли и просил митрополита Макария быть его пособником и учителем. О том же просил он русских святителей на *Стоглавом соборе*. Собор этот был созван в 1551 году для разных церковных исправлений, в которых, при тогдашних обстоятельствах, чувствовалась сильная нужда. После соединения Русской земли в одно целое государство Москва получила возможность одним общим взглядом производить обзор всей русской жизни, и все зло, все нестроения, формировавшиеся веками и бывшие прежде, при удельных перегородках государства, лишь местными, отрывочными явлениями, предстали теперь перед правительством и общественными деятелями в массе, разом. Не удивительно, что и правительство, и общественные деятели пришли в сильную тревогу, подняли жалобы, обличения, носившие все крайне резкий характер, и принялись за всякого рода исправления. Царь выступил на соборе ревнителем блага Церкви, тоже с самыми резкими обличениями современных нестроений и с настоятельным требованием церковных исправлений. Для Церкви, казалось, наступило время наибольшего благосостояния. Подозрительный к боярам, государь доверчиво вверялся людям худородным, вроде *Адашева*, и духовенству. Вместе с митрополитом Макарием руководителем его сделался священник *Сильвестр из Новгорода*. Но при той крайней подозрительности и ревности к власти, какие воспитались в царе под впечатлениями детства, требовалось очень много осторожности со стороны его руководителей. Малейшая с их стороны неумеренность в пользовании своим влиянием могла пробудить в душе царя опасную мысль, что им управляют, как ребенком, как управляли им прежде ненавистные ему бояре.

Сильвестр не сумел удержаться на своей высоте. Его мелочная и назойливая нравоучительность, о которой можно судить по его “Домострою,” неприятно столкнулась со страстной, не терпевшей никаких сдержек природой царя. С течением времени царю именно показалось, что с ним поступают, как с младенцем: “Не было мне ни в чем воли, — жаловался он после, — сколько спать, как одеваться, все было определено... Попробую прекословить — и вот мне кричат, что и душа-то моя погибнет, и царство-то разорится.” Когда же Сильвестр окружил себя при царском дворе партией и свое пестунство* из нравственной сферы перенес в политическую, стал требовать от своего духовного сына подчинения своим советам и в этой сфере, например, укорял его за ливонскую войну и требовал продолжения крымской, когда, кроме того, еще разошелся с многолюбимой супругой царя *Анастасией*, когда наконец во время опасной болезни царя в 1553 году, при возникшем тогда вопросе о престолонаследии, стал на стороне не сына Иоаннова, а удельного князя *Владимира Андреевича* — царь окончательно поставил и его и его партию на одну доску с крамольниками-боярами. К своей теории царской власти, направленной прежде против одних бояр, царь прибавил новые черты, относившиеся к участию в государственных делах духовенства. Он высказал их после в письме к князю *Курбскому*, который в своем послании к Иоанну доказывал необходимость иметь царю мудрых советников: “Ты считаешь, — писал царь, — светлостью благочестивою, когда государство обладаетя попом невеждою? Но царство, обладаемое попом, разоря-

* Нячненье.

ется... Бог не священника поставил над Израилем, но Моисея, как царя. Когда же Аарон стал заведовать людским устройением, то от Бога людей отвел: смотри, как не подобает священникам брать на себя царские дела.” На ту же мысль приводятся и другие примеры из Священного Писания и византийской истории. С 1560-х годов последовало удаление прежних советников царя, опалы на разных сильных людей, отъезд князя Курбского в Литву, учреждение опричины и боярские казни. Свой подозрительный взгляд на бояр Грозный перенес и на духовенство. Всякое слово назидания со стороны пастырей церкви или печалования за опальных стали казаться царю уже посягательством на его власть, напоминали ему попа Сильвестра. При самом учреждении опричины в 1565 году он объявил народу, что положил свою опалу не только на бояр, но и на духовенство за то, что захочет государь наказать бояр — а духовенство их покрывает перед государем.

Митрополит святой Филипп II.

Митрополит Макарий не дожил до учреждения опричины (+ 1563). Преемником его в 1564 г. избран был духовник царя *Афанасий*^{**}; добрый старец не выдержал ужасов времени и через год оставил кафедру по болезни. При выборе нового святителя внимание царя остановилось на *Германе* Казанском, но после того, как святой Герман решительно потребовал уничтожения опричины, царь выгнал нареченного первосвятителя из митрополичьего дома и вызвал в митрополиты соловецкого игумена святого *Филиппа* (1566 г). Святой Филипп происходил из рода бояр Колычевых и в молодости служил при дворе великого князя Василия и Елены. Строгого подвижника едва уговорили принять предложенный сан и дать обещание не выступать против опричины^{***}. Но прошло несколько месяцев, и при виде жестокостей и беспутства опричников он не захотел молчать. Обличения митрополита царю сначала были тайные, но в 1568 году, видя их безуспешность, он решился приступить к обличениям всенародным. В неделю крестопоклонную царь пришел к обедне в Успенский собор вместе с опричниками в их странных нарядах и подошел к митрополиту принять благословение. Филипп не благословил его. “Не узнаю царя, — говорил он, — в такой одежде, не узнаю и в делах царства. Убойся суда Божия; мы здесь приносим Богу бескровную жертву, а за алтарем льется кровь неповинная.” На угрозы царя он отвечал: “Я пришлец на земле и готов пострадать за истину — где же вера моя, если умолкну?” В конце июля произошло новое столкновение святителя с царем во время крестного хода в Новодевичьем монастыре из-за того, что святой Филипп во время чтения Евангелия увидел одного опричника с тафьей на голове и обратился к царю с укором и жалобой. Царь решился наконец свергнуть митрополита с кафедры. Нашлись клеветники с тяжкими обвинениями на святого. Собор подобострастных епископов осудил его на лишение сана. 8 ноября 1568 года опричники буйной толпой ворвались в храм, где Филипп служил свою последнюю литургию, сорвали с него святительские одежды, одели в лохмотья и с позором выгнали из церкви. После непродолжительного, но тяжкого тюремного заключения он был заточен в тверской Отрочь монастырь. Через год, проезжая мимо Твери, Иоанн заслал в Отрочь монастырь *Малюту Скуратова* взять благословение у Филиппа. Святитель не дал благословения, и опричник задушил его. Последующие митрополиты, *Кирилл* и *Антоний*, были уже только безмолвными свидетелями дел Грозного. Князь Курбский называет всех русских святителей страшного времени “потаковниками” и восклицает: “Где Илия, возревновавый о Навуфеевой крови? Где Елисей, посрамивший царя израилева?”

^{**} На соборе 1564 г., при избрании Афанасия московским митрополитом в первый раз дано было право носить белый клобук. До этого времени такой клобук носил только митрополит Макарий, избранный на митрополию из новгородских владык.

^{***} Никоим образом не вмешиваться в дела опричины.— *Прим. ред.*

Где лики пророков, обличавших неправды царей? Где Амвросий, смиливший Феодосия? Где златословесный Иоанн, обличавший царицу златолюбивую? Кто отстоит обидимую братию? Воистину никто; если кто и явится ревнующий по Боге правдою слова, осудится, как злодей, и после различных мук предастся горькой смерти.” Четвертый брак царя с разрешения церковных властей, с наложением только не тяжелой эпитемии, которую притом же царь не исполнял, служит достаточным свидетельством упадка духовной силы иерархов, о котором говорил Курбский. После этого брака царь еще женился три раза, уже не спрашивая разрешения церковной власти.

Митрополиты при царе Феодоре.

После страшного Иоанна стал царем благочестивый и слабый сын его *Феодор*. Но и в его царствование видим свержение митрополита *Дионисия*, который вместе с Шуйскими осмелился действовать против могущественного *Годунова*, говорить о неправдах временщика и хлопотать о разводе царя с неплодной *Ириной* — сестрой *Годунова*. На место его возведен (1587 г.) ростовский архиепископ *Иов*. Это был последний митрополит и первый патриарх в нашей истории.

Епархии московской митрополии.

В истории епархиального управления важным событием было падение вольных городов и прекращение их стремления к церковной самостоятельности. В последнее время, не находя в России сильных удельных князей, на которых можно было бы опереться против московской централизации, новгородцы обратились к покровительству Литвы. После смерти владыки святого *Ионы* (1470) литовская партия требовала, чтобы вновь избранный владыка *Феофил* ехал ставиться не в Москву, а в Киев, а когда он не согласился на это, выставила от себя другого кандидата на кафедру, ключника *Ионы Пимена*, который готов был ехать на поставление, куда угодно. В 1471 году Иоанн III предпринял против новгородцев большой поход, на который и он и москвичи смотрели, как на поход религиозный, против отступников от православия, и который сравнивали даже с походом Донского на Мамаю. Стесненный Новгород чрез посредство *Феофила* вымолил себе прощение великого князя, обязавшись не отступать к Литве и посвящать своих владык при гробе святителя Петра. После этого *Феофил* ездил в Москву и был поставлен на архиепископию. Верный старинному обычаю печалования, он был постоянным ходатаем за своих духовных чад перед Иоанном до самого конца новгородской вольности. В 1478 году великий князь предпринял новый поход против Новгорода и на этот раз ходатайство владыки о сохранении старинных прав вечевого города было уже безуспешно.

Вечевой колокол отвезли в Москву и повесили, как выражается летопись, “на колокольнице с прочими колоколами звонити.” Владыка и погиб за свой город; после бунта против московской власти, который не замедлил последовать со стороны новгородцев, он опять было печаловался о них, но великий князь вместе с виновными схватил и его самого и в 1480 году заточил в Чудов монастырь, где он и скончался в 1482 году. На место его поставлен был владыкою уже не новгородец, избранный на вече, а москвич *Сергий*, присланный великим князем и митрополитом. Падение Новгорода обставлено в летописях религиозными преданиями. Оно задолго предваряется печальными предзнаменованиями: сами собой звонили колокола, буря сломила крест на святой Софии, плакали иконы по церквам, на гробах усопших владык видели кровь. Преподобный *Зосима* Соловецкий на пиру у Марфы Посадницы с ужасом видел некоторых гостей сидящими без голов и предсказал им казнь от великого князя. Донеслось до нас предание и о первом владыке-москвиче. Усопшие владыки будто бы являлись

ему во сне и наяву и с гневом укоряли его, зачем он воссел на их кафедре. Менее чем через год он сошел с ума. Преемником его с 1484 года был тоже москвич, чудовский архимандрит *Геннадий*. В Москве долго не могли забыть новгородской вольности и подозрительно присматривались к старому вечевому углу. В церковной сфере эта подозрительность выразилась разными притеснениями владыкам, отобранием у них имений, отпиской их монастырей к Москве, лишением их кафедры. Лишен кафедры святой Геннадий, обвиненный в мздоимстве. Святой Серапион выразил негодование на отписку в 1507 году от его епархии к Московской богатого Волоколамского монастыря и был заточен в Троицкий монастырь. В 1570 году Грозный предпринял свой кровавый поход на Новгород, чтобы вывести в нем измену, о которой ему доносили клеветники. Произошел страшный погром всего города и его окрестностей, причем не было пощады ни духовенству, ни церквам, ни монастырям. Владыка *Пимен*, некогда судивший на соборе святого Филиппа, подвергся крайнему поруганию от опричников — провезен по всему городу в одежде шута, с бубном и волынкой, на белой кобыле, потом лишен сана и заключен в Венева. Преемника его *Леонида* Грозный (1576 г.) велел зашить в медвежью шкуру и затравить собаками, а по другим известиям — удавить.

Другой вечевой город, Псков, по-прежнему все хлопотал об освобождении своем от власти новгородских владык. Получая постоянно отказы, псковичи дошли наконец до того, что в 1468 году порешили управляться в церковных делах сами собой без владыки, чрез двоих выборных священников. Владыке, который, встревоженный этой новостью, приехал в Псков, сказали, что учрежденное ими церковное самоуправление необходимо, потому что в это последнее время смущение явилось великое — владыке всего и рассказать нельзя. Они принуждены были отступить от своего решения уже в 1470 году, по требованию самого великого князя и митрополита Филиппа. Вече не раз делало распоряжения, которые мог делать один владыка, например, в 1468 году отлучило от службы вдовых попов и дьяконов. Даже после падения Новгорода, когда владыки новгородские сделались органами сильной московской власти, псковичи постоянно раздражали их своим непокорством. Первого епископа (*Мисаила*) Псков получил уже при учреждении патриаршества.

Число всех епархий в Московской митрополии после отделения от нее Киевской простиралось до 10, но в епархиальном делении происходили по временам разные перемены, из которых замечательны: учреждение в 1555 г. новой Казанской епархии, переводение Пермской епархии в Вологду (в начале XVI века), присоединение к Московской митрополии Смоленска (при Василии Иоанновиче) и Полоцка (при Грозном) с их епархиями; при Грозном у немцев взят старинный русский город Юрьев и устроена новая Юрьевская епархия. Польский король Стефан Баторий опять отнял у России и Юрьев и Полоцк; Полоцкая епархия снова отошла к Киеву, а Юрьевская была закрыта. Епархия митрополита через отделение от нее киевской половины значительно уменьшилась, но все еще была слишком обширна и после этого; она обнимала собою нынешние епархии: Московскую, Костромскую, Нижегородскую, Вятскую, Курскую, Орловскую и значительные части Владимирской, Архангельской, Новгородской и Тамбовской. После падения Орды сарайский епископ (с 1454 года) стал жить в Москве на Крутицах и сделался как бы викарием митрополита.

Органы епархиального управления.

С XVI века встречаем целый ряд новых и очень важных постановлений относительно органов епархиального управления. Духовенство давно уже тяготилось тем, что епархиальные дела производились большей частью светскими чиновниками архиерейских домов, которые смотрели на свои должности, как на кормление, и притесняли духовный чин. Во время московского собора 1503 года ростовский священник *Георгий Скрипица* писал: “Господа

священноначальницы! Неблагодарно надсматриваете над верными людьми... Назираете церковь по царскому чину земного царя — боярами, дворецкими, недельщиками, доводчиками, для своих прибытков, а не по достоинству святительскому. Вам достоин пасти церковь священниками благоразумными, а не мирским воинством.” Наконец Стоглавый собор определил: суд по всем духовным делам производить самим святителям, или кому они укажут из духовных, а не из мирских лиц, за владычными же боярами оставить суд только по гражданским делам, подведомым суду Церкви, и то лишь над мирянами церковного ведомства и белым духовенством. Вследствие этого постановления увеличено число духовных органов архиерейской власти, каковыми были органы приказные — архимандриты, игумены и протопопы, и выборные — поповские старосты. *Поповские старосты*, которых в первый раз мы видели во Пскове, в XV веке появились и в некоторых других местах, но с исключительно финансовым значением, как органы архиерея, к которым, по выражению грамот, тянули* всякими сборами тяглые попы. Стоглав сделал учреждение поповских старост и их помощников, *десятских* священников, повсеместным, и облек их, кроме обязанности собирать владычные сборы, еще обязанностью надзирать за церковным благочинием и в качестве депутатов сидеть в суде над духовенством у владычных мирских судей. Право церковного суда по-прежнему оставлено за одними приказными органами архиерейской власти, как духовными, так и светскими, которым духовная власть доверяла больше, чем выборным старостам. Сами поповские старосты подчинены надзору архимандритов, игуменов и протопопов.

Устройство церковного суда.

Правилами судебныхников Иоанна III и Иоанна Грозного, новыми грамотами духовной и светской власти и особенно правилами Стоглава произведено более точное разграничение церковного и гражданского ведомств. Неподсудность духовных лиц и всех вообще церковных людей государственному, мирскому суду признана была общим правилом по всем делам, кроме уголовных, но и по этим делам первые действия суда над духовными лицами до снятия сана с виновного принадлежали духовным же властям. По искам на лиц духовного ведомства от людей посторонних и наоборот назначался суд совмесный — из органов и духовного и светского суда вместе. Иски на самих духовных властей, архиерейских наместников и бояр разбирались самим государем или его боярами в приказе большого дворца. Но эти правила соблюдались не вполне. При древнем стремлении каждой корпорации людей к обособлению и вследствие тяжких поборов со стороны архиерейских чиновников, многие монастыри выпрашивали себе несудимые грамоты, на основании которых братия и монастырские крестьяне судились у настоятелей, а настоятели, помимо епархиальной власти, подчинялись прямо суду самого царя в приказе большого дворца. Несудимые грамоты изредка успевали выпрашивать и церковные причты. Грамоты эти производили большую путаницу в церковном суде, нарушали судную власть архиереев и подчиняли духовенство мирскому суду. Стоглав отменил их: но его распоряжение не вошло в практику. Замечательно, что митрополит и архиереи, по крайней мере со времени Стоглава, должны были принимать к себе на службу бояр и дворян, а равно и увольнять их с этой службы не иначе как только с соизволения государя; таким образом эти люди сделались теперь не столько церковными, сколько обыкновенными государевыми людьми, только служившими по церковному ведомству. Государство заявляло свое участие в церковных судах по гражданским делам и с другой стороны — вместе с поповскими старостами на них положено было сидеть еще земским старостам, целовальникам и земским дьякам как представителям светской власти.

* Платили подати.— *Прим. ред.*

Состояние белого духовенства.

Члены причтов по-прежнему ставились к церквам по выбору прихожан. В Стоглаве находим описание того, как в Новгороде улица, обыкновенно составлявшая особый приход, выбирала себе кандидата на церковное место и просила владыку о поставлении избранного, причем брала с последнего деньги за выбор, а кого владыка пошлет сам без приходского выбора, тому отказывала. Член клира был членом и своей приходской общины, и притом членом грамотным, что давало ему большой вес и участие в земских делах, в разных общинных актах, межевых исках, мирском суде, выборах, челобитьях пред властями и т. п. При всем том в XVI веке нельзя уже не замечать признаков скорого упадка выборного значения духовенства. Государство все более и более стесняло поставление в священный чин людей служилых и тяглых, так что ставленники были большей частью из лиц духовного же происхождения. Сама приходская община в своих выборах прежде всего обращала внимание на них же, потому что на их стороне была большая грамотность и привычка к церковной службе. Отсюда с течением времени постепенно формировалась наследственность церковного служения. Стоглав уже прямо говорит о наследии церковных мест после отцов детьми.

Сборы с духовенства.

В финансовой сфере церковного управления встречаем некоторые определения касательно архиерейских сборов с духовенства. После резких обличений стригольников касательно поставления пастырей на мзде собор 1503 года отменил было ставленные пошрины, но Стоглав снова восстановил их. Самый главный сбор с церковью в архиерейскую казну составляла ежегодная церковная дань по числу приходских дворов, количеству земли и других угодьев при каждой церкви. Другими сборами были: переходные деньги с священно и церковно служителей за переход к другой церкви, епитрахильные и оранные пошрины с вдовых священнослужителей при выдаче епитрахильной или оранной грамоты на служение, крестцовые с безместного духовенства, служившего по найму, для которого оно становилось на крестцах (перекрестках), явочные — за явку грамот каждому новому архиерею. Важную статью архиерейских доходов составляли пошрины за антимины для новых церквей и венечные — с браков. При Грозном определена была денежная сумма, которую духовенство должно было платить ежегодно за архиерейский подъезд, хотя бы архиерей и не ездил по епархии. Кроме подъезда, оно платило еще московский подъем для покрытия издержек на поездки епископа к митрополиту. Со сборами на архиереев соединялись еще особые сборы на их чиновников и служителей архиерейского дома; со времени Стоглава эти сборы слагались в одну общую сумму, равную по величине церковной дани и известную под именем десятильничья дохода. При поездках архиерейских чиновников по делам духовенство ставило им кормы и подводы. Оно же строило двор архиерея и дворы десятильничьи. Количество сборов зависело от усмотрения архиереев. Случалось, что церковь облагалась слишком высокими сборами и поэтому долго оставалась без причта. Случалось и то, что причт, соединясь вместе с прихожанами, силой отбивался от сборов. Законным средством избавиться от тяжести платежей были жалованные грамоты, но архиереи давали такие грамоты большей частью только таким церквам, которые находились в государственных селах или в вотчинах уважаемых монастырей и сильных лиц. Кроме платежей в архиерейскую казну, духовенство не было свободно и от гражданских платежей и повинностей. С своих собственных земель оно должно было выставлять ратников, давать деньги или припасы на военные нужды, поставлять кормы и подводы чиновникам, поддерживать мосты и дороги, исполнять повинность городовую (т.е. строить городские стены и казенные здания). Духовные лица, жившие на чужих землях, подлежали еще сборам в пользу владельцев этих земель. Жившие на землях чер-

ных тянули с черными людьми, т.е. несли обыкновенное тягло, платили оброк наместникам и другим чиновникам, деньги ямские, стрелецкие, пищальные и др. Белою, свободною от платежей, считалась только земля церковная, но и с нее духовенство должно было нести некоторые платежи в чрезвычайных случаях — во время войны и для выкупа пленных. Из постоянных повинностей эта земля не освобождалась от повинности губной, т.е. содержания губного старосты.

Содержание белого духовенства. Перехожие и крестцовые попы.

Платежей было много, а средств к содержанию духовенство имело мало. Только немногие церкви имели вотчины, и то небольшие, например деревни в 2-4 двора. Небольшое число церквей получало ругу от правительства, но в очень малом количестве. Затем все средства существования причтов вполне зависели от приходских общин. Одни общины отмежевывали на содержание причтов земли, другие, вместо земли, назначали условное количество руги. Кроме руги, причт собирал по праздникам, раза 4 в год, с прихода еще сборы или запросы, обыкновенно хлебом, яйцами и другими припасами, наконец, пользовался обычным доходом за требоисправления. Благосостоянию духовенства много вредило неправильное распределение приходов, не соразмерное с числом населения, и непомерное размножение самого духовенства. Стоглав почел нужным издать запрещение строить лишние церкви, которых строители не могли обеспечить средствами, нужными для их существования. Вследствие излишка духовенства и бедности приходов появилось много так называемых бродячих, или переходящих попов, которые со своими ставленными и переходящими грамотами ходили с места на место, нанимаясь служить при церквях на год или на другой срок. В городах, особенно в Москве, из этих безместных священнослужителей, служивших по найму, образовался класс крестцового духовенства. Стоглавый собор обратил серьезное внимание на этот беспорядочный люд, производивший большой соблазн. Велено было выстроить для этих попов на крестце поповскую избу, чтобы они по крайней мере не стояли для найма на улице, и посадить в ней для надзора за ними поповского старосту. Между бродячим и крестцовым духовенством много попадалось людей без всяких грамот и даже состоявших под запрещением; поэтому собор распорядился о строгом досмотре у него грамот.

Меры к улучшению нравов белого духовенства.

Бедность духовенства, зависимость от приходов и исключительно обрядовая его постановка в обществе (причем со стороны духовного лица требовалось только исполнение треб и обрядов и не было запроса на развитие собственно пастырских качеств), производили заметный упадок и в нравственном состоянии духовного чина. Митрополит Феодосий думал “попов и дьяконов нужно навести на Божий путь,” рассказывает летопись, “нача на всяку неделю сзывати их и учити по святым правилом, и вдовцом диаконом и попом повела стричися, а еже у кого наложницы будут, тех мучити без милости, и священство сымая с них, и продавать их.” Вдовым священнослужителям, не постригавшимся в монашество, служение было запрещено еще при митрополитах Петре и Фотии. Запрещение это повторено потом на соборе 1503 года. Священник Георгий Скрипица, сам будучи вдовцом, тогда же протестовал против этого решения. “Пусть, — писал он собору, — подвергаются запрещению те, которые не хранят своего вдовства. Зачем же без вины осуждать всех? Правильно ли, что вдовый священник, постригшись, может служить, а тот же священник, не постригшись, не может служить? Разве женою поп свят? Который поп имеет жену, чист, а не имеет жены, не чист, а чернец, не имея жены, чист. И вы, господие мои, которым прозрели духом чистых и нечистых?” Протест остался без успеха. На нравственные недостатки духовенства обратил внима-

ние и Стоглавый собор, но его распоряжения тоже ограничились только усилением надзора за духовенством и строгости наказаний да запрещением священнослужения вдовцам, т.е. теми же мерами, какие были и прежде, и бесполезность которых была уже испытана; кроме этого, сказано было еще несколько слов о том, чтобы святители испытывали жизнь ставленников и ставили только достойных, но откуда брать этих достойных, не сказано.

3. Богослужение и христианская жизнь.

Нестроения в церковном богослужении.

После исправлений в церковном управлении и в духовенстве особенное внимание церкви обращено было на исправление церковной обрядности. Нестроения в ней не только не уменьшались против прежнего времени, но, кажется, еще более увеличивались, несмотря на всю важность, какую придавало церковному обряду русское общество того времени. Встречаем сильные обличения против неблагочинного совершения богослужения, порчи церковного чтения и пения, многогласия при богослужении, происходившего от того, что для сокращения времени службы один читал, другой пел, третий возглашал ектению в одно и то же время, так что ничего нельзя было понять. В пении, вместо прежнего праворечия, явилось раздельноречие, растяжение слов через изменение полугласных букв в гласные и через бестолковые вставки в слова лишних звуков, — пение так называемое “хомовое,” в котором многих слов нельзя было и понять. Против всех этих нестроений восставал Стоглав, писали в своих сочинениях и грамотах пастыри церкви. В XV и XVI веках мы уже ясно можем следить за проявлениями тех обрядовых мнений, из которых выродился после раскол старообрядства. В 1479 году великому князю наговорили, что при освящении Успенского собора митрополит Геронтий не по правилам ходил с крестами около храма, не по солнцу. Великий князь осердился, стал говорить, что за это Господь пошлет гнев Свой. И поднялся спор о том, по солнцу или против солнца ходить при освящении храмов. На стороне митрополита стояло большинство духовенства и книжных людей, но так как против него был сам великий князь, то дело дошло до того, что митрополит даже отказался было от кафедры. Истины так и “не обретоша,” но великий князь почел нужным уступить митрополиту и бил ему челом о возвращении на кафедру. В XVI веке распространилось сильное сомнение о том, двоить или троить аллилуию. В псковском Евфросиновом монастыре двоили, прикрываясь авторитетом преподобного *Евфросина*. Но во Пскове и в Новгороде этим смущались, как латинством. Владыка Геннадий нарочно спрашивал об аллилуии жившего в Риме ученого переводчика *Димитрия Герасимова*. Герасимов прислал ответ, который никого тогда не мог удовлетворить, что все равно — двоить или троить аллилуию; поэтому вопрос остался по-прежнему спорным. Отголосок тогдашних споров можно видеть в древней повести о преподобном Евфросине неизвестного автора начала XVI века и в житии преподобного Евфросина, написанном священником *Василием* (в 1547 г.). И в том и в другом произведении аллилуии придается необыкновенно великое значение божественной тайны воскресения (аллилуия, по мнению Василия, значит будто бы “воскресе,”) и необычайная спасающая сила, троение же аллилуии называется жидовством и латинством, даже почтением языческого бога. Стоглавый собор поверил сказанию Василия и велел двоить аллилуию. Кроме того, он внес в свои определения (высказывавшееся еще раньше него митрополитом Даниилом) мнение о двоеперстии в крестном знамении; на троеперстие изречено даже проклятие. При смешении существенного с несущественным обрядовый религиозный взгляд простирается и на обыкновенные житейские вещи и обычаи; все свое, русское, казалось православным, все чужое — еретическим и

басурманским. Русские носили бороду, и борода стала существенною принадлежностью православия, а брадобритие — латинской ересью. Стоглав определил над брадобритцем ни отпевания, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь не приносить — “с неверными да причтется.”

Испорченность богослужебных книг, указанная Максимом Греком, и неудовольствия на него.

В 1518 году, по вызову правительства, в Россию приехал с востока *Максим Грек*, афонский монах, родом из Албании, получивший образование на западе в Венеции и Флоренции, современник и почитатель знаменитого Иеронима Савонаролы. Его вызвали для пересмотра и перевода греческих книг великокняжеской библиотеки. Воспользовавшись приездом такого образованного человека, правительство и иерархия стали обращаться к нему за разрешением разных трудных вопросов времени и между прочим важнейшего тогда обрядового вопроса об исправлениях в богослужении. Он пересмотрел и исправил Триодь, Часослов, праздничную Минею, Толковое Евангелие и Апостол. В своем “Отвещательном слове” об исправлениях он после указывал, с какими грубыми ошибками приходилось ему встречаться в книгах. В Часословах Христос назывался “единым точию человеком,” в Толковых Евангелиях — “бесконечною смертию умершим,” в Триоди — “созданным и сотворенным”; Отец в Часословах представлялся “собезматерним Сыну,” а в каноне на великий четверг — “не сущим естеством несозданным.” В символе веры ученик Максима *Зиновий* заметил в 8 члене прибавление слова “истинного.” В исправлениях своих Максим уже не руководствовался обычным приемом русских справщиков — исправлять книги с помощью одного только сличения их с древними рукописями, которое, при неисправности всех вообще рукописей и самих переводов, не могло повести ни к чему прочному и, кроме того, допускало произвол в выборе текста для образца в исправлениях, а все дело вел с помощью богословской и филологической критики текста. Кроме исправления богослужебного текста, Максим старался еще при этом объяснять разные богослужебные обряды и принадлежности, которых вовсе не понимали почитатели церковной внешности, например, объяснял литургию для вразумления тех, которые говорили, что все плоды ее пропадают для непоспевших к Евангелию, эктению “о свышнем мире,” под которым многие разумели мир ангельский; толковал значение букв в венцах Спасителя и Богородицы (Митир Тэу читали Марфу), писал об артосе и богоявленской воде. Кружок поклонников, составившийся около Максима, во всем одобрял его исправления, относился к нему, как авторитету, и гордился именем его учеников. Таковы были: князь-инок *Вассиан Патрикеев*, сотрудник Максима *Димитрий Герасимов*, писец Максима инок *Силуан*, его ученики иноки *Нил Курлятев*, *Зиновий* Отенский и другие. Вассиан говаривал даже: “Здесь книги все лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тем книгам Бога хулили, а не славили.” Но большинство русских и митрополит Даниил думали иначе, говорили, что он, напротив, только портит книги, что хулами на них творит велию досаду русским чудотворцам, спасавшимся по этим книгам, и в доказательство указывали на несколько действительно важных ошибок, допущенных в его исправлениях и переводах. Не зная достаточно славянского языка, он долгое время мог работать только с помощью переводчиков, которые, со своей стороны, не знали хорошо греческого языка; Максим должен был сначала переводить с греческого на латинский, знакомый его сотрудникам, а эти с латинского перелагали его перевод уже на славянскую речь. Понятно, что при таком порядке работы многие фразы переводов могли явиться в такой форме, за которую Максим никак не мог отвечать. Явились неточности, например об Иисусе Христе, вместо: “седе одесную Отца,” написано было: “седел,” как о мимошедшем факте; вместо: “безстрастно Божество,” — “не-

страшно Божество”; в переводе жития Богородицы неловко употреблялось “аки” вместо “яко,” например, перед словами: “семени мужескаго никакоже причастившись”; об Иосифе и Марии говорилось: “совокупление же (вместо совещание) до обручение бе.” Несчастному справщику пришлось дорого поплатиться за свои исправления. В 1525 году, как за них, так и по другим обвинениям, он был осужден на соборе и приговорен к заточению в монастырь. Вместе с этим прекратились и его исправления богослужебных книг.

Определение о богослужебных книгах собора 1551 года.

Вопрос об исправлении богослужебных книг был снова поднят на Стоглавом соборе; но, по малому образованию членов этого собора, он оказался совершенно несостоятельным в решении такого сложного вопроса. Церковные книги велено было исправлять по-старому с добрых переводов, которых, однако, и сам собор не мог указать; по-старому же на это дело уполномачивались всякие грамотеи — все протопопы и поповские старосты, что могло повести только к еще большей порче книг. Сам собор показал образчики крайне неудачных исправлений, указав, например, читать в эктениях: “о архиепископе нашем честнаго его пресвитерства и диаконства,” “сами себе и друг другу,” и прочее, или в символе веры: “и в Духа Святаго истиннаго и животворящаго,” а также указав двоить “аллилуию.” После этого строгое определение собора — неисправленных книг ни продавать, ни покупать, ни употреблять в церквах — не имело уже, разумеется, никакого значения. Спустя немного времени после Стоглава приходилось думать уже не об исправлениях в книгах, а только о предотвращении в них новых описей и недописей; с этой скромной целью и появилась в Москве первая типография.

Устройство типографии в Москве, первые печатные книги и судьба печатников.

В 1552 г., по просьбе Иоанна Грозного, из Дании был прислан типограф *Ганс Мессингейм* или *Бокбиндер*. Нашлись и свои люди, знавшие типографское дело — дьякон *Иоанн Федоров* и *Петр Тимофеев Мстиславец*; в Новгороде отыскался резчик букв *Васюк Никифоров*; кроме того, из Польши (вероятно, из какой-нибудь русской типографии в польских владениях) выписаны были новые буквы и печатный станок, и печатание началось. Ганса Бокбиндера, кажется, скоро отпустили, потому что в печатании участвовали только русские первопечатники. В 1564 году вышла первая печатная книга Апостол, а через 2 года выпущен Часослов — оба, впрочем, малоисправные. После этого типографское дело остановилось. Против типографщиков восстали из зависти переписчики книг, у которых они отбивали работу, и обвинили их в ереси; “презельнаго ради озлобления от многих начальник и священноначальник и учителей,” главные первопечатники удалились из Москвы в Вильну работать в тамошней типографии; самый двор печатный был подожжен ночью и сгорел со всеми своими принадлежностями. Книгопечатание было снова возобновлено уже в 1568 г. по воле самого царя сначала в Москве, потом в Александровской слободе. Ученик изгнанных первопечатников *Андроник Невежа* напечатал в новой типографии два издания Псалтири (1568 и 1578 года), тоже весьма неисправные. Все неисправности в рукописях указанных книг были перенесены и в печатные их экземпляры.

Новые храмы.

Вследствие скудности образования Москва таким образом не только не могла справиться с предпринятыми исправлениями одними собственными средствами, но не в состоянии была понять даже чужих работ как, например, работ Максима Грека; но она стала теперь богата и сделалась в состоянии заявлять свое усердие к благолепию церковной обрядности по

крайней мере материальными средствами. Со времени Иоанна III начали вызывать в Россию разных иностранных мастеров для построек и более всего, разумеется, для устройства храмов. Итальянский мастер *Аристотель Фиоравенти* в 1475-1479 годах выстроил в Москве новый Успенский собор, вместо разрушившегося старого собора. Другие мастера построили богатые соборы в Сергиевской лавре и в некоторых других монастырях и перестроили (1505-1508 гг.) соборы Благовещенский на великокняжеском дворе и Архангельский. При Василии Иоанновиче в память взятия Смоленска построен Новодевичий монастырь; построено было до 11 каменных церквей мастером *Фрязиным*; мастером *Николаем Немцем* слит громадный колокол в 1000 пудов. В память взятия Казани при Грозном в 1555 году построен в Москве Покровский собор (Василий Блаженный) весьма оригинального зодчества. Другие города тоже украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бедствий целыми десятками появлялись церкви обыденные. Замечательно, что только во второй половине XVI века стал распространяться у нас обычай строить церкви теплые, начало которому положил новгородский владыка Евфимий еще в XV веке.

Судьба местных святынь. Соборы 1547 и 1549 годов. Новые праздники и обряды.

Развитие московской централизации имело большое влияние на судьбу местных святынь. В начале описываемого времени мы еще встречаем некоторые остатки старинных понятий о них; так, первый владыка-москвич в Новгороде Сергей не хотел почитать мощей владыки Моисея; сам Иоанн III, посетив Хутынский монастырь, унижил мощи преподобного Варлаама пред московскими мощами и был вразумлен грозным появлением подземного огня. Новый порядок вещей обнаружился собиранием местных святынь в Москву, как общий политический и церковный центр. Ее Успенский собор сделался средоточием этих святынь. В его иконостасе помещены: из покоренного Новгорода икона Спаса, из Устюга икона Благовещения, перед которой молился Прокопий Устюжский об избавлении города от каменной тучи, из Владимира икона Одигитрии, из Пскова икона Псковопечерская; в ризницу собора взяты из Новгорода сосуды Антония Римлянина. В Москву же перенесены были местные мощи черниговского князя Михаила и боярина его Феодора (при Грозном). Наконец, по определению московских соборов 1547 и 1549 годов, многие святыне разных краев, прежде чтившиеся только местно, получили общее чествование по всей России. Тогда же были собраны местные службы, жития и чудеса новых чудотворцев, а для некоторых составлены вновь и тоже обнародованы повсюду. Это собирание сведений о святых, их житий и служб продолжалось и после означенных соборов. Следствием его было то, что церковное богослужение в России обогащалось новыми празднествами и службами в честь новых чудотворцев. То же самое делалось в отношении к вновь явленным чудотворным иконам, например, с 1579 года новоявленной иконе Казанской Богородицы. С XVI века у нас делаются известными некоторые новые обряды: обряд хождения на ослати в неделю Ваий, совершавшийся в Москве митрополитом, а в епархиях, хотя и не во всех, архиереями, причем осла под святителем в Москве вел за повод вместе с боярами сам государь, и обряд пешного действия, совершавшийся по кафедральным соборам перед Рождеством в неделю праотец.

Святыне иконы. Дело Висковатого.

В XVI веке возник вопрос о писании икон, потому что через Новгород и Псков в иконописание стало проникать западное влияние, появились иконы, писанные с латинских образцов и отличавшиеся множеством символических изображений. Стоглав определил, чтобы иконописцы непременно держались древних образцов, чтобы архиереи по епархиям установили за иконописанием строгий надзор и запрещали писать иконы от самоизмышления, не по

старым образцам и людям неискусным и худой нравственности; в образец для мастеров он рекомендовал известного инок, иконописца Андрея Рублева (+ 1430). Вскоре после Стоглава началось волнение из-за икон, поднятое дьяком *Иваном Висковатым*. После большого московского пожара вновь расписывали иконами кремлевские храмы; для этого дела были выписаны в Москву новгородские и псковские мастера. В Благовещенском соборе священник Сильвестр, с доклада царю, велел им изобразить: Троицу в деяниях, Верую, Хвалите Господа, Софию—Премудрость Божию, Достойно, Почти Господь в день седьмый, Приидите, людие, трисоставному Божеству поклонимся и другие. Висковатый соблазнился о новых иконах — поддерживаемый отставленными от дела московскими мастерами, стал разглашать, что не следует изображать иконным образом невидимое Божество и бесплотных, что первый член Символа веры нужно изображать только словами, а потом до конца уже иконным письмом, по плотскому смотрению, особенно порицал символические изображения, например добродетелей и пороков в виде женщин, Христа в виде ангела с крыльями и т. п., писал митрополиту жалобу, что Сильвестр старые образа вынес, а новые поставил по своему мудрованию. В 1554 году был созван собор и решил дело в пользу Сильвестра. Висковатого за хулу икон отлучили на три года от причастия. “Всякий должен знать свой чин, — сказал ему митрополит, — овца не должна делать из себя пастыря, нога не должна думать, что она голова. Слушай духовных отцов. Вам не велено о Божестве испытывать; знал бы ты свои приказные дела, — не разроняй списков.”

Обрядовый характер благочестия русских людей.

Привязанность к форме, обряду отразилась и во всей нравственной жизни общества. Добродетелями времени были частое присутствие при богослужении, строгое соблюдение постов, кроме положенных, еще добровольных, обетных, по понедельникам и в 12 пятниц, вклады в монастыри и церкви, построение церквей, путешествия к святым местам, раздача пищи и денег бедным и тому подобное. Жизнь благочестивого человека вся строилась по церковному уставу; распределение времени, пища, одежда, этикет общежития, отношения между членами семейства — все носило печать религии. Даже внешний вид русского города и селения показывал, что религия — господствующая сила в стране; иностранцы видели в русских городах множество богатых церквей и монастырей, слышали неумолкаемый звон колоколов; по всем улицам стояли часовни и иконы с зажженными перед ними свечами, прохожие крестились перед каждой часовней, а иные клали земные поклоны; везде можно было встретить духовенство с святой водой, крестами, иконами и пением; весьма часто совершались крестные ходы. Но истинное религиозное чувство, которое оживляет обряд и преобразует нравственность человека, было мало развито. Среди множества вопросов и обличений в XVI веке подверглось обличениям и это противоречие между христианской внешностью и нехристианскими нравами; но даже те самые люди, которые всех резче обличали обрядовое благочестие, иногда были самыми типичными его представителями, например Грозный, который предлагал самые энергические обличения на Стоглавом соборе. Вся жизнь в его Александровской слободе была устроена по монастырскому чину; царь был игуменом, опричники — братиею с разными монастырскими должностями. Каждый день эта братия упражнялась в богослужении, а в промежутках между молитвами шли страшные пытки и казни или проявления грубого разврата. Достоинство молитвы определялось не силой душевного умиления, а счетом поклонов, милосердие — счетом поданных нищему алтынов, усердие к церкви — числом пожертвований в монастыри. Выразительным памятником этого благочестия остался синодик Грозного, который он послал в Кириллов монастырь для вечного поминовения, заплатив за него 2200 руб.; это огромное поминанье в двух томах, в котором записано 3470

душ убитых царем людей; царь даже не знал всех их по именам, а записывал по местам огулом: помяни, Господи, столько-то убиенных там-то, их же имена Ты Сам, Господи, веши.

Под благочестивой внешностью в обществе обнаруживалась азиатская грубость нравов. В общественных отношениях видим угнетение низших высшими, бедных богатыми, подчиненных начальствующими. В суде и управлении господствовали страшные пытки и страшные казни. Неуважение к личности, привычка давать волю рукам господствовали одинаково во всех классах общества. В разбоях, наездах на чужие дворы и имения упражнялись люди самые близкие к правительству — опричники. До чего доходила необузданность таких наездов, видно из того, что опрличине поплатились своим добром не одна церковь и не один монастырь; в новгородской волости опричники разломали даже гроб преподобного Саввы Вишерского. Иностранцы замечали в русских слабость чувства чести, ложь и обманы. “Мои русские, — говорил им Грозный, — все воры.” Всякий, приставленный к какому-нибудь делу старался нажиться на нем. Стоглав возмущался тем, что даже приставники богаделен — и те наживались за счет милостыни, которую боголюбцы подавали богаделенным нищим. Существовали грубые потехи, например кулачные бои, на которых побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлей людей медведями; то же делали и другие сильные люди. Общественные сходки, пиры и беседы редко не оканчивались дракой и даже убийством. Моралисты вооружались также против поголовного пьянства во всех сословиях, не исключая даже высшего духовенства, особенно против пьяного препровождения праздников и семейных торжеств. По описанию Стоглава, свадебный поезд, например, совершался пьяной толпой с дудками и бубнами, а, впереди ехал верхом, в епитрахили и с крестом, священник, которого тоже предварительно напаивали. В праздновании главных христианских праздников, кроме того, и теперь еще замечалась грубая примесь часто безнравственных языческих обрядов, что вызывало со стороны лучших духовных лиц сильные обличения. В 1505 году игумен псковского Елеазарова монастыря *Памфил* писал псковским властям, умоляя их прекратить грубый разгул купальского торжества в ночь на Рождество Предтечи, совершавшийся с диким беснованием всего города. В Стоглаве тоже говорится, что везде еще происходили обряды Радуницы; на великий четверг палили солому и кликали мертвых; в Троицкую субботу мужи и жены сходились на жальниках (кладбищах) и плакались на могилах с великим кричанием, а потом заставляли играть скоморохов, пели и плясали; на Иванов день и на Крещение сходились мужи и жены и девицы на безнравственное ночное плещевание, бесовские песни, плясание, а после ночи все, как бесноватые, с криком купались в реке; в святки гадали и ходили по домам с играми и переряживанием. Собор велел преследовать и разгонять все такие сборища.

Домострой.

Семейные нравы и идеалы описываемого времени выразительно очерчены в обширном сборнике знаменитого иерея Сильвестра, известном под названием Домостроя. Вращаясь исключительно в области домашней обыденной жизни, этот драгоценный памятник древней жизни с особенной ясностью обрисовывает главный жизненный мотив века, мотив уважения к обряду, заведенному порядку, обычаю отцов и дедов, — весь этот заведенный порядок, начиная с исполнения важнейших религиозных обязанностей до самых мелочных хозяйственных занятий, увековечен автором Домостроя в полном и, так сказать, пластически осязательном образе, и преимущественно с его идеальной стороны, как образец. Но здесь же видно и то, как обрядовому благочестию было трудно выразить истинный христианский идеал семейной жизни. В основу семейной жизни Домостроем положено безусловное главенство отца семейства; все перед ним ребята, умственно и нравственно незрелые, живущие только

его умом и наказанием, за которых он поэтому несет ответственность и в сей и в будущей жизни. Жена полная его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная им во главе других работниц и работников дома. Домострой вооружается против всяких удовольствий женщины, требует от нее исключительно хозяйственных забот и работы, потому что в обстановке современной жизни не может найти ей никаких приличных увеселений для часов отдыха. Когда женщина не работала, ей только и оставалось предаться сплетням с служанками и торговками, беседам с женками бездельными и ворожеями или же хмельному питию. Среди такой жизни она естественно тупела и действительно требовала тех педагогических вразумлений побоями, о которых так выразительно говорят правила Домостроя. Дети являются тоже совершенно бесправными пред отцом; от него зависит вся их судьба, назначение положения в обществе, брак, потому что сами они люди неразумные, молодые, ничего не могут понимать. Отец обязан их учить страху Божию и всякому порядку; средствами для этого служат тоже страх и побои. Как олицетворение власти и страха для семьи, отец не должен даже улыбаться своему дитяти и играть с ним. В отношении к рабам автор Домостроя представляет себя добрым господином, но вместе с тем постоянно трактует раба, как человека тоже скудного разумом, которого не научишь, если не побьешь; в случае ссоры своих холопов с чужими советует побранить и побить своих, хотя бы и правы были — этим вражды избежешь, а убытка не будет. Нравственные правила Домостроя носят общий в древней Руси характер обрядового аскетизма. Запрещаются всякое смехотворение, песни, пляски, мирские потехи, охота. Весь дом должен быть устроен по подобию монастыря. Входящий в него должен прочитать молитву, как перед кельей монаха; каждый день семья отправляет утреню, часы, вечерню, павечерницу и полунощницу; постоянно нужно иметь в устах молитву Иисусову, а в руках держать четки. Во внешнем поведении все должно быть чинно, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно; нужно чаще ходить в церковь, принимать странных, подавать милостыню, слушать духовных отцов. Предписываемые здесь добродетели вообще редко выходят из круга обрядового благочестия, заключаются преимущественно в одной внешней форме, которую всегда можно соблюсти, не стесняя своих противонравственных инстинктов, а с другой стороны, сильно отзываются сухим житейским практицизмом. Рядом с чистыми побуждениями к праведному житию выставляются и нечистые: похвала людей, стремление избыть насмешки или вражды, необходимость уживаться с другими и правдой и неправдой. При случае рекомендуется побить невинного слугу, солгать, спойть до упаду нужного гостя и т. п. Лучшие и наиболее христианские черты домостроевской морали выступают преимущественно в последней главе Домостроя, содержащей его сокращение в форме послания Сильвестра сыну его Анфиму. Убеждая последнего исполнять свои наставления, Сильвестр представляет в примере свое собственное поведение и обрисовывает себя в чертах весьма симпатичных, как человека доброго, благочестивого, мягкого, ни с кем не судившегося, умевшего улаживать свои дела и отношения уступкой да лаской, хлебом да солью, с которым каждому было приятно и выгодно иметь дело. Выше всего в жизни ставится подвиг христианского милосердия. Сильвестр всех своих рабов отпустил на волю, искупал и многих чужих рабов, воспитывал и пристраивал к делам многих сирот и убогих обоего пола, никогда не презрел ни нищего, ни странного, ни печального, разве по неведению, пленных и должников по силе искупал, голодных по силе кормил и пр.

Самое большое зло семейной жизни заключалось в грубом, исключительно чувственном отношении полов, которое обуславливало, с одной стороны, легкость семейных нравов, с другой — затворничество женщин. Статья о злых женах, целиком и в отрывках, помещалась во всех сборниках. Замечательно, что семейная жизнь не успела выработать себе даже нравственного идеала; в обществе оставался один только идеал аскетический, который, не имея себе противовеса, доходил даже до отрицания семейной жизни. Распространилось мнение,

что человек, “с женою и чады живуще, не может спастися.” До нас дошло замечательное житие русской боярыни XVI века *Иулиании Лазаревской*, написанное уже в XVII веке ее сыном *Каллистратом Осорьиным*. Оно имеет целью доказать, что и без пострижения, живя в семье, можно угодить Богу, но, не имея другого нравственного идеала, кроме аскетического, представляет в пример жизнь строгой подвижницы, женщины исключительной в семейной жизни, даже отрицавшей эту жизнь, по крайней мере менее всего заботившейся об ее интересах. Выданная замуж поневоле, она всю жизнь потом скорбела, что не могла остаться чистою девою и постричься в монастырь, так что муж ее, человек тоже весьма благочестивый, должен был нарочно добывать для нее книги, в которых доказывалось, что не спасут ризы черные без добрых дел и не погубят ризы белые при богоугодной жизни, и уговаривал ее заняться воспитанием детей. Она успокоилась только тогда, когда муж согласился не иметь с нею супружеского союза. После его смерти она немедленно поспешила исполнить свое всегдашнее желание — постриглась в монашество (+ 1604).

Состояние монашества.

Понятно, что при таких взглядах на христианскую нравственность монашество должно было много выигрывать, по крайней мере с внешней своей стороны. Возникновение новых обителей шло с еще большей быстротой, чем прежде, так что с половины XV до XVII века насчитывается до 300 вновь устроенных монастырей. Конец XV и начало XVI века выставили двоих великих подвижников, имевших особенно важное значение в истории русского монашества, устроителей и законоположников главных родов аскетической жизни — скитского и общежительного.

Преподобный Нил Сорский.

Первый (1433-1508 гг.) происходил из рода бояр Майковых, был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, известного своим строгим уставом. Не удовлетворившись и этим уставом, он оставил Кирилловскую обитель и долго путешествовал по востоку для изучения высшего монашеского совершенства; по возвращении в Россию удалился на реку Сору и поставил здесь свою одинокую келью и часовню, около которых скоро возникла целая обитель с новым еще в России скитским направлением, заимствованным преподобным Нилом с Афона и составлявшим как бы средину между жизнью монахов общежительных монастырей и жизнью одиноких отшельников. Преподобный Нил заповедал братии питаться только своими трудами, милостыню принимать только в крайней нужде, не заводить дорогих вещей даже в церкви, женщин в скит не пускать, монахам из него не выходить ни под каким предлогом; владение вотчинами в Ниловом ските совершенно отрицалось, как и в Кирилловом монастыре при жизни преподобного Кирилла. В своих посланиях и “Предании ученикам о жительстве скитском” преподобный Нил является строгим аскетом-созерцателем, глубоким знатоком внутренней духовной жизни. Тогда как все монашеские уставы занимались преимущественно определениями касательно монастырской дисциплины и внешности, аскетические творения Нила, касаясь очень мало внешнего поведения иноков, развивают самую сущность аскетизма, касаются преимущественно глубоких внутренних явлений духовной жизни, разных степеней “умного делания.” Жизнь его скита отличалась такою строгостью, что нашлось только 12 человек, которые были в состоянии жить в нем. И после кончины преподобного Нила его обитель оставалась представительницей самого строгого созерцательного аскетизма. В 1569 году Грозный хотел выстроить в ней каменную церковь вместо деревянной; преподобный Нил явился ему во сне и запретил нарушать предание скитской нищеты.

Преподобный Иосиф Волоцкий (1440-1515 г.).

Он отличался другим направлением. По кончине своего учителя Пафнутия (1477 г.) он вскоре удалился из Боровского монастыря, жизнь которого не соответствовала его идеалу монашества, долго ходил по разным другим монастырям, наконец, в 1479 году основал свой собственный Волоцкий монастырь и за 37 лет своего игуменства устроил его, как желал, на началах самого строгого общежития. Жития его изображают его таким же святым подвижником, каким был и преподобный Нил, но не созерцательного, а практического направления. Это был сановитый игумен, видный и по внешности, необыкновенно начитанный и красноречивый, у которого все писание было “на краи языка,” имевший сильное влияние не только на своих монахов и простых людей, но и на бояр, и на самого державного, отличавшийся широкою общественною деятельностью. Свой устав он составлял, имея в виду не умное делание и келейное пребывание уже совершенных иноков, для каких писал свое “Предание” преподобный Нил, а большую общежительную обитель с иноками всякого рода, и потому развил в нем главным образом правила внешней монастырской дисциплины и суровых наказаний, которыми думал поддержать строгость иноческой жизни. В дополнение к этому уставу он составил “Сказание о святых отцах монастырей русских,” где собрал предания о строгой жизни древних монастырей и провел ту же мысль о необходимости для поддержания монастырской жизни применения к ней самой строгой дисциплины. По своему практическому направлению он расходился с преподобным Нилом в самом понятии о значении монашества. В то время, как преподобный Нил смотрел на иноческую жизнь, как на жизнь, требующую полного отречения от мира и от всяких житейских занятий, в том числе даже и церковно-административных, преподобный Иосиф, напротив, считал монашество совершеннейшим классом верующих, которому следует стоять во главе всей церковной жизни, быть рассадником церковных властей, потому хотел сосредоточить в монастырях все церковное образование и лучшие духовные силы церкви, а для этого требовал от монастырей и соответствующего внешнего возвышения, увеличения их богатств: “Без вотчин, — говорил он, — не будет в монастырях честных старцев, а не будет честных старцев, кого брать на епископии и митрополию? ино и вере будет поколебание.” Ученики и почитатели Иосифа и его общежительного устава вскоре составили в монашестве особую партию так называемых иосифлян и вступили с почитателями Нила и его скитского устава (преимущественно белозерскими и вологодскими старцами из тамошних небольших и безвотчинных монастырей) в замечательную полемику, коснувшуюся, как увидим, некоторых самых живых вопросов того времени.

Другие подвижники и обители XV—XVI веков.

Несмотря на то, что и правительство, и иерархия, и игумены разных монастырей постоянно жаловались на упадок монашеской жизни, но и теперь еще много являлось истинных подвижников, преимущественно в северном крае, где они продолжали свою нечеловеческую борьбу с дикой природой и с суевериями диких людей. Кроме упомянутых уже нами нескольких просветителей русского севера, своими высокими подвигами прославились в это время: *Макарий Колязинский* (+ 1483), *Александр Свирский* (+ 1533), *Корнилий Комельский* (+ 1537), *Даниил Переяславльский* (+ 1540), *Зосима* (+ 1478), *Герман* (+ 1484) и *Филипп* (после митрополит) *Соловецкие*, *Антоний Сийский* (+ 1556), *Нил Столобенский* (+ 1554 г.), *Никандр Псковский* (+ 1581) и др., всего до 50 великих подвижников иноческой жизни, которых церковь чтит в сонме святых угодников Божиих. Монастыри Пафнутиев, Кириллов, Иосифов, Соловецкий, Глушицкий, Свирский, Сорский, Калязин и многие другие имели крепкое житие, дававшее благотворные примеры христианской жизни для русского общества. Кроме

духовного влияния на последнее, русские обитатели продолжали удерживать за собой и свое прежнее значение благотворительное, колонизационное и хозяйственное. Они распахивали новые земли, осушали болота, расчищали леса, копали каналы, улучшали скотоводство, заводили у себя ярмарки, заводы и разные мастерства. Настоятели, отличавшиеся хозяйственными талантами, пользовались в монастырях большим уважением. Например, Соловецкий монастырь сохранил благодарную память о святом Филиппе; во время своего игуменства он позаботился о сообщении острова Соловецкого с материком чрез улучшенное судоходство, проложил дороги, распахал новые земли, улучшил породы домашнего скота, поднял соляные варницы, рыбную ловлю, кирпичные заводы и мельницы. Соловецкий летописец с удивлением описывает сделанные Филиппом водопроводные машины, необыкновенную телегу, — сама насыплется рожью, сама привезется и высыплет рожь на сушило, севальню с 10 решетками, сеет один вместо многих, мехи для веяния ржи и другие улучшения. Попрежнему множество людей привлекала на монастырские земли монастырская благотворительность; монастырские житницы в голодные годы кормили целые сотни людей, например, во время одного голода Иосифов монастырь ежедневно кормил до 700 нищих; при многих монастырях, а также и при архиерейских домах устраивались богадельни и больницы. Особенно важны были заслуги монастырей общежительных, отличавшихся лучшим хозяйственным устройством и дисциплинированностью монахов. Оттого духовная власть, ревнуя о лучшей постановке монашеской жизни, более всего заботилась о заведении во всех монастырях общежительных порядков. С особенным рвением вводил общежитие в монастырях своей епархии новгородский владыка Макарий (с 1528 г.); дело это он продолжал потом и на митрополии. Стоглавый собор так же требовал, чтобы монахи во всех монастырях, не исключая и настоятелей, жили по общежительному уставу.

Распоряжения правительства о церковных вотчинах.

Мы видели, что еще с XIV века поднялся вопрос о церковных вотчинах, но исключительно с нравственной точки зрения. С развитием Московского государства этот вопрос получает государственный характер. От чрезвычайно быстрого возрастания монастырских вотчин у правительства стала уходить из рук земля, которая была нужна ему для раздачи служилым людям. Притом же на льготные монастырские земли уходило много крестьян с земель служилых людей, которые от этого беднели и затруднялись нести государеву службу. Высшее боярство, сила которого основывалась главным образом на вотчинном владении, носившем еще следы удельного характера, и которое приписывало себе своего рода держание земли совместно с единым русским самодержцем, было сильно встревожено, увидав перед собой все более и более возрастающее значение новых державцев земли — монахов, и всеми силами принялось противодействовать их усилению. Вследствие таких обстоятельств со времени Иоанна III в правительственных сферах с особенной энергией стала развиваться мысль об ограничении вотчинных прав монастырей и вообще церковных учреждений.

На первый раз при покорении Новгорода, пользуясь правом завоевателя, великий князь роздал служилым людям несколько владычных и монастырских земель Новгородской области. Митрополит Симон не усомнился благословить его на это. Но когда ободренный этой первой удачей, великий князь на соборе 1503 года предложил вопрос об отобрании вотчин уже у всех вообще монастырей, тот же митрополит Симон и прочее духовенство, владевшее вотчинами, оказались совершенно других мыслей. После долгого спора об этом предмете собор отвечал великому князю, что церковь имеет вотчины еще со времен Владимира и Ярослава, и самые цари ордынские, боясь Господа, щадили ее собственность, и что поэтому “святители и монастыри отдавать церковного стяжания не благоволят.” Великий князь отка-

зался от своей мысли, но с этого времени стал настаивать, чтобы более знатные служилые роды не отказывали своих вотчин в монастыри без особого разрешения государя; это ограничение вотчинного владения монастырей поддерживалось и при великом князе Василии. В малолетство Грозного вышло новое, более общее определение, чтобы монастыри не приобретали себе вотчин без доклада государю уже никаким способом. Иоанн Грозный в свое царствование тоже протягивал руку на церковные вотчины, но духовенство противилось и ему. Стоглавый собор оградил неприкосновенность церковного стяжания клятвой. Царю удалось настоять на соборе только на поддержании и некотором дополнении прежних мер против увеличения монастырских вотчин; положено было: новые вотчины владыкам и монастырям приобретать только с согласия царя; приобретенные во время малолетства царя и взятые насильно и незаконно возвратить в казну; во внутренних областях, около самой Москвы, сел на помин души не отказывать монастырям вовсе (эти земли около Москвы правительство старалось раздавать служилым людям, чтобы всегда иметь под рукой готовое войско). В 1573 году последовало новое распоряжение, чтобы из казны, с согласия царя, вотчины были жалуются впредь одним только бедным обителям. В 1580 году, по случаю сильного истощения государства от войн, был опять созван собор о монастырских вотчинах; на нем положено: села, завещанные монастырям на помин души, отдавать обратно родственникам завещателя с тем, чтобы последние вознаграждали за то монастырь деньгами по цене завещанных сел; если у завещателя вовсе нет родни, монастырям отдавать эти села на государя с вознаграждением за них из казны. Отобрать монастырские вотчины оказалось, таким образом, невозможным; при царе Феодоре нашли другое средство удовлетворить требованию государственных интересов; на соборе 1584 года положено было уничтожить льготы этих вотчин. Но и эта мера не состоялась, потому что и она оскорбляла могущественный духовный чин — льготы были уничтожены только на время, “покаместа, — сказано в грамоте собора, — земля поустроится,” и через месяц были восстановлены опять.

Недостатки монастырской жизни.

Владение монастырей вотчинами возбуждало большие опасения и с нравственной стороны. Церковное и светское правительства старались предотвратить упадок монастырской жизни своими постановлениями и грамотами, которые все имеют до крайности резкий обличительный характер. При этом вотчинные владения постоянно выставлялись в числе самых главных причин нравственных недостатков монастырей. Монахи, говорилось в царских вопросах Стоглавому собору, постоянно тревожили правительство челобитьями о милостынях и землях; много земель монастыри отняли у боярских детей насильством или неправильной припиской, подкупая писцов. Приказы были завалены монастырскими поземельными исками, между тем в обителях для братии стало скуднее прежнего и строения не прибавлялось, даже и прежнее строение запустело, потому что власти, управляя монастырями без собора, тратили монастырское достояние на себя, на свою родню и гостей, не знали ни общей трапезы, ни братства, себя богатели, а монастыри опустошали. В монастырских вотчинах точно так же управляли монастырские приказчики и посельские старцы, разоряя бедных крестьян. Казна монастырская отдавалась властями в рост. Прежняя благотворительность бедным в монастырях ослабела; монастыри не только нищих не кормили, но и своих крестьян не милостили. Стоглав определил, чтобы в монастырях все устроено было на началах строгого общежития, чтобы настоятели ничего не делали по управлению без келаря, казначея и соборных старцев, довольствовались общей братской пищей и одеждой, детей и племянников в монастыре и по кельям не держали и в вотчины не посылали, не посылали по селам в посельские и самих чернецов, а только добрых слуг, да и сами по селам не ездили, а только по праздни-

кам со святой водой и для важных земских дел, хлеб же и деньги давали крестьянам без росту. Далее, собор сильно восстал против постоянного прилива в монастыри гостей-мирян, которые заводили по кельям пиры и пьянство и подолгу гостили в монастырях, на частые выходы из монастырей самих монахов, на их невоздержанную жизнь и прочее, и издал против всего этого строгие запрещения.

Из распоряжений собора и из разных современных обличений видно, что современные обрядовые взгляды на благочестие не миновали и монашества: многие постригались в монахи не по призванию, а только по обычаю, по обрядовому взгляду на монашество, как на внешнее средство ко спасению, а иные даже просто для покоя, избегая работ, и по пострижении спокойно оставались при всех своих мирских привычках. Одни из таких непризванных монахов, более богатые, селились за вклады в самих монастырях и жили совершенно помирскому; особенно большим злом для монастырского общежития были постригавшиеся волей или неволей бояре, которые и после пострижения держали при себе в монастырях и за монастырями всякие яства, пития и толпы холопов, заводили в монастырях пиры, спаивали монахов и властвовали над самими игуменами. Замечательно, что сам Стоглав, запрещая держать в монастырях хмельное питье и частные хозяйства, почел нужным сделать в этом отношении исключение для некоторых знаменитых монастырей, где много бывало богомольцев или где жили, постригшись, бояре и великие люди. В самих же монастырях, разумеется, и подавно потакали этим великим людям. Другие постриженники, которые не могли попасть в монастырь за неимением вклада или за теснотой и неимением для них места, оставались жить в мирских домах или селились в кельях при церквях, а то отправлялись на вольный простор лесных пустынь севера, где заводили маленькие монастырьки и скиты. В прицерковных слободах по кельям живали иногда и монахи и монахини вместе — эти странные монашеские общины, бывшие и в прежнее время, назывались общими монастырями. Стоглав определил, чтобы монахи не скитались по городам и пустыням, не служили при мирских церквях, иноки и инокини вместе не жили, скитников положил разводить по общежительным монастырям, безвкладных, которых в монастыри не принимали, устраивать вкладами из царской или святительской казны. В одном послании в Кириллов монастырь, написанном уже долго спустя после Стоглава, царь Иоанн Грозный резко обличал монахов за послабление устава в угоду постригшимся боярам Хабарову и Шереметеву и горячо выставлял на вид противоречие между монастырской обрядностью, четками, рясами, постами и прочим, и духом истинного иночества. Число непризванных монахов увеличивалось, наконец, еще вдовами, попами и дьяконами, которые постригались по необходимости; из них многие продолжали служить при мирских церквях, совершенно как приходские священнослужители.

Стоглавый собор обратил внимание и на злоупотребления подвигом юродства, которым стали промышлять разные обманщики, ходившие по городам и селам, растрепав волосы, босые, нагие или в лохмотьях, выкликая разные пророчества и видения, и запретил всем слушать и принимать таких людей. Но и между этими людьми было еще довольно истинных угодников Божиих. Они пользовались необыкновенным почитанием в обществе. Их везде считали за благодатных гостей в домах; купцы радовались, когда блаженный брал что-нибудь из товара; гордые бояре смиренно выслушивали их обличения. Царь Грозный шел погромить Псков — но вот из среды псковских граждан, встречавших царя с хлебом и солью в трепещущих руках, выступает перед ним блаженный *Никола Салос* (+ 1576) с куском сырого мяса и с тяжким обличением в кровожадности — и царь, убивший за обличения митрополита, покорно выслушивает грубое слово юродивого и щадит опальный город. В 1552 году царь своими руками нес до могилы тело московского юродивого *Василия Блаженного*. Кроме Василия, известен еще московский юродивый *Иоанн Большой Колтак*, обличитель Годунова (+ 1589).

4. Учение и духовное просвещение.

Печальное состояние просвещения в XVI веке.

В числе разных обличений и вопросов этого обильного обличениями и вопросами времени видное место занимали еще обличения против современного религиозного невежества и вопрос об усилении религиозного образования. Уровень этого образования в обществе стоял действительно очень низко. Всюду, не только в простом народе, но и в высших классах и в княжеской семье господствовали многочисленные суеверия. Супруга великого князя Василия Иоанновича, несчастная Соломония, думала через знахарей избавиться от неплодия. Сам Василий, женившись на Елене Глинской, призывал к себе ведунов, чтобы они своими чарами помогли ему произвести потомство. Грозный тоже советовался с волхвами, хотя иногда жестоко казнил их. Народ прибегал к ведунам во всех случаях, где обыкновенные человеческие средства казались недостаточными. Народная медицина вся состояла из заговоров и кудеснических средств. Народные и частные бедствия, неудачи, семейные разлады и прочее постоянно приписывались ведовству, и средством к устранению их было ведовство же. Дух кудесничества проникал в само христианство народа. Заговоры получали христианскую форму, заменив в своих возваниях имена мифических сил именами святых; с другой стороны, некоторые христианские молитвы превращались в заговоры через сообщение им в народном сознании кудеснической силы, списки их носили на шее, хранили в домах как талисманы, употребляли в колдовстве. Кудесничество пользовалось для своих целей даже священными предметами, например, просвири наговаривали над просфорами, “якоже арбуи в Чуди,” по замечанию Стоглава; священники клали под престол четверговую соль, потом продавали ее на врачевание людям и скотам, продавали мыло от освящения церкви, клали на 6 недель в церкви на престол детский послед. Ходили по рукам разные гадальные тетради — Рафли, Аристотелевы врата, Шестокрыл. С XVI века с запада перешли к нам астрологические суеверия и гадания, помещавшиеся в Остронумеях, Зодеях, Альманахах. Список отреченных книг, которыми питалась любознательность грамотников, еще более увеличился в своем объеме. К болгарским, греческим и доморощенным апокрифам присоединились еще апокрифические сочинения запада. В XVI веке переведен с латинского или немецкого языка “Луцидариус,” заключающий в себе целую энциклопедию сведений о Боге, мире, человеке, животных, народах, странах и прочем, в которую вошли разнородные материалы из средневековых bestiариев, гадальных книг и народных преданий. Запрещения отреченных книг (в Просветителе, Домострое, Стоглавнике) действовали плохо. Даже лучшие пастыри церкви не всегда могли отличить истинную книгу от ложной. Апокрифические сказания и ссылки на них встречаем в сочинениях митрополита Даниила, в сборниках митрополита Макария, в определениях Стоглава, даже у Максима Грека. Князь Курбский резко замечает об учителях своего времени, что они занимались не столько истинными писаниями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями.

Недостаток школ и других просветительных средств.

Когда почувствовалась нужда всякого рода исправлений, оказалось, что общество не имело и средств выйти из своего тяжелого положения. Школы закрылись даже в Новгородском крае, сравнительно более образованном. Владыка Геннадий писал митрополиту Симону горькую жалобу на невежество духовенства своей епархии: “Приводят ко мне мужика в попы ставить. Я велю ему читать Апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать ему Псал-

тирь, а он и по той едва бредет. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можем добыть, кто бы умел грамоте; ... пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не умеет; ты говоришь ему то, а он — другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись, просятся прочь... Мужики невежи учат ребят грамоте и только речь им портят; а за учение вечерне принеси мастеру кашу да гривну денег, за утреню то же и больше, за часы особо; а от мастера отойдет, — ничего не умеет, только бредет по книге, а церковного порядка вовсе не знает.” Владыка просил завести повсюду школы, в которых учили бы грамоте и Псалтири. Ограниченность этой программы хорошо показывает, до чего дошла необразованность духовенства. Церковная проповедь замолкла повсюду и была, разумеется, только отчасти заменяема учительными посланиями лучших церковных деятелей (митрополитов Ионы, Феодосия, Филиппа, архиепископа Вассиана и др.) о разных предметах. В церквях читались только готовые поучения из Пролога, Толкового Евангелия, Златоустника и проч. Вместо живых поучений, которых не умели составлять, появились формы поучений на разные случаи, например: Поучение князем, егда пойдут на войну, Поучение от митрополита к князю цареву, Послание о утешении жене о муже умершем и т. д. Эти образцовые поучения заимствовались у прежних проповедников, например у митрополита Фотия. Из других произведений литературы до XVI века обращают на себя внимание только некоторые жития.

Ересь жидовствующих.

Первым возбудительным толчком, после которого началось просветительное движение в церкви, была ересь жидовствующих, распространившаяся в XV веке в Новгороде. Ее принес сюда из Литвы *Схария*, ученый еврей, знакомый с астрологией и каббалистикой. Учение ее состояло в отрицании догматов о Троице, о Божестве Иисуса Христа и искуплении, в предпочтении Ветхого Завета Новому, в отрицании соборов и писаний отеческих, в отвержении почитания святых мощей и икон, всей вообще обрядности и таинств и в отрицании монашества как образа жизни, противного природе. К этой смеси жидовства с христианским рационализмом примешивались еще разные отрицательные мнения практического характера, которые привлекали к ней особенно много горячих и недовольных людей; к кружку еретиков примыкали и лица белого духовенства, недовольные владыками, и безвотчинный монах, негодовавший на богатых монахов-вотчинников, и боярин, недовольный великим князем, и разные другие люди, которым что-нибудь непременно надобно было обличать и исправлять. В Новгороде ересь нашла себе хорошую почву, подготовленную еще стригольниками. Первыми прозелитами Схарии были священники *Дионисий* и *Алексей*, софийский протопоп *Гавриил* и самые образованные из горожан. Еретики отличались наружным благочестием, ученостью, имели много книг, каких не было у православных, и легко увлекали последних искусными спорами. Из Новгорода ересь перекинулась на Белоозеро и в вологодские леса, где нашла себе хороший приют в тамошних бедных скитах и монастырьках; потом перенесена была в Москву. В 1480 году Новгород посетил великий князь; попы Дионисий и Алексей так ему понравились, что он взял их с собой в Москву и сделал одного соборным архангельским священником, другого успенским протопопом*. В Москве вольные мнения еретиков, особенно против монастырских вотчин, пришлось по душе многим из высшего боярства. Других увлекали таинственные астрологические, каббалистические и подобные знания, которыми хвалилась ересь. Вскоре она приобрела себе влиятельных покровителей даже при дворе и в администрации, к числу которых относились невестка великого князя *Елена*, супруга сына

* Соборов Кремля — Михаила Архангела и Успение Пресвятой Богородицы.— *Прим. ред.*

его *Иоанна Молодого*, наследника престола, дьяк *Федор Курицын* с братом *Иваном Волковым* и несколько членов боярских фамилий.

Борьба с ересью архиепископа Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого.

Первый обратил внимание на ересь владыка Геннадий, узнав об ней от каких-то принадлежавших к ней пьяных попов. Он тотчас же пустил дело в розыск, успел захватить несколько еретиков, их книги и тетради и обо всем донес в Москву. Но здесь на его донесение не обратили надлежащего внимания; митрополит Геронтий был человек престарелый, находился с Геннадием не в ладах, был, кроме того, в немилости у великого князя и потому не принял никаких мер, тем более, что еретиков поддерживала сильная придворная партия. А по смерти Геронтия (1489 г.) еретики успели возвести на митрополию одного из снисходительных к ним духовных лиц, монаха — либерала и гуляку, симоновского архимандрита *Зосиму*. Геннадий все-таки не переставал убеждать великого князя принять участие в деле, указывая ему между прочим даже на пример короля испанского, который всю свою землю от еретиков очистил. Посланиями к великому князю, к митрополиту и архиереям ему удалось сообщить этому делу такую гласность, что *Зосима* должен был наконец (в 1490 г.) созвать собор, который и предал еретиков проклятию. Несколько человек были сосланы в ссылку, а некоторые (из новгородских беглецов) отосланы к Геннадию. Владыка предал их публичному позору, — велел возить по улицам Новгорода на клячах, лицом к хвосту, в вывороченном платье, в берестовых шлемах и соломенных венцах, с надписями: “Се есть сатанино воинство!” — а в заключение шлемы на них зажечь.

Но позором ересь не была ослаблена; скоро она нашла случай даже к новому торжеству. Прошел 1492 год, которым оканчивалась седьмая тысяча лет и который народ проводил в страшной тревоге от ожидания кончины мира. Еретики стали смеяться над православными и ругаться над их книгами, на которых были основаны ожидания кончины, над воскресением мертвых и над самим Христом, отчего-де Он не явился судить живых и мертвых. Геннадий усилил свою деятельность; он продолжил пасхалию на 70 лет восьмой тысячи. После (в 1539 году) она была еще продолжена на всю восьмую тысячу новгородским священником *Агафоном*. Вместе с Геннадием энергично действовал *Иосиф Волоцкий*, рассылая против ереси свои послания к русским епископам, к великому князю и духовнику его, андрониковскому архимандриту *Митрофану*. Митрополита *Зосиму* он прямо обвинял в еретичестве и настаивал на его свержении. В 1494 году *Зосима* действительно должен был оставить митрополию, по выражению летописей, “не своею волею,” за пьянство и нерадение о церкви, и отошел на покой в монастырь. Но у еретиков оставались еще сильные покровители при дворе, *Курицын* и *Елена*, сын которой *Димитрий* по смерти *Иоанна Молодого* (+ 1490), вследствие размолвки великого князя с своей супругой *Софией*, был объявлен наследником престола, помимо сына великого князя от *Софии Василия*. Действуя против ереси, Геннадий и *Иосиф*, естественно, должны были стать на стороне придворной партии, противной *Елене* и *Димитрию*, партии великой княгини *Софии* и *Василия*. В 1502 году эта партия осилила первую; великий князь возложил опалу на внука и *Елену* и приблизил к себе сына. С этого же времени начинается и падение ереси. Получив доступ ко двору, *Иосиф* настойчиво уговаривал великого князя предать еретиков градским казням. Великий князь долго не соглашался, потому что касательно этого предмета возник спор между самим духовенством. Строгий *Иосиф* доказывал, что не следует щадить даже кающихся еретиков, так как вынужденное и лицемерное раскаяние их не есть раскаяние, что и после раскаяния их следует неисходно держать в темницах, дабы не прельщали других, и не давать им причастия до смерти, как отступникам от веры. Но против такого мнения восстали белозерские старцы, которые доказывали, напротив, что кающихся

еретиков должно немедленно принимать в церковь и удостаивать причащения, и совершенно отрицали смертные казни за ересь. Между тем Геннадий лишен был кафедры, вероятно, не без содействия еретиков. Наконец, уже в 1504 году мнение Иосифа восторжествовало; еретики были осуждены на соборе; главных из них сожгли, других разослали по монастырям.

Просветительная деятельность святителя Геннадия и преподобного Иосифа.

Борьба с еретиками явила людей искусных в вере, возбудила сильную нужду в просвещении и подняла разные вопросы о современных нестроениях в церкви. Геннадий первый заговорил о заведении школ, потому что, отыскивая помощников для борьбы с ересью, не нашел в своем духовенстве ни одного образованного человека, кроме Иосифа; всю эту борьбу они и должны были поэтому выносить только вдвоем. Заслуги Геннадия состояли в первоначальном обличении ереси посланиями, в вычислении пасхалии и в трудах по переводу и собиранию книг Священного Писания. До его времени у нас не было даже полной Библии; Священное Писание было распространено только в отдельных книгах, и то весьма мало. Даже в софийской библиотеке, одной из самых богатых, не нашлось книг Бытия, Царств, Пророков, Притчей и Иисуса, сына Сирахова; Геннадий должен был посылать за ними в монастыри Кириллов, Ферапонтов и Каменный. Еретики искажали псалмы, а у православных не оказывалось ни одного надежного списка Псалтири, несмотря на всю важность этой книги в богослужении и в старинном обучении. Геннадий первый озаботился составлением полного списка Библии (написан в 1499 году), но всех книг ее так и не мог собрать в России и вынужден был пополнять свой список извлечениями текстов из разных толкований священных книг и переводами с Вульгаты. С Вульгаты переведены были: Паралипоменон, Ездра, Немеия, Товит, Иудифь, книга Премудрости Соломона, 1 и 2 книги Маккавейские (3 книга вовсе не была переведена), до 30 глав пророка Иеремии и часть книги Есфирь; из нее же и из немецкой Библии взяты предисловия к книгам и разделения на главы.

Важнейшие просветительные труды Иосифа тоже вызваны были ересью. Он, как и Геннадий, много занимался собиранием и перепиской книг и положил основание обширной волоколамской библиотеке. Против жидовствующих он написал капитальное богословское сочинение, подобного которому не бывало еще в России, известное под именем “Просветителя.” Так как еретики задевали почти все важнейшие догматы православия, то “Просветитель” представляет собой почти полное изложение истин православной веры, первое русское богословие, в котором сведены были догматические свидетельства всех известных тогда на Руси отцов Церкви. Из практических вопросов, поднятых ересью, Иосиф особенно занялся вопросом о монашестве. Устав или духовная грамота Иосифа, его “Сказание о святых отцах монастырей русских,” 11-е слово “Просветителя” и некоторые послания были прямо направлены к тому, чтобы, с одной стороны защитить монашество от еретиков, а с другой — подробными правилами и указанием примеров поднять подвергшуюся нареканиям монастырскую нравственность. Далее, так как вопрос о монастырской нравственности давно уже соединялся с вопросом о монастырских вотчинах, то Иосифу пришлось заняться и этим вопросом, писать в защиту монастырских вотчин. Кроме еретиков, против владения монастырей вотчинами, как мы видели, был преподобный Нил с последователями. Защищая монастырскую собственность против еретиков, Иосиф должен был восстать и против мнения преподобного Нила. На соборе 1503 года он одержал верх, но спор о монастырских вотчинах не кончился ни тогда, ни после смерти преподобного Нила.

Возбужденные ересью вопросы и спор о них иосифлян и белозерских старцев.

Самым горячим противником иосифлян явился князь-инок *Вассиан Косой*, в миру кн. *Василий Патрикеев*, бывший одним из вожаков боярской партии приверженцев Елены и Дмитрия и постриженный насильно во время придворного переворота в пользу Софии и Василия. Сосланный на Белоозеро, будучи естественным врагом иосифлян по своим боярским счетам и тенденциям, он тесно примкнул здесь к партии белозерских старцев и с гордостью стал выдавать себя за ученика преп. Нила, на которого, впрочем, нимало не походил. По характеру он остался тем же высокоумным, заносчивым боярином, “говорить гораздым,” каким был и до пострижения. Прежде он высокоумничал относительно политических вопросов, теперь перенес свое высокоумничанье на церковную жизнь, в которой тоже находил все не по себе. Полемика против монастырских вотчин как раз подходила к его боярской точке зрения на вотчинное владение, а среди белозерских старцев он мог найти сколько угодно материалов для своей охоты горячиться и резонерствовать по этому вопросу. Он написал против Иосифа три горячих сочинения: “Слово об иноческом житии” с предисловием, “Собрание на Иосифа от глав Никона Черногорца” и “Собрание от разных книг” в форме диалога с Иосифом, в которых постарался выставить в самых ярких чертах все язвы современного монашества, происходившие от вотчинного владения: роскошь, тяжбы по судам, попрошайничество, угодничество пред сильными, притеснение монастырских крестьян оброками, лихвой* и истязаниями за долги и недоимки. Самого Иосифа он называл здесь учителем беззакония, законопреступником, даже антихристом. Мысли свои о монастырских вотчинах он постарался провести еще в составленном им, по поручению митр. Варлаама, списке Кормчей (1517 г.). Он выкинул из этого списка все места в пользу монастырских вотчин и внес новые статьи в подтверждение своего взгляда на дело, например, свидетельство Максима о том, что афонские монастыри вовсе не имеют у себя мирских служителей, затем переведенные Максимом новые толкования (Вальсамона) некоторых правил и собственную статью “Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания,” в которой несправедливо доказывал, что древние иноки никогда не имели сел, и что в правилах, где говорится о селах (т.е. имениях населенных), по греческому тексту разумеются имения только не населенные.

Вассиану приписывается еще одно замечательное сочинение XVI в. против монастырских вотчин, написанное кем-нибудь из представителей боярской партии и содержащее в себе апокрифическую беседу Сергия и Германа — валаамских чудотворцев — о нестроениях последнего времени. Это самый задорный памфлет против духовных властей и монахов-вотчинников, изображающий страдания, поты и слезы их крестьян и их собственное жестокосердие, попрошайничество, изнеженность, ленность и роскошь. В раздаче монастырям вотчин автор видит простоту и маломыслие царей, которым Господь повелел разделять свою власть над землей с своими приятелями — князьями и боярами, а не с непогребенными мертвецами — монахами, видит даже ересь новую и признак близкой кончины мира. В царствование Грозного те же мысли о церковных вотчинах развивал еще другой представитель боярских идей, кн. Курбский, в своей истории Иоанна, где он постоянно расхваливает заволжских нестяжателей и бранит “прегордых и прелютых” иосифлян, соперничавших с боярами и во владении земель, и во влиянии на государственные дела.

Кроме вопроса о монастырских вотчинах, обе монашеские партии сталкивались и по другим современным вопросам. Полемика между ними коснулась еще вопросов о вдовых попах, причем Иосиф настаивал на отлучении их от службы, а Вассиан доказывал противное, и о казни еретиков. Около 1511 года появилось послание от имени белозерских старцев, в котором заключалось колкое опровержение Иосифова мнения о казни еретиков. Думают, что

* Незаконные ростовщические проценты.— *Прим. ред.*

и оно написано было Вассианом, который всегда был заступником за еретиков и сам не был чужд их вольномыслию. Послание приводит разные примеры милосердия из Св. Писания; на положение Иосифа, что убить еретика руками или умертвить, как апостол Симона-волхва, молитвой, — все равно, послание отвечает: “... и ты, господине Иосифе, сотвори молитву, чтобы еретиков пожрала земля... Проразумей же, яко много розни промеж Моисея и Или и Петра и Павла, да и тебя от них.” Несогласия между обеими партиями дошли до того, что пред своей кончиной (1515 г.) Иосиф заповедал своей братии не иметь никакого общения с учениками Нила и Вассиана; Вассиан, со своей стороны, говорил, что иосифлян он и в келью к себе не пускает, и никакого общения иметь с ними не желает. Появилось особое послание, неизвестно чье и к кому, которое излагает причины “нелюбви” между обеими партиями и поучительно заключает: “Всем страстям мати — мнение, мнение — второе падение.”

Отношение к спору иосифлян с белозерцами митрополита Даниила.

По смерти Иосифа лучшим представителем иосифлян остался ученик и преемник Иосифа по игуменству митрополит Даниил, разделявший все взгляды своего учителя, такой же начитанный, как тот, красноречивый проповедник и плодовитый писатель, оставивший после себя до 35 слов и посланий. Большая часть их вошла в состав двух сборников, из которых один содержит 16 слов против современного вольнодумства и нравственных нестроений общества, другой — 12 посланий к разным частным лицам и монастырям нравоучительного содержания. Все эти сочинения, особенно слова, представляют собой обширные своды выписок из разных “божественных писаний.” Самостоятельная работа автора проявляется только в небольших сравнительно вступлениях к словам и в заключениях. Несмотря, впрочем, на эту сравнительно небольшую их величину и на страсть автора к риторству, которую Даниил разделял со всеми современными писателями, эти самостоятельные места его слов и посланий представляют собой замечательно полную и живую картину современных ему нравов, целый ряд выразительных обличений против тогдашнего шатания умов и господствующих пороков во всех классах общества. О богословских его познаниях и начитанности, хотя и не отличавшейся особенной критикой, его ученый современник Максим сделал самый лестный отзыв, назвав его в одном своем послании к Николаю Немчину “доктором закона Христова.” Но ревность его за целостность преданий старины и за торжество иосифлянских идей довела его до того, что во время своего митрополичьего служения он стал гонителем самого Максима.

Максим Грек и его просветительная деятельность.

Приезд в Россию Максима Грека сообщил современным спорам и просветительному движению в русском обществе еще большее оживление. Прежде всего он занялся переводами — перевел с греческого толковую Псалтирь — сводное толкование разных отцов церкви, потом переводил толкование на книгу Деяний, беседы Златоуста на Евангелия Матфея и Иоанна, житие Богородицы из Метафраста, выписки из пророков с толкованиями, несколько глав 2-й книги Ездры, Даниила и Есфири. Кроме переводов, он писал еще толкования на разные тексты Священного Писания, о смысле которых его спрашивали. Такая исключительно ученая деятельность его продолжалась, впрочем, недолго. Сделавшись авторитетом современного общества, он невольно должен был прислушиваться ко всему, что около него делалось, и на все отзываться живым словом.

Остатки ереси жидовствующих вызвали с его стороны несколько полемических сочинений против иудейства. Частые сношения России с армянами по торговле заставили его написать слово “на армянское зловерие.” В своем “Слове на агарянскую прелесть и скверного пса Моамефа” и в “Ответах против Агарян” он дал образцы противомусульманской полемики,

написанные в крайне раздражительном духе, явно под живыми впечатлениями страданий его родины от турецкого деспотизма. Есть у него также сочинение “На люторы,” в котором он защищает догмат иконопочитания. Но главное место между его полемическими сочинениями занимают слова против латинян, имевшие тогда особенно важное значение для русского общества, так как со времени Иоанна III начались живые сношения России с западом, а вместе с тем с особенной силой стали действовать на нее соблазны латинской пропаганды. В 1519 году папа Лев X завел с великим князем Василием переговоры об унии через своего агента *Николая Шомберга*, имевшего некоторый успех в Москве в кругу бояр. Кроме него, в пользу унии с Римом действовал тогда еще врач *Николай Булев* или *Люев*, известный под именем Николая Немчина; он между прочим учил русских астрологии. В своих сочинениях против латинян Максим имел в виду преимущественно Николая Немчина. Против Римской церкви он восставал с такой же горячностью, как и все его предшественники по полемике с латинством, подводя латинян под анафему как еретиков, нарушителей апостольских и отеческих постановлений и даже как безбожников.

В религиозной жизни самих русских Максим выступил на борьбу против множества суеверий и апокрифов. Сюда относятся: его послание о посте в понедельник, разбор сказания об Иуде, обличение на сказание Афродитиана Перса о рождестве Христовом, против глаголющих — “Христа во священство поставили,” к глаголющим, “яко всю светлую седмицу солнце не зайде,” против веры, что “погребения ради убитаго и утопленнаго бывают стужи,” о рукописании, которое будто бы Адам дал дьяволу. Максим разобрал так же Луцидариус и решил, что это не Луцидарий, а Тенебрарий, которого нужно избегать, как гангрены. Его сильно возмущало распространение в России знакомых ему еще по Италии астрологических суеверий. В полемике против астрологии он преимущественно опровергал Николая Немчина, который увлек его дьяка великого князя *Мисюря Мунехина*, боярина *Карпова* и еще какого-то игумена. В астрологических бреднях Николая Немчина нашло себе отголосок знакомое нам ожидание скорой кончины мира, не пропавшее и после 1492 года. Распространилось мнение, которое высказывается в летописях и в посланиях псковского елсазаровского монаха *Филофея* к великому князю Василию и дьяку Мунехину, что Москва есть последнее апокалипсическое царство, третий Рим, а четвертому уже не быть. Николай Немчин писал Мунехину, что в 1524 году будет странам и царствам, обычаям и достоинствам, скотам, белугам морским и всем земнородным несомненное изменение. В своих сочинениях о звездочетной прелести Максим излагал историю астрологии, описывал увлечение ею в Италии, рассказывал случаи, где ее предсказания оказались ложными, и противопоставлял ей православное учение о промысле Божиим и о свободе человека. В разных сочинениях он обличал и другие суеверия, веру во встречи, колдовство и т. п., указывал и средство освободиться от них — образование через сближение с просвещенными народами запада; но при этом предостерегал русских людей от схоластической философии и от тогдашнего крайнего увлечения запада классической мудростью. На науку он смотрел исключительно с религиозной точки зрения, как на служительницу веры, и в образец научных исследований ставил творения Иоанна Дамаскина.

Во многих сочинениях Максим касался и нравственных нестроений русского общества. Он обличал современные ему распри, придворные смуты, неправый суд, притеснения сильными слабыми, пьянство, разврат и прочее. Будучи поражен противоречием между внешней набожностью и нравственной жизнью русского народа, он выставлял эту черту общественной религиозности с особенной резкостью, например в “Сказании живущим во гресех неотступно, а каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающим спасение получитьи,” и в “Словесах от лица Пресвятыя Богородицы к лихоимцам и скверным и всякия злобы исполненным, а каноны всякими различными песнями угождати чающим,” обличал тех, которые не ели мяса в понедельник, а по целым дням пьянствовали, соблюдали посты — и терза-

ли бедных подручников. Замечательно его слово по поводу большого пожара в Твери “О том, какая речи рекл бы к Содетелю всех епископ тверский, сожжену бывшу соборному храму и всему дому его, и како отвещает ему Господь.” Епископ Акакий в этом слове представлен жалующимся, за что пришел на него гнев Божий, когда он с своей стороны совершал все дела благочестия; Господь отвечает на это, что люди всего более прогневляют Его своим фарисейством, предлагая Ему доброгласных пений и колоколов шум, многоценное икон украшение, мир благоухание, золотые венцы, и в то же время не милуя нищих и сирот, не отставая от неправд и лихв, пьянства, языческих обычаев и пр. Подобные обличения должны были сильно задевать патриотическое чувство русских и вооружать их против смелого пришельца, тем более, что немногие могли и понимать настоящий смысл этих обличений, а скорее видели в них нечто вроде стригольничества или жидовства. В “Слове к хотящим оставляти жены своя без вины и идти в иноческое житие” он обратил внимание на обрядовый взгляд своих современников на монашество и доказывал, что, с одной стороны, можно исполнять заповеди Божии и в белеческом чине, а с другой — можно оставаться мирянином и в черных ризах.

Участие Максима в споре иосифлян с их противниками.

В споре иосифлян с их противниками Максим с самого же начала встал на сторону белозерских иноков. Он близко сошелся с главным борцом против иосифлян, Вассианом, и пустился заодно с ним обличать монахов-стяжателей. В своем “Стязании о известном иноческом жительстве” он изложил свои мысли о монастырских вотчинах в форме спора Акимона с Филоктимом. В речах Акимона он описал здесь жалкое положение монастырских крестьян, их скудость и нищету, платимые ими высокие росты и тяжкие оброки, и в параллель с этим — роскошную жизнь самих монахов. Сбитый в стязании на всех пунктах, Филоктимон прибегает к обычному оправданию иосифлян, что вотчинное владение монастырской землей не нарушает монашеской нестяжательности, потому что в монастырях все богатство общее, а не частных лиц. Акимон резко замечает на это, что так можно оправдаться и разбойникам, если они грабят не для себя каждый, а в пользу всей шайки. Те же мысли Максим развил в “Слове душеполезном зело внимающим ему” и в “Повести страшной о совершенном иноческом жительстве.” В последней он выставляет в пример русским инокам картезианских монахов запада; вся повесть написана очень горячо; Максим доходит в ней даже до проклятий монахам-вотчинникам. Проклятия эти врагами его были отнесены к русским чудотворцам, которые владели селами. Своими речами против монастырских вотчин Максим, разумеется, сильно раздражал против себя всех иосифлян, а это не могло пройти даром для инока пришельца, как проходило до поры до времени князю-иноку Вассиану. К большому для него несчастью, после свержения благоволившего к нему митрополита Варлаама митрополитом сделался ревностный иосифлянин Даниил. Кроме того, иосифляне были сильны при дворе — это обстоятельство давало обличениям против них весьма опасный политический смысл, тем более, что Максим был скоро втянут и в политические вопросы. В своих сочинениях он, например, резко обличал неправды, лихоимство и жестокости властей, говорил, что такого правосудия, как у русских, нет даже у латинян-ляхов. Было известно, что он, как грек, нередко высказывал негодование против независимости Русской церкви от греков, говорил, что русские митрополиты поставляются “самочинно и безчинно,” без благословения патриарха. Заметили его сношения с турецким послом; заметили, что келья его часто посещалась недовольными и опальными людьми, вроде боярина *Берсеня Беклемиева* и дьяка *Жареного*, с которыми он толковал о политическом состоянии Руси, о деспотизме великого князя, о митрополите Данииле, как потаковнике властей и проч. Очень вероятно, что Максим доходил и до личного столкновения с великим князем, высказавшись против его развода с

Соломонией. После этого беспокойного обличителя заключили в цепях в симоновскую тюрьму. В 1525 году он был подвергнут допросу на соборе. Кроме подозрений относительно политических идей и поведения Максима, собор, как уже сказано, выставил против него еще важные церковные обвинения — порчу богослужебных книг, которые он взялся исправлять, и погрешности в его переводах.

Судьба Максима.

Максима приговорили к заточению в неприязненный к нему Иосифов монастырь. Много пришлось ему потерпеть там от дыма в курной келье, от оков, холода и голода. Вассиан пока уцелел, только лишился милости великого князя. Но в 1531 году и его притянули к суду. Собор осудил его за порчу книг, потому что он был горячим участником в исправлениях Максима, за хулы против Кормчей (“кривила, а не правила,” “от диавола писаны, а не от Святаго Духа”), за неисправность его собственного сборника правил, вольнодумство в духе жидовствующих, за название Христа тварию, наконец, за сочинения против монастырских вотчин и за хулу против русских чудотворцев, владевших селами. Вассиан не винился ни в чем, держал себя на соборе заносчиво, говорил резкие речи; при указании на русских чудотворцев, на святителя Иону бывший боярин сказал: “Не знаю, чудотворец он был или нет. Говорят, в Калязине Макар чудеса творит, а был мужик сельский.” На собор вызвали из заточения и Максима; снова повторены были все вины, за которые осудил его собор 1525 года, и пополнены новыми подробностями и новыми обвинениями политического характера. Он держался очень униженно, кланялся собору в ноги и молил простить его немощи. Собор оставил его по-прежнему под церковным запрещением, но смягчил его участь переводом из Иосифова монастыря в тверской Отрочь. Вассиан же был послан на его место в Волоцкий монастырь, где и умер в тесном заточении. Из заточения Максим не раз просил правительство отпустить его на Афон; о том же просили за него восточные патриархи при Грозном, но все эти просьбы остались без исполнения. По низвержении с кафедры митрополита Даниила участь Максима облегчилась; ему дозволено было ходить в церковь и причащаться. В Твери он продолжал свою литературную деятельность, писал к разным лицам послания в оправдание своих книжных исправлений, свое исповедание веры, отзывы на разные современные события и вопросы.

Труды митрополита Макария.

После митрополита Даниила во главе иерархии и во главе иосифлян встал митрополит Макарий. Движение умов, возбужденное в русском обществе со времени появления жидовствующей ереси, возбужденные ею споры, многочисленные обличения разных нестроений, наконец, труды Максима имели большое влияние на все стороны тогдашней церковной жизни. Встревоженное обличениями, общество постаралось отделаться от обличителей насильственными мерами, подняло реакцию против беспокойного движения умов, но не могло уже отделаться от самих вопросов, поднимавшихся и разрабатывавшихся в течение почти целого столетия и стоявших теперь перед глазами всех с беспощадной ясностью. Обойти эти вопросы уже было нельзя — дух реакции в пользу старины мог проявиться только в реакционном характере их решения. В таком духе и постарался решить их Стоглавый собор под председательством митрополита Макария, состоявший большей частью из членов иосифлянской партии. Выражая ясное сознание современных недостатков церковной жизни и обличая их с не меньшей, если еще не с большей резкостью, чем только лишь сошедшие со сцены обличители, председатель собора и его сотрудники искали врачевства против этих недостатков не в исправлениях церковной жизни, на которых настаивали обличители, а напротив, в поддер-

жании старины; причиной этих недостатков они считали то, что “старые обычаи поисшатались,” и не раздумывая много о том, почему же они поисшатались, поставили главной своей задачей только поддержать их. По-старому велено исправлять церковные книги “с добрых переводов.” Старыми домашними средствами положено удовлетворить и сильной потребности просвещения: собор вспомнил, что в старину при церквях и монастырях были добрые школы в домах добрых попов и дьяконов, т.е. призвал на дело просвещения тех же мастеров-грамотников, о которых сам же говорил, что они грамоте мало умеют, а силы писания вовсе не знают. Самыми лучшими определениями собора, имевшими действительно исправительное, даже преобразовательное значение, были только указанные выше определения касательно архиерейской администрации, учреждения поповских старост, церковного благочиния и жизни монашества.

Нельзя не замечать такого же обращения к старине и в личных трудах самого митрополита Макария. Кроме того, в этих трудах выразился еще другой современный мотив русской жизни после того, как она сосредоточилась около Москвы — стремление к собиранию и соединению в одно всех духовных богатств русского народа, прежде разбросанных по удельным землям и еще не приведенных в общерусскую известность. Самый важный из этих трудов Макария — “Великие Четии-Минеи,” которые он начал составлять еще в Новгороде и продолжал в Москве; в них собрано было все духовное оружие, каким тогда располагала Русская Церковь, все, по его выражению, “книги чтомыя, которыя обретались в Русской земле”: жития святых по дням их памятей, слова на их праздники, многие их творения всякого рода, патерики, целые книги Священного Писания и толкования на них. Собираение всего этого книжного сокровища “многим именем и многими писарями” продолжалось около 20 лет. Ему же принадлежит составление Степенной книги — обширного сборника сведений по русской истории. Из оригинальных произведений митрополита Макария известны: поучение при браке Иоанна Грозного с Анастасией, три речи и три послания к царю и войску во время казанского похода. В сочинениях этих он заплатил обильную дань современной моде на пышное риторство. Но не ими он приобрел себе почетное место в истории нашего просвещения, а именно своим главным трудом собрания всех книг чтомых и тем, что сумел возбудить около себя сильное литературное движение, особенно по части составления житий. По его благословению и под его руководством разными лицами составлено было столько житий, сколько не составлялось их ни прежде, ни после его времени. Одни из этих житий явились по поводу составления Четви-Минеи, другие после соборов 1547 и 1549 гг. о новоявленных чудотворцах, третьи — для Степенной книги.

Ереси Башкина и Косого.

С крайним развитием консервативного направления в обществе люди противоположного направления тоже в свою очередь естественно доходили до крайностей, которые вскоре после Стоглавого собора выразились в новых ересьях Башкина и Косого.

Ересь Башкина открылась таким образом. К попу *Симеону* в 1553 году пришел на дух^{*} необычайный сын духовный, *Матвей (Башкин)*, просил у него наставлений, предлагал вопросы, на которые духовный отец ничего не в состоянии был ответить; потом явился к нему на дом, читал разные места из Писания и, не дождавшись объяснения, сам же их и объяснял. Все эти речи и вопросы его показались попу Симеону “недоуменными” ; духовник доложил о них Сильвестру, а Сильвестр самому царю. Башкина схватили и подвергли допросам, из которых выяснилось, что он еретик и что ересь его составилась отчасти из старых элементов жидовствующей ереси, отчасти из новых, протестантских; учителем его был аптекарь *Мат-*

^{*} На исповедь.— *Прим.ред.*

фей из Литвы и другой литвин *Андрей Хомеев*. Сущность новой ереси состояла в том, что она не признавала божества Сына Божия и равенства Его с Богом Отцом, Евхаристию считала простым хлебом и вином, иконы называла идолами, отрицала таинство покаяния, утверждая, что как только перестанет человек грешить, так и без священника уже нет ему греха, отрицала отеческие писания, жития святых, постановления соборов, иконопочитание и всю церковную обрядность. Единомышленники Башкина, которых он выдал на допросах, повторяли в преувеличенном виде слова Максима о неприличии вотчинного владения для монастырей, о дурной жизни духовенства, бездушной обрядности народного благочестия и проч. Уважая Максима, они единодушно вооружались против “Просветителя” Иосифа. На допросах Башкин проговорился, что его учение похваливали белозерские старцы. Ересь, таким образом, видимо становилась в связь с только что затихшим спором иосифлян и белозерских старцев. Вследствие этого добрались и до этих старцев. Из Кириллова монастыря вызвали на собор жившего там на покое бывшего троицкого игумена *Артемия*, потом монаха *Феодосия Косого*. Последний был прежде рабом в Москве, потом, обокрав господина, бежал от него на Белоозеро, постригся там в монахи, принял горячее участие в мнениях белозерских старцев и, развивая их до крайности, зашел в еретичестве еще дальше Башкина. Вместе с ним призваны были в Москву его товарищ *Игнатий* и несколько других монахов. При тогдашней тревоге за православие можно было легко обвинить человека в ереси за всякий недоуменный вопрос и за всякое слово обличения, например, на суд притянули даже такого святого человека, каков был просветитель лопарей Феодорит, вероятно потому, что он был известен обличениями против дурных монахов. Неудивительно, что когда для участия на соборе против еретиков пригласили Максима Грека, последний очень встревожился, подумал, что и его хотя тоже судить за ересь. Собор на еретиков собрался в 1553 и продолжался в 1554 г.; из актов его сохранился только отрывок — о суде над Артемием Троицким. Артемия обвиняли в том, что он критически относился к “Просветителю,” не проклинал жидовствующих, говорил, что православные сами не знают, за что жгли Курицына, в том, что в Воздвижение у царя ел рыбу, не отказывался от нее в посты и в домах разных христороубцев, во Пскове хотел беседовать с немецкими пасторами и разузнавал об их вере, стало быть — в вере пошатнулся; из его слов об умерших без покаяния “Панихидами и обеднями им не поможешь, оттого они муки не избудут” выводили, что он отрицал силу поминовения усопших; обвиняли его в хуле на акафисты и каноны за то, что он, подобно Максиму, говорил: “Говорят в каноне: Иисусе сладчайший! а как услышат слово Иисусово, — горько становится, что надо его исполнять. В акафисте повторяют: радуйся да радуйся, Чистая! а сами о чистоте не радят; так это говорят, по привычке, а не в правду.” Артемий выражал сомнение в самом существовании ереси в его время, Башкина представлял только человеком недоуменных вопросов; это набросило еще большую тень на его православие. Он решительно заявил собору: “Я так не мудрствую, как на меня говорили: то на меня налгали”; но все-таки не мог очистить себя от обвинения в разных вольных и резких словах касательно предметов веры и, кроме того, еще в довольно вольном, не монашеском поведении. Собор определил лишить его сана и сослать на Соловки. Феодорит тоже был заточен в Кириллов монастырь, но скоро был оправдан и освобожден. Башкина с сообщниками разослали по монастырским тюрьмам. Феодосий Косой и Игнатий успели бежать в Литву, женились там и успешно проповедывали свое новое рационалистическое учение, еще более отрицательное, чем учение Башкина, очень близкое к социнианству и состоявшее в исключительном почитании книг одного Ветхого Завета, в отвержении Святой Троицы, Божества Иисуса Христа. Его воплощения, почитания святого креста и икон, почитания святых, церковного предания, творений святых отцов, всей церковной иерархии, таинств, всего христианского богослужения и обрядов и в отрицании повиновения даже всяким вообще земным властям. В Литву же потом бежал и Артемий, но сделался

там ревностным защитником православия против протестантства и особенно против Косого и социниан.

Зиновий Отенский.

Ересь Косого вызвала против себя замечательные полемические труды со стороны ученика Максима, инока *Зиновия*, который жил в Отенском монастыре, заточенный туда в одно время с своим учителем. Писать против еретиков его заставили клирошане старорусского Спасского монастыря, которые приходили к нему за разрешением недоумений, возбужденных в них учением Косого. По вызову их он составил обширное “Истины показание к вопросившим о новом учении,” заключающее в себе полное опровержение ереси и изложение православного учения. После распространения ереси в Литве ему пришлось опять писать против нее — в ответ на письмо к нему каких-то соблазненных ею литовцев. Это второе, менее обширное сочинение его известно под названием “Многословного послания на зломудрие Косого.” Защищая современное положение Церкви от нападений еретиков, Зиновий должен был во многом отступить от принципов своего учителя и сблизиться во мнениях с иосифлянами. Он заметил, что указание Максима на пример картезианских монахов унижительно для православных монастырей, что изображение монастырской деморализации у него уже слишком преувеличено, что некоторые и вотчинные монастыри живут очень бедно. “Плакать мне хочется от жалости сердечной... Руки (у монахов этих обитателей) скорчены от работы, кожа как воловья, — истрескалась; лица осунулись; ноги и руки посинели и распухли. А имения у них так много, что нищие больше имеют. Обыкновенная пища их — овсяный невяный хлеб, ржаные колосья толченые и без соли, питье — вода, варево — листья капусты, зелень — свекла и репа, овощи — рябина и калина; а об одежде что уж и говорить?.” Это изображение он усиливает контрастом жизни Вассиана, ратовавшего против монастырских вотчин: “Не угодно было ему симоновских блюд кушать — хлеба ржаного, щей, свекольника, каши; молока промолгого и пива монастырского не пил, — с деревень мол идут, а питался блюдами со стола княжеского; пил же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино.”

Отношения православных к протестанству и католичеству.

По мере развития старообрядческого духа общий уровень церковного просвещения должен был еще более понизиться. Князь Курбский писал, что сами учителя народа “прельщали юношей трудолюбивых, желавших навыкнуть писания, говоря: не читайте книг многих, и указывали, кто ума исступил, и онсица в книгах зашолся, а онсица в ересь впал.” Вместе с распространением мрака в обществе естественно развивалась светобоязнь, замкнутость от всяких посторонних просветительных влияний, особенно тех, которые шли с запада. Русскому человеку, действительно, было тогда опасно встретиться с западной цивилизацией, потому что, при религиозном строе всей своей жизни, при смешении всех обычаев и быта с православием, он не умел различать светской стороны цивилизации от религиозной, заимствуя первую, усвоил и последнюю, сбрив бороду, отпадал и от православия. С этой стороны развивавшаяся в обществе нетерпимость к западным вероисповеданиям была среди него явлением даже полезным — в ней проявлялся естественный инстинкт самосохранения от разлагающих родные верования влияний. К протестантам относились, впрочем, еще довольно терпимо, вероятно потому, что меньше видели от них попыток вредить православию. Правительство тоже охотнее принимало на свою службу протестантов, чем католиков. В Москве они очень рано заселили особую слободу на реке Яузе и имели при устье Яузы кирху. Грозный в 1579 году разрушил эту кирху, но лет через пять, по ходатайству английского посла Горсея, разрешено было построить ее опять. Во время ливонской войны при Грозном многие

из пленных немцев были переселены во Владимир, Кострому, Углич и Нижний. При царе Феодоре наплыв немцев-протестантов еще более усилился, но всякая пропаганда была им строго воспрещена. В 1563 году одного пастора Фому, председателя социнианской общины в Полоцке, царь Иоанн за его пропаганду пустил под лед в Двину. В 1570 году он имел горячую беседу с пастором богемских братьев Рокитою и, высказывая свой взгляд на протестантов, между прочим сравнивал их с псами и свиньями, Лютера и по имени, и по жизни называл лютым: “Вы живете, — говорил он, — как свиньи, откармливаемые в пост, отвергая различие в пище; вы ненавистны святым на небе, потому что сами отвергаете их” и т. д.

Попытки пап на введение в Россию католичества или, по крайней мере, неудавшейся унии митрополита Исидора постоянно разбивались о полную нетерпимость русских к латинству, которое у нас не считалось даже и христианством. В России нигде не дозволялось строить латинских божниц. Самая важная попытка католичества проникнуть в Россию произведена была при Иоанне III. Папа Сикст IV, устроив брак Иоанна с жившей в Риме греческой царевной Софией Палеолог, рассчитывал сделать ее своим орудием для привлечения России к латинству. Но София явилась в Москве вполне православной великой княгиней и обманула все его ожидания. Посланный с нею легат *Антоний* тоже не имел никакого успеха. На первых порах он требовал было себе торжественного въезда в Москву с преднесением креста, но митрополит Филипп I решительно воспротивился этому, объявив, что если легат с своим крестом* въедет в одни ворота Москвы, то он, митрополит, сейчас же выедет в другие. В Москве легат заговорил о вере, но Филипп выставил против него некоего мудрого книжника *Никиту Поповича*, который так заговорил легата, что этот отказался от спора, говоря: “Книг нет со мною.” После этого было еще несколько сношений Рима с Москвой об унии при великом князе Василии, но все они остались без последствий. При Иоанне Грозном несчастная война с Баторием заставила царя самого обратиться за помощью к папе. В Россию (в 1581 году) был прислан из Рима ловкий иезуит *Антоний Поссевин* с поручением завязать дело об унии и о дозволении строить в Москве костелы. Царь обращался с ним ласково, желая извлечь из его приезда как можно больше пользы для мира с Баторием, но в постройке костелов отказал и неохотно согласился говорить с ним о вере, “чтобы не было, — как отговаривался он, — сопротивных слов.” Как только зашла речь о вере, сопротивные слова действительно не замедлили. Царь укорил латинян за стрижение бороды, указал на то, что у папы крест на туфле, а у православных креста не повелось ниже пояса носить, что папу носят на престоле, как Христа, а ему не следует Христу равняться, да и Петра апостола Христу равнять не следует же, и в заключение не утерпел — сказал, что который папа не по Христову и не по апостольскому учению живет, тот папа волк, а не пастырь. Антоний после этого сейчас же прекратил беседу. В знак дружбы к папе царь только позволил с купцами из католиков приезжать в Россию и латинским попам, но с тем, чтобы они ни костелов здесь не строили, ни веры своей не распространяли.

Б. Киевская митрополия до присоединения Малороссии к Москве.

* Латинский крест.— *Прим. ред.*

Общий обзор состояния православия в Литве.

Московская митрополия была недоступна влияниям Рима; православная вера была в ней верой господствующей и крепко поддерживалась самим правительством. Не то было в митрополии западной, где православным народом управляло правительство иноверное. Правительство это, как известно, давно уже чувствовало неудобство сильного тяготения своих православных подданных к Москве, — к общему центру православной Русской церкви, и еще раньше, чем сделалось католическим, энергично стремилось к церковному обособлению своей страны от Московской митрополии. Наибольшую часть Литовского княжества составляли земли, заселенные русским православным населением; в самой Вильне — столице Литвы — добрая половина жителей состояла из православных и преимущественно из русских людей, поселившихся в ней на жительство. Православную веру исповедовала вся знать русских земель, вошедших в состав Литовского государства, и князя-потомки старых удельных князей. Со времени Ягелловой унии Литвы с Польшей, когда литовское правительство стало католическим, такое преобладание в государстве православного народонаселения сделалось еще неудобнее. Попытка Ягелла распространить в Литве на место православия католичество кончилась полной неудачей, повела даже к разрыву политической унии, к совершенному отторжению Литвы от Польши под власть особого князя *Витовта*. Умный Витовт понял, что католичество еще не могло служить опорой государственной самостоятельности литовского княжества, что православие было сильнее его, и обратил все свои усилия пока только на то, чтобы отделить православную церковь в Литве от Московской митрополии, завести у себя в Литве особого митрополита. Как известно, он добился этого через поставление на Киевскую митрополию Григория Цамблака. Через 40 лет по смерти Цамблака при Казимире отделение Киевской митрополии от Московской было завершено окончательно, — это был первый шаг к дальнейшему развитию религиозной унии между разноверным литовским народонаселением.

Положение Киевской митрополии по отделении ее от Московской.

После этого православная церковь в Польско-Литовском государстве очутилась в самом невыгодном для нее положении, одинокая, лишенная всякой внешней опоры, лицом к лицу с сильным католичеством. На первых порах она была, впрочем, еще довольно сильна сама по себе, своей численностью и внутренней силой. Сами короли, восходившие на польско-литовский престол из литовского рода Ягеллонов, хорошо знакомые с характером своей родной страны, старались воздерживаться от излишней католической ревности, — чтобы не раздражать православного народа, охраняли права последнего, давали православным церквям и монастырям жалованные грамоты, сдерживали слишком рьяные напоры католичества на святыню народной веры. Первый киевский митрополит, ученик Исидора *Григорий*, приверженец Флорентийской унии и ставленик униатского патриарха, жившего в Риме, попробовал было сделать несколько более решительных попыток утвердить в Литве эту унию и воздвиг на православное духовенство гонение, но король не поддержал его и попытки его остались безуспешными. Через 10 лет управления митрополией Григорий сам почел за лучшее присоединиться к православию (1469 г.). Но как католики, Ягеллоны не могли, конечно, покровительствовать православию и где было можно, охотно урезывали его права, и его материальные средства, духовенство православное держали в черном теле, а для ослабления силы православных панов несколько раз подтверждали Городельское постановление 1413 г. о недопущении православных к высшим должностям в государстве. Политика их в отношении к православной церкви имела вообще двусмысленный характер. Смотри по обстоятельствам, они относились к ней то покровительственно, то враждебно, но никогда не упускали из виду

своей заветной мечты скрепить политическую унию Литвы с Польшей унией церковной. Всего вреднее для Православной Церкви было усвоенное королям право церковного “патроната” и “подаванья” церковных мест — архиерейских кафедр и находившихся на коронных землях монастырей и церквей — выродившееся из древнего участия князей и народа в избрании епископов и других духовных лиц; после ослабления участия в таких избраниях народа право “подаванья” осталось исключительно в руках короля. По этому праву короли назначали на епархиальные кафедры епископов, а в церкви и монастыри — священников и настоятелей, раздавали “хлебы духовные” исключительно по своей воле, допуская часто самые возмутительные злоупотребления и доводя православную иерархию до самого жалкого положения. Духовные хлебы раздавались разным недостойным людям за деньги или в награду за военные и гражданские заслуги. Монастыри отдавались в управление даже светским людям под одним только условием — до пострижения управлять ими через наместников из духовных лиц, но и это условие часто не соблюдалось — какой-нибудь пан, получив монастырь, управлял им сам лично, и не думая о пострижении. Такие же светские паны по временам занимали и архиерейские кафедры, именуясь нареченными епископами. Поевши несколько времени духовных хлебов, такой епископ продавал свою епархию другому такому же искателю духовного хлеба. Случалось, что король отдавал кафедру двум панам сразу и между ними завязывалась из-за нее борьба вооруженной силой. С помощью таких злоупотреблений правом подаванья короли успели со временем довести православную церковь до крайнего оскудения в ней достойных пастырей.

Отношение митрополитов к константинопольскому патриарху и внутреннее управление митрополии.

Очувтившись в таком опасном положении, Киевская митрополия старалась создать себе внешнюю опору по крайней мере в патриархе и вошла с ним в теснейшее общение. В то время как московские митрополиты и избирались, и поставлялись собором своих великорусских епископов, независимо от патриарха, киевских митрополитов принято было ставить не иначе как с благословения патриарха*. В 1495 году собор епископов в Вильне сам поставил митрополита *Макария* и уже после послал к патриарху за благословением; патриарх *Нифонт* обиделся на это и дал знать чрез своих послов, чтобы впредь без его благословения митрополитов не ставили, разве только по нужде. Но с другой стороны, и патриарх не мог ставить митрополитов сам, без согласия короля и епископов: в 1476 году в Литве не приняли поставленного таким образом митрополита *Спиридона*, после чего он ушел в Московское государство и поселился в Соловецком монастыре. Патриарх принимал иногда близкое участие и в административных делах Киевской митрополии, особенно касавшихся ее отношений к иноверному государству и защиты православия от покушений на него латинства; но в общем

* Преемственный порядок киевских митрополитов был следующий: 1) Григорий Болгарин (1458-1473); 2) Мисаил (1474-1480); 3) Спиридон, не принятый на митрополию, еще при жизни Мисаила; 4) Симеон (1481-1488); 5) Иона Глезна (1492-1494); 6) Макарий (1495-1497); 7) Иосиф Болгаринич (1498-1501); 8) Иона II (1503-1507); 9) Иосиф II Солтан (1509-1521); 10) Иосиф III (1522-1534); 11) Макарий II (1535-1555); 12) Сильвестр Белькевич (1556-1567); 13) Иона III Протасович (1568-1577); 14) Илия Куча (1577-1579); 15) Онисифор Девочка (1579-1589); 16) Михаил Рогоза — перешедший в унию. По восстановлении западнорусской иерархии митрополитами были: Иов Борецкий, Исаия Копинский, Петр Могила. Епархия митрополитов была весьма обширна, простираясь от Киева до Вильны, Троки, Новгородка литовского, Минска, Слуцка, Гродно. Жили они обыкновенно в Новоградке литовском; по временам ездили по другим городам, особенно в Вильну, как в столицу, но Киева не посещали более 150 лет (до конца XVI века). Только один Макарий I в 1497 году отправился было туда, чтобы помочь церкви Божией — Софии, пред тем разоренной татарами, но в Мозырском узде был достигнут и убит татарами. Мощи священномученика перенесены в Киево-Софийский собор.

своем ходе внутреннее управление митрополии в Литве, как и в Москве, велось независимо от патриарха, по порядкам и законам, принятым исстари при прежних русских князьях.

Участие мирян в церковных делах.

Важнейшей особенностью в этом управлении было весьма близкое участие в церковных делах мирян — народа и православных панов, в которых православная церковь, при указанном отношении к ней правительства и ослаблении своей собственной иерархии, находила для себя единственную поддержку. Они следили за употреблением и целостью церковных имуществ и за самым церковным управлением, протестовали против злоупотреблений владык и других духовных лиц и защищали церковные интересы перед правительством. В своих обширных имениях православные паны имели такое же право патроната над всеми церквями и монастырями, как король в имениях королевских и коронных, и поддерживали их против всяких покушений со стороны католиков. Такой же патронат имели свободные городские общины над своими приходскими церквями и над монастырями своей постройки. Это участие мирян в церковных делах заменяло здесь такое же отношение к церковным делам правительства в Московской Руси. Иерархия, впрочем, сильно им тяготилась и была всегда против него. Нельзя сказать, чтобы у нее не было в этом случае достаточных резоннов: и общинный, и панский патронаты могли приносить церкви большую пользу, давая ей сильную опору в борьбе с ее врагами, но могли быть и очень для нее вредными, потому что, с одной стороны, патронами были не одни православные, но и католические паны, да и православные часто слишком злоупотребляли правом патроната, с другой стороны — влияние мирян на церковные дела стесняло власть не одних дурных иерархов, которых следовало ограничивать в их действиях, а одинаково с ними и вполне благонадежных. Но, занявшись исключительно развитием своей власти, выпрашивая у королей грамоты о независимости своего суда и управления от мирского вмешательства, иерархия не разбирала при этом полезного участия мирян в церковных делах от вредного, хотела одинаково устранить от этих дел и католических, и православных патронов и городские братства, оттого обособляясь от мирян, делалась одинокой и бессильной. Короли охотно давали просимые грамоты, потому что такое отделение иерархии от народа развивало над нею их собственную королевскую власть.

Состояние православия при Александре и Сигизмунде.

Фанатичнее других Ягеллонов оказался преемник Казимира (с 1492 года) *Александр*. На кафедру митрополита воссел при нем ревнитель Флорентийской унии *Иосиф Болгариневич* и вместе с ним поднял открытое гонение на православие, как при Ягелле. Стеснена была в своем исповедании отеческой веры даже супруга Александра *Елена*, дочь Иоанна III, вопреки нарочитым пунктам о вере в ее свадебном договоре: католическое духовенство отняло у нее православного духовника и никак не соглашалось на то, чтобы у нее во дворце устроена была домовая церковь. Но такой открытый фанатизм правительства стоил Литве очень дорого: на защиту православия в литовских владениях выступил сильный великий князь московский, и поднялась тяжелая война с Москвой, кончившаяся для Литвы потерей нескольких православных княжеских родов с их землями. Потери эти продолжались и при следующем короле *Сигизмунде I* (1506-1548) — в 1514 году к Москве отошел от Литвы Смоленск. Может быть, вследствие таких тяжких потерь правление Сигизмунда было одним из самых терпимых для православия в Литве. Но зато этот король слишком усердно, более всех предшественников, пользовался во вред православию своим правом продавания духовных должностей. Ему деятельно помогала в этом корыстолюбивая королева *Бона*, наперебой с королем бравшая взятки с разных искателей “духовных хлебов.” Важнейшие духовные места замещались людьми

недостойными, которые только унижали и обессиливали православную иерархию. В Галиции, непосредственно связанной с Польшей, где давно уже упразднилась бывшая Галицкая епархия, церковными делами и имениями управлял “справца” или наместник киевского митрополита. В 1509 году король отдал право назначать этого наместника львовскому католическому архиепископу. Галичане воспротивились этому, выбрали своего справцу, и из-за этой должности возникла долгая тридцатилетняя борьба между католиками и православными посредством взяток королю и королеве. Восторжествовал православный справца *Макарий Тучапский*, поставленный в 1539 году в епископа восстановленной Галицкой епархии; в том же году он издал грамоту о восстановлении клироса в своей епархии, замечательную по изображению прав и обязанностей членов этого клироса, состоявшего из соборных и некоторых приходских священников города.

Виленский собор, 1509 года.

На первых порах правления Сигизмунда, при митрополите *Иосифе Солтане*, православные, составив в декабре 1509 года собор в Вильне, провели было на нем несколько определений, рассчитанных на то, чтобы дать православной церкви в Литве более свободы от вмешательства в ее дела мирян, в том числе и короля; но определения эти мало имели силы на практике. Определено было: на церковные должности ставить людей только достойных, по избранию владык и панов греческого закона^{*}; недостойных не ставить, хотя бы их прислал сам король; священника, служащего при церкви без благословения архиерея, по воле одного пана, лишать сана; патрону не отнимать у священника церкви без ведома архиерея, а последнему до исследования дела не назначать к ней нового священника; к церкви, пустующей свыше трех месяцев, епископу назначать священника от себя, без приходского выбора; мирянам, под страхом отлучения, не держать у себя Кормчей, так как, изучив церковные правила, они пастырей своих презирают и сами себе закон бывают; вдовых священнослужителей, не постригающихся в монашество, отлучать от служения. Есть основание полагать, что при митрополите Иосифе Солтане были и другие соборы. По своему благочестию, просвещению и ревности ко благу церкви это был вообще достойнейший из киевских митрополитов XVI века, уважаемый и королем, и знатными панами; особенно дружен был он с князем *Конст. Ив. Острожским*, содействовавшим ему в охранении прав Церкви. Через полтора года после Виленского собора митрополит испросил у короля подтверждение старинных прав православной иерархии, постоянно, впрочем, нарушавшихся и после того. При Иосифе же началось дело о восстановлении прав митрополичьего наместника в Галиции; с согласия короля, он первый из митрополитов принял титул киевского и галицкого. Заботился он и о православных монастырях, например, в союзе с благочестивым ктиторм Суграсльского монастыря *Александром Ходкевичем* поднял внешнее и внутреннее благоустройство этой замечательной по книжным собраниям обители и дал ей общежительный устав.

Состояние церкви при Сигизмунде II.

Преемник Сигизмунда I, последний из Ягеллонов, *Сигизмунд II Август* (1548-1572), находясь под влиянием усилившегося в Польше протестантства, относился к вероисповедным разногласиям между своими подданными либеральнее и дал всем христианским вероисповеданиям полную свободу. В 1563 году отменено было и Городельское постановление, ограничивавшее государственные права православных. Но при том же либеральном короле явились и печальные предвестия новых бедствий для православной Церкви, еще более тяжких, чем ис-

^{*} Греческой веры, т.е. православных.— *Прим. ред.*

пытанные ею доселе; такими предвестиями были: Люблинская уния и призвание в Польшу и Литву иезуитов. В 1569 году на Люблинском сейме окончено было дело, над которым работали все Ягеллоны, — соединение Литвы и Польши в одно государство. После этого поляки-католики стали свободно проникать во все литовские и русские земли, завладевать здесь должностями, имениями, представительством на сеймах и развивать свое влияние в явный ущерб интересам местной народности и народной православной веры. Гражданская уния рано или поздно должна была повлечь за собою и унию религиозную, тем более что бездетный Сигизмунд II был последним королем из родной для Литвы династии. Через три года после Люблинского сейма он умер, и на польский престол, сделавшийся избирательным, стали восходить короли-иноземцы, чуждые литовских интересов — *Генрих* французский и *Стефан Баторий*, преданные Польше, а не Литве, при самом избрании своим обязывавшиеся поддерживать в соединенном государстве не иные какие вероисповедания, а именно польское католичество.

Распространение в Польше и Литве протестанства, появление и деятельность иезуитов.

Призвание в Польшу и Литву братьев-иезуитов было прямым следствием распространения здесь протестанства, так как иезуиты были специальными против него борцами повсюду, где оно появлялось. К учению протестантов охотно прислушивался сам король Сигизмунд Август, за что Лютер почтил его посвящением своей Библии, а Кальвин — своего толкования на Послание апостола Павла к евреям. Особенно рьяным и влиятельным покровителем исповедников протестанства в Литве был князь *Николай Черный Радзивил*, владевший чуть не половиной Литвы и неограниченно господствовавший при дворе через королеву *Варвару Радзивил* — свою двоюродную сестру, страстно любимую королем. Под его покровительством протестантские проповедники заполнили всю Польшу и Литву, строили здесь свои кирхи, заводили школы и типографии. Особенный успех между ними имели кальвинисты и социниане или антитринитарии. В 1550-х годах в Польше учил сам *Социн*. К социнианам пристали и известные московские беглецы Феодосий Косой и Игнатий. Из местных учителей кальвинизма известен особенно *Симон Будный*, в 1562 году напечатавший в Несвиже на литовско-русском языке кальвинский катехизис. Протестантский соблазн в Польше и Литве был так силен, что им увлекались целые приходы и даже католическое духовенство. Монахи и монахини покидали свои монастыри; ушел в протестантство и женился один бискуп — *Николай Пац* киевский. В знатных польских семействах на протестантство появилась какая-то мода; много людей ушло в него и из православных знатных родов. Среди таких опасностей для католичества в подмогу обессилевшим местным борцам против новых учителей в 1560-х годах и вызван был орден иезуитов. Иезуиты явились на первых порах скромными и самоотверженными иноками, благотворителями несчастных, благочестивыми и учеными проповедниками и бескорыстными наставниками юношества, для которого всюду заводили бесплатные школы; их проповеди, школьные и публичные диспуты, торжественные богослужения, пышные религиозные процессии, самоотверженное служение больным и разные благотворения привлекали к ним толпы народа и все были направлены к возвеличению и торжеству католичества, а иезуитские школы воспитывали в своих стенах самых горячих ревнителей последнего. Сначала иезуиты действовали исключительно против протестанства, но едва только успели несколько ослабить этого главного врага католичества, как принялись и за православие.

Виленская иезуитская академия.

В центре Литвы — в Вильне — в 1570 году иезуиты основали коллегию, личный состав которой нарочно наполнили самыми образованными и талантливыми людьми из своего ордена. Коллегия эта, для которой они не щадили ни трудов, ни средств, скоро зарекомендовала себя образцовым преподаванием и стала быстро наполняться учениками как из католического, так и из православного местного дворянства. В 1579 году Стефан Баторий дал ей права академии, как заведению с высшим образованием. Курс ее, сделавшийся после образцом и для православных юго-западных школ, обнимал, впрочем, и низшее, и среднее, и высшее образование. По своим главным предметам он делился на классы — инфиму, грамматику, синтаксису, пиитику, риторику, философию и богословие. Весь он, конечно, был латинский и весь был направлен к возвеличению Римской церкви. Воспитательная часть в академии, как и во всех иезуитских школах, была устроена на религиозных и, в частности, иезуитских началах безусловного послушания питомцев и безусловного господства над их душами отцов-педагогов, готовивших из них фанатически преданных слуг для ордена и для Рима. По преобразовании коллегии орден дал ей в ректоры *Петра Скаргу*, одного из учнейших и хитрейших иезуитов, и такого блестящего оратора, какого не было во всей Польше. Он постарался обставить новую академию самым нарядным образом, завел в ней пышные публичные диспуты и акты, и при всяком удобном случае выставлял ее на показ публике с самой блестящей стороны. Литовское и русское дворянство наперерыв отдавало в нее своих детей, готовя из них будущих отступников от всего родного и православного. В 1586 году в ней было уже до 700 учеников и более 50 человек учительского персонала. Кроме Скарги, в пользу католичества усердно действовал в Литве известный иезуит Антоний Поссевин, остановившийся здесь после своей неудачи в Москве и занявшийся изданием разных сочинений, направленных к совращению православных. По его просьбе папа открыл для русских униатскую коллегию в самом Риме. Деятельность иезуитов была тем успешнее, что они действовали весьма дружно и сознательно, с ясно определенным планом и хорошо изучив почву, которую им приходилось обрабатывать для своего сеяния.

Развитие иезуитами мысли об уни с Римской церковью.

Иезуиты сразу поняли, как бестактно было бы с их стороны ревновать об обращении православных прямо в католичество, и ухватились сначала за унию. Они стали усердно хвалить православную церковь и жалеть об ее дурном состоянии; православным папам указывали на хлопское положение и крайнее невежество их попов; духовенству говорили о раздражающей его зависимости от мирян и о самостоятельном положении духовенства католического; народом они пренебрегали, фальшиво рассчитывая на его безгласие. В таком духе ученым Скаргою написано было сочинение “О единстве церкви” (изд. 1577 года). Описав все беспорядки Русской церкви, Скарга выставил их причинами: 1) женатую жизнь попов, при которой они пекутся только о мирском, огрубели и обратились в хлопов; 2) славянский язык, который греки будто бы нарочно оставили славянам при обращении их в христианство, чтобы держать их в невежестве, потому что только через греческий и латинский языки можно преуспевать в науке — не было и не может быть на свете школы, где бы богословие и другие науки читались на другом языке; то ли дело у католиков, у которых один язык и одна вера по всему свету? Христианин Индии может без затруднения говорить о вере с поляком; 3) крайнее унижение духовенства от вмешательства мирян в духовные дела. Уния должна уничтожить все это зло; а для нее православным нужно только принять учение Римской церкви и главенство римского папы — обряды можно им оставить по-старому.

Усиление католического влияния на высшие классы при Стефане Батории и Сигизмунде III.

Литовско-русское дворянство легко поддавалось иезуитской пропаганде вследствие своего давнего тяготения к польскому католическому дворянству. Кто из дворян не переходил в католичество, тот приставал к протестантам. С щеголеватым ксендзом, привыкшим господствовать в обществе, или с либеральным, светским пастором протестантским в доме пана нельзя было и думать стать рядом русскому попу или монаху в его грубой одежде, в чеботищах, смазанных дегтем, с хлопскою речью и манерами. Высшая иерархия, по своему происхождению, образованию и образу жизни примыкавшая к панам, тоже подверглась влиянию польской народности и католичества. Идеалами ее стали польские бискупы и приоры. Иезуиты всячески старались усилить в ней недовольство тем, что в ее суды и управление вмешиваются миряне, не только паны, но и какие-нибудь скорняки, кузнецы и седельники, тогда как в католической церкви бискуп есть сильный орган святейшего отца, указывали на то, что польский примас и несколько бискупов заседают в сенате, куда Речь Посполитая постыдится допустить иерархов, подчиненных патриарху — рабу султана. Король Стефан со своей стороны много помог иезуитам, назначая на православные епископии и настоятельства людей, какие именно и нужны были для целей унии, большею частью из дворян, нисколько не приготовленных к духовному служению и желавших только попользоваться церковными имениями. Монастыри с их имениями даже прямо раздавались католикам. В епископы посвящались лица недостойные, даже двоеженцы и женатые. В таком положении находилась западно-русская церковь, когда на польский престол вступил (1587 г.) *Сигизмунд III*, с детства воспитанный иезуитами и готовый для католичества на все, и наступило самое опасное и тяжелое время для Православия. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей борьбы, когда для этой борьбы оказывалась несостоятельной сама ее иерархия? Средства эти она и теперь нашла в той же живой связи с народом и оставшимися в православии панями, на которую опирались прежде, т.е. именно в том, в чем иезуиты видели ее слабую сторону и ее позор.

Борцы за православие.

Между панями — защитниками православия главными явились переселенец из Москвы князь *Андрей Курбский* и князь *Константин Константинович Острожский*. Князь Курбский, ученик Максима, по удалении из Москвы в Литву посвятил на защиту православия все свои средства и силы. С этой целью он вел живую переписку с влиятельными горожанами и панями западной Руси, предостерегая их одинаково и от протестантства и от католичества. Считая самым лучшим средством для борьбы с врагами умножение книг и переводов, он очень жалел, что, по ленности церковных учителей, не переведено на русский язык и десятой доли необходимых отеческих книг, наконец, даже сам принялся за это дело, для чего уже стариком выучился латинскому языку. По его просьбе, родственник его князь *Мих. Оболенский* три года учился в краковской академии, ездил для науки за границу и потом помогал ему в переводах. Кроме Оболенского, его помощниками были еще какой-то *Амвросий* и бежавший с Соловков старец *Артемий*; последний нашел приют в Слуцке у князя Юрия Олельковича и сделался известен своими сильными и красноречивыми посланиями против протестантов, особенно против новоявившихся русских еретиков Феодосия и Игнатия. Князь К. К. Острожский, богатый и могущественный вельможа, около 1580 года открыл у себя в Остроге высшую школу; это была самая древняя школа в западной Руси вместе со слуцкой, открытой князем Слуцким. При школе заведена была типография, в которой работал известный первопечатник Иван Федоров; вместе с виленской, львовской, заблудовской и краков-

ской типографиями она долго снабжала богослужбными и учительными книгами всю Россию. Острожский, как и Курбский, также вел обширную переписку с панами и поддерживал своими средствами и влиянием галицкие братства. Любовь к просвещению увлекала его иногда даже на опасную дорогу к дружбе с протестантами, за которую его укорял Курбский, и к мысли об унии с Римской церковью, от которой он ждал для православия просветительных средств; впрочем, он мыслил унию не иначе как под условием согласия на нее всей православной церкви. Самым важным памятником его ревности к вере осталась *Острожская Библия* (1580-1581 гг.), которая была первым печатным изданием Библии в России. Из предисловия к ней видно, каких трудов стоило ее издание; не было ни людей, способных к исправлению ее текста, ни полных русских списков Библии. Единственный такой список, присланный из Москвы в 1575 г., оказался очень испорченным. Острожский выписал несколько списков разных библейских книг с востока — от патриарха Иеремии, с острова Кандии, из монастырей греческих, сербских и болгарских; и все-таки несколько целых книг (Товита, Иудифь и 3 Ездры) и частей других книг (Иеремии, Иезекииля, Притчей) оказалось нужным перевести в Вульгаты. Из сотрудников князя особенно известны *Герасим Смотрицкий*, трудившийся над изданием Библии, и клирик *Василий Суражский*, написавший по поводу книги Скарги и против протестантов сборник, известный под именем “Книги о единой истинной вере” (изд. 1588 г.).

Братства.

Вельможное покровительство церкви, однако, держалось недолго. Благодаря иезуитам паны быстро ополячивались, и следующее же поколение их выставило даже прямых врагов православию, каковыми были дети самих ревнителей веры — сын Курбского *Димитрий* и сын Острожского Януш. Для церкви более надежной оказалась сила народная, сила городских общин и братств с их школами. В конце XVI века права их получили подтверждение и расширение со стороны восточных патриархов. Патриарх *Иоаким* (антиохийский) во время своего проезда чрез Россию (1586 г.) дал грамоту древнейшему львовскому братству. Утвердив обычные правила всех братств о братских сходках и взносах, о выборе старост, наблюдении братьев за поведением друг друга, о братском суде и взаимной помощи в нуждах, патриарх, кроме того, дал львовскому братству право обличать противных закону Христову, отлучать их от Церкви, обличать самих епископов; в ряду других братств оно объявлено старейшим. Поощренное патриархом, братство завело у себя госпиталь, типографию и школу и своим влиянием на церковные дела сильно стеснило власть местного епископа *Гедеона Болобана*. В 1588 г. проездом в Москву и 1589 г. — на обратном пути западную Россию посетил константинопольский патриарх Иеремия и отнесся к церковным братствам с еще большей благосклонностью.

Приезд патриарха Иеремии и положение в это время церкви.

Иеремия застал православную церковь в польских владениях в самом печальном состоянии. Духовное значение и сила ее иерархии были подорваны вконец. Сам митрополит киевский *Онисифор* был двоеженец. Епископы — перемышльский *Михаил Копыстенский*, холмский — *Дионисий Збируйский* и пинский — *Леонтий Пельчицкий* были женаты — последние двое и на епископстве жили с женами. Будучи по происхождению панами, архиереи и на епархиях жили, как паны, в замках, окружив себя вооруженными слугами и пушками, делали наезды на чужие земли и дрались между собою; епархии были для них чем-то вроде вотчин, с которых они получали доходы, нисколько не заботясь о церковных делах. Виднее всех епископов был луцкий *Кирилл Терлецкий*, родом дворянин, образованный, ловкий и деятельный

человек, но всего менее достойный быть православным епископом; соседи его по землям не раз жаловались суду на его буйство и наезды, сопровождавшиеся даже убийствами. В деле устройства церкви и укрепления ее в борьбе с врагами на таких иерархов, конечно, нечего было надеяться, и патриарх, естественно, должен был предпочесть их помощи — содействие мирян. Он еще более усилил львовское братство, дав ему новые права: печатать всякие книги, руководить всем образованием во Львове, избирать и удалять от должности своих священников. Иеремия убеждал православных заводить и другие братства. Кроме львовского братства, он утвердил своим благословением и грамотою еще Троицкое братство в Вильне, которое тоже завело у себя школу и типографию.

Низложение митрополита Онисифора и возведение в митрополиты Михаила Рогозы.

Патриарх принял сторону мирян — одно уже это должно было вооружить против него епископов. Но он затронул их еще более чувствительным образом. Низложив митрополита Онисифора, он поставил на его место нового митрополита, *Михаила Рогозу*, единственно по рекомендации мирян, вопреки даже собственному мнению о его достоинстве. Рогоза был человек благочестивый и добрый, но, по своей слабости, склонности служить двум господам, действительно не годился на митрополию в такое бурное и опасное время. Не доверяя ему, Иеремия ограничил его власть усилением Кирилла Терлецкого, которого сделал своим экзархом в южной России с правом надзора и суда над епископами, и этим, разумеется, очень огорчил митрополита. Но не угодил он и Терлецкому, который метил вовсе не на экзаршество, а на самую митрополию; притом же патриарх не оказывал доверия и ему, принимал и на него жалобы. Другие епископы, вроде Дионисия и Леонтия, были немало встревожены грамотами и действиями Иеремии против недостойных священнослужителей и иерархов, хотя суд его и не коснулся их лично. Гедеон Болобан был недоволен патриархом за усиление львовского братства. Вследствие всего этого, как только патриарх уехал, между иерархами пошли самые раздражительные толки, усердно поджигаемые иезуитами, о тяжелой зависимости от греков, о том, что русские для греков овцы, которых они только стригут, но не кормят, что на помощь востока надеяться поэтому нечего, а следует серьезно подумать об унии с Римом.

Подготовка и главные деятели унии.

Всех нужнее была такая уния епископам. Подчинение Риму должно было избавить их от власти патриарха, уравнивать в правах с польскими бискупами и освободить от неприятного вмешательства в их дела со стороны мирян. Кирилл Терлецкий как раз в это время был грубо оскорблен луцким войским и старостой и не нашел против них никакой управы. И вот в 1591 году к королю поступила просьба, подписанная четырьмя епископами — Кириллом Луцким, Гедеоном Львовским, Дионисием Холмским и Леонтием Пинским — о подчинении Русской церкви папе под условием сохранения всех ее обрядов и обеспечения прав ее иерархии. Сигизмунд был очень рад, обещал просителям разные милости, защиту от патриарха и неотъемлемость должностей. Все дело, однако, до поры до времени положено держать в тайне. Согласившиеся на унию епископы скоро нашли себе важного союзника, еще раньше них помышлявшего о соединении с Римской церковью — это был вновь поставленный (в 1593 году) владимирский епископ *Инатий Поцей*, в миру Адам Поцей, бывший брестский каштелян. Он был по происхождению православный, но воспитывался в кальвинской школе князя Радзивила, затем в краковской иезуитской академии и отпал от православия в кальвинство, потом снова принял православие, казался даже ревнителем церкви и находился в приятельских отношениях с князем Острожским. Сделавшись епископом, он стал главным деятелем унии

вместе с Терлецким. В 1594 году сам король назначил их обоих к поездке в Рим в качестве уполномоченных от других владык для заключения акта унии. Собрание полномочий на то от епископов, участвовавших при первом решении об унии, не представляло затруднений. Оставалось уговорить главного первосвященника Рогозу. Ипатий и Кирилл энергично принялись за него, убедительно разъясняя ему, с одной стороны, те выгоды, какие можно получить от унии, а с другой — затруднительное положение перед гневом короля, если он откажется пристать к унии. Между тем составлены были самые условия унии для представления королю и папе: упомянув о неприкосновенности православных догматов и обрядов для униатской церкви, владыки особенно настаивали здесь на ограждении своих иерархических прав от нарушений со стороны панов и братств, на целости своих имений, на приобретении себе сенаторских званий и на ограждении себя от церковного влияния греков. Рогоза подписал эти условия, но, по своей слабохарактерности, стал действовать двусмысленно — сносясь с королем об унии, в то же время уверял православных панов и братства, что не одобряет ее; обманывал и Терлецкого с Поцеем, стараясь выждать, чем кончится дело, не приезжал к ним на условленные совещания. Такое поведение его же поставило потом в безвыходное положение. Терлецкий и Поцей, не надеясь на него, вели все дело одни и наделали так много уступок латинству, что митрополит пришел в ужас, а между тем слухи об его измене православию уже распространились и подорвали к нему всякое уважение между православными.

Первый поднялся против унии князь Острожский и разослал окружное послание, в котором извещал православный народ о замысле митрополита и епископов, и всех православных возбуждал постоять за истинную веру. Западная Россия взволновалась. Испуганный общим волнением, Гедеон, более всех торопившийся в деле унии, отстал от товарищей, объявив в свое оправдание, что владыка Кирилл его обманул, взял у него и других епископов бланкеты за подписью для написания на них просьбы королю только о привилегиях православной церкви, а написал что-то другое, противное православию. К нему присоединился еще другой из епископов, замышлявших прежде унию, перемышльский Михаил Копыстенский. Среди таких обстоятельств, грозивших затеянной унии распадением, Терлецкий и Поцей поспешили поскорее кончить свое дело, и осенью 1595 года отправились в Рим с изъявлением покорности папе. Там в читанном пред лицом папы исповедании веры они признали все римские догматы: об исхождении Святого Духа, индульгенциях, чистилище и главенстве папы; от православия, таким образом, оставались одни только обряды. Папа (Климент VIII) радовался, говорил ласковые слова, назначил в честь унии большое торжество и велел выбить медаль с надписью: *Ruthenis receptis*. А между тем в России братства и священники предавали изменников-архиереев проклятию; *Стефан Зизаний*, учитель львовского братства, перешедший в Вильну, громил их в своих проповедях и издал сочинение: “Казание святого Кирилла иерусалимского об антихристе,” где проведена была мысль, что папа и есть именно антихрист. Острожский своими посланиями волновал дворян и мещан и грозил правительству восстанием; даже некоторые католики не чаяли от унии ничего хорошего впереди.

Введение унии на Брестском соборе.

В конце 1596 года для введения унии собрался в Бресте небывало многолюдный и торжественный собор, на который, кроме епископов, духовенства и многих мирян, прибыли два патриарших экзарха, *Никифор* от константинопольского и *Кирилл Лукарис* от александрийского патриархов. Но собор этот с самого же начала разделился на две партии, униатскую и православную. Униаты открыли заседания в городском соборе, а православные — в одном частном доме, потому что Поцей, к епархии которого принадлежал Брест, распорядился затворить для них все городские храмы. Экзарх Никифор три раза приглашал митрополита и 4

епископов-униатов на собор православных; когда они не явились, собор лишил их сана и единогласно отверг унию. С своей стороны, униатское собрание отвечало проклятием на православный собор и торжественным актом о принятии унии, который был тогда же утвержден королем. Православные епископы были объявлены ослушниками своего митрополита и изменниками своей церкви, греческие экзархи — самозванцами и шпионами султана, все православные — преступниками против духовной власти своих иерархов и против воли короля. Так совершилась пресловутая уния между православной и латинской церковью, явление, менее всего отвечавшее своему названию.

Усилия иезуитов и польского правительства к распространению унии.

Непосредственно затем начались гонения на православие. Экзарх Никифор был арестован и уморен голодом в Мариенбургской тюрьме. Кирилл Лукарис спасся бегством. Униатские епископы выгоняли православных священников из приходов и ставили на их место своих униатов. Правительство теснило даже сильного князя Острожского, насчитывая на него разные недоимки по сборам. Братства объявлены были мятежными сходками и подверглись преследованиям. У православных отбирали церкви; священники их подвергались насилиям, заключались в тюрьмы. Униаты овладели даже Киево-Софийским собором. Печерский монастырь едва отстоял свою самостоятельность силой. В городах православных не допускали до городских должностей, стесняли в ремеслах и торговле. Нечего и говорить о страданиях православного крестьянства, которое и прежде жило, как в чистилище, а теперь подверглось еще новым бедам от религиозной ревности своих панов. В имениях католических панов одни православные церкви были насильственно обращаемы в униатские, другие отдавались в аренду жидам. Жид-арендатор держал у себя церковные ключи и брал деньги за всякую церковную службу и требу, причем еще жестоко издевался над религией, за которую некому было заступиться. Подобные меры против православия в видах распространения унии усилились особенно при преемнике Рогозы (+ 1599), одном из главных вождей унии и самом энергичном из униатских митрополитов — Ипатии Поцее. Заняв митрополичью кафедру, он завел нескончаемую борьбу с православным духовенством и братствами, не гнушаясь при этом никакими средствами вроде доносов, клеветы, грубых насилий и прочего, грабил и отнимал в унию православные церкви, лишал приходов и истязал православных священников и ставил на их места униатов, отбирал у монастырей имения, не раз покушался завладеть самой Киево-Печерской лаврой с ее богатыми имениями и всеми мерами старался подорвать силу православных братств. Троицкий монастырь виленского братства со всеми имениями отдал униатам, которые немедленно завели при нем, вместо православного, свое униатское братство. Православное братство после этого (в 1605 г.) основалось в новом виленском монастыре Святого Духа и завело с митрополитом горячий, но бесплодный процесс. В 1609 году он отобрал в унию все виленские церкви, кроме одной монастырской Святодуховской. Сильное раздражение, которое было возбуждено против него в Вильне, дошло до покушения на его жизнь, кончившегося, впрочем, только тем, что он лишился двух пальцев на руке. Пальцы эти долго лежали потом на престоле Троицкой церкви, как пальцы святого мученика. Преступника — одного панского гайдука — казнили, а православные горожане Вильны подверглись еще большим преследованиям.

При всех, однако, усилиях поднять унию за счет православия она очень плохо поднималась. Униаты влачили жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и католиками; вера их, как и православие, не переставала считаться исключительно хлопской верой; пань и шляхта, изменяя православию, стыдились унии и переходили прямо в настоящую панскую веру — католичество. Само правительство, поддерживавшее униатов против

православных, не очень-то высоко ценило унию саму по себе; сенаторских мест для себя униатская иерархия так и не получила, несмотря на все обещания короля Сигизмунда и иезуитов, и сравнительно с католической иерархией оставалась в постоянном, обидном для нее принижении. Как Риму с его иезуитами, так и Польше уния нужна была не сама по себе, а только в качестве переходной ступени, через которую должно было пройти православное народонаселение Речи Посполитой к чистому католичеству. Католичество было конечным ее назначением, без которого она не имела никакой цены в глазах католиков. Такой взгляд на нее разделяли и первые ее вожди, Терлецкий и Поцей, принявшие в Риме всю католическую догматику и оставшиеся униатами только номинальными. Поэтому как только последний из них сделался митрополитом, так и начал усиленно стараться об удалении унии от православия и преобразовании ее в чистое латинство. По его влиянию, в униатское богослужение, которое всего более связывало униатов с православной церковью, стали постепенно вводиться чисто католические обряды. В своем сочинении “Гармония” (1608 г.) он безусловно восхвалял все латинское и горячо порицал православие, а в 12 пунктах своего руководства или инструкции для униатских церквей требовал от своего духовенства такого полного подчинения всем распоряжениям римского костела и папы, которое подрывало самую сущность унии и равнялось полному упразднению самостоятельной униатской церкви, вследствие чего против митрополита возбудилось сильное противодействие в среде самого униатского духовенства. Белое духовенство, более близкое к народу, чем иерархия и духовенство монашествующее, все еще сохраняло свою приверженность к слабым остаткам православного элемента в унии и, очевидно, вовсе не соответствовало видам митрополита; оттого, для выполнения своих планов, он постарался выдвинуть на первый план униатское монашество, преобразовав его по образцу монашеских орденов латинской церкви и наполняя ряды его чистыми латинянами, каким был сам.

Орден базилиан.

Преобразование униатского монашества началось с отнятого у виленского братства Троицкого монастыря. Главным пособником митрополита в этом деле явился его наместник иезуит *Иосиф Вельямин Рутский*, один из московских изменников, сын воеводы Вельяминова, перешедший в Литву в 1568 году и обращенный здесь иезуитами в латинство. В Риме, куда он ездил для науки, его убедили сделаться униатом и назначили действовать в пользу католичества в Литве. Поставленный Поцеем в архимандриты Троицкого монастыря, он принял в преобразовании униатского монашества живейшее участие, для чего призвал к себе на помощь кармелитских монахов и иезуитов. Устав нового монашества объявлен был основанным на правилах святого Василия Великого, на самом же деле целиком снят был с организации католических монашеских орденов. К этому уставу Рутского примкнули и другие униатские монастыри и образовался новый монашеский орден Базилианский, имевший потом большое значение в истории униатской церкви, как самое сильное орудие к ее окатоличению. Во главе ордена, в качестве генерала, был поставлен протоархимандрит, сам Рутский; от епархиальных властей базилианские монастыри объявлены независимыми, как и монастыри других католических орденов; для сношения с римской курией орден имел в Риме особого прокуратора. Униатские монастыри с самого же начала стали наполняться чистыми латинянами, принимавшими на себя только платье униатских монахов, даже прямо иезуитами. Основатели ордена, кроме сближения через него унии с Римом, имели на него и другие важные виды; он должен был восполнить крайнее нравственное убожество униатской церкви, принявшей в себя только самые дурные элементы из православного общества — забитых и невежественных хлопов и почти не менее невежественную и деморализованную часть духовен-

ства, должен был сделаться постоянным средоточием всего униатского образования, каким был орден иезуитов для церкви латинской, и рассадником всех униатских властей. Митрополит Ипатий Поцей не дождался осуществления этой задачи, — он умер в 1613 году, утомленный своей необычайной деятельностью в пользу унии; но все его планы, в том числе и планы относительно базилиан, наследовал после него его преемник, бывший протоархимандрит ордена, Иосиф Вельямин Рутский, управлявший митрополией 24 года. Он обогатил орден множеством именей, отнятых у православных, а частью и униатских монастырей и церквей, и поднял его значение до высочайшей степени. В 1617 году митрополит созвал конгрегацию представителей от всех униатских монастырей, на которой было решено подчинить ведению ордена все униатские школы, усилить образование самих базилиан, для чего употребить между прочим стипендии, предоставленные папой униатскому духовенству по разным католическим семинариям в Риме, Вене, Праге, Вильне и других местах; избирать на епископские места только членов базилианского ордена и с такою обязательностью, чтобы и сам митрополит не мог назначать себе викария, как будущего своего преемника, без согласия ордена. Наполнение ордена чистыми латинянами при Рутском дошло до того, что униатское монашество совершенно облатинилось. Базилианские школы сделались тоже совершенно латинскими и выпускали из своих стен таких же ярких приверженцев католичества, как и школы иезуитские. Под влиянием их воспитанников уния все более и более уклонялась к католичеству не только в учении, но и в своей обрядности.

Противодействие унии со стороны православных.

Положение православной церкви с начала XVII века сделалось совершенно невыносимым, особенно в Литве, на Волыни и в Галиции; Малороссия, благодаря силе казачества, была еще несколько спокойнее. Учитель виленской братской школы *Мелетий Смотрицкий* в 1610 году горько оплакивал бедствия православия в сочинении “Фринос положительно или Плач церкви восточной,” которое поразило своей печальной правдой самих латинян. Один волынский депутат *Лаврентий Древинский* выступил в защиту православия с сильной речью на сейме 1620 года. “Уже в больших городах, — говорил он, — церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, — там скот запирают. Дети мрут без крещения; покойников вывозят из городов без погребения, как падаль; мужья с женами живут без благословения; народ умирает без причащения. Так делается в Могилеве, Орше, Минске. Во Львове не униат не может к цеху приписаться; к больному с святыми тайнами открыто идти нельзя. В Вильне тело православного покойника нужно вывозить в те только ворота, в которые из города вывозят нечистоту..” Православные постоянно подвергались оскорблениям и насилиям то уличной черни, то оборванных польских жолнеров и рыцарей, которые воротились из Москвы после смутного времени, то иезуитских школяров, нафанатизированных своими наставниками и нападавших на православные процессии, церкви и частные дома; они жаловались на эти насилия в судах, но нигде управы не получали. Сильных защитников у них уже не было. Самый деятельный из них, князь Острожский, умер в 1608 году, а другие сильные паны успели ополчиться. Остались одни защитники — казаки. Гетман реестровых казаков *Конашевич Сагайдачный* умел искусно сдерживать фанатизм поляков до самой своей смерти (+1622); казаки притом же были нужны тогда Польше для войны с царем Михаилом Феодоровичем и с Турцией, и правительству было бы крайне бестактно раздражать их притеснением Малороссии за веру, тем более что за реестровым казачеством в степях Украины, после возникновения унии, с опасной быстротой возрастала грозная сила вольного степного казачества. И прежде угнетенные хлопы толпами бегали в степь в казаки, унося туда с собою страшную ненависть к польскому панству; после унии противогосудар-

ственное вольное казачество получило неожиданно новое и весьма высокое значение, став под знамя веры и народности. Но сила этих защитников веры и народности не простиралась далее границ Малороссии, притом же по своей грубости была далеко не пригодной для настоящей религиозной борьбы с унией. Православной церкви приходилось поэтому надеяться главным образом на свои духовные силы, которых, к ее счастью, оказывалось у нее постоянно более, чем у новой униатской церкви, несмотря на поддержку последней со стороны образованных и ловких иезуитов, и которые притом же, по мере усиления борьбы с унией, все более и более возрастали. Борьба с унией духовным оружием началась непосредственно за собором 1596 года. В 1597 году Скарга выдал об этом соборе сочинение, в котором православный собор того же года против унии признавался незаконным на том основании, что миряне, которые составляли на нем большинство, не имели будто бы права вмешиваться в церковные дела, напротив, обязаны были во всем повиноваться своей иерархии, а иерархия их приняла унию. Сочинение это вызвало “Апокрисис, альбо Отповедь,” написанную (1592) *Христофором Филалетом* (псевдоним одного протестанта *Христофора Бронского*, взявшегося защищать православных). В противность мыслям Скарги автор развивал здесь мысль о праве участия мирян в церковных делах; в христианстве, по его мнению, не одно колено Левино пользуется священными правами, но все цари и иереи; если нужно слушаться иерархии, то православные все-таки правы, не приставши к унии вместе с своими владыками Гедеоном и Михаилом; правы будут и овцы Кирилла Луцкого, если вслед за ним потурчатся, а потурчатся он очень может; значит, не на титулы духовные нужно смотреть, а на что-то иное. Раздражение иезуитов против Апокрисиса выразилось в бранном сочинении “Антиррисис,” где Христофор Филалет уличается в протестантстве. Со стороны православных около 1605 года во Львове вышло еще очень подробное историческое сочинение о происхождении унии — “Перестрога” (предостережение). Послышался сильный голос против унии с востока, — в многочисленных посланиях на Русь патриарха александрийского *Мелетия Пигаса* и русских иноков с Афона. Русский монах *Иоанн Вишенский* посылал оттуда свои послания к князю Острожскому, к львовскому братству и к униатским епископам и написал “Краткое извещение о латинских прелестях.” В сильных и резких чертах он обличал упадок веры и благочестия в высших классах православного общества, мирскую жизнь владык, жадность их до почестей и имений, притеснения духовенству, наезды на чужие имения, господствовавшую среди них симонию и проч. Горячо восставая против всяких латинских прелестей, строгий афонский монах доходил при этом даже до крайнего ригоризма и целиком отрицал всю латинскую ученость, советуя православным обратиться, вместо нее, лучше к Часослову, Псалтири и другим церковным книгам и больше молиться Богу, который один только и может спасти православных от бед.

Братские школы и вышедшие из них защитники православия.

Братские школы в этой духовной борьбе за православие имели особенно важные заслуги. Несмотря на все притеснения от католиков и униатов, братства продолжали умножаться повсюду; кроме львовского и виленского, устроились братства в Перемышле, Слуцке, Минске, Могилеве, Луцке и других местах. Все они заводили у себя школы, а некоторые и типографии для распространения церковных и других православных книг. В 1615 году жена мозырского поветового маршалка* *Гальшка* (Елизавета) *Гулевичева* пожертвовала в Киеве место и несколько зданий для устройства нового братского монастыря со школою. После этого православные устроили киевское Богоявленское братство с знаменитым потом братским училищем. В 1620 году гетман Сагайдачный выстроил для братского монастыря Богоявлен-

* Точного значения не установлено.— *Прим. ред.*

скую церковь, а патриарх *Феофан* дал ей права патриаршей ставропигии. Первым настоятелем Богоявленского монастыря был *Исаия Копинский*, а первым ректором братской школы *Иов Борецкий*, бывший прежде ректором львовской школы. В образовании всех братских школ преобладал тогда греческий элемент, принесенный сюда с востока главными распространителями просвещения в южной России — греками. Не было в этих школах ни обширных курсов, ни строгого деления на классы, ни даже строгого систематического преподавания, тем не менее образование их стояло довольно высоко и было очень полезно для своего времени. Из них вышли многие видные деятели просвещения, богословы, борцы против унии, проповедники, переводчики, исправители книг. Из острожских школ вышли *Исаия Копинский*, известный в свое время проповедник *Леонтий Карпович*, много пострадавший за православие, с 1615 года архимандрит виленского Духова монастыря, и *Мелетий Смотрицкий*, автор *Фриноса*. Из львовских школ: корецкий протоиерей *Лаврентий Зизаний Тустановский*, автор *Большого Катехизиса*, учитель львовский, затем иеромонах-проповедник *Кирилл Транквиллион Ставровецкий* (+ 1646), написавший “Учительное Евангелие” (1619) и “Зерцало Богословия” (1618) — первый опыт догматической системы, не совсем, впрочем, чистый от латинских мнений, и по переходе в унию (1626 г). “Перло многоценное” — нравоучительный сборник со множеством стихов, иеромонах *Памва Берында* — составитель обширного славянского лексикона, печерский иеромонах и с 1624 года архимандрит *Захария Копыстенский*, автор исторического и полемического исследования против латинян “Палинодии” (1621) и “Книги о вере единой” (1619) главным образом против протестантов. Из братских же школ выходили все лучшие представители православной иерархии.

Кроме братских школ, православная церковь нашла себе сильную духовную опору в своих *монастырях*. Вместе с подъемом просвещения современная борьба с унией сильно повлияла на подъем и нравственного уровня в обществе и иерархии, и на оживление монашеской жизни. Несмотря на отнятие у православных множества обителей в унию, число православных монастырей было все-таки постоянно больше числа униатских, и большая часть их отличалась многолюдством, имея в своих стенах до 80, 100 и 200 иноков, тогда как униатские монастыри стояли почти пустые. Униатская иерархия и базилиане обращали внимание не столько на жизнь этих монастырей, сколько на их *фундуши* **, которыми и пользовались для своих практических надобностей. В течение первых 20 лет унии, самых тяжелых для православной церкви, возникло даже до 10 новых православных монастырей и между ними три монастыря таких, как Почаевский, виленский Святодуховский и киевский братский, которые сделались главными оплотами православия для целых краев России: первый — для Волыни, второй — для Литвы, третий вместе с Киево-Печерскою лаврой — для Малороссии. С 1599 года архимандритом Печерского монастыря поставлен был *Елисей Плетенецкий*, один из замечательнейших деятелей того времени, сделавшийся истинным отцом для этой знаменитой обители, виновником ее полного обновления после несчастного упадка ее за прежнее время; он окончательно упрочил ее самостоятельность против покушения униатов, с которыми все время своего управления вел длинные процессы, значительно обстроил ее внешне, восстановил в ней общежитие и поднял иноческую жизнь, собрал ученых людей, нужных для поддержки современного просветительного движения и религиозной борьбы, завел типографию, с помощью которой развил в монастыре широкую издательскую деятельность на пользу всей России, учредил институт проповедничества и устраивал школы. Благочестивый, просвещенный и неутомимый администратор, архимандрит скончался в 1624 году, назначив себе преемником известного *Захария Копыстенского*. В Вильне благоустроителем монашества явился первый архимандрит Духова монастыря *Леонтий Карпович*, в не-

** Записи в пользу церкви или монастыря недвижимого имущества.— *Прим. ред.*

продолжительное время своего управления этим братским монастырем (+ 1620) успевший оказать большие услуги и обители, и братству. Издательская деятельность монастыря производилась с помощью двух его типографий, в Вильне и местечке Евю; значение Духовской обители возвысилось до того, что под ее патронат спешили стать многие другие монастыри разных литовских городов и местечек, а в борьбе с унией она с своим братством сделалась настоящим центром для всей Литвы. В Галиции и на Волыни виновником оживления иноческой жизни был *Иов Княгининский*, воспитанник острожских школ, долго подвизавшийся на Афоне; он один основал и устроил по общежительному уставу до 5 монастырей во Львовской епархии (+ 1621). Святостью жизни и страданиями от униатов на Волыни особенно известен преподобный *Иов Железо*, игумен сначала Дубенского, потом Почаевского монастыря (+ 651). Благодаря такому духовному подъему в среде монашества произошел заметный нравственный подъем и в среде самой иерархии, которая находилась прежде в таком печальном положении: в рядах ее появляются лица с высшим подвижническим настроением, как *Исаия Копинский* — строгий аскет, устроитель нескольких монастырей, копавший сам пещеры в бытность смоленским епископом, *Исаакий Борискович*, долго живший на Афоне, с 1620 года епископ Луцкий, и другие.

Восстановление православной иерархии патриархом Феофаном.

Среди гонений для Церкви всего опаснее было оскудение ее иерархии. Один за другим умерли единственные православные епископы — Геден Болобан (+ 1607) и Михаил Копыстенский (+ 1612), в последнее время едва успевавшие посвящать священников на праздные места. После их смерти со всей западной России за посвящением приходилось обращаться к одному львовскому епископу, преемнику Гедена, *Иеремии Тиссаровскому*, успевшему добиться кафедры притворной присягой унией. Недостаток в духовенстве заставлял православных поневоле обращаться с требами к попам униатским. Такое критическое положение православия продолжалось до 1620 года, когда в Малороссию приехал иерусалимский патриарх *Феофан*, снабженный на устройство здесь церковных дел полномочиями от константинопольского патриарха. По просьбе православных, он принял за восстановление православной иерархии — в митрополиты поставил игумена Киево-Михайловского монастыря *Иова Борецкого*, затем рукоположил еще 6 епископов: в Полоцк, Владимир, Луцк, Перемышль, Холм и Пинск. Но польское правительство не признало этой восстановленной иерархии законной, так как-де она заняла кафедры еще живых епископов (т.е. униатских). Патр. Феофан был объявлен самозванцем, а поставленных им епископов велено схватить и отдать под суд. Кроме митрополита, водворившегося с своим капитулом в Киеве, они не могли даже поселиться в своих епархиях, а должны были встать под защиту казачества и проживать или в Киеве, или по разным монастырям.

Митрополит Иов Борецкий.

Все время митрополитствования Иова прошло поэтому в постоянной борьбе с врагами православия. Для внутреннего устройства церкви он рассылал окружные послания с увещаниями православным крепко стоять в своей вере и собирал соборы. В 1621 году в Киеве был созван замечательный собор, составивший “Советование о благочестии” (т.е. православии), выразительный акт о мерах к подъему нравственных и просветительных сил Церкви; такими мерами признаны: благочестивая жизнь духовенства, проповедь против унией и католичества, печатание книг в защиту православия, учреждение школ и братств, созывание соборов, живые сношения с востоком, вызов с Афона русских иноков (Иоанна Вишенского), посылка туда русских, как в духовную школу, выбор достойных кандидатов на церковные места. Поле-

мика с унией должна была теперь исключительно заняться оправданием обновленной иерархии. Мелетий Смотрицкий, посвященный в епископа Полоцкого, для этого написал “Оправдание невинности.” Под конец этой полемики явилось сочинение, рассмотревшее вполне все вопросы касательно унии — “Палинодия” Копыстенского, направленная против “Обороны унии” (1617) униатского архимандрита *Льва Кривзы*. Законность действий патриарха Феофана была доказана. К тому же казаки решительно заявили, что не пойдут воевать с турками, если правительство не признает законности новой православной иерархии. Сейм 1623 года обещал, наконец, удовлетворить справедливые требования православных и определил уничтожить все декреты, банниции, секвестры и тяжбы, бывшие доселе следствием религиозной вражды. Но неожиданное событие уничтожило все плоды такого миролюбивого настроения сейма и повело за собой новые гонения на православных: это было убийство полоцкого униатского епископа *Иосафата Кунцевича*, самого фанатичного поборника унии. Назначение в Полоцк православного архиерея Мелетия было для Кунцевича сильным ударом: к Мелетию перешло из его епархии множество приходов. После этого он прибегнул против православных к самым крайним мерам насилия, так что даже сам митрополит Иосиф Рутский и канцлер Лев Сапега нашли нужным умерить его ревность. Сапега написал к нему длинное послание, в котором доказывал, что его фанатизм делает унию опасной для самого государства, источником опасных волнений. Но Кунцевич не в состоянии был внимать подобным советам; в своем фанатизме он не заботился даже о всей собственной безопасности и упрямо сам лез на подвиг мученичества. В Витебске, не позволяя православным совершать богослужение даже в шалашах за городом, он до того раздражил народ, что чернь (осенью 1623 года) бросилась на него, избива до смерти палками и кинула его обезображенный труп в Двину. Легко понять, как это убийство повредило православной церкви. Католики и униаты причислили убитого к лику мучеников, составили легенды о его святой жизни и чудесах от его мощей. Папа Урбан VIII писал послания к королю, епископам и панам, взывая о мщении и проклиная тех, кто теперь удерживает меч от крови. До 10 витебских граждан предано смертной казни; город лишен Магдебургского права; по всей Белоруссии запрещено было строить и даже чинить православные храмы. Мелетий Смотрицкий, который более всех подвергся опасности из-за убийства Кунцевича, удалился из своей епархии в Киев, а оттуда на восток. Гонение на православных распространилось повсюду, не исключая и Малороссии, защитник которой Сагайдачный уже умер (+1622). Киев едва спасся от запечатания в нем всех церквей, и то благодаря лишь решительному протесту казацкого войска. Православная иерархия так и не была признана правительством. Митрополит Иов в 1625 году задумал даже проситься вместе со своей Малороссией в московское подданство. Царь Михаил отказал ему тогда в такой просьбе, но мысль о московском подданстве после этого уже никогда не умирала в Малороссии.

Между тем среди всех этих тревог православная церковь понесла несколько чувствительных потерь от измены православию некоторых видных своих членов. Около 1626 года в унию перешли ректор киевской братской школы *Кассиан Сакович*, известный Кирилл Транквиллион и наконец, даже Мелетий Смотрицкий. Многие давно уже замечали шаткость богословских убеждений Мелетия и склонность к латинским мнениям, проявлявшуюся в его сочинениях (в “Оправдании невинности” и в трактате об исхождении Святого Духа) еще тогда, когда он считался самым ревностным борцом за православие. На епископстве его встретили все опасности тогдашнего раздражения против новых архиереев со стороны католиков и униатов и, кроме того, неприятные столкновения с сильным виленским братством. На востоке он успел было выхлопотать против автономии братств и ставропигий патриаршую грамоту, но по возвращении в Россию (1625-1626) встречен был за это такою ненавистью еще в Киеве, что не решился и ехать к себе в Вильну, а поселился в богатом Дерманском монасты-

ре, для получения которого от его патрона, князя Заславского, и принял унию. Он, впрочем, более года таил свое униатство и сносился с митрополитом Иовом, как православный епископ. Когда отступничество его наконец открылось, он стал оправдывать себя тем, будто бы православная церковь сама сдружилась с протестантами, что ересями последних наполнены все сочинения ее защитников, — Зизания, Филарета, Ортолога, Василия, что сам патриарх Кирилл Лукарис — кальвинист и что спасение только и можно найти в союзе с неповрежденной церковью Римской. Мысли эти он изложил в “Апологии” своего путешествия на восток. Киевский собор 1628 года осудил эту “Апологию” и заставил Мелетия отречься от нее. Слуцкий протоиерей *Андрей Мужиловский* написал против нее “Антидот” (противоядие). Но, выехав из Киева, Мелетий немедленно отказался от своего покаяния на соборе 1628 г., как вынужденного, и отвечал Мужиловскому “Эксетесис, или Расправою между Апологией и Антидотом,” кроме того написал “Паренесис или напоминание к народу русскому” о принятии унии. Он оставался потом неизменно верным унии до самой своей смерти (+ 1633).

Митрополит Исаия Копинский. По смерти митрополита Иова, в 1631 г. на место его был избран смоленский епископ Исаия Копинский. Он был из воспитанников острожских школ, долго подвизался в Печерском монастыре, в 1620 году был поставлен епископом Перемышльской епархии, затем переведен в Смоленскую. Это был великий ревнитель православия, но человек уже престарелый и мало способный к делам, особенно в такое бурное и хлопотливое время, какое настало для Церкви на другой год после его поставления на митрополию. В 1632 году последовала смерть главного покровителя унии, короля Сигизмунда, произведшая самое оживленное движение в среде православных. Духовенство, дворяне, братства, казаки — все готовили на предстоявшие сеймы свои представления о возвращении православию отнятых прав и положили не прежде приступить к избранию короля, как после решения этого главного религиозного вопроса. Виленское братство приготовило целую книгу “Синописис” или краткое обозрение прежних прав православной церкви. Избирательный сейм удовлетворил желаниям православных. После сильных споров со стороны униатов и католического духовенства на нем выработаны были чрезвычайно важные статьи, в силу которых православная иерархия после 36 лет существования унии в первый раз получила наконец законное признание со стороны правительства; — определено было: избрать для православных митрополита и четвертых епископов на кафедры львовскую, луцкую, перемышльскую и (новооткрытую вместо полоцкой) мстиславскую, предоставить православным полную свободу веры, утвердить права их братств, школ и типографий и возвратить им несколько церквей и монастырей. Православные были, конечно, рады, добившись утверждения таких важных для себя прав, и стали питать большие надежды на нового короля Владислава; но надежды эти не сбылись и при новом короле, хотя он и показал себя справедливее своего предшественника. Лучшие церкви, монастыри и их вотчины были своевольно удержаны за унией. Правительство оказалось совершенно бессильным не только для приведения в исполнение означенных распоряжений, но к ограждению православных даже от таких явно незаконных обид, каковы были разбойнические наезды на православные монастыри, возмутительные буйства иезуитских школяров и черни над православными церквами и прочее. Вследствие такого бессилия правительства расправа за обиды, естественно, должна была, как это не раз бывало и прежде, перейти в руки раздраженной и слепой народной силы, и правление Владислава — одного из лучших королей Польши — сделалось одним из самых бурных. В ответ на несправедливости и жестокости католиков и униатов с православной стороны вспыхнули казацкие бунты, а в ответ на бунты со стороны поляков последовали жестокие казни и новые притеснения православию. По городам и селам, где было сильно католическое население, даже в самой Малороссии, церкви, как и прежде, были обращаемы в костелы или пустыли в жидовской аренде. Нескольким пьяным шляхтичам ничего не стоило напасть на православную церковь, варвар-

ски избить ее духовенство, взять церковные сосуды или оклады с икон и пропить в шинке у жида. Жидовки щеголяли в нагрудниках из церковных облачений. Православные монахи и казаки стали массами переселяться в Великороссию, куда обращены были теперь взоры всех патриотов. Подготовлялось славное дело Богдана Хмельницкого.

Петр Могила.

Митрополит Исаия был устранен от митрополии в самом начале правления Владислава. Пользуясь новым постановлением о восстановлении прав православной церкви, православные еще во время самого сейма приступили к избранию для себя нового митрополита и епископов. Все пять православных святительских кафедр, утвержденных сеймом, были уже заняты, но занимавшие их иерархи до сих пор все еще не признавались правительством законными, кроме Иеремии Львовского, притом были все уже люди престарелые; поэтому положено было заменить их новыми, не исключая и митрополита. На митрополичью кафедру был избран самый деятельный из духовных депутатов сейма, который и вел все дело о правах православной церкви. Это был знаменитый *Петр Могила*. Он был сын валашского и молдавского воеводы Симеона Могилы, в молодости получил высокое богословское образование от учителей львовского братства и в заграничных школах, потом, после потери его фамилией господарства, жил в Польше, участвовал в битве поляков с турками под Хотином, наконец, в 1627 году постригся в монахи и сделался печерским архимандритом всего 30-ти лет от роду. Будучи назначен от митрополита Исаии депутатом на избирательный сейм, он выдался здесь вперед между всеми другими депутатами, и употребил все свое аристократическое влияние и таланты на защиту православия. Бывший воеводич, с большими связями среди польской и русской знати, лично известный самому королю, он был принят в Варшаве с уважением и, когда на сейме зашла речь об избрании митрополита, православные депутаты тут же избрали на этот важный пост его самого. Король и патриарх Кирилл Лукарис утвердили это избрание, и в 1633 году Могила был посвящен во Львове. В Киеве его встретили с большим торжеством и радостью. Митрополит Исаия не хотел было уступать ему своего места, выставя на вид незаконность его поставления при живом предместнике, но после долгих пререканий должен был поневоле оставить митрополию; остаток своей жизни он провел в неизвестных монастырских подвигах (+ 1640). Во время своего святительства Петр Могила оказал православной церкви большие услуги; он неоднократно заступался за православных людей и права церковных учреждений пред правительством, несколько раз заставлял последнее подтверждать постановления сейма 1632 года о правах православия, заботился о восстановлении памятников православной древности — богато украсил Печерскую лавру, восстановил из полного почти разорения отнятый им у униатов Софийский собор, древний Выдубецкий монастырь, церковь Спаса на Берестове, церковь трех святителей и один придел Десятинного храма, находившегося под землею в развалинах, при этом обрел мощи святого князя Владимира, кроме того, писал и издавал сочинения в защиту православия, исправлял церковные книги и заботился об усилении в православной церкви просвещения.

Преобразование Петром Могилой киевской школы.

Получив широкое западное образование, Могила был недоволен прежним образованием православных братских школ с его греческим характером и одним средним курсом обучения. Еще будучи печерским архимандритом, он захотел открыть у себя в монастыре новую школу, латинскую и с высшим курсом, по образцу иезуитских коллегий, и для этого собрал около себя несколько ученых наставников, отчасти из молодых людей, получивших на его счет образование на западе, каким был *Иннокентий Гизель*, родом из польской Пруссии, в Киеве

принявший православие и монашество, отчасти — из ученых разных братств, какими были *Сильвестр Коссов*, *Исаия Трофимович Козловский* и другие; но православные киевляне и сам митрополит Исаия с епископами и духовенством стали уговаривать его не делать этим подрыва прежней братской школе, после чего в 1632 году он соединил новооткрытую печерскую школу с братской и принялся преобразовывать последнюю по своей мысли в высшее заведение с принятым на западе латинским курсом. Он обстроил ее новыми зданиями, обогатил лаврскими вотчинами, собирал на нее пожертвования, а сделавшись митрополитом, переименовал ее в коллегию. По примеру иезуитских коллегий, она стала разделяться на школы или классы: фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, пиитику, риторику, философию и богословие. Начальственными лицами в ней были ректор (первый — Исаия Трофимович), префект (первый — Сильвестр Коссов) и суперинтендант, имевший помощниками сениоров, цензоров и визитаторов из учеников. В высших классах введены были богословские диспуты на латинском языке. Науки преподавались по схоластическому методу; в философии господствовал Аристотель, в богословии — Фома Аквинат. Из языков славянский стоял на втором плане, греческий преподавался слабо, зато латинский получил полное господство, употреблялся и на лекциях, и в оккупациях учеников, и на диспутах, и в обыкновенном разговоре; кто проговаривался по-русски, того записывали в *calculus* (лист в деревянном футляре); беда, если *calculus* оставался у виноватого на ночь, — в нем писалось тогда: *pernoctavit apud dominum NN*, и бедный *dominus* на другой день подвергался наказанию. На первых порах в Киеве очень неприятливо встретили новую науку. В 1631 году, когда Могилинская школа только лишь открылась в Печерском монастыре, между священниками и киевскими обывателями пошли ходить тревожные слухи, что она уклонилась в латинство; народ взволновался, грозил разорить ее, а латинщиками начинить днепровских осетров. В школе так были напуганы этим волнением, что все стали исповедоваться, готовясь к смерти. Около 1634 года киевская коллегия подверглась опасности с другой стороны, со стороны латино-униатской, встревоженной ее успехами. Латино-униатская партия с митрополитом Рутским во главе пустила против нее клевету, обвинив ее учителей в протестантских ересьях и в социнианстве. Поверив этой клевете, сам король в 1634 году писал митрополиту Петру Могиле, чтобы он упразднил как киевскую, так и другую, винницкую школы с состоящими при них типографиями. По этому поводу Сильвестр Коссов в 1635 году издал “Ектезис,” или отчет о киевских и винницких школах, в котором вполне опроверг клевету латино-униатской партии и доказал строгое православное направление новых школ. Коллегия отстояла свою самостоятельность и науку, и после этого быстро стала развиваться и наполняться учениками. В течение каких-нибудь 10-15 лет она успела сделаться сильным образовательным центром не только для Малороссии, но и для всей России.

Ученые труды Петра Могилы и его коллегии.

Своими учеными трудами на пользу церкви коллегия скоро затмила все прежние братские школы. Сам Петр Могила написал (1644 г.) книгу “Λίθος, или Камень на сокрушение лжи бывшего ректора Кассиана Саковича, который в своем сочинении “*Επανόρθωσις*, або перспектива заблуждений... дезунитской церкви” обвинял православных в протестанстве, порче обрядов и невежестве духовенства; Лифос поэтому представляет полную апологетику православной западно-русской церкви против нападений латинян и униатов и отчасти ее литургику с объяснением обрядов, постов, праздников и проч.

Незадолго до этого в Европе распространилось на латинском языке Восточное Исповедание православной веры, ложно приписанное патриарху Кириллу Лукарису; оно было проникнуто кальвинистскими идеями и сделалось причиной многих нареканий на православие.

По поручению митрополита, киево-николаевский игумен *Исаия Трофимович* для устранения этих нареканий написал новое “Православное Исповедание веры.” Собор 1640 года, созданный Могилей в Киеве, рассмотрел это сочинение, важное тогда для всей восточной церкви, и отправил на восток для нового рассмотрения. Рассмотрение это состоялось на соборе представителей Греческой и Русской церкви, собравшемся в 1641-1642 гг. в Яссах. В 1643 году последовало утверждение “Исповедания” восточными патриархами, но печатание книги и даже возвращение ее в Киев по разным обстоятельствам замедлилось, а между тем появились новые нарекания на православных, будто они три года рассматривают свое исповедание и ничего с ним поделывать не могут. Вследствие этого Петр Могила в 1645 году поспешил издать Православное Исповедание на польском и русском языках в сокращенном виде, под названием “Собрание короткой науки о артикулах веры (Малый Катехизис).” Полное Православное Исповедание было издано чрез 20 лет, и то только на греческом языке (в Амстердаме в 1662 г.), а на славянском появилось уже в 1696 году. Кроме защиты веры, митрополит занимался исправлением церковных книг, в чем ему помогали ученые члены братства. Одним из важнейших его изданий по этой части было издание (1646 г.) Евхологиона, или Большого Требника; в нем собраны были все чины православной церкви по греческим и славянским требникам, дополнены новыми чинами на те случаи, на которые в Русской церкви их не было, заимствованными из католических требников или составленными вновь самим Могилей, кроме того, снабжены подробными объяснениями литургического, догматического и канонического содержания. Митрополит приготавливал еще исправленное издание полной Библии и перевода житий Симеона Метафраста, но из-за смерти не исполнил этого замысла. Он скончался под новым 1647 год. Из сотрудников его особенную известность, после Исаии Трофимовича, получил Сильвестр Коссов, бывший преемником Могилы по митрополии. Кроме Ектезиса, или Апологии школам, он написал книгу “О семи тайнах” (1637 г.) и издал в сокращенном виде Печерский Патерик (1635 г.) с примечаниями (на польском языке).

После смерти Петра Могилы для коллегии настали несчастные времена. Пожертвования на нее дворянства и казаков прекратились по случаю восстания Хмельницкого. Лаврские вотчины, выпрошенные для нее Могилей, были отобраны опять в лавру. Ученики высших классов, увлеченные патриотическим движением, уходили под знамена Богдана, так что в этих классах учение на время совсем прекратилось. При всем том дело Могилы оказалось прочным и не погибло от невзгод. Киевская коллегия, получившая от его имени название Могилянской, неуклонно продолжала развиваться в указанном им направлении. Вскоре она снова стала привлекать к себе учеников целыми сотнями, несмотря на то, что постоянно терпела разные несчастия и крайнюю нищету до самого 1685 года, когда Киевская митрополия присоединилась к Московскому патриаршеству.

Самыми видными представителями киевской богословской учености после Могилы были, следовавшие один за другим, два ректора коллегии: *Лазарь Баранович* (1650-1655 гг.) и *Иоанникий Голятовский* (до 1663 г.). В 1663 г. собором Малороссийской церкви они были выбраны на публичное состязание с латинами, по поводу разных нареканий на Русскую церковь от иезуитов, и блистательно оправдали свое избрание, как люди, владевшие оружием схоластики несколько не хуже иезуитов. Памятником полемики Барановича служит книга “Новая мера старой веры” — о главенстве папы и исхождении Святого Духа. Но особенно знаменит был Баранович, как проповедник. Он оставил после себя два собрания словес: “Меч Духовный” и “Трубы Словес.” Кроме русских сочинений, он писал еще на польском языке стихи, до которых киевские ученые были большие охотники, и жития святых. Голятовский считался еще лучшим проповедником, чем Баранович. Собрание его проповедей названо “Ключ Разумения” — к нему автор присовокупил замечательную для характеристики киевского проповедничества “Науку о сложении сказаний.” Как материал для проповедничества,

Голятовский, по примеру иезуитов, издал два сказания о чудесах Богородицы: “Небо новое с новыми звездами” и “Скарбницу потребную всему свету.” Полемиические его сочинения считались у иезуитов самыми опасными. Памятником его состязания в 1663 году с иезуитами осталась “Беседа Белоцерковская” о священноначалии. Кроме того, он написал еще трактат об исхождении Святого Духа, “Ответ на Фундаменты веры,” как называлось одно католическое сочинение (иезуита Скарги), и “Души умерших людей” — о чистилище. По поводу появления в его время на востоке одного лжемессии, увлекавшего евреев обещанием нового царства в Палестине, написано им сочинение “Мессия Праведный.” Против мусульманства направлены его сочинения: “Лебедь с перием” и “Алкоран Махметов, от когелефа Христова разрушенный”; в обличение язычества — трактат “Боги поганские” (+1688 архимандритом Елецкого монастыря). Самыми солидными полемиическими трудами были труды *Адама Зерникава*, человека, впрочем, не киевского образования. Он родился в Кенигсберге от родителей-лютеран, учился в лучших университетах запада, был в Оксфорде, Кембридже, Париже и Риме, наконец в России из лютеранства присоединился к православной церкви. По поводу своего присоединения он подал Лазарю Барановичу полное опровержение лютеранской веры в виде обширного ученого трактата. Другое сочинение его написано в 1682 году против католичества “Об исхождении Святого Духа”; такого полного и образцового полемиического труда об исхождении Святого Духа, как этот, православная церковь еще никогда не имела. Зерникав умер в Батурином монастыре в 1690-х годах. Киевские ученые составили несколько опытов и в историческом роде: таковы собрания житий, хроники, летописи, сказания. Особенно замечателен труд предшественника Лазаря Барановича по ректорству в коллегии (1648-1650 гг.) *Иннокентия Гизеля*, названный “Синописом”; это был у нас первый учебник русской истории; несмотря на все свои ошибки, обилие фальшивого риторства и страсть к словопроизводствам, он оставался у нас единственным руководством для школ до времени Ломоносова.

Во всей массе литературных трудов, которые произвела киевская ученость, господствовало схоластическое направление, имевшее множество недостатков. Богословская и философская мысль киевских ученых путалась в массе разных схоластических аргументов, дивизий и субдивизий и всяких силлогистических тонкостей, развивалась исключительно с формальной стороны, оставаясь в сущности весьма простодушной и наивной. Она не способна была не только обогатить философской и богословской науки каким-нибудь новым научно-литературным содержанием, но даже освободить ее от разных средневековых фантастических бредней и суеверий. Киевская риторика, тоже занявшись одними формами риторства, вселяла в своих питомцев любовь к детской игре словами, вычурным тропам и фигурам, натянутым толкованиям, символам и аллегориям, что видно из самых уже заглавий киевских произведений. Церковная проповедь, под влиянием такого рода риторства, сделалась по временам занимательным, но вообще пустым разглагольствованием без плодотворного приложения к жизни. Но, при всех подобных недостатках, схоластическое образование в своем роде было все-таки образованием научным, по крайней мере служило преддверием к действительной науке; оно приучало к умственной работе, известной отчетливости в словах и мыслях, сознательности в верованиях и, во всяком случае, стояло несравненно выше образования московских начетчиков. Важно было в нем и то, что оно не чуждалось плодов западной науки, а смело шло ей навстречу, пользуясь всем, что у нее было доброго.

Период IV. Московское патриаршество (1589-1700 гг.).

1. Церковное управление.

История учреждения патриаршества в Москве.

В 1589 году Русская церковь достигла полной самостоятельности, будучи организована в виде особого патриархата. На практике она жила самостоятельной жизнью еще со времени митрополита Ионы. Союз ее с восточной церковью выражался в одних вспомоществованиях страждущему востоку, за которыми едва не каждый год приезжало в Россию по несколько духовных лиц от восточных иерархов, а также из афонских, палестинских, египетских, сербских и других монастырей. Но оставалась еще номинальная зависимость русского митрополита от патриарха. Теперь и она оказалась уже неуместной, так как Россия стала могущественной державой, а патриарх был подданным турецкого султана. К этому присоединилось еще подозрение касательно целостности православия в Греции, доходившее до того, что около 1480 года в архиерейскую присягу внесено было обещание, против которого в свое время восставал Максим Грек — не принимать от греков никого ни на митрополию, ни на епископии. В 1586 году прибыл в Москву за милостыней антиохийский патриарх *Иоаким*; это был первый случай приезда в Москву одного из патриархов. Воспользовавшись его приездом, царь Феодор на совете бояр и духовенства предложил решительную мысль, нельзя ли при посредстве приезжего святителя устроить на Москве собственный престол патриаршеский. Мысль эта была всеми одобрена и об исполнении ее было положено снестись с патриархом. Иоаким тоже одобрил ее, но заметил, что для исполнения ее нужно согласие всех восточных патриархов, и при отъезде из Москвы обещал постараться об этом деле, предложив о желании царя собору восточной церкви.

Летом 1588 года прибыл в Москву сам константинопольский патриарх *Иеремия*, и русское правительство поспешило воспользоваться его приездом для более решительной постановки вопроса о русском патриаршестве. Быть патриархом в Москве сначала предложили было самому Иеремии. Но при этом взяли в расчет и крайнее неудобство иметь патриархом грека, к которому относились недоверчиво, который к тому же не знал ни русского языка, ни русских обычаев; с другой стороны — ни царю, ни Годунову, который правил всеми делами, не хотелось отстранять от себя наличного первосвященителя Русской церкви, митрополита Иова, к которому они оба чувствовали полное доверие. Поэтому патриарху предложили жить не в Москве, где по-прежнему оставляли Иова, а во Владимире, о котором кстати вспомнили теперь, как о городе, возникшем раньше Москвы. Иеремия не согласился на это, говоря: что это за патриаршество, что жить не при государе? Тогда уже прямо предложили ему поставить патриархом Иова. Торжество поставления совершилось 26 января 1589 года. При отъезде из Москвы Иеремия оставил здесь уложенную грамоту об учреждении им патриаршества и обещал по возвращении на восток провести это дело через собор восточных иерархов. Собор состоялся в Константинополе в 1590 году, но так как на нем не было патриарха александрийского *Мелетия Пигаса*, а между тем в Москве сделалось известно, что этот влиятельный патриарх не одобряет действий патриарха Иеремии в Москве, как совершенных без полномочия других патриархов, то собор о патриаршестве московском, по желанию московского правительства, был созван в Константинополе снова в 1593 году с участием и Мелетия. Рус-

ское патриаршество было утверждено с назначением для нового патриарха пятого места, после иерусалимского; право поставления московских патриархов предоставлено вполне собору местных епископов.

Права и управление патриарха.

Учреждение патриаршества не произвело никаких существенных перемен в правах русского первосвященителя. Общий иерархический строй Русской церкви остался таким же, каким был при митрополитах. Вся разница сравнительно с прежним временем сводилась в этом отношении лишь к тому, что он сравнился с другими православными патриархами по своей самостоятельности, и к преимуществам его иерархической чести. Прежние богослужебные преимущества первосвященителя — белый клобук и саккос (с 1675 г.) — перешли ко всем митрополитам нового патриархата; патриарх стал отличаться от них крестом на митре и на клобуке, бархатной цветной мантией с образами на скрижалях, саккосом с нашивной епитрахилю, преднесением пред ним креста и в церковных ходах свечи; во время служения он облачался среди церкви, тогда как прочие сослужившие с ним архиереи — в алтаре; один только он садился на горнее место, наконец, один только причащался сам, прочие же архиереи принимали причащение из его рук. В своей административной обстановке патриарх окружил себя большей сравнительно с прежним временем пышностью и величием, по крайней мере, после успокоения России от смут, при царе Михаиле Федоровиче. Прежде все дела по церковному управлению митрополиты поручали вести разным доверенным лицам; теперь место этих лиц заступают целые учреждения — приказы наподобие царских, состоявшие каждый из боярина, дьяков и подьячих и решавшие дела с доклада патриарху. Таких приказов в течение почти всего XVII века было три: 1) судный или разряд, заведовавший судебной частью — после 1667 г. в нем образовалось отделение специально для духовного суда под именем духовного приказа, состоявшее под начальством доверенного духовного лица или судьи; 2) казенный, ведавший всякие церковные сборы патриарха; 3) дворцовый, заведовавший вотчинами и домовым хозяйством патриаршего дома. К концу XVII века появился еще четвертый приказ — церковных дел — по делам церковного благочиния. По примеру патриарха стали заводить у себя приказы и другие архиереи; но в епархиях заводились обыкновенно только по два приказа — духовный для епархиального управления и суда и казенный, сосредоточившийся около личности архиерейского казначея.

Умножение епархий и возвышение епископских кафедр.

Возвышение митрополита на степень патриарха потребовало умножения епархий и возведения некоторых из них на высшие степени. Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая епархии были возведены на степень митрополий; Суздальская, Рязанская, Тверская, Вологодская и Смоленская объявлены архиепископиями; кроме того, положено открыть еще шестую архиепископию в Нижнем Новгороде, но в 1589 году она не была еще открыта. Число епископий положено довести до восьми, но налицо явилось только 3 — старая Коломенская и новые — Псковская и Карельская, да и из них последняя, вследствие завоевания Карелии шведами, в 1611 г. была закрыта. Тогда же отошла к Польше одна архиепископия — Смоленская. И в последующее время за всю первую половину XVII века открыты были всего только две епархии — Астраханская в 1602 г. и Сибирская (Тобольская) в 1620 году. При Алексее Михайловиче опять возвращена была от Польши Смоленская епархия и в 1657 году открыта новая Вятская, но зато закрыта Коломенская. На соборе 1667 года предложено было к 13 наличным епархиям открыть вновь до 10 епархий, увеличив при этом число митрополий до 8; но на деле ограничились только восстановлением епархии Коломенской, возведением в

сан митрополита архиепископов астраханского, рязанского и сибирского, открытием новой митрополии в Белгороде и переименованием в архиепископы епископа псковского; немного спустя, в 1672 году, открыта была еще новая митрополия в Нижнем. Против увеличения числа епархий были и патриарх, и другие архиереи, потому что оно необходимо повело бы за собой невыгодное для них дробление их обширных епархий. Царь Феодор Алексеевич, ввиду сильного распространения раскола и разных церковных беспорядков, снова поднял тот же вопрос об умножении архиерейских кафедр на соборе 1682 г. и представил собору обширный проект, по которому все епархии распределялись по митрополичьим округам, число митрополий доводилось до 12, а епископий — до 72, с подчинением епископов окружным митрополитам. Собор иерархов постарался уменьшить проектированную цифру епархий с 72 до 34, потом в следующем году понизил ее еще сначала до 22, потом до 14, ссылаясь на недостаток местных средств для содержания большего числа кафедр, на подчинение же епископов митрополитам не согласился вовсе, дабы не явилось, рассуждал он, в архиерейском чине распрей и превозношения. Но после собора не были открыты и те 14 епархий, на которых он остановился, — открыты только четыре: Устюжская, Холмогорская, Воронежская и Тамбовская. К концу патриаршего периода всех епархий в Московском патриархате было: 1 патриаршая, 13 митрополий, 7 архиепископий и 2 епископии.

Служение отечеству в смутное время патриарха Иова.

Первый патриарх Иов был человек уже заслуженный в иерархии. Он был родом из посадских людей г. Старицы, здесь принял и монашество, был последовательно настоятелем монастырей Старицкого, Симонова и Новоспаского, с 1581 года святительствовал сначала в Коломне, потом в Ростове, наконец в 1587 году возведен на митрополию. Он обладал видной наружностью, огромной памятью, начитанностью и редким искусством благолепного служения. В первые годы своего патриаршества он энергично занялся устройством Русской церкви в ее новом положении, заботился об успехах христианской миссии, об исправлении богослужебных книг, о благочинии среди духовенства, особенно безместного и крестцового. Но церковная деятельность его скоро была прервана наступлением страшных государственных смут, среди которых ему привелось выступить передовым бойцом за государственный порядок, тесно, впрочем, связанный и с благом самой церкви. В конце XVI века угас возвеличенный ею и бывший ее крепкою опорой род Рюриковичей, выставив из среды своей святого мученика, *Димитрия Иоанновича* Углицкого, убитого сторонниками Бориса Годунова (1591 г.). После смерти последнего Рюриковича, царя Феодора (1598 г.), на московский престол сел боярин Годунов, но не успел сделаться родоначальником новой династии. Загадочный самозванец, тень убиенного Димитрия, прекратил эту династию в самом ее начале, и наступило смутное время, время тяжких испытаний и для Русской земли и для Русской церкви, но вместе с тем и время обнаружения их неодолимой внутренней мощи.

Явление самозванца было страшным событием сколько для государства, столько же и для православной церкви, потому что он явился орудием иезуитов и католической пропаганды, угрожая православию Московской Руси той же участью, какой оно подверглось в западной России. Желая найти себе поддержку в могущественном ордене иезуитов, он позволил обратиться в католичество и завязал деятельные сношения с папским нунцием в Польше. В начале 1604 года в Кракове нунций взял с него клятву послушания римскому престолу и присоединил его к Римской церкви. В своем послании к папе Лжедимитрий обещался обратиться в католичество всю Россию и был немедленно обнадежен из Рима в содействии апостольской власти. В то же время он письменно обязался отдать своей будущей супруге *Ма-*

рине *Мнишек* Новгород и Псков с правом строить там костелы, а будущему тестю пану *Мнишку* — княжества Северское и Смоленское.

Патриарх Иов со всею твердостью восстал против самозванца. Он посылал грамоты князю Острожскому, польскому дворянству и духовенству с увещанием не верить Лжедмитрию, старался рассеять тревожные об нем слухи в самой России, предал его анафеме, велел во всех церквах читать грамоту, в которой доказывалось, что Лжедмитрий был не кто иной, как беглый монах Чудова монастыря *Григорий Отрепьев*, и предавались проклятию все, которые будут стоять за него. После смерти Бориса патриарх так же ревностно стал действовать в пользу сына Бориса *Феодора*. В 1605 году, завладев Москвой, приверженцы самозванца прежде всего приступили к свержению патриарха: ворвавшись в Успенский собор во время литургии, они сорвали с Иова святительскую одежду, облекли его в рясу простого монаха и увезли в Старицкий монастырь, где он и оставался до кончины (+ 1607). Царь Феодор был убит и на русский престол вступил самозванец.

На место Иова новый царь сам, без собора святителей, возвел рязанского архиепископа *Игнатия*, родом грека, бывшего прежде епископом кипрским и, по своему образованию в Риме, склонного к унии. Чтобы привлечь к себе духовенство, самозванец пожаловал русских архиереев званием сенаторов. Между прочим, он сделался орудием возвышения будущего патриарха России *Филарета*, в мире боярина Феодора Никитича Романова, постриженного насильно при Годунове вместе с другими Романовыми и жившего в заточении в Сийском монастыре. Мнимый сын Грозного вызвал его из заточения, как своего родственника, и сделал ростовским митрополитом. Между тем из Польши явились иезуиты и в одном отведенном для них доме стали свободно совершать свое католическое богослужение в самом Кремле. Новый царь, окружив себя поляками и немцами, с самого начала своего пребывания в Москве стал оскорблять православные и патриотические чувства русских; он позволял иноверцам свободно входить в православные храмы, смеялся над невежеством москвичей, плохо молился Богу, не соблюдал постов. В народе пошли толки, что он еретик; являлись люди, которые в глаза обвиняли его в ереси; их готовность пострадать за правду и веру хорошо показывала, как встревожена была народная масса. Не мудрено, что при таких обстоятельствах самозванец не очень-то спешил приводить в исполнение свои обязательства перед Римом. От папы одно за другим присылались к нему послания с укорами за нерешительность и с настойчивыми увещаниями поскорее просветить русский народ, сидящий во тьме и сени смертной, а Лжедмитрию приходилось между тем просить папу, чтобы тот позволил и самой Марине — будущей царице — таить пока свое католичество под маской соблюдения греческих обрядов, ходить в церковь, соблюдать посты и причащаться, а костел и католического духовника держать при себе тайно. В Риме сердились на это, в Москве же оказалось трудным оставить Марину и тайной католичкой. Казанский митрополит *Гермоген* и коломенский епископ *Иосиф* решительно требовали, чтобы Марина пред браком своим была перекрещена в православие, иначе брак с нею царя будет незаконным. От этих строгих ревнителей царь успел отделаться, заставив Иосифа молчать, а Гермогена отправив из столицы в Казань. Но не так легко было отделаться от волнения народного. Брак с Мариной сделался роковым событием для самозванца. Во время свадебных торжеств наехавшая в Москву польская шляхта своими буйствами раздражила весь народ. В ночь на 17 мая 1606 г. общее раздражение прорвалось наконец народным восстанием, среди которого самозванец был убит. Вслед за этим немедленно был свергнут и патриарх Игнатий. Из Москвы, где он жил в заточении в Чудовом монастыре, ему удалось бежать (в 1611 году), и он после этого до самой смерти (+ 1640) жил в Литве, приняв там унию.

Служение отечеству патриарха Гермогена.

На престол восшел виновник переворота князь *Василий Иванович Шуйский*, а патриархом был избран Гермоген Казанский. До своего святительства в Казани он был священником казанской гостинодворской церкви святителя Николая и в этом сане первый послужил в 1579 году явлению Казанской иконы Богоматери, приняв ее из земли, где она была обретена, потом постригся в казанском Спасском монастыре в монашество и был здесь архимандритом, наконец, в 1589 году сделан казанским митрополитом. Во время своего святительства он написал особое сказание о явлении и чудесах Казанской иконы, открыл мощи святых Гурия и Варсонофия — казанских чудотворцев, установил с согласия патриарха Иова поминовение воинов, положивших живот свой при взятии Казани, и много заботился об обращении в христианство местных инородцев. Во время своего патриаршества он явился непоколебимым столпом церкви и государства. По своей честной прямоте он был не совсем в ладах с мелким и двоедушным Шуйским, но эти личные отношения не мешали ему крепко стоять за последнего, как за царя, Богом данного.

Еще до избрания патриарха, когда пошли слухи о втором самозванце, были торжественно перенесены в Москву из Углича мощи царевича Димитрия. Мера эта не помогла к успокоению взволнованных умов, потому что в Москве хорошо помнили, как тот же Шуйский, который теперь с благоговением нес по Москве святые мощи, свидетельствовал прежде, что царевич сам заколол себя ножом в припадке падучей болезнью. Новый патриарх прежде всего разослал по всей России увещательные грамоты к народу и к самим мятежникам, которые поднялись во имя нового самозванца в Северной Украине, потом вместе с царем прибегнул к новому средству подействовать на народ, назначив в Успенском соборе церемонию народного покаяния. Для нее нарочно вызвали из Старицы уже слепого и дряхлого патриарха Иова. Составлена была трогательная грамота, в которой излагалось от лица народа исповедание измен, клятвопреступлений, убийств, поруганий святыни и других земских грехов со смерти царя Феодора. По прочтении грамоты народного покаяния протодиаконом патриархи велели прочитать от своего имени грамоту разрешения. Но желанных результатов не оказала и эта церемония. Волнение во имя Димитрия все росло, несмотря даже на то, что не было еще налицо и самого самозванца. Наконец нашелся такой человек и с помощью поляков, казаков и разных русских изменников подступил к Москве и утвердился в 12 верстах от нее в с. Тушине. Благородный пан Мнишек признал его своим зятем, а Марина мужем; явились около него *ad maiorem Dei gloriam* и братья-иезуиты. В Польше написали ему целый наказ, как действовать для распространения в России католичества. По этому наказу всех ревнителей православия, особенно духовенство, предполагалось совершенно оттереть от престола, окружив царя католиками и униатами, бояр и других людей побуждать к переходу в католичество или унию повышением по службе, воспитанием в униатских и католических школах, строением повсюду костелов, изгнанием из России протестантов и греков, поставлением на высшие церковные места лиц склонных к унии и другими мерами. Патриарх Гермоген одобрял царя, увещевал бояр и народ к верности, рассылал грамоты, в которых описывал дела и смерть первого самозванца, указывал на опасности для православия от поляков и проклинал изменников вере и законному царю. Но, с другой стороны, чрезвычайно соблазнительно действовало на Москву и Тушино, разводя в ней измену и подрывая значение Василия Шуйского, а шайки тушинцев рассеялись по всем ближайшим к Москве областям, всюду внося с собой грабежи и опустошения. Дела царя Василия ненадолго поправились было вследствие побед над тушинцами князя *Михаила Скопина-Шуйского*, племянника царя, но нашествие Сигизмунда польского и смерть молодого народного героя, в которой крепко подозревали завистливого царя, сделали положение последнего окончательно непоправимым.

Пользуясь смутой, возникшей в России, король Сигизмунд потребовал московской короны для своего сына *Владислава* и осенью 1609 года осадил Смоленск. Смольняне хорошо знали, что делал этот король в Литве, и дали обет стоять на веру и царя до смерти. Из русских на сторону Сигизмунда прежде всех пристали тушинцы. Оставленные поляками, которые были отозваны от них к своему королю, и ослабевшим самозванцем, который бежал в Калугу, они заключили с Сигизмундом договор и признали Владислава царем. Потом в пользу королевича образовалась партия в самой Москве. Еще в начале 1609 года недовольные царем вытащили Гермогена на лобное место и, тряся его за ворот, требовали у него согласия на перемену царя. Патриарх не побоялся толпы и честно заступился за Шуйского. На этот раз попытка свергнуть Василия не удалась. Но, когда царь был заподозрен в загадочной смерти Скопина, когда русские войска, лишившись любимого вождя, были разбиты поляками, и гетман короля *Жолкевский* стал под самой Москвой, провозглашая царем Владислава, патриарху уже невозможно было спасти Василия. В июле 1610 г. толпы народа, поднятые Захаром Ляпуновым, Салтыковым и другими боярами, свергли его с престола; потом сверженный царь был насильно пострижен в монахи.

Вслед за тем немедленно поднялся вопрос об избрании нового царя; чернь хотела тушинского вора; патриарх предлагал выбрать царя из бояр, кн. *Василия Голицына* или *Михайла Феодоровича Романова*, сына Филарета; бояре тянули к Польше, хотели в цари Владислава. Последняя партия одержала верх и позволила Жолкевскому занять Москву польскими войсками. Для окончательных переговоров с королем отправлены были под Смоленск послы, кн. Голицын и Филарет с келарем Троицкой лавры *Аврамием Палицыным* и с большою свитой из духовных и светских людей. Патриарх должен был согласиться на желание господствующей партии и успел настоять только на том, чтобы послы в своих переговорах о Владиславе необходимым условием поставили обращение королевича в православную веру. Отъезжая к королю, Жолкевский захватил с собой и постриженного царя Василия. Все опасные для короля люди теперь очутились в его руках, и он еще более возвысил свои требования, потребовал московской короны уже для самого себя и прежде всего настаивал на немедленной сдаче Смоленска. Послы с своей стороны твердо стояли на своих требованиях, чтобы Владислав скорее был отпущен в Москву и принял православие, не уступили ни шагу даже тогда, когда из Москвы пришли грамоты от бояр с распоряжением отдаться во всем на волю королевскую. Филарет и Голицын объяснили, что их отпускали патриарх, бояре и все люди вместе, а не одни бояре, и что грамоты за подписью одних бояр для них не обязательны. Паны было возражали, что патриарх лицо духовное, и в светские дела вступаться не должен; но послы отвечали на это: “Изначала у нас в Русском государстве так повелось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи призывали к себе на собор патриархов, архиепископов и епископов и без их совета ничего не приговаривали, и почитают наши государи патриархов великою честью, и место им сделано с государями рядом; теперь же мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный.” В апреле 1611 г. послы, по повелению раздраженного короля, были отправлены в Мариенбург пленниками. Смоленск все еще продолжал защищаться, подкрепляемый воеводой Шеиным и увещаниями архиепископа *Сергия*. Когда он был наконец взят, Шеин и Сергей тоже увезены были в Литву. Поздравляя короля с победою, иезуит Скарга прежде всего выразил в своей речи радость о том, что Бог “указует путь к расширению правды католицкой среди схизматиков.”

Но Бог не восхотел расширения “правды” католицкой. Слухи о притязаниях поляков на Московское государство и о будущих опасностях для веры производили в народе сильное волнение. Патриарх взывал к православным о защите отеческой веры и разрешал всех, кто дал присягу королевичу, если этот не крестится. Из Москвы разослана была повсюду трогательная грамота, в которой, увещевая города к соединению против общего врага, москвичи

выставляли на вид религиозное единство всех русских людей и священное значение Москвы: “Здесь образ Божией Матери, который св. Лука написал; здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексей и Иона чудотворцы — или вам, православным христианам, все это нипочем?” Города также пересылались между собой грамотами, возбуждая друг друга к восстанию именем всероссийских и своих местных святынь. Патриарх стоял во главе всего земского движения; кроме него, города не хотели знать никакого другого начальства и посылали к нему все свои отписки о сборе ратных людей. Салтыков, Масальский и другие бояре польской партии в Москве сильно злобились на Гермогена. Во время одного горячего с ним спора Салтыков бросался на него даже с ножом. В то самое время, как послы были взяты в плен, поляки с Салтыковым сделали последнюю попытку уговорить патриарха, чтобы он возвратил шедшие к Москве земские рати, и услышали от него решительный отказ. “Благословляю всех, — говорил патриарх, — довести начатое дело до конца, ибо вижу поправление истинной веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих церквей, и не могу слышать пения латинского в Москве.” После этого его посадили под стражу в Чудовом монастыре и лишили всяких средств сношения с народом.

Первое восстание городов не удалось. После смерти земского вождя *Прокотия Ляпунова*, убитого казаками, ополчения разошлись и бедствия Русской земли даже еще более увеличились. Москва осталась в руках поляков; Псков признал третьего самозванца, какого-то дьякона; некоторые области признали царем сына Марины; Новгород был взят шведами, которые прочили на русский престол одного из своих королевичей. Но за первым земским ополчением скоро поднялось другое, составившееся по воззванию нижегородского земского старосты *Козьмы Минина* и под начальством князя *Пожарского*. Патриарх Гермоген из своей темницы в последний раз благословил земские рати и вскоре (17 января 1612 г.) скончался, как думают, заморенный голодом. Во главе Русской церкви, по совету всяких чинов людей, поставлен был казанский митрополит *Ефрем* (впрочем, без патриаршего сана). 22 октября 1612 года Москва была наконец освобождена, а 21 февраля 1613 года был положен конец долгой смуте избранием на царство *Михаила Феодоровича Романова*.

Заслуги отечеству епархиальных архиереев.

Вместе со своими первосвященниками за целостность православия и государственного порядка в течение всего смутного времени ревностно стояли и другие русские святители. Еще при первом самозванце, застигнутая им врасплох, русская иерархия выставила из своей среды немало твердых личностей. Таковы были, кроме патриарха Иова, Гермоген Казанский, Иосиф Коломенский и *Феодосий Астраханский*; последний едва не был убит астраханцами за то, что старался удержать их от признания самозванца царем, а по воцарении Лжедмитрия, будучи привезен в Москву, не убоился в лицо обличать его в самозванстве и этим так его озадачил, что самозванец даже не наказал его и оставил невредимым. Против второго самозванца русские святители восстали уже со всею решительностью и единодушным самоотвержением. Псковский епископ *Геннадий*, не в силах будучи предотвратить измены своего города, скончался от горести (1609 г.). Новгородский митрополит *Исидор* успел поддержать верность новгородцев законному царю, несмотря на измену Пскова. Когда Новгород был осажден шведами, митрополит все время осады одушевлял граждан, лично присутствовал на стенах и служил молебствия. При взятии города софийский протопоп *Амос* засел на своем дворе и с несколькими горожанами долго отбивался от врагов, пока вместе со всеми своими пособниками не погиб в пламени своего жилища. *Галактион Суздальский* скончался в изгнании. *Иосифа* Коломенского литовские люди взяли в плен и долго таскали за собой, привязывая иногда при осаде городов к пушке, чтобы устрашать осаждаемых, пока он не был от-

бит у них царскими воеводами и не возвращен своей пастве. *Феоктист* Тверской, после взятия Твери (1608) войсками самозванца, был отвезен в Тушино и здесь погиб мученической смертью. *Ефрем* Казанский страхом своей святительской клятвы успел удержать в верности город Свияжск, в котором завелась была измена. Когда в 1608 году толпы литовцев и тушинцев заняли Ростов, митрополит *Филарет* с верными гражданами заперся в соборе, готовясь приобщением Святых Таин к мученической смерти. Взяв собор, враги осквернили храм и истребили множество народа; митрополита босого, в одной свитке, с поруганием отвезли в Тушино, но самозванец принял его, как родню, и сделал у себя нареченным патриархом, хотя и держал его постоянно под стражей. Святитель был отбит у тушинцев уже в 1610 г. После, вместе с Сергием Смоленским, он продолжал, как известно, свое стояние за благо Русской земли под Смоленском и в плену у Сигизмунда.

Заслуги отечеству русских монастырей и особенно Троицкой лавры.

Высокими патриотическими подвигами отличались в смутное время и русские монастыри. Многие из них подверглись полному разорению от литовских и казацких шаек; но другие крепко отбивались от воровских людей, обратившись в настоящие крепости, и давали у себя надежный приют даже окрестному населению; Кириллов монастырь, например, 5 лет продолжал отбиваться от нападений. Кроме того, более богатые монастыри много помогали правительству своими пожертвованиями. Соловецкий монастырь за два раза переслал в Москву более 17 000 рублей; Спасоприлуцкий отдал на жертву отечеству всю свою наличную казну; Троицкая лавра в разное время пожертвовала более 65 000 руб. и кроме того, множество ценных вещей из своей ризницы и церковной утвари. С сентября 1608 года ей пришлось выдерживать 16-месячную осаду от 30 000 польского войска, имея под рукой всего до 2300 защитников из разных людей, способных сколько-нибудь владеть оружием. Осада загнала в стены обители множество народа с женами и детьми из окрестностей, так что для них недоставало ни помещения, ни съестных запасов. Настала страшная зима без дров, с голодовкой и цингой. Но осажденные все это выдержали, подкрепляемые сильным религиозным одушевлением и верой в помощь преподобного Сергия. Эта теплая вера подтверждалась неоднократно явлениями преподобного разным людям и чудесами. Через 16 месяцев враги должны были отступить от монастыря, который недавно они самохвально обзывали вороньим гнездом. Несмотря на всю крайность своего положения, лавра пожертвовала правительству до 2000 руб. во время самой своей осады. Когда Москва тоже была осаждена тушинцами и терпела сильный голод, Троицкий монастырь дважды открывал свои житницы и, пуская хлеб в продажу по обыкновенной цене, подрывал этим своекорыстных торговых людей, которые имели бессовестность воспользоваться народным бедствием для своих барышей. В последние дни правления Шуйского архимандритом у Троицы сделался святой *Дионисий*, при котором обитель достигла высшей степени своего благотворительного и нравственного значения. Когда Москва и ее окрестности были разорены казаками, толпы нищих, изувеченных и истерзанных крестьян со всех сторон стекались в лавру, предлагавшую им свою посильную помощь. Весь монастырь обратился в богадельню; по монастырским селам строили дома для приюта бездомных беглецов; по окрестностям собирали трупы погибших и хоронили на монастырский счет. В то же время в келии архимандрита сидели писцы борзые* и писали грамоты в города, призывая всех к очищению земли от врагов. Грамоты эти повсюду возбуждали религиозное и патриотическое одушевление. Одна такая грамота, пришедшая в октябре 1611 г. в Нижний, и послужила главным толчком к поднятию второго земского ополчения под начальством Пожарского и Минина. Келарь лавры Авраамий Палицын принимал в этом

* Проворные, быстрые, бойкие.

ополчении деятельное участие, постоянно находясь при войсках и помогая им монастырскими средствами. В решительную минуту под Москвой он убедил к содействию земскому ополчению отделявшихся от него казаков. За неимением денег лавра послала в их таборы ризы, стихари и другие церковные сокровища. Даже казаки засовестились взять от нее такую жертву и обещали даром участвовать в битвах.

Патриарх Филарет и его значение.

Смутное время кончилось, но тяжелые следы его долго не изглаживались в русской жизни. В первые годы царствования Михаила шайки воровских казаков и литовцев ходили по всем областям, производя опустошения. Монастыри и церкви подвергались разграблению и разорению. Церковный порядок пришел повсюду в расстройство, а от наплыва на Русь иноземных, католических и протестантских влияний ослабела и религиозная жизнь, особенно в высших классах. Между тем от самой смерти Гермогена до 1619 года Русская церковь оставалась без патриарха. После смерти Ефрема Казанского, венчавшего царя Михаила на царство, с конца 1613 года церковными делами управлял митрополит *Иона* Крутицкий, человек мало к тому способный как по своему недалекому образованию, так и по недостаткам своего мелочного, упрямого и мстительного характера. Главный кандидат на патриаршество митрополит Филарет был в плену и не желал, чтобы ради его освобождения была уступлена Польше хоть одна пядь земли Русской. Он воротился в Москву уже после заключения мира и по обоюдному (с обеих сторон) размену пленников. С ним возвратились и воевода Шеин с архиепископом Сергием; Шуйский и Голицын умерли в плену. Царь радостно встретил своего родителя и сделал его патриархом, воспользовавшись для его поставления (в июне 1619 г.) пребыванием в Москве патриарха *Феофана* иерусалимского.

Патриаршество Филарета было временем полного развития патриаршей власти. Оставаясь главным, начальным человеком в России, русский первосвященник еще во время междоусобицы успел вернуть себе высокое государственное значение, которое было подорвано при Грозном. При царе Михаиле, когда русским первосвященником сделался отец самого царя, патриарх получил уже прямо царский титул “великого государя,” и наступило время полного государственного двоевластия. Все распоряжения верховной власти выходили от имени обоих великих государей; обоим делались доклады, обоим представлялись иностранные послы. Великий государь патриарх был постоянным пособником и руководителем великого государя царя во всех государственных делах. В смутное время ослабело даже предание самодержавной власти прежних царей — есть известие, что молодой Михаил был ограничен в своей власти боярами и земским собором. Филарет, как опытный боярин времен Грозного, снова восстановил это предание Рюриковичей и передал его дому Романовых. При дворе не стало при нем никаких других сильных лиц, кроме самих великих государей. Своими строгими мерами к восстановлению государственного порядка патриарх получил репутацию человека сурового, опальчивого и властительного; говорили, что его побаивался даже сам великий государь царь, как почтительный сын его. Таким же властительным являлся он и в своем церковном управлении. В делах церкви он мало был сведущ — не к ним он готовился смолоду; но он принес много пользы для внешнего возвышения церкви. Церковный суд, например, не стеснялся при нем ни перед какими сильными лицами. Своей царственной обстановкой патриарх придал особенное величие и своему сану.

Двор патриарший был устроен по образцу царского. Сильный отец царя завел у себя все чины и должности широкого дворцового обихода. Тут были свечники, чашники, скатертники, повара, хлебники, пивовары, истопники, конюхи, иконописцы, серебряники и другие мастера, певчие дьяки трех станиц, книгописцы и разные должностные лица по патриаршему

управлению — бояре, окольные, стольники, стряпчие, тиуны, дети боярские, дворяне, дьяки, десятильники и другие. Со времен Филарета появились и указанные выше патриаршие приказы. Обширная патриаршая епархия была и прежде привилегированнее всех других, но в ней до сих пор еще оставались разные сильные монастыри, помимо патриарха подчинявшиеся, в силу несудимых грамот, суду самого царя или приказа большого дворца. В 1625 году патриарх выпросил у царя жалованную грамоту, по которой все духовенство его епархии, монастыри и церкви с своими слугами и крестьянами подчинены были гражданскому суду одного патриарха и только в исках на посторонних имели дело с приказами, где ведомы были ответчики. В управление патриаршей епархии этим вносилось больше единства и порядка.

Отношение государства к Церкви при патриархах Иоасафе и Иосифе.

Патриарх Филарет скончался в 1633 году. Преемником его был назначен псковский архиепископ *Иоасаф I* (1634-1640 гг.) — этот патриарх уже не пользовался таким высоким государственным значением. Он происходил из городских боярских детей, был старец почтенный, “нравом добродетельный, но к царю не дерзновенный.” Деятельность его ограничивалась заботами о церковном благочинии и обрядности. Титула великого государя он уже не имел и в дела государственные не вступался. В таком же положении оставался и следующий патриарх *Иосиф*, поставленный в марте 1642 года из архимандритов Симонова монастыря. Он был притом же человек малообразованный и слабый в делах управления, занятый больше своими личными делами, чем церковными. Оттого патриаршая власть при нем ослабела еще более. А между тем для Русской церкви наступало очень важное, даже критическое время, когда со стороны патриарха требовалась особенная распорядительность и энергия. Отдохнувши от потрясений смутного времени и всеми силами стремясь к сосредоточению и усилению своей власти, Московское государство стало пересматривать разные части своего внутреннего строя и подняло серьезные вопросы о церковном суде и о церковных вотчинах. Разрешения этих вопросов настойчиво требовала сама жизнь, открывая в строе церковного суда и вотчинного владения все большие и большие неудобства для развивавшегося государства.

Церковный суд до последнего времени держался все тех же самых начал, на каких он был устроен еще в удельное время и которые в окончательной форме сформулированы были на Стоглавом соборе — на началах полной удельной самостоятельности церковного ведомства в государстве и независимости его от общего государственного суда не только по духовным, но и по мирским делам, за исключением лишь тяжких уголовных. Таким же удельным особняком среди государства стояли и вотчинные владения церкви, снабженные в государственных сборах и службах разными привилегиями, а между тем составлявшие по величине добрую треть всей государственной территории. К этим неудобствам присоединилось еще то, что каждая корпорация церковных людей, каждое церковное учреждение по старой удельной привычке стремились устраиваться по суду и управлению и жить особо, по требованиям одних своих частных интересов. В судебном ведомстве церкви господствовало поэтому чрезвычайное разнообразие, производимое разными жалованными и несудимыми грамотами. Даже в патриаршей епархии после грамоты 1625 года оставалось еще много разнообразия вследствие несудимых грамот, которые раздавались монастырям уже самим патриархом. Одними монастырями патриарх заведовал сам, другими через бояр, наместников и десятильников, третьи пользовались самосудом. Еще более разнообразия в этом отношении было по епархиям. Общим правилом было только то, чтобы все подчинялись суду своего архиерея по духовным делам. По гражданским же делам одни монастыри и церкви в епархиях тянули к патриарху или к приказу большого дворца, и притом по всем делам или только по некоторым; другие судились своими настоятелями, а настоятели в приказе большого дворца

или у патриарха; третьи тянули к суду чужих епархиальных архиереев; четвертые были приписаны к другим привилегированным монастырям, иногда тоже находившимся в чужих епархиях; пятые подчинялись местным гражданским властям. Сами архиереи в одних монастырях и церквях производили суд лично, в других через своих чиновников, третьим давали право самосуда, кроме того, назначали для суда разные сроки. Такое же разнообразие было в суде над церковными вотчинами. Даже у одного и того же монастыря одни вотчины имели более, другие менее привилегий, одни судились в одном, другие в другом месте, в третьих суд производил настоятель и т. д. Отправление правосудия чрезвычайно затруднялось таким разнообразием привилегий, особенно для посторонних лиц в их тяжбах с церковными людьми. Со всех сторон шли жалобы на трудность судиться с церковными учреждениями и лицами, а эти учреждения и лица с своей стороны постоянно жаловались на нарушения их привилегий. Не менее частым и настойчивым предметом жалоб земства и затруднений для правительства были *церковные вотчины*, которые, несмотря на все распоряжения, направленные против их возрастания, все еще продолжали увеличиваться. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладевали тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла с них не платили, и весь платеж поэтому падал на них — тяглых людей. Служилые люди жаловались, что монастыри сманивают к себе их крестьян и от того их поместья пустеют и служить им государственной службы становится не с чего. Все эти жалобы послужили потом материалами для новых распоряжений о церковном суде и о церковных вотчинах в царствование преемника Михаила, царя *Алексея Михайловича*.

Уложение царя Алексея.

Новый царь Алексей Михайлович, человек еще молодой, мягкий, уступчивый, способный сильно привязываться к окружавшим и чрезвычайно религиозный, мог бы встать в такие же отношения к патриарху Иосифу, в каких был отец его к Филарету. Но сам Иосиф далеко не был похож на Филарета. По своей слабости он не только не способен был руководить царем, окруженным сильной родней и боярами, но не мог поддержать даже своей собственной церковной власти; в церковном управлении видим при нем господство патриарших дьяков и московских протопопов. А между тем с новым царствованием открылась усиленная государственная деятельность, составлялось новое Уложение, которое неизбежно должно было коснуться прав иерархии. Патриарх безучастно сидел в царской думе при его составлении, как будто не понимая всей его важности для Церкви; все дело велось князем Одоевским и другими светскими лицами и, при безгласии патриарха, чувствительно коснулось самых важных привилегий духовного чина. Во-первых, Уложение безусловно воспретило всякое новое увеличение церковных вотчин. Некоторая часть даже наличных церковных земель была отписана в казну: по жалобам тяглых людей на то, что беломестцы, особенно духовные, и их люди, селясь около городов слободами, отбивают у них торги и промыслы, а сами никаких податей не платят, велено было все эти слободы взять бесплатно за государя. Во-вторых, стремясь установить “равный суд и расправу” для всяких чинов людей, составители Уложения необходимо должны были столкнуться с церковными привилегиями и с удельной обособленностью церковного ведомства; Уложение задалось задачей ослабить эту обособленность, пригнув по гражданским делам и церковное ведомство под общий суд государственный.

Монастырский приказ.

Органом такого государственного суда над церковным ведомством сделан был *монастырский приказ*, выделенный как особое учреждение из приказа большого дворца. В нем указано было давать суд по всяким гражданским искам на всех иерархов, монастырские вла-

сти, попов, церковный причт и на всех вообще церковных людей и крестьян, и по таким же искам их самих на других и даже между собою, друг на друга. Таким образом, пред судом приказа уравниены были и власти, подчинявшиеся доселе в гражданских делах лишь непосредственному суду самого государя или приказа большого дворца, как органа собственной власти государя, считавшие боярский суд унижением для себя, и их люди, судившиеся прежде у них самих. Кроме монастырского приказа, над духовенством и церковными людьми в большей мере, чем прежде, судебнo-гражданскую власть стали развивать теперь и другие органы государства приказы в исках церковных людей на посторонних, подведомых этим приказам, и в ответах против встречных исков, и воеводы с городскими властями в исках мало-важных, не доходивших до приказов. Так, вместо церковного гражданского суда над церковными людьми явился суд общий, государственный. Кроме судебных дел, к ведомству приказа отнесены еще принадлежавшие прежде приказу большого дворца распоряжения о государственных сборах с церковных вотчин, о составлении описей церковных имуществ и разные полицейские распоряжения по церковному ведомству.

Духовенство было очень недовольно новым учреждением, тем более, что по неопределенности новых законов и неясности в разграничении церковного и гражданского ведомств, между последними тотчас начались недоразумения, вторжения одного в область другого и даже прямые злоупотребления. Приказ вступался иногда и в чисто церковные дела, например присвоил себе право назначать в монастырские вотчины священников и причетников, келарей и казначеев, позволял себе даже перерешать распоряжения епархиальных властей. Со стороны духовенства начались попытки уклонения от силы новых узаконений. Архиереи стали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшие духовенство их епархий от всякого суда, кроме архиерейского. Патриаршая область получила подтверждение своих прежних привилегий еще при самом составлении Уложения, чем, вероятно, более всего и успокоен был патриарх Иосиф. Самым усердным и влиятельным противником монастырского приказа был любимец царя *Никон*, сначала митрополит новгородский, потом патриарх.

Никон до патриаршества.

В 1605 г. у крестьянина Нижегородской области села Вельдеманова, Мины, родился сын *Никита*. Он скоро лишился матери и все детство провел под нестерпимым гнетом мачехи. Ему рано удалось выучиться грамоте. Чтение книг увлекло его к эстетической жизни и, будучи всего 12 лет, он убежал из дома в Макарьевский Желтоводский монастырь. Родня опять вызвала его в мир и заставила жениться. На 20-м году возраста он выбран был в священники прихожанами одного соседнего села, но по своим достоинствам недолго мог оставаться в таком захолустье. Через 2 года о нем узнали московские купцы, бывшие на Макарьевской ярмарке, и позвали его с собой в Москву. Через 10 лет, потеряв всех своих детей, Никита заставил свою жену постричься в одном московском монастыре, а сам удалился на Белое море в Анзерский скит, где тоже постригся в монахи с именем *Никона*. Из Анзерского скита, по неудовольствиям с братией, он ушел в Кожеезерский монастырь, где в 1643 году был выбран в игумены. В 1646 году он был в Москве по монастырским делам и был замечен царем, которого поразила его величественная наружность и сильная речь. По своей религиозности и впечатлительности Алексей Михайлович скоро совсем подчинился Никону, сделал его своим другом, отцом, всем, чем не мог быть для него патриарх Иосиф. По желанию царя, он был определен архимандритом Новоспасского монастыря, каждую неделю стал являться к царю для духовной беседы и сделался пред ним неустанным ходатаем за несчастных, обиженных на суде, вдов и сирот. В 1649 году царь назначил его митрополитом в Новгород. Здесь ему удалось оказать правительству важные услуги во время новгородского бунта 1650 года. В

разгар этого бунта он укрыл у себя от ярости народа воеводу Хилкова и торжественно предал бунтовщиков анафеме, но этим обратил народную ярость на себя самого. Чернь избила его до полусмерти. С большим трудом после этого он отслужил литургию и отправился с крестным ходом в ту часть города, где наиболее бунтовали. Пораженные его твердостью и усташаясь подходившего к Новгороду царского войска, мятежники просили у Никона прощения и ходатайства перед царем. Не помня собственной обиды, митрополит охотно принял на себя это ходатайство и успел внушить царю благоразумную умеренность в наказании виновных, которая затем всего более и способствовала успокоению народного волнения. С тех пор любовь царя к Никону возросла еще более.

Пользуясь близостью к царю, Никон не раз говорил ему, что учреждение монастырского приказа противно церковным правилам, и настойчиво требовал его уничтожения. Но приказ был крепок не столько силой кроткого и благочестивого царя, сколько духом времени, был крепок потому, что вполне отвечал современным идеям об отношении между церковью и государством. Не успев настоять на его уничтожении, Никон получил только несудимую грамоту для себя, по которой все духовные лица Новгородской епархии подчинялись суду одного своего митрополита. Зато своим влиянием он побудил царя к другому важному действию, в котором должно было выразиться преклонение светского могущества пред величием церковной власти. В 1652 году положено было перенести в Успенский собор гробы трех святителей, — страдалцев от светской власти — Иова из Старицы, Гермогена из Чудова монастыря и митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря. За мощами святого Филиппа поехал сам Никон. С ним отправлена была царственная молитвенная грамота к святому Филиппу, в которой правнук Грозного, преклоняя свой царский сан пред святителем, погибшим жертвою столкновения с царской властью, молил святого мученика пришествием в Москву разрешить грехи Грозного и упразднить поношение, лежавшее на царской власти. Во время отсутствия Никона царь писал ему письма, в которых выразилась вся душа религиозного Алексея. В своем благоговении перед любимым пастырем церкви он совершенно забывал свой царский сан, не щадил слов, чтобы возвеличить митрополита и умалить пред ним самого себя. Из писем царя видно, что бояре уже и тогда были недовольны силой Никона, видно, что и сам Никон не умел смягчать своей силы кротостью. В самых почтительных выражениях царь советовал ему быть поспоконнее к боярам, но не сказывать им об этом совете, не выдавать его — царя, что он заодно с ним — митрополитом. Добрый до слабости, находясь под двумя влияниями, Никона и бояр, царь боялся оскорбить и ту и другую сторону, лавировал между ними, старался как-нибудь замять их рознь. Так поступал он и в вопросе о монастырском приказе. Оставляя приказ во всей силе, потому что он нравился боярам, царь думал удовлетворить и своего друга, дав ему несудимую грамоту. В отсутствие Никона умер патриарх Иосиф. Извещая об этом Никона, царь описывал свой испуг, когда на Иване Великом раздался троекратный удар колокола — вестник смерти патриарха, описывал скорбь церкви, которая, как есть пустынная голубица, пребывает, не имущи подружия, лишилась своего жениха, и к таким дням (перед Пасхой), описывал, как во время одного ночного посещения покойника возымел он суеверный помысел: “Побеги де ты вон, тотчас де тебя вскопча удавить,” но прогнал этот промысел, с молитвой облобызав руку почившего распорядился всем имуществом покойного, после которого осталось до 13 400 рублей и множество всякого добра. Толковали, что в последнее время Иосиф был неспокоен, боялся свержения; святителя; на погребении он “надселя плачучи”; он сам царь спешил оправдаться пред Никоном, уверяя, что ему и помыслить о том страшно, — хотя бы и еретичества держался, и то как ему свергнуть верховного святителя без собора? — По возвращении Никона с мощами выбор в патриархи, разумеется, пал на него. Но ему не такого хотелось патриаршества, какое было у Иосифа. Усиление мирской власти бояр и вражда их к нему заставили его отказаться от вы-

бора, чтобы потом быть снова выбранным на всей своей воле. В Успенском соборе, в собрании бояр и народа, царь в слезах лежал у ног Никона, умоляя его принять патриарший сан. Тогда Никон, обратясь ко всем, спросил: будут ли почитать его, как архипастыря и отца, слушать его во всем, и дадут ли ему устроить Церковь? Все сказали, что будут и дадут, и Никон принял патриаршество (1652 г.).

Патриаршество Никона и его отношения к царю.

Неограниченная дружба соединяла царя и патриарха во все почти 6 лет управления Никона. Вскоре по вступлении его на патриаршество его стали титуловать, как Филарета, великим государем. Так титуловал его и сам царь. Таким образом в государстве снова стало два великих государя, но Никон носил этот титул уже не как отец царя, а как патриарх; власть патриаршая таким образом сама по себе приравнивалась к власти царской. Без патриарха не решалось ни одно государственное дело, как при Филарете. Усилению его значения много содействовал еще скорый отъезд царя к войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствия (1654-1655 гг.) царь поручил Никону все управление государством. Особенно энергичную деятельность Никон проявил по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Рассылая грамоты о мерах предосторожности против заразы, вразумляя суеверный народ, который считал за грех противостоять постигшей его беде, как наказанию Божию, он в то же время успел оказать личные услуги царю — все время хранил царское семейство, спасая его от язвы переездами по незараженным местностям. — Монастырский приказ не был уничтожен и теперь, но на время потерял всякую силу. Вопреки Уложению, которое безусловно запретило увеличивать церковные имения, патриарший дом обогатился новыми вотчинами. Когда Никон строил свои монастыри — *Иверский*, *Крестный* и *Воскресенский*, или *Ноеый Иерусалим*, царь и им дал богатейшие вотчины. Но в то же время, вследствие той же дружбы царя с патриархом, никогда еще с церковных земель не было таких больших сборов, как при Никоне. Сам патриарх выставил в поле до 10 000 воинов; столько же выставили монастыри. Патриарх, кроме того, на свои богатые средства увеличивал свои домовые богадельни, раздавал богатые милостыни, делал пожертвования на тюрьмы. *Патриаршая власть* была при нем так же сильна, как при Филарете. Он был действительным, а не номинальным только великим государем, окружил себя царской пышностью и недоступностью, возлюбил, как жаловалось на него духовенство, стоять высоко, ездить широко. Он выстроил себе новый дворец и употреблял все средства тогдашнего искусства для украшения соборов и сообщения пышности своему богослужению; лучшие облачения, доселе хранящиеся в патриаршей ризнице, принадлежат ему; на них употреблены целые пуды жемчуга, золота и дорогих камней; по опушкам двум митр святителя видим короны. Штат патриаршего дома при нем был даже еще многочисленнее, чем при Филарете. Протопоп Казанского собора *Иоанн Неронов* говорил однажды патриарху: “Государевы царицы власти уже не слышать, всем от тебя страх, и посланники твои пуще царевых всем страшны; никто не смеет с ними и говорить; затвержено у них: знаете ли патриарха?” В церковных делах власть его была неограничена; сами архиереи рабски подчинялись ему и должны были безмолвно сносить его самовластные распоряжения, нарушавшие их права, например, отписку из их епархий вотчин, церковей и лучших монастырей в патриаршую область или к богатым монастырям его строения — *Иверскому*, *Крестному* и *Воскресенскому*, и самовольный суд над архиереями без собора, лишение кафедры и ссылку *Павла Коломенского*, запрещение служения *Симеону Тобольскому* и прочее. Его боялись сами бояре. Еще до патриаршества о нем говорили, что лучше погибнуть в новой земле за Сибирью, чем попасться под начало к новгородскому митрополиту; патриархом он стал обращаться с ними еще самовластнее. Он, например, жег у них вывезенные с запада картины

и органы, оскорблял их резкими обличениями и унижал высокомерным обращением. Как бы в противодействие новым началам, выраженным в Уложении, патриарх издал вновь пересмотренную и дополненную им Кормчую, в которую, между прочим, включил подложную грамоту Константина Великого папе Сильвестру — она была важна для него, как апология церковной власти и церковных имуществ. Подложности этой грамоты, впрочем, не подозревали тогда ни царь, ни патриарх. Никон убеждал царя даже вовсе отставить Уложение и заменить его Кормчей; в этом он, конечно, не успел, но все-таки заставил Алексея Михайловича разослать по воеводам выписки из градских законов Номоканона в дополнение Уложения для обязательного руководства на суде.

Враги Никона.

В обаянии своей власти патриарх не чувствовал, что чем энергичнее он будет настаивать на восстановлении такой старины, тем будет хуже и для него, и для его дела. Значение его держалось единственно на его личной силе и на любви к нему царя, опорах слишком непрочных для того, чтобы они могли устоять против исторического хода государственной жизни. Орудием, которым эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, действовавшие против него со всем усердием личного раздражения. Прежде всего своим великим государствованием, крутым характером, привычкой сталкиваться со всеми властью имеющими, он вооружил против себя сильную партию бояр; против него были *Стрешневы* — родня царя по матери, *Милославские* — родня первой супруги царя, *Морозов* — царский свояк, сама супруга царя *Марья Ильинишна*, составитель Уложения князь *Одоевский*, бояре *Долгорукий*, *Трубецкой*, *Салтыков* и другие. Семен Стрешнев до такой степени ненавидел Никона, что назвал его именем свою собаку и выучил ее подражать патриаршему благословию. Все эти люди зорко следили за патриархом, ловили всякий случай, где он слишком резко выставлял свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шаг, а таких шагов много допускал горячий человек, не умевший владеть собой и не обращавший внимания на то, что говорил и что делал. Затем много врагов появилось у Никона по поводу его церковных исправлений, которые были им ведены очень круто, с обычной для него самоуверенностью и со всем деспотизмом личного авторитета. Привычка не обращать внимания на других поставила его в самое невыгодное положение между двумя сильными партиями: партией новизны, стремившейся к западу, и партией старины. Образованные бояре, вроде Морозова, Романова и других, раздражены были не менее староверов, когда патриарх, вводя свои церковные “новшества,” в то же время восставал против новых государственных понятий и проблесков новой цивилизации. Между приверженцами старины было тоже немало сильных людей, несколько бояр, духовник царя *Стефан Вонифатьев*, уважаемый прототоп *Иоанн Неронов* и другие. Наконец, против патриарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаниями, усиленными поборами в патриаршую казну и на войско и доведенное им до последней степени приниженности.

Много было врагов у Никона, и все эти враги шли к царю с доносами, что патриарх превышает свою власть и пренебрегает властью царскою. Вследствие подобных внушений в душу впечатлительного Алексея Михайловича невольно стало закрадываться нелюбие к собственному другу. Перемена отношений между ними особенно стала заметна по возвращении царя из второго похода (ливонского) в 1657 году. Походы царя заметно его развили, сделали самостоятельнее и приучили к независимости; в то же время и Никон в отсутствие царя более прежнего успел развить свое властелинство. Приехал великий государь в Москву и увидел здесь другого великого государя... А враги Никона неотступно внушали царю, что патриарх стал сильнее его. Царь стал сердиться на патриарха, но, по своему слабому характеру,

вместо личного объяснения с ним, стал действовать уходом, избегая с ним встречи. Патриарх видел нелюбье царя, но, по своей неуступчивости, не хотел попадаться ему на глаза и тоже, со своей стороны, удалился от царя, выжидал, чтобы царь сам сделал первый шаг к примирению. Между тем враги Никона оставались при царе; своим удалением от царя патриарх сам же оставлял за ними все поле борьбы, потому что царь остался теперь под одним только их влиянием. Пользуясь этим, они неумоимо разжигали вражду между великими государями, все более и более подготавливая решительный взрыв накопившихся неудовольствий. За поводами к этому взрыву дело не стало. Монастырский приказ, доселе бессильный, усилился, стал отменять распоряжения патриарха и отобрал у него несколько вотчин. Патриарх писал царю резкие послания о мирском вмешательстве в церковные дела, указывал на примеры нечестивых царей, память которых погибла с шумом; а это, по толкованию бояр, значило, что он называл государя нечестивым царем. В июне 1658 года, по случаю приема грузинского царя *Теймураза*, было при дворе торжество. Никона на это торжество не пригласили; недоумевая о том, что бы это значило, он послал во дворец своего дворянина узнать, в чем дело. В то время, как посланный пробирался через толпу, окольный Хитрово, наблюдавший за порядком, ударил его палкой. Это была уже прямая обида Никону, и он потребовал у царя суда. Царь обещал сам поговорить с ним об этом деле, но свидание не состоялось, и Никон остался без удовлетворения. 10 июля, в праздник Ризположения, патриарх вполне был уверен, что царь будет у литургии в соборе, и думал при этом с ним объясниться. Но царь прислал сказать, что не будет, а *Юрий Ромодановский*, который был послан с этим, прибавил еще от себя, что царь гневен на патриарха за титул великого государя. Отслужив литургию без царя, Никон вышел читать поучение и во всеуслышание объявил, что отселе не желает быть больше патриархом; затем в ризнице переделся в простую мантию с черным клобуком, написал тут же к царю письмо о своем оставлении кафедры и направился к выходу из собора. Народ плакал, не пускал его, отнял у него карету; но патриарх ушел пешком на Воскресенское подворье, а с подворья уехал в Воскресенский монастырь.

События по удалении Никона.

Из монастыря он дал знать, чтобы поспешили избранием ему преемника, а церковью управлял бы пока *Питирим Крутицкий*, себе просил во владение три своих монастыря — Воскресенский, Иверский и Крестный, и снова повторил отречение от патриаршества. Несмотря, впрочем, на это отречение, он все еще ждал, что государь одумается и опять повторит перед ним то слезное моление о принятии патриаршества, которое народ видел в соборе в 1652 году, но ожидание это было тщетно. Государь исполнил его просьбу о монастырях, относился к нему вообще очень милостиво, но о возвращении его на патриаршество не было и речи. Скоро Никон тяжело почувствовал перемену своего положения, свою забытость, отсутствие прежней широкой деятельности, прежней величественной обстановки. Он стал раздражительно жаловаться на то, что его покинули, что духовенство перестало его уважать, не ездит к нему, по запрещению будто бы самого царя и митрополита Питирима, что без него дела идут худо, писал раздражительные послания к царю о том, что в неделю ваий (1659 г.) митрополит Питирим совершил за патриарха хождение на осляти и тем “седалище великого архиерея всея Руси олюбодействовал,” о том, что при описи патриаршего имущества раскрыт был келейный архив патриарха с целью будто бы отобрать письма, в которых государь называл его великим государем, что царь вступился без него в управление церковными делами и хочет завладеть церковным достоянием. Спустя несколько времени он стал смягчать и свое отречение, писал царю, что сана с него никто не снимал, что он ушел из Москвы своею волею. Отказываясь воротиться на московскую кафедру, он вместе с тем утверждал, что от са-

мого патриаршества он не отказывался, и настаивал на праве посвящения себе преемника. Но при этом возникал трудный вопрос, в каком же отношении должен быть новый патриарх к старому.

В феврале 1660 года для решения все более и более запутывавшегося дела о Никоне созван был собор из русских и бывших в Москве греческих иерархов. Но между русскими иерархами не было человека, который бы не имел личного раздражения против властительного патриарха. Теперь они припомнили ему и его гордое обращение с ними, и то, как он не хотел их братией нарицать, как самовольно, без собора, сверг с кафедры Павла Коломенского; обвинили его в Амановой гордости*, в безумном оставлении престола и осудили на лишение архиерейства и священства. Греческие иерархи вторили русским. Только немногие лица, участвовавшие в делах собора, в том числе ученый Епифаний Славинецкий, возвысили голос против незаконности такого осуждения. Царь склонился на сторону меньшинства и оставил соборное решение без исполнения. С своей стороны, Никон резко протестовал против собора, называл его жидовским сонмищем, сравнивал с соборами на Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и на митрополита Филиппа. Озлобленный тем, что Питирим запретил помянуть его в церквях, становился при богослужении на патриаршее место, вторично совершил обряд недели ваий и посвятил одного епископа (Мефодия Мстиславского), гневный патриарх дошел до того, что в неделю православия 1662 года предал его анафеме, которая произвела в Москве сильное впечатление.

Весной 1662 года приехал в Москву *Паисий Лигарид*, митрополит газский, один из образованнейших греков своего времени, но хитрый интриган, жертвовавший для своих интересов и долгом и совестью. Состоя под запрещением от иерусалимского патриарха за латинство, он скитался по Греции и Италии, потом в 1657 году был приглашен в Москву самим Никоном, который нуждался в образованных людях. По приезде в Москву он был принят очень ласково, как знаток канонов, дорогой человек в такое тревожное время, и немедленно пристал к выгоднейшей для него стороне врагов Никона. Стрешнев дал ему на обсуждение 30 вопросов касательно поведения и отношений патриарха к царю. Паисий со всею гибкостью своего ума и совести отвечал на них полным осуждением всех действий Никона, осудил его за принятый им титул великого государя, за то, что он жестоко обращался с духовенством и слишком часто употреблял святительскую анафему, и в то же время оправдал учреждение монастырского приказа и признал право местных епископов судить своего патриарха. Никону доставили и вопросы и ответы. Он горячо принялся разбивать их, написал большую книгу, в которой показал всю свою начитанность, с большим увлечением и резкостью высказал свои мысли и о власти патриарха, и об отношении церкви к государству; основательные замечания шли здесь рядом с запальчивыми выходками против Уложения, монастырского приказа и мирского суда над церковью. Неудержимый человек не щадил ни Одоевского, ни Стрешнева, ни Паисия, ни самого царя, дошел в своем увлечении до замечательной близости к идеям папства: “Не от царей, — писал он, — начало священства приемлется, но от священства на царство помазуются; священство выше царства. Царь не давал нам прав, а похитил наши права; церковью обладает; весь священный чин ему работает и оброки дает; завладел церковным судом и пошлинами. Господь двум светилам светить повелел, солнцу и луне, и через них показал нам власть архиерейскую и царскую; архиерейская власть сияет днем — власть эта над душами, царская же в вещах мира сего.” Между тем в конце 1662 года Паисий составил 25 подобных же вопросов, на какие отвечал сам, для отсылки на суд патриархов; имя Никона в них не было упомянуто, и все дело было представлено отвлеченно от его личности. Ответы патриархов, пришедшие в Москву уже в мае 1664 года, были тоже против Ни-

* Есф. 37 гл.

кона. Один *Нектарий* иерусалимский, хотя и подписался на общем свитке, в отдельной грамоте к царю умолял его помириться с Никоном без суда.

Но дело клонилось вовсе не к миру. Еще в 1660 году у Никона начались тяжбы с соседними Воскресенскому монастырю владельцами, *Сытиным* — о побоях, нанесенных патриаршими людьми его крестьянам на покосе спорных лугов — и с окольным *Бобарыкиным*, завладевшим одной вотчиной Воскресенского монастыря. В 1661 году по поводу этих тяжб, не получая удовлетворения на свои жалобы, Никон написал к Алексею Михайловичу самое обидное письмо об унижении церкви мирскою властью. Угрожая царю гревом Божиим, он между прочим рассказывал здесь, что недавно видел видение, будто стоял он в соборе, и все почившие московские святители, встав из гробов, велели ему сказать царю, чтобы не обижал церкви, и будто после этого огонь, освещавший собор, весь устремился во дворец и сжег его. В 1663 году, когда второе из этих дел о спорной земле решилось в пользу Бобарыкина, Никон, собрав братию в церковь и положив царскую жалованную грамоту о монастырских землях под крест, отслужил молебен и после него возглашал клятвенные слова из псалма 108 против обидящих. Государь был сильно возмущен и назначил следствие о том, кого проклинал Никон. Для этого в Воскресенский монастырь были посланы самые неприятные Никону лица — Паисий Лигарид с Иосифом Астраханским и Одоевский со Стрешневым. Никон принял их с чрезвычайным раздражением, кричал на них, не давал говорить. Паисия ругал вором, собакой, самоставленником, нехристом, бранил и собор, пославший послов, грозился, что оточтет от христианства самого государя; на другой день он говорил в церкви поучение, в котором сравнивал Одоевского и Стрешнева с Иродом и Пилатом, а архиереев с Анной и Каиафой; но потом все-таки объяснил им, что проклинал не государя, а Бобарыкина. При разбирательстве всех этих дел Никон постоянно высказывался, что не признает над собою суда местных соборов, и требовал суда восточных патриархов. Присылка патриарших грамот тоже не удовлетворила его, тем более, что за ними ездил на восток некто *Мелетий*, греческий иеродиакон, человек, не возбуждавший доверия, которого Никон прямо винил за подделку рук* и печатей. Как только грамоты эти появились, так и заподозрена была их подлинность. После этого царь убедился в необходимости пригласить в Россию самих патриархов и в сентябре 1664 года послал за ними новое посольство на восток. Из них приняли приглашение только двое — *Паусий* иерусалимский и *Макарий* антиохийский; другие двое отказались от поездки по смутному состоянию дел в их собственных областях и из страха перед турками, но дали от себя Паисию и Макарию полномочия.

Некоторое затишье вражды, наступившее после приглашения патриархов, и частые сожаления царя о Никоне подали одному из близких к Никону бояр *Зюзину* мысль помирить великих государей, устроив между ними свидание. В надежде, что это свидание снова воскресит прежние чувства царя к бывшему другу, Зюзин писал Никону, чтобы тот внезапно приехал в Москву на праздник Петра чудотворца к утрени прямо в собор и послал звать государя на молитву; при этом объявлял, что такова тайная воля самого государя. Никон предался горячей молитве и посту, чтобы сам Господь вразумил его, что делать, и вот однажды в тонком сне явилось ему видение: он в Успенском соборе и все почившие святители, встав из гробов, подписывают свиток о вторичном возведении его на патриаршество... С 17 на 18 декабря 1664 г. в Успенском соборе служили заутреню. Вдруг часа в 3 утра, во время чтения кафизм, с шумом растворились двери и явился Никон с толпою монахов и с преднесением креста, быстро подошел к патриаршему месту, взял посох митрополита Петра и стал. Монахи пропели: “Ис полла эти деспота” и “Достойно.” Раздался знакомый голос, повелевавший дьякону читать большую ектению. Приложившись к мощам, патриарх позвал всех служив-

* Почерков, подписей.— *Прим. ред.*

ших к благословиению. Растерянное духовенство и митрополит ростовский *Иона*, занимавший место Питирима, переведенного летом в Новгород, стали подходить к его руке. К царю Никон послал из собора письмо, в котором рассказывал о своем видении и в заключение писал: “Пришли мы в кротости и смирении, неся с собою мир: хочещи ли Самого Христа приять?” Царь был в таком замешательстве от неожиданности, что врагам Никона нетрудно было повернуть дело по-своему. Патриарху послано сказать, чтобы ехал, откуда приехал. Взяв с собой посох митрополита Петра, он вышел из собора, отрясая прах от ног своих, и уехал опять в Воскресенский монастырь. На дороге у него отобрали чудотворцев посох и допросили о причине приезда. Никон выдал Зюзина; боярин под пыткой сознался в вине и был послан в Казань. Митрополит Иона, подходивший к Никону за благословением, лишен был должности местоблюстителя патриаршего престола; должность эта возложена после него на митрополита *Павла* Крутицкого. После этой несчастной поездки в Москву Никон стал делать уступки, письменно просил царя отменить приезд патриархов, соглашался на поставление нового патриарха с условием, чтобы оставили за ним, Никоном, патриаршее титло, полную власть в трех его монастырях и независимость от нового патриарха. Но в Москве уже решили дожидаться суда патриархов. Тогда Никон в видах предупреждения послал от себя к *Дионисию* константинопольскому и другим патриархам грамоты, в которых, рассказав обстоятельства своего удаления с кафедры, без всякого стеснения в выражениях жаловался на монастырский приказ, на бояр, на Стрешнева, на самого царя, разобрал Паисия, как еретика, и изложил Зюзинское дело. Грамоты эти были перехвачены, и одна из них к патриарху Дионисию после послужила на суде против самого же Никона.

Суд над Никоном и его заточение.

В ноябре 1666 года приехали патриархи. Целый месяц прошел в торжествах по случаю их прибытия и в совещаниях их с царем, духовными властями и боярами, на которых они были ознакомлены с делом, главным образом при посредстве Паисия Лигарида. В конце ноября Никон сам был позван на собор. 1 декабря в кремлевских палатах в присутствии царя и бояр собрался собор из греческих и русских иерархов, какого еще никогда не видала Русская церковь; на нем присутствовали 2 патриарха, 10 митрополитов, 7 архиепископов, 4 епископа, 30 одних русских только архимандритов, 9 игуменов и множество других духовных и светских лиц*. Никон явился с обычной торжественностью, с преднесением креста, совершил вход и хотел было сесть на патриаршем месте, но, не видя его приготовленным для себя, не сел, а стоя провел все время заседания, продолжавшегося более 10 часов. Обвинителем явился сам царь. Весь взволнованный, в слезах стоял он пред святителем, произнося обвинения на своего бывшего друга, жаловался на самовольное его удаление, на восьмилетнюю церковную смуту по его вине, отрицал всякую вражду к нему со своей стороны. Никон держал себя неуступчиво, не делая ни шагу к примирению; на обвинения царя отвечал, что ушел от царского гнева, но патриаршества не оставлял. Царь представил собору грамоту Никона к патриарху Дионисию и жаловался на бесчестие. Все остальное время заседания проведено было в чтении этой грамоты; содержание ее возбуждало постоянные замечания и споры, в которых разные лица, главным образом сам царь, обвиняли патриарха в гордости, превышении власти, в клеветах на царя, в бесчестии на Русскую церковь, защищали себя и вызывали Никона на резкие ответы. Особенно крепко привязались к сильным фразам письма о неправославии Паисия, бросавшим тень на всю Русскую церковь, давшую Лигариду право голоса на своих соборах и право рукоположения. На другом заседании 5 декабря, на которое тоже призван

* Общее число членов собора 1666-1667 гг. на разных заседаниях его было еще больше — до 29 одних архиереев, греческих и русских.

был Никон, и на котором он вступал в особенно горячие споры с своими обвинителями, он выразил сомнение в полномочиях и правах самих патриархов, судивших его, и даже в православии самой греческой Кормчей, на которую неоднократно делались ссылки. “По нужде и дьявол истину исповедует, — сказали Патриархи, — а Никон истины не исповедует.” Было еще несколько других заседаний по делу Никона, но его самого на них не приглашали.

На новом заседании 12 декабря в Благовещенской церкви Чудова монастыря собор наконец прочитал Никону обвинительные пункты — что он самовольно и с клятвой оставил кафедру, по оставлении ее самовольно же священнодействовал и распорядился в своих монастырях, один монастырь назвал Иерусалимом, а разным местам в его окрестностях давал гордые названия Вифлеема, Голгофы, Иордана и прочие, отнимал для своих монастырей вотчины у других монастырей, мешал избранию нового патриарха, злоупотреблял анафемой, анафематствовал в неделю православия русских архиереев, двоих архиереев, посланных к нему царем, назвал Анною и Каиафою, а двоих бояр — Иродом и Пилатом, патриархов называл беспрестольными, отвергал правила поместных соборов, бывших после VII вселенского собора, греческую Кормчую называл еретической, в письме к патриарху обвинял всю Русскую церковь в латинстве, царя называл мучителем неправедным, уподоблял его Иеровоаму и Осии, самовольно низверг и предал биению епископа Павла Коломенского, так что тот сошел с ума и погиб безвестно, называл Паисия еретиком, бил и два года мучил в тюрьме духовника своего, старца Леонида, в Воскресенском монастыре иноков и бельцов мучил мирскими казнями, а иных на пытке жег. За все это его объявили лишенным патриаршества и священства с оставлением за ним только иночества. При снятии сана Никон сказал: “Зачем вы действуете здесь, в монастырской церкви, тайно, как воры? При всем народе, в соборе умоляли меня принять патриаршество, пойдем и теперь в ту же великую церковь.” Патриархи сами сняли с него клобук и панагию. “Жемчуг-то разделите, — снова заговорил Никон. — Будет вам по несколько золотников, чтобы заплатить дань султану.” После этого его увезли в Ферапонтов монастырь.

Заточение Никона в первые годы было очень тяжело. Никон, впрочем, сам отвергал знаки участия к нему царя и отсылал обратно все царские дары. Только в Пасху 1667 года он в первый раз принял присланное ему вино и пил за царское здоровье. После этого царь немедленно облегчил его заточение, позволил ему выходить из монастыря, дал лучшее содержание и особую церковь. Никона стали почитать в монастыре. Толпы народа стекались к нему за благословением и молитвой. В Москву доносили даже, что он хочет бежать из монастыря и возвратить себе патриаршество с помощью черни. Во время Разинского бунта его подвергали по этому поводу даже допросу, но ничего не нашли. В 1676 году царь Алексей скончался, оставив в своем завещании моление к Никону о прощении и разрешении. Суровый патриарх заплакал при известии об этом, но скрепился и не дал письменного разрешения почившему. По смерти царя участь Никона отягчилась. С воцарением *Феодора Алексеевича* пал боярин *Матвеев*, друг Никона, потеряли значение благоволившие к заточнику *Нарышкины* — родня второй супруги Алексея; первенствующее значение при дворе получили родственники первой супруги покойного царя, матери Феодора, Милославские и Хитрово, враги Никона. Под тем предлогом, что Никон дурно отзывался о судивших его патриархах, считает их приговор незаконным, продолжает называться патриархом и допускает жесткости в отношении к окружающим его людям, его перевели в более тяжелое заточение в Кириллов монастырь. Уже под конец царствования, когда влияние Милославских и Хитрово ослабело, царь вспомнил Никона и, по ходатайству своей тетки, царевны *Татьяны*, велел перевести его в любимый его Воскресенский монастырь. Но монастырь этот увидел только бездушное тело своего строителя, скончавшегося на дороге к нему близ Ярославля в 1681 году. Царь велел предать его погребению по чину архиерейскому, невзирая на несогласие патриарха Иоакима, и сам нес

его гроб до могилы. Вскоре он исходатайствовал у восточных патриархов грамоту о разрешении Никона и поминовении его в патриаршем сане наряду с другими московскими патриархами.

Собор 1666 и 1667 гг.

Суд над Никоном составлял только один эпизод из деяний большого московского собора, состоявшего собственно из двух соборов — одного, созванного в феврале 1666 г. из русских иерархов для решения вопросов о церковных исправлениях Никона и расколе, и из собора, начавшегося в конце того же года с участием восточных патриархов. Это был такой же многосодержательный собор, как в XVI веке Стоглавый. Различные церковные исправления, энергичное, даже бурное патриаршество Никона, возникновение раскола, многочисленные обличения современных церковных нестроений, раздававшиеся со всех сторон, и от своих, и от чужих наезжих людей, тяжелое столкновение церковного и государственного ведомств — все это сильно встревожило русскую жизнь и возбудило множество острых и настоятельных вопросов, для разрешения которых правительство и церковная власть спешили теперь воспользоваться помощью такого важного по составу собора. Во время своих многочисленных заседаний собор действительно успел отозваться на все главные вопросы времени, постарался решить и те из них, которые специально касались государственного положения церкви, церковного управления и состояния духовного чина.

Осудив великое государствование Никона, его чрезмерные притязания и некоторые частные распоряжения, например, образование им особого, лично ему принадлежащего церковного удела из трех его монастырей, возвратив незаконно отобранные для вотчины и самые монастыри эти подчинив местным архиереям, собор признал, однако, справедливым основной взгляд Никона на государственное положение церкви и на монастырский приказ. Определено было, что патриарх не должен носить титула великого государя и вступаться в мирские дела, но в то же время подтверждена была прежняя независимость церковного ведомства от мирского суда. Духовных лиц не велено было “вовлечать в мирския судилища” не только по делам гражданским, но до снятия сана даже и по делам уголовным; светские лица церковного ведомства по гражданским делам тоже подчинены были суду одних своих епархиальных архиереев. Собор определил, кроме того, чтобы и сами святители судили свое духовенство во всех делах, а мирян в делах духовных, брачных и по духовным завещаниям, через духовных же, а не мирских людей своих архиерейских домов, вследствие чего при архиерейских кафедрах стали заводиться духовные приказы из судей духовного сана, светским же чиновникам архиерейских домов стали предоставляться главным образом дела суда гражданского, хозяйственные по архиерейским и церковным вотчинам, полицейские и разные исполнительные действия по духовному суду. Кроме того, как было уже замечено, собор обратил внимание на слабость церковной власти, происходившую от непомерной величины русских епархий; и порешил увеличить число епархий; выразил также желание, чтобы для совещания об общих делах архиереи чаще съезжались в Москву на соборы.

Множество церковных нестроений, вскрытых церковным движением последнего времени и представших пред очами собора во всей своей совокупности, сообщило его определениям весьма резкий обличительный тон, превосходивший своею резкостью даже тон тяжелых отзывов о России приезжавших в нее иностранцев. Таков, например, отзыв собора о невежестве русского духовенства, что во священство поставляются невежды, которые “ниже скоты пасти умеют, кольми паче людей,” о дурной жизни и беспорядках в монастырях и проч. По случаю появления раскола и усиления вредных для церкви западных влияний в то время чувствовалась особенная нужда в достойном низшем духовенстве, без которого высшая иерар-

хия, не имея непосредственного влияния на народ, оказывалась бессильной. Для удовлетворения этой нужды собор настаивал на усилении образования в духовенстве и на возвышении его внешнего положения; велено строже производить выбор ставленников на церковные места, а духовным лицам внимательнее относиться к обучению своих детей, чтобы последние были более достойными наследниками отцовских мест. Крайнее развитие наследственности церковных мест породило своеобразный взгляд духовенства на церкви, как на свою частную собственность. Собор заметил, что церкви переходили в духовных семьях по наследству вместе с домовым строением духовенства на прицерковной земле — доходило до того, что у кого из членов причта не было для наследия места родственников, тот продавал свое место чужим за деньги. Собор строго восстал против такого корчемства церквами и распорядился, чтобы прихожане выкупали их у причтов, дабы святые Божии церкви были свободны. Для возвышения авторитета духовенства собор указал ему носить приличное одеяние, не участвовать в пьяных свадебных поездах, не пьянствовать, не вдаваться в срамословие, мздоимство за совершение таинств, особенно таинства причащения, в недозволенные священному сану торги и промыслы и не бродяжничать, переходя с места на место. Бродячее и крестцовое духовенство обратило на себя особенное внимание, так как замечено было в незаконных священнодействиях и в потворстве расколу. Самым полезным распоряжением к уменьшению числа безместного духовенства была отмена собором старинного запрещения службы вдовым священнослужителям; тем из них, которые не уличены были в проступках, лишаящих права священнослужения, дозволено было служить при церквах невозбранно. Относительно монашеского духовенства собор принял меры против его непомерного размножения, против постригавшихся ради одного тунеядства и свободы от службы и тягла; не велено было постригать без разрешения духовной власти и правильного искуса, мужей без согласия жен и жен без согласия мужей, людей не свободных без согласия господ и прочих, запрещено постригать вне монастыря в мирских домах, даже болящих перед смертью. Еще Уложение запретило постригающимся отдавать в монастыри вкладом свои вотчины, а также владеть своими вотчинами после пострижения; собор подтвердил это запрещение и высказался даже против всяких вообще вкладов за пострижение. Изречены строгие правила против бродяжничества монахов и монахинь, проживание их в мирских домах, пьянства и прочего. Высказано несколько резких обличений против юродивых и пустосвятов, бродивших, распустив власы, в монашеских одеждах, в веригах, а иных ходящих нагими и босыми тщеславия ради, на прелесть людям простым и невеждам, да восприимут славу от народа.

Значение и труды патриархов после Никона.

Уступкам, какие государство сделало церкви на соборе 1667 года, немало содействовала личность избранного на соборе нового патриарха, *Иоасафа II*, из троицких архимандритов, старца тихого и кроткого, от которого нечего было опасаться каких-нибудь Никоновских притязаний. В течение 5 лет своего патриаршества он держался в полном согласии с царем, не настаивал на исполнении даже тех распоряжений, какие были сделаны на соборе. Так же тихо и незаметно прошло 10-месячное управление следующего патриарха *Питирима*, бывшего митрополита Новгородского (+ 1673). Но с вступлением на кафедру третьего после Никона патриарха, *Иоакима* (с июля 1674 года), снова началось тревожное время борьбы за права и целостность православной церкви, продолжавшееся до конца патриаршего периода. Этот патриарх был человек твердого и энергичного характера, отличался крупным административным талантом и строгим православным направлением. Он происходил из дворянского рода Савеловых, был сначала на военной службе, потом с 1655 года, постригшись, жил в Межигорском монастыре близ Киева, оттуда был вызван Никоном в монастырь Иверский, с

1664 года в сане архимандрита управлял монастырем Чудовым, в 1673 году поставлен митрополитом в Новгород, наконец в 1674 году, по смерти Питирима, избран в патриархи. Одним из первых дел его было настоять на осуществлении определений собора 1667 года о неподсудности духовенства мирскому суду, которые исполнялись до сих пор далеко не в полной мере. До сих пор оставался еще в целости и монастырский приказ, из-за которого было поднято столько тревог при Никоне, хотя и с ослабленным уже судебным ведомством. В 1675 году в Москве собрался новый собор, который повторил и дополнил прежние определения о церковном суде и после которого монастырский приказ был закрыт; относительно самих святителей собор издал определение, чтобы они ведали свое епархиальное духовенство чрез духовных, а не мирских людей, и не только судом, как определено было прежде, но и сборами, предоставив светским людям своих домов только исполнительное участие в делах о духовенстве, действия против ослушников, ревизии и описи церквей и монастырей, производство расследований и разные дела полицейского характера. Патриарх потом твердо настаивал на неприкосновенности церковного ведомства во всех случаях ее нарушения, мирские ли судьи вторгались в дела церковного суда, или само духовенство проявляло попытки прибегать к суду мирских властей, будучи почему-нибудь недоволено своим духовным начальством.

Затем патриарх обратил внимание на материальные средства духовенства. Еще со времени государственной переписи земель при царе Михаиле Феодоровиче начат был надел церковью писцовыми землями, но производился очень медленно, а в 1676 г., по боярскому приговору, даже вовсе был прекращен. Патриарх восстал против этого боярского приговора и настоял на его отмене. В 1680 году, при новом размежевании земель, ему удалось исходатайствовать общее определение об отмежевании писцовых земель ко всем церквам. В тех же видах улучшения материального благосостояния духовенства патриарх заботился об облегчении епархиальных сборов с духовенства, которые со времени учреждения патриаршества и особенно при патриархе Никоне значительно усилились и, кроме того, до сих пор всецело зависели от усмотрения местных епархиальных властей; он распорядился, чтобы эти сборы по всем епархиям собирались в определенном и однообразном количестве, применительно к количеству, принятому для них в патриаршей епархии.

В отношении к церковным вотчинам правительство оказалось менее уступчивым, чем в вопросе о церковном суде. Определения Уложения по этому предмету были оставлены во всей силе и после 1667 года. Желая извлечь из церковных вотчин как можно больше государственной и общественной пользы, правительство собирало с них свои сборы в количестве, даже усиленном против других вотчин, кроме того, посылало в монастыри для прокормления своих раненых и престарелых служилых людей и требовало от духовных учреждений усиления благотворительной деятельности. В 1678 году положено увеличить патриаршие богадельни в Москве и содержать в них 412 человек нищих. Собор 1682 года, по предложению царя, определил разобрать всех нищих по городам и действительно требующих призрения разместить по церковным богадельням и больницам. При царе же Феодоре вышло распоряжение (1678 года) произвести самую подробную перепись всех церковных имений, которая могла бы служить основой как для определения количества сборов с церковного ведомства, так и для контроля над его экономией, сосредоточенного в приказе большого дворца.

Под конец царствования Феодора Алексеевича в 1682 году в Москве состоялся замечательный собор, на котором царь предложил несколько вопросов относительно церкви и духовенства, выражавших новые идеи правительства и бывших предвестниками грядущей церковной реформы. Кроме известного уже вопроса об “архиерейском прибавлении” или умножении числа русских епархий, царь обратил внимание отцов собора на распространение раскола, на неудовлетворительное состояние духовенства, особенно монастырей, на недоста-

точность церковной благотворительности, на необходимость усилить церковный надзор за продажей книг, за безместным духовенством, служившим при церквях и у крестов в боярских домах, за излишним умножением часовен и т. д. Отвечая на вопросы царя, собор запретил заводить малые пустыни и монастыри, а заведенные прежде велел упразднить и сводить в большие общежительные обители, усилил определенные в 1667 году ограничения излишней свободы пострижения, особенно вне монастырей, распорядился изгнать из монастырей лишних бельцов и белиц, горячо восстал против бродяжничества монахов и монахинь, прожигания их в мирских домах и прошения милостыни по улицам, указал всех таких монашествующих ловить и заключать для исправления в особо отведенные на то монастыри, прекратить вообще всякое сообщение монашествующих с мирянами, особенно в монастырях женских, монахиням не выходить из монастырей даже в свои вотчины, а держать для управления последними особых доверенных лиц из мирян; во всех монастырях стараться заводить общежитие.

По мере усиления преобразовательных стремлений в правительстве и приближения Петровской реформы дело управления Русской церковью делалось все труднее — с одной стороны, она была тревожима расколом, староверием, с другой — ей угрожал все усиливавшийся наплыв в русской жизни западных иноземных новшеств. Последний год патриаршества Иоакима совпал с первым годом самостоятельного царствования *Петра Великого*. Старшие дети царя Алексея от Милославской, Феодор и Софья, получили образование в польско-киевском направлении — поэтому патриарху во время господства их приходилось бороться против польско-католических соблазнов среди православного общества: при Петре, получившем образование совсем в другом направлении, на первый план выступили другие, более сильные соблазны — немецкие, противодействие которым было гораздо труднее.

Новый царь явился человеком, совершенно отрешенным от древних церковных традиций московского дворца. Как младший царевич, сын второй супруги покойного царя, *Натальи Кирилловны Нарышкиной*, он очутился по смерти отца, при господстве Милославских, в каком-то опальном положении, и проводил свое детство не во дворце, а в селе Преображенском, не имел и таких учителей, каких имели старшие дети царя Алексея. Он учился почти самоучкой, среди шумных потех Преображенской улицы и полного простора для своих необычайных сил и природной любознательности. Любознательность эта, предоставленная самой себе, прежде всего, разумеется, обратилась у него на то, что его поражало своей очевидной пользой; его заняли не религиозные предметы и не киевская риторика, как его брата Феодора и сестру Софью, а солдатский строй, пушки, корабли, крепостные работы, ремесла — то, чем Европа так возвышалась над Россией, и для чего Россия толпами вызывала к себе иноземцев, несмотря на всю свою религиозную замкнутость. Отсюда совершенно светский и практический характер его образования и всей его будущей реформы. Такое направление сблизило его с Немецкой слободой, потому что в России одни только немцы и знали то, что ему было нужно. Для его предшественников знаться с еретиками было страшно; для Петра, не получившего старинного церковного образования, этого страха не существовало, и он сблизился с немцами близко и свободно. В таком же направлении была воспитана и ближайшая петровская компания, дружина новых людей, с которой он делил и горе и радость, вместе работал и вместе отдыхал на разгульных пирах в обществе с немцами. Старая жизнь не замедлила, конечно, встретить эту новую, начинающуюся жизнь сильным противодействием, но такого огненного человека, с такой крутой силой воли, как Петр, остановить в его направлении было уже невозможно; препятствия, встречаемые им на пути, ни к чему не вели, кроме опасного озлобления его души, и без того еще с детства обремененной озлобляющими впечатлениями.

Петр вырос в гонении от родных, под страшными впечатлениями стрелецких бунтов и интриг Милославских, постоянно раздражаемый указаниями на отнятую у него власть, торжество нелюбимой родни. Из него вырабатывался второй Иоанн Грозный, такой же ревнитель своей церковной самодержавной власти и такой же неудержимый каратель всякого противодействия этой власти. Грозному нужно было разбивать своими карами мешавшие царской власти остатки старого вечевого и дружинного быта; царю-преобразователю пришлось обратить свои кары преимущественно против народных суеверий и старой религиозной исключительности русской жизни, против отрицания всего, что лежит вне религиозной сферы, потому что отсюда и шло главное противодействие его деятельности. Еще в период его потех его раздражали неприязненные толки об его поведении царевен-теток и царевен-сестер, пересуживавших у себя во дворце все, что творилось в Преображенском; против его дружбы с немцами была его мать, его брат *Иоанн*, супруга последнего *Прасковья Феодоровна*, собственная его супруга *Евдокия Феодоровна Лопухина* со всей своей родней. Не нашел он себе сочувствия и в патриархе. В известной борьбе Нарышкиных с Милославскими из-за престола Иоаким был постоянно на стороне Петра, действовал в его пользу и при первом избрании его на царство по смерти царя Феодора в 1682 году, и при свержении владычества царевны Софьи в 1689 году, явившись к Петру в Троицкую лавру одним из первых влиятельных лиц, но сильно разошелся с молодым царем во взглядах на значение для России иноземцев. Еще при Софье, перед началом крымских походов, он решительно высказался, что московских полковников не следует поручать какому-нибудь еретика Гордону. После свержения владычества Софьи в 1689 г. он настоял на издании даже особого указа о строжайшем допросе на границах всех приезжавших в Россию иноземцев, кто они, откуда и зачем приехали. Он не прочь был запретить все их кирхи даже в Немецкой слободе. На один торжественный обед при дворе был приглашен заслуженный полковник *Гордон* — патриарх настоял на его удалении от торжества; на другой день царь угостил обиженного иноземца торжественным пирогом в загородном дворце и этим выразил свое недовольство патриархом. После себя Иоаким оставил духовное завещание, в котором умолял царей Петра и Иоанна никак не допускать православных до дружбы с еретиками, не давать иноземцам начальства при полках, не позволять в России постройки кирх и не вводить иноземных обычаев. Такое неприязненное к иноземцам отношение этого энергичного патриарха, в смутное время стрелецких бунтов и в правление Софьи успевшего получить особенно важное значение, не могло не казаться Петру опасным, и он сохранил об Иоакиме недобрую память, как о втором Никоне, что имело немалое влияние на его отношения и к самому патриаршеству.

Патриарх Иоаким скончался в 1690 г. Преемником его, по желанию благочестивой Натальи Кирилловны и против желания Петра, был поставлен казанский митрополит *Адриан*, близкий человек к покойному и такой же ревнитель православия, но менее его образованный и еще более приверженный к старине, считавший брандобритие великой ересью. В начале своего патриаршества в окружных посланиях в пастве он высказывался крайне резко и против иноземцев с их обычаями, и против табака, и против брандобрития, повторив против последнего даже проклятие Стоглава, и этим поставил себя в самое неприятное положение в отношении к царю. Вскоре это положение сделалось для него еще хуже, когда против Петровских реформ поднялись народные протесты и, к крайне невыгоде для духовенства и самой церкви, тоже во имя православия. Во имя православия же в 1698 г. поднялся против царя и новый стрелецкий бунт, заставший Петра прервать свое заграничное путешествие. Страшный стрелецкий розыск ясно показал, до какого неумолимого озлобления доведен был тогда Петр против враждебного его планам старинного духа. Когда Адриан, по древнему обычаю печалования, вздумал было походатайствовать за стрельцов, явившись к царю с иконой Богоматери, царь с гневом велел ему уйти прочь и поставить образ на место. “Я не меньше те-

бя, — говорил он, — чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг казнить злодеев, умышлявших против общего блага.” Гнев царя не пощадил даже его собственного семейства: царевны Софьи и Марфы, мутившие стрельцов, и царица Евдокия были пострижены в монашество. Патриарх поневоле должен был замолчать и стушеваться.

После этого он постоянно держался перед царем робко, боялся обращаться к нему лично даже со своими докладами, а прибегал для этого к посредству кого-нибудь из близких к царю лиц, в последнее время даже вовсе уехал из Москвы и жил в своем любимом Перервинском монастыре. Один только раз попытался он возвысить свой голос, когда правительство, приступив к составлению нового Уложения, подняло вопрос о полномочиях церковного суда и обнаружило намерение снова коснуться этой стороны церковных прав, как при составлении первого Уложения при царе Алексее. Вопрос касался на этот раз оснований церковного суда по совершению чисто гражданских актов о приданом при свадьбах или сговорных записей и духовных завещаний. В феврале 1700 года составляющая Уложение комиссия потребовала о том из патриаршего приказа справок. Патриарх распорядился составить по поводу этого запроса обширную записку — “Статьи о святительских судах,” где тщательно собраны были все документы, служившие основанием судебных прав Русской церкви, начиная с Номоканона, древних княжеских уставов и ханских ярлыков, и внушалось правительству помнить все это и не нарушать преданий старины. Но это была уже последняя попытка отстоять неприкосновенность прежнего широкого судебного ведомства церкви. Вместе с пространной инструкцией того же патриарха от 1697 года старостам поповским “Статьи о святительских судах” заключают в себе итог всей внутренней, административной и судебной, жизни древней Русской церкви. Патриарх не мешал царю, но последний тем не менее не переставал смотреть на него подозрительно, как на нравственное средоточие всех недовольных. Безучастное положение главы церковного ведомства в его глазах было тем же отрицанием новых порядков, только безмолвным. Патриарх замолчал, но он мог и опять заговорить в том же духе, в каком высказывался прежде, а время было тревожное и опасное, когда разладица между царем и патриархом могла наделать еще больше хлопот, чем при Никоне. В октябре 1700 года Адриан скончался, и преемник его уже не был назначен: патриаршее управление в Русской церкви кончилось.

2. Расширение пределов Московского патриаршества.

Внешнее расширение пределов Русской церкви.

Этот процесс в начале описываемого времени был задержан бедствиями смутного времени. На северо-западной окраине Руси произошло даже значительное их сокращение от потери Россией Ингрии и Карелии, по Столбовскому миру (1617 года) уступленных Швеции. Православие много пострадало здесь еще в смутное время; шведские войска, постоянно здесь двигавшиеся, разорили множество церквей и монастырей. Были разрушены древние обители Коневская и Валаамская; монахи успели спасти только мощи Вааламских чудотворцев и разошлись по другим монастырям. Завладев этим краем, шведское правительство принялось распространять в нем протестантство. Но зато во второй половине XVII столетия Московское патриаршество значительно увеличилось присоединением к нему Киевской митрополии.

Присоединение Малороссии.

В Малороссии с 1648 года поднялось еще небывалое по размерам казацкое восстание против польского владычества под предводительством знаменитого гетмана *Богдана Хмельницкого*. Для успокоения этого опасного восстания поляки, по Зборовскому трактату, обещали православным восстановить все их права, митрополиту дать место в сенате, города, в которых были православные школы, освободить от пребывания иезуитов, обещали даже подумать об уничтожении унии в Украине и Литве. Но когда восстание несколько поуспокоилось, все эти обещания были забыты. Второе восстание Хмельницкого кончилось неудачно, и в новом Белоцерковном трактате об унии и сенаторстве митрополита не было уже и помину; вся польская Русь очутилась в прежнем невыносимом положении. Тогда тысячи переселенцев устремились из нее на восток, в Московское государство. К Москве же обратился наконец и сам Богдан, и в 1654 году Малороссия присягнула на московское подданство. Последовавшая затем война России с Польшей кончилась тем, что по перемирию 1655 года Польша должна была уступить России всю Малороссию и Белоруссию. После этого в Смоленске, Полоцке, Могилеве, Вильне и других городах завоеванного края началось повсеместное восстание православия и истребление унии с католичеством. В Москве надеялись, что после возвращения этих искони русских земель вскоре должны будут снова соединиться между собой и обе доселе разделенные половины Русской церкви; патриарх Никон титуловался уже патриархом всея Великия и Малыя и Белья России; но последствия долго не оправдывали этой надежды.

Подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху.

В вопросе о своем подчинении Москве западная Русь разделялась на две партии. Народная масса и простые казаки всегда стремились под царя православного; им сочувствовало белое духовенство. Но шляхетство и казацкая старшина тянули к шляхетской Польше; этой партии сочувствовало высшее духовенство, для которого номинальная зависимость от константинопольского патриарха была выгоднее действительной зависимости от патриарха московского. Митрополит киевский, преемник П. Могилы, *Сильвестр Коссов* долго не изъявлял покорности царю и московскому патриарху; отговариваясь страхом польской мести, он даже и после присяги киевлян царю пред боярами продолжал просить царя, чтобы малороссийская иерархия была на прежних правах оставлена в ведомстве греческого патриарха. Преемник Сильвестра (с 1657 года) *Дионисий Болобан* решительно отказался принять посвящение в Москве и явно тянул к Польше, приверженцем которой был и гетман *Выговский*. Скоро оба они совсем перешли в польское подданство. Управление западно-русскою церковью, вместо Дионисия, в Москве порешили возложить пока на наместника. С согласия царя Питирим (управлявший патриаршеством) определил на эту должность известного царю нежинского протопопа *Максима Филимонова*, посвятив его (1661 г.) после пострижения с именем *Мефодия* в епископа Мстиславского. Но его наместничество не было признано ни греческим патриархом, ни многими западными иерархами. Митрополит Дионисий не признавал даже его епископства и посвятил другого епископа на ту же мстиславскую кафедру, *Иосифа Тукальского*. Много повредил Мефодию и Никон, наложив за его посвящение анафему на Питирима.

После измены Выговского Малороссия разделилась на две половины — польскую за Днепром и русскую по левую сторону Днепра; пошли междоусобия и измены гетманов. Общая смута отозвалась и на церковных делах. После смерти Дионисия в 1663 году на западной стороне Днепра одной партией был избран в митрополиты епископ *Иосиф Тукальский*, другой — *Антоний Винницкий* Перемышльский. Неизбежная смута между ними не разыгралась

только потому, что в следующем году Иосиф попался в плен к полякам и 2 года томился в тюрьме. На восточной стороне продолжал управлять церковными делами Мефодий, но войдя во вкус независимой иерархической власти, и он вскоре перешел на сторону польской же партии, несмотря на то, что всем своим значением обязан был Москве. Когда гетман Брюховецкий стал хлопотать о присылке настоящего митрополита из Москвы, Мефодий вместе с Иннокентием Гизелем, печерским архимандритом, и с другими лицами из монашеского духовенства решительно объявили, что все они запрут в своих монастырях, и разве их за ноги оттуда выволокут, тогда только в Киеве будет московский митрополит. Противомосковской партии много помогало распространившееся тогда по Малороссии недовольство Москвой за Андрусовский мир, по которому Россия уступила полякам все свои литовские завоевания и всю заднепровскую Малороссию, оставив за собой только один Киев, и то на два года. Гетман заднепровья *Дорошенко* поддался Турции, надеясь освободиться от польской неволи с ее помощью, как прежде Хмельницкий освободился с помощью Москвы. Турецкая партия усилилась и на восточной стороне, так как прошел слух, что царь и остальную Малороссию хочет отдать под унию и короля. К ней пристали и Мефодий с Брюховецким, потому что Дорошенко посулил за это первому независимую митрополию, а последнему — гетманство на обеих сторонах Днепра. Но лишь только Брюховецкий изменил, променяв царя на султана, как Дорошенко убил его, желая сам остаться гетманом над обеими сторонами. Обманул он и Мефодия. Еще раньше этого он освободил из плена Иосифа Тукальского. Последний немедленно снял с Мефодия сан и приговорил его к заточению. Мефодий бежал в Москву, но и здесь подвергся заточению в монастыре за измену.

На восточной стороне Днепра, однако, не хотели повиноваться Иосифу; всеми церковными делами управлял здесь, вместо Мефодия, старший из епископов *Лазарь Баранович* Черниговский. Несмотря на то, что константинопольский патриарх единственным законным митрополитом Киева считал Иосифа, последний должен был оставаться до самой своей смерти (1676 г.) при Дорошенко в Чигирине. Со смертью его церковное управление перешло в руки Лазаря уже на обеих сторонах Днепра. В 1686 г. Россия заключила с Польшей вечный мир, удержав за собой всю восточную Малороссию и с Киевом; в других русских областях, оставшихся за Польшей, поляки обязались дать православным свободу веры и возвратить православные епархии: Луцкую, Львовскую, Перемышльскую и Могилевскую. Теперь пора было наконец приступить и к избранию общего митрополита. Первым кандидатом был Лазарь, но он не хотел ехать на поставление в Москву. Поэтому, обойдя его, патриарх Иоаким поставил в митрополиты луцкого епископа *Гедеона Четвертинского*. Константинопольский патриарх Дионисий, после соборного совещания с другими патриархами, в 1687 г. сам согласился признать зависимость Киевской митрополии от Московского патриаршества. Этим важным актом окончательно прекращено было разделение Русской церкви, продолжавшееся около двух с половиной столетий. Единство ее, однако, восстановилось не вполне: от нее остались отторгнутыми литовские области и Галиция и без поддержки Малороссии очутились в самом жалком положении.

Распространение христианства в Сибири.

На востоке церковь успешно приобретала себе новых чад в Сибири. Правительство содействовало ей в этом своими материальными средствами и льготами обращавшимся иногородцам. Сибирские казаки продолжали покорять новые земли; по их следам везде возникали русские города и селения с храмами и монастырями. Из Москвы посылались для них книги, иконы, церковная утварь и духовенство. Для больших успехов святой веры в 1620 году для Сибири открыта была новая епархия в Тобольске. Первым архиепископом ее был *Киприан*

(из игуменов Хутынского монастыря); он много заботился об исправлении дурной нравственности русских поселенцев в Сибири, а для скорейшего просвещения верой диких туземцев старался умножать по своей епархии церкви и монастыри. В 1624 году он был переведен на Крутицкую епархию. Некоторые обители имели особенно важное значение в деле христианской миссии. В 1644 году старец *Далмат* (из Невьянского монастыря) основал на реке Исети Далматовский монастырь, сделавшийся потом средоточием христианского просвещения для огромного округа возникших около него русских и инородческих поселений. В 1653 году возник другой известный просветительным влиянием монастырь в остяцком крае, Кодинский или Кондский. С половины XVII века казаки стали покорять южную Сибирь; дружины *Хабарова* проникли за Яблоновый хребет на реку Амур. В крепости Албазине появилась приходская церковь, а в 1671 г. иеромонах *Гермоген* основал здесь монастырь. В 1681 г. сибирский митрополит *Павел* отправил туда проповедниками игумена *Феодосия* и несколько монахов; для распространения веры в Забайкалье миссия эта устроила монастыри Селенгийский и Посольский. Собор 1682 года положил послать искусных духовных людей еще в Дауры на реку Лену. С 1660 по 1672 год по восточной Сибири возникли обители в Якутске, Киренске и Иркутске. В 1689 году весь Амурский край был уступлен Китаю; Албазин скрыт, и христианская вера перестала здесь существовать, но зато проникла в самый Китай. Еще ранее несколько русских пленных из Албазина в 1685 году были поселены в Пекине в особой слободе под именем Русской роты с дозволением иметь у себя церковь. В 1695 году тобольский митрополит *Игнатий* послал к ним священника и дьякона с антимином, миром, церковными книгами и утварью.

Продолжались попечения Русской церкви и о другой отдаленной окраине государства — *Прикавказье*. Еще при Грозном Грузия просилась на русское подданство. Но русским трудно было удержаться здесь при сомнительной верности местных владельцев. В начале XVII века персидский шах Аббас овладел всей Грузией и разорил в ней все церкви. В 1619 г. царь Кахетии, Карталинии и Имеретии *Теймураз* снова предложил подданство царю Михаилу Федоровичу; просьба его была исполнена, Персия на время была удержана от войны мирными переговорами. Вскоре (1626 г.) шах прислал патриарху Филарету в знак своей дружбы к нему *Ризу Господню*, которая была некогда взята в Персию из Грузии как военная добыча; патриарх установил в честь ее праздник. Но потом персиане отняли у Теймураза все его владения, кроме Кахетии, и стали истреблять в них православную веру. В 1650 году новый имеретинский царь *Александр* тоже принял русское подданство. Несмотря на гнев шаха, Имеретия и Кахетия остались за Россией. Царь грузинский Теймураз, как мы знаем, в 1658 г. сам был в Москве для присяги на подданство. После падения Никона дело о защите Грузинской церкви остановилось. Попечения об ней России ограничились лишь помощью в устроении ее богослужебного порядка и радушным приемом грузинских эмигрантов.

В самой России оставалось еще обширное поприще для христианской миссии. В *Казанском крае* после первых его просветителей, казанских чудотворцев, дело христианской миссии остановилось до конца XVI века, пока казанским митрополитом не сделался Гермоген. В 1593 году в своем донесении царю и патриарху он нарисовал печальную картину состояния своей паствы: крещеные инородцы, живя среди некрещеных, некоторые даже в рабстве у последних, часто отпадали от веры, да и вообще содержали христианскую веру нетвердо — не носили крестов, не чтили икон, постов не соблюдали, церкви и духовенства не знали, покойников хоронили на татарских кладбищах; по оплошности воевод, в Казани опять были построены мечети. По просьбе его царь и патриарх распорядились: всех крещеных переписать вместе с их семьями и отделить от некрещеных в Казани в особую слободу с церковью поблизости к русским; наблюдать, чтобы они держали православную веру крепко, а которые будут держать ее некрепко, тех отсылать к владыке на смирение или сажать в тюрьму; не-

крещеным крещеных в услужении не держать, не допускать между ними и смешанных браков; мечети в городе вконец извести. О миссионерской деятельности преемников Гермогена не известно ничего до самого XVIII века. Православная вера понемногу все-таки продолжала распространяться по всему Поволжью. В видах поощрения инородцев к крещению правительство с своей стороны выдавало разные распоряжения, направленные к стеснению их суеверий и к ослаблению их влияния на крещеных. В 1628 года велено было вывести из их дворов всех проживавших у них крещеных; при Алексее Михайловиче за такое проживание у иноверцев велено наказывать и самих крещеных; холопы по крещении освобождались от власти их иноверных господ; за совращение крещеного холопа в басурманство назначена казнь чрез сожжение. Вотчины и поместья некрещеных владельцев в 1654 году велено было отдавать в наследство только крещеным, хотя бы и дальним, их родственникам. В 1681 году у некрещеных мурз велено отобрать все вотчины и поместья с христианским населением, замышляя их за то землями некрещеной мордвы и других инородцев, а которые захотят креститься, за теми их земли оставлять по-прежнему. Новокрещеным давали разные льготы и земли. К сожалению, все эти распоряжения, особенно в связи с злоупотреблениями разных приказных людей, часто прикрывавшимися ревностью по истинной вере, производили среди некрещеных инородцев только лишнее раздражение, которое с особенной силой обнаружилось во время Разинского бунта. Когда Разин обещал инородцам полную свободу веры, они приняли в его восстании самое живое участие, отозвавшееся на деле православной миссии весьма вредно. Поэтому торжество государства при укрощении этого бунта в свое время было торжеством и для православной церкви.

Успешнее шло дело христианской миссии *между Мордвою* Рязанского и Тамбовского края, где в половине XVII века явился замечательный деятель — рязанский архиепископ *Мисаил* (1651-1656 гг.). В 1654 году он начал непрерывные поездки по своей епархии для крещения татар и мордвы. В Касимове были крещены два татарских царевича — касимовский и сибирский; в Шацком и Кадомском уездах обратилось до 316, а в Тамбовском до 4200 человек татар и мордвы. Но во второе свое путешествие святитель встретил сильное противодействие как со стороны мусульман, так и со стороны язычников, и должен был прибегнуть к помощи гражданской власти, при содействии которой крестил еще много и тех и других. Третья поездка в 1656 году по Шацкому уезду была для него роковой: близ села Конобеева на него напала огромная толпа разъяренных язычников, человек в 500, и святитель погиб от стрелы мордвина. Кровь его сделалась, однако, новым семенем христианства; следствие по его убиению до того напугало инородцев, что они после этого начали креститься в особенно большом количестве.

3. Христианская жизнь и богослужение.

Характер времени.

Христианская жизнь в среде русского народа продолжала развиваться в том же направлении, как и прежде. Тот исключительно религиозный уклад всей русской жизни с преобладающим обрядовым направлением, который так резко обозначился еще в XV и XVI веке, теперь получил полную законченность. Окончательно сформировалась Русь святая, православная, единое, как писали русские книжники, православное царство во вселенной, перед которым все другие страны были странами или еретическими, или басурманскими. Здесь все оценивалось и осмысливалось с религиозной точки зрения, в применении к Православию,

причем освящение православием простиралось и на все житейские формы и обычаи. Независимо от религии, от Церкви немислимо было и само государство; оттого ему мало казалось одного великого государя, а нужны были два великих государя, из которых один царствовал, а другой, сидя с ним на своем месте рядом, благословлял его царственные дела, направлял их по правилам святой церкви и молился об их успехе. Петр Великий заметил после в своем Духовном регламенте, что народ прямо считал патриарха “вторым государем, самодержцу равносильным, или больше его.” Не мудрено, что со времени Никона, со времени высшего развития государственной и патриаршей властей вопрос об их взаимном отношении получил такой острый и беспокойный характер, и решение его, вследствие большого развития государственных идей, приняло направление, клонившееся прямо к уничтожению патриаршества. Вся жизнь великого государя царя проходила не столько в государственных занятиях, сколько в церковных службах, праздничных выходах, богомольных путешествиях и церковных церемониях и была вся окружена церковной обрядностью и религиозным этикетом. Точно так же, насколько могли, старались устраивать свою жизнь и все государевы холопы — служилые люди разных рангов, и государевы сироты — простой народ. Светская сторона общественной жизни была вовсе не развита; церковная обрядность служила единственным источником для удовлетворения всем высшим эстетическим потребностям, а церковное учение и божественные писания — единственным источником всего образования и всех жизненных идеалов русского общества. Такое господствующее значение религии и церкви во всем укладе русской жизни сопровождалось многими светлыми явлениями, обнаруживавшими в русском обществе большую набожность и сильную любовь к своей православной и святой Руси. Смутное время, бурями своими поднявшее с Русской земли весь ее сор и плевелы, ознаменовавшееся таким множеством измен, душепродавцев и кровавых деяний, показало вместе с тем и то, как крепок грунтовой слой этой земли и какие дорогие заключаются в нем сокровища, вызвало на высокие подвиги Иова, Гермогена, Авраамия Палицына, Дионисия, целый сонм русских святителей, иноков и других духовных лиц — страдальцев за православие и за Русскую землю, вызвало на поприще истории Пожарского, Минина, Сусанина и многие сотни тысяч всяких земских людей, “в любви, совете и соединеньи” поднимавшихся со всех концов России спасать Москву, святые церкви Божии, веру истинную, свое “прироженье.” Высокие примеры благочестия, патриотизма и христианских добродетелей не оскудевали и в последующее время. Благотворное влияние святой веры выражалось многими добрыми явлениями и в обыденной жизни обыкновенных, рядовых русских людей, служа более или менее сильной сдержкой для страстей и грубых инстинктов и сообщая довольно суровому строю этой жизни хотя несколько более мягкие черты некоторого патриархального добродушия. Одной, например, из самых распространенных добродетелей того времени было милосердие к нищим, убогим и страждущим в тюрьмах; подача милостыни и посещение тюрем в некоторые священные времена христианского года считались обязательными для всех достаточных людей, не исключая и царя с царицей, и хоть в эти времена напоминали сильным и богатым людям о чувствах христианской любви к людям слабым и убогим. Высшей формой благочестия по-прежнему была жизнь монашеская; в XVII веке появилось до 220 новых обителей. Много было в них монахов недостойных, вызывавших против себя сильные обличения со стороны и духовной и светской власти, но не оскудевала Русская церковь и истинными подвижниками, которых по кончине их доселе чтит в лице своих святых. Таковы: *Василий Мангазейский* (+ 1600), *Галактион* и *Иосиф Вологодские* (+ 1612), *Иринарх Ростовский* (+ 1619), *Адриан Монзенский* (+ 1619), *Проконий Вятский юродивый* (+ 1627), *Иринарх Соловецкий* (+ 1628), *Дионисий Троицкий* (+ 1633), *Никодим Кожезерский* (+ 1640), *Елеазар Анзерский* (+ 1656), *Максим* и *Андрей Тотемские*, *Макарий Коневский* (+

1678) и многие другие. Не упоминаем уже о высоких иноческих добродетелях многих русских святителей.

Но высшая степень развития всего этого исключительно религиозного уклада русской жизни была вместе с тем и началом его разложения. В нем недоставало образования, которое сообщало бы ему должную сознательность, разумность и внутреннюю силу, и без которого сама религия превращалась среди него в одну слепую приверженность к формам, обрядам. Уклад этот мог безопасно держаться в стране замкнутой, не тревожимой ни внешними влияниями, ни сравнением своего с чужим, ни возникавшими отсюда беспокойными вопросами и критикой; но Россия стала терять свой замкнутый характер еще в XVI веке, а с XVII века подверглась непрерывному напору внешних влияний и с востока — из Греции, и с запада — от Польши и немцев. Неподвижная прежде жизнь ее всколыхнулась и пришла в сильное и беспокойное волнение. При царе Борисе в смутное время наплыв в Россию иноземцев чрезвычайно усилился и производил большой соблазн в православных людях; некоторые православные стали подражать иноземным обычаям и даже брить себе бороды. Но заимствуя иноземные обычаи, русский человек, по известному уже нам смешению внешних форм жизни с верой, заимствовал от иноземцев иногда и их религиозные верования, а особенно противообрядовое протестанское вольнодумство. Неосмысленное обрядовое благочестие, по видимому, очень стойкое и упрямое, на деле оказалось весьма слабым перед протестанскими насмешками. Разные бояре, служилые и торговые люди, входя в ближайшее общение с иноземцами, начинали и сами смеяться над иконами, постами и прочим, доходили даже до полного отступничества и от веры православной, и от самой своей родины. При Годунове несколько молодых людей было послано для науки за границу, но соблазн западной цивилизации подействовал на них так сильно, что они уже не вернулись назад. Во время переговоров под Смоленском князь Голицын между прочим говорил полякам, что русским вместе с королевскими людьми служить никак нельзя ради прелести — послужат с год и половина уйдет к королю. В царствование Михаила встречаем выразительную грамоту царя и патриарха князю Хворостинину. Князь этот в смутное время сошелся с поляками и стал после этого бранить все русское, говорил, что на Москве и жить ему не с кем — все народ глупый, и собирался бежать в Польшу; при царе Василии Шуйском, побывав за это в монастырском заточении, он озлобился и против церкви, ни сам не ходил к богослужению, ни людей своих не пускал, начал пить, пропил всю страстную неделю, весь пост ел мясо, к пасхальной заутрене не ходил и опять попал в монастырь; освобождая его от вторичного заточения, царь с патриархом и выговаривали ему все эти вины. Известное вольнодумное движение XVI века, выразившееся в московских ересьях, хотя и было в свое время подавлено, не пропало и в XVII веке; более или менее ясной полосой оно проходит по всему описываемому времени вплоть до новой московской ереси, появившейся при Петре в начале XVIII века.

По успокоении государства от смут для поддержания православной старины патриарх Филарет прибегнул к усилению религиозной строгости. На соборе 1620 года он провел крайне суровое определение — католиков, униатов и протестантов, желающих присоединиться к православной церкви, присоединять не иначе как через второе крещение, перекрещивать даже православных (западного края), если они крещены не через погружение, а через обливание, не исключая особ, имевших священный сан. Католических храмов вовсе не позволяли строить в России; протестантам позволялось иметь кирхи только в Немецкой слободе. Но в Москве недаром уже существовала эта слобода — это была передовая колония, которую запад вдвинул в самое средоточие русской жизни и с помощью которой знакомил русских с особенностями, обстановкой и культурными приманками своей собственной жизни. При царе Алексее Михайловиче появились и другие, уже православные, следовательно, более компетентные обличители недостатков русской жизни — греческие иерархи с востока и юго-

западные монахи-учители, которые делали свои указания уже во имя Православия, для блага самой Церкви. И началось самое тревожное время, время Никоновских исправлений. Консервативная часть русского общества усиленно пыталась удержать неподвижность своей старины, но это оказалось уже невозможным и повело только к церковному расколу. Религиозная нетерпимость была еще так сильна, что, например, Никон насильно истреблял у бояр немецкие органы, ливреи для слуг и картины. Строгое определение собора 1620 года о переkreщивании католиков и униатов было отменено уже московским собором 1667 года. Подвергалось преследованию бранобритие; за употребление табака резали носы. Но в то же время все усиливался вызов иностранцев на царскую службу; в самом дворце царя завелись немецкая музыка, картины, часы, зеркала, кареты и другие заморские диковинки, завелся театр и придворная школа комедиантов; правительство искало себе на западе пособий от тамошних наук, искусств и ремесл. Видно было, что прежнее исключительно церковное образование уже перестало удовлетворять современным потребностям, что потребности эти расширились и требовали восполнения старого образования новыми элементами образования светского. При таких обстоятельствах гонения на иноземные заимствования должны были только озлоблять новых людей и обуславливать крутой характер грядущей реформы. При царе Алексее Михайловиче один из таких новых людей, молодой Ордын-Нащокин бежал за границу, а один из таких же эмигрантов Котошихин в своей книге о России рассказывает, что из опасения новых эмиграций московское правительство вовсе запрещало ездить русским за границу. Но в конце XVII в. новых людей стало уже много; во главе их стоял сам царь, и бегать им из России стало незачем. Имея в руках силу и власть, они уже сами могли перестраивать русскую жизнь по своему вкусу на иностранный лад.

Таким образом, весь XVII век нашей истории, будучи временем полного развития старинного уклада русской жизни, был вместе с тем, особенно во второй своей половине, и временем постепенного расшатывания этого уклада, временем всякого рода обличений, исправлений и попыток к усилению образовательных средств страны. Программа этих исправлений и образовательных требований время от времени все расширялась и постепенно вела русскую жизнь к общей реформе при Петре Великом.

Остатки язычества и суеверия.

Исправлять приходилось очень многое и в характере народной религиозности, и в самой церковной обрядности, к которой эта религиозность тяготела всего более. Народная религиозность и до сих пор еще страдала нечистой примесью разных остатков язычества и множественностью суеверий. Духовная и светская власти рассылали грамоты, которыми запрещалось, например, кликать коледу, праздновать купалу, скакать через костры, принимать скоморохов, заниматься бесовскими играми и песнями, купаться во время грома в воде, умываться с серебра, в святки переряживаться и гадать и прочее; запрещались бесчиния, сквернословие и грязные обычаи на свадьбах, грязный разгул во время праздников, делавший их днями пьянства, бесчиния и драк. В обличениях против остатков язычества мы уже не встречаем упоминания старых божеств, но языческий склад мыслей и теперь хранился в народе во всей свежести. В явлениях природы видели таинственные силы леших, домовых, водяных, русалок и других мифических существ. Не только в народных сказаниях, но и в книжной письменности разных травников, лечебников, сборников ложных молитв и других отреченных книг господствовали суеверные рассказы и приметы относительно таинственной силы разных предметов природы. Вера в волшебство была общей во всех классах общества. О Борисе Годунове известно, что он из многих городов призывал к себе волхвов, от которых узнал, что будет 7 лет царствовать. В присягу на верноподданство при нем включены были обязательства “над го-

сударем и над царицею и над их детьми в еде, питье и платье и ни в чем другом лиха никакого не учинить, зелья лихого и коренья не давать, следу не вынимать, по ветру лиха не насы- лать.” Успехи самозванца и Марины в современных грамотах прямо приписывались их чаро- действу. Обвинения в чародействе и порче стояли на первом плане в известных делах о не- удавшихся царских невестах: невесте царя Михаила Марье Хлоповой и царя Алексея — боя- рышне Всеволожской. Опасение порчи в царском семействе было развито до крайности и возбуждало строгие розыски при дворе при всякой болезни царицы или царских детей, не испортил ли их кто. Уложение царя Алексея назначило за колдовство наказание кнутом и сожжение на костре. В областях дела по ведомству и порче возникали весьма часто и были хорошей поживой для корыстолюбивых приказных людей, которые для своей корысти на- рочно заставляли ябедников делать доносы в ведомстве на более состоятельных людей. Кли- куш было множество повсюду, при всех священных местах и при богослужении каждой церкви. При царе Феодоре Алексеевиче встречаем обвинение в ведомстве и ссылку в Пусто- зерск образованного боярина Матвеева. При Софье к помощи колдунов прибегал ее люби- мец, князь Голицын, один из самых образованных людей своего времени, восхваляемый все- ми имевшими с ним дела иностранцами. В самом конце XVII века встречаем жестокие двух- летние розыски над колдунами, заподозренными в намерении известить царя Петра с его мате- рью. Наряду с кудесниками и волхвами необычным благоговением пользовались в народе разные ханжи, святоши и лжепророки, против которых восставал собор 1667 года, поражав- шие толпу своим странным поведением, таинственными речами и действиями. Их видения, сны и чудеса, рассказы о гласах от образов и разных знаменьях сильно волновали легковер- ную массу и прямо ко вреду церкви православной, особенно со времени появления раскола.

Развитие крайне обрядовой религиозности.

Полуязыческий взгляд на христианские святыни и теперь, как во времена Стоглава, про- являлся в волхвовании священными предметами, частицами просфоры, богоявленской во- дой, ладаном, а также в списках разных лживых молитв, сна Богородицы, иерусалимского свитка и других подобных бумажках, которые употреблялись вместо талисманов, наконец, в переделках христианских молитв в заговоры и заговоров в молитвы. Дух этого полуязыче- ского кудесничества слился с обрядовым благочестием и произвел известный народный взгляд на обряд не как на выражение внутреннего благочестия, получающее всю силу только от последнего, а как на нечто самостоятельное, имеющее какую-то собственную магическую силу, спасительное само по себе. Богослужение, по этом взгляду, теряло всю свою силу от малейшей в нем перемены, как например, терял всю свою силу прочитанный неверно или без соблюдения какого-нибудь условия своей обстановки кудеснический заговор. Это крайне вредное для православия явление с особенной силой обнаружилось по поводу обрядовых ис- правлений Никона. Но, с другой стороны, при таком непомерном возвышении обряда постоян- но встречаем факты, показывающие, до какой степени тот же обряд, неодушевленный внутренним благочестием, был слаб и нетверд. При неразвитости религиозного чувства он только и держался привычкой, а между тем, то по отдаленности церкви, то за недосугом, то по лени, к нему прибегали не часто, а только в особых случаях, когда его сила представля- лась особенно нужной, например, перед смертью, вообще в случаях так называемых треб, и совсем забывали о нем при обыденном течении жизни; оттого многие не успевали воспитать в себе даже и привычки к обряду, как ни высоко ценили его на словах и по теории. Встреча- ем множество обличений и жалоб пастырей церкви на то, что православные их паствы не исповедовались и не ходили в церковь по целым десяткам лет. У некоторых эта холодность к церкви близко граничила с полным практическим от нее отречением, например, у разных

служилых людей, казаков, стрельцов и прочих, приучавшихся на своей службе к известного рода бесшабашному разгулу. Во времена народных волнений видим не менее противорелигиозных явлений, чем во времена старых удельных драк. Казаки Разина и сам Разин, ходивший до своего бунта на Соловки к мощам, не щадили ни церквей, ни монастырей, убивали священников, кощунствовали над святыми. В Астрахани казаки убили архиепископа Иосифа. Ревностный архипастырь хорошо их знал еще с детства, когда ему привелось быть свидетелем их неистовств в Астрахани в смутное время и поруганий архиепископу Феодосию; от удара, полученного от них тогда, голова Иосифа постоянно тряслась. В мае 1671 года, не терпя его обличений и увещаний, казаки позвали его на свой круг. Святитель явился во всем облачении и с собором духовенства. Его тут же хотели убить, хватались уже за его облачение, но послышался голос из толпы: “Как вы, братцы, на такой великий сан хотите руки поднять? Нам к такому сану и прикоснуться нельзя.” Толкая попов и браня их скаредною бранью, казаки велели им разоблачить Иосифа. После этого поднять на него руки стало уже не страшно; его взвели на соборный раскат и сбросили оттуда на землю. Трудно представить выразительнее факт, в котором бы так близко сходились уважение к церковной внешности и полное отсутствие религиозности. Но в меньших размерах повторялось то же самое, когда уже не казак, а, например, царский воевода или дворянин воинствовал над духовным чином, тряс священника за бороду, волочил его в ризах по земле, проливал у него святыне Дары и делал другие неистовства, о которых рассказывают нам челобитные XVII века и автобиография протопопа Аввакума, и в то же время давал вклады в монастырь и ставил перед иконами в церкви пудовые свечи.

Недостатки в отправлении богослужения и умножение ошибок в богослужебных книгах.

Та же самая слабость выражалась в самом совершении богослужения, в котором обрядовое общество допускало крайние неисправности и неблагочиния. По свидетельству одной грамоты патриарха Иоасафа I, в самой Москве в приходских церквях служба совершалась со всяким небрежением, наскоро, голосов в 5-6; и служащие и молящиеся стояли за ней без внимания, разговаривали и смеялись; по церкви шумели ребята, бродили с блюдами сборщики, дурачились юродивые, пищали, ползая, калеки-нищие. Вся сила участия в богослужении полагалась в одном присутствии при нем, хотя бы и без внимания к нему. По рассказам Павла дьякона, спутника патриарха Макария антиохийского, при Алексее Михайловиче и патриархе Никоне богослужение в присутствии царя и патриарха совершалось с необычайной торжественностью и продолжительностью, так что приезжие греки только дивились и едва могли выдерживать длинные службы, тянувшиеся по целым почти суткам. Но при совершении их сам царь, например, занимался разговорами и делами, выслушивал доклады бояр и тут же делал по ним распоряжения. Собор 1667 года тоже оставил несколько замечаний относительно беспорядков в богослужении, и вместе с тем обожания церковной внешности; он, например, обратил внимание на то, что в церквях каждый чествовал только свою икону, которую помещал в церкви, одной ей ставил свечи и ей одной только молился, что неискусные люди “своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божия, паче же многобожие непщевати.” Но особенно сильно беспокоили церковную и светскую власть не перестававшие умножаться разные неисправности в тексте богослужебных книг и в самих богослужебных чинах. Вопрос об их исправлении был одним из важнейших, особенно во 2-ой половине XVII века.

Исправление богослужебных книг и обрядов до патриарха Никона.

Направление, в каком пошли эти исправления после Стоглавого собора, не изменялось до половины XVII века. Книги правились с добрых переводов исключительно по славянским спискам и предавались печати со всеми ошибками и неисправностями последних, которые в печати становились еще распространнее и тверже. Для предупреждения новых ошибок патриарх Гермоген установил при типографии особое звание книжных справщиков, которые должны были внимательно сверять печатаемые книги с лучшими списками, исправляя в случае надобности даже и эти последние. Но трудно было найти на первых порах и надежных справщиков. В московское разорение печатный двор сторел, и издание книг на время даже вовсе прекратилось. По возобновлении его при Михаиле Феодоровиче исправление книг, по желанию царя, было возложено на известного троицкого архимандрита Дионисия, старца того же монастыря *Арсения Глухого* и священника подмонастырской Клементьевской слободы *Ивана Наседку*, человека начитанного, ловкого, хитрого и большого говоруна.

Новые справщики, более других образованные, повели дело весьма усердно и с попытками привлечь для сличения текстов даже греческие списки. Они начали с Требника и исправили его более чем по 20 древним, в том числе 5 греческим спискам. Ошибок нашли множество; в водосвятной молитве на Богоявление выпустили слово: “и огнем,” которое было прибавлено к словам: “Освяти воду сию Духом Твоим Святым”; исправили концы некоторых молитв, опустив в славословиях призывание того Лица Святой Троицы, к Которому обращена самая молитва; в других печатных книгах, которые подвергались их пересмотру, нашлись даже ереси, например в служебниках говорилось, что “Отец с Сыном воплотился”; особенно много неисправностей оказалось в церковном уставе, который в 1610 году был издан троицким головщиком *Логгином Коровою* — после при патриархе Филарете в 1633 году устав этот велено было предать сожжению. После полуторагодовой работы летом 1618 года справщики представили исправленный ими Требник местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Ионе — и тут же попали под суд. Иона, мелочно ревнивый к своей власти, был сердит на них, потому что они вели свое дело за его глазами, в Троицком монастыре, да и начато оно было самим царем без предварительного совещания с митрополитом; вероятно, он же настроил против справщиков сильную мать царя Михаила, старицу *Марфу*, жившую в Вознесенском монастыре. Нашлись у них недоброжелатели и среди высшего московского духовенства, обиженные тем, что им предпочли в этом деле Дионисия с товарищами. Со своей стороны рады были поспособствовать осуждению своего архимандрита и троицкие монахи, между которыми были недовольные своим святым настоятелем. Особенно рьяными обвинителями его на суде явились головщик Логгин, издатель упомянутого устава 1610 г., задетый за живое критикой справщиков, и уставщик *Филарет*. Логгин был голосистый и уважаемый чтец и певец, на один стих мог сложить распева по пяти, хотя часто без смысла, так что например вместо “семени его,” выходило “семени его.” Дионисий со всею своею ласковостью указывал ему на его ошибки, но надменный головщик, избалованный общим удивлением своему голосу и искусству, только раздражался этими замечаниями и делал архимандриту разные грубости. Он сам был некогда справщиком и считал себя великим знатоком в богослужебном чине, а на Дионисия, как на монаха сравнительно молодого, смотрел презрительно. Дионисий, например, заставлял читать в церкви поучения святых отцов, часто сам читал их и любил петь на клиросе; по мнению Логгина, во всем этом он вступался не в свое дело: “Знал бы ты, — говорил он, — одно, чтобы с мотовилом своим на клиросе болваном стоять.” Однажды во время чтения поучения он с бранью выхватил у Дионисия книгу и уронил аналой. Дионисий только перекрестился и молча пошел на клирос, а Логгин начал еще плевать на него, потом взял у него посох, изломал и бросил ему в лицо. Дионисий после этого всю

заутреню проплакал перед иконой Богородицы. Так же не любил архимандрита Филарет, старик, живший у Троицы больше 50 лет, бывший 40 лет уставщиком и тоже превозносившийся обрядовой опытностью. По своему невежеству он даже впадал в ереси, думал, например, что Сын от Отца “не прежде век родися.” Напрасно Дионисий увещевал обоих друзей, чтобы они не доводили его до доноса. Они сами предупредили его и донесли, что он уничтожил в молитвах Троицу и “Духа Святаго не исповедует, яко огонь есть.”

В июле 1618 года справщики были осуждены на соборе из высшего московского духовенства под председательством Ионы. Дионисий был отлучен от церкви и заточен в монастырь, где томили его в дыму на полатах, били, морили голодом, заставляли класть по 1000 поклонов на день. В праздники его таскали к митрополиту на смирение в цепях. Митрополит Иона после обедни сядет со властями за стол, а Дионисий до вечера стоит на летнем зное на дворе среди ругательств, пинков и тычков черни, сбегавшейся посмотреть на еретика, который хотел выводить огонь из мира. Сотрудник Дионисия Наседка как-то увернулся от заточения. Арсений томился в цепях на Кирилловском подворье; здесь он излил свою горечь в посланиях к боярину Салтыкову и любимцу Ионы, протопопу *Ивану Лукьянову*. Указывая на множество ошибок в книгах, он горячо обличал невежество тогдашних представителей духовенства, которые, по его словам, не знали ни православия, ни кривославия, да и о благочестии воистину не болели. Через год в Москву приехал иерусалимский патриарх Феофан; после поставления Филарета в патриархи он принял участие в деле справщиков и засвидетельствовал невинность Дионисия. Полное оправдание справщики получили, впрочем, не ранее, как после присылки грамот от вселенских патриархов, которые единогласно утвердили, что слово “и огнем” в водосвятной молитве действительно лишнее. Иоанн Наседка выиграл больше всех товарищей; он сделан был ключарем Успенского собора и приобрел репутацию ученейшего мужа. В 1626 году патриарх велел, наконец, вычеркнуть спорное слово из всех Требников. Но и после этого при освящении воды долго оставался обычай погружать в нее зажженные свечи; обычай этот отменен уже собором 1667 года.

Со времени патриарха Иосифа церковные исправления стали производиться в таких широких размерах, каких прежде не бывало ни разу. При печатном дворе к книжным исправлениям приставлены были Иван (в монашестве Иосиф) Наседка, протопоп церкви черниговских чудотворцев *Михаил Рогов*, архимандрит *Сильвестр* и некоторые другие духовные и светские лица. Но образованность этих справщиков и их приемы были также неудовлетворительны, как и прежних; оттого в изданных ими книгах допущено было множество неисправностей. Все старые спорные мнения о двуперстии, об имени Иисус, о сугубой аллилуйи, о хождении посолонь, о слове “истинного” в символе веры были возведены теперь на степень несомненных принадлежностей православия и внесены в книги самые употребительные: учебную и следованную Псалтири, Служебник, Требник, Малый Катехизис, Кириллову книгу и Книгу о вере. Кроме этих собственно книжных справщиков, большое участие в церковных исправлениях принимали разные видные лица из духовенства, которые успели усилиться при бездеятельном патриархе. Главными из них были духовник царя *Стефан Вонифатьев* и ключарь Успенского собора, потом протопоп Казанского, *Иоанн Неронов*, люди до того сильные и при дворе, и при патриархе, что могли оказывать покровительство даже кандидатам на епископство, притом же люди передовые своего времени, которых уважали все более образованные лица, как например, митрополит новгородский Никон, образованный ревнитель благочестия боярин *Федор Ртищев* и другие. Как передовые люди, преобразователи, они в свое время произвели сильное движение в русском обществе. Не ограничивая своей исправительной программы деятельностью, которая шла на печатном дворе, они подняли новые вопросы о церковном благочинии, об исправлении церковного пения и иконописания, об оживлении церковной проповеди, старались вместо прежнего многогласия в церковной

службе ввести единогласие, вместо раздельноречного или хомового пения — пение наречное. Никон выписал в Новгород киевских певчих и завел у себя хоровое пение по киевским и греческим напевам, которое так понравилось царю, что и он вызвал к себе таких же певчих. Сам патриарх испугался таких нововведений и нарочно сносился о них с константинопольским патриархом. Среди духовенства поднялся ропот, говорили, что “заводится ересь новая — единогласное пение и людей в церкви учить, а преж сего людей в церкви никогда не учили, учивали их втайне.” Долгая неподвижность старого обряда была поколеблена, и началось быстрое преобразовательное движение. Скоро явились новые передовые люди с новой, еще более обширной программой исправлений и с новыми средствами для ее выполнения, после чего старые передовые люди остались позади и сами перешли на сторону приверженцев старины.

В 1649 году в Москву приехали иерусалимский патриарх *Паисий* и образованный грек *Арсений*, учившийся в римской коллегии. Они первые указали на ошибки книжных справщиков и на несогласие русских обрядов с греческими. Смущенные этим, царь и патриарх Иосиф послали на восток для изучения греческих обрядов троицкого келаря *Арсения Суханова*, знавшего греческий язык. Посольство это было не в пользу греческих обрядов; принадлежа к числу людей, крепко заподозревавших чистоту греческого православия, Арсений выполнил свое поручение как раз в духе такой, почти тогда общей, подозрительности к грекам. В 1649 году отправившись из Москвы вместе с патриархом Паисием, он доехал только до Ясс, где остановился Паисий, отсюда два раза снова возвращался в Москву и уже в 1651 году отправился далее. Во время второго приезда из Ясс он представил статейный список или отчет о своем путешествии и о своих беседах и прениях с греками, в котором рассказывал о таких обрядовых отступлениях греков от православия, что совершенно поколебал православную репутацию востока у всех, кому это было теперь нужно. К довершению всего патриарх Паисий, уезжая из Москвы, оставил здесь Арсения, который мог быть выставлен живым образчиком еретичества греков, потому что, учась в Риме, отрекался от православия, обвиняем был даже в том, что в Турции принимал басурманскую веру. Патриарх Иосиф сослал его в Соловки. Но, несмотря на все это, мысль о том, что исправления нужно производить непременно по греческим книгам и чинам, была принята в руководство еще при патриархе Иосифе. Тогда же в Москве нашлись и люди, способные встать во главе исправительных работ в этом новом направлении; то были ученые монахи из Киева, которых выписали отсюда в 1649 году как знатоков греческого языка, для исправления Библии и для вновь заведенного тогда же учительного Андреевского монастыря. Они открыли в этом монастыре ученое братство, стали заниматься переводами и преподавать желающим греческий язык, приняли участие и в книжных исправлениях; в 1650 году с их исправлениями был издан Шестоднев. Патриарх Иосиф, видя около себя начало какого-то нового движения, которое было еще менее ему понятно, чем прежде, произведенное московскими протопопами, в последнее время совсем опустил и предоставил все дела Никону, который с увлечением схватился за мысль о приведении русской обрядности в согласие с греческой. Престарелый патриарх чувствовал, что пора его прошла, боялся, что его скоро сменят с патриаршества, и умер с этими горькими мыслями.

Исправления при Никоне.

В патриаршество Никона книжные исправления окончательно получили новый греческий характер. Греки все чаще приезжали в Москву с обличениями. После патриарха Паисия посетил Москву бывший константинопольский патриарх *Афанасий* и тоже указывал патриарху на разные неисправления. В 1653 году воротился Арсений Суханов и представил царю и

Никону записки о своем путешествии, названные “Проскинитарием.” Вместо того, чтобы представить отчет о греческих уставах, он описал здесь, как и в статейном списке, одну только практику греческой обрядности, которая действительно была неудовлетворительна, отчасти вследствие мусульманского ига, тяготевшего над греками, отчасти вследствие упадка самой религиозной жизни в Греции. Но его старообрядческие отзывы о греках уже не могли подействовать на патриарха. Занявшись сличением книг, Никон собственными глазами увидел их порчу. В 1654 году в Москве был созван собор и признал исправление богослужебных книг и чинов совершенно необходимым. Решение этого собора вскоре было одобрено и в Греции, на соборе константинопольском. От имени последнего патриарх Паисий прислал в Москву послание с разрешением разных недоумений по части исправлений; послание это в 1655 году было напечатано Никоном при книге “Скрижаль,” содержащей в себе обширное толкование на чин богослужения, переведенное с греческого языка. В том же 1654 году приехал в Москву патриарх сербский *Гавриил*, а в 1655 году антиохийский *Макарий*, и тоже приняли участие в исправлениях. Патриарх Макарий вместе с другими восточными иерархами, бывшими в Москве, при обряде православия (1656 г.) в Успенском соборе произнес на двоеперстие осуждение и предал упорных его приверженцев анафеме. Между тем для руководства в книжных исправлениях в Москву отовсюду свозились древние книги. Арсений Суханов, снова отправленный на восток, в 1655 году привез оттуда до 500 древних книг, да около 200 прислали разные восточные иерархи. Начальным* человеком по исправлению книг назначен был один из киевских ученых монахов, Елифаный Славинецкий; а помощником его Никон сделал вызванного из заточения Арсения Грека. Самая живая деятельность закипела на печатном дворе; не проходило года, чтобы не издавалось по несколько вновь исправленных или вновь переведенных книг.

Очутившись в обидном положении людей отсталых, старые деятели придирчиво следили за действиями новых и предавали их безусловному порицанию. К ним примкнули еще разные приезжие в Москву их знакомцы, протопопы *Аввакум* из Юрьева, *Даниил* Костромской, *Логгин* Муромский, священник *Лазарь* Романовский. Одни из них подавали царю челобитные, умоляя защитить церковь от ересей, другие ходили на печатный двор бранить справщиков и все при всяком удобном случае открыто и грубо хулили патриарха, сами напрашиваясь на опасное столкновение с крутым первосвятителем. Начались аресты, истязания и ссылки. Один из архиереев, *Павел* Коломенский, за противоречие Никону на соборе 1654 года был лишен сана и сослан в новгородские пределы; Иоанн Неронов лишен скуфьи и сослан в Каменский монастырь, Даниил и Логгин расстрижены и сосланы, первый в Астрахань, второй в Муром, Аввакум сослан в Тобольск, потом на Лену, Лазарь — тоже в Тобольск; уцелел один только уклончивый придворный протопоп Вонифатьев. Патриарх много вредил своему делу тем, что вел его слишком круто, без объяснений, одним авторитетом своей власти и возбуждал против себя много чисто личного раздражения. Даже между коноводами староверов нашелся человек, который оказался в числе противников патриарха из одной личной обиды и недоразумения; это был Неронов. Когда дело исправлений одобрено было на новом московском соборе 1656 года, изрекшем проклятие на неповинующихся церкви Божией, Неронов принес покаяния, сознавая, что доселе считал исправления личным делом одного патриарха, но что противником самой церкви быть не желает. Никон благодушно относился к тем, которые изъявляли ему покорность — обласкал Неронова, терпеливо выслушивал его укоризны за старое, даже снисходил его привычке к старым книгам: “обои де добры, все де равно, — по коим хочешь, по тем и служишь.”

* Главным.— Прим. ред.

Протест против новшеств распространился потом в массе народа и получил здесь еще более опасные размеры. Непривычные для слуха изменения в тексте церковных чтений и новое пение, запрещение двоеперстия, четвероконечный крест на просфорах — все это сильно смущало народ, у которого привязанность к внешности богослужения была, разумеется, еще грубее, чем у его учителей. В 1654 году патриарх возревновал об исправлении иконописания, объявил строгие наказания всем мастерам, которые будут отступать от древних подлинников, стал преследовать иконы, написанные по латинским образцам, велел их соскабливать и так носить напоказ по улицам, а в 1655 году в неделю православия торжественно предавал их даже проклятию и собственноручно в соборе разбивал об пол; все это представлялось народу не чем иным, как иконоборством. Как раз к этому времени подоспели тяжкие народные бедствия, война с Польшей и моровая язва и, разумеется, приписаны были гневу Божию за отступление от веры. Из Москвы волнение разошлось по областям, где много содействовали ему ссыльные противники патриарха. Новоисправленных книг не приняли во многих местах. Строгости против ослушников только еще более усиливали волнение, развивая в изуверах мысли о мученичестве за веру и о последних временах. Давнишняя мысль о кончине мира нашла теперь самое удобное время для своего развития; для большего уяснения ее недавно явились подходящие материалы в сочинениях, которые шли из западной Руси, в Книге о вере и Кирилловой. В западной Руси антихрист представлялся в лице папы, от которого пошел соблазн унии; это же представление о латинстве, как духе антихриста, перешло и в Московскую Русь. И вот все новшества Никона стали объяснять латинством, говорили и писали, что православные сложились с униатами, малороссами и греком Арсением, который учился в Риме. Намечен был и год, которого с трепетом нужно ждать православным, год 1666, по числу, еже от антихриста. Во время 8-летнего отсутствия патриарха староверы до того усилились, что успели возвратить из ссылки самого рьяного своего вождя Аввакума. Фанатический страдалец за старую веру имел много сильных поклонников. Сам царь принял его с лаской, уговаривал соединиться с церковью и своей добротой едва не смягчил фанатика, так что он, по его собственному признанию, едва укрепился против духа антихристового. Но, укрепившись, он начал с еще большим фанатизмом действовать против исправлений. Его снова отправили в ссылку на Мезень. В то же время заговорили и другие ревнители. Дьякон Благовещенского собора *Феодор* рассылал жаркие послания о правой вере и пришествии антихриста; златоустовский игумен *Феоктист* тоже написал сочинение об антихристе; поп суздальский *Никита* сочинил обширную раскольническую челобитную. В разных местах появились проповедники против Никоновских новшеств из уважаемых народом пустынников и подвижников, в Костромских пределах — чернец постник *Капитон*, в Нижегородской области — строгий пустынный *Ефрем Потемкин* и старец *Аврамий*, в Сибири — чернец *Иосиф Истомин* и многие другие. Сторону староверов принял даже один архиерей, *Александр* Вятский. Неронов, принесший было покаяние, снова пристал к староверам.

Одобрение Никоновых исправлений собором 1666 года и отделение раскола от Церкви.

Наконец наступил страшный 1666 год, ознаменованный действиями великого московского собора. Одобрив совершенные доселе церковные исправления, собор этот произвел суд над главными их противниками; Александр Вятский, Ефрем, Никита, Неронов и Феоктист принесли покаяние и получили разрешение; нераскаянные — Аввакум, Лазарь, Феодор — преданы анафеме и сосланы в дальние ссылки. Потом приехали патриархи, и в 1667 году великий собор в их присутствии снова подтвердил прежние постановления и скрепил их клятвою против тех, которые их не примут и будут противниками церкви. Собор коснулся и

главной опоры староверов — Стоглава, отменил его клятву на троеперстие и на трегубую аллилуйю, осудил также житие Евфросина. После этих определений упорные староверы явились уже раскольниками и произошло их решительное отделение от церкви. Так появился раскол — одно из выразительнейших явлений русской религиозной жизни. Представители нравственных сил древнего общества, протопопы, попы, настоятели монастырей, уважаемые начетчики взволновали всю Русь, героически шли против рожна^{*}, лезли на костры — из-за чего? Из-за старины, древлего благочестия и древлего обрядового безнравья^{**}, о которых новое благочестие дало в 1667 году соборный отзыв, как “о простоте и невежестве.” Оживленная после продолжительного застоя, церковная жизнь стала исправлять обряды, вносить в них дух и мысль, поставила вопрос о религиозном образовании. Ревнители древлего благочестия восстали против всего этого, выставив на своем знамени безусловное отрицание всяких новшеств, но отрицание без положения, с одним голословным: “До нас положено — лежи оно так во веки веком; православным нужно помереть за один аз.” Раскол отделился от церкви не вследствие движения в какую-нибудь свою сторону от течения общей исторической жизни церкви, а именно вследствие своей косности, неспособности следовать за жизнью церкви. Отрекшись от движения, он остался окаменелостью, историческим памятником древней жизни и древлего благочестия со всею их мертвой обрядностью, привязанностью к азам и со всею порчей этих азов.

Раскольнические волнения и меры против раскола.

После церковного осуждения раскол немедленно подвергся преследованиям церковного и гражданского правительства и встал в оппозицию как Церкви, так и государству. Еще раньше великого собора началось знаменитое *стояние за старую веру Соловецкого монастыря*. В 1657 году монастырь решительно отказался принять новые книги. С тех пор старообрядчество все зрело в обители, между прочим под влиянием сосланных сюда противников Никона. Когда после великого собора снова прислано было в монастырь требование служить по-новому, келарь *Азарий* и казначей *Геронтий* от лица всей братии составили государю челобитную, в которой просили оставить монастырь при старом предании чудотворцев, а старец *Герасим Фирсов* написал большое сочинение о сложении перстов. Во главе восставшей против новшеств обители встал живший здесь на покое саввинский архимандрит *Никанор*. После нескольких попыток к вразумлению упорных в 1668 году царь послал на монастырь стрельцов. Из-за крепких стен обители, привыкшей к осадам во время нападений от шведов, раздались пушечные выстрелы по царскому войску, впервые возвестившие открытый разрыв раскола с государством. Осада случайно затянулась, потому что государство, занятое тогда еще Разинским бунтом, не могло употребить на нее достаточных сил. Наконец, в 1676 году воевода *Мещеринов* взял монастырь. Из зачинщиков бунта одни, в том числе и Никанор, были повешены, другие сосланы в Колу и Пустозерск; объявившие повиновение церкви и государству прощены и оставлены в монастыре.

Между тем раскол быстро распространялся и грозил серьезными затруднениями и церкви и государству. Укрываясь от преследований, он наполнил своими тайными скитами все леса внутренних областей России, костромские, вязниковские, брынские, особенно керженские. Северное Поморье тоже сделалось его любимым притоном; в конце XVII века дьячок *Данило Викулов* основал здесь знаменитую раскольническую пустынь на реке *Выге*. С Поморья раскол переходил в новгородские и псковские края, отсюда Перекинулся за рубеж — в Швецию и Польшу, где некто *Феодосий* основал согласие, носящее его имя, *феодосиевщину*.

* Заостренный шест, кол.— *Прим. ред.*

** Беспорядок.— *Прим. ред.*

На польской границе процвели расколом леса *Стародубья* и знаменитая *Ветка*. На юге он нашел себе приют среди донских казаков. Наконец, обширным поприщем его стала Сибирь. Распространение раскола еще более усиливало против него строгие меры. Главные расколочители Аввакум, Лазарь, Феодор и Епифаний были сожжены на костре. Московский собор 1682 года положил усилить средства к отысканию раскольников, запретил продажу раскольниковых тетрадей и книг, подчинил строгому надзору домовые церкви, скиты и часовни, служившие расколу притоном, и стал сокращать их число.

Но едва только определение собора стало приводиться в исполнение, как в том же 1682 году возгорелся *новый раскольнический бунт в самой Москве*. Раскольники воспользовались борьбой, возникшей после смерти царя Феодора между партией Нарышкиных и партией Милославских из-за престола. После страшного стрелецкого бунта, кончившегося объявлением двоевластия царевичей Петра и Иоанна под регентством царевны Софьи, когда вся Москва была еще в трепете от стрельцов, раскольники подговорили последних постоять за старую веру. Сторону их принял начальник стрелецкого приказа князь *Хованский*. Бродячий монах *Сергий* написал челобитную о восстановлении старой веры, а суздальский поп Никита Пустосвят, опять совратившийся в раскол, назначен был для публичного прения с властями. 5 июля раскольники огромной толпой привалили на дворцовую площадь, неся с собой старые книги, иконы и свечи, и шумно вызывали властей на состязание. Их пригласили для этого в грановитую палату, куда явилась и царевна Софья с двумя сестрами и царицей Наталией. Фанатики с шумом вошли в палату, расставили аналои и образа и стали читать свою челобитную. При первых же выражениях Никита, для смелости выпивший, зашумел, чуть не избил архиерея *Афанасия* Холмогорского, который стал его оспаривать, и замолчал только после грозного окрика Софьи. Задетая хульными речами челобитной о православии ее отца и брата, она встала с места и грозила, что царское семейство после этого все уйдет из Москвы. Стрельцы трусили, потому что в случае ухода царского семейства против них поднялась бы вся земля, и поспешили успокоить правительницу. По прочтении челобитной патриарх Иоаким, держа в руках Евангелие святителя Алексия, стал было увещевать раскольников, но поднялся такой шум, что ничего не было слышно, только видны были над головами поднятые руки с двуперстием. Отпущенные из палаты, раскольники толпой высыпали на улицу, крича: “Победили!” отправились в стрелецкие слободы и стали там служить молебны и звонить в колокола. В ту же ночь Софья призвала к себе на увещание стрелецких выборных. Стрельцы не устояли перед соблазном царского погребца и выдали своих духовных отцов. Никите отсечена была голова; других разослали по монастырям под строгий начал.

После этого бунта правительство ее более усилило свою строгость. В 12 статьях указа 1685 года раскол был совершенно запрещен в государстве; раскольников велено было ловить и жечь; тех, которые перекрещивают совращенных, казнить смертью, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольников виновных бить кнутом и налагать на них пеню. Множество раскольников в отчаянии бросились за границу или стали укрываться в непроходимых лесах; более рьяные изуверы сами шли на казни, считая их подвигом мученичества, или же сами себя сжигали в срубках; учение об очистительном подвиге самосожжения, которое проповедовал еще Аввакум, нашло себе в этой время множество последователей. Между тем, отвергнув церковный авторитет, раскол, предоставленный самому себе, стал распадаться на толки. Прежде всего в среде его возник трудный вопрос: откуда брать священников? Одни стали брать их у православной церкви, сманивая к себе пьяных и нищих попов и разными способами очищая в них благодать рукоположения от Никоновой скверны; другие положили, что можно обойтись и без священства, предоставив все требоисправления мирянам. Так возникли два основных толка в расколе — *поповщина* и *беспоповщина*, кото-

рые, в свою очередь, стали распадаться на множество новых толков, разделенных между собой или обрядовыми разностями, или степенью их отрицательного отношения к церкви.

Продолжение обрядовых исправлений после 1667 года.

Выделив от себя раскол, Церковь между тем свободнее могла продолжать свои исправления. Из книг не исправленной к XVIII веку оставалась только Библия, изданная вновь в 1663 году по Острожскому, только слегка исправленному изданию. В 1674 году дело ее исправления было поручено Епифанию Славинецкому, но он не дожид до окончания этого труда. Для исправления церковного благочиния собор 1667 года издал несколько распоряжений о храмах, священных вещах, облачениях, о совершении церковных служб и таинств; собор 1675 года определил богослужебные преимущества иерархов — между прочим позволил митрополитам, вместо фелони облачаться в саккос, бывший прежде отличием одного патриарха; собор 1678 года запретил архиереям, кроме патриарха, хождение в неделю ваий на ослати; в 1682 году в обряде умовения ног отменено обозначение места Иуды. Продолжались заботы об улучшении церковного пения и иконописания. Произведения суздальских и подобных иконописцев в 1668 году были осуждаемы грамотами царя, патриарха Иоасафа и бывших в России греческих патриархов. Но с другой стороны, оказывалось нужным предохранять русскую иконопись от подражания неисправностям западного (фряжского) письма. Патриарх Иоаким запретил продажу священных изображений, печатанных на бумаге “немецкими по своему их проклятому мнению и в одеждах странных немецких, в посмеях христианам, а не с древних подлинников.”

4. Духовное просвещение.

Состояние просвещения в Москве до половины XVII века и заботы о его возвышении.

После вопроса об обрядовых исправлениях другим настоятельным вопросом времени был вопрос о возвышении уровня духовного образования. Скорейшего разрешения этого вопроса требовали уже и самые обрядовые исправления. О наличных исправителях церковных книг посылались нарекательные отзывы, что они не знали ни православия, ни кривославия. Еще более требовала возвышения образования борьба с иноземными влияниями. Иностранцы, посещавшие Россию, даже греки, все удивлялись крайне низкому уровню духовного просвещения в стране. Даже высшие русские святители, патриархи Филарет, Иоасаф, Иосиф, были людьми, мало сведущими в духовных делах. Из обзора духовной письменности первой половины XVII века видим, что вся деятельность московских ученых вращалась около прежних привычных предметов: встречаем несколько сочинений в историческом роде — летопись о смутном времени (рукопись Филарета), сказание Палицына об осаде Троицкой лавры, жития, баснословное описание святых мест *Василия Гагары*, много посланий и грамот (Иова, Гермогена, Дионисия, Филарета, Киприана Сибирского) касательно разных церковных нестроений, наконец, несколько сочинений по поводу обрядовых исправлений, каковы труды Арсения Глухого и Ивана Наседки. Но работы в более серьезном, богословском роде московским грамотникам были не под силу, а между тем обстоятельства времени требовали и таких работ, например, для защиты православия от иноверных влияний.

Для удовлетворения этой нужде в образовании всего естественнее было обратиться за помощью к грекам, но они и сами нуждались в образованных людях. В 1632 году, по просьбе

патриарха Филарета, они могли послать в Москву только одного учителя, архимандрита *Иосифа*, но и тот через два года умер, ничего не сделав для России. В 1645 г. бывший в России палеопатрасский митрополит *Феофан* предлагал было завести в Москве школу и типографию для самих греков, за неимением собственной типографии печатавших все свои книги на западе; но когда дело дошло о присылке для такого важного дела какого-нибудь способного на то и образованного человека, такого человека на востоке не нашлось. Поэтому для москвичей оставался один выход из затруднения — прибегнуть к помощи юго-западных русских школ, как бы они ни казались подозрительными по своему православию. На первых порах прибегнули к помощи только юго-западных книг, относясь к ним при этом со строжайшей разборчивостью. В 1627 году в Москве появилось Учительное Евангелие Кирилла Транквиллиона. Книга эта, уже осужденная за латинские мнения еще в Киеве, оказалась самой неудачной рекомендацией юго-западного образования в Москве и только усилила к нему и без того сильную подозрительность. По рассмотрении она была сожжена и из-за нее вышло распоряжение патриарха Филарета — ни в церквах, ни частным лицам не держать и не употреблять никаких литовских книг вообще. Но в то же почти время в Москву прибыл ученый Лаврентий Зизаний и привез с собой свой Катехизис, такую необходимую тогда руководительную книгу, которой уже никак нельзя было пренебречь. По поручению патриарха, рассмотрением ее занялись справщики — игумен Богоявленского монастыря *Илия* и *Онисимов*; они рассматривали ее долго и придирчиво, чуть не обвинили автора в ересь, так что из опасения беды ему приходилось поскорее соглашаться на все, что ему говорили, и всячески льстить учености московских грамотеев. Катехизис во многом был исправлен, но все-таки издан (в 1627 г.) и сделался известен под именем Большого Катехизиса. Потом к тем же литовским книгам московским людям по необходимости приходилось прибегать в столкновениях с иноверцами.

В начале 1640 годов, по случаю вопроса о браке датского принца *Вольдемара* с царевной *Ириной Михайловной*, возникла богословская полемика с протестантами, поднятая самим Вольдемаром, которого настойчиво заставляли принять перед браком православие. Защитником протестантства был пастор принца *Фильгобе*; со стороны православных против него выступили Иван Наседка, благовещенский протопоп *Никита* и протопоп Михаил Рогов. Прения не обратили принца в православие, но не прошли бесследно для самих русских, возбудив в них настоятельную потребность изучения веры и издания полемических сочинений. Источниками для составления таких сочинений явились те же литовские книги; из них делали извлечения и собирали эти извлечения в сборники. Так явились: “Изложение на лютеры” Ивана Наседки — сборник в 47 главах (1642 года); знаменитая “Кириллова книга” (1644 года), составленная Роговым из сочинений Стефана Зизания, Василия Острожского, Захарии Копыстенского и других, и направленная как против протестантов, так и против католиков; “Книга о вере,” составленная игуменом киевского Михайловского монастыря *Нафанаилом* главным образом по “Палинодии” Копыстенского; наконец, “Собрание короткой науки о артикулах веры” (1645 г.) Петра Могилы, известное под именем “Малого Кахетизиса.” При Алексее Михайловиче решились еще ближе познакомиться с юго-западной ученостью и стали вызывать в Москву уже самих киевских ученых.

Вызов киевских ученых в Москву; Ртищевское братство.

Боярин *Феодор Михайлович Ртищев*, с дозволения царя и патриарха, основал недалеко от Москвы Андреевский или Преображенский монастырь, и пригласил в него до 30 южно-русских монахов. Это было в 1649 году. При монастыре немедленно составилось ученое братство для перевода книг и для обучения желающих грамматике, латинскому и греческому

языку и риторике с философией. В том же году для риторического учения, переводов и особенно исправления по греческому тексту Библии были вызваны царем киевские ученые монахи *Епифаний Славинецкий* и *Арсений Сатановский*, а в следующем году приехал еще ученый монах *Дамаскин Птицкий*. Соединясь с андреевскими монахами, они составили в Москве ученый кружок, имевший большое влияние на москвичей. Ученые монахи стали деятельно заниматься переводами, приняли участие в исправлении книг и, кроме того, открыли у себя уроки греческого языка и грамматики. Московские грамотеи разошлись с ними с самого начала. Новое школьное обучение пришельцев было далеко не похоже на доморощенную московскую ученость, показалось странным, следовательно, по тогдашней логике, истинному правоверию несходным. Из Андреевского монастыря скоро притом же пошли обидные речи о невежестве москвичей. Поучившись у киевлян какой-нибудь грамматике, молодые люди начинали небрежно отзываться даже о таких столпах, как протопопы Иван (Неронов) и Стефан (Вонифатьев). Но за новых ученых крепко стояли многие сильные люди: митрополит Никон, боярин Морозов, Ртищев и даже сам царь, и толки об их еретичестве для них были уже не страшны. Сделавшись патриархом, Никон приблизил их к себе и приставил к книжным исправлениям. В Чудове монастыре была устроена греко-латинская школа. Славинецкий был сделан начальником этой школы и поставлен во главе справщиков печатного двора. После падения Никона чудовская школа закрылась, расстроилось и Андреевское братство, но господство юго-западного влияния в Москве было уже достаточно упрочено.

Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий.

Первая дружина юго-западных ученых, явившихся в Москве при патриархе Иосифе, была еще домогилинского греческого направления в своем образовании. Это были люди безукоризненно православные, честные и скромные труженики, деятельность которых признавалась полезной и со стороны правительства, и со стороны иерархии. Выше всех между ними стоял Епифаний. По своему аскетическому характеру он был мало способен к практической, общественной деятельности, оставался постоянно только кабинетным тружеником и свое непосредственное, личное влияние ограничивал лишь небольшим кружком своих учеников. Такое поведение устраняло его от многих лишних столкновений с московскими учеными и приобрело ему общее доверие и уважение. Работал он очень много, потому что, за недостатком ученых людей и при множестве новых вопросов, и правительство, и иерархия наперерыв спешили воспользоваться его ученостью. На нем лежала главная тяжесть работы по исправлению книг; кроме того, он завален был переводами, переводил многие отеческие творения, собрание церковных правил, Синтагмы Властаря и Арменопула, разные сочинения исторические, нравственные, географию, анатомию, составил славяно-греко-латинский лексикон и лексикон для объяснения церковных слов, занимался исправлением и новым переводом библейского текста, писал предисловия к вновь издававшимся книгам: *Скрижали*, *Служебнику*, *Шестодневу*, *Часослову*, *Триоди*, *Следованной Псалтири* и др., составлял каноны, похвальные слова и стихи в честь святых и, при всех этих работах находил еще время заниматься проповедничеством — составил свыше 50 слов и поучений на разные праздники и дни святых. Он умер в 1676 году, оставив после себя несколько учеников, знавших греческий язык. Таковы были избранные им самим сотрудники его в исправлении Библии: чудовские монахи *Евфимий* и *Моисей*, московский священник *Никифор* и игумен *Сергий*.

В 1664 году, по приглашению царя, в Москву явился другой выдающийся воспитанник киевской школы уже нового, латинского ее направления, *Симеон Ситнианович-Петровский* или, как он больше назывался, *Полоцкий*, бывший до того учителем братской школы в Полоцке. Греческого языка он уже не знал и принес в Москву исключительно латинское обра-

зование. Это был человек живой и красноречивый, усердный собиратель чужих мнений, ходячая энциклопедия всяких знаний, которые он умел ловко облекать в обычные в Киеве риторские и диалектические формы. По характеру он был не кабинетный, а общественный деятель, ловкий придворный монах, неутомимый борзописец, готовый во всякое время писать и перевод, и проповедь, и ученый трактат, и стихи на чье-нибудь рождение или смерть, и комедию для придворного театра. От этого у него еще больше было работы, чем у Славинецкого. Вскоре по приезде в Москву он сделался учителем царских детей, поселен был во дворце и стал на виду и у правительства, и у иерархии и постоянно получал различные ученые поручения. Так, в 1666 году он должен был заняться опровержением раскола, которое и представил в сочинении “Жезл правления,” изданном от имени великого собора; потом написал полное систематическое изложение веры по латинским схоластическим образцам, названное “Венцом Веры”; по поручению патриарха Иоасафа, сочинял поучения для народа о благоговеином стоянии в храме и против игр и ворожбы; составил два сборника собственных проповедей: “Обед душевный” и “Вечерю духовную.” К чести его надобно сказать, что, следуя обычным киевским приемам проповедничества, он имел в виду и жизненные цели, старался быть проще и ближе к потребностям своих слушателей. В проповедях своих и в других сочинениях он сильно задевал леность духовенства к проповедничеству, обличал невежество народа, грязные пороки, расколы, суеверия, остатки язычества, веру в волшебство, наузы*, нашептыванья, заговоры и приметы, обличал народные игры, праздники коляды и купала, проповедовал необходимость просвещения и обращался к царю с молением завести школы, умножить учителей и спудеов (учеников). Как у Епифания, у него тоже было довольно учеников. Между прочим ему поручено было преподавать латинский язык молодым людям, которые готовились в переводчики; его спасская школа, где он учил их латыни, была в некотором роде параллельной чудовской греческой школе Епифания.

Просветительная деятельность обоих этих ученых монахов имела живительное влияние на развитие церковного образования в Великороссии. Заговорили о школах, об усилении церковного проповедничества. Еще в 1667 году прихожане московской Богословской церкви подали царю просьбу о дозволении открыть при их церкви школу и найти проповедника для сказывания поучений. В пермских усолях Строгановых явился подражатель Полоцкого, один орловский священник, который, слыша, что в России священники по местам стали говорить проповеди, и сам выступил на поприще проповедничества. Старинные переводы отеческих поучений и проповеди Полоцкого он нашел для своей паствы непонятными и составил сборник собственных простых поучений, изданный в 1684 году под названием Статира. И в Перми, как прежде в Москве, духовенство и народ встретили церковную проповедь дико, говорили, что проповедник вводит новую ересь, и много ему досаждали. При царе Феодоре, воспитаннике Полоцкого, предположено было завести в Москве большую школу не только для одной России, но и для самих греков, чтобы им не нужно было ездить за наукой в Италию. На первый раз царь и патриарх Иоаким в 1679 году основали школу в типографском доме и собрали в нее до 30 учеников. Начальником ее сделан был иеромонах *Тимофей*, долго путешествовавший по востоку и знавший греческий язык. Учителями были греки *Мануил* и *Иоаким*. Царь и патриарх так были рады этой школе, что посещали ее каждую неделю. Но она была только первым шагом к заведению желаемой ими высшей школы — академии, которую предположено было устроить в московском Заиконоспасском монастыре в самых обширных размерах и с богатыми средствами. Усилением греческого образования через типографскую школу патриарх желал между прочим дать противовес польско-латинскому влия-

* Часть конской сбруи, привеска, где хранились обереги от сглаза, порчи; бумажки с заговорами и проч.—
Прим. ред.

нию Полоцкого, усилившемуся с прибытием последнего в Москву еще при жизни Епифания. Между этими двумя представителями разных направлений юго-западного образования с самого начала обнаружилось столкновение, в котором московская иерархия приняла сторону Славинецкого и его авторитетом старалась ослабить авторитет Полоцкого. По своему миролюбивому характеру Епифаний не входил в неприязненные отношения к Полоцкому, но не скрывал и своего несочувствия к его образу мыслей, например, указывал на то, что в основу своего “Венца Веры” он принял не православный Никейский, а католический мнимоапостольский символ, что неправильно учил о времени пресуществления даров в евхаристии — не во время призывания на них Святого Духа, а при произнесении слов Спасителя: “Приимите, ядите... Пийте от нея вси... ;” как учат латиняне, что вообще в последнее время в Киеве читают одни латинские книги, и оттого иногда истины не знают. После смерти Епифания, оставшись без соперников, Симеон начал держать себя крайне заносчиво, не хотел знать ни патриарха, ни других духовных властей, даже сочинения свои печатал без благословения патриарха в дворцовой типографии. Патриарх Иоаким сердился на гордого монаха, — обвинял его в “хлебопоклоннической ереси” (так как он учил поклоняться хлебу в евхаристии раньше пресуществления), его “Венец Веры” называл венцом, из западного терния сплетенным, а “Обед душевный” — исполненным душевных бед и хотел совсем запретить ему церковную проповедь. Но Полоцкий был недоступен для его власти, потому что находил себе сильную поддержку при дворе. Царь Феодор, брат его Иоанн и сестра Софья — все учились у Полоцкого и получили от него польско-латинское образование, сделавшееся тогда вообще модным и во всем русском высшем обществе.

Сильвестр Медведев и инок Евфимий.

Симеон умер в 1680 году, только четырьмя годами пережив своего соперника Епифания; но вопрос, поднятый при них, о времени пресуществления даров в евхаристии и вообще о господстве в новом юго-западном образовании латинского направления, продолжал тревожить русское общество и после их смерти. В правление Софьи латинское влияние еще более усилилось в Москве. Сильной поддержкой его в правительственных сферах явился любимец царевны князь *В.В. Голицын*, друг иностранцев-католиков и покровитель иезуитов. Последние ловко сумели пробраться в Москву с австрийским посольством под видом посольских и торговых людей, приобрели себе в Немецкой слободе дом, завели в нем латинское богослужение и школу и занялись деятельной пропагандой. Современные споры из-за латинских мнений были как нельзя более им на руку, и они тайно, но всем своим влиянием принялись поддерживать учеников Полоцкого.

Во главе последних стоял строитель Заиконоспасского монастыря *Сильвестр Медведев*, муж, по отзыву современников, великого ума и остроты, такой же придворный монах, как и его учитель, опиравшийся на силу главных временщиков при Софии, Голицына и Шакловитого, близкий и к самой царевне. Он знал польский и латинский языки и был человеком многосведущим еще до знакомства с Полоцким, когда был подьячим в Курске и затем монахом в Путивле — пограничных тогда местях с Польшей, но довершил свое образование по прибытии в Москву с помощью Полоцкого. По смерти своего учителя он был определен на место последнего в строители Заиконоспасского монастыря по желанию самого царя Феодора. Памятником его учености может служить оставшийся после него замечательный библиографический труд: “Оглавление книг и кто их сложил.” По своей даровитости и красноречию он стоял даже выше Полоцкого и возбуждал еще большие опасения в среде ревнителей греческого образования и православия, а назначение его строителем Заиконоспасского монастыря грозило полным торжеством латинского образования и на будущее время, потому что, в ка-

честве строителя этого монастыря, он, естественно, должен был сделаться начальником в назначенной там к открытию будущей академии, в чем не сомневался он и сам. На первых порах ему удалось оказать православной церкви видную услугу, которая приобрела ему уважение многих лиц. Когда мысль об открытии новой академии огласилась, в Москву стали съезжаться разные кандидаты на учительство в этой будущей школе. В числе их в 1681 году из западной России явился некто *Ян Белободский*, человек весьма своеобразных убеждений, проповедовавший какую-то смесь лютеранских, кальвинских и отчасти католических идей и полное безразличие всех церквей; его обличали в том, что он, как цыгане, в какой стране живет, той страны и веру держит. Шаткость его убеждений первые заметили Медведев с другим кандидатом на учительство — *Павлом Негребецким*, донесли об его ересь и оспорили его на соборе 1681 года. Опасный учитель был устранен. Но патриарх и на самого Медведева смотрел не лучше, чем на Белободского. Как приверженец латинского образования, Сильвестр был, конечно, противником всяких протестантских идей, каких держался Белободский, но зато крепко стоял за латинские мнения своего учителя Полоцкого и за латинскую ученость вообще.

Как прежде против Полоцкого патриарх Иоаким выставил Славинецкого, так теперь против Медведева он выставил ученика Славинецкого чудовского инок *Евфимия*, знатока греческого языка, ученого и безукоризненно православного труженика, бывшего прежде любимым сотрудником Епифания. Слухи об усилении латинского влияния в Москве дошли и до востока. Особенно к сердцу принял их известный тогда ревнитель православия и греческого образования иерусалимский патриарх *Досифей*, который давно уже с неудовольствием следил за усилением латинского образования в Киеве и теперь был сильно обеспокоен переходом его и в Москву, где до сих пор постоянно господствовало образование эллино-славянское. Он посылал в Москву свои послания, в которых старался выяснить все превосходство греческого образования перед латинским, и разные руководительные книги для опровержения латинских заблуждений. Евфимий занимался переводами этих и других книг и был вообще правой рукой патриарха во всех письменных работах против латинских соблазнов. Но он был еще более кабинетным человеком, чем его учитель, и далеко уступал своему противнику в практическом отношении. Пока он только писал, Сильвестр спешил поскорее действовать. Еще в 1682 г. при царе Феодоре была заготовлена грамота об открытии и привилегиях академии, но, за смертью царя и за последовавшими после того смутами, до сих пор еще не была утверждена. В январе 1685 г. Сильвестр представил ее через Шакловитого царевне Софье. Грамота была утверждена, и он уже, несомненно, мог рассчитывать, что вскоре будет сделан начальником новой академии, и что успех его в борьбе с патриархом и Евфимием вполне обеспечен. Но тут случилось обстоятельство, разрушившее все его расчеты; в марте того же года на помощь греческому образованию и великорусской партии прибыли в Москву ученые братья Лихуды, соперники несравненно более опасные для его ученого авторитета, чем скромный инок Евфимий.

Братья Лихуды.

Иеромонахи *Иоанникий* и *Софроний* Лихуды были родом с Кефалонии, княжеского происхождения, учились первоначально в самой Греции, потом на западе — в Венеции и Падуе, и до вызова в Россию проходили в разных местах Греции должности учителей и проповедников. В Россию они были вызваны еще при царе Феодоре, по рекомендации патриарха Досифея, для учительства в академии и в противовес латинской учености киевских учителей. Борьба их с латинянами началась еще на дороге в Москву, в Венгрии и Польше, где они должны были выдержать несколько диспутов с иезуитскими учеными. Путешествие их до

Москвы протянулось от этого более года. К величайшему неудовольствию Сильвестра, по прибытии сюда они вскоре были поселены в его собственном Спасском монастыре и немедленно вступили с ними в борьбу. Спор о времени пресуществления святых даров — главный предмет тогдашней борьбы двух просветительных направлений — с приездом Лихудов получил самый острый характер, проник в народ и слышался повсюду, и в домах, и на улицах. Латинские убеждения Сильвестра касательно этого вопроса выражены были в его сочинении: “Хлеб животный.” Евфимий написал против него бранное сочинение: “Послание на подверг латинского мудрования.” Сильвестр отвечал новым обширным и горячим сочинением: “Манна хлеба животного,” в котором сильно задел и православие Лихудов (1687 г.). Последние сами вступили в полемику и написали в защиту православного учения об евхаристии “Акос, или Врачевание от угрызений змиевых.” Против “Акоса” Сильвестр в 1688 г. сочинил “Известие истинное о новом правлении книг древних и о нововыезжих иноземцах и о неправом их о пресуществлении писании,” а кто-то из его партии, если не он же сам, распространил бранчивые тетради “на новопотаенных волков” — т. е. Лихудов. Тетради эти, в свою очередь, вызвали тоже бранчивое сочинение со стороны Евфимия: “Показание истины на псонейстовое брехание.” Церковная власть поддерживала, конечно, сторону Лихудов и Евфимия. Постоянные в этой полемике указания на киевские книги, возбуждая сильное подозрение относительно киевского православия, заставили патриарха Иоакима привлечь к делу и малороссийскую иерархию и потребовать от нее определенного ответа на вопрос о времени пресуществления святых даров. В Киеве этим запросом, видимо, стеснились, долго отмалчивались, но в конце концов все-таки прислали ответы в православном духе. Дело Сильвестра было теперь окончательно проиграно. Полное торжество православия над латинским влиянием в Москве последовало, однако, не ранее государственного переворота, свергнувшего владычество Софьи. В октябре 1689 года Медведев был осужден, расстрижен и за участие в деле Софьи и Шакловитого приговорен к смертной казни, но на время розыска об этом деле был отправлен пока в Троицкий монастырь; в феврале 1691 г. он сложил свою голову на плахе.

В том же 1689 году патриарх добрался и до иезуитов с их интригами и пропагандой в Москве; по его настоянию они были изгнаны из России и католикам-иноземцам для совершения богослужения дозволено было держать при себе только ксендзов-плебанов, но отнюдь не иезуитов. Пользуясь обнаружением в последнее время иноверных интриг и пропаганды, Иоаким успел чувствительно задеть даже любезных молодому царю протестантов Немецкой слободы, где кстати в это время обнаружилось особенное религиозное движение. Там появился один иступленный проповедник мистик *Квириин Кульман*, который величал себя князем Бога Израилева, сыном Сына Божия, пришедшим для восстановления истинного христианства и открытия 1000-летнего царства Божия на земле, а учение свое — новым Апокалипсисом. Пропаганда его для русских была не опасна — немцы сами выдали его правительству, и он был сожжен. Но патриарх воспользовался этой пропагандой, как и пропагандой иезуитов, для того, чтобы исходатайствовать у правительства уже известный указ, касавшийся стеснения въезда иностранцев в Россию.

Осуждение хлебопоклоннической ереси на соборе 1690 года и высылка киевских ученых из Москвы

В 1690 году к описанной борьбе двух направлений русского образования подведен был окончательный итог. Евфимий написал книгу “Остен,” в которой была рассказана вся история недавних споров и опровергнуты и учение латинян, и ошибки Полоцкого, Медведева и юго-западных книг. Братья Лихуды дали полное опровержение католичества в книге “Мечец

духовный, или Диалоги Грека учителя к некоему иезуиту.” Патриарх со своей стороны созвал в Москве собор, на котором хлебопоклонническая ересь была предана проклятию и изречено осуждение на многие малороссийские книги, замеченные в уклонениях к латинству: Большой Трестник, Служебник и Лифос Петра Могилы, Ключ разума и Мессия праведный Голятовского, Меч и Трубы словес Лазаря Барановича, Огородок Радивиловского, Евангелие и Перло многоцветное К. Транквиллиона, Выклад о церкви и таинствах Феодосия Сафоновича и другие. Собор этот был последним деянием Иоакима в пользу православия; вскоре после него патриарх скончался. Преемник его оказался еще более строгим к латинству. Киевские ученые были высылаемы или сами спешили убраться из Москвы. Киевское влияние было устранено, но зато Москва лишилась после этого самого главного источника своего духовного просвещения. Главными деятелями просвещения у нее остались теперь братья Лихуды, преподававшие науки в новой академии, но реакция против латинства, все разрастаясь, скоро добралась и до них.

Начало московской академии и состояние ее при Лихудах.

Академическое обучение открылось непосредственно после приезда Лихудов первоначально, до постройки зданий академии, в кельях монастыря Богоявленского. Сильвестр недаром добивался должности начальника академии — по учредительной грамоте 1682 года она облекалась громадными правами и привилегиями. В ней предположено было преподавать духовные и светские науки: грамматику, пиитику, риторику, диалектику, философию и богословие, и языки славянский, греческий, польский и латинский, для людей всякого чина и возраста. Царь предоставлял в ее пользу свою библиотеку, вотчины 8 монастырей, одну дворцовую волость и 10 пустошей; право суда над ее людьми предоставлял ее блюстителю вместе с учителями; учителям обещал пенсии, а ученикам лучшие места на службе. Блюстителем и учителями положено назначать только русских или греков, испытанных в православии и дававших клятву быть ему верными; учителей из Литвы и Малороссии дозволялось принимать только по свидетельству об их достоверных людей, потому что эти прелестники, сказано в грамоте, сначала притворяются православными, а потом развратные словеса всевают и целость веры нашей терзать начинают. Академия назначалась быть блюстительницею православия во всей России. Никто не должен был держать у себя учителей иностранных языков, а должен был для обучения языкам отдавать своих детей в академию. Она обязывалась смотреть и за тем, чтобы в России не было иноверной пропаганды, и за новообращенными, тверды ли они в вере, и за всеми вообще людьми духовного и мирского чина, не держит ли кто у себя запрещенных книг, не вступает ли в состязания о вере и прочее. Ей предоставлялся и суд по религиозным преступлениям: по суду ее, запрещенные книги должны были подвергаться сожжению; нетвердых в вере она могла подвергать ссылке, а иноверцев, виновных в хуле на православную веру, и русских отступников — даже смертной казни через сожжение. Последние грозные полномочия академии не были, впрочем, осуществлены на практике, и ей досталось одно более скромное просветительное значение.

Полные курсы Лихудов начались в 1686 году по отстройке зданий академии в Заиконоспасском монастыре, причем в нее переведены были и ученики типографской школы. За три года учителя успели пройти целый курс, состоявший из грамматики, пиитики, риторики, логики и физики частью на греческом, частью на латинском языках. Ученики их говорили на обоих языках и перевели несколько книг, а старшие из них начинали и сами заниматься обучением начинающих. В 1688 году Иоанникий ездил с русским посольством в Венецию, где пробыл более трех лет; поэтому второй курс Софроний вел один и довел его к возвращению брата тоже до физики. На этом и застигла их добравшаяся до них реакция. В преподавании

своим они старались избегать всяких следов своего западного образования — и схоластического метода, и господства латыни — вместо Аристотеля на первый план выдвигали Священное Писание и отцов церкви, вместо латыни — греческий язык, схоластического богословия вовсе не преподавали. В Москве ими были довольны; до поры до времени доволен был и их восточный патрон, патриарх Досифей, в 1692 году он прислал им даже свою похвальную грамоту, но потом вдруг стал действовать против них, будучи возбужден к тому наветами на них разных завистливых греков, с которыми Лихуды держались не совсем по-землячески и не желали делиться своими деньгами. В 1693 году патриарх отправил в Москву три послания — к царям, патриарху Адриану и самим Лихудам, в которых решительно требовал, чтобы латынь была вовсе изгнана из академического курса, Лихудов укорял за то, что они не занимаются будто бы своим делом, а забавляются около физики да философии, называл их не Лихудами, а Ликудиями (от *vkos* — волк), грозил им даже отлучением. В угоду ему ученых братьев отставили от академии и предоставили им преподавать при типографии итальянский язык. Но Досифей был недоволен и этим — требовал, чтобы их вовсе выгнали из Москвы, и обвинял их в гордости, в самозванном присвоении княжеского титула и даже в сношениях с турецким правительством. После этого в 1701 г. их удалили в Ипатьевский монастырь.

Быстрый упадок академии после высылки Лихудов.

Место их заняли в академии их ученики, не имевшие уже ни такого образования, ни такого авторитета, как они. Академический курс сократился; латынь была совершенно из него изгнана. Патриарху Адриану было не до академии; все внимание его было обращено на истребление латинских и протестантских ересей; в посланиях и поручениях своих он горько жаловался, что многие из москвитян, и знатные, и простые, от злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков и от пипок табацких* обьюродели, стали критиковать учение и установления церкви, вопрошая: “Сие чесо ради? И сие откуда взято? И сие кто предаде?” Инок Евфимий, по его поручениям, неутомимо занимался против западных ересей переводами греческих книг Максима Пелопонесского, Мелетия Сирига, Нила Солунского и других, какие присылались с востока, преимущественно через патриарха Досифея; в 1696 году трудами его было издано на славянском языке Православное Исповедание Петра Могилы. Тогда же трудами Афанасия Холмогорского был приготовлен к изданию (но не издан) огромный сборник исторических известий и статей, касавшихся полемики последнего времени, под названием “Щит веры.” К несчастью для русского образования, в последнее время все чаще и чаще встречались случаи, утверждавшие в иерархах подозрительность к западным ученым. При Адриане попался в отступничестве один московский дьякон — *Петр Артемьев*, который ездил учиться в Италию и по возвращении оттуда начал с увлечением проповедовать латинство. В 1698 году он был расстрижен и сослан на Соловки. Из допросов его узнали, как русские ученые должны были на западе отречься от православия, и как иезуитское воспитание приучало их ко лжи, скрывательству своих убеждений и ложным клятвам. От этого в Москве не стали верить заграничным воспитанникам даже в том случае, когда они с клятвой отрекались от латинства и просили присоединения к церкви. В то время, как производилось дело об Артемьеве, приехал другой ученый, учившийся в Риме, *Георгий Скибинский*, несмотря на всю искренность его покаяния, его не только не приняли в академию на учительство, но обязали не давать в Москве и частных уроков. А между тем в академии был сильный недостаток в учителях. Да она и сама была теперь совсем заброшена; здания ее не ремонтировались, так что в них потолки и печи обвалились, и учиться было негде. В 1697 г. царь Петр в

* Курительных трубок.— *Прим. ред.*

одной беседе с патриархом выразил большое недовольство таким беспризорным ее положением и указал на необходимость опять вызвать в нее киевских ученых. В 1700 г. патриарх должен был сделать ее блюстителем одного из таких же заграничных выходцев, каким он только лишь недавно запрещал даже частные уроки, иеромонаха *Палладия Роговского*. Палладий этот был из лихудовских учеников, но довершил свое образование за границей, где учился все в католических коллегиях и где, конечно, должен был, как и все подобные ему ученики, отречься от православия; в Риме он получил степень доктора богословия и философии. Но и этот ученый не смог уже поднять академии, тем более что вступил в свою должность совсем утомленным и больным; скоро он умер (+ 1703), как раз в то время, когда киевские ученые стали снова усиливаться в Москве, и их латинское образование положено было сделать господствующим в академии.

Период V. Синодальный.

1. Церковное управление.

Переходное время; местоблюстительство патриаршего престола.

После кончины патриарха Адриана управление Русской церковью, как и прежде во времена междупатриаршеств, поручено было местоблюстителю патриаршего престола с собором находившихся в Москве архиереев. Пользуясь отсутствием патриарха, молодой царь Петр прежде всего поспешил осуществить еще раньше предпринятые им меры к ограничению судебного ведомства церкви через отделение от него упомянутых гражданских дел по брачным рядным и сговорным записям и по духовным завещаниям. Кроме того, в 1701 г. он распорядился снова восстановить монастырский приказ с предоставлением ему, кроме прежних судебных полномочий над церковными людьми, еще новых, более важных полномочий относительно церковных имений. На эти имения у Петра очень рано выработался крайне утилитарный государственный взгляд. Еще в 1690-х годах он называл их “тунегиблемыми” для государства, служащими для поддержания одной только роскоши духовных властей, и собирался извлечь из них как можно больше государственной и общественной пользы. Распоряжения его по этой части начались с усиления над церковно-вотчинною экономией прежнего государственного контроля через приказ большого дворца и с запрещения духовным властям всяких дорогих построек, заведения дорогих облачений и других расходов на излишнюю роскошь; потом по смерти патриарха он порешил отнять у духовенства самое управление церковными вотчинами и передать это управление в руки государства через монастырский приказ. Последний должен был управлять церковными вотчинами и всеми с них сборами и нарядами чрез своих собственных светских управителей. На содержание духовных властей и церковных учреждений из сумм, поступавших в приказ, назначено выдавать только определенные штатные оклады, затем все остальные суммы должны были расходоваться приказом на удовлетворение разных общественных и государственных нужд, на военные надобности, на жалование разным чинам, на госпитали, богадельни, школы и прочее. Таким образом, церковное ведомство было урезано и по судебным своим полномочиям, и по своему хозяйственному управлению. Чтобы дать время окрепнуть таким важным переменам, торопиться назначением нового патриарха было незачем, и время междупатриаршества про-

должилось целые 20 лет, а между тем в голове царя успела за это время созреть новая мысль о коренном преобразовании всего строя высшего церковного управления на соборных началах, без патриаршества.

В местоблюстителе патриаршего престола был избран царем рязанский митрополит *Стефан Яворский*, первый великорусский архиерей при Петре из малороссийских ученых, которых царь с этого времени начал одним за другим возвышать на высшие иерархические посты. Он происходил из православного шляхетского семейства в Галиции, родился в 1658 г., учился в Киевской академии и в заграничных иезуитских школах во Львове и Познани, по возвращении из-за границы в Киев постригся в монашество и поступил на службу в родную академию. В 1700 г. киевский митрополит *Варлаам Ясинский* отправил его в Москву для посвящения себе в викарии, но царь, заметив проповеднический талант Стефана, пожелал иметь его епископом ближе к Москве и указал поставить его прямо митрополитом в Рязань. Пришельца встретили в Москве весьма неприязненно, обзывали поляком, обливанцем, латынником, но Петр, сильно нуждавшийся в образованных людях среди духовенства, поддержал его и вскоре назначил даже местоблюстителем. Таким быстрым возвышением Стефана встревожились не только в Москве, но и на востоке. Думая, что царь через местоблюстительство готовит его в патриархи, известный ревнитель православия патриарх иерусалимский *Досифей* в 1702 г. прислал Петру послание с настойчивым увещанием не ставить на высшие иерархические посты ни греков, ни черкас (малороссов), как людей подозрительных по чистоте веры, а ставить одних только православных москвитян, “аще и не мудрии суть.” В 1703 г. он прислал послание и к самому Стефану, в котором сурово укорял его за латинское направление и предупреждал, что на востоке не потерпят, если он сделается патриархом. Но Петр не обратил на протесты Досифея никакого внимания.

Отношения Петра к великорусскому духовенству; святитель Митрофан и другие иерархи-великороссы.

Патриарх Досифей указывал на кандидатов для патриаршества из природных москвитян. В России тоже рекомендовали в патриархи великоросса — архиепископа Холмогорского *Афанасия*. Царь хорошо знал достоинства этого образованного и ласкового к иностранцам святителя, лично познакомившись с ним во время своих поездок к Белому морю, но все-таки предпочел ему Стефана, в котором видел представителя настоящей западной науки, а не простого, хотя бы многосведущего начетчика писаний, какими были тогда все московские ученые. Великорусские архиереи более или менее были все против западных новшеств и западного образования, и этим не нравились Петру. Во время строения в Воронеже кораблей он близко сошелся с благочестивым воронежским святителем *Митрофаном*. Этот святитель был человек заслуженный, первый устроитель своей недавно (в 1682 г.) открытой епархии, борец против раскола и разных нравственных нестроений еще дикого тогда Воронежского края. Своим здравым и прямым умом он хорошо понимал и ценил стремление молодого царя, прославлял его за намерение завести флот и за войну с турками, пожертвовал ему все сбережения от доходов своего архиерейского дома, и потом ежегодно отсылал ему все вновь накопившиеся домовые деньги, по 3-4 тысячи в год, с надписью: “На ратных.” Но и этот уважаемый царем святитель не одобрял его приверженности к западным новшествам. Известен рассказ, как однажды он не пошел в дом, занимаемый царем, потому что при входе были поставлены статуи языческих богов, и узнав, что царь страшно за это разгневался, стал даже готовиться к смерти; Петр уступил его благочестивой ревности и велел убрать статуи. Святитель скончался в 1703 г. Петр сам закрыл ему глаза, сам нес до могилы его гроб и сказал после его погребения: “Не осталось у меня другого такого святого старца.” Кроме святителя

Митрофана, царь получал пожертвования еще от митрополита *Тихона* Казанского и митрополита *Иова* Новгородского. Последнего за его благотворительность к бедным и сирым он ставил в пример другим архиереям; у Иова заведено было при кафедре 10 странноприимниц, 15 больниц и дом для подкидышей; кроме того, он был замечательным покровителем просвещения в своей епархии, но просвещения древнего, эллино-славянского; на немецкую, даже киевскую латинскую науку и он смотрел неблагоприятно. А некоторые архиереи великоруссы относились к реформам Петра даже прямо враждебно. В 1700 г. *Игнатий* Тамбовский был лишен сана за то, что выражал сочувствие некоему книгописцу *Григорию Талицкому* и со слезами читал его фанатические тетради, в которых доказывалось, что Петр антихрист. В 1707 г. уволен был в Кириллов монастырь митрополит *Исаия* Нижегородский, выразивший резкий протест против сборов с его епархии в монастырских приказах.

Отношения Петра к Стефану.

Митрополит Стефан сначала ревностно содействовал Петру, восхваляя его дела в своих проповедях^{*}; но потом стал тоже понемногу с ним расходиться. Оказывалось, что, хотя он и был человеком европейски образованным, но образование его было далеко не в духе Петра. Государственные понятия царя об отношениях между церковью и государством и его религиозные взгляды, например, на обрядовую сторону веры, носили довольно заметный протестантский оттенок, явившийся вследствие раннего и близкого знакомства его с немцами, тогда как всех эти киевские ученые, к поколению которых принадлежал Стефан, воспитавшиеся на католических системах богословия, были жаркими поборниками высокого церковного авторитета, церковных преданий и всего, что протестантство старалось поколебать в учении о церкви. Местоблюститель, между прочим, вместе с великорусскими иерархами считал необходимым для управления церкви патриаршество, к чему, кроме его церковных убеждений, побуждал его, наверное, и личный интерес, потому что кому же ближе всего было и рассчитывать на патриаршество, как не ему, — местоблюстителю и ученейшему из всех архиереев? С течением времени он, видимо, начал скучать в ожидании патриаршего сана и, при всей своей осторожности, позволял себе недовольство речи касательно распоряжений и самой личности Петра. Было, например, известно, что он был недоволен вторым браком царя (с Екатериной) от живой жены и несколько свободным отношением его к обрядам, тем, что царь со своим войском не соблюдал постов, хотя Петр и постарался в этом случае оградиться разрешительной грамотой от константинопольского патриарха. Все недовольные царем, естественно, обращали свои взоры на наследника, царевича *Алексея*, воспитавшегося в старинном духе; в эту же сторону стал поворачиваться и Яворский. В 1712 г. в день тезоименитства царевича он говорил предика и не утерпел, чтобы не высказать в ней несколько прозрачных намеков — царевича назвал “единою надеждою России” и пустился в обличения против оставших своих жен, не хранящих постов и обидящих церковь Божию. Петр рассердился и на время вовсе запретил ему говорить проповеди. Но только лишь это дело успело замяться, как Стефан снова столкнулся с царем, выступив, против его желания, в шумную борьбу с усилившимися в Москве протестантскими соблазнами.

Борьба Стефана против увлечений протестантством; дело Тверитинова и Камень веры.

С самого начала XVIII столетия в Москве образовался кружок вольнодумцев, тронутых протестантским еретичеством. Они отвергали почитание святых и мощей, чудеса, пророчест-

^{*} Praedicatio — похвальный отзыв, прославление (лат.).

ва, авторитет Церкви со всею ее иерархией, соборами, преданиями и учением святых отцов, не признавали таинств, поминовения усопших, почитания святых икон, монашества и всей обрядовой стороны религии. Во главе этого кружка стоял лекарь *Дмитрий Тверитинов*, учившийся в Немецкой слободе и заразившийся там протестантскими идеями. Эти идеи он усвоил, впрочем, не целиком, а попеременно с своими собственными домыслами; он, например, не принял самого основного догмата протестантства об оправдании человека одной верой без дел закона, а доказывал напротив, что человек только и может спастись своими делами и заслугами, без которых его не могут спасти никакие посредники и ходатаи. Самым рьяным его последователем был его родственник, цирюльник *Фома Иванов*. Новая московская ересь до своего обнаружения свободно распространялась около 14 лет и успела найти себе многих последователей из разных классов общества, проникла даже в московскую академию. В 1713 г. первым попался в ней своему начальству один из учеников академии *Максимов*, а через него духовная власть добралась и до других еретиков. Митрополит Стефан немедленно пустил дело в розыск и повел его гласно, на всю Москву, привлекая к содействию себе преображенский приказ. Петр был очень этим недоволен, потому что такое шумное дело могло подействовать неприятно на живших в России иностранцев, да на многих и русских деятелей реформы, тоже не совсем чуждых Тверитиновских замашек, могло, кроме того, усиливать и без того уже сильное недовольство немецкими новшествами в народе. Он распорядился поскорее взять это дело из рук Стефана, переведя его расследование из Москвы в Петербург. Здесь, по желанию царя, оно кончилось живо и легко для еретиков — удовольствовавшись одним только отречением их от своих мнений, петербургский суд препроводил их обратно в Москву с распоряжением от царя немедленно присоединить их к церкви и затем все дело потушить. Но Стефан этим не удовольствовался, а разослал присланных еретиков по монастырям и принялся собирать против них новые улики. На беду, самый фанатичный из них *Фома Иванов*, содержащийся в Чудовом монастыре, дерзнул на возмутительную выходку, всего более им повредившую: придя однажды в церковь, он бросился с косарем на резной образ чудотворца *Алексия* и изрубил его. После этого московский собор 1714 г. предал всех еретиков проклятию. Они отданы были на церковное покаяние, а *Фома* сожжен на костре. Раздраженный всем этим делом, царь сделал Стефану тяжкий выговор через Сенат. По поводу ереси Стефан написал большое сочинение против протестантства — “Камень веры”; сочинение это не было пущено в печать.

Особенно дурно отозвались на положении Стефана, да и всей вообще иерархии два политических дела 1718 года — *дело царевича Алексея* и *дело его матери, бывшей царицы Евдокии Лопухиной*. В них замешано было несколько важных лиц из духовенства. Дознано было, что духовник царевича *Яков Игнатьев* был злейшим врагом Петра, внушал Алексею ненависть ко всем делам и к самому лицу его отца, однажды на исповеди, когда Алексей со страхом признался ему, что желает отцу своему смерти, успокоил его, говоря: “Мы и все желаем ему смерти”; что духовник царицы *Евдокии Федор Пустынный*, ростовский архиерей *Досифей* и юродивый *Михайло Босой* говорили ей о близкой смерти Петра и скором возвращении ее на царство, подкрепляя свои уверения разными пророчествами и видениями; что царевич, бежав за границу, писал оттуда письма *Досифею*, *Крутицкому митрополиту Игнатию Смоле* и *Киевскому Иоасафу Кроковскому*; что он более всего надеялся на духовенство и говорил своим приближенным: “Когда будет время без батюшки, тогда я шепну архиереям, а архиереи приходским священникам, тогда меня и нехотя владетелем учинят.” Был заподозрен в связи с царевичем и сам Стефан, которого партия царевича и сам он считали своим и на которого рассчитывали, что он снимет с царевича присужденное ему царем пострижение в монашество. По окончании розысков *Яков Игнатьев*, *Федор Пустынный* и *Досифей* были преданы смертной казни; *Иоасаф Кроковский* умер скорострительно еще раньше розыска на

дороге из Киева в Петербург; Игнатий Смола по старости был уволен на покой (уже в 1721 г.) в Нилову пустынь. Во все время розысков царь находился в таком же страшном раздражении, как во время стрелецких казней, и высказывал крайне резкие отзывы о духовенстве. В 1718 году он решительно высказал мысль об отмене патриаршества и об устройстве для церковного управления духовной коллегии, наподобие учреждавшихся тогда же государственных коллегий. Яворский уцелел во время розысков — ему предназначалось даже место президента в новой духовной коллегии; но отношения к нему царя были окончательно испорчены — президентом он должен был сделаться только номинальным. Петр убедился, что не все и киевляне могли ему сочувствовать, и стал приближать к себе из них новых людей, более соответствовавших его видам.

Новые приближенные царя — Феодосий и Феофан.

В Новгородской епархии он заметил хутынского архимандрита *Феодосия Яновского*, родом из польской шляхты. Во время гонения на черкас он уехал из Москвы в Новгород к митрополиту Иову, который тогда собирал около себя ученых людей для просвещения своей епархии и принял пришельца очень милостиво, сделав его у себя одним из первенствующих архимандритов. Это был светский, развязный и весьма либеральный монах, он понравился царю с первой же встречи. В 1712 году Петр сделал его алекса́ндро-невским архимандритом, правителем духовных дел в Петербургской области и доверенным своим человеком по духовной части. Царь не обращал внимания ни на шаткость религиозных убеждений своего любимца, ни на его светскую жизнь, которая производила соблазн в народе и духовенстве, видел в нем только умного человека, умевшего приспособиться к требованиям времени, борца против суеверий и раскола и удобного помощника в церковных реформах. В 1716 году митрополит Иов скончался, и на место его в 1721 году царь указал посвятить Феодосия.

В 1716 году был вызван в Петербург другой, еще более образованный монах из Киева, *Феофан Прокопович*. Еще в киевской академии он отличался необыкновенной даровитостью, любовью к наукам, многознанием и живостью характера. Из Киева он отправился учиться за границу, где, отрекшись конечно от православия, учился во Львове, Кракове и Риме. Иезуитское воспитание не только не увлекло его в сторону латинства, но возбудило в его душе полное отвращение и от схоластики, и от иезуитов, и от всей системы католичества. В 1704 г., воротясь в Киев и снова присоединившись к православию, он поступил на службу в академию и постепенно проходил в ней должности учителя, префекта и ректора. В 1706 году царь, при посещении Киева, в первый раз слышал его приветственное слово и заметил его. В 1709 году Прокопович опять приветствовал Петра с полтавской победой; в слове его были прославлены победы царя над шведами, не забыта была и простреленная в бою шляпа Петра, вставлено ловкое сравнение Полтавской битвы (в день преподобного Сампсона 27 июня) с победой Сампсона над львом (герб Швеции). Петр никогда еще не слыхивал такой живой и современной предики; карьера Феофана была после этого упрочена. Вызванный в 1716 г. в Петербург, он постоянно говорил здесь проповеди, в которых пояснял слушателям современные события и преобразовательные планы Петра, и вошел в еще большее доверие у царя, чем Феодосий. Понятно, что он сделался после этого первым кандидатом на архиерейство; но в то же время своими резкими обличениями суеверий и обрядовой религиозности народа он возбудил против себя среди духовенства серьезные подозрения в протестантстве, которые разделяли и некоторые киевские ученые, и сам местоблюститель. Двое из этих ученых, ректор московской академии *Феофилакт Лопатинский* (приехавший в Москву еще в 1704 году) и префект *Геддеон Вишневецкий* (вызванный в 1714 году), отыскивали в его киевских лекциях протестантские идеи и подали на него Стефану донос, а Стефан доложил об этом доносе ца-

рю с присовокуплением собственного мнения, что Феофан не может быть епископом. Петр дозволил Прокоповичу самому оправдаться против обвинений, и Феофан так в этом успел, что Стефан должен был просить у него извинения. В 1718 году Феофан был поставлен епископом во Псков и сделался правой рукой Петра во всех церковных реформах. В то время как местоблюститель вместе с великорусскими иерархами сетовал об уничтожении патриаршества, Феофан, по поручению царя, писал регламент для духовной коллегии.

Составление Духовного регламента.

Было закончено было к 1720 году, после чего он целый год рассматривался Сенатом, архиереями, архимандритами и самим государем. Он заключал в себя изложение всех важнейших пунктов церковной реформы, разделяясь на три части: 1) описание и вины синодального управления, 2) дела, ему подлежащие и 3) самих управителей должность и сила. Характер его изложения весь проникнут духом современной борьбы реформы с противодействовавшими ей предубеждениями и явлениями, и потому отличается обличительным направлением, тенденциозностью, даже страстностью. О винах новой формы церковного управления в нем говорится, что коллегиальное управление, в сравнении с единоличным, может решать дела скорее и беспристрастнее, менее боится сильных персон и, как соборное, имеет больше авторитета, с другой стороны — менее опасно для государства, ибо простые люди, не зная различия между духовной и самодержавной властью и удивляемые славой и честью патриарха, считают его вторым государем, самодержцу равносильным или и больше его и, если случится между патриархом и царем разногласие, то скорее пристанут к первому, мечтая, что поборают по самом Боге — в доказательство представлены указания на византийскую историю, на историю папства и на подобные же “и у нас бывшие замахы”; президент же коллегии не имеет ни такой народ удивляющей славы, ни силы, имея голос равный с голосами других членов; и в случае суда над ним не нужно обращаться за этим судом на сторону, так как он подлежит суду самой коллегии. Восстает Регламент и против другой народ удивляющей славы, славы епископов, воспрещает водить их под руки, кланяться им в землю и воздавать “лишнюю и — почитай — царскую честь,” отнимает у них право церковной анафемы и предоставляет это право одной духовной коллегии; делает колкую заметку и против архиерейских слуг, злоупотребляющих своей властью при владыке для лакомства и наживы. Особенно горячо говорится в Регламенте о расколах и суевериях, с которыми реформе приходилось считаться всего более. Синоду вменяется в обязанность подвергать строгому исследованию акафисты и службы святым, чудотворные иконы, мощи и другие святыни, “мно-го бо о сем наплутано,” всякие чудеса и пророчества, выводить почитание 12 пятниц, обычай “людем, далече отстоящим, молитвы чрез посланников их в шапку давать” и другие суеверные обычаи. Большие отделы посвящены распоряжениям об усилении в народе и духовенстве религиозного образования — об издании для народа катехизических книжек, о заведении при архиерейских домах духовных школ, об усилении церковной проповеди; сатира проникает и в эти положительные отделы Регламента — здесь, например, встречаем обличительные характеристики невежественного и упрямого великорусского начетчика и гордого киевского школяра, изучившего риторику и вообразившего, что уже все познал, и карикатурный портрет южно-русского ритор-проповедника, подражателя польских казнодеев. В 1722 году вышло в таком же роде Прибавление к Регламенту, содержащее правила относительно белого духовенства и монашества.

Открытие Святейшего Синода и его состав.

14 февраля 1721 года последовало торжественное открытие духовной коллегии под именем Святейшего Правительствующего Синода, а в 1723 году Синод был утвержден всеми восточными патриархами, которые признали за ним все патриаршие права и именовали его в грамоте своим во Христе братом. Он был составлен из президента (Стефан Яворский), двоих вице-президентов (Феодосий и Феофан), четырех советников и четырех ассессоров из представителей монашеского и белого духовенства. В решении дел все они, не исключая и президента, голоса имели равные. Президент Стефан был, впрочем, совсем затерт в Синоде сильными вице-президентами и до конца жизни не мог примириться с новой формой церковного управления. После его смерти (+ 1722) Петр назначил нового президента, и должность эта упразднилась; вакансия Стефана в Синоде занята была новым советником, архимандритом Феофилактом Лопатинским, скоро (1723 г.) посвященным в епископа Тверского. Главным деятелем в Синоде был Феофан — правая рука и послушное перо царя. Феодосий, хотя и считался первым вице-президентом, стал терять расположение Петра по своему заносчивому и властолюбивому характеру; забывши, что всем был обязан царю, он стал очень резко поговаривать и против духовных штатов, и против унижения церкви светской властью. Преобладание в составе Синода членов из малороссов, и притом сравнительно молодых по службе, крайне не нравилось великорусским иерархам, которые все были тогда уже люди пожилые, заслуженные, и роняло в их глазах самый авторитет этого высшего духовного правительства. Они считали себя обиженными и, кроме того, постоянно подозревали Синод в партийном, малороссийском духе. Оттого ему на первых порах постоянно приходилось жаловаться на то, что они не воздают ему подобающей чести, и делать им за это выговоры и внушения.

Положение Синода в общем составе государственной администрации.

Это положение, как главы обширного государственного ведомства, было сравнено с положением Сената. Они сравнены были во всех правах, и оба непосредственно подчинены самому государю, который в государственной присяге членов Синода так и называется “крайним судиею духовной коллегии.” Для решения дел, общих тому и другому, между ними назначены общие конференции; в отсутствие государя совокупные решения их должны были иметь силу решений верховной власти. Представителем государя в Сенате был генерал-прокурор, а в Синоде *обер-прокурор*, названный в обер-прокурорской инструкции 1722 года “оком государя и стряпчим по делам государственным.” Он обязан был наблюдать за всем ходом синодальных дел, замечать в делопроизводстве опущения, незаконные решения останавливать и доносить об них государю, делать Синоду предложения о потребных мероприятиях, представлять государю о синодских решениях и быть вообще посредником между Синодом и государственной властью. Ему были подчинены прокуроры духовных приказов и духовные фискалы или инквизиторы, рассылавшиеся для надзора за духовным управлением по городам, монастырям и заказам*. При Синоде образовался целый *инквизиторский приказ*, во главе которого поставлен протоинквизитор из монахов; ему подчинены были провинциал-инквизиторы и все фискалы. Но это фискальное управление, очень неприятное духовным властям и допускавшее разные злоупотребления своими полномочиями, вскоре по кончине Петра было упразднено.

* Благочиние или духовный округ в ведении благочинного.— *Прим. ред.*

Права Святейшего Синода в области церковного управления и его органы.

В области церковного управления Святейший Синод получил “силу и власть патриаршескую или, — по выражению Регламента, — едва ли не большую, понеже собор.” На этом основании ему принадлежала в церкви власть законодательная — право, с согласия государя, восполнять свой Регламент новыми правилами, власть высшая судебная и административная по всем частям церковной жизни. Объем церковного суда был предоставлен ему, впрочем, уже в ограниченном против прежнего виде; кроме упомянутых гражданских дел, отписанных от церковного суда после смерти патриарха Адриана, светскому суду были предоставлены еще дела о правах законного рождения и уголовные — о насильственных браках, насилии женщинам, кровосмешении, и назначение наказаний за важнейшие преступления против веры и церкви, — богохульство, еретичество, волшебство и святотатство. Духовные лица подлежали его суду, “доколе не дойдут до гражданского суда”; по делам тяжбы, уголовным и политическим они наряду со всеми подвергались прямо светскому суду подлежащих коллегий. Но зато ведомство церковного суда снова было расширено с другой стороны, вследствие возвращения в руки духовенства управления церковными вотчинами, а потому и суда над церковными крестьянами. Вместе с тем расширилась, конечно, и область экономического управления Святейшего Синода. Монастырский приказ из ведомства Сената был передан в ведомство Синода и образовал при нем нечто вроде экономического отделения. В 1724 году приказ этот был преобразован по коллегиальному образцу под именем *камер-конторы* синодального правительства. Появились при Синоде и другие учреждения, бывшие органами его обширной власти. Так как члены его имели главное пребывание в Петербурге, то в Москве заведена была особая *синодальная контора* с высшей властью, но ограниченной только пределами бывшей патриаршей области. Святейший Синод наследовал и епархиальную власть патриархов в их Московской области с присовокуплением к ней еще новой Петербургской. Органами этой епархиальной его власти были — в Москве бывшие патриаршие приказы, а в Петербурге — вновь учрежденная *тиунская контора* под начальством духовного тиуна или управителя духовных дел. В 1723 г. бывший духовный приказ патриарха в Москве был преобразован в коллегия под именем *дикастерии* — это было первое из епархиальных учреждений, которые делаются потом (с 1744 г.) известными в епархиях под именем консисторий.

Перемена в составе Синода по смерти Петра.

По смерти Петра (26 января 1725 г.) наступил довольно продолжительный период бессилия верховной власти и усиления временщиков, период необыкновенных возвышений и страшных падений разных “временных” людей, во все течение которого дело Петра должно было выдерживать трудную пробу своей исторической прочности. Тревоги этого времени отразились и на Святейшем Синоде. Первым подвергся страшной участи падших величий вице-президент Феодосий. После кончины грозного царя он сделался еще заносчивее и заговорил о новых порядках еще резче, — жаловался на унижение церкви, на унижение архиереев, разорение их домов и монастырей, на штаты, поносил покойного царя, сравнивая его по жестокости с Иоанном Грозным, допускал оскорбительные выходки против самой императрицы *Екатерины* и сильного князя *Меньшикова*, грозил в будущем каким-то народным восстанием и проч. В конце апреля 1725 года он был арестован и подвергнут розыску*. Во время розыска открылись за ним еще разные злоупотребления по епархии и то, что всех своих домовых служителей он осмелился обязать особой присягой на верность себе, вроде государст-

* Дознанию, за которым идет уже законное следствие.— *Прим. ред.*

венной присяги. За все свои вины он был лишен сана и под именем чернеца Феодоса заточен в карельский монастырь, где через 5 месяцев и умер в тесной и холодной тюрьме. На место его в Новгород был переведен Феофан и стал первым членом Синода. Но в то же время вторым членом назначен был неприятный ему Феофилакт Лопатинский; затем императрица, чувствовавшая себя не совсем твердой на престоле и угождавшая всем партиям, в угоду партии старого боярства, не любившего архиереев-черкас, третьим членом назначила архиерея великоросса *Георгия Дашкова* Ростовского. Это был человек малообразованный, но практический, энергичный, сильный связями среди боярства и опасный недоброжелатель всех черкас. За ним в Синод попал еще один великоросс, горицкий архимандрит *Лев Юрлов*. Таким образом Святейший Синод получил такой состав, в котором заключались элементы неизбежной партийной борьбы. Борьба эта действительно вскоре и началась, имея во главе на одной стороне Феофана, а на другой Георгия. В том же 1726 году, как последовали эти назначения, Синод был разделен на два параллельных аппарата, — духовный, из архиереев, занятый только духовными делами, и светский, названный *коллегией экономики*, из пяти светских лиц, для занятия экономическими делами и управления церковными вотчинами, независимый от первого, входивший со своими представлениями прямо в Сенат. Для такого смешанного Синода титул Святейшего признан был уже неприличным и заменен титулом Духовный Синод. Первый аппарат его положено было весь составить из одних архиереев, чем прямо отменялось заведенное Петром представительное устройство Синода из духовных лиц разных чинов. Все члены Синода были сравнены между собой еще более прежнего чрез отмену всех прежних коллежских их званий и наименование всех просто членами. Наконец, в том же году Синод был понижен по государственно-административному своему значению. “Временные” люди постарались обособиться и встать выше всех государственных учреждений, составив из себя верховный совет. Синод и Сенат после этого спустились уже на вторую степень администрации, и оба лишились титула “правительствующих.” Вся высшая администрация попала в руки верховного совета, а Синод и Сенат сделались только исполнителями его властных распоряжений.

Святейший Синод при Петре II и Анне Иоанновне и борьба Феофана с своими врагами.

Еще хуже сделалось положение Святейшего Синода при молодом Петре II, когда всеми делами государства ворочали исключительно временщики — сначала Меньшиков, потом Долгорукие. Реакционный характер этого царствования способствовал еще большему подъему значения великорусской партии иерархов. Георгий Дашков провел Льва Юрлова до архиерейства в Воронежской епархии и успел ввести в Синод еще нового члена из великороссов, старого опального митрополита Игнатия Смола, который был вызван теперь из своего Ниловского заточения на Коломенскую кафедру. Все они дружно стали действовать против Феофана. Феофилакт, единственный кроме него ученый член, не пристал к ним, но сделал Феофану большую неприятность, издав в 1728 году, с разрешения верховного совета, труд Яворского — “Камень веры,” обличавший те самые ереси, в каких враги обвиняли Феофана. В кружках старинного вельможества и духовенства заговорили даже о восстановлении патриаршества. Положение Феофана, бывшего теперь единственным представителем Петровских идей в Синоде, сделалось крайне опасным и заставляло его напрягать в разгоревшейся борьбе все свои силы и всю изворотливость. Оружие в этой борьбе у его противников было прежнее, которым он был встречен в Москве еще в 1718 г. при Стефане Яворском — это обвинение в ересь. В роли обвинителя, весьма неудобной для таких плохих богословов, как Георгий, выставлен был один из киевских же ученых, архимандрит юрьевский *Маркелл Ро-*

дышевский, знавший Феофана еще с академии и одно время служивший у него в Псковской епархии судьей архиерейского дома. Еще в 1726 году им подан был Святейшему Синоду донос на Феофана в 47 пунктах, будто он, Феофан, не признает церковных преданий и учения святых отцов, не чтит святых икон и мощей, отрицает оправдание делами, смеется над церковными обрядами, акафистами, сказаниями Миней и Прологов, отвергает некоторые правила Кормчей, хулит церковное пение, а хвалит лютеранские органы, желает искоренить монашество и т. д. Так истолкованы были в доносе разные места из сочинений и устные речи Феофана, в которых выражалась его действительно подчас слишком горячая полемика или против католичества, или против домашних русских суеверий и обрядоверия. Дело это кончилось тогда заключением Маркелла в Петропавловскую крепость и внушением Феофану от лица императрицы, чтобы он впредь никаких противностей православной церкви не чинил, а жил, как живут все “великороссийские” архиереи. При Петре II Маркелл напал, как на еретические, на разные сочинения Феофана — букварь, толкование блаженств, об обливательном крещении и другие, прося у Синода немедленного осуждения и их, и их автора. На этот раз донос его уже вовсе не имел силы; Феофану легко было доказать, что все эти сочинения написаны были им по мысли Петра Великого и изданы с разрешения Святейшего Синода, и обвинить самого доносчика в том, что он осмелился винить в ересях самый Синод и “терзать славу толикаго монарха.” Потерпев неудачу в Синоде, Маркелл обратился к тайной канцелярии и донес ей, что Феофаном была написана “Правда воли монаршей” — сочинение, направленное к лишению наследия престола царевича Алексея, следовательно, противное и царствующему государю — сыну Алексея; но тайная канцелярия и без доноса хорошо знала это, равно как и то, что сочинение это написано было тоже по воле Петра Великого. Доносчик подвергся новому заключению — в Симонов монастырь. Феофан таким образом оставался цел и невредим; но положение его было все-таки очень шатко — Дашков все усиливался, и Феофану могла грозить впереди та же участь, какую недавно испытал другой нелюбимый великороссами черкашенин Феодосий. Его избавила от тяжких тревог неожиданная кончина Петра II (в январе 1730 года), за которой последовали восшествие на престол *Анны Иоанновны* и падение верховников. Сошедшись с духовником Анны Иоанновны, архимандритом *Варлаамом*, Родышевский хотел было и при ней продолжать свои нападения на Феофана; в своем Симоновском заточении он начал составлять против него новые обвинения, написал несколько тетрадей, в которых, кроме указанных сочинений, подверг резкой критике написанный Феофаном указ 1724 года о монашестве и самый Духовный регламент. Но при императрице Анне настали уже другие времена, когда вошли в силу не обвинения в ересях, а доносы политические, а этим оружием Феофан умел владеть лучше своих противников. Самую крепкую опору он нашел себе в господствовавшей при дворе немецко-курляндской партии, с интересами которой множеством нитей связывались его собственные интересы. Та же самая партия старинных людей, которая угрожала недавно ему, была теперь грозой и нового курляндского правительства. Последнее живо чувствовало свою ненациональность и слабость в России, хорошо знало, что право на престол, по завещанию Екатерины I, принадлежало не Анне Иоанновне, а дочерям Петра Великого с их потомством, и подозрительно прислушивалось ко всяким заявлениям в народном и православном духе и к толкам о цесаревне Елизавете, о сыне покойной царевны Анны Петре Голштинском и даже о царице Евдокии Лопухиной. Poleмика против немецких ересей и обвинение в них кого-нибудь при таких обстоятельствах легко становились признаком политической неблагонадежности самих обвинителей и полемистов и влекли за собой неизбежные допросы в тайной канцелярии. За падением верховников скоро последовало и падение поддерживаемой ими великорусской партии в Синоде. Первым из архиереев попался в политическом деле Лев Юрлов, на которого было донесено из Воронежа, что, по получении здесь первого сенатского указа о восшествии на

престол императрицы Анны, он не отслужил торжественного молебствия, а стал для того ждать еще особого указа из Св. Синода, в ожидании же этого несколько запоздавшего указа распорядился поминать царствующее семейство по порядку старшинства, начиная с царицы Евдокии. В Синоде, по влиянию Георгия и Игнатия, отнеслись к этому доносу легко и отложили его рассмотрение до новых разъяснений из Воронежа. Но вслед за этим все члены, кроме Феофана, вдруг были уволены из Синода и на места их назначены другие — *Леонид Крутицкий*, *Иоаким Суздальский* и *Питирим Нижегородский* — все такие архиереи, которые вполне подчинялись Феофану; тогда же, кроме архиереев, в состав Синода опять, как при Петре, введены были архимандриты и протоиереи. По делу Льва началось следствие, к которому притянуты были и его доброжелатели, Георгий с Игнатием; все трое были признаны противниками царствующей императрицы, обвинены, кроме того, в разных злоупотреблениях по своим епархиям и по лишении сана разосланы в разные монастыри. В том же 1730 году был лишен сана и заточен в Кириллов монастырь *Варлаам Вонатович* Киевский за то, что, как и Лев, тоже не отслужил вовремя молебна на восшествие императрицы на престол; но больше всего он провинился в том, что плохо удерживал свое духовенство от толков об еретичестве Феофана и дозволил у себя в Киеве новое издание “Камня веры.” В следующем году был лишен сана и посажен в Выборгскую крепость архиерей той же великорусской партии *Сильвестр* Казанский, на которого донесли, что при Екатерине он запрещал поминать Св. Синод при богослужении, рвал и велел переписывать на свое имя прошения, подаваемые ему на Высочайшее имя, говорил об императрице Анне противные речи, делал лишние поборы по епархии и прочее.

В начале 1737 года Феофан принял и за Родышевского и донес о его тетрадях кабинету министров: не распространяясь о богословской стороне Маркелловых обвинений, он обратил внимание кабинета главным образом на то, что хула Маркелла против книг, изданных по указам государя и Св. Синода, даже против Духовного регламента, содержащего действующее законоположение, есть прямое противление власти; потом выставил на вид нападки автора на лютеран и и кальвинистов и на тех, кто с ним дружбу имеет, и поставил многозначительный вопрос, кого это понимает тут Родышевский с братией. После этого дело пошло, разумеется, через тайную канцелярию. Розыск по этому делу запутал в свои извороты и погубил множество лиц всякого звания, или читавших тетради Маркелла, или просто только слышавших об их существовании. С этих пор политические розыски не прекращались во все царствование императрицы Анны. По монастырям и у разных грамотеев отыскивали всякие тетрадки, записки, выписки, в которых предполагалось что-нибудь “противное,” и всех их читателей и владельцев тянули к розыскам. Феофану удалось внушить подозрительному немецкому правительству, что в России существует опасная “злодейская факция*,” которую непременно надобно открыть и истребить. Арестованных допрашивали не о каком-нибудь определенном предмете, а вообще обо всем, кто что говорил, замышлял или слышал “противное”; разыскивая одно, неожиданно набродили на другое; распутывая одну факцию, запутывались в другой новой. Ввиду пыток, допрашиваемые в тайной канцелярии страшно ломали свои головы, припоминая, кто что говорил или слышал за последние несколько лет, путались сами, запутывали и других. Громадное следствие усложнялось все новыми эпизодами и затягивало в свои извороты все новых и новых лиц. Из Москвы оно перекинулось в Тверь, где были арестованы иеромонах *Иосиф Решлов*, заподозренный в составлении одного подметного письма с пасквилем на Феофана и порицаниями на немецкое правительство, архимандрит *Иоасаф Маевский* из ученых киевлян и разные лица тверского архиерейского дома, близкие к Феофилакту Лопатинскому, который и сам подозревался в “противностях,” — за-

* Factio — направление, партия, политическая группировка (лат.).

тем, распространилось на Устюг, Вологду, на многие монастыри, Саровскую пустынь, задело множество светских лиц, начиная от каких-нибудь богадельных грамотников и доходя до очень высокопоставленных людей, даже до лица цесаревны Елизаветы, которую многие желали видеть на престоле. Из духовных лиц никто не мог быть уверен в том, что кто-нибудь из знакомых не помянет его имени на пытке и его самого не схватят в тайную канцелярию. В 1735 году был арестован и Феофилакт, за которым числилась важная вина, издание “Камня веры,” и который, кроме того, по своей чистосердечной откровенности и доверчивости к окружающим, не раз позволял себе лишние речи и о патриаршестве, и о Феофане, и о немцах, и о том, что императрица Анна села на престол, обойдя цесаревну.

Кончина Феофана и его значение.

Феофан не дождался конца всех этих розысков; он умер в сентябре 1736 г. В последнее время он достиг до такой высоты власти, до какой не достигал ни один из архиереев после патриархов. Он был другом *Бирона* и *Остермана* и богатейшим сановником в России. Все архиереи по необходимости преклонялись перед ним. Ученая репутация его стояла высоко не только в России, но и на западе; вся русская церковная литература сосредоточивалась около него и зависела от его одобрения; его знакомства искали и русские, и иностранные ученые и писатели; он был сильным покровителем молодых талантов, в том числе Кантемира и Ломоносова. На смертном одре, готовясь предстать на суд Божий, этот величайший ум своего века, предмет удивления для одних и ненависти для других, тоскливо восклицал, обращаясь к себе: “Главо, главо! Разума упившись, куда ся преклонишь?” Память его омрачена связью с тайной канцелярией, с ужасами бироновщины; но при оценке его личности не надобно забывать и того, что его время было временем постоянных переворотов в судьбе сильных людей, временем “случая,” как выражались современники, когда человек, поднявшийся на высоту, часто должен был гибнуть где-нибудь в Березове, Пельми, Охотске или сам губил других, когда в жизни действовали не право или мораль, а слепой инстинкт самосохранения; не нужно забывать того, что и среди такой обстановки он сумел остаться “дивным первосвященником,” как его назвал Кантемир, один неизменно и твердо отстаивал знамя реформы и сумел неразрывно связать свои личные интересы с интересами церковных преобразований и просвещения, чего не сумели сделать его противники. После его смерти поднятые им розыски продолжались своим чередом. Лишились кафедр архиереи *Досифей Курский* (1736), *Иларион Черниговский* (1738), *Варлаам Псковский* (1739). Несчастный Феофилакт, содержащийся до сих пор под синодальным арестом, в 1738 г. попал в тайную канцелярию, измучен пытками, лишен сана и посажен в Выборгский замок. Множество духовных лиц было заточено по монастырям и крепостям и сослано в Сибирь.

Св. Синод при императрице Елизавете.

Страшное время бироновщины кончилось с восшествием на престол *Елизаветы Петровны*, которое и в духовенстве, и в народе встречено было общим восторгом. Проповеданное слово с церковных кафедр прославляло новую государыню, как спасительницу России от иноплеменного ига, восстановительницу православия и народности. Всем были известны ее русский характер, чисто русское благочестие, любовь к духовенству, духовным книгам и проповедям, к богослужению и благолепию церковной обрядности. Такой же осталась она и на престоле — ездила на богомолья, в Троицкую лавру ходила раз пешком, соблюдала все посты, делала пожертвования по монастырям и церквам. Ее духовник протоиерей *Феодор Дубянский* был важной силой при дворе. Православно-церковного направления был и самый близкий к ней вельможа, *Алексей Григорьевич Разумовский*, родом из простых малороссов.

Началось возвращение из заточений и ссылок всех страдальцев бироновского времени. Из известных нам лиц до этого счастья дожили Лев Юрлов, М. Родышевский и Игнатий Смола (скончавшийся, впрочем, всего через месяц по воцарении Елизаветы); прочие уже умерли. Феофилакт тоже скончался в 1741 г. еще при правительнице Анне Леопольдовне, восстановленный в своем сане всего за 4 месяца до кончины. В 1742 г. Елизавета издала весьма важный общий указ, которым первоначальный суд над духовными лицами был предоставлен Св. Синоду и по политическим оговорам. Сам Св. Синод, вместе с Сенатом доселе подчиненный сначала верховному совету, потом кабинету министров, был восстановлен с упразднением последнего в своем прежнем достоинстве высшего административного места с титулом “правительствующего.” Ободренные благочестием Елизаветы, члены Синода *Амвросий Юшкевич* Новгородский (преемник Феофана) и *Арсений Мацеевич* Ростовский, один из энергичнейших архиереев того времени, оба малороссы, подали доклад, в котором писали, что если государыне не угодно будет прямо восстановить патриаршество, то пусть бы она по крайней мере дала Синоду президента и самый Синод, как церковно-правительствующий, устроила из одних архиереев без архимандритов и протопопов, упразднила бы при нем и должность обер-прокурора с коллегией экономии, ибо он носит титул Святейшего и есть правительство духовное, в котором светским лицам и делать нечего. Но Елизавета, объявившая все законы Петра своими, не согласилась на такую реформу, согласилась только на возвращение духовенству его имений и на подчинение коллегии экономии Синоду. В Синод назначен был даже особенно строгий обер-прокурор, князь *Я. Шаховский*, крепкий ревнитель государственного интереса и всякой законности. Из оставшихся после него “Записок” о своей жизни видно, что такой человек был особенно нужен тогда в Синоде, где в прошлые царствования порядки были расстроены и дела сильно запущены. Он рассказывает в этих записках о том, как часто приходилось ему сталкиваться с членами Синода по вопросам об излишних расходах вотчинных сумм, о незаконном увеличении жалованья членов, о наказании духовных лиц за проступки, которых, из опасения соблазна, Св. Синод старался не обнаруживать, как трудно было ему отстаивать свои представления вследствие постоянного заступления за членов Синода сильных лиц — Дубянского и Разумовского, но как иногда силой этих лиц, их властным вмешательством в синодальные дела приходилось тяготиться самим же членам и как он в этих случаях должен был выручать их из тяжелого положения своим смелым представительством и прямым разъяснением дел пред императрицей.

Святейший Синод при императрице Екатерине II.

После кратковременного царствования преемника Елизаветы *Петра III*, пропитанного немецкими и протестантскими понятиями и угрожавшего православной церкви новым господством немецкого духа, настало царствование *Екатерины II* — императрицы-философа XVIII века, и в России настал свой *философский век*. Подобно другим государям-философам тогдашней Европы и их министрам, она старалась создать свою правительственную систему на основах тогдашней модной французской философии, которая смотрела на религию, как только на известный род “народного умоначертания” и полезное орудие для управления народами, каково бы ни было ее внутреннее содержание. Все эти государи и политики единодушно восставали против католической теории двух властей, стараясь сделать церковь учреждением только государственным, и против всяких проявлений клерикализма, охотно участвовали в развитии идеи веротерпимости, считая государство по существу индифферентным ко всякой религии, в ломке папского престола, инквизиционных трибуналов, даже клерикальных школ, в ослаблении монашеских орденов, сокращении числа монастырей и особенно в выгодной для казны секуляризации церковных имуществ. У нас никогда не было ни

папства, ни унижения государственной власти пред духовной, ни инквизиции, ни монашеских орденов, ни даже систематического клерикализма; но, за неимением своей русской точки зрения на дело, западная точка зрения принята была в руководство и нашими политиками. У нас тоже заговорили и против религиозного фанатизма, и против теории двух властей, и об ослаблении какого-то опасного могущества духовенства, и об отнятии у него церковных имуществ. Одним из первых и важнейшим делом императрицы, за которое ее восхвалили все мудрецы Европы, было именно дело секуляризации церковных имений.

В строе высшего церковного управления крупных времен при ней не было, кроме закрытия при Синоде коллегии экономии, ведавшей церковные вотчины; но произведена была важная перемена в личном составе этой администрации, наполнявшемся до сих пор малороссами, мало соответствовавшими видам нового правительства. Точно так же, как в свое время Петр I для интересов реформы старался замещать важнейшие церковные места новыми людьми из ученых малороссов, Екатерина II, ввиду новых реформ, спешила выдвигать на первый план в церковной администрации новых людей из ученых великорусских монахов, готовых со всем усердием служить власти, которая теперь милостиво поднимала их из прежнего их унижения перед малороссами. Административной монополии малороссов и без того, впрочем, пора было прекратить свое существование. Она уже сослужила свою службу в Великороссии, воспитав достаточное число молодых местных сил, и поддерживать ее дольше было незачем, это вело только к лишнему ропоту великорусского духовенства. В 1754 году сама императрица Елизавета, особенно любившая малороссов, нашла нужным издать указ, чтобы в архиереи и архимандриты представляемы были не одни малороссы, но и великороссы. Первенствующий пост в Святейшем Синоде при воцарении Екатерины занимал великоросс *Димитрий Сеченов*, архиепископ Новгородский; вслед за ним еще при Елизавете возвысился архимандрит Троицкой лавры, известный оратор *Гедеон Криновский*, получивший при Екатерине псковскую кафедру. При их поддержке возвысились потом воспитанники Московской академии: *Гавриил Петров*, в 1763 году посвященный в епископа Тверского, а в 1770 году сделанный архиепископом Петербургским, — архиерей-аскет, мудрый, скромный и исполнительный в делах; *Платон Левшин*, в начале правления Екатерины бывший ректором академии, человек живой, впечатлительный, возбуждавший общие к себе симпатии, великий оратор и первая знаменитость своего века; Екатерина сделала его придворным проповедником и законоучителем наследника Павла Петровича; с 1768 года он был членом Синода, а в 1770 г. — епископом Тверским после Гавриила. В 1763 году, по смерти Гедеона, псковским епископом был назначен тоже видный великоросс *Иннокентий Нечаев*. Эти лица участвовали в исполнении всех первоначальных действий правительства по церковным вопросам. Димитрий и Гедеон благополучно провели дело о секуляризации церковных вотчин; Гавриил, Иннокентий и Платон, по поручению правительства, в 1766 году занимались составлением обширного проекта о преобразовании духовных школ, не приведенного, впрочем, в исполнение, и рассматривали написанный Екатериной Наказ комиссии о составлении нового Уложения; Димитрий, а по смерти его (+ 1767) Гавриил были представителями Святейшего Синода в самой комиссии. Между тем малороссы все более и более падали в глазах императрицы, и постепенно сходили со своих постов. Самый энергичный из них — Арсений Ростовский погиб за протест против секуляризации церковных вотчин; дело его всего более повредило репутации малороссийской партии иерархов. Другой видный архиерей южного происхождения *Амвросий Зертис-Каменский*, сначала Крутицкий, потом с 1767 года Московский, успевший было понравиться императрице, вооружил против себя всю Московскую епархию своей строгостью, доходившей до жесткости, и был убит чернью во время известного бунта в Москве по случаю чумы 1771 года. На место его в 1775 году был назначен Платон. Некоторые архиереи-малороссы были уволены на покой по жалобам епархиального ду-

ховенства на суровость их управления, в том числе в 1768 году тобольский митрополит *Павел Конюшкович*, ревнитель миссионерства, исправитель нравов сибирского духовенства и человек святой жизни (скончался в Киевской лавре в 1770 г.). До какой степени Екатерина была подозрительна в отношении к этим архиереям, показывает судьба *Вениамина Пуцка-Григоровича* Казанского. Екатерина застала его архиепископом петербургским и немедленно перевела в Казань, где он особенно прославился своей миссионерской деятельностью. Во время Пугачевского бунта он первый из архиереев восстал против *Пугачева*, принявшего имя Петра III, разослав по своей епархии увещательные грамоты, в которых обличал самозванца, как личный участник погребения истинного Петра III. Несмотря на такую услугу правительству, он был подвергнут оскорбительному аресту по одному бездоказательному оговору какого-то пугачевца-дворянина в том, будто бы он был сам сообщником Пугачева и посылал бунтовщикам деньги. После Екатерина убедилась в его невиновности и поспешила утешить его милостивым рескриптом и саном митрополита, но это не вылечило уже его от паралича, который разбил его при аресте. Преемником его с 1783 года назначен был великоросс из воспитанников московской академии *Амвросий Подобедов*. Кое-каким вниманием императрицы пользовались только два архиерея из малороссийской партии — *Георгий Конисский* Белорусский и *Самуил Миславский* Киевский (с 1783 года), преобразователь Киевской епархии по образцу великорусских.

В обер-прокуроры выбирались люди самых модных понятий о религии и церкви. Таков в 1760-х годах был *Мелиссино*, известный любопытным проектом наказа депутату Св. Синода в комиссию об Уложении; тут были изложены самые либеральные предложения о сокращении постов, об ослаблении почитания икон и мощей, сокращении богослужения, отмене содержания монахам, о посвящении епископов без монашества, о “пристойнейшей” одежде для духовенства, об уничтожении поминовения умерших, облегчении разводов, дозволении браков свыше трех и т. д.; Св. Синод отклонил этот проект и составил свой собственный. После Мелиссино обер-прокурором был *Чебышев* (1768-1774), открыто щеголявший атеизмом и мешавший изданию сочинений, направленных против современного неверия. Из подозрения к “фанатизму” духовенства в 1782 г. из духовного ведомства изъяты были в ведомство светского суда все дела о религиозных хулах, о нарушении чинности в богослужении, о колдовстве и вообще о суевериях. Мнения членов Синода редко принимались в уважение, кроме мнений двоих наиболее приближенных к императрице членов — Гавриила и духовника государыни протоиерея *Иоанна Памфилова*. Последний был своего рода временщиком и между прочим заступником за белое духовенство против монашествующего и архиереев; в 1786 г. императрица пожаловала ему митру — награду, доселе неслыханную в белом духовенстве и возбуждавшую неудовольствие в среде монашества и архиереев, видевших в ней унижение митры. Члены Синода не скрывали недовольства своим положением, особенно живой и откровенный Платон. Привыкши к тому авторитету и благоговению, каким архипастырский сан пользовался в религиозной Москве, он с каждым годом все более и более тяготился своими поездками в Петербург для заседаний в Синоде, а с 1782 г. и вовсе перестал туда ездить, просил даже об увольнении на покой. Императрица его не уволила, но, видимо, охладела к нему и обходила его наградами. Только в 1787 г. она пожаловала его митрополитом, тогда как Гавриил и Самуил Киевский получили этот сан еще в 1783 г. Гавриил сохранил ее благоволение до конца царствования; всегда ровный, спокойный, всегда стоя на законной точке зрения, “резонабельный муж,” как его называла Екатерина, умел проявлять свою ревность о церкви так, что никогда не производил этим раздражения, и при случае сказать веское слово, которое даром не пропадало. Императрица постоянно призывала его в свои советы и приказала сноситься с ним по делам генерал-прокурорской канцелярии Сената.

Положение Гавриила пошатнулось уже при императоре *Павле I*. Крутому и нетерпеливо-вспыльчивому государю не понравилось, что митрополит не сочувственно отнесся к вновь введенному награждению духовных лиц государственными орденами и решительно отказался от пожалования кавалерством (католического) Мальтийского ордена, которым государь чрезвычайно увлекался. К концу 1800 г. митрополит был уволен на покой и вскоре скончался; место его занял Амвросий Казанский. Митрополиту Платону как учителю императора сначала все предрекали высокое положение в новое царствование, но и он не угодил государю, потому что тоже был против орденов и умолял позволить ему — православному архиерею — умереть архиереем же, а не кавалером; государь насильно надел на него орден св. Андрея Первозванного. С 1797 г., когда ему было объявлено запрещение выезжать из Москвы, он не принимал никакого участия в высшем церковном управлении и оставался в тени до самой кончины, последовавшей в ноябре 1812 г.

Святейший Синод при Александре I.

Царствование императора *Александра I* началось новым преобразовательным движением в государстве, коснувшимся и церковной жизни. В числе ближайших сотрудников государя в первые годы царствования был человек, хорошо знавший состояние и нужды церкви; это был знаменитый *Мих. Мих. Сперанский*, сам происходивший из духовного сословия, бывший воспитанником и учителем петербургской семинарии. Едва ли не по его инициативе в кружке ближайших сотрудников государя (Кочубей, Строгонов, Новосильцев, Чарторыжский), при проектах новых реформ, заговорили о возвышении образования и материальных средств духовенства — по крайней мере из светских лиц Сперанский явился главным деятелем в разработке этого вопроса. Обер-прокурором Св. Синода с 1803 г. назначен был князь *А. Н. Голицын*, друг юности государя и самое доверенное его лицо; религиозное образование он имел невысокое, первоначально был даже отрицательного направления в отношении к религии, в духе XVIII века, потом по обращению сделался покровителем разных мистических сект; но на первых порах, когда дело касалось не вопросов веры, а только указанного практического вопроса, был небесполезен для синодальных деятелей. Деятели эти скоро нашлись. Кроме митр. Амвросия, в Св. Синоде появилось несколько новых весьма видных иерархов, каковыми были: *Мелодий Смирнов* Тверской, известный хорошим устройством духовно-учебных заведений во всех епархиях (Воронежской, Коломенской, Тульской, Тверской), которыми он управлял, знаменитый вития Анастасий Братановский Белорусский, потом Астраханский (+ 1806), и с 1807 г. *Феофилакт Русанов* Калужский, потом Рязанский, однокурсник и друг Сперанского, человек живой, светски образованный, блестящий проповедник, скоро сделавшийся в Синоде влиятельнее самого митрополита. Правой рукой митр. Амвросия был его викарий, епископ Старорусский *Евгений Болховитинов*, воспитанник Московской академии и университета, служивший прежде учителем и префектом при родной воронежской семинарии, потом протоиереем в г. Павловске; вызванный в Петербург после вдовства (в 1810 г.), он постригся здесь в монашество, был префектом семинарии, наконец в 1804 г. посвящен в епископа Старорусского. Ему поручена была предварительная разработка вопроса об усовершенствовании духовных школ, которую он и исполнил к 1805 г., разработав преимущественно учебную и административную части устройства духовного образования. В разработке экономической части Анастасию Братановскому приписывается счастливая мысль, оказавшаяся очень плодотворной на деле, именно о назначении содержания для духовных школ из свечного дохода церквей. После предварительных работ в конце 1807 г. для составления полного проекта о преобразовании духовных школ и об улучшении быта всего духовенства образован был особый комитет из духовных (митр. Амвросий, Феофилакт, протопресвитер

С. Краснопевков и обер-священник И. Державин) и светских (кн. Голицын и Сперанский) лиц. Плодом его работ, законченных в июле 1808 г., были: а) новая организация всего духовного образования в России с учреждением для него тоже совершенно новой системы учебной администрации и б) изыскание для духовного ведомства нового громадного капитала.

Во главе всего духовно-учебного управления в том же году была поставлена заменившая комитет комиссия духовных училищ из высших духовных и частью светских сановников (тех же, которые заседали и в комитете), составившая при Св. Синоде первое центральное учреждение для этой важной отрасли церковной администрации, так как до сих пор все духовное образование находилось в ведомстве одних епархиальных архиереев и даже их консисторий и, если не считать недолго существовавшей при Петре I (1721-1726) синодальной конторы школ и типографий, вовсе не имело общего высшего центра при Синоде. Окружными органами комиссии были сделаны духовные академии, для чего при них были учреждены ученые конференции, составленные из местных ученых лиц — профессоров каждой академии и посторонних из местного духовенства; конференциям этим предоставлены по их округам цензура духовных книг, производство в ученые степени и управление духовными школами чрез особое внешнее и окружное правление каждой академии. Ближайшее попечение о школах по-прежнему предоставлено было местным архиереям, но самим лично, без участия в нем консисторий. Новый капитал для содержания духовных школ и церковных причтов был создан комитетом, можно сказать, из ничего и без особого отягощения государства и народа. В основу его были положены: а) экономические суммы всех церквей (до 5600000 руб. ассигн.), которые назначено было поместить в банк для приращения, б) ежегодный свечной доход церквей (до 3 000 000 рублей), тоже назначенный к помещению в банке, и в) ежегодное пособие из казны в 1 353 000 руб. в течение только 6 лет. В эти 6 лет все означенные суммы, с приращениями в 5% и за исключением расходов по преобразованию академических учебных округов, по исчислению комитета, должны были составить капитал в 24949000 руб. ассигн. с доходом в 1 247450 руб., который вместе с ежегодным свечным доходом должен был давать Св. Синоду ежегодную сумму в 4 247 450. При внимательной экономии, сбережениях и новых пособиях от казны комитет надеялся довести эту сумму со временем до 8½ миллионов, какая действительно требовалась на полное обеспечение как духовных школ, так и всех церковных причтов (от 300 до 1000 руб. на каждый). Но все эти грандиозные расчеты расстроились в самом непродолжительном времени частью вследствие утаек приходами экономических и свечных сумм, частью вследствие вскоре постигших Россию бедствий 1812 года, при нашествии Наполеона.

Бедствия эти вместе с Россией разделяла и Православная Русская Церковь. Среди необычайного подъема религиозных и патриотических чувств при нашествии грозного врага, как будто снова воротилось то время нашей истории когда вера и церковь стояли на страже православной Руси и выручали ее из всех бед, выпадавших на ее долю. Архиереи и монастыри, как в старину, жертвовали на ее спасение свои многолетние сбережения. Из своего нового капитала Св. Синод пожертвовал 1½ миллиона. Затем, когда вражеские полчища двенадцати язык были уже сметены с лица земли Русской, по всему пути их нашествия осталась широкая полоса страшного опустошения; опустошена была и сама Москва с ее вековыми святынями. Как в ней, так и повсюду, где побывал неприятель, приходилось восстанавливать множество храмов и монастырей и помогать разоренному духовенству. На удовлетворение этих нужд Св. Синод должен был отпустить из своих сумм еще 3½ миллиона. Было много и других пожертвований из новообразованного капитала. Все это, вместе с недоборами при самом его составлении, повело к тому, что в 1815 г., когда он должен был возрасти до 24 миллионов, он едва дорос до 15 — т. е. такой суммы, на проценты с которой можно было содержать только одни духовные школы. На пособие из казны было тоже нечего рассчитывать;

во внимание к затруднительному ее положению после тяжелой войны комиссия духовных училищ в 1816 г. решила отказаться от получения даже обещанной уже ей казенной суммы. После этого новый капитал получил значение исключительно капитала учебного; от выдачи из него окладов на причты пришлось отказаться, и эта часть проекта 1808 г. так и осталась без исполнения.

События отечественной войны имели и другое весьма важное влияние на состояние церкви и высшего церковного управления. Страшные бедствия были для России горнилом очищения от ее недавних галломанских увлечений. В своем благодарственном молебствии о спасении от врагов она выразила горькое сознание: “О их же ревновахом наставлениях, сих имеяхом врагов буйных и зверонравных.” И начался период реакции против либерального движения XVIII в. К несчастью нашего образованного общества, живя целое столетие чужим умом, оно совсем отстало от своей русской жизни, оттого и реакцию свою стало выражать в чужих же, иностранных формах: отставая от чужого, французского вольнодумства, оно обратилось за религией не к своему русскому православию, а к чужому же, протестантскому мистицизму разных методистов, квакеров, гернгутеров и т.п. западных сектантов и учителей. Настало время библейских обществ, стремившихся заменить руководство церкви непосредственным само просвещением христианина по Библии и с помощью целой массы мистических книжек, распространявшихся по всей России. Во главе этого движения встал сам кн. Голицын, окруживший себя целым штатом библейцев* и всевозможных мистиков. Поставив себе задачей распространение царствия Божия на земле, все эти деятели нового христианства стали действовать со всем обычным фанатизмом наших общественных увлечений и причинили церкви едва ли не более скорби, чем даже деятели XVIII в. С 1813 г. сменен был весь личный состав Св. Синода, кроме митр. Амвросия; — прежние члены оказались не соответствовавшими требованиям нового времени. И самому митрополиту стоило немало труда удержаться на месте без нарушения своих архипастырских обязанностей. Самым дорогим его помощником и поддержкой в это время после Евгения (назначенного в 1808 г. на вологодскую кафедру) был *Филарет Дроздов*, новое яркое светило церкви.

Он был сын небогатого коломенского дьякона (после — священника), родился в 1782 г., учился в коломенской и лаврской семинарии и по окончании курса остался в последней учителем; здесь его заметил, как отличного проповедника, митр. Платон и в 1808 г. склонил к принятию монашества. К величайшему огорчению престарелого святителя, молодой вития в следующем же году был отнят у него в наставники преобразованной петербургской академии. В Петербурге митр. Амвросий принял Филарета под свое особое покровительство и не ошибся, найдя в нем еще более дорогую для себя опору, чем бывший викарий Евгений. Не так встретил юного инока другой сильный член Синода, соперник Амвросия, Феофилакт, забравший тогда в свои руки и комиссию духовных училищ, и всю академию; он целый год не допускал Филарета до учительства, потом, когда Филарет сделался известен в столице своим проповедническим талантом, в 1811 г. за одну проповедь (на день Св. Троицы о дарах Св. Духа) чуть не обвинил его в пантеизме. Дело доходило до самого государя и кончилось Высочайшей наградой проповеднику и возведением его в сан архимандрита. В 1812 г. Филарет был определен ректором академии и получил возможность вытеснить из нее тяжелое и неприятное митрополиту преобладание Феофилакta. Вскоре после этого Феофилакт начал быстро терять свое значение. В 1813 г. он был уволен на епархию (в Рязань), а в 1817 г. почетным образом удален в Грузию экзархом, где и оставался до смерти. Самым видным членом в комиссии после него сделался Филарет, возведенный в 1814 г. на степень доктора богословия. При открытии нового религиозного движения молодой архимандрит радостно приветст-

* Члены библейского общества. — Прим. ред.

вовал его, находя в нем много доброго для веры и увлекательного для своего возвышенного богословского ума, и сделался деятельным членом библейского общества. Оттого он был в постоянно добрых отношениях и к Амвросию, и к кн. Голицыну, и долго служил между ними полезным связующим звеном, с одной стороны, служа поддержкой перед могущественным князем своего архипастыря, а с другой — силой своего богословского ума умеряя по возможности мистические увлечения Голицына. В 1817 г. он был рукоположен в сан епископа Ревельского — викария митрополита. Но это был уже последний год, до которого еще поддерживалось кое-какое согласие ревнителей мистицизма с церковной иерархией.

Манифестом 24 октября 1817 г. было создано обширное двойное министерство духовных дел и народного просвещения с кн. Голицыным во главе, наполненное библейцами и мистиками. В первом из двух его департаментов — духовном — выражение современных воззрений на церковь доведено было до последней крайности: Св. Синод был поставлен в его ведомстве совершенно в таком же положении и значении, как евангелическая консистория, католическая коллегия, духовные управления армян, евреев и других иноверцев. В довершение всего Голицын передал свою обер-прокурорскую должность другому лицу, кн. *Мещерскому*, поставив его в прямое себе подчинение, так что обер-прокурор стал представлять в Синоде лицо не государя, а только министра. Долготерпение Амвросия наконец истощилось, и он высказался против министра. После этого он найден был не соответствовавшим своему посту и в марте 1818 г. уволен из Петербурга в Новгород с оставлением при одной Новгородской епархии. Через 2 месяца он скончался. На место его назначен черниговский архиепископ *Михаил Десницкий*, добрый и кроткий святитель, известный своим проповедничеством еще с того времени, как он служил священником (до 1796 г.) при московской церкви Иоанна Воина. Партия министра при назначении его немало, вероятно, рассчитывала на его несколько мистическое направление, но соблазн и гнет мистицизма так усилились, что в 1821 г. довели до столкновения с министром и этого кроткого митрополита. Он обратился к государю с убедительным посланием, умоляя его спасти церковь Божию “от слепотствующего министра.” Письмо это поразило императора, тем более, что всего через 2 недели после его отправки митрополит скончался. С этого времени начался заметный поворот дел против Голицына, поддержанный между прочим другим сильным любимцем Александра, соперником Голицына, графом *Аракчеевым*. Митрополитом был назначен *Серафим (Глаголевский)* Московский, известный в кругу иерархов своим строго консервативным направлением. Он с самого же начала высказался против библейского общества и вступил с ним в борьбу.

В качестве передового бойца в этой борьбе явился Юрьевский архимандрит *Фотий Спасский*, из недоучившихся студентов Петербургской академии, человек с сильной волей, пренебрегавший всякими страхами человеческими, успевший приобрести себе много поклонников в высшем обществе своим строгим аскетизмом, странным, полу юродивым поведением, и ни перед чем не стеснявшимся обличительным красноречием. Его почитал сам Аракчеев. Богатейшая графиня, благотворительница монастырей, особенно Юрьева, *А. А. Орлова-Чесменская* была его благоговейной духовной дочерью и держалась в отношении к нему, как самая раболепная послушница. Борьба его против мистицизма началась еще раньше, когда он был законоучителем кадетского корпуса в Петербурге; в 1820 г. его удалили из Петербурга в настоятели Деревяницкого монастыря, где с ним и познакомился граф Аракчеев, посодействовавший его переводу в Юрьев монастырь. С 1822 г., вызванный в Петербург, он с успехом проповедовал против мистиков в разных петербургских гостиных, был у самого государя, заинтересовавшегося его личностью, и своей проповедью об опасностях, грозящих церкви, произвел на него сильное впечатление. Другим деятельным членом противоголицынской партии, которого прочили на место Голицына, был президент Российской академии адмирал *Шишков*, автор “Рассуждения о старом и новом слоге,” горячий порицатель перево-

да Библии на “простонародное,” как он выражался, наречие. Весной 1824 г., когда все было подготовлено к решительным действиям против министра, Фотий сделал на него открытое и грубое нападение в доме графини Орловой: встретив его здесь перед аналоем, на котором лежали крест, Евангелие и дароносица, ревнитель-архимандрит потребовал у него немедленного отречения от лживых пророков и покаяния во вреде, нанесенном церкви. Голицын убежал из дома взбешенный, а Фотий кричал ему вслед: “Анафема.” После этого Фотий подал государю одно за другим два донесения, в которых резкими чертами описывал весь вред, угрожающий от мистицизма не только России, но и всем царствам земным, законам и религиям, и настаивал на немедленном свержении министра. Донесения эти поддержал на особой аудиенции и митрополит. Государь уступил, и Голицын был уволен как от председательства в библейском обществе, так и от министерства. Само библейское общество закрылось уже по кончине Александра при Николае I. Министром был сделан Шишков, но принял на себя управление делами одних инославных вероисповеданий; православная часть министерства снова передана была обер-прокурору Синода на прежних основаниях. Личный состав Синода снова изменился; голицынские члены его были уволены на епархии, а на место их вызваны новые, в том числе на место Филарета Евгений, тогда уже митрополит Киевский (с 1822 г.). Гонение против всего голицынского сильно задело Филарета. Шишков с Аракчеевым требовали запрещения его катехизисов (полного и краткого) на том основании, что в них не только тексты Св. Писания, но даже “молитвы Верую и Отче наш и заповеди” переведены были на “простонародное наречие.” Взволнованный этим нападением, московский святитель в письме к митр. Серафиму с силой указывал на то, что катехизисы его были торжественно признаны самим Синодом, и что такое нападение на их достоинство не призванных людей с сбивчивыми понятиями о церковных делах, которые символ веры называют молитвой, касается самого Синода и может потрясти иерархию. Но продажа и издание катехизисов были все-таки остановлены; новое издание их (уже с славянскими текстами) последовало в 1827 г.

Св. Синод с царствования Николая I.

Император Николай I отнесся к московскому святителю с большим уважением, и в день своей коронации (26 августа 1826 г.) возвел его в сан митрополита. После этого до 1842 г. Филарет постоянно лично участвовал в делах Св. Синода. Другими постоянными членами Синода, кроме Серафима, были киевские митрополиты Евгений и после него (+ 1837) *Филарет Амфитеатров*. Последний начал свою службу с учительства в родной севской семинарии (род. в 1779 г.), потом был ректором семинарий орловской, оренбургской и тобольской, инспектором преобразованной Петербургской академии, где в 1814 г. вместе с ректором Филаретом удостоен степени доктора богословия, затем ректором академии Московской, в 1819 г. рукоположен епископом в Калугу, потом последовательно святительствовал в епархиях Рязанской, Казанской, Ярославской и Киевской; это был святитель-подвижник, не столько ученый, сколько непоколебимый в православии, и строго консервативного направления во всех церковных делах. Все синодальные дела велись главным образом этими членами. Первенствующий член митр. Серафим, по преклонности лет, работал не много. Всех членов, по штату 1819 г., было семь вместе с присутствующими по вызову из епархий. Устройство Св. Синода оставалось без существенных перемен до второй половины 1830-х годов, когда обер-прокурором сделался весьма памятный по синодальным реформам граф *Н. А. Протасов* (1836-1855). По вступлении в должность он остался недоволен канцелярской частью в устройстве Синода, которая до того времени устроена была действительно слабо и бедно. Вся она состояла только из двух небольших отделений с двумя обер-секретарями. Кроме них, нечто вроде особого отделения при Синоде составляла еще комиссия духовных училищ, состо-

явшая в большинстве из синодальных же членов. По инициативе графа, состав канцелярских отделений был расширен и преобразован по образцу канцелярий министерств; из них организованы были целые управления наподобие министерских департаментов, каждое с особым директором и несколькими обер-секретарями и секретарями: так появились две канцелярии — синодальная и обер-прокурорская, хозяйственное управление и заменившее (в 1839 г.) комиссию духовных училищ духовно-учебное управление. Последняя замена всеми уважаемой ученой коллегии канцелярским учреждением составляла самую неудачную часть Протасовской реформы, будучи неуместным проявлением современных увлечений графа канцелярским бюрократизмом. В общем своем составе реформа Протасова принесла синодальному управлению немало пользы, сообщив ему большую стройность и полноту, и сохранилась в главных своих чертах на долгие годы; но впечатление ее на духовное ведомство в свое время было вконец испорчено заносчивостью и властолюбием ее виновника, который старался воспользоваться ею, как средством к собственному преобладанию над членами Синода. Преобладание это чувствовалось особенно тяжело, когда властительный сановник вмешивался в чисто духовные дела, в решение которых, как человек полу-иезуитского воспитания, способен был, хотя, может быть, и бессознательно, вносить дух, чуждый православной церкви. Например, в конце 1830-х годов он, как прежде Шишков, поднял дело об исправлении катехизиса Филарета, в котором усмотрел якобы протестантский оттенок в понятии о церковном предании, в отсутствии помещенного в “Православном Исповедании” П. Могилы и заимствованного у католиков учения о 9 церковных заповедях и в изложении статьи о естественном богопознании из созерцания видимого мира; книгу П. Могилы он во всем предпочитал катехизису, ввел изучение ее во все семинарии и упорно настаивал на том, чтобы она зачем-то объявлена была “символической” книгой православной церкви. В 1839 г. катехизис, по определению Св. Синода, был дополнен и исправлен, но не по мыслям графа, а в том чисто православном виде, в каком существует доселе: например, вместо учения о церковных заповедях в него вставлено было учение о блаженствах Евангельских. В 1840-х годах граф поднял новое дело о русском переводе нашей славянской Библии, причем проводил католическую мысль о том, что народу не следует давать свободного доступа к чтению Свящ. Писания, кроме того, входил в Синод с предложением объявить славянский перевод Свящ. Писания единственно достоверным и каноническим для Русской церкви, таким же, каким латинская церковь признает свою Вульгату. Мудрая осторожность и твердость митрополита московского избавила Русскую церковь от таких вредных определений. Но в 1842 г. оба Филарета, более всех мешавшие графу Протасову, были удалены из Св. Синода на свои епархии.

По удалении на епархию Филарет киевский уже не принимал участия в делах высшего церковного управления; он скончался в 1857 г., лет за 10 до кончины приняв тайно схиму с именем Феодосия. Но митр. Филарет московский и в удалении от Петербурга, не выезжая из своей епархии, продолжал оставаться, можно сказать, главным средоточием всей русской церковной жизни. Искушенный тяжкими испытаниями, он сделался мудрым и надежным руководителем почти всех русских иерархов его времени. Каждый из них при всяком удобном случае считал полезнейшим своим долгом посетить его в Москве, чтобы воспользоваться его опытными указаниями и советами в трудных делах, а в случае невозможности личного с ним общения испросить у него руководительных назиданий письменно. Его суждения в церковных делах имели решающее значение; к мнениям его невольно прислушивался и сам граф Протасов. С 1850-х годов его руководительно административное значение проявлялось в изумительно широких размерах, которые не ограничивались пределами одного церковного ведомства, а захватывали чуть не всю русскую жизнь. При взгляде на многотомное издание его писем, мнений и отзывов по самым разнородным делам становится даже непонятным,

когда этот крепкий и многосторонний ум успевал все это обдумывать. К нему, как к последней инстанции, для решения всяких недоумений обращались с вопросами и Св. Синод, и разные государственные ведомства, и сама верховная власть. В тревожное время разнообразных реформ 1860-х годов осторожная и осмотрительная консервативность московского святителя спасала русскую жизнь от многих лишних увлечений преобразовательного движения и оказала услуги, которые еще трудно пока и оценить. Знаменитый святитель скончался 19 ноября 1867 г.

Из последних перемен в устройстве Св. Синода замечательны: учреждение при нем в 1867 г. контрольного отделения, учреждение в том же году вместо духовно-учебного управления, нового средоточия для духовно-учебного ведомства — учебного комитета, вроде прежней комиссии духовных училищ, в 1872 г. издание для синодальных учреждения новых штатов и, наконец, в 1885 г. учреждение училищного совета для заведования церковно-приходскими школами.

Перемены в епархиальном управлении.

В епархиальном управлении за описываемое время прежде всего обращают на себя внимание перемены в числе епархий. При открытии Синода было 18 епархий и 2 викариатства. Потом с переделами губерний это число постепенно увеличивалось. При имп. Елизавете оно увеличилось открытием епархий Московской и Петербургской и через выделение из бывшей патриаршей области нескольких новых епархий, и к 1764 г. дошло до 29. После Екатерининского Учреждения для управления губерний (1775 г.) и новых приобретениях России по польским разделам к началу XIX в. всех епархий, кроме грузинских, стало 36. В XIX столетии при имп. Николае I, число это еще увеличилось, и дошло в настоящее время до 65 с несколькими викариатствами. Старинные степени епархий по старшинству со времени Петра I потеряли значение. После отмены патриаршества он перестал жаловать архиереев титулом митрополита, отбирал иногда этот титул и у старых митрополитов (Сильвестра Нижегородского, Игнатия Крутицкого), белый клобук заменял черным, а митрополичий саккос усвоил всем архиереям без различия. Новые митрополиты начинают появляться только при имп. Елизавете. По Екатерининским штатам епархии опять разделены были по степеням на три класса и архиереям первых двух классов усвоен титул архиепископов; но потом три епархии I класса стали управляться и управляются митрополитами. С 1867 г. классы епархий снова были отменены и титулы архиереев обращены в их личное преимущество, без отношения к достоинству епархий. Замещение архиерейских вакансий постоянно производилось по избранию Св. Синода, который представлял избранных кандидатов (в XVIII в. двоих, а с 1822 г. троих) на высочайшее усмотрение для окончательного избрания и утверждения одного из них к поставлению.

Органы епархиального управления.

Долгое время они оставались прежние. Коллегиальная форма, которая придана была Петром высшему церковному управлению, в епархиальное управление была перенесена только с 1744 г, когда вместо архиерейских приказов в епархиях велено было учредить консистории, существовавшие раньше только в южнорусских епархиях. С этого же времени коллегиальные учреждения стали заводиться и в епархиальных округах под именем духовных правлений (с 1840 года правления эти стали постепенно упраздняться и теперь упразднены почти все). Прежние поповские старосты оставались в епархиях до отмены в 1764 г. архиерейских сборов с духовенства, сохраняя постоянно одно финансовое значение и выборный характер. Благодетельские обязанности со времени Петра стали поручаться особым

лицам, уже не выборным, а определяемым на должность самими архиереями — заказчикам. При Елизавете они получили название благочинных. В 1775 г. Платон Московский написал для них инструкцию. С конца XVIII столетия появилась новая должность благочинных над монастырями из почетнейших настоятелей монастырей. В личном составе епархиального управления до Екатерины II, как и в составе высшего управления, обращает на себя внимание преобладание малороссов, которые при архиереях из малороссов завладевали обыкновенно всеми епархиальными должностями, к великому неудовольствию местного духовенства. Все эти пришлые начальства, гордясь своим образованием, обращались с местным духовенством пренебрежительно и сурово. Старая суровая система епархиальной администрации, основанная на страхе и проявлявшаяся в “жестоких” наказаниях за вины плетьюми, киями, розгами, заключением в консисторские и монастырские тюрьмы, тяжелыми работами на архиерейских дворах, по монастырям и в духовных школах, при этих чужих начальствах казалась еще тяжелее. Жаловались на черкасцов и члены приходских причтов, и учителя по школам, и монастырские настоятели, так как от обычных мер тогдашнего начальственного “смирения” подчиненных никто не был свободен. При Екатерине II господство малороссов пало; кроме того, с учреждением штатов в 1764 г. духовенство было освобождено от старого архиерейского тягла, которое само по себе портило и огрубляло отношения начальствующих к подчиненным. С падением в епархиальной администрации тягловой системы и с занятием начальственных постов новыми, своими, а не пришлыми людьми, повсюду почувствовалось облегчение прежних тяжестей. В 1766 г. сам Св. Синод принял участие в смягчении административных нравов и издал указ об отмене по духовному ведомству телесных наказаний для всех священнослужителей и белого и черного духовенства. На архиерейских кафедрах все чаще стали появляться архиереи нового, гуманного типа, старавшиеся поднять духовенство из его принижения. Таков был святитель Тихон Воронежский (1763-1767), отменивший телесные наказания в своей епархии еще раньше синодского указа и требовавший от своих консистористов, чтобы они обращались с священнослужителями с уважением, подобающим священному сану; таковы же были знаменитые иерархи екатерининского века Гавриил и Платон. Платон старался внушать духовным лицам правила самоуважения и сановитости и сам говорил о себе, что застал свое духовенство в лаптях, но успел обути его в сапоги и ввести в гостиные. Более успешному усовершенствованию епархиальной администрации долго мешало крайне бедное обеспечение ее органов материальными средствами. Нищенские оклады ее штатных служащих, начиная с секретарей консистории, и существование разных епархиальных должностей, остававшихся без вознаграждения, на целое столетие поддержали в ней старое зло административной продажности и поборов. Зло это стало ослабевать только с конца 1860-х годов, с увеличением консисторских окладов. С царствования Александра II, даровавшего широкую свободу самоуправления всем сословиям, весьма важное значение в епархиальной жизни получили повременные съезды духовенства для совещания по сословным и епархиальным делам, оказывающие благотворное влияние на все отрасли этой жизни, особенно со стороны изыскания для них материальных средств.

Управление военным духовенством.

Полномочия епархиальной власти, по законам Петра Великого, должны были простирались на все церковные учреждения и на всех людей, находящихся в епархии, без исключения. Но исключения все-таки были, и остались. Кроме ставропигиальных монастырей, из круга епархиального ведомства выделилось придворное духовенство, подчиненное Синоду и дворцовому управлению и поставленное под непосредственное начальство протопресвитера — духовника их Величеств. На тех же началах при имп. Павле в особое ведомство выдели-

лось духовенство военное. В прежнее время оно находилось в подчинении епархиальным начальствам по местам расположения полков и только в военное время поступало под ведение особых флотских обер-иеромонахов и полевых обер-священников, учрежденных воинским (1716 г.) и морским (1720 г.) уставами Петра. При имп. Павле в 1800 г. учреждена должность постоянного обер-священника, который и был поставлен во главе всего духовенства армии и флотов. В 1816 г. из его управления выделилось еще новое особое управление духовенством гвардейских полков под ведением обер-священника главного штаба и гвардии. В 1840 г. учреждена должность обер-священника в отдельном Казанском корпусе, впрочем, с подчинением обер-священнику армии и флота. Все это управление военным духовенством непосредственно подчинено Св. Синоду и организовано независимо от епархиальных властей, с особыми собственными благочинными, судом и отчетностью. Первый обер-священник при Павле *Озерецковский*, с разрешения государя, устроил в Петербурге даже особую семинарию для детей военного духовенства, называвшуюся армейской. Но она существовала только до 1819 г., потом ученики ее были распределены по епархиальным духовным школам. В 1858 г. обер-священники переименованы в главных священников. В 1890 г. все управление военным духовенством объединено под ведомством одного протопресвитера военного и морского духовенства и состоящего при нем духовного правления.

Перемены в содержании высшей иерархии и монастырей.

С введением при Петре в духовное ведомство определений о штатах в содержании духовных учреждений и лиц последовали весьма важные перемены. Так как перемены эти были тесно связаны с вопросом о церковных вотчинах, то и касались только высшей иерархии и монастырей, владевших вотчинами, и лишь очень небольшого числа имевших вотчины церквей и соборов. После отобрания церковных вотчин в управление монастырского приказа на содержание церковных учреждений назначены были определенные штатные оклады, исчисленные с крайней экономией, “без чего пробыть невозможно,” как выражались указы. При исчислении их правительство принимало во внимания не столько их достаточность для церковных учреждений, сколько то, чтобы от них оставалось как можно более остатков на государственные и общественные нужды. Да и эти урезанные оклады выдавались не сполна, а на половину (ради военного времени), а то и вовсе иногда не выдавались. Сверх того, на них же монастыри должны были содержать присылавшихся на их попечение престарелых и раненых воинов, распределяя между ними порции незамещенных монашеских вакансий. Монастырский приказ со своей стороны всего более заботился о том, чтобы собрать с своего ведомства все, что с него требовалось, и не поплатиться на недобор, и очень мало обращал внимание на главное — на благосостояние самих вотчин, которыми управлял, а равно на благосостояние настоящих хозяев этих вотчин — церковных учреждений. Неизбежным результатом такого хозяйства его было то, что церковные учреждения стали быстро приходить в упадок; архиерейские дома скудели, монастырские здания и церкви стояли без ремонта и разваливались, церковные вотчины разорялись и пустели от непомерных сборов и крестьянских побегов. По учреждении Св. Синода церковные имения снова были отданы в заведование духовных властей, и сам монастырский приказ перешел в ведомство Синода. Но архиереи и монастыри и после этого не могли распоряжаться своими вотчинными доходами самостоятельно, а должны были довольствоваться с них одними своими штатными окладами, все же остальное целиком отдавать в распоряжение правительства. Монастырский приказ, оставшийся центральным органом церковного хозяйственного управления, и под ведомством Синода должен был руководствоваться теми же правилами, что прежде под ведомством Сената, причем ответственность за недоборы, которую он нес прежде сам один, легла теперь

главную свою тяжесть уже на Св. Синод. Таким образом, духовное ведомство с управлением своими вотчинами приняло на себя только лишние хлопоты и тяжелую ответственность без особенных выгод. Юридически вотчины эти считались церковной собственностью, но фактически духовное ведомство было над ними только управляющим, а настоящим хозяином было государство. В таком состоянии вопрос о церковных вотчинах оставался до 1760-х годов, склоняясь, очевидно, к решению в смысле полной их секуляризации. Между тем еще при самой передаче этих вотчин духовенству, они были уже разорены и имели на себе свыше миллиона недоимок. Как Св. Синод ни доказывал, что недоимки эти образовались еще при светском управлении вотчинной экономией, и что духовное ведомство ничем в них не повинно, правительство так и осталось в убеждении, что и в недоборах, и в дурном состоянии вотчин виновато небережливое и неумелое хозяйство одной “духовной команды.” При Анне Иоанновне до церковных вотчин добралась страшная доимочная канцелярия и разорила их вдосталь. Из подозрительности к духовным властям сбор недоимок был поручен светским властям и военным командам, а в 1738 году коллегия экономии, заменившая монастырский приказ (с 1726 г.) и управлявшая вотчинами, была совсем переведена в ведомство Сената, и так усердно начала расходовать церковно-вотчинные суммы на государственные надобности, что, например, в 1740 г. не из чего оказалось выдать жалованья даже членам Св. Синода. Благочестивая Елизавета Петровна опять отдала церковные вотчины в руки духовенства, но к концу своего царствования и она стала доходить до секуляризационных соображений. На одной конференции Синода и Сената в 1757 г. она определила положение вопроса о церковных вотчинах весьма выразительно, заметив, что духовные учреждения, “не имея власти употреблять свои доходы иначе, как только на положенные штатом расходы, суетное себе делают затруднение управлением вотчин,” и собиралась составить об них новые распоряжения, но не успела сделать этого до самой своей кончины.

Император Петр III первый сделал решительный шаг, распорядившись включить все церковные вотчины в общий состав имуществ государственных, а на содержание церковных учреждений и лиц определить штатное жалованье. Но такая крупная реформа на первый раз сильно поразила духовенство и была принята им до того не сочувственно, что послужила не последним поводом к свергнувшему этого императора перевороту. Его преемница Екатерина II на первых порах по восшествии на престол должна была осудить и отменить распоряжения своего супруга, хотя в душе была совершенно с ними согласна. Дело секуляризации церковных вотчин, однако, настолько уже созрело и притом было тогда таким модным делом по всей Европе, что откладывая его решение в дальний ящик императрица нашла нерасчетливым и едва только утвердилась на престоле, как созвала для решения этого дела комиссию из духовных и светских лиц. В 1764 г. работы комиссии были закончены; все церковные вотчины были переданы в государственное ведомство под именем экономических. Архиерейские дома и монастыри разделены на три класса и снабжены соответственными каждому классу окладами жалованья с прибавкой к денежным окладам известного количества земель и разных угодий; определены также оклады на соборы, архиерейские богадельни, инвалидов (вместо содержания их в монастырях) и на духовные школы. Замечательно, что некоторые из Екатерининских окладов были гораздо меньше тех, какие в свое время назначал Петр III, притом же не простирались на монастыри безвотчинные — последние или оставались на их собственном содержании, или закрывались. Между тем выгоды, какие получила от всей этой операции казна, были очень велики: на оклады всего духовного ведомства ежегодно отпускалось всего 462868 руб., тогда как одного крестьянского оброка с отобранных вотчин (910 866 душ) она получала 1 366 229 руб., кроме разных других вотчинных доходов. Оклады эти, впрочем, время от времени увеличивались, и к концу царствования Екатерины доросли до 500 000 руб. с лишним.

Протест Арсения Мацеевича и его судьба.

Образованное общество и в России, и в Европе прославляло Екатерину за такое модное тогда дело. Но высшее русское духовенство, конечно, было недовольно, хотя и молчало. На откровенный протест отважился только один архиерей из малороссов, — Арсений Мацеевич Ростовский. В 1763 г., еще во время предварительных работ комиссии о вотчинах, от него поступили в Синод одно за другим два доношения, в которых он горячо доказывал неприкосновенность церковного достояния, которого не трогали даже татарские ханы, и несправедливость затеянного правительством дела и угрожал в будущем полным упадком в России всего монашества, а с ним и архиерейства и превращением от того всего Русского государства со всеми его чинами и академиями в государство беспоповское, протестанское, даже атеистское. Императрица была чрезвычайно раздражена этим протестом, но предала беспокойного архиерея суду самого же Синода. Синод лишил его сана и, как оскорбителя Величества, решил препроводить к светскому суду, по которому он должен был подвергнуться смертной казни. Екатерина ограничилась только приговором Синода, и Арсений отправлен был на заточение в Карельский монастырь. Дело, однако, этим не кончилось: в 1767 году, по доносам из монастыря в хулах на судей и императрицу он был снова судим, лишен монашества и под именем “Андрея Враля” заключен секретно в Ревельскую крепость, где и скончался в 1772 г. Память его в народе окружена была большим уважением и разными легендами об его пророчествах (касательно гибели его судей), чудесах и посмертных явлениях. Все противодействие делу секуляризации только этим протестом и ограничилось. В 1786 году церковные вотчины были секуляризованы в Малороссии. Тогда же закрыта сама коллегия экономии, державшая секуляризованные вотчины доселе в своем отдельном ведомстве, и вотчины эти окончательно слились с имениями государственными под управлением казенных палат. В 1788 г. сделаны соответствующие распоряжения о монастырских вотчинах губерний Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской. Наконец, по присоединении к России западного края и Закавказья, населенные церковные земли в разное время (при Николае I и Александре II) отобраны и там с приличным за них вознаграждением духовенства из казны. Из распоряжения касательно содержания церковных учреждений после Екатерининских штатов замечательны: при Павле I — увеличение штатных окладов духовенства почти вдвое и прибавление архиерейским домам и монастырям земельных и других угодий; при Александре I — дозволение им (1805 и 1810 гг.) вновь приобретать недвижимые имения, с особого, впрочем, на каждый раз Высочайшего разрешения; при Александре II издание новых возвышенных штатов для архиерейских домов.

Перемены в положении белого духовенства.

Содержание белого духовенства оставалось постоянно на попечении главным образом приходских обществ. В Прибавлении к Духовному регламенту высказано было предположение назначить в пользу приходских причтов постоянные годовые взносы со всех приходских дворов, но предположение это не осуществилось. Между тем при Петре уменьшилось и то благосостояние, каким духовенство пользовалось прежде. По случаю войны сокращена была наполовину царская руга ружным церквам. Некоторые доходные статьи духовенства — мельницы, рыбные ловли, пчельники, бани, наемные помещения при домах — объявлены оброчными статьями казны. В 1722 г. причтам запрещены были праздничные славенья по приходам, кроме Рождественского, и хождения с иконами. Появились новые сборы на школы, богадельни, на полковое духовенство, сбор со священников драгунских лошадей, а с церковников по рублю в год за освобождение от личной военной службы, повинности по-

жарная, караульная и другие. Более полезными для улучшения средств духовенства были только меры к более равномерному распределению приходов и сокращению числа церквей и причтов штатами 1722 г., которых правительство держалось потом почти в течение всего XVIII в.; на 100-150 дворов прихода полагался причт из 3 или 4 членов, на 200-250 двойной, на 250-300 и более — тройной. Благочестивое царствование Елизаветы принесло духовенству несколько более выгод: ружным церквам возвращена их руга; восстановлены славленья по домам прихожан, последовало освобождение духовенства от некоторых повинностей — полицейских, подводной, постоянной; кроме того, при общем межевании земель в 1754 г. положено было продолжить надел церковей землями, который остановился еще в конце XVII столетия. Надел этот, впрочем, начался уже при имп. Екатерине с 1765 г. — количество его было определено в 33 десятины на причт. Любопытно, что в комиссии о составлении нового уложения со стороны дворянства, желавшего полной монополии землевладения в империи, раздавались голоса, требовавшие отобрания у духовенства и тех земель, какие у него уже были. Императрица не разделяла этого мнения, и надел церковей землями производился при ней довольно деятельно, охватив к концу царствования 23 губернии. Но зато она положительно отказалась для улучшения быта духовенства воспользоваться средствами секуляризованных церковных вотчин, хотя духовенство на эти средства много рассчитывало по обещанию самой же императрицы, высказанному при начале секуляризационной операции. В штаты вошли только соборы и до 105 церквей, имевших вотчины, и то с очень скучными окладами — на все до 16400 руб. В 1765 г. императрица, с голоса западных обличителей тамошнего клерикального корыстолюбия, вздумала защищать от такого же корыстолюбия и своих подданных, и выдала обязательную таксу за требы с крайне ничтожными цифрами — 3 коп. за крещение, 10 коп. за брак, столько же за погребение и т. д. При императоре Александре I такса эта была возвышена вдвое. Император Павел, благоволивший к белому духовенству, продолжив надел церковей землями, возложил обработку этих земель в пользу причтов на прихожан, но Александр I отменил это распоряжение, как неудобное на деле. Большие надежды возбудил в духовенстве известный комитет 1808 г., предназначавший из проектированного им капитала значительные оклады на все причты (от 300 до 1000 р. на причт), но, как известно, предположения его не осуществились, а между тем из-за них остановлен был надел церковей землями, в ожидании будущих благ признанный тогда уже не нужным. Из нового капитала духовенству пришлось попользоваться очень немногим. Так, из него положено было выдавать классные оклады ученому духовенству по ученым степеням, временные пособия причтам, разорившимся от пожаров, неурожая и пр., и по 150000 р. в год на пенсии духовным лицам и попечительства о бедных духовного звания. Попечительства эти учреждены в 1823 г. при консисториях; кроме указанного пособия из духовно-учебного капитала, в пользу их назначены особые кружечные сборы, разные штрафные деньги из консисторий, доходы с кладбищ и остатки штатных сумм из монастырей. При имп. Николае I надел церковей землями снова усилен. Кроме того, для западных епархий с 1842 г. назначены причтам небольшие, вспомогательные к их приходским средствам оклады казенного жалованья, которые с 1843 г. стали постепенно распространяться и на другие епархии. Тогда же утверждено положение об обеспечении сельского духовенства землями, церковными домами и пособиями от прихожан. С 1860-х годов вопрос об обеспечении духовенства подвергся особенно тщательному обсуждению и в правительственных сферах, и в литературе, и среди самого духовенства. В 1862 г. образовано было особое присутствие по делам духовенства из членов Синода, обер-прокурора, министров внутренних дел и государственных имуществ и других лиц (действовало до 1885 года), а в 1863 г. открылись губернские присутствия из представителей местной администрации, духовенства и общества под председательством архиереев. В том же году циркуляром главного присутствия намечено самое направление последующих работ по во-

просу об обеспечении причтов — рекомендовалось в этом деле, как общественном, обращать внимание не столько на правительственные, сколько на общественные и, в частности, на приходские средства, возбуждая самодеятельность приходских обществ. Возбуждение этой самодеятельности выразилось в учреждении с 1864 г. по приходам приходских попечительств, восстановлении и открытии при церквях братств, в пожертвованиях на причты, назначении им по местам (в Таврической губернии) годового приходского жалованья, разных в пользу них постановлений земств и прочего. Духовенство со своей стороны предпринимало разные меры самопомощи, изыскивая средства для образования своих детей, заводя свечные епархиальные заводы, учреждая эмеритальные кассы. Правительственные мероприятия состояли в новых нормальных штатах для соборных и приходских причтов и возвышении им окладов жалованья (с 1864 г.), особенно в Западном и Прибалтийском крае, в распоряжениях об отводе им земель, постройке домов, отпуске леса, возвышении пенсионных окладов и т. д. С 1893 г., по державной воле, возобновлен ежегодный прибавочный отпуск из казны на распространение окладов жалованья духовенству в тех епархиях, где их еще не было. С 1895 г. отпуск этот с 250000 увеличен до 500000 рублей.

Кроме вопроса о материальных средствах духовенства, в жизни его за описываемое время обращает на себя внимание развитие его сословной наследственности. При Петре I оно окончательно сформировалось в особое сословие, и притом замкнутое. В интересах государственной службы и тягла доступ в него из других, служилых и тяглых, сословий был почти вовсе закрыт. Притом же для церковной службы стало обязательно требоваться известное специальное образование, и воспитанники духовных школ скоро заслонили доступ к церковным местам для всех посторонних людей. Вместе с тем постепенно стали падать и приходские выборы на эти места — архиереи знали воспитанников своих школ сами, и лучше всех приходских избирателей. Понятно, что при таких условиях все прежние формы наследственности церковного служения могли развиваться совершенно беспрепятственно. Духовная школа, воспитанники которой могли получать церковные места, по правилам образования, и помимо прав наследственных, мало повредила наследственным; последние, поучившись в ней, только еще более укрепляли свои наследные права. Часто, впрочем, и неученый наследник имел возможность пересилить своего ученого соперника, опираясь на известные владельческие права свои на наследное строение при церкви и запрашивая за него с претендента на свое наследное место непомерную плату. Петр Великий распорядился поэтому, чтобы члены причтов жили не в своих, а в церковных домах, и чтобы собственные их дома прихожане купили в пользу церкви, но это распоряжение было так же не выполнимо, как подобное же распоряжение собора 1667 г. о выкупе прихожанами у духовенства св. Божиих церквей. Комитет 1808 г. для устройства церковных домов проектировал особый строительный капитал, но он весь потом расходовался на постройки по одному духовно-учебному ведомству. Определение сословных прав духовенства, вследствие крайней его приниженности, шло весьма медленно. По своей подсудности одному духовному начальству оно давно уже имело значение класса привилегированного, но по платежам и повинностям долго не отделялось от податного люда. Каноническая свобода его от личного податного состояния в древней Руси оказывалась неприложимой к жизни, потому что раскладка податных сборов производилась тогда у нас не по душам или лицам, а по дворам и землям, которые подлежали им и во владении духовенства. В первый раз свобода эта оказалась осуществимой только при Петре после введения для податных классов подушного оклада, от которого священнослужители были освобождены. Но и после этого в 1721-1722 гг. Св. Синоду стоило немалых хлопот испросить свободу от податного состояния церковникам и детям священнослужителей: дети церковников так и остались тогда в окладе. За всем тем на духовенстве все-таки долго, до царствования Елизаветы, оставались разные особые личные повинности — караульная, пожарная,

рассыльная, постоянная, подводная. Гражданское принижение духовенства так было для всех привычно, что еще при Екатерине II в комиссии о новом уложении митр. Гавриилу с трудом удалось отстоять духовное сословие от причисления к мещанству и сохранить за ним “благородное” значение; но оно все-таки и после этого не получило одного из важнейших прав благородного состояния - свободы от телесных наказаний по светскому суду. Право это даровано священнослужителям при Павле и Александре I указами 1796 и 1801 гг., а церковнослужителям уже в 1863 г., при общей отмене телесных наказаний.

Немудрено, что и выход из духовного сословия долго был открыт только в податное состояние или же в солдаты, отчего оно замыкалось и с этой стороны, накапливая внутри себя множество лишних людей, не желавших из него выходить, и требуя для своего очищения от них внешних и часто насильственных мер. Лишних священнослужителей архиереи старались распределять в викарии к церквям и в учителя духовных школ, а правительство предоставляло им (до XIX столетия) полную свободу слагать сан и поступать в гражданскую службу и другие состояния. Излишек их так был велик, что духовные власти в течение всего XVIII в. едва могли вывести даже крестцовое духовенство, против которого вооружались с особенной силой. Для уменьшения числа лишних церковников и детей духовенства с 1703 г. употреблялись разборы, по которым их забирали в солдаты или в подушный оклад. Разборы эти периодически повторялись в каждое царствование. Особенно тяжелы они были в царствование имп. Анны, когда духовенство заподозрено было в недоброжелательстве правительству. В 1730 г., при воцарении Анны Иоанновны, вследствие несвоевременности и неясности распоряжений, вышла путаница из-за присяг на верноподданство новой государыне, так что многие причты присягали ей уже в 1732 г., а иные вовсе не присягали. За это множество церковников и детей духовенства было отдано в солдаты или в подушный оклад; кроме такого отчисления от своего сословия, виновные по делу о присягах наказывались еще жестоко плетьюми. Наказанию этому подвергались и не бывшие у присяг священнослужители, некоторые были даже расстрижены и тоже попадали или в оклад, или в солдатство. Множество духовных лиц пострадало таким же образом и подверглось ссылке в Сибирь еще за связи с разными опальными людьми и за опущение царских молебнов и панихид. Духовное сословие было опустошено до того, что Св. Синод насчитывал по епархиям целые сотни церквей, оставшихся вовсе без причтов; вследствие этого в 1774 г. он обратился к императрице с докладом, прося наконец пощады своему ведомству. Императрица указала остановить разбор. Со времени имп. Елизаветы разборы стали значительно легче, касаясь главным образом людей безграмотных, к церковной службе совсем негодных или чем-нибудь себя опорочивших; притом же отписываемым от духовного сословия по большей части давалось дозволение избирать себе род жизни добровольно самим. Был один только суровый разбор, напоминавший старые разборы — это при имп. Павле I. Последний разбор был при императоре Николае I в 1830-1831 годах. Наконец, указами 1827 и 1830 годов (о поступлении в военную и гражд. службу) и статьями свода законов 1842 г. были точно определены права рождения и воспитания священно и церковно-служительских детей, и для них получилась возможность более выгодного и почетного выхода из своего сословия с правами некоторой привилегированности при избрании службы или другого рода занятий, по самому происхождению и без приписки к податному состоянию. Окончательное расторжение сословной замкнутости духовенства последовало в 1869 г.: 16 апреля определены были новые сокращенные штаты церквей, а указом 26 мая дети духовенства вовсе отчислены от состава духовенства — священнослужительские с правами личного дворянства или потомственного почетного гражданства, церковно-служительские с правами личного почетного гражданства, после чего духовное сословие определилось только кругом лиц, состоящих на действительной церковной службе.

2. Распространение веры

Обзор расширения пределов Русской церкви.

В отношениях государства к религии со времени Петровской реформы принят был в основание принцип свободы вероисповеданий. “Совести человеческой, — писал Петр в указе 1702 г., — приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность пещися о спасении души своей.” Принцип этот приложен был и к делу христианской миссии между иноверцами империи. Сначала Петр хотел было уничтожить все принятые до него внешние поощрительные меры к обращению инородцев, оставив в силе одни меры духовные, но скоро отказался от этой мысли и снова велел восстановить и отписку крещеных крепостных от их некрещеных помещиков, и разные льготы новокрещеным; в 1720 г. всем новокрещеным дарована была трехлетняя льгота от податей и рекрутства. При имп. Елизавете такие поощрительные меры к крещению усилены еще денежными и вещевыми подарками новокрещеных, раскладкой следующих с них за льготный срок податей и рекрутчины на их некрещеных единоплеменников и прощением совершенных до крещения преступлений. Екатерина II снова провозгласила принцип веротерпимости, доведенной на этот раз даже до крайности, до индифферентного покровительства всем, даже языческим вероисповеданиям. “Как всевышний Бог, — писала императрица в указе Св. Синоду от 1773 г., — терпит на земле все веры, то и Ее Величество из тех же правил, сходствуя Его святой воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовали.” На основании такого принципа и из известных опасений перед мнимым фанатизмом духовенства, деятельность православных миссий была ослаблена до последней степени. Поощрительные меры к крещению иноверцев были отменены, кроме трехлетней льготы новокрещеным. Этого мало — иноверному духовенству (муллам, ламам) назначались казенные средства содержания, каких не имело даже и православное духовенство. Мусульманство получило полную свободу заводить мечети и школы; правительство даже само строило мечети, например, в Оренбургском крае для киргизов, которые еще переживали тогда период двоеверия и вовсе не были утверждены в мусульманстве, и которых утверждать в нем было вовсе не дело православного государства. Наконец, мусульманству дана была еще небывалая у него правильная и крепкая организация чрез назначение для его духовного управления двоих муфтиев — в Уфе (1788) и в Крыму (1794) со множеством штатных мулл. В Сибири такая же организация дана ламству через подчинение всех лам одному верховному ламе; потом в 1775 г. введены для лам узаконившие их штаты, истолкованные ламами, как знак прямого покровительства верховной власти ламской вере. Штаты эти подтверждены в 1822 г., а в 1853 г. вышло целое законодательное положение о ламском духовенстве. В качестве служителей религии и муллы, и ламы получили свободу от податей, как православное духовенство. Несмотря, однако, на все подобные проявления духа времени, дело православной миссии все-таки шло своим чередом во все это время, особенно в XIX в., по местам даже успешнее, чем прежде, благодаря большому развитию ее духовных средств и ее лучшей организации. Кроме инородцев Поволжья и Сибири, действия ее простерлись на некоторые новые племена, например, калмыков, еще с XVII в. начавших переселяться в Россию, и на племена вновь присоединявшихся к России местностей Средней Азии, Сибири и Кавказа. На востоке деятельность православной миссии выступила даже за пределы русских владений — в Китай, Японию и Америку. Наконец, к числу важнейших приобретений Русской церкви нужно отнести воссоединенных с нею в XIX в. униатов и обращавшихся в православие протестантов Западного края.

Крещение инородцев в Казанской епархии и соседних местностях.

В Казанской епархии дело христианской миссии оживилось с 1701 г. при казанском митрополите *Тихоне*, который с помощью ключаря *Феодора* и иеромонаха *Алексея Раифского* до 1724 г. обратил множество инородцев своей епархии, преимущественно, впрочем, из язычников — мусульмане оказывались всегда упорнее в своей вере. Он первый обратил внимание и на образование крещеных инородцев, заведя для них в Казани школу из 32 учеников; когда, за недостатком средств, школа эта закрылась, он продолжал обучение новокрещеных детей в духовной школе при своем доме. После него в 1731 г. в Свяжске для Казанской и Нижегородской епархий была учреждена комиссия новокрещенских дел, во главе которой встал Алексей Раифский. С 1724 г., со смерти Тихона, по 1733 г. он успел обратить до 1300 чуваш и завел для них школу при свияжском Богородицком монастыре, в котором был (до 1738 г.) архимандритом. Особенно сильно поднялась миссионерская деятельность в Казанском крае с 1738 г., когда казанским архиереем сделался наиболее памятный в христианском просвещении этого края *Лука Конашевич*. В своей ревности к обращению инородцев он доходил иногда даже до крайностей, насильно брал инородческих детей в свои школы, устроил в татарской слободе в Казани две церкви и завел там крестные ходы; в селе Болгарах сломал остатки древних зданий, считавшихся у мусульман священными, и сильно раздражил против себя всех некрещеных татар. В 1740 г. при свияжском Богородицком монастыре, вместо комиссии новокрещенских дел, учреждена была новокрещенская контора с окладом на миссионерские расходы в 10 000 рублей. Она состояла из начальника ее архим. *Димитрия Сеченова*, 2 протоиереев, 5 переводчиков и 6 человек канцеляристов и солдат. Округ ее обнимал губернии Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Со стороны правительства при имп. Елизавете новым миссионерам стало оказываться небывалое доселе энергичное содействие; кроме дарования крещеным известных льгот, правительство распорядилось остановить постройку новых мечетей — некоторые наличные мечети сломать, крещеных отделить от некрещеных через переселение на другие места или первых, водворяя их поблизости русских селений, или последних, если на старом месте их жительства крещеных окажется более десятой доли всего населения. При таком содействии светской власти миссионеры крестили инородцев большими массами. За два года управления Сеченова контора инородческих дел насчитывала до 17 362 обращенных. В 1742 г. Димитрий был поставлен епископом в Нижегородскую епархию, где в течение 6 лет обратил еще до 50 000 инородцев. После него начальником миссии сделался архимандрит *Сильвестр Гловацкий* из учителей казанской семинарии и, при содействии другого учителя, иером. *Вениамина Пуцка-Григоровича*, еще более развил успехи миссии. Крестились сразу целые селения; у миссионеров иногда не доставало даже средств для снабжения всех новокрещеных указными дачами. Всех крещеных в районе казанской миссии при Елизавете насчитывалось свыше 430 000 душ. Но и теперь крестились преимущественно язычники — мордва крещена вся, черемис, чуваш, вотяков осталось некрещеными малое число; татар же мусульман крестилось всего до 8 000 человек, да и те были очень нетверды в вере и готовы были отпасть от церкви при первом удобном случае. Мусульманство было так сильно, что успешно развивало даже свою собственную пропаганду среди язычников, особенно чуваш. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы вполне удовлетворительно было обращение и других инородцев, миссионеры успевали только крестить их, научить же вере не могли. Духовенства, знающего инородческие языки, которое могло бы продолжать дело миссионеров, не было. Инородческих школ тоже было мало. В 1745-1749 гг. было заведено две школы в Свяжске и по одной в Елабуге и Царевококшайске, но в 1753 г. Лука Конашевич соединил их в одну — в Казани, а после него и эта

единственная школа пришла в упадок. Между тем слишком энергичная деятельность миссионеров возбудила против себя волнение среди инородцев — татар и мордвы. В 1745 г. терюшевская мордва Нижегородской епархии за разорение языческого кладбища в с. Сарляях едва не убила архиерея Димитрия Сеченова и была усмирена только вооруженной силой. В Казанском крае волнение татар грозило тем большею опасностью, что по соседству между башкирами в 1750-х годах кипел сильный бунт. В 1755 г. правительство поэтому сочло нужным перевести Луку Конашевича в другую (Белогородскую) епархию и смягчить свои указы о мечетях и переселениях татар. После этого миссионерская деятельность стала слабее, а при имп. Екатерине II пришла в полный упадок.

В 1764 г. закрыта была самая контора новокрещенских дел; для проповеди св. веры в восточных епархиях и в Сибири велено выбрать только особых “проповедников.” Несмотря на ослабление всех стеснений для иноверцев, татары не переставали волноваться, особенно когда архиепископом Казанским сделался известный им своею ревностью Вениамин Пуцек-Григорович и восстал против постройки у них новых мечетей. При известном тогда преуспевании в правительственных сферах против “фанатизма” духовенства жалобы татар имели большой успех. В 1773 г. вышел указ, устранявший архиереев от всяких дел об инородцах и о построении их молитвенных домов, и предоставлявший этого рода дела одной светской власти. После Пугачевского бунта, в котором инородцы принимали самое деятельное участие, правительство стало смотреть на их обращение в христианство еще неблагоприятнее. В 1789 г., по случаю нового волнения между башкирами, запрещено было посылать к инородцам и проповедников без особого сношения о том архиереев с губернаторами, а в 1799 г. упразднена и сама должность проповедников. Пользуясь своей неприкосновенностью, усиленное учреждением иерархии муфтиев и мулл, мусульманство еще более развило свою пропаганду среди язычников, в чем помогало ему иногда само правительство; например, оно содействовало утверждению ислама между шаманствовавшими еще киргизами, строя у них с помощью казанских мулл мечети и школы, а в конце XVIII в. на свой счет отпечатало для татар множество экземпляров Корана. В 1802 г. станки азиатской типографии, по просьбе татар, переведены были из Петербурга в Казань, и типография эта стала ежегодно выпускать десятки тысяч мусульманских книг, так что Казань сделалась настоящим центром мусульманского образования в России. Результаты всего этого обнаружились с самого начала XIX столетия и стоили больших хлопот. Еще в 1802 и 1803 гг. начались отпадения крещеных татар. Христианская миссия должна была переменить самое направление своей деятельности — вместо приобретения для церкви новых чад ограничиться лишь заботами об удержании в христианстве приобретенных прежде. В видах христианского просвещения их в 1802 г. вышел указ о переводе на инородческие языки кратких катехизисов и некоторых более нужных молитв. Затем библейское общество стало распространять на этих языках переводы Св. Писания. Казанский архиепископ *Амвросий Протасов* предлагал переводить на инородческие языки и богослужебные книги, но мысль его тогда не нашла себе сочувствия. При духовно-учебных заведениях епархий с инородческим населением стали открывать классы местных инородческих языков, потому что в духовенстве, знающем эти языки, была крайняя нужда. Но дело миссии было до того уже запущено, что его долго нельзя было поправить. В царствование Александра I и Николая производилось множество дел об отпадениях в Казанской епархии черемис и чуваш, в Вятской вотяков, в Нижегородской мордвы; особенно большие беспокойства производили массовые отпадения крещеных татар, начавшиеся с 1827 г. Для ослабления этих отпадений духовное и светское начальство принимали разные меры — полицейские преследования отпадавших, телесные наказания, ссылки, расторжение браков крещеных с некрещеными, принудительное крещение детей в отпадавших семьях и проч. В 1830 г. в Казанской епархии вновь учреждены особые миссионеры. В 1847 г. при Казанской

академии, по Высочайшему повелению, предпринят был перевод на татарский язык священных и богослужебных книг. Но все эти меры мало приносили пользы. Само обучение татарскому языку в семинариях и переводы на него оказывались не соответствующими своему назначению, потому что для них употреблялся не живой, разговорный татарский язык, а книжный, понятный только образованным татарам. Последнее большое отпадение татар было в 1866 г., но к этому времени у православной миссии для борьбы с мусульманской пропагандой явились уже новые, более сильные средства.

Еще в 1854 г. при Казанской академии учреждены были специальные миссионерские отделения. В среде одного из них, против мусульманского, выработана была новая система действий для укрепления крещеных татар в христианстве, состоявшая в переводах христианских книг и обучении детей этих татар в школе при помощи не книжного, а живого, разговорного татарского языка. С 1861 г. профессор *Ильминский* начал первые переводческие труды в этом новом направлении, а в 1863 г. завел в Казани первую крещено-татарскую школу с преподаванием на том же языке. Школа эта была встречена крещеными татарами с доверием, быстро получила между ними популярность и сделалась матерью подобных же школ по крещено-татарским селениям не только Казанской, но и других епархий волжско-камского края. Когда количество новых переводов достигло надлежащей полноты, в Казани на татарском языке с 1869 г. открыто было православное богослужение, произведшее между крещеными татарами сильное христианское движение, и скоро распространилось по татарским селениям. К тому же времени новая система инородческого образования, после долгих обсуждений, была принята министерством народного просвещения и приложена ко всему вообще инородческому образованию. В 1872 г. в Казани открыта была уже особая инородческая учительская семинария. Важной поддержкой новых переводов и школ с 1867 г. сделалось вновь открытое в Казани братство св. Гурия, принявшее на себя обязанность содействовать утверждению веры среди инородцев Казанского края. Из новых школ вышло довольно деятелей христианского просвещения и достойных служителей православной церкви для инородцев из их же единоплеменников. С 1869 г. при братстве св. Гурия учреждена особая переводческая комиссия для распространения христианских книг на местных языках, а в 1876 г. миссионерское общество поручило ей переводы таких книг и на другие инородческие наречия, “не исключая даже отдаленнейших окраин востока.” После инородческой учительской семинарии в Казани стали возникать учительские школы того же рода в некоторых других местах — центральная чувашская в Симбирске, черемисская уфимская, инородческая-бирская. Мусульманство, сильное своим религиозным убеждением, весьма распространенным образованием и своей организацией, и далее плохо поддавалось миссионерским мерам, но теперь по крайней мере оно уже едва ли могло производить своей пропагандой такие массовые соращения крещеных инородцев, как прежде.

Крещение калмыков.

В нижних частях Поволжья и прикаспийских степях с конца XVII в. началось крещение калмыков, исповедовавших ламайскую веру. В 1700 г. из новокрещеных калмыков образовалось уже большое селение на р. Терешке. Хан *Аюка* сильно враждовал против России за крещение и прием своих подданных и требовал их к себе обратно, разорил самое селение их на Терешке. Русское правительство стало поэтому отсылать крещеных калмыков на жительство в Киев и к казакам в Чугуев. По смерти Аюки (+ 1722) и после крещения в Петербурге его внука *Тайшина*, Св. Синод решил отправить к калмыкам в 1725 г. особую миссию под начальством иеромон. *Никодима Ленкевича*. Миссия эта лет за 10 крестила до 1700 человек. В 1730-х гг., для облегчения крещеных калмыков от переселений, правительство, по мысли

Никодима, дало им для жительства земли по Волге выше Самары, где для них основан был г. Ставрополь. Тут поселена и вдова Тайшина *Анна* со всей ее ордой. Никодим скончался в 1739 г. Трудями его преемника протоиерея *Андрея Чубовского* при имп. Елизавете обращено было еще до 6000 человек, в том числе множество калмыков из главных кочевьев их в астраханских степях и вдова тамошнего хана Дундука — Омбо с детьми. В 1740-х годах в Ставрополе заведена была русско-калмыцкая школа и появились переводы на калмыцкий язык Нового Завета и молитв. При Екатерине II дело христианской миссии ослабело и у калмыков. От притеснений русских чиновников множество из них уходило за Куму и Урал, где они снова обращались в старую веру. В 1771 г. разом ушло 30 000 кибиток к границам Китая. После этого, в предотвращение новых уходов, правительство стало обращаться с ними крайне осторожно и, чтобы не раздражать их, даже стеснило проповедь христианских миссионеров. При имп. Александре I на калмыцкий язык переведены были катехизис и Евангелие от Матфея, но очень неудачно и непонятно. Одно время за миссионерство у калмыков взялись было братья-гернгутеры из Сарепты, но не имели удачи; притом же их миссионерские подвиги в 1823 г. были остановлены правительством — обращенных ими калмыков указано присоединять к православной церкви. При имп. Николае несколько раз поднимался вопрос об учреждении особой калмыцкой миссии, но из тех же опасений раздражить калмыков каждый раз был отклоняем. Самыми важными средствами к их обращению и просвещению все время оставались: кое-какое обучение калмыцкому языку в саратовской и астраханской семинариях будущих пастырей для селений, близких к калмыцким кочевьям, некоторые калмыцкие переводы семинарских преподавателей этого языка, богослужение, совершавшееся для калмыков с 1848 по 1859 г. в походной церкви, при которой все это время состоял священником хороший знаток калмыцкого языка *В. Дилigentский*, наконец, заведенная последним в Царицыне школа для калмыцких детей. Несмотря, впрочем, на всю недостаточность этих средств и сильное противодействие христианству со стороны калмыцких начальств и сильных гелюнов*, частных обращений было довольно — до 100 человек в год. Позже деятельность миссии у калмыков сосредоточилась в епархиях Астраханской, Кавказской и отчасти Донской.

Говоря об обращении в христианство инородцев Европейской России, нельзя не упомянуть еще о *крещении самоедов* в Архангельской епархии, которое началось в 1821 г. при епископе *Неофите* трудами священника *Феодора Истомина*. После первых успехов его проповеди Св. Синод распорядился об устройстве для самоедов особой миссии из двух причтов с двумя походными церквями под начальством архим. *Вениамина Смирнова*. Действия этой миссии начались с 1825 года из Мезени. Проповедь ее предлагалась на природном самоедском языке, на который миссионеры перевели разные молитвы, катехизис и Новый Завет, и имела большой успех. К 1830 г. всех крещеных самоедов считалось более 33 000 душ. Для них устроено было по тундрам севера три церкви с причтами на казенном жалованье и три школы. После этого миссия была упразднена и дальнейшее утверждение христианства в крае предоставлено приходским причтам.

Миссионерство в Сибири.

Распространение христианства в Сибири в XVIII в. продолжалось по-прежнему трудами отдельных личностей. Из сибирских архиереев миссионерскими подвигами особенно прославился тобольский митр. *Филофей Лещинский* (с 1702 г.); с помощью ученых монахов, привезенных им с собой из Киева, он успел в течение 19 лет крестить до 40 000 остяков, вогулов и других сибирских инородцев и устроить у них до 37 церквей. Западную Сибирь он

* Жрецов.— *Прим. ред.*

изъездил с проповедью св. веры всю вдоль и поперек лично, всюду истребляя идолов и крестя народ целыми сотнями, не раз проникал далеко и на восток по Ангаре и Тунгуске, два раза был за Байкалом. Одного из сотрудников, архим. *Мартиниана*, в 1705 г. он отправил с проповедью на Камчатку. В 1721 г. он удалился по старости в монастырь (+ 1727). После него новый подъем миссионерской деятельности в западной Сибири относится ко времени имп. Елизаветы и к управлению Тобольской епархией (с 1749 г.) бывшего казанского миссионера *Сильвестра Гловацкого*, который был для Сибири тем же, чем Лука Конашевич для Казанского края. Своими энергичными действиями против мусульманской пропаганды он так же возбудил против себя волнение среди татар, особенно когда провел по поводу этой пропаганды два серьезных следствия в Барабинской степи и в Оренбургском крае. В 1755 г. правительство и его, как Луку, перевело в другую епархию, в Суздаль, и назначило об его действиях особую следственную комиссию в Тобольске. После этого и западно-сибирская миссия стала слабеть, а при Екатерине II пришла в полный упадок. Очень много повредило ей между прочим отобрание в казну монастырских имений, так как монастыри были главными центрами ее деятельности. Для успешнейшего распространения христианства в восточной Сибири в 1707 г. была открыта Иркутская епархия. Из святителей ее на миссионерском поприще прославились особенно два Иннокентия. Первый, св. *Иннокентий Кульчицкий*, воспитанник Киевской академии, в 1721 г. был первоначально назначен епископом для Пекинской миссии, но, по интригам католических миссионеров-иезуитов, не был допущен в Китай и до самого назначения своего иркутским епископом (в 1727 г.) проживал в селенгинском монастыре. Во время своего пребывания здесь и на епископстве он обратил ко Христу множество бурят и устроил при Вознесенском иркутском монастыре школу для образования миссионеров. Другой, *Иннокентий Нерунович*, преемник первого (1732-1741), кроме бурят, крестил множество тунгусов и якутов. В 1743 г. Св. Синод отправил первую миссию на Камчатку, где после первых проповедников из Тобольска оставалось до 6000 христиан с тремя церквами и с одним только священником на всю Камчатку; начальником миссии назначен архимандрит *Иоасаф Хотунцевский* из киевлян. В 1751 г. он доносил об успехах своей миссии, что в Камчатке крестить более некого. В 1761 г. миссия эта была закрыта и вместо нее учреждено протоиерейское управление; к 1765 г. всех христиан считалось там до 10 000 душ, для них устроено было 8 церквей и 12 училищ. Во второй половине XVIII в. миссионерство ослабело и в восточной Сибири, напротив — усилилась пропаганда облагодетельствованного правительством ламства, завладевшая особенно бурятскими кочевьями. И теперь, впрочем, появлялись самоотверженные ревнители христианской проповеди, каковы например были протоиерей *Кирилл Суханов*, проповедовавший св. веру тунгусам Даурии и внесший в их дикую страну первые начала гражданственности, и протоиерей *Григорий Слепцов*, с 1799 г. целых 16 лет просвещавший якутов и чукчей, под старость спасавшийся в якутском Спасском монастыре. В 1793 г., по инициативе основателя Американской компании купца Шелехова, организована была Алеутская миссия, состоявшая из 8 монахов с Валаама под начальством валаамского же иером. *Иоасафа Болотова*. В 1794 г. она крестила уже весь о. Кадьяк и завела там школу. Один из монахов, *Макарий*, крестил алеутов на Уналашке, другой, *Ювеналий* — жителей Кенайского залива, и погиб мученической смертью на Аляске. В 1799 г. Иоасаф был рукоположен на Кадьяк в епископа, но дорогой туда погиб в море, и эта новая епископия опять была закрыта. Оставшиеся члены его миссии продолжали свое дело, имея на Кадьяке одну церковь; в 1816 г. появилась еще другая церковь на о. Ситхе, а в 1820 гг. еще две — на Уналашке и Атхе. При уналашкинской церкви в 1823 г. начал свою миссионерскую деятельность переведенный сюда из Иркутска священник *Иоанн Вениаминов*, впоследствии митрополит Московский Иннокентий. В начале XIX столетия много ожидали для сибирской миссии от переводов и брошюр библейского общества, но ожидания эти не оправдались, за

неудовлетворительностью этих спешных переводов. Не оправдала ожиданий и британская миссия, появившаяся в 1818 г. в Забайкалье и основавшая недалеко от Селенгинска богатую миссионерскую колонию с училищем, больницей, библиотекой и даже типографией. До 1841 г., когда прекратилось ее существование, она почти ничего не сделала, встречая противодействие не только со стороны лам, но и от православного духовенства. Особенно оживилась миссионерская деятельность в Сибири с основания новых миссий при императоре Николае I.

Макарий Глухарев; Алтайская и другие миссии.

Первая правильно организованная миссия в западной Сибири открыта в 1828 г., по инициативе Тобольского архиепископа *Евгения* (Казанцева), под начальством архимандрита *Макария Глухарева*, бывшего ректора костромской семинарии, человека глубоко религиозного и беззаветно преданного миссионерскому делу. Местом действия избран был Алтай, страна, еще не початая христианством, населенная татарами, калмыками, телеутами и другими дикими инородцами, большей частью язычниками. Макарий явился сюда в 1830 г. и основался в Улале, но отсюда ежегодно делал неутомимые разъезды по всей стране. Быстро ознакомившись с алтайским наречием татарского языка, он составил его словарь и много необходимых для просвещения инородцев переводов (молитвы Господней, десяти заповедей, краткой священной истории, чина исповеди вопросов при крещении, нескольких псалмов, Евангелия от Матфея). Человек сердечный и любящий, он был для своих духовных чад и учителем, и врагом, и воспитателем детей, и ходатаем пред властями, и общим благодетелем. Оклад миссии был всего в 571 руб., но он сумел найти для нее богатых жертвователей в Тобольске и Москве, и все денежные средства свои, даже свой магистерский оклад употреблял на вспомоществование новым христианам. За 14 лет им приобретено для церкви до 675 душ, устроено 3 миссионерских стана с 2 церквями и 1 часовней, так как в деле миссии он всего более рассчитывал на могущественное действие православного богослужения, заведены улалинское училище, женская благотворительная община и больница и устроено для новообращенных несколько оседлых поселений. В 1844 г., по совершенному расстройству здоровья, он удалился в Болховский монастырь на покой (+ 1850 г.), успев дать устройством своей миссии прекрасный образец для других миссий. Дело его было успешно поддержано его преемником, бывшим его сотрудником, протоиер. *Стефаном Ландышевым* (из нижегородской семинарии) и последующими начальниками миссии, особенно архим. *Владимиром Петровым* (1866-1883). В 1857 г. увеличен оклад миссии до 5500 р. в год и личный состав до 20 человек. С 1865 г. на Алтае было открыто богослужение на местном языке. Для своих многочисленных переводов миссия с 1874 г. получила собственную цензуру и типографию. Число обращений стало считаться уже не десятками, а сотнями в год. К 1895 году миссия имела до 70 членов, 14 станов, до 47 церквей и молитвенных домов, 2 монастыря, приходское попечительство и многие благотворительные учреждения. Около своих станов она успела посадить на оседлое жительство более 10 000 человек кочевников. В 1880 г. Алтайский край, еще с 1832 г. приписанный к Томской епархии, получил викария, епископа Бийского. Первым епископом викарием поставлен был начальник миссии архим. Владимир. В 1882 г. из Алтайской миссии выделилась новая миссия Киргизская с центром в Семипалатинске. Вслед за Алтайской миссией в Тобольской епархии, к которой она раньше принадлежала, возникли новые миссии, хотя и меньших размеров и с меньшими средствами. *Обдорская* (с 1832 г.), *Кондинская* (1844), *Сургутская* (1867) и *Туруханская* (1850), причисленная с 1860 г. к Енисейской епархии (с 1872 г. закрыта). В южной части последней епархии с 1876 г. открылась миссия в *Минусинском* округе, а в южных частях Томской епархии, отошедших в 1871 г. к епархии

Туркестанской, с 1868 г. миссия *Семиреческая*, сосредоточенная около миссионерского братства в г. Верном.

Миссия восточной Сибири.

Начала, на которых устроилась Алтайская миссия, приложены были и к миссиям восточной Сибири. Из архиереев-ревнителей миссионерства в XIX в. здесь известны иркутские архиереи: 1) *Михаил Бурдуков* (1814-1830), положивший начало Забайкальской миссии для бурят, членами которой были священник *Александр Бобровников*, знаток бурятского языка, и крещеный бурят *Мих. Сперанский*; они, впрочем, не были специальными миссионерами и не имели больших успехов; 2) *Нил (Исакович)* (1837-1853), после Ярославский, крестивший до 20000 бурят и других инородцев и известный особенно своими переводами на монголо-бурятский язык богослужебных книг, которыми он занимался и в Иркутске, и в Ярославле с помощью протоиерея *Николая Доржеева* из бурят; особенно 3) *Парфений*, переведенный из Томской епархии, где он принимал близкое участие в делах Алтайской миссии (1860-1873). В 1861-1862 гг. он первый открыл в Иркутской епархии правильно организованные миссии *Иркутскую и Забайкальскую*. В первой он устроил 11 станов, для которых нашел и нужных деятелей частью в Сибири, частью в великорусских монастырях. Он и сам много миссионерствовал, лично разъезжая по бурятским кочевьям с проповедью; инородцы любили его и считали за особенную честь принять крещение из его именно рук; при нем крещено было до 8000 бурят. С 1867 г. он начал вводить богослужение на бурятском языке во всех бурятских приходах. После него во главе иркутской миссии поставлен был особый начальник архимандрит, а с 1883 г. иркутский vikарий епископ Киренский. К 1890 годам число станов миссии возросло до 18, а обращенных ею насчитывалось до 35 000 душ. Миссия имела 14 школ и несколько благотворительных учреждений и оказывала сильное влияние на гражданский быт новообращенных, испрашивая им земельные наделы и расселяя их оседлыми селениями. На таких же началах и с такими же приемами действовала миссия Забайкальская, во главе которой с самого начала (с 1862 г.) был поставлен иркутский vikарий епископ Селенгинский *Вениамин* (Благонравов), после архиепископ Иркутский (+ 1892). К 1890-м годам число станов этой миссии возросло до 22 с 25 школами; при Посольском монастыре открыто центральное миссионерское училище, мастерская иконописи, богадельня, аптека. Но обращений в Забайкальской области было меньше вследствие особенной силы ламства и противодействия христианству бурятских языческих начальств. Наибольшее число обращений падает не на бурятский народ, а на племена тунгусов, якутов и карагазов. Миссия постоянно старалась о том, чтобы в управление степных дум были вводимы и крестившиеся буряты и чтобы ограничена была сила лам, но не имела успеха ни в том, ни в другом. В Камчатском крае в 1840 г. была открыта особая епархия, первым епископом которой назначен *Иннокентий Вениамин*. Свою миссионерскую деятельность он начал, как известно уже, священником уналашкинской церкви среди алеутов, потом лет через 10 перешел к ситхинской церкви, в 1839 г. овдовел и постригся в монахи. Миссионерская деятельность его на епископстве простиралась на огромное пространство Камчатского, Якутского и Амурского краев; он делал по ним ежегодные разъезды, доходившие иной год (1856) до 8000 верст. В Якутской области, где христианство было уже распространено между всеми якутами и тунгусами, он завел якутское богослужение, встреченное инородцами с большой радостью. Одновременно с этим в 1859 г. здесь открыто было якутское vikариатство, в 1869 г. обратившееся в самостоятельную Якутскую епархию. Трудками камчатских и якутских священников христианство понемногу проникло в Чукотский край; в 1850 г. здесь была открыта новая миссия для обращения чукчей, ламутов, юкагиров и других племен севера. В 1855 г. Камчатская епархия увеличилась при-

числением к ней местностей по р. Амуру. Иннокентий немедленно предпринял туда миссионерское путешествие и положил основание Амурской миссии; главными двигателями ее были священники *Гавриил Вениаминов* (сын преосвященного) и *Иннокентий Громов*. В 1857 г. преосвященный и сам переселился с своей кафедры на Амур в г. Благовещенск, где вскоре завел духовное училище. По приобретении Россией Уссурийского края для Амурской миссии открылось широкое поприще деятельности в просвещении христианством племен, принадлежавших прежде Китаю, гилияков, орочен, гольдов, манчжуров и других и, кроме того, начавших вскоре переселяться в Россию корейцев. Иннокентий устраивал миссионерские станы, строил по Амурскому краю церкви и школы, выписывал через китайскую миссию христианские книги на манчжурском языке, несколько знакомом среди его амурской паствы, содействовал составлению новых переводов местными переводчиками, особенно на гольдском языке. Труды его кончились в 1868 г. после назначения его Московским митрополитом. Окончательное устройство миссии с разделением на станы, с церквями, школами и прочим принадлежало его преемнику Вениамину (Благодравову). В 1870 г. в Благовещенске устроена была уже полная семинария.

Преосвящ. Иннокентий не оставлял без внимания и своей прежней алеутской паствы. После перенесения камчатской кафедры в Благовещенск, в Новоархангельске, где она прежде была, в 1858 г. открыто было камчатское викариатство. В 1867 г. по случаю уступки русских американских владений Соединенным Штатам, оно было упразднено; но вскоре, в 1870 г., по мысли Иннокентия же (тогда уже митрополита), вместо викариатства в Америке учреждена самостоятельная епископская кафедра Алеутская с кафедральным местом в Сан-Франциско, которой и были подчинены и старые, и новые (в Нью-Йорке и Сан-Франциско) православные церкви в Америке, всего, впрочем, числом 9. В настоящее время это самая обширная епархия на свете — она простирается от Берингова пролива до Буэнос-Айреса и от Тихого до Атлантического океана, но имеет все же крайне малое число церквей. Паства ее состоит из людей самых разнообразных народностей: русских, славян, греков, алеутов, колош, индейцев, негров, испанцев, англичан и американцев. Громадность расстояний, разнообразие наречий, малочисленность духовенства, отсутствие единства в самой пастве, не очень еще давно доходившее до драк, поджогов и убийств, самый характер американской жизни, слишком материальной, до чрезвычайности затрудняют служение иерархии и миссионеров; но успехи православной веры заметны и здесь, особенно среди чехов-католиков, униатов из Галиции, диких обитателей севера и самих американцев английской церкви. Православная миссия имеет особенно важное значение в этой стране всевозможных религий и богатых иноверных миссий, как представительница православия, особенно ввиду современного религиозного движения в среде американцев в пользу православной церкви.

Миссионерство в Китае.

Кроме Америки, за границами России православие, как известно, еще в конце XVII в. распространялось в Китае. По мысли митр. Филофея Тобольского, в 1715 г. с согласия богдыхана в Пекин была отправлена первая русская миссия из 10 лиц под начальством архим. *Илариона Лежайского*. Богдыхан принял ее ласково, дал ей содержание и дозволил православное богослужение в каменной церкви при Русской роте. В 1721 г. туда отправлен был даже епископ св. Иннокентий, но не был допущен в Китай. Существование русской миссии в Пекине было упрочено трактатом России с Китаем 1728 г., причем содержание ее предоставлено русскому правительству; состав ее определен в 10 человек (4 духовных и 6 светских) с переменной чрез каждые 7 лет. В своей деятельности она ограничивалась пределами попечения только о своей русской пастве, не пускаясь ни в пропаганду, ни в политику, как миссии

западные, заслужив этим полное доверие подозрительных китайцев, служила постоянно удобной посредницей между Россией и Китаем. Состоявшие при ней молодые люди изучали китайский язык и делались хорошими драгоманами. В 1805 г. для нее учреждены новые штаты, с ассигновкой на ее содержание до 6500 р., и срок пребывания ее членов в Китае увеличен на 10 лет. С 1807 г. настоятелем миссии был назначен знаменитый после русский синолог архим. *Иакинф Бичурин*. За 13 лет своего пребывания в Китае он собрал массу сведений по части языка, литературы, нравов, религии, географии и истории Китая, Монголии и Тибета, но по возвращении в Россию в 1822 г. попал под суд за некоторые свои нравственные слабости и недостатки по управлению миссией, был лишен сана и заточен в Валаамский монастырь; здесь он пробыл около 5 лет, а потому и не мог воспользоваться своим ученым богатством для литературных трудов, пока в нем не приняло участия министерство народного просвещения, причислив его к своей службе. С 1827 г. начали печататься многочисленные его труды — до 15 обширных исследований и переводов, кроме многих журнальных статей — доставившие ему звание члена академии наук и обширную ученую известность в России и за границей. О. Иакинф скончался в 1853 г. Труды его сделались исходным пунктом для синологических занятий последующих членов китайской миссии. По трактату 1858 г. китайское правительство дало миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства. В 1861 г. в Китае была открыта особая русская дипломатическая миссия, дела которой несла доселе миссия духовная, и последняя получила большую возможность сосредоточить свою деятельность в нравственно-религиозной сфере. С этого времени усилились ее ученые и переводческие занятия; из среды ее членов стали выходить замечательные синологи. В переводческой деятельности она совершенно отрешилась от своей прежней зависимости от католических переводов и стала производить самостоятельные переводы священных и богослужебных книг, которыми послужила и для других — Амурской и Японской — миссий; оживились проповедь на китайском языке и преподавание в миссионерской школе. В 1876 г. содержание ее увеличено до 15 600 р. Паства миссии значительно возросла; в 1885 г., кроме двух церквей Пекина, православное богослужение открылось еще в новом храме на юге Китая в Ханькоу. Есть еще четвертый храм, в деревне Дун-Дуньянь.

Миссионерство в Японии.

В 1860-х годах православие проникло в Японию. Основателем православной миссии был здесь иеромонах русского консульства в Хакодате *Николай Касаткин*, с самого начала своей службы (1861 г.) принявшийся за усердное изучение языка, истории верований и нравов японцев и за переводы священных и богослужебных книг на японский язык. Первенцем его христианской проповеди был *Павел Сваабе*, бывший жрец одной кумирни, по обращении в христианство сделавшийся самым пламенным и самоотверженным проповедником св. веры. К нему примкнули еще два им самим обращенных японца, *Яков Урано* и *Иоанн Саккай*. Своей катехизаторской проповедью эти три первых деятеля Японской миссии к 1869 г. успели настолько подготовить в Японии почву для православия, что о. Николай почел возможным испросить в этом году разрешение Св. Синода на открытие там особой миссии с окладом в 6000 р. в год. Начальником миссии назначен он сам, в сане архимандрита, с иерархической зависимостью от камчатского архиерея. В 1871 г. в Хакодате, а в 1872 в Токио заведены были миссионерские школы, давшие новых проповедников-катехизаторов. Православие начало распространяться в Японии так успешно, что возбудило против себя гонение, от которого особенно тяжело пришлось пострадать Сваабе. К счастью, это гонение скоро было остановлено по представлению русского консула. В 1875 г. камчатским архиереем посвящены

были первые священники из японцев — о. Павел Сваабе и Иоанн Саккай, а в 1880 г. сам о. Николай рукоположен в Петербурге епископом в Японию и таким образом появилась новая православная поместная церковь — Японская. К 1895 году она насчитывала у себя уже 220 общин и свыше 22500 душ христиан с 28 священнослужителями. Школа в Токио обратилась в семинарию, которая в 1882 г. сделала первый выпуск воспитанников, а в 1889 г. двоих своих студентов отправила даже для высшего духовного образования в русские духовные академии. Кроме нее, есть еще школы: катехизаторская, причетническая, женская и несколько низших училищ. Число лиц с академическим образованием доходит в Японии до восьми. Миссия развила уже значительную переводную литературу и издает три духовных журнала. Богослужение в японских церквях совершается все на японском языке. Благодаря трогательным воззваниям преосв. Николая и его личным стараниям во время его поездок в Россию японская миссия значительно обеспечена и в материальных своих средствах частью ассигновками ежегодных сумм из Св. Синода, частью поддержкой миссионерского общества и частных жертвователей, хотя все таки не может с этой стороны вполне соперничать с богатыми западными миссиями. Важным событием для миссии было провозглашение в 1889 г. в Японии полной свободы веры.

Устройство православного миссионерского общества.

В 1865 г. все русские миссии, действовавшие доселе разрозненно, нашли для себя удобный объединительный центр, полезный для них и в материальном отношении, во вновь открытом в Петербурге миссионерском обществе. Благоприятное влияние его обнаружилось, однако, не вдруг. Первоначальное его устройство вскоре оказалось неудобным по преобладанию в нем светских элементов. После этого Высочайшая покровительница его Государыня Императрица признала необходимость сделать председателем его митр. Иннокентия и перенести его главное управление в Москву. В конце 1869 г. утвержден для него новый устав, по которому оно было подчинено Св. Синоду и ограничено в своей деятельности содействием материальному благосостоянию миссии без вмешательства в управление ими в других отношениях, касающихся порядка церковного, учебного и административного и порученных ведению епархиальных архиереев. Для ближайшего местного попечения о миссиях заведены епархиальные комитеты общества под председательством местных архиереев. Средства общества слагаются из членских взносов (3 р.), пожертвований, кружечных сборов и сборов по книжкам членов. С учреждением общества, благодаря его пособиям, оживились и расширили свою деятельность все наши миссии.

Восстановление православия на Кавказе.

Со времени Петра Великого успехи русского оружия в борьбе с Персией ввели Русскую церковь в ближайшее соприкосновение с племенами Кавказа и Закавказья и с церковью Грузинской. Православие, некогда широко распространенное между кавказскими племенами, было давно уже подавлено здесь язычеством, а более всего мусульманством, распространявшимся из Персии и Турции; но в горах Кавказа еще повсюду сохранялись ясные следы его в развалинах древних храмов, в народных обрядах, в почитании св. Илии-пророка и некоторых других святых, в соблюдении некоторых постов и праздников и в христианском оттенке самых суеверий народа. В 1746 г., по предложению грузинского архиепископа *Иосифа*, Св. Синод послал к осетинам миссию из грузин, которая хотя и не совсем сошлась с осетинами, вмешиваясь в их мирские дела и понапрасну их раздражая, но за 25 лет своего существования все-таки успела обратить до 2000 человек. В 1771 г. туда послана новая миссия большей частью из русских, под начальством протоиер. *Лебедева* за 20 лет она обратила до 6 000 осе-

тин. По упразднении ее в 1792 г. миссионерское дело возложено было на открытое в Моздоке викариатство Астраханской епархии, епископом которого был грузин *Гаий Токаов*. Викариатство это существовало до 1799 г. Затем Кавказ подвергся усиленной пропаганде ислама, ослабившей все последние успехи православия. В 1814 г. русское правительство решило снова восстановить Осетинскую миссию, организовав ее на этот раз в более обширных размерах (до 24 лиц) под управлением телавского архиепископа *Досифея* и с содержанием от казны до 14 700 руб. в год. Действия ее пошли довольно успешно, так что за 3 года она обратила более 6 000 осетин; в 1816 г. правительство отпустило ей 24 000 руб. на строение и возобновление церквей. Особенно сильно оживилось миссионерское дело, когда в нем принял участие экзарх Грузии Феофилакт Русанов, обративший преимущественное внимание на развитие духовных средств миссии, на лучшее оглашение крещаемых, переводы богослужебных книг и строение церквей. Число обращенных при нем (1817-1821) дошло до 47 000 из разных племен; церквей устроено до 40, 29 — для одних осетин. Его преемник *Иона Васильевский* поддержал его дело. К 1823 г. осетины обращены были почти все; число всех обращенных из разных племен дошло до 60 900, образовавших 67 приходов. В 1840-х и 1850-х гг. число обращений доходило до 1 000 и 2 000 человек в год. Но в то же время не дремала и пропаганда ислама, особенно на востоке Кавказа, в обеих Кабардах и на Черноморском берегу. В 1820 годах в Дагестане и Чечне начало распространяться фанатическое учение, известное после под именем мюридизма, проповедовавшее безусловное повиновение имаму и казават (религиозную войну против неверных). Первым имамом был *Казимулла* в Дагестане. Первоначальные движения фанатиков были подавлены русскими, но только на время. С 1834 г. мюридизм успел объединить всю восточную группу кавказских племен и повел длинную и упорную борьбу с русскими под начальством знаменитого имама *Шамиля*. Она закончилась в восточной части Кавказа в 1859 г. взятием Шамиля в плен, а в западной уже в 1864 г.

После покорения Кавказа началось систематическое подчинение его диких племен русской христианской гражданственности. С этой целью в 1860 г. открыто было общество восстановления православия на Кавказе, в распоряжение которого отданы были все суммы бывшей осетинской миссии. Сначала оно имело светский характер и состояло под председательством наместника Кавказа, но вследствие нужды в содействии ему духовной власти, в 1865 г. при нем открыт был духовный комитет под председательством экзарха Грузии, а в 1885 г., по новому уставу, оно и совсем вверено было экзарху и подчинено Св. Синоду. Задачей своей общество поставило: а) восстановление, умножение и содержание православных храмов, назначение к ним и содержание причтов; б) заведение школ для образования горских детей; в) учреждение в духовных школах классов горских языков; г) командирование в горы миссионеров, и д) содействие переводам на горские языки Св. Писания и богослужебных книг. Действия его были весьма успешны. К 1870 г. на грузинский и осетинский языки переведено было уже все нужное для православного богослужения. Для священнических мест общество приготавливало пансионеров в семинариях и даже в академиях. В 1880-х гг. у него было заведено до 40 народных школ и еще с 1868 г. открыта Тифлисская учительская семинария. Несмотря на сильное противодействие мулл, присылавшихся из Турции, особенно в войну с Турцией 1876-1877 гг., успешно шло и дело обращения горцев в христианство. Кроме православных храмов, на Кавказе появились два монастыря — в Пицунде и Ново-Афонский близ Сухума.

Положение церкви в Грузии; экзарх и грузинская контора.

Грузинская церковь, еще с XVI в. возлагавшая надежды в своих бедствиях на Россию, не переставала пользоваться участливым вниманием русского правительства и церкви, и в

XVIII в. Россия радушно принимала у себя грузинских эмигрантов, заботилась об издании на грузинском языке Библии и богослужебных книг (при имп. Анне и Елизавете) и помогала Грузинской церкви материальными средствами. С 1783 г. Грузинская церковь поступила в ведение Св. Синода, и католикос ее *Антоний* был возведен в звание синодального члена. По совершенном присоединении к России как Грузии, так и Имеретии с Кахетией (1801 г.), бедствия Грузинской церкви прекратились окончательно, но она должна была пожертвовать за то своим прежним самостоятельным устройством. В 1809 г. должность ее католикоса заменена должностью экзарха Св. Синода; для высшего управления делами всего экзархата в 1814 г., по образцу Московской синодальной конторы, учреждена особая синодальная контора Грузино-Имеретинская под председательством экзарха. В 1817 г. в экзархи в первый раз назначен был русский архиерей Феофилакт Русанов, оказавший большие услуги устройству Грузинской церкви. При нем введено было более правильное разделение на епархии экзархата, прежде страдавшего излишней дробностью (11 епархий) и неясностью границ; вся Грузия была разделена теперь на 4 епархии: Карталинскую и Кахетинскую (епархия экзарха) с Горийским викариатством, Имеретинскую, Мингрельскую и Гурийскую. При Феофилакте же заведена была тифлисская семинария. В настоящее время Грузинская церковь имеет 5 епархий и 2 викариатства.

Состояние православия в польских областях до Екатерины II.

На западной окраине Русского государства православная церковь озабочена была старой борьбой с католичеством и унией. С того времени, как по трактату вечного мира с Польшей 1686 г. Россия получила право ходатайствовать за православных жителей Польши, взоры последних не переставали обращаться к русскому правительству с надеждами на помощь. Из года в год однообразным рядом шли оттуда горькие жалобы на гонения за православие. Русское правительство делало от себя сильные представления в пользу православных королям и сеймам и получало в ответ то разные отговорки, то обещания и обнадеживания, иногда даже извещения о состоявшихся уже распоряжениях касательно восстановления законных прав православия. Но в таком государстве, как Польша, где каждый шляхтич мог свободно дозволять себе всякое своеволие и самоуправство, ничего не значили ни распоряжения королей, ни постановления сеймов. Усиление русского влияния в Польше возбуждало против православных только еще большее раздражение, а поджигательные внушения против “схизматиков” из Рима все более и более разжигали страстный фанатизм поляков. Петр Великий прямо грозил римской курии гонением на католичество у себя в России, а королю польскому *Августу* — разрывом, если права православных в Польше будут пренебрегаемы по-старому; но и эти грозные представления не имели успеха. После Петра до Екатерины II Россия с необычайной честностью и долготерпением соблюдала свой мирный договор с Польшей, уклоняясь от всяких решительных действий в пользу православных, так что в царствование Елизаветы у последних явилась даже мысль, вместо императрицы, искать покровительства у Фридриха Прусского, который гораздо решительнее заступался за права своих единоверцев в Польше — протестантов. Вопреки трактату 1686 г., вместо 4 православных епархий поляки оставили только две — Луцкую и Могилевскую, а потом даже одну последнюю; прочие были отданы епископам-униатам. Да и могилевские епископы едва держались на своем месте: епископа *Сильвестра Четвертинского* (1707-1728) несколько раз покушались убить; *Георгий Конисский* (1755-1795) однажды в Орше едва спасся от католического изуверства, выехав из города в телеге, прикрытый навозом; в другой раз толпа иезуитских школяров напала на его собственный архиерейский дом, перебила и переломала все, что попало под руку, архиерейских людей и монахов избила и изувечила, сам же архиерей едва

успел укрыться в одном сыром подвале. Иезуиты нередко таким образом натравливали своих школяров на самые возмутительные насилия; эта нафанатизированная ими молодежь делала опустошительные набеги на православные церкви и монастыри, разбивала похоронные и другие процессии православных, при чем нечестиво ругалась над святынями, топтала ногами кресты, рвала облачения. Все подобные вещи представляемы были в виде только детских шалостей и оставались безнаказанными. Другим подручным воинством иезуитов были разнужданные польские жолнеры и уличная чернь. Но и сами паны и польские власти постоянно прибегали к насилиям и жестокостям, как только им приходило в голову возревновать о распространении католичества или унии. То там, то в другом месте пан начинал приводить в унию “схизматицкого” попа, бил его плетью, морил в тюрьме, кормил в насмешку одним сеном, запрягал в телегу для возки воды или навоза, травил собаками, рубил пальцы и т.п. Приказчик пана силой врвался в православную церковь во время богослужения и выгонял плетью и народ, и духовенство. Духовная католическая власть смотрела на Белоруссию и Украину, как на *partes infidelium*, и снаряжала туда целые миссии из базилиан и доминикан под прикрытием жолнеров; миссия загоняла народ, как скот, плетью в костел или униатскую церковь и всех записывала в число обращенных, а несогласных на такое обращение отдавала под суд, как отступников. Православные церкви обращались в униатские, оставшиеся за православными запрещено было ремонтировать. Сама уния была все более и более склоняема к сближению с католичеством. Замойский униатский собор 1720 года с этой целью распорядился издать для униатских церквей новые служебники, исправленные на католический лад и со включением в символ веры прибавки: и от Сына. С этого времени в униатских церквях стали понемногу уничтожаться иконостасы и появляться католические престолы, завелись исповедальни, скамьи для молящихся, органы, звонки и другие католические принадлежности; униатские попы начали брить бороды и носить одежду, похожую на одежду католических ксендзов.

История воссоединения униатов до императора Николая I.

При воцарении Екатерины II православные жители Польши еще раз обратились к России за помощью. Приехав в Москву на коронацию, Георгий Конисский трогательной речью о бедствиях своей паствы побудил императрицу серьезно взяться за возбуждение вопроса о польских диссидентах. В 1764 г. вопрос этот внесен был на сейм по случаю восшествия на польский престол короля *Станислава Понятовского*. Среди русского народонаселения Польши после этого поднялось сильное религиозное движение, направленное против ненавистной унии. Средоточием этого движения были переяславская кафедра, которой подчинены были все православные приходы польской Украины и на которой сидел тогда ревнитель православия епископ *Гервасий Линцевский*, и Матронинский монастырь в Чигиринской области, где игуменствовал энергичный *Мелхиседек Значко-Яворский*. По селениям строились и возобновлялись православные храмы, а в Переяславле ставились для них священники; целые приходы возвращались из унии в православие. В 1765 г. Георгий Конисский и Мелхиседек ездили в Варшаву. В сильной речи на сейме, тогда же переведенной на разные европейские языки, Георгий изобразил такую потрясающую картину страданий православия в Польше, что король обещал сделать все для восстановления прав православного народа. Мелхиседек воротился на Украину с грамотой короля и с письмами к униатским властям о прекращении гонений. На следующий год на сейм внесены были представления в защиту польских диссидентов не только от России, но и от других европейских держав. Но все это повело только к большему усилению польского фанатизма. Для православного народа и духовенства настало самое тяжкое время всевозможных насилий и истязаний за веру; были да-

же случаи убийств. Игумен Мелхиседек попал в униатскую тюрьму и был чуть не замучен. Недовольные дарованием прав диссидентам паны, поджигаемые католическими епископами, составили конфедерацию в Баре, которая наделала тоже много бед православным. Тогда украинский народ окончательно пришел в отчаяние и, несмотря на все увещания Гервасия и Мелхиседека, поднял бурное и кровавое восстание, известное под названием колиивщины, сопровождавшееся избиением жидов, униатских попов, ксендзов, панов и разорением панских дворов. После этого Россия, по трактату 1768 г. поручившаяся за сохранение в Польше порядка, должна была серьезнее вмешаться в польские дела, и ввела в Польшу свои войска. К несчастью, главные деятели, стоявшие там за русские интересы, были люди нового, либерального образования, не понимавшие заветных чувств православного народа; они поддались польской интриге, которая представляла им все народное движение как только противогосударственный крестьянский бунт и разбой, и сами помогали полякам в истреблении всего, что стояло за православие и русскую народность. Русское войско, введенное в Польшу для борьбы с Барской конфедерацией и поддержания прав православного народа, обращено было теперь против этого самого народа. Православное духовенство, обвиненное поляками в подстрекательстве к народному бунту, должно было укрываться не только от польской мести, но и от русских команд. В бунте заподозрены были и Гервасий с Мелхиседеком и удалены на покой в Россию. Униаты торжествовали повсюду и снова завладели всеми приходами, которые отпали от их власти. Преследование православных продолжалось до 1772 г., до первого раздела Польши, после которого от долгих страданий получила возможность отдохнуть по крайней мере хоть Белоруссия, доставшаяся по этому разделу на долю России.

Благодаря энергии архиепископа Георгия, православная церковь этого края стала быстро поправляться. Униатские приходы подали массу заявлений о насильственном обращении их в унию и о желании своем снова возвратиться к православию. Но в Петербурге медлили с ответом на эти заявления, и только лет уже через 8 пришел наконец рескрипт с дозволением обращать в православие только те приходы, которые заявят о том общее желание всех прихожан. И несмотря на такие охлаждающие проволочки, присоединившихся оказалось до 130000 душ. Причиной такой медленности правительства в этом деле была крайняя его внимательность к интересам католиков и вообще образованного класса в присоединенном крае, не обращавшая должного внимания на то, что по своему коренному населению край этот был вовсе не польский, а чисто русский и православный, а отчасти известное стремление блеснуть перед Европой модной веротерпимостью. Все польское, латинское, униатское получило полное обеспечение своего существования и поддержку со стороны русской власти против всякого вредного влияния, хотя бы и влияния русских интересов и русского православия. Католическая белорусская церковь получила даже выгоднейшее положение, чем православная. В 1773 году Екатерина дала ей особого католического архиепископа *Станислава Сестренцевича* и снабдила его богатейшими средствами; сумма всех доходов его простиралась до 60 000 руб., тогда как православный белорусский архиепископ получал всего до 6 000 руб. В 1790-х годах учреждено было еще 3 католические епархии. Католические монастыри сохранили все свои владения, тогда как имения православных монастырей были секуляризованы. Униатская церковь устроена была тоже в виде особой архиепископии (Полоцкой). Екатерина оставила неприкосновенным даже орден иезуитов, несмотря на то, что в 1773 г. он был упразднен самим папой, по настоянию европейских государей. Основавшись в Полоцке, орден завел тут свой новициат, обратившийся затем в иезуитскую коллегию, и деятельно занялся своим специальным делом — пропагандой латинства. Так было в Белоруссии под русским владычеством; на Украине, оставшейся за Польшей, положение православной церкви вовсе не изменилось. На православное движение, обнаружившееся и здесь, поляки смотрели с пугливым подозрением, как на движение противогосударственное, как на предвестие новой ко-

лиивщины. Для управления православными приходами в польских владениях в 1785 г. назначен был новый переяславский епископ *Виктор Садковский*. Но как только он вступил в отправление своих обязанностей, так и пошли пугливые толки, что он через своих священников и монахов возбуждает чернь к резне католиков, что в его архиерейском доме и в монастырях приготовлены уже и склады оружия. В 1789 г. он был арестован и увезен в оковах в Варшаву, а в его доме и по монастырям произведены обыски, ничего, разумеется, не нашедшие. В таком положении дела православия в Польше оставались до 1793-1795 годов, когда последовали второй и третий разделы Польши, и России возвращены были остальные древнерусские области, кроме Галиции, доставшейся Австрии.

Ближайшее знакомство правительства с Польшей к тому времени уже многое успело изменить в его отношениях к польской интеллигенции, и указом 1794 г. воссоединение униатов было разрешено наконец в полной мере. Русский народ с такой готовностью отозвался на призыв родной церкви, что к концу царствования число воссоединенных униатов дошло до 2 000 000 душ. В среде самих ревнителей унии возникло живое стремление к сближению ее с православием. Униатский архиепископ *Иракий Лисовский* (1784-1809) усердно начал производить очищение унии от всех вошедших в нее католических примесей. Для изучения православной обрядности он даже нарочно путешествовал на восток до Иерусалима. Желая походить более на православного архиерея, он отрастил бороду и облекся в рясу, почти совсем уже не употреблявшуюся у униатского духовенства. В последний год царствования Екатерина собралась было сокращать число униатских монастырей, составлявших в униатской церкви главную силу латинской партии, но не успела исполнить этого важного намерения. При ее преемнике императоре Павле католичество получило новую силу. Видя повсюду в Европе колебание престолов от распространения революционного духа, император легко поддался внушениям латинской партии при его дворе, приписывавшей все европейские беды развитию неверия и указывавшей главную опору престолов в страждущей вместе с правительствами католической церкви. Трон русского государя окружили рыцари Мальтийского ордена из тайных иезуитов, сами иезуиты, из которых хитрейший интриган патер *Груббер* сделался даже домашним человеком во дворце, разные французские эмигранты, польские магнаты и т.п. люди — представители латинской интриги. Иезуиты крепко утвердились в самом Петербурге, завладели всеми именьями и доходами здешней католической церкви, выпросили себе дозволение посылать миссии на восток, добились через государя даже канонического восстановления своего ордена и избрания для него орденского генерала. При таком усилении в государстве польских и католических элементов дело воссоединения униатов, конечно, совсем остановилось. Государь был милостив к униатам, открыл для них снова закрытые раньше епархии, Луцкую и Брестскую, но не признавал за униатской церковью никакой самостоятельности и подчинил ее одному общему управлению с латинской в католической коллегии, где из униатов не было ни одного члена. Сокращение униатов в католичество не подвергалось никакому взысканию, чем, конечно, и не замедлила воспользоваться католическая пропаганда, опустошая унию все более и более.

При Александре I, пользуясь либеральным характером первых лет этого царствования и широкой свободой вероисповедания, иезуиты успели уловить в свои сети немало даже чисто русских и православных людей, особенно из высших классов. Их школы и миссии охватили всю западную Россию, распространились и по южной России от Киева до Симферополя и от Каменца-Подольского и Одессы до Моздока, проникли в немецкие колонии на Волге, в Астрахань и другие места, где только были какие-нибудь католики, даже в Сибирь — в Томск и Иркутск, где были ссыльные поляки. В 1814 году в католичество был увлечен молодой князь *Голицын*, племянник синодального обер-прокурора. Молодого ренегата поспешили отдать на увещание к Филарету Московскому. Плодом этих увещаний было сочинение: “Разговоры

между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской церкви” (1815 г.). В 1815 г. государь повелел изгнать иезуитов из обеих столиц. Когда же и после этого они стали продолжать свои интриги и пропаганду из Полоцка, в 1820 году вышел новый указ о совершенном изгнании их из России. Успехи латинства вызвали против себя реакцию и с другой стороны, со стороны стесненной им униатской церкви. В 1803 г. архиепископ Ираклий нарочно посылал в Петербург протоиерея *Иоанна Красовского* с сильными представлениями о крайне униженном и заброшенном состоянии своей паствы. Представления эти произвели на государя впечатление. В том же году вышел указ, которым обращение униатов в католичество было запрещено, а в следующем году в число членов католической коллегии указано было ввести одного униатского епископа и троих униатов-ассессоров. В 1805 г. сама коллегия разделена была на два департамента, католический и униатский; председателем последнего был назначен Лисовский. Наконец, в 1806 году он был возведен в сан самостоятельного митрополита. Униатская церковь таким образом почти совсем освободилась от давления латинян. Самой важной заслугой митрополита было то, что он успел значительно подорвать вредную силу базилиан и поднять из унижения белое духовенство, которое всегда было опорой народного и православного элемента в униии. Митрополит позаботился о его образовании, открыв у себя в Полоцке униатскую духовную семинарию. Он скончался в 1809 г. Заветам его следовали и управлявшие после него митрополией луцкий епископ *Григорий Коханович* и (с 1814 г.) полоцкий архиепископ *Иоанн Красовский*, оба из белого духовенства, бывшие прежде сотрудниками Ираклия. По интригам базилиан, второй из них, Красовский, заведывая делами митрополии, так и не смог добиться митрополичьего сана, был даже оклеветан перед правительством, лишен кафедры и почти до самой смерти находился под судом (+ 1827) Митрополитом вместо него в 1817 г. был поставлен *Иосафат Булгак*, епископ Брестский, человек католических убеждений. Но торжество латинской партии на этот раз запоздало. Благодаря деятельности Лисовского и Красовского из среды белого духовенства успели воспитаться новые деятели, которые продолжили их дело до вождельного конца, несмотря на все препятствия. Это были *Иосиф Семашко*, *Василий Лужинский* и *Антоний Зубко*, главные деятели общего воссоединения униатов.

История воссоединения униатов при Николае I и Александре II.

Василий и Антоний были питомцами полоцкой семинарии Лисовского; Иосиф прошел через светскую школу — немировскую гимназию. Потом все они учились в главной семинарии при виленском университете, протектором которого был кн. *Адам Чарторыжский*, не любивший ни иезуитов, ни католического фанатизма, и потому много способствовавший развитию и в учениках, и в наставниках этой семинарии весьма либерального отношения к злоупотреблениям римского духовенства. Семашко был из них самый младший (род. в 1798 г.), но более всех их проникнут православными симпатиями, уже по самому своему происхождению из Киевской губернии, где униа была ближе к православию, чем в Западном крае, более их талантливый и способный к практической деятельности. По окончании курса его посвятили священником в Луцкую епархию; за два года службы он достиг уже сана протоиерея и должности ассессора униатского департамента католической коллегии, имея всего 24 года от роду. В католической коллегии он был смелым, настойчивым и непобедимым противником ее католических членов. Зная всю закулисную сторону католического управления униатской церковью, и в то же время ближе ознакомившись в Петербурге с православной обрядностью и русской духовной литературой, он принял бесповоротное решение выступить спасителем своей церкви и народа и от Рима, и от Польши. Царствование Николая, провозглашавшее незыблемыми основами Русского государства православие, самодержавие и на-

родность, счастливо способствовало выполнению такого широкого замысла пока еще не видного асессора католической коллегии. Еще в 1827 г. государь, уже проникавший в действительное положение дел униатской церкви, воспретил принимать в униатское монашество чистых латинян и указал усилить средства к образованию униатского белого духовенства. В том же году Семашко составил для поднесения государю записку, в которой изложил историю унии и все происки Рима к ее облатинению, указал и средства к спасению униатского населения от врагов его народной веры: вместо департамента католической коллегии открыть для униатского управления особую униатскую коллегию, вместо 4-х оставить только две униатских епархии — Белорусскую и Литовскую, улучшить содержание духовных школ и прекратить обучение униатской молодежи в школах католических, воспретить совращение униатов в латинство, сократить число базилианских монастырей и упорядочить их администрацию. Записка эта понравилась государю, и в следующем же году обнаружилось ее последствия: открыта была особая униатская коллегия, независимая от католической; Иосиф (вместе с Лужинским и Зубко) назначен был ее членом, потом в 1824 г. посвящен в викария Полоцкой епархии; затем последовали закрытие нескольких базилианских монастырей, подчинение всех остальных епархиальной власти, основание униатской семинарии в Жировицах и нескольких духовных училищ. Дальнейшему движению униатского дела поспособствовало польское восстание 1830-1831 гг., в котором ксендзы и базилиане были главными участниками. Лучшие базилианские монастыри, замешанные в восстании, были или закрыты, или переданы православным, в том числе знаменитый Почаевский монастырь. Согласно с запиской Иосифа закрыты и лишние епархии и оставлены только две — Литовская, епископом которой в 1833 г. назначен сам Иосиф, и Белорусская, вверенная митр. Булгаку. Через несколько времени для них посвящены были викарии, в Полоцкую Василий Лужинский, в Литовскую Антоний Зубко.

Между тем Иосиф разработал уже общий план воссоединения униатов, состоявший в том, чтобы после надлежащей предварительной подготовки воссоединение единовременно было принято повсюду всем униатским духовенством. Выполнение этого плана под его руководством ведено было с строгой постепенностью и в величайшем секрете от католической партии. Первой и важной мерой к постепенному сближению униатского духовенства с православной церковью было введение в церквях и монастырях православной обрядности с отменой всех латинских новшеств. Для восстановления православного богослужения в 1834 г. по всем униатским церквям разосланы были служебники московской печати. В 1835 г. сделан был новый шаг к сближению унии с православием: униатские семинарии и училища наравне с православными подчинены комиссии духовных училищ; а в начале 1837 г. заведование делами униатской церкви из министерства внутренних дел было передано обер-прокурору Св. Синода, что подготовляло подчинение этой церкви прямо самому Синоду. Все это время с 1834 г. архиереи Иосиф, Василий и Антоний совершали по униатским епархиям неутомимые разъезды, стараясь лично вводить подведомственное духовенство в свой план воссоединения подробными разъяснениями и увещаниями и собирая с него подписки в том, что в свое время оно вместе с ними разом примкнет к воссоединению, как только это дело созреет. В 1838 г. смерть митр. Булгака окончательно развязала руки деятелям воссоединения. Председателем униатской коллегии сделался Иосиф, а Василий получил Белорусскую епархию Булгака. Подготовка духовенства была закончена, и оно выдало подписки на воссоединение, за исключением какой-нибудь сотни священников в Белорусской епархии. И вот 12 февраля 1839 г. собор униатских архиереев и высшего духовенства, собравшийся в неделю православия в Полоцке, составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к православной и всеподданнейшее прошение о том государю с приложением 1305 подписей духовных лиц. 25 марта государь написал на этом прошении: “Благодарю Бога и принимаю.”

За пастырями присоединилось к православной церкви и все полутора миллионное униатское население указанных епархий. Радость воссоединения выразилась торжественными богослужениями бывшего униатского духовенства с древнеправославным в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. В память воссоединения выбита была медаль с надписью на одной стороне: “Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839),” с другой — под ликом Спасителя на убрусе: “Такова имамаы Первосвященника.” Бывшие униатские архиереи получили православные епархии западного края: Иосиф сделался архиепископом Литовским — в 1852 г. получил сан митрополита (+ 1867); Василий управлял Полоцкой епархией — с 1841 г. в сане архиепископа, в 1868 г. оставил управление и состоял до кончины (1879 г.) постоянным членом Св. Синода; Антоний до 1848 г. управлял Минской епархией (+ 1884 на покое).

После воссоединения униатов Белоруссии и Литвы уния оставалась еще в Привислянском крае, в униатской Холмской епархии. Правительство обратило свое внимание на этот край уже после нового польского восстания 1863 г. Дело воссоединения и здесь началось с ослабления силы базилиан и восстановления православной обрядности. Главным деятелем в подготовке воссоединения выступил протоиерей *Маркелл Поппель*, назначенный, по удалении местных епископов, не соответствовавших видам правительства, администратором епархии (1870). В 1874 г. государь император выразил свое согласие на воссоединение. После этого в январе 1875 г. в Седлецкой губернии воссоединилось с православной церковью до 50 000 униатов, а 18 февраля в Холме собрался собор духовенства с М. Поппелем во главе и составил акт о воссоединении всей Холмской епархии. 11 мая, в день свв. Кирилла и Мефодия, последовало самое торжество воссоединения. В том же году Маркелл посвящен был в епископа Люблинского, викария православной Варшавской епархии. После этого уния осталась в силе лишь в отторженном от России древнерусском крае — в австрийской Галиции.

Успехи православия среди католиков.

Католицизм был сильно поражен воссоединением униатов, но не оставил своих стремлений к пропаганде. Даже при таком твердом ревнителе русской народности и православия, как имп. Николай I, было несколько совращений в латинство бывших униатов и православных в Западном крае и в высшем русском обществе. Некоторые изменники русской народности и веры (Гагарин, Голицын, Мартынов) даже эмигрировали за границу, сделали там иезуитами и своими брошюрами в пользу католичества, письмами в Россию, совращением плохо воспитанных в православии русских путешественников и путешественниц, вновь основанным в Париже католическим братством Кирилла и Мефодия старались вредить своей родной Русской церкви. Но подобными извержениями Русской земли католицизм только и должен был довольствоваться. Воссоединение униатов лишило его многих и прежних его исповедников; за 1840-1841 гг. в православие вместе с униатами обратилось до 20 000 католиков. Новое усиление обращений католиков в православие произошло после польского восстания 1863 г., во время которого католицизм окончательно подорвал себя своей связью с бунтовщиками; в 1864 г. обратилось до 50 000 католиков; обращения эти продолжались до 1870-х годов. Еще более стали они усиливаться с 1870 г., после пресловутого Ватиканского собора, озадачившего своими определениями многих исповедников католичества. В России за последние десятилетия замечательно обращение в православие множества живущих в ней чехов; в 1888-1889 гг. в Волынской епархии их присоединилось до 6800 душ. Движение в пользу православия проявилось между католиками и за границей. Еще в 1861 г. в Париже обратился в православие *аббат Владимир Гетте*, сделавшийся православным священником, автор обширной истории церкви и издатель православного французского журнала *L'Union Chrétienne*. После Ватиканского собора в Америке совершилось обращение католического

богослова *проф. Биеринга*, потом священника православной церкви в Нью-Йорке. Отделившаяся от Рима старокатолическая церковь завязала с православной церковью живые сношения о своем с ней соединении; для разработки вопроса об этом соединении с 1871 г. собиралось уже несколько конгрессов и конференций старокатолических и русских богословов (в Мюнхене, Кельне, Бонне, Утрехте), хотя только частным образом, без официального в их рассуждениях участия самой Русской церкви. К чему поведут эти сношения, еще не известно; но важно уже и то, что на западе возбужден самый интерес к изучению православия и некоторые к нему симпатии.

Распространение православия среди протестантов Западного края.

Кроме католиков, православная церковь привлекла к себе в Западном крае протестантов. В шведскую войну при Петре Россия не только возвратила себе от Швеции свои старые земли, но приобрела и новые. После этого началось восстановление православной веры повсюду, где она была до шведского владычества. В 1708 г. восстановлена Корельская епархия; в 1718 г. возобновлены древние обители Валаамская и Коневская; инородцы Петербургского края обращались в православие. Затем при Петре же завоеваны Эстляндия и Лифляндия; при Екатерине II закончилось присоединение к России Курляндии. Следы древнего православия в этих областях были совсем уже истреблены немецким протестантским владычеством. Забитые эсты и латыши были подавлены двойным гнетом помещиков и лютеранских пасторов и тупо страдали под ним в течение всего XVIII и половины XIX в. Православных жителей, вместе с пришлыми русскими людьми, в 1830-х гг. во всем Остзейском крае было не более 20000; церковей было тоже очень мало — они существовали главным образом для войск, расположенных в крае. Первые начатки движения в пользу православия совпадают там с открытием в Риге псковского викариатства в 1836 г. При первом же епископе *Иринархе* в Лифляндии и Эстляндии между крестьянами начало развиваться замечательно оживленное движение к переходу из лютеранства в православие. Оно вызвано было грубым барством немецких пасторов и неудовлетворительностью для духовных нужд народа самого лютеранства. В скорбях своих латыши и эсты давно уже привыкли искать себе утешения вне протестантства, ходили, например, на богомолье в Псково-Печерский монастырь, а иные в католический костел в Шемберге; некоторые приставали к гернгутерам, распространившимся в Остзейском крае при Александре I. Всего симпатичнее казалось им православие — “царская вера,” служители которой всегда относились к ним бескорыстно и ласково, не как пасторы. В 1841 году к епископу Иринарху стали во множестве являться приезжавшие в Ригу крестьяне с заявлениями своего желания перейти в православие. К несчастью, к этим заявлениям примешивались иногда посторонние элементы — надежды на освобождение с помощью православия от помещичьего гнета и на переселение в “теплые края” на вольные земли.

Дворянство и пасторы воспользовались этим и выставили открывшееся движение в виде против помещичьего бунта, после чего оно было подавлено жестокими мерами. Сам преосв. Иринарх был удален из Риги и подвергся следствию. Следствие это, однако, оправдало и его, и духовенство, и вместе с тем обнаружило настоящее положение несчастного крестьянства, заставив правительство ближе войти в его нужды. Генерал-губернатор *Пален*, стоявший исключительно за интересы немцев, баронов и пасторов, был сменен. Переход в православие был дозволен крестьянам самим государем, но с непременным внушением, что они не получают за него никаких выгод в своих отношениях к помещикам, а освободятся от повинностей и платежей только в пользу пасторов.

Несмотря на такое отречение правительства от поощрительных мер к поддержанию открывшегося движения, в 1845 г. оно повторилось опять при рижском викарии *Филарете* Гу-

милевском и снова вызвало то же противодействие от баронов и пасторов с экзекуциями, интригами в правительственных сферах, ложными объяснениями фактов, клеветами на народ и духовенство в бунте и прочим. Православное духовенство делало с своей стороны все для беспрепятственности обращений, переводило на латышский и эстонский языки нужные христианские книги, прием в православие производило не иначе как в присутствии немецких властей и с соблюдением всех формальностей, чтобы не к чему было привязаться врагам; на священнические места вызывались знающие местные языки; усилено катехизаторство, так что латыш или эст за несколько дней узнавал о вере больше, чем слышал от пастора лет за 30, хотя немцы и толковали, что попы крестят, никого не научив своей вере. Противодействие со стороны немцев только усиливалось; одни жестокости и клеветы сменялись другими. Самой надежной клеветой оказывалась клевета, что крестьяне бунтуют и что среди своего религиозного движения запускают свои обязательные работы. Полинейские и судебные расследования о том производились самими же немцами. Не бесплодны были для остзейского рыцарства и те интриги, какие оно вело в административных сферах. В угоду ему обращения крестьян были остановлены на все время летних работ, а в конце 1845 г. вышло общее распоряжение об обязательном 6-месячном сроке между заявлением о переходе в православие и самим присоединением, много повредившее делу православия, потому что в течение всего этого срока записавшиеся на присоединение оставались в полном распоряжении озлобленных баронов и пасторов. Число обращений за 1845 г. доходило до 14 430, в 1847 дошло до 55 000, затем вдруг быстро упало и сменилось даже обратным движением из православия в лютеранство, что было истинным торжеством для немецкой партии. Преосв. Филарет, несмотря на все препятствия, все-таки успел поставить дело православия в крае на твердую почву. Он открыл много новых приходов, вызвал значительное число нужных для священнических мест способных людей, первый определил образ действия для духовенства на его крайне скользком поприще, успел прилично устроить его материальное положение, наконец, в разных местах устроил инородческие школы, а в 1847 г. открыл в Риге духовное училище с преподаванием местных языков для воспитания будущих духовных деятелей в крае из русских и инородцев. Сам он работал до полного истощения сил, не имея времени даже для вкушения пищи и для сна. Не мудрено, что немецкая партия всеми силами старалась избавиться от такого опасного для нее архиерея. В 1848 г. он был переведен в Харьков.

В том же духе продолжал дело преемник его *Платон* (Городецкий); при этом преосвященном (до 1867 г., + 1891 киевским митрополитом) Рижская епархия сделана была самостоятельной; рижское духовное училище одновременно обращено в семинарию с преподаванием местных языков. Благодаря его примирительному образу действий и просветительным мерам, православная церковь заняла в Остзейском крае подобающее ей место, хотя борьба ее с протестантством не кончилась и после этого. Новое массовое движение эстов и латышей в православие возбудилось с начала минувшего истинно русского царствования Александра III, когда старым интригам и клеветам немцев перестали давать веру и русско-православные интересы стали поддерживаться твердой рукой во всем Западном крае. С 1883 по 1891 г. число присоединившихся здесь возросло свыше 20000. Со стороны немцев поднялись жалобы на гонение протестантства, услышанные и в Европе. В 1886 г. на имя обер-прокурора Св. Синода пришло из Шафгаузена письмо от президента и членов реформатских синодов с просьбой прекратить преследование их остзейских собратий. На это письмо в 1887 г. последовал ответ, получивший всеобщую известность, в котором было ясно указано, что жалобами остзейских лютеран руководят мотивы не религиозные, а чисто мирские, мотивы земного господства в крае, и что если православие и ведет там борьбу с протестантизмом, то не наступательную, а оборонительную.

В последнее время внимание правительства обратилось на неудовлетворительное положение православной церкви в другой западной окраине России — в княжестве Финляндском, где она всецело должна была подчиняться местной администрации и руководиться местными финляндскими узаконениями, созданными исключительно в интересах церкви лютеранской. Подчиненные Св. Синоду в общецерковных делах, православные церковные общины в своих внутренних делах, в довольствовании духовенства, содержании церковей и попечении о церковных имуществах, были вполне подчинены местным губернаторам и Сенату — правительству лютеранскому, по общему финляндскому уложению. Таким образом, православная церковь в Финляндии встала в положение не господствующей, а только терпимой. Выборгские викарии (с 1856 г.), живущие в Петербурге и занятые ректорством в академии и другими петербургскими делами, были в своей епископии редкими посетителями, а местное духовное правление само склонялось на сторону гражданского управления, сделавшись только посредствующим органом между православными церквами края и финляндским светским начальством. Начало конца этому неестественному положению православия в Финляндском крае положено учреждением в нем самостоятельной архиерейской кафедры и общими мерами последнего времени к подъему русского влияния и на этой окраине империи.

Отрадные признаки торжества православия над протестантством в последнее время замечаются и вне пределов России, преимущественно в епископальной церкви Англии и Америки. Первые сношения англиканской церкви с Россией о соединении церковей относятся ко времени Петра Великого, но тогда они окончились ничем. В 1830-х годах среди англиканской церкви возбудилось особенное внимание к православной церкви в обществе пюзеистов или англо-кафоликов. Один из них, дьякон *Пальмер*, в 1842-1853 гг. нарочно ездил хлопотать по вопросу о соединении церковей в Россию и на восток, но, огорченный безуспешностью своих стараний, кончил тем, что перешел в католичество. Вопрос о соединении церковей оказывался пока неразрешимым, но подготовка к его решению не была оставляема ни в Англии, ни в Америке, где основались целые общества для изучения восточной церкви через переводы ее богослужебных и вероучительных книг и издание в печати разных относительно нее известий и исследований; с 1867 г. в Лондоне начал издаваться целый журнал: “Православно-кафолическое обозрение.” В 1868 г. члены епископальной церкви в Америке завязали серьезные сношения со Святейшим Синодом о взаимном общении в богослужении и таинствах, что, между прочим, было одним из важнейших побуждений для Русской церкви к открытию православной архиерейской кафедры в Сан-Франциско. Одновременно с этим от английского “Общества восточной церкви” пришли в Святейший Синод прямые предложения о присоединении к православной церкви под условием сохранения англиканских обрядов. Святейший Синод положил снести об этом деле с восточными патриархами. Одним из важных препятствий к удовлетворительному решению вопроса о присоединении англикан и вообще протестантов была открывшаяся тогда разность между Русской и Греческой церковью в способе присоединения этих иноверцев: Русская церковь присоединяла их чрез одно миропомазание, а Греческая требовала повторения над ними и таинства крещения. Между тем происходили по временам частные случаи обращений, из которых замечательно обращение в 1861 г. английского пастора *Ричардсона*, в 1869 г. издателя “Православно-кафолического обозрения” доктора богословия *Овербека*, которые потом, особенно последний, много потрудились в пользу православной церкви среди членов англиканского вероисповедания. Особенно значительно подвинулось вперед знакомство с православной церковью американского общества с 1870 г., когда обратившийся из католичества православный священник *Николай Биерринг* открыл в своей нью-йоркской церкви православное богослужение на английском языке и стал читать о православной церкви публичные лекции и проповеди.

3. Учение и духовное просвещение.

Устройство Московской академии по образцу Киевской.

Одной из важнейших забот духовного и светского правительства в новый период нашей истории было образование духовенства, в котором крайняя нужда почувствовалась с самого начала реформы. Будучи недоволен состоянием Московской академии — этого единственного источника духовного образования в Московской Руси, царь Петр отдал ее под покровительство местоблюстителя Стефана. После этого она быстро преобразовалась по образцу Киевской академии; прежнее эллино-славянское образование ее заменилось латинским. С киевскими преподавателями в нее перешли и все киевские школьные порядки, разделение классов, состав курса, школьные должности, экзамены, диспуты, школьное проповедничество, самые развлечения учеников, — рекреации, пение виршей, театральные представления. Ревнители прежнего эллино-славянского образования напрасно роптали на такие новые порядки и доказывали, что латинские учения повлекут за собой разные ереси — мысли этого рода уже не принимались во внимание. Сама реформа поворачивала Россию от востока к западу, от старых византийских влияний к западной цивилизации, а последняя возросла на почве именно римско-латинской. В том же латинском направлении архиереи-малороссы заводили духовные школы по епархиям: в Чернигове, Ростове, Смоленске, Тобольске. Старого привычного типа обучения детей духовенства держались только некоторые архиереи великороссы. Особенно важное значение между ними имел в этом отношении митрополит *Иов Новгородский*.

Покровитель образования Иов Новгородский.

Для распространения образования в своей епархии Иов обратился сначала к помощи малороссийских ученых; некоторые из них после своего изгнания из Москвы нашли у него весьма радушный приют, например известный Феодосий Яновский и симоновский архимандрит *Гавриил Домецкий*, но оказались в отношении к нему людьми неблагодарными. Домецкий, кроме того, опять поднял в Новгороде спор о времени пресуществления святых даров, и в 1704 г. написал опровержение на книгу Остен. Против него выступил чудовский иеродиакон *Дамаскин*, человек, близкий к Иову, и написал на Домецкого 105 ответов. Сочинением этим и письмами к Иову он успел подорвать все доверие митрополита к Домецкому и к латинской учености и склонить его на сторону эллинского образования. После этого Иов вызвал к себе братьев Лихудов и с помощью их в 1706 г. открыл при своем доме школы славянскую и славяно-эллинскую. Лихуды надолго утвердили в Новгороде славяно-эллинское учение, оказавшееся и теперь, как прежде, весьма популярным. Ученики, которых на первый раз набрали до 100 человек, не бегали из Лихудовских школ, как бегали из латинских. Иов восторженно писал об успехах Лихудов своим знакомым и мечтал сделать Новгород с его славяно-эллинским типом учения чем-то вроде противовеса Москве с ее латинской академией. Кроме обучения в школах, ученые братья продолжали здесь свою литературную деятельность, составляли руководства по предметам своего курса, написали обличение ересей Лютера и Кальвина, занимались переводами. Митрополит Иов желал завести в Новгороде свою типографию и просил для этого у царя присылки из Москвы принадлежностей бывшей дворцовой типографии С. Полоцкого, просил также, чтобы ему прислали для работ переводчиков из числа типографских справщиков, бывших Лихудовских учеников, и собирался издавать новый, исправленный по греческому тексту перевод Библии. Но всем этим просветительным планам его не суждено было осуществиться. В 1707 г. у него взяли в Москву самого деятель-

ного из Лихудов Софрония для греческой школы при типографском доме; с одним же Иоанником, человеком уже престарелым, дела пошли хуже. После смерти Иова (1716 г.) уехал в Москву и этот Лихуд (умер там в 1717 г.). Оставшиеся после Лихудов их ученики понемногу, впрочем, продолжали их дело и особенно развили в новгородских школах славянское грамматическое учение. В 1723 г. учитель *Максимов* издал славянскую грамматику, имевшую немаловажное значение в истории этой науки. За грамматистами в новгородские школы обращались и епархиальные начальства, и само правительство для своей приказной службы. Преемник Иова Феодосий старался поэтому поддержать его школы, несмотря на свое собственное латинское направление, и только уже Феофан Прокопович в 1726 г. порушил их, переведя учеников в свою петербургскую латинскую школу. Кроме Новгорода, эллинское образование нашло себе приют еще в московской типографской школе Софрония Лихуда (+ 1730). Но в 1740-х годах эта школа соединена была с академией, где эллинское учение постоянно было на заднем плане перед латынью.

Школы при архиерейских домах по Духовному регламенту.

После учреждения Святейшего Синода открытие духовных школ пошло успешнее. Духовным регламентом положено было завести такие школы по всем епархиям. Содержать их указано отчасти за счет архиерейских домов, отчасти из сборов с церковных и монастырских земель, с первых 30-й, со вторых 20-й части ежегодного хлебного дохода. Обучение в них сделано обязательным для всех детей духовенства; не обучавшиеся в них подлежали разбору для исключения из духовного сословия. Как и все другие школы Петровского времени, когда под обучением разумели только выучку известному практическому делу или службе, духовные школы получили специальное и сословное назначение обучать детей духовенства “в надежду священства.” Курс обучения (разумеется, латинский) распределен был на 8 лет и состоял из изучения: 1) грамматики или латинского языка, при упражнениях в котором рекомендовалось, кстати, изучать историю с географией посредством относящихся к этим наукам переводов, 2) из арифметики и геометрии, 3) логики с диалектикой, 4) пиитики с риторикой, 5) физики с краткой метафизикой, 6) политики и 7) богословия; на последнее назначено два года. В воспитательном отношении архиерейские школы велено устраивать в виде закрытых заведений, “образом монастыря,” с редкими свиданиями учеников с родными, со строгим распределением времени по точным “регулам” и звонкам и с неусыпным надзором ректора, префекта и комнатных старших. Регламент предвидел, что ученики будут уклоняться от “стужительного жития” в таких школах, и определил — если при приеме в школу некоторые будут оказываться неспособными к ученью, таких испытывать целый год, не “притворяют ли” они “себе тупости,” как другие “притворяют себе телесную немощь от солдатства,” по годичном же только испытании производить и исключение негодных учеников до окончания курса, и то, если ученик окажется уже окончательно “детина непобедимой злобы.” Ректору за отпуск ученика из школы “отай”^{*} от Святейшего Синода, “за мзду,” определено “жестокое наказание.” Главное управление школами предоставлено было самим архиереям и отнесено к делам епархиальной администрации. Их внешнее благосостояние, состав курса и учебного персонала — все зависело от личного расположения и забот архиереев. Заведение школ первоначально, по крайней мере до 1730-х годов, шло медленно и с большими задержками; не было подготовлено для них ни средств, ни учителей, ни учебных пособий; сам Духовный регламент позволял по нужде определять в учителя не одних знающих дело, но и просто только талантливых людей, которые могли бы приобрести нужные знания уже на должности. Состав курсов почти во всех школах по необходимости ограничивался только

^{*} Скрытно, секретно, украдкой.— *Прим. ред.*

славянской или латинской грамматикой да букварем Прокоповича. Учеников забирали в учење насильно, иногда даже в кандалах, под конвоем; потом они убегали из школ и их таким же порядком приходилось ловить и возвращать обратно в школы. Сами их отцы и матери были против школьного обучения и охотно помогали им укрываться от новой школьной повинности.

Обучение в архиерейских школах и их содержание.

Более полный курс, на манер киевского, начал вводиться в архиерейские школы только с 1730-х годов, и то не вдруг. Школы, успевшие завести такой курс, получали названия семинарии, а оставшиеся с одним славянским обучением стали считаться низшими. До Екатерины II всех семинарий успело открыться 26, но полные курсы до богословия включительно, кроме двух академий, существовали только в 8 семинариях, каковы были: Харьковская, называвшаяся коллегиумом, заведшая у себя богословский класс в 1731 г., раньше всех семинарий, Петербургская в Невской лавре, Троицкая в Сергиевой лавре, Казанская, Новгородская, Псковская, Тверская и Смоленская; семинарии Тобольская, Рязанская и Нижегородская доходили только до философии; в остальных учение оканчивалось риторикой, а то не доходило даже и до нее. Из таких неполных семинарий для приготовления к учительству или к высшим епархиальным должностям посылали по несколько лучших учеников доучиваться в чужие полные семинарии или в академии. Характер образования духовных школ, не исключая академий, был чисто формальный; в низших классах изучались формы языка, в риторике — формы речи, в философии — формы диалектики, и только в богословии все эти формы находили себе искусственное применение в схоластическом развитии богословских истин. География, история и математика, которые велено преподавать Регламентом, вовсе не преподавались. Из языков изучался один латинский. Школьная дисциплина отличалась большой суровостью, в которой особенно винили начальников и учителей из черкасцев. От телесных наказаний не были свободны не только ученики, но даже и сами учителя. В автобиографии митрополита Платона рассказывается, как его, бывшего уже учителем Московской академии, архиерей Амвросий хотел наказать розгами в собрании всей академии и как он освободился от этого наказания благодаря только заступничеству доброго ректора. Содержание всех школ было весьма неопределенно и непостоянно, зависело всецело от епархиальных сборов и средств архиерейских домов. Случалось, что за недостатком средств распускались на неопределенное время целые школы; оклады наставников были крайне бедные, помещения школ тесные и жалкие во всех отношениях. Ученики не только своекоштные, но и казеннокоштные, или, как их звали, “бурсаки” должны были приобретать себе прокормление “кондициями” (уроками), перепиской, даже физическими работами; святитель Тихон например, учась в Новгородской семинарии, нанимался в свободное время у огородников копать гряды. В Киеве воспитанники академии собирали подаяния по дворам горожан, распевая псалмы, канты и концерты, произнося речи, стихи, диалоги и разыгрывая комедийные действия, хотя академия имела весьма заботливых попечителей и благотворителей в лице киевских архипастырей, каковы особенно были Рафаил Заборовский и Арсений Могиланский.

С царствования Екатерины II настало новое время для всего русского образования вообще. Прежний специально-сословный строй его начал сглаживаться; вместо прежней выучки стали заботиться об общем образовании воспитанников и заводили новые общеобразовательные школы. Общеобразовательные предметы начали вводиться и в курсы духовных школ. К 1766 году особая комиссия, состоявшая из преосвященных Гавриила и Иннокентия и иеромонаха Платона, по поручению правительства выработала целый проект преобразования духовных школ, которым предполагалось разделить их на высшие, средние и низшие и ввести в

них новые, соответственные этим степеням курсы, новые, более современные методы и педагогические приемы. Проект этот не остался без влияния на состояние духовных школ, хотя и не был приведен в исполнение. Особенно важное значение получил вопрос о приготовлении учителей духовных школ. В 1765 г., по желанию императрицы, при Московском университете предположено было открыть богословский факультет, а для приготовления в него преподавателей было отправлено 16 лучших духовных воспитанников в заграничные университеты. Факультет этот не был открыт, и посланные за границу по возвращении распределены были по разным местам, но несколько человек из них попали и в учителя духовных школ. Некоторые архиереи для приготовления учителей посылали лучших своих семинаристов слушать лекции в Московском университете и в филологической семинарии Дружеского ученого общества; здесь слушали лекции, например, студенты Московской академии Серафим Глаголевский (после митрополит) и Евгений Болховитинов. С 1788 г. митрополит Гавриил из своей невской семинарии устроил нечто вроде учительской семинарии для приготовления учителей в другие епархии. Число и достоинство учителей для духовных школ вообще значительно поднялось за это царствование. Притом же на учительских местах появились новые свежие силы из великороссов, вносящие в преподавание и в дисциплину духовных школ новый, более современный и гуманный дух. Господство схоластики и латыни было поколеблено; стало распространяться изучение греческого языка и языков новых, особенно французского; формальное направление духовного образования восполнялось постепенным введением в семинарии изучения географии, истории, физики и отчасти математики. Богословие и философия преподавались уже во всех семинариях, и учеников знакомили не с одними схоластическими системами, но и с новой немецкой философией (Лейбнице вольфианской) и с новыми протестантскими богословиями. На формальное развитие и знание латыни, впрочем, все еще обращали главное внимание. В 1800 году возник вопрос о преподавании главных наук на русском, а не на латинском языке, но митрополит Платон, хотя ранее всех архиереев стал заботиться об изучении русского языка в своих школах, решительно высказался против такого ослабления латыни. От прежней суровой и огрубляющей системы семинарского воспитания оставались еще ясные следы повсюду, но ее всюду уже осуждали; поднимались речи о других, более действительных средствах к смягчению грубых бурсацких нравов, чем телесные наказания прежнего времени, о “внедрении,” как выражалась семинарская инструкция митрополита Платона, в учениках “благородного честолюбия,” о возвышении в семинариях эстетического образования, об ослаблении грязных наклонностей к пьянству и прочее. Что касается до содержания духовных школ, то в 1764 г. для них в первый раз определены были штатные оклады постоянного характера, которые, как ни были малы, все-таки должны были спасать от многих прежних случайностей их существования. На все школы с 6000 учеников было ассигновано всего до 40000 р.; к 1784 г., когда число учеников дошло до 12 000, сумма оклада на школы поднята была до 77400 руб.; потом при императоре Павле она дошла до 182000 руб., но правительство распорядилось тогда открыть еще две новые академии, Петербургскую и Казанскую, и до 8 новых семинарий. На низкие школы окладов не было назначено, и они должны были поэтому содержаться на остатки от небогатых семинарских окладов. Самый высший семинарский оклад — ректорский простирался всего до 300 руб., учительский от 30 до 150 руб., на студента академии приходилось от 8 до 15 руб. в год. Понятно, что при таких малых окладах духовные школы по-прежнему продолжали нуждаться в сборах с духовенства и составляли предмет тяжелых забот для архиереев; множество бедных учеников архиереям приходилось содержать за счет и в ущерб церковной службы, посредством предоставления им церковных мест. Наконец, до последнего времени не было заведено общего управления духовными школами; оставаясь только епархиальными, архиерейскими учреждениями, они не имели ни взаимной между собой связи, ни общего устава,

ни определенных однообразных курсов, зависели во всем своем строе от воли и вкусов одних местных архиереев; академии, начинаясь с низших классов, как и семинарии, ничем почти не отличались от последних. В таком положении духовные школы просуществовали до самого преобразования их комитетом 1808 г. Всех их к этому времени было: 4 академии, 36 семинарий и до 115 низших училищ, с числом учеников, простиравшимся до 29000 человек.

Преобразование духовных училищ в 1808 г.

На основании комитетского проекта 1808 г. духовные школы, как известно, в первый раз были объединены под управлением комиссии духовных училищ в виде особого духовно-учебного ведомства, разделенного на академические округа, и получили общие однообразные уставы. Академии оставлены с одним высшим образованием для воспитанников, уже кончивших семинарский курс. Семинариям (по одной на епархию) предоставлено среднее духовное образование. Низшие училища — уездные (по 10 на епархию) и приходские по благочиниям (по 30 на каждую епархию) должны были разделить между собой труд низшего образования детей. Число всех школ на деле не достигло до предположенной цифры, — низших школ открыто всего до 300, академий оставлено пока 3, так как Казанская академия была в 1818 г. на время обращена в преобразованную семинарию с присоединением ее округа к московскому и открыта в предположенном виде уже в 1842 г.; но предположения относительно самой организации духовных школ были осуществлены вполне. В 1814 г. были изданы их уставы, написанные отчасти Сперанским, но главным образом Феофилактом. По своему общему характеру все духовные школы организованы были в виде сословных школ смешанного типа, с общеобразовательным и специальным курсами вместе. Образование в них по-прежнему сделано обязательным для детей духовенства; число их учеников при Александре I дошло до 46000. Курс низших школ имел общий элементарный характер, вследствие чего в эти школы дозволялось принимать учеников и из других сословий, кроме духовного. В семинариях, составленных из трех двухгодичных отделений, называвшихся по главным своим предметам риторикой, философией и богословием, последнее отделение имело специальный духовный характер. В академиях курс делился на два двухгодичных отделения — общеобразовательное и специально-богословское. Кончившим курс в духовных школах всех трех разрядов определены были известные служебные права. Студентов академии по окончании курса положено удостоивать ученых степеней кандидата и магистра и особых окладов по этим степеням (кандидатов по 250 руб. ассигн., магистров по 350), если они примут на себя свящ. сан; магистры в свящ. сане получали еще особые кресты. В 1814 г. комиссия духовных училищ удостоила в первый раз несколько духовных лиц степени доктора богословия — для докторов тоже были назначены особые оклады (500 рублей ассигн.) и докторские кресты. На содержание всех духовных школ назначено было 923 350 руб. в год, а с 1820 г. — до 1674120 руб.; оклады академий возвысились до 78 600 руб., семинарий до 20 000 – 31 000, уездных училищ до 2 000 – 2 650, приходских до 730 – 1 060 руб. Все школы пришли после этого в заметное оживление; повсюду поднялась стройка и перестройка их зданий; улучшилось содержание и учителей, и казеннокоштных учеников. Улучшению бурсацкого содержания, впрочем, много помешало то, что вследствие бедности духовенства училищные начальства должны были принимать на казенный кошт много бедных учеников сверх штата, причем на содержание их приходилось урезывать содержание штатных бурсаков; кроме того, низшие училища и теперь ничего не получили на содержание своих бурс, часто очень многолюдных, поэтому им тоже приходилось помогать из семинарских же окладов. Содержание своекоштных учеников осталось, разумеется, в прежнем виде. В 1836 г. последовала новая прибавка к училищным окладам в половину против прежних окладов, но

преимущественно в пользу личного состава духовных школ. В начале 1840-х годов произведены были некоторые изменения в уставах духовных школ: был увеличен штат их преподавателей и сделаны разные перемены в составе курсов, большей частью отрывочные и случайные, бывшие плодом пожеланий разных высокопоставленных лиц и не соображенные с общей системой духовного образования. Вновь введены были науки — патристика, пастырское и собеседовательное богословие и, кроме того, очень разнообразные знания чисто практического характера, которые почему-нибудь признавались полезными для будущих пастырей церкви — сельское хозяйство, съемка и черчение планов, медицина и оспопрививание, иконописание; богословские предметы были распространены из высшего специального отделения, где они изучались цельной группой, на все низшие общеобразовательные классы, только путая курсы последних, а сами ничего от этого не выигрывая; философия для будущих пастырей церкви признана не нужной, и из нее в семинариях оставлены были только логика и опытная психология. Несмотря на все такие перемены, уставы Александровского времени в основных своих частях успели просуществовать до 1860-х годов, когда они признаны были уже устаревшими и задумана была новая реформа духовных школ.

Дальнейшие реформы духовных школ.

Потребность этой новой реформы была особенно ощутима в экономической части духовных школ, доходивших до положительного убожества. И в семинариях, и в академиях открылись такие дефициты, которых им никак невозможно было покрыть ни своими средствами, ни единовременными пособиями, какие им иногда отпускались. Казеннокоштные ученики голодали; здания училищ оставались без ремонтов; наставники уходили со своей службы при первой возможности даже на низшие должности по другим ведомствам, что весьма дурно отзывалось и на учебной части; в управлении духовных школ бюрократическая система духовно-учебного управления до крайности развила власть ректоров и смотрителей и довела весь основной учебно-педагогический состав заведений до полного безгласия, очень вредного для их общего дела. Новая реформа духовных училищ обсуждалась долго — с 1860 до 1866 г. двумя специальными комитетами, епархиальными архиереями, ректорами, академическими конфедерациями и даже современной печатью, чего раньше никогда не бывало при обсуждении такого рода вопросов. Дело преобразования особенно успешно двинулось вперед после того, как на помощь духовно-учебным заведениям выступило само правительство, ассигновав в пользу их казенное пособие в размере 1 1/2 миллиона руб. сер. В мае 1867 г. духовно-учебное управление было заменено духовно-учебным комитетом и утверждены новые семинарский и училищный уставы, а в 1869 г. устав академический. Администрация духовно-учебной части получила новый вид; она была сосредоточена в одном духовно-учебном комитете; академические округа были упразднены, и академии освобождены от несвойственных им административных забот. Во внутреннем управлении духовных школ проведены начало самоуправления и начало выборное. Первое выразилось в особом устройстве академических, семинарских и училищных правлений, педагогических собраний и академических советов; второе в выборном характере всех должностных лиц, кроме ректоров академий. Академии, сверх того, получили нечто вроде факультетского самоуправления, будучи разделены каждая на три специальных отделения с тремя помощниками ректора во главе и с особым кругом дел, решаемых на отделенских собраниях. Таким образом, во всех делах духовно-учебных заведений заинтересованы сами не одни только их начальства, но и все вообще члены их учебного и педагогического состава. В делах семинарий и училищ призвано было к участию и местное духовенство, получившее право и обязанность выставлять из своей среды в их правления определенное число выборных членов-депутатов. Учебная часть семинарий и

училищ организована была с более стройным распределением предметов общеобразовательного и специального курсов, хотя некоторые богословские предметы и теперь еще смешаны были с общеобразовательными в низших классах, а классическим языкам дана не столько общеобразовательная, сколько специальная постановка, подавлявшая занятия всеми другими, даже богословскими предметами; для сокращения семинарского курса из него выпущены были библейская история, учение о богослужебных книгах и патристика, но зато обширнее поставлено преподавание философии. Важным нововведением и в семинарском, и в академическом курсах было введение в них изучения педагогики, при котором имелось в виду ближайшее участие духовенства в деле народного образования. В основу академического образования положено было начало специализации наук, для чего последние были разделены на три отделения, на которые студенты записывались по желанию; общеобязательных наук оставлено было немного. Специальное образование от этого много выиграло, но, вследствие общей слабости в наших средних заведениях образования общего, в специальном академическом образовании стала замечаться такая же односторонность и узость, как в университетском факультетском, отчего скоро снова возник вопрос об увеличении круга общеобязательных наук в академиях. Самой благотворной стороной новой учебной реформы было возвышение духовно-училищных окладов, прекратившее прежнее бедственное состояние духовных школ. Для усиления средств духовного ведомства с 1870 г. свечной сбор с церковью был заменен процентным со всех церковных доходов, по 10-21% с каждой церкви. Через 15 лет в 1884 году последовала новая реформа духовных школ. Уставы, вышедшие в этом году, остаются действующими доселе. К числу важнейших событий в истории духовных школ за последнее время относится новое возвышение окладов и пенсий по духовно-учебному ведомству в 1894 году.

Нельзя не упомянуть здесь о размножении в последнее время новых школ для образования духовных девиц, на которое прежде мало обращалось внимания. Начало этим школам было положено в 1843 году ведомством Императрицы Марии — первое училище за счет этого ведомства было открыто в Царском Селе; за ним стали открываться другие — в 1845 году в Солигаличе, вскоре переведенное в Ярославль, в 1853 — в Казани, в 1854 — в Иркутске, в 1860 — в Вильне и Пензе, в 1861 г. в Киеве и т. д. С 1860-х годов, с возбуждением в среде духовенства сословной самодеятельности, по епархиям начали заводиться епархиальные женские училища, содержащиеся на суммы самого епархиального духовенства. Они имеются уже в значительном большинстве епархий, служа не только к подъему образования в духовных семействах, но и к подготовке лучших учительниц для церковно-приходских школ.

Ученые труды по богословским наукам и известнейшие писатели: св. Димитрий Ростовский.

Усиление духовного образования сопровождалось усилением духовной письменности. В первое время, когда духовные школы только что заводились, вся духовная письменность, за немногими исключениями, была в руках киевских ученых. В Великороссии более всех из них пришелся по душе св. *Димитрий Ростовский*. Он был родом из киевских пределов, родился в 1651 г. в благочестивой семье казацкого сотника Саввы Туптала, учился в киевской академии, впрочем только до риторики включительно; в 18 лет постригся в Киеве в монашество и, поселившись в Чернигове, вскоре прославился как отличный народный проповедник; затем, по приглашениям, он служил проповедником в разных монастырях в Вильне, Слуцке и в Батурине; с 1684 г. он жил в самом Киеве, трудясь над составлением своих Четьих миней. Это бессмертное произведение, стоившее ему 20 лет усиленного труда (первая четверть вышла в 1689 г., вторая — в 1695 г., третья — в 1700 г., последняя — в 1705 г.), доставило рус-

скому благочестию неистощимый источник спасительного чтения, а автору дало такую все-российскую известность, какой никто из церковных писателей не имел ни до, ни после него. За Четьи mineями второе место в числе его произведений занимают его проповеди, отличающиеся благочестивой задушевностью и замечательно изящным и вместе с тем народным церковно-славянским языком. В 1701 г. Петр вызвал его из Малороссии и назначил митрополитом в Ростов. Кроме проповедничества, он должен был заняться здесь полемикой против раскола и написал “Рассуждение об образе Божиим в человеке” и “Розыск о брынской вере.” Из исторических трудов его, кроме Четьих mineй, известны “Руно орошенное,” — сказание о чудесах от Черниговской иконы Богоматери, “Летопись от начала миробытия” — свод библейской истории с гражданской, “Летописание” царей и патриархов, Каталог российских митрополитов, “Диариуш” — дневник за 1681-1703 гг. По богословию он написал “Вопросы и ответы о вере” и “Зерцало православного исповедания.” Благочестивая и полная христианской любви душа святителя любила изливаться в обширной переписке с друзьями и в духовной поэзии молитвенных размышлений, псалм, кант и мистерий, за которые церковь величает его духовною цевницею. Святитель скончался 28 октября 1709 г., а 21 сентября 1752 г. последовало открытие его мощей. В 1757 г. эти дни установлено праздновать во всей Русской церкви.

Более полными представителями главных направлений русского богословия времени Петра были *Стефан Яворский* и *Феофан Прокопович*. Первый был представителем старого латино-схоластического типа богословов киевской школы, учившихся по Фоме Аквинату и Беллярмину. Люди реформы, тронутые протестантским духом, даже прямо обвиняли его в наклонности к католичеству и в папешском духе. Полным выражением его богословского направления может служить его “Камень веры” — сочинение вполне православное, но действительно не чуждое некоторых увлечений его латинскими образцами как по внешней форме, так и по некоторым оттенкам в самых взглядах на разные вопросы, например, на отношения между церковью и государством, на пределы религиозной терпимости, на церковную обрядность, религиозные предания и сказания и т.п. Теми же увлечениями объясняется и самая горячность его полемики против протестантизма. Даже его противораскольническое сочинение “О знаменьях пришествия антихриста” было составлено по сочинению латинского богослова Мальвенды и далеко не подходило к нашим раскольническим толкам об антихристе. В проповедях он был типическим представителем старого польско-киевского риторства и только сильный природный талант выручал его от странных крайностей этой риторической школы. Современники говорят, что силой своего слова он мог заставить слушателей и плакать, и смеяться, но живого отношения к эпохе у него мало заметно; держась более на отвлеченной высоте общих риторских сравнений, подобий и нравственных сентенций, он редко схватывал настоящие, живые черты петровской реформы и современных людей и нравов.

Феофан, напротив, был богословом-новатором и в догматике, и в проповедничестве, горячим врагом и схоластики с риторством, и латинства, почитателем преимущественно протестантских богословов. Богословская полемика его направлена вся против католичества, за исключением только немногих трудов против протестантизма, написанных еще в Киеве, каковы “Апология” киевским мощам и ответы на вопросы лютеранских богословов Печерскому монаху Михаилу Шию. Как Стефана подозревали в папешском духе, так Феофана, напротив, прямо обвиняли в протестантизме. Кроме известного доноса на него царю в 1718 г. против одного его сочинения (1712 г.): “Об иге неудобноносимом,” где была проведена мысль об оправдании верою без дела закона, Феофилакт Лопатинский написал сильное сочинение: “Об иге Господнем благом.” Обвинять его в неправославии было, впрочем, также несправедливо, как и Стефана. Влияние протестантских образцов выразилось у него лишь в очень тонких и неуловимых оттенках рассуждений, которые при нападениях на чистоту его православия он

каждый раз свободно и легко объяснял в чисто православном духе. Оттенки эти проявлялись, например, в его излишне резкой полемике против обрядового ханжества, упования на одни внешние средства ко спасению и дела внешнего закона, против суеверных преданий старины, отвержение которых его обвинители объясняли тем, что он по-лютерански верит в одно Св. Писание и отвергает Св. Предание, против ложных чудес и народных суеверий относительно чудотворных икон и св. мощей и т. д. К обвинениям такого рода он сам подавал повод слишком резким и сатирическим языком своих произведений. Писал он очень много и большей частью по поручению и мыслям самого царя. Кроме Регламента, он написал трактаты о начале патриаршества в церкви, об оставлении в России возношения имени патриаршего при богослужении, “О понтифексах и о том, могут ли христианские государи и в каком разуме нарецишь епископы,” “Объявление о монашестве” 1724 г., несколько увещаний к раскольникам, о браках с иноверцами, о достоинстве поливательного крещения, “Первое учение отроком” (Букварь), “О блаженствах против ханжей,” родословную роспись князей и царей, трактат об Амазонках, повесть о Кирилле и Мефодии, исследование о мифологии для перевода Аполлодоровой библиотеки о богах, предисловие к Морскому регламенту, “Правду воли монаршей” о наследии престола. Не говорим об его киевских лекциях по богословию в 7 больших трактатах, изданных уже при Екатерине II. После смерти Петра он описал его кончину, составил описание кончины Петра II и восшествия на престол императрицы Анны, написал “Христианское наставление младому отроку,” два религиозных разговора, “Наставление священнику о необычайном падении духовного сына,” рассуждение о безбожии, апологию книги Песнь Песней, “Показание великого антихриста,” которого он видел в папе. Проповеди его все имели практический, жизненный характер и самым близким образом касались современных событий и животрепещущих вопросов; постоянно впадая в публицистический и обличительный тон, он доказывал в них важность разных действий правительства, пользу современных войн, необходимость сношений с другими народами, уничтожения национальной замкнутости, пользу просвещения, вред суеверий, религиозных обманов, расколов и пр.

Борьба богословских направлений в начале XVIII века.

И тот и другой из этих первенствующих богословов имели ревностных приверженцев и подражателей, так что около них образовались две своего рода богословские школы, между которыми завязалась даже борьба. При Петре направление Феофана было господствующим и разные его почитатели старались подделаться под его тон, нравившийся самому царю. Направление же Стефана, осуждаемое Петром и признанное неудобным, могло проводиться и господствовать только в стенах духовных школ, в киевской и московской академиях; в последней его поддержали и надолго утвердили ректоры Феофилакт Лопатинский и Гедеон Вишневский. О такой розни между русскими богословами было известно даже за границей, и на востоке и на западе. Завязав связи с Европой, Россия сделалась заманчивой добычей для западного прозелитизма. Зная религию в формах только своих вероисповеданий, католичества или протестантства, запад не мог себе и представить, чтобы новая европейская держава могла оставаться при своем, неевропейском христианстве; там писались особые сочинения о том, к католичеству или протестантству пристанет Россия, и собирались всякие сведения о ходе ее религиозных дел и о характерах церковных деятелей. Католики рассчитывали на Стефана, протестанты на Феофана. В 1717 г. католические богословы парижской Сорбонны предложили царю соединение церквей. Ответы на это предложение, конечно отрицательные, по поручению царя писали Стефан и Феофан; отправлен был ответ Феофана, и неудачу свою католики приписали именно тому, что дело это попало в руки Феофана, а не Стефана. По учреждении Синода с таким же предложением к Русской церкви обратились епископы церкви

Англиканской, потерпевшие еще раньше неудачу на востоке; узнав об этом, восточные патриархи, слышавшие о господстве в России протестантских симпатий, поспешили прислать в Св. Синод (в 1723 г.) грамоты с приложением изложения веры в 18 пунктах патр. Досифея и с увещанием непоколебимо пребывать в православии. Попытка Англиканской церкви кончилась так же неудачно, как и попытка Сорбонны, хотя Стефана, на которого можно было бы свалить эту неудачу, не было уже в живых, а Феофан был во всей своей силе. При преемниках Петра направление Яворского восторжествовало, что, как известно, стоило больших тревог и неприятностей Феофану. Самым сильным и опасным для него противником по учености оставался теперь Феофилакт Лопатинский, великий почитатель Стефана, называвший последнего батюшкой. После неудачного доноса на Феофана в 1718 г. он замолчал и не высказывался против несочувствующего ему богослова, по крайней мере открыто, до 1728 г.; в этом году, пользуясь переменой обстоятельств, он снова выступил открытым сторонником Стефана и противником Феофана, издав “Камень веры.” Вскоре тем же способом против Феофановского направления высказался и Киев с своей академией; там тоже вышло издание “Камня веры” с благословения архиепископа Варлаама Вонатовича.

Полемика из-за Камня веры и Феофилакт Лопатинский.

Камень веры для противников Феофана был чем-то вроде знамени, около которого и сосредоточилась борьба богословских направлений. На него же обратили внимание и заграничные богословы, рассчитывавшие на привлечение России к своим вероисповеданиям. Воспользовавшись ослаблением значения Феофана при Петре II, католичество немедленно открыло в России пропаганду из Польши. Парижская Сорбонна со своей стороны прислала в Россию ловкого агента, аббата *Жюбе*, чтобы завязать с русским духовенством сношения о соединении церквей. К тому же делу пристал живший в России при испанском посольстве доминиканец *Рибейра*, имевший много знакомств между противниками Феофана. Наклонность к католичеству обнаружилась в семействах самих верховников — Голицына и Долгоруких; Жюбе и явился в Россию под видом учителя детей княгини *Ирины Долгорукой*, принявшей за границей католичество. При таких обстоятельствах, как только Камень веры был издан, так протестантские богословы принялись его разбивать, а католические, напротив, защищать. В 1729 г. в Иене явилось с опровержением его “Письмо” Буддея, а Рибейра напечатал на это письмо “Ответ” в защиту Яворского. Издатель Камня Феофилакт и сам написал на Буддея “Апокрисис.” Но с воцарением Анны Иоанновны обстоятельства совершенно изменились. Рибейра и Жюбе исчезли из России за границу; католическая пропаганда подверглась преследованию. Об издании “Апокрисиса” нечего было и думать; нужно было бояться беды за издание и самого Камня веры, который немедленно был запрещен. Книга эта вместе с книгой Рибейры была приплетена к делу о латинской пропаганде в России и к политическим розыскам о недоброжелателях немецкого правительства. Запрещение снято с нее уже при императрице Елизавете. Около 1732 г. в публику пущен был против нее рукописный протестантский пасквиль “Молоток на Камень веры,” где Яворский прямо назывался папистом и иезуитом и с угрозами поносились все его приверженцы. Вскоре дело дошло и до “Апокрисиса” Феофилакта, который Феофилакт на всякий случай скрыл. Некоторые его приближенные, подпав под тогдашние розыски о разных запрещенных тетрадах, выдали своего доброго и доверчивого архипастыря и доставили копию Апокрисиса тайной канцелярии. В 1735 г. Феофилакт был арестован — участь его известна. Феофан достиг полного торжества в борьбе с противниками, но собрал на свою голову столько раздражения и ненависти, что самое это торжество надолго повредило его богословскому направлению. В обеих академиях затолковали об его еретичестве. Только несколько лет спустя после его смерти, когда раз-

дражение против него несколько улеглось, ученые богословы могли спокойнее отнестись к его богословской системе и справедливее оценить многие ее достоинства — ее большую откровенность от схоластики, более научный метод, основанный на внимательном изучении текста Священного Писания, церковной истории и археологии, более живую и естественную аргументацию. В 1740-х годах ей стали уже подражать сначала в Киевской, потом и в Московской академиях.

История исправления Библии до издания 1751 года.

Самой важной из всех богословских работ первой половины XVIII в. было исправление Библии, существовавшей все это время в неисправном издании 1663 г. и сделавшейся такой библиографической редкостью, что, например, в Малороссии, по словам святителя Димитрия Ростовского, ее трудно было найти даже по церквам. Первая мысль о новом исправленном издании ее принадлежала Иову Новгородскому, который собирался заняться им при своей семинарии; но указом 1712 г. Петр поручил это дело Феофилакту Лопатинскому и Софронию Лихуду со справщиками печатного двора, под наблюдением местоблюстителя Стефана. Исправления указано делать по тексту LXX; план их, впрочем, не был предварительно выяснен и указан. Исправители трудились добросовестно, но, кроме текста LXX, принимали во внимание и другие тексты греческие, еврейский и латинский по толковой Полиглоте, грамматические поправки вносили в самый текст, а более важные отступления от старого текста вписывали в особый реестр. Работу свою они закончили к 1720 г., потом снова ее пересматривали до 1723 г., когда последовало распоряжение Св. Синода об ее печатании. Но печатание это замедлилось за разными типографскими препятствиями, потом за смертью Петра и вовсе было оставлено. Уже через 10 лет, в 1735 г., по докладу Феофана, Св. Синод снова поднял это дело, когда Феофилакт был уже под судом. Положено было: печатание Библии перевести из московской типографии в Невский монастырь под смотрение Феофана, печатать Библию не по исправленному тексту, а по старому, отмечая поправки под строкой, и, по настоянию Феофана, предварительно пересмотреть всю работу Феофилакта и Софрония, так как они делали свои исправления, вопреки указу, не по одному тексту LXX, но и по другим, не вошедшим в церковное употребление (Акилы, Феодотиона, Симмаха, Вульгаты). Таким образом, дело прежних исправителей было порушено, и велено было переделывать его сызнова и по другому плану, придуманному Феофаном чисто теоретически. С половины 1736 г. во главе новых исправлений Библии поставлен невольский архимандрит *Стефан Калининский* и ревностно принялся за работу, сдавая листы новой Библии, по мере их исправления, на печатный станок. К половине 1738 г. Печатание дошло до кн. Товита и затем остановилось. Книга эта оказалась на славянском языке переведенною с Вульгаты, в которую “смотреть” было не велено, а дальше следовали и такие книги, которых в греческом тексте LXX вовсе нет; кроме того, печатание исправлений под строкой, за их множеством, совсем запугало и замучило наборщиков, могло затем спутать и читателей Библии. Стефан писал одно за другим донесения в Синод о том, как ему быть. В Синоде тоже пришли в затруднение и отмалчивались. Стефан так и не дождался ответа, потому что в начале 1739 г. посвящен был в епископа Псковского и отстал от работы по исправлению Библии. Уже в начале 1741 г. Св. Синод, по его же проекту, решил: где нужно, править текст Библии по Вульгате; печатание Библии перенести опять в Москву, поближе к академии; печатать ее в два столбца — в одном по старому, в другом по исправленному тексту; все напечатанное раньше оставить. Это был уже третий план издания Библии, но и он оказался после неудобным по громоздкости издания в два столбца. В Москве работа исправления была закончена архим. *Фаддеем Кокуйловичем* и префектом Московской академии *Кириллом Флоринским* к 1743 г., и Св.

Синод приступил к рассмотрению ее для печати. Императрица Елизавета торопила Синод, в 1744 г. в великом посте заставляла членов собираться для чтения исправленной Библии дважды в день, хотела для скорости издать ее по готовым уже исправлениям Феофилакта; но дело за другими занятиями Святого Синода подвигалось медленно и, вместо Святого Синода, пришлось поручить его особой комиссии только под наблюдением Синода. За недостатком людей скоро составила и эта комиссия. До 1747 г. работал над Библией только один знающий человек, учитель Московской академии иеромонах *Иаков Блонницкий*. Наконец, в этом году решено было вызвать на помощь ему двоих учителей из Киевской академии, где священная филология находилась тогда в цветущем состоянии, насажденная в академии замечательным знатоком языков *Симоном Тодорским*, учеником знаменитого профессора (в Галле) Михаэлиса. Вызваны были иеромонахи *Варлаам Ляцевский* и *Гедеон Сломинский*, которым и суждено было закончить многолетнюю и сложную работу — Блонницкий работал с ними только до 1748 г. В общем плане они ближе всех прежних комиссий сошлись с первой комиссией Феофилакта — стараясь держаться ближе к старому славянскому тексту, они принимали в расчет, кроме текста LXX, и другие тексты греческие, латинский и еврейский, по которым составлен старый славянский перевод, вновь перевели с греческого книги Товита и Иудифь, 3 Ездры исправили по Вульгате, сделали много новых исправлений, перечислили все исправления в особой рукописи и отчасти в предисловии к Библии с историей всего исправления и снабдили свой труд краткими изложениями содержания каждой библейской книги. Наконец, в 1751 г. новая Библия была напечатана по одному только исправленному тексту и пущена в продажу по 5 р. Нужда в ней так была велика, что за первым изданием скоро понадобились другие (1756, 1757, 1759 гг.).

Известнейшие представители богословской науки и проповедничества во 2-й половине XVIII в.

Со времени императрицы Елизаветы началось быстрое оживление духовной литературы, при императрице Анне совсем подавленной. Оживилось проповедное слово, разразившееся обличениями прошедшему тяжелому времени и восхвалявшее Елизавету. Лучшими ораторами этого времени были Амвросий Юшкевич, Димитрий Сеченов, Гедеон Криновский, ректор Троицкой семинарии Кирилл Флоринский, Стефан Калиновский, Симон Тодорский и другие. В Московской академии между тем на смену прежних ученых из малороссов готовилось выступить на поприще церковной науки и проповеди новое поколение ученых великороссов. В 1750-х гг. в академии впервые раздалось и тогда уже увлекательное слово молодого учителя *Петра Девшина*, после митрополита Платона, который был тогда назначен своим академическим начальством говорить публичные катехизические поучения.

Как при Петре в начале истории духовного просвещения мы встречаем имя святого Димитрия, так при Екатерине во главе церковных учителей стоит имя другого святого отца Русской церкви, святителя *Тихона* (Соколова, 1724-1783), епископа Воронежского. Сирота после бедного дьячка Новгородской епархии, призренный при новгородской семинарии, святой Тихон вынес из своего нищего и голодного детства самое близкое знакомство с бытом бедного народа, сердечную любовь к низшей братии, редкую среди современной ему пышной иерархии простоту жизни и общедоступность и сделался самым народным архиереем своего времени. Его сочинение “Об истинном христианстве” в 6 частях навсегда останется образцом высокого богословствования в самой общедоступной форме и притом чуждой всякой школьности и глубоко сердечной. Таковы же его другие сочинения “Сокровище духовное, от мира собираемое,” его проповеди, письма, увещания к пастве и духовенству и творения аскетические для иноков. В 1787 г. Святой Синод составил из его нравственных назиданий целый сборник для

чтения в церквях “Наставление о собственных каждого христианина должностях.” Замечательно, что св. Тихон один из первых учителей церкви возымел мысль о переводе Св. Писания на русский язык и сам переводил Псалтирь и Новый Завет, но постеснялся издать эти переводы, опасаясь церковного соблазна.

В систематических трудах по богословию и в школьном преподавании во второй половине XVIII в. господствующей системой была система Прокоповича. Ему же следовала весьма распространенная система того времени (*Orthodoxa orientalis ecclesiae doctrina de credendis et agendis*) *Феофилакты Горского*, ректора Московской академии (1770-1774), потом епископа Коломенского (+ 1788). При Екатерине в первый раз изданы были в печати и самые лекции Прокоповича; издателями их были: *Дамаскин Руднев*, один из воспитанников Московской академии, посылавшихся в 1766 г. учиться за границу, после бывший ректором академии, затем епископом Нижегородским (+ 1795), и *Самуил Миславский*, митроп. Киевский (+ 1796), во время своего ректорства в Киевской академии (1761-1766) и сам составивший догматику — нечто вроде сокращения и дополнения системы Феофана. Лучшими богословскими системами были: система *Гавриила Петрова* (в рукописи) и “Сокращенная христианская богословия” *Платона*, изданная в 1765 г. на русском языке и переведенная после на языки латинской, греческий, армянский, грузинский, немецкий, французский и английский; важное значение имели и его три катехизиса — краткий для детей, катехизис в беседах для народа и катехизис для священно и церковно-служителей. Появление подобных трудов на русском языке и преподавание на том же языке богословских уроков в некоторых духовных школах дало сильный толчок развитию русской богословской науки, до сих пор связанной и затемненной латынью. В начале XIX столетия (1802 г.) вышло в свет *Compendium Theologiae* киевского ректора (1803-1807) *Ириней Фальковского*, признанное по своей отчетливости лучшим руководством для духовных школ. Немало являлось за то же время богословских сочинений и в других родах: а) по изучению Св. Писания — толкования на разные библейские книги митр. *Гавриила*, *Ириней Клементьевского* Псковского (+ 1818), просвещеннейшего архипастыря своего времени и замечательного филолога, “Симфония на Св. Писание” иеродиакон *Германа и Модеста* (1773), “Приточник Евангельский” *Сильвестра Лебединского*, “Руководство к изучению Св. Писания” *Амвросия Подобедова* (1799), принятое во всех семинариях; б) по пастырскому богословию — “О должностях пресвитеров” *Парфения Смоленского* (+ 1795); в) по литургике — “Новая Скрижаль” *Вениамина Румовского* Нижегородского (1803), долго бывшая учебником в семинариях, и ученое “Изъяснение литургии” *Дмитревского* (1804); г) по церковной истории — несколько важных трудов по местной истории разных епархий и монастырей *Георгия Конисского*, *Антония Зыбелина* Нижегородского, *Вениамина Румовского* Архангельского, потом Нижегородского же, *Самуила Миславского*, *Платона Любарского* и многих других; труды *Дамаскина Руднева* — “Сокращенная летопись по Нестору,” изд. на немецком языке в Германии (1771 г.), записки о религии чуваш, “Библиотека российская о всех книгах, в России изданных от начала типографии” и Словарь четырех инородческих языков Нижегородской епархии; московского протоиерея *Петра Алексеева* “Начертание истории Греко-Российской церкви” и “Словарь еретиков и раскольников” (рукоп.); *Мефодия Смирнова* Псковского “История первых веков христианства” (1805) и “О флорентийском соборе,” наконец “Краткая Российская церковная история” (1805) митроп. *Платона* — первый систематический курс, долго служивший руководством в духовных школах. С конца XVIII же столетия начали появляться первые труды знаменитого русского историка и археолога *Евгения Болховитинова*: “Жизнь св. Тихона Воронежского” (1796), “О древнем богослужебном пении и особенно пении Российской церкви,” “Описание Воронежской губернии”(1800), исследование о папской власти (1800), “Историческое изо-

бражение Грузии” (1802), “О соборах Российской церкви” (1803), “О духовборцах” и “Историческое обозрение духовных училищ,” напечатанное в I т. Истории Российской иерархии.

На поприще церковной проповеди прославились: митр. *Платон*, оставивший после себя более 600 слов и речей, кроме того, часто говоривший проповеди изустно, *Георгий Конисский*, *Анастасий Братановский*, митр. *Гавриил*, *Иннокентий Псковский*, *Дамаскин Руднев*, *Самуил Миславский*, *Амвросий Подобедов*, *Феофилакт Русанов*, *Михаил Десницкий*, в Киеве знаменитый проповедник из белого духовенства, протоиерей *Иоанн Леванда*. Св. Синод и епархиальные начальства для усиления церковной проповеди завели для ученого духовенства очередное сказывание проповедей в соборах и обязательное число проповедей на каждый год. Для неученых священнослужителей Св. Синод издал два сборника готовых проповедей на воскресные и праздничные дни (1775) и на каждый день года (1781).

Известнейшие представители духовной науки и проповедничества в XIX столетии.

Преобразование духовных школ еще более оживило духовную науку и церковное ви­ тийство. В первое время по преобразовании главными деятелями на поприще проповедничества оставались еще питомцы старой духовной школы, — викарий Платона *Августин*, *Амвросий Протасов* Тульский, потом Казанский и Тверской (+ 1831), ученый *Иринея* Фальковский, оставивший до 1300 проповедей, и другие. По русской истории самым капитальным трудом был совместный труд ректора новгородской семинарии *Амвросия Орнатского* (после епископа Пензенского, — + 1827) и *Евгения*: “История Российской иерархии” в 6 частях (1807-1816 гг.) — необходимая справочная книга, давшая прочное основание последующим трудам по русской церковной истории. Евгений до конца жизни занимался своими археологическими и историческими работами, посвящая свои труды преимущественно собиранию материалов, разработке первоисточников и всякого рода каталогизации. Одно время в начале своей деятельности он принимался было за составление полной систематической русской церковной истории, но, вероятно увидав, что за такой труд еще рано приниматься, оставил его в рукописи недоконченным. Во всех епархиях, где он служил: в Новгороде, Вологде, Пскове, Киеве — везде он изучал местные архивы, собирал сведения об иерархах, монастырях, святынях и составлял обо всем заметки, каталоги и цельные исследования. Так, появились его “Разговоры о древностях Новгорода,” материалы для истории вологодской иерархии, святых и монастырей, статья о пермских древностях, “История княжества Псковского,” “Летопись Изборска,” “Описание Киево-Софийского собора” и Киево-Печерской лавры и другие; много лет он работал над составлением своих знаменитых “Словарей российских писателей”^{*} светских и духовного чина. Он вел обширную переписку и сношения почти со всеми русскими учеными и библиографами, и с известным тогдашним меценатом русских ученых графом *Н. П. Румянцевым*. Его заметками о Кормчей пользовался в своем “Обозрении Кормчей” барон *Розенкамф*. В числе обработанных им древних памятников были грамоты кн. Мстислава Юрьеву монастырю, История кн. Курбского, Хождение Даниила и другие. Ученые общества, университеты, академия наук наперерыв приглашали его в число своих членов. Сперанский считал его в свое время первым русским историком, как Филарета первым русским богословом и проповедником.

Филарет Московский.

Более полувека удерживал за собою это первенство богословского и проповеднического авторитета. После учебных преобразований, в должности ректора академии и члена комис-

^{*} “Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина,” 1818, 1827 исп. и доп. и “Словарь российских светских писателей,” 1845.— *Прим. ред.*

сии духовных училищ, он был одним из главных руководителей духовного образования. В 1814 г. им была составлена подробная систематика или “Обозрение богословских наук.” Из академических трудов его получили классическое значение его толкование на 67 псалом и “Записки на Книгу Бытия” и “Начертание библейской истории.” Из последующих трудов известны его “Изложение разностей между восточной и западной церквами,” “Разговоры между испытующим и уверенным о православии Греко-Российской церкви,” “Беседы к глаголетому старообрядцу” и особенно его Катехизисы, на которых воспитывались в религии все молодые поколения русских людей с 1820-х годов до последнего времени. Его слова и речи, по глубине и силе своего богословского содержания, по высокому истинно церковному красноречию, крепкой диалектике, сжато, но художественному языку, представляют, можно сказать, высшую степень развития проповедного слова, назначенного для образованного и несколько мыслящего общества, а его письма, мнения и резолюции, изданные после его смерти — неисчерпаемый запас мудрости и советов не только для духовных, но и для светских администраторов и разных практических деятелей. Одновременно с “Начертанием библейской истории” Филарета, по поручению комиссии духовных училищ, другим ученым богословом, ректором петербургской семинарии *Иннокентием Смирновым* составлено было “Начертание церковной истории с библейских времен до XVIII в.,” сделавшееся на долгое время тоже классической книгой для духовных школ. Кроме этого труда, Иннокентий оставил после себя еще прекрасное “Богословие деятельное”; известен он был и своим теплым и симпатичным проповедничеством. Трудясь над церковной историей, он надорвал свое здоровье и умер от чахотки в 1819 г., всего 35 лет от роду, вскоре после своего назначения епископом в Пензу.

Первые курсы преобразованных академий выставили из своей среды несколько замечательных духовных писателей по разным специальностям. Так, из первого курса Петербургской академии вышли математики *В. Себржинский*, автор руководства к алгебре, и *С. Райковский*, автор руководства к геометрии; филолог и экзегет протоиерей *Герасим Павский*, доктор богословия, профессор богословия в университете и законоучитель в семействе Государя Николая Павловича, известный как автор классической еврейской грамматики и “Филологических наблюдений над составом русского языка” и участник в переводе Св. Писания на русский язык (+ 1863); протоиерей *Иоаким Кочетов*, написавший “Черты деятельного учения веры” (1824) и “Начертание христианских обязанностей,” профессор *Ирод. Ветринский*, издавший (1829-1844) 6 томов “Памятников древней христианской церкви” по Бингаму; ректор Московской академии архим. *Поликарп*, догматист и составитель латинской хрестоматии, по которой учились латыни много духовных поколений до учебной реформы 1860-х гг.; наконец, известный наш святитель, ревнитель миссионерского дела, доктор богословия *Григорий Постников*, преемник Филарета по ректорству, с 1825 по 1860 г. последовательно служивший на кафедрах Калужской, Рязанской, Тверской, Казанской и Петербургской; в печати изданы: несколько его академических лекций по догматике, проповеди, “День святой жизни,” “Жития казанских чудотворцев” и “Истинно-древняя Христова церковь” против раскола; он известен также, как основатель нескольких духовных журналов — в Петербурге “Христианского чтения” (с 1821 г.), “Духовной беседы” (с 1858 г.) и отчасти “Странника” (с 1860 г.), в Казани “Православного Собеседника” (с 1855 г.). Из II курса той же академии вышел доктор богословия *Иоанн Доброзраков*, архиепископ Донской, автор “Свящ. Герменевтики” (на лат. языке), из III — протоиерей *Иоанн Григорович* (+ 1653), воспитывавшийся за счет графа Румянцева, автор ученого “Опыта о посадниках новгородских,” “Сведений о жизни св. Митрофана,” “Известия о храме Христа Спасителя XII в.,” издатель Переписки пап с российскими государями, сочинений Георгия Конисского с ученой его биографией, Исторических актов России (I и II тт.) и Актов западной России (I—IV тт.).

Первый курс Московской академии дал ученых профессоров — философа протоиерея *Феодора Голубинского* (+1854) и математика прот. *Петра Делицына* (+ 1863), известного по редактированию творений отцов на русском языке при академическом журнале. По философии известны еще труды бакалавра Московской академии, потом профессора богословия при казанском университете архим. *Гавриила Воскресенского* (+ 1849): История философии в 6 тт., Философия права и Описание опытной психологии.

Первый курс Киевской академии дал России знаменитого витию *Иннокентия Борисова* (1800-1857), которого ставили в свое время рядом с Филаретом Московским. Кроме множества проповедей, после него остались часть его оригинальных лекций по богословию в Киевской академии и несколько исторических сочинений: “Последние дни земной жизни Иисуса Христа,” “Жизнь апостола Павла,” “Жизнь святого Киприана Карфагенского,” “Историческое обозрение богослужебных книг,” “О начале христианства в Польше.” Из II курса Киевской академии вышел *Анатолий Мартыновский* Могилевский, доктор богословия (+ 1872), известный своими проповедями и борьбой против католичества, автор книги “Об отношениях Римской церкви к другим церквам и ко всему роду человеческого.”

В 1846 и 1848 гг. из Киевской академии вышли первые системы двух новых богословских наук, долго служившие единственными руководствами в духовных школах: система гомилетики профессора *Я. Амфитеатрова* (+ 1848) и система церковного права — “Записки по церковному законоведению” протоиерея *И. Скворцова* (+ 1863). В том же 1848 году в Киеве вышло учебное руководство по догматике архимандрита *Антония Амфитеатрова*, доктора богословия, после архиепископа Казанского (+ 1879); в 1851 году он издал еще составленную им I часть пастырского богословия; по своей незаконченности, это руководство не пошло в ход и вскоре было заменено пастырским богословием (1853) доктора богословия архимандрита *Кирилла*, после епископа Мелитопольского (+ 1866).

С 1840-х же годов в духовной литературе стали появляться труды самых плодотворных наших духовных писателей — *Филарета Гумилевского* из воспитанников Московской академии, епископа Рижского, потом Харьковского и архиепископа Черниговского (+ 1866), и *Макария Булгакова* из киевской академии, бывшего последовательно архиереем Винницким, Тамбовским, Харьковским, Литовским и, наконец, митрополитом Московским (+ 1882). Литературная производительность их была весьма разнообразна. После первого, кроме проповедей, остались в печати: 1) История Русской церкви в 5 выпусках и сокращение ее в одной книжке; 2) Историческое учение об отцах церкви в 3 частях (1859); 3) Обзор русской духовной литературы в 2 частях (1859); 4) Исторический обзор песнопевцев Греческой церкви (1860); 5) Русские святые в 12 книжках с ученой обработкой их житий (1861-1865); 6) Святые подвижницы восточной церкви; 7) Историко-статистическое описание Харьковской епархии (1852-1858); 8) так же Черниговской (1861-1873); 9) Объяснение на послание к Галатам (1862); 10) Учение евангелиста Иоанна о Слове (1869); 11) Система догматики (1864). Митрополит Макарий, кроме слов и речей, напечатал: Историю Киевской академии, Историю русского раскола старообрядства (1855), Введение в православное богословие и полную систему догматического богословия (1847-1852) — труд совершеннейший из всех, какие до него являлись, и сокращенное руководство для семинарии (1868), Историю христианства в России до святого Владимира и Историю Русской церкви в 12 томах, составившую крупную эпоху в разработке этой науки.

Из других архипастырей, современников этих самых главных ученых сил в русской иерархии, выдавались своими учеными трудами *Нил Исакович* Иркутский и Ярославский (из Петербургской академии, + 1874), монголовед, автор ученого исследования о буддизме, оказавший большие услуги христианскому просвещению сибирских инородцев переводами на монгольский язык богослужебных книг; *Платон Фивейский* (+ 1877), автор нравственного

богословия, которое долго было учебником в семинариях (с 1854 г. до выхода руководства прот. С. Солярского 1860-1864); *Иоанн Соколов Смоленский* (+ 1869), доктор богословия, канонист, автор “Опыта церковного законоведения” и многих статей по этой науке, кроме того, известный церковный оратор — в конце 1850-х гг., во время своего ректорства в Казанской академии, он первый осмелился касаться вопросов общественной жизни с церковной кафедры и сделался, можно сказать, основателем этого нового общественного рода церковной проповеди за последнее время; другой известный канонист несколько позднейшего времени *Алексий Литовский* (+ 1890), еще во время своего профессорства в Московской академии оказавший важные услуги церкви разработкой вопроса о церковном суде в противодействие предполагавшейся в 1870-х гг. либеральной реформе этого суда; доктор богословия *Хрисанф Ретивцев* Нижегородский (+ 1883), представитель нового исторического метода в богословии, автор исследований: “Религии древнего мира” в 3 частях, “Характер протестантства” и др., хороший проповедник; *Порфирий Успенский* Чигиринский (+ 1885), ученый исследователь востока, археолог и литургист; *Михаил Лузин* Курский (+ 1887), автор толкований на Евангелия и Деяния, получивших особенно важное значение для духовных школ; *Никанор Бровкович* Одесский (+ 1890), доктор богословия, представлявший в своем лице редкое соединение глубоко философского и богословского ума с живым ораторским и поэтическим талантом, известный, кроме своих увлекательных проповедей, раскрывавших недуги современной жизни, многими учеными трудами по полемике против папства и раскола, по истории и философии; *Феофан Говоров*, бывший Тамбовский (+ 1894), своими сочинениями оказавший неоценимые заслуги развитию православной аскетики и хороший толкователь Св. Писания.

Кроме наших архипастырей, на проповедном и литературном поприще подвизалось множество лиц из духовенства и из наставников духовных школ. Нельзя не вспомнить, например, заслуг ректора Московской академии, историка, археолога, библиографа протоиерея *А. Горского*, протоиерея *М. Богословского* — автора истории Ветхого и Нового Завета, протоиерея *Ф. Сидонского* — философа, *Иродиона Путятина*, создавшего новый, народный род проповеди, прославившихся своими историческими трудами профессоров *И. Чельцова*, *М. Кояловича*, *И. Чистовича* и многих других. Особенно сильное оживление в духовной литературе началось с 1860-х гг. с появлением новых духовных журналов, затем с начала 1870-х гг. после преобразования духовных школ. Но тут начинается следующий период ее истории...

Библейское общество и перевод Библии на русский язык.

Одной из наиболее важных заслуг XIX столетия для христианского просвещения народа был перевод Св. Писания на русский общепонятный язык. Дело это началось с царствования имп. Александра I, когда в России было основано библейское общество, поставившее себе задачей самое широкое распространение Библии между всеми народами России на их природных языках. Общество это возникло в начале 1813 г. в подражание такому же британскому библейскому обществу в Англии и по предложению английских методистов *Патерсона* и *Пинкертонна*, нарочно явившихся за тем в Петербург. На первых порах они предложили правительству через князя Голицына издавать и распространять библейские книги только между живущими в России инородцами и иностранцами и только на их языках. Государь и кн. Голицын отнеслись к их предложению весьма сочувственно. Государь сам лично записался в члены общества с ежегодным взносом в 10 000 руб. и с единовременным в 25 000. Кн. Голицын принял на себя звание президента в административном комитете общества. После этого в члены общества поспешили записываться все чиновные, сильные и богатые люди как в столицах, так и в провинциях, и дела его быстро пришли в самое блестящее положение. Его

отделения и товарищества умножались с каждым годом и своею сетью охватили всю империю до отдаленнейших ее углов; его имущество, состоявшее в деньгах, домах, типографских принадлежностях, лет через 10 простерлось до 2 000 000 руб., несмотря на громадные расходы, какие оно щедрой рукой делало на печатание и на даровую раздачу своих книг и брошюр. Денежные пожертвования в его пользу лились рекой. Общество отыскивало на них нужных переводчиков и каждый год издавало новые переводы Библии и частей ее на разных языках в нескольких типографиях сразу (в обеих столицах, в Казани, Вильне, Астрахани и др. местах.), так что к 1825 г. общая цифра его изданий, более чем на 40 языках и наречиях, доходила до 876 000 экземпляров. В 1815 г. государь задал ему новую важную задачу “доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном российском языке.” Св. Синод поручил комиссии духовных училищ приискать для того переводчиков. Таковыми явились ректор Петербургской академии Филарет, профессора Г. Павский и архим. Моисей и ректор семинарии Поликарп. К 1818 г. они перевели все Евангелия, к 1819 — Деяния, к 1821 кончили весь Новый Завет, а в 1822 г. Псалтирь; все эти переводы разошлись чрезвычайно быстро в нескольких изданиях (Псалтири в один год в 12 изданиях) в громадном числе экземпляров. Перевод Ветхого Завета затянулся — в 1825 г. отпечатан был только первый его том (до кн. Руфь включительно), но и тот не был выпущен в свет за скорой кончиной государя и за последовавшим за тем закрытием самого общества.

Несмотря на высокую святость своей задачи, библейское общество имело много темных сторон, поспособствовавших его скорому падению. Прежде всего оно явилось в собственном смысле “делом от человек” и страдало многими отталкивающими человеческими слабостями. Воззвания его главного распорядительного комитета, состоявшего из правительственных и высокопоставленных лиц, везде принимались как административные циркуляры. Принимая их прямо к исполнению, все губернские и епархиальные начальства наперерыв спешили открывать у себя отделения общества и, став во главе их, начинали и сами рассылать такие же воззвания к участию в обществе уездным городничим и протоиереям, а эти через помещиков, исправников и благочинных далее — в сельские волости и приходы. После этого в Петербург тем же, только обратным порядком отовсюду шли пожертвования крайне сомнительной добровольности, требования книг и красноречивые известия о необычайном расходе библейских книг, даже между некрещеными инородцами, и о многочисленных примерах поразительного действия слова Божия на сердца человеческие. Благое дело с самого начала получило казенный характер и, кроме того, запечатлелось печатью своекорыстного ханжества и лицемерия. Далее, самый строй общества и господствующее направление его деятельности должны были отталкивать от него большинство людей, для которых дороги были интересы православной церкви. По примеру британского общества, оно поставило себе задачей издавать свящ. книги без всяких вероисповедных примечаний, изъяснений и прибавлений, чтобы устранить из своих изданий всякие вероисповедные особенности. Руководимое разными сектантами мистического направления, общество организовалось, как универсально-христианское, стоящее выше всяких частных церквей, представляющих якобы только узкие и искаженные частные формы единой универсальной “внутренней” церкви, в том числе выше и православной Греко-Российской церкви. Духовные лица сначала вовсе не допускались в состав библейского комитета, потом с 1815 г., когда в члены его были избраны некоторые архиереи, архимандрит и протоиерей, они допущены были к участию в его заседаниях, но наравне с представителями всех других христианских вероисповеданий. Издания библейские выходили в свет с одобрения только его собственных духовных членов, помимо Св. Синода. В заседаниях комитета говорились гордые речи о том, что общество сорвет наконец с Греческой церкви какие-то “обветшавшиеся пелены,” откроет ее заблуждения, оживотворит истинную веру и т.п. К обществу льнуло все, что только искало спасения вне церкви, и оно сделалось органом

всевозможных мистических сект. Кроме библейских книг, оно издавало и распространяло еще разные мистические книги и брошюры и наводнило ими все библиотеки, школы и все углы России, где только замечалась какая-нибудь склонность к чтению. При имп. Николае, по настоянию Шишкова и митр. Серафима, указом от 12 апреля 1826 г. общество было наконец закрыто с передачей всего его имущества Св. Синоду, и началось даже гонение на все, что его напоминало. Ревнители, к сожалению, смешали при этом с библейским обществом и собственно дело библейское, само по себе святое и спасительное. Уже совсем приготовленная к выпуску, I часть перевода Ветхого Завета была остановлена и положена под спуд. Этого мало — стали отрицать самую надобность перевода Св. Писания на русский язык, будто бы, по мнению Шишкова, совершенно негодный для выражения на нем высоких истин веры, представляющий собою язык простонародья, рынка, театра и могущий только профанировать Св. Писание. В 1826 г., когда митр. Филарет, шире всех смотревший на дело, завел в Синоде речь о продолжении перевода Св. Писания, митрополиты Серафим и Евгений решительно высказались против этого предложения.

Дальнейшая история перевода Библии на русский язык.

Мудрый святитель, однако, не оставлял своего убеждения в необходимости такого перевода и после 1826 г. С конца 1830-х годов стали появляться частные опыты русских переводов Св. Писания и, к великому негодованию митр. Серафима, прямо с еврейского языка, как в дни библейского общества. Первый опыт принадлежал перу известного алтайского миссионера Макария; выпуск его в свет был воспрещен. Настойчивость, с какой о. Макарий хлопотал об его напечатании, повела только к тому, что в 1841 г. сам переводчик за недостаток послушания был отослан на несколько недель на покаяние при томском архиерейском доме. Только лишь кончилось это дело, как в 1842 г. поднялось новое о другом переводе на русский язык учительных и пророческих книг Ветхого Завета протоиерея Павского, отлитографированном для руководства студентам Петербургской академии; перевод этот с еврейского же текста снабжен был разными пояснениями и примечаниями, в которых заметили даже рационалистическое направление. Дело это кончилось уже в 1844 г. определением Св. Синода изъять из употребления все экземпляры перевода; сам Павский подвергся келейному испытанию в чистоте своего православия и потерял должность законоучителя наследника престола. По поводу этого дела обер-прокурор Протасов и стал настаивать на упомянутой мысли о сообщении славянскому тексту Библии церковно-обязательного значения и об ограничении слишком свободного доступа к чтению Библии мирянам. Ему удалось склонить на свою сторону и митр. Серафима. Против перевода Св. Писания с еврейского языка на русский так же решительно высказывался и другой уважаемый член Синода, Филарет Киевский; он стоял за исключительный авторитет текста LXX и за неизменное сохранение славянского текста Библии, для удовлетворения же потребности мирян в понимании славянского текста считал достаточным издать его только с некоторыми пояснительными поправками, подновлениями и заметками на полях, как в Библии Елизаветинского издания. При господстве таких мнений митр. Филарет Московский вынужден был замолчать и ограничился пока только выяснением крайностей высказанных мнений и изложением своего собственного мудрого, осторожного и всестороннего мнения, которое он представил Св. Синоду в 1845 году под названием “Записки о догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого LXX и славянского переводов Св. Писания.”

В 1856 и 1857 гг., при новых обстоятельствах, мысль об издании русского перевода Библии поднялась снова. Во главе предприятия встал опять митр. Филарет Московский и с ним новый петербургский митрополит Григорий. Филарет Киевский и теперь был против русско-

го перевода; но его голос уже не был принят во внимание. Вскоре после его кончины в Св. Синоде в конце 1857 г. состоялось определение о разрешении перевода Библии на русский язык “для домашнего употребления и пособия к уразумению Св. Писания.” Перевод был поручен академиям и начат с Нового Завета. Митр. Филарет внимательно следил за работой переводчиков и пересматривал каждую ее часть; потом она рассматривалась и Св. Синодом. В 1860 г., с благословения Св. Синода, был издан перевод Четвероевангелия, а в 1863 г. всего Нового Завета. Перевод Ветхого Завета готовился по частям с 1860 г. частными изданиями трудов разных переводчиков и академии в духовных журналах и отдельных книгах. Для синодального издания он производился в особом комитете из профессоров Петербургской академии, но рассматривался конференциями и других академий. Окончательный его пересмотр принадлежал Св. Синоду и особенно членам его митрополиту Исидору и протопресвитеру *Бажанову*. В 1868 г. вышла первая его часть, а к 1875 г. четвертая последняя; в 1877 г. он был напечатан в полном составе Библии.

Борьба с вредными для веры западными влияниями: а) с религиозным вольнодумством.

Говоря об успехах и плодах духовного образования в новое время нашей истории, нельзя не обратить внимание и на отрицательную сторону этого предмета, на те невыгоды в постановке этого образования, которые постоянно вредили его благим плодам. Все русское образование первой половины XVIII века, как уже известно, имело узкопрактический, сословно-служебный характер, состояло в выучке только какому-нибудь специальному или сословному делу без предварительного общего образования. В видах, главным образом, лучшей постановки разных родов своей службы правительство заводило все только специальные — разные цифирные, навигационные, артиллерийские и другие школы, предоставляя общее образование молодых людей попечению одних их семейств. В таких же видах, для лучшей постановки церковной службы, велено было заводить и духовные школы, в которых сосредоточено было все религиозное образование. Таким образом, образование это, составляющее необходимый элемент всякого общего образования, сделано было образованием специальным, образованием одних духовных школ “в надежду священства” или, как потом стали его называть, поповским, без которого другие школы могли, следовательно, и обойтись. Оттого в этих школах изучению закона Божия вовсе не дано было места. Стремление поддержать религиозное образование в народе при Петре выразилось только распоряжениями правительства об издании катехизических книжек и об усилении церковной проповеди. При Елизавете в 1743 г. вышли еще распоряжения о том, чтобы родители обучали детей катехизису, под опасением штрафа в 10 руб., и чтобы при определении на службу молодые люди были испытываемы в знании краткого катехизиса. Дело религиозного обучения, таким образом, и теперь целиком отдавалось на попечение семейств. Во второй половине XVIII столетия осознана была потребность общего гуманного* образования, заговорили о воспитании, о создании “новой породы людей.” В новых общеобразовательных школах нашлось, наконец, место и закону Божию; но было уже поздно, — взгляд на него, как на предмет “поповский,” специальный, так и остался. Самые инструкции и уставы этих новых школ ослабляли его изучение, руководясь известными тогдашними опасениями, чтобы не заразить детей суеверием и фанатизмом: законоучителям не рекомендовалось распространяться пред учениками о чудесах, о ветхозаветных казнях Божиих, о страшном суде, о вечных муках и подобных предметах, а рекомендовалось внушать им преимущественно правила морали и естественной религии, да

* Гуманитарного.— *Прим. ред.*

толковать побольше о веротерпимости. Более серьезную постановку в светских школах закон Божий получил уже в царствования Александра I и Николая.

Не мудрено, что русское общество, подвергшись после реформы Петра разнообразным противорелигиозным влияниям с запада, оказалось совершенно беспомощным против их напора и колебалось от всякого ветра ложных учений. Прежде всего усилились в нем влияния протестантские от наезжих немцев. Протестантские насмешки над русской верой действовали на общество тем сильнее, что его религиозность доселе страдала крайне обрядовым направлением и множеством суеверий, которые падали при встрече с самой поверхностной цивилизацией, но, падая, роняли за собою и самую веру. Началось с пренебрежения постами, обрядами, с насмешек над духовенством, крестными ходами, сорокоустами, почитанием св. икон и т. д. Типичным выражением такого вольнодумства была ересь Тверитинова. Преследуя суеверия народа, само правительство нередко не могло удержаться при этом в должных границах: поднимало слишком строгие расследования о чудотворных иконах и мощах, наказывало галерами с вырезанием ноздрей и плетьюми разгласителей чудес, разоряло часовни, снимало с икон привесы, запрещало ходить с образами по улицам и прочее, чтобы не было, объясняли указы, порицания на православие от иноверных — старую простодушную религиозность, очевидно, старались прятать от посторонних глаз, стыдились ее. Образованное общество шло в этом отношении, конечно, гораздо дальше правительства. Систематического вольнодумства у него, впрочем, не было, вследствие еще крайнего его недомыслия; оно просто только выбилось из рамок своей прежней благочестивой жизни и распустилось, причем распушенность эта простерлась преимущественно на его нравственную жизнь. Этот первый период его религиозной порчи продолжался в течение всей первой половины XVIII в., и все это время пастырям церкви почти невозможно было и противодействовать этой порче, потому что она постоянно становилась под знаменем реформы, просвещения, соединялась даже с политикой и на слишком смелые обличения отвечала через застенки тайной канцелярии. Обличения такого рода в первый раз свободно раздались с церковной кафедры уже при имп. Елизавете. Благочестивое правительство выдало тогда несколько распоряжений для восстановления благочестия: о благоговейном стоянии в церквах, об исполнении долга исповеди и причащения, о приличном содержании церквей и св. икон, об усилении духовной цензуры и против отступничества от православия. Но зато в это же царствование начался другой, еще более опасный период религиозного вольнодумства, вошедший в полную силу при Екатерине II — вольнодумства философского.

На смену немецкому влиянию явилось влияние французское, а во Франции господствовала модная философия просвещения, проповедовавшая полную безрелигиозность и сенсуализм. Русское образованное общество стало воспитывать своих детей на французском языке с помощью французских гувернеров и, разумеется, в самоновейших идеях этой модной философии. Такое воспитание лишало человека не только любви к родине, к которой французские гувернеры внушали ему глубокое презрение, и благоговения к религии, которую представляли достоянием одной невежественной черни, но часто даже родного русского языка, так что и после, если бы почему-нибудь он вздумал снова обратиться к церкви, он уже не в состоянии был понимать ни русской церковной службы, ни религиозных книг, ни проповеди русского духовенства, не умевшего говорить по-французски, и для удовлетворения своих религиозных потребностей должен был обращаться к книгам французским, к духовенству католическому, к иезуитам и, возвращаясь к христианству, вступал уже не в православную церковь, а в католичество. Находились родители, которые принципиально не давали детям религиозного воспитания, запрещали у себя даже говорить о религии, а духовенство не пускали и на порог. Для дальнейшего образования молодых людей принято было посылать за границу, в Париж, где они еще более укоренялись в своем безрелигиозном и противонацио-

нальном развращении. Путешествия за границу и личные знакомства с представителями модной философии вошли между дворянством даже в обязательную моду. Фернэй, где жил идол века — Вольтер, сделался чем-то вроде Рима для этих поклонников новой философии, куда они считали долгом являться на поклонение своему новому папе в каждую свою поездку за границу. Многие вельможи, по примеру Екатерины, вели с философами переписку. Сочинения Вольтера, Дидро, Д'Аламбера и других были распространены во всех домах, претендовавших на образованность. Огромное большинство так называемого образованного класса, по своему недомыслию и невежеству, конечно, и теперь не могло изучать новых учений систематически, но оно отлично усваивало их направление, которое, как и всякое вообще направление, легко дается даже очень слабой голове, особенно же его отрицательную сторону, задорные кощунства, дерзкие выходки касательно бытия Божия, бессмертия души, святыни нравственных предписаний религии, самый пестрый сбор всевозможных отрицаний, надерганных откуда попало, хотя бы из взаимно противоречащих систем. А еще успешнее усвоились практические результаты французского сенсуализма — “яждь, пей и веселись.” На безумную роскошь проматывались целые состояния; пошли незаконные браки, похищения женщин, жизнь супругов в разделе, разводы; разврат, только слегка прикрытый условными светскими приличиями, являлся в обществе без стыда, как законное требование непогрешимой природы, как такая принадлежность цивилизованной жизни, которой никто не стыдится в самом Париже. Духовенство должно было оставаться безмолвным и против этого нового рода вольнодумства, потому что он оказывался не менее фанатичен, чем прежний, хотя и не пользовался для поддержания себя застенками тайной канцелярии. Это было вольнодумство просвещенное, выступившее под знаменем науки, философии; обличение его в глазах общества было унижительным суеверием, мракобесием, чуть не сумасшествием. Смиранных проповедников слова Божия никто не желал и слушать, да если бы кто и послушал, то для них же было бы хуже. Однажды за очень деликатное и кроткое увещание вольнодумца-дворянина получил от увещиваемого пощечину даже архиерей, великий святитель Божий Тихон Воронежский. Святитель сам же пал тогда в ноги обидчику, прося у него прощения за огорчение, и этим так сильно на него подействовал, что тот бросил свое вольтерьянство и сделался после того хорошим христианином. Дела о хуле на священные предметы и на религию само правительство почло нужным изъять из ведомства духовного суда и передать суду светскому. Опровержений вольнодумства в печати не допускала цензура. Фонвизин не мог издать перевода книги Клерка о бытии Божиим, потому что этого не пожелал обер-прокурор Синода Чебышев. Первые опровержения Вольтера и энциклопедистов стали появляться уже в 1790-х гг., когда против современных увлечений восстала, наконец, сама Екатерина ввиду грозных событий французской революции, доказавших, что игра в либерализм, которой утешались высшие классы, спустившись в народ, может иметь страшные последствия для них же самих. После этого в нашей печати и стали понемногу являться разные: “Вольтер изобличенный,” “Вольтер обнаженный,” “Вольтеровы заблуждения” аббата Нонота, “Средства против неверия,” “Торжество веры над неверующими” и т.п. книги. Правительство запретило ввоз французских книг, усилило наблюдение за книжной торговлей и цензуру, указало закрыть вольные типографии. Особенно строгие меры против вольнодумства предприняты были при Павле I; в 1799 г. при нем в первый раз установлена была особая духовная цензура, первый комитет которой находился в московском Даниловом монастыре.

Борьба с масонством и мистицизмом.

Одновременно с французским вольнодумством, как противодействие ему, развилось в обществе мистическое направление, сосредоточенное первоначально в масонских ложах, то-

же заимствованных с запада. Главными деятелями масонства при Екатерине были профессор университета *Шварц*, сильно действовавший против современного неверия своими лекциями, и журналист *Новиков*, старавшийся распространять в обществе религиозные идеи посредством издания религиозных книг и мистических журналов, развития книжной торговли и бесплатной публичной библиотеки. В 1782 г. устроилось “Дружеское ученое общество,” в котором приняли участие многие члены русского масонства; общество это задалось высокими просветительными и благотворительными целями — издавало религиозные книги, покровительствовало молодым талантам, заводило школы, больницы, помогало на огромные суммы бедным. Но, при всех своих заслугах, масонство само расходилось с церковью. Оно исповедовало не православную веру, а мистический теизм, чуждый всяких вероисповедных догматов, стремилось к мистическому слиянию с Божеством в высшей мудрости и нравственности помимо церкви, считая себя выше всех церквей; в него принимались на одинаковых правах члены всех вероисповеданий. Оно, правда, желало быть в мире с православной церковью, и даже избрало своим проректором митр. Платона, но церковь все-таки не могла признавать масонов своими чадами, хотя особенно твердо против них и не высказывалась, видя, что они все-таки несколько помогают ей против вольтерьянства. Против них действовало больше это самое вольтерьянство — чисто рассудочная философия XVIII в., сама по себе бывшая врагом всякий мистики и фантастики, кроме того, получившая от масонства прямой вызов на борьбу. Модная литература постоянно насмеялась над масонскими ложами, пользуясь для этого разными странностями их обрядности, похвальбами какой-то особенной, таинственной мудростью, склонностью к тайным наукам, к алхимии, магии, и множеством таинственностей, а часто и шарлатанства. Колко подсмеивалась над ними в своих литературных трудах и сама императрица. В 1785 г. масоны были заподозрены в сектантстве, и митр. Платону поручено было рассмотреть изданные ими книги. В отзыве об этих книгах Платон написал, что одни из них обыкновенные литературные, другие — мистические, которых он не понимает, третьи — сочинения энциклопедистов, самые зловредные для св. веры. Замечательно, что после такого отзыва запрещены были все-таки книги второго, а не третьего разряда. Наконец, своими таинственностями и сношениями с заграничными собратьями масоны навлекли на себя подозрения политические, и в 1791 г. ложи их были запрещены. Типографическая компания, как называлось тогда Дружеское общество, была закрыта, мистические книги обречены на сожжение, а в 1792 г. Новиков заключен в Шлиссельбургскую крепость. После смерти Екатерины масонство поднялось опять, благодаря расположению к нему имп. Павла; Новиков был освобожден, некоторые масоны (*Лопухин*) были приближены ко двору и облечены важными должностями. Еще более усилилось масонство во время библейского общества при Александре I.

После бедствий 1812 г. французомания с вольтерьянством сменились в обществе мистическими увлечениями. Кумир Вольтера был свергнут с пьедестала, и на место его поставлены были бози инии — разные Бэм, Эккартсгаузен, Юнг Штиллинг, г-жа Гион, Сведенборг, де Туа, Сен-Мартен и другие. Для руководства в чисто православной мистике у православной церкви были готовые и для всех доступные книги Макария Египетского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Симеона Нового, Нила Сорского, наконец, недавно изданный (в 1793 и 1811 гг.) сборник этого рода статей “Добротолюбие” ; но это были книги церковные, поповские, а интеллигентным мистикам нужен был мистицизм заграничный, последней европейской моды. Первыми деятелями мистического движения некоторое время продолжали оставаться масоны — *Лопухин*, написавший сочинение: “Некоторые черты внутренней церкви,” ценившееся наравне с сочинениями упомянутых западных авторитетов мистицизма, и *Лабзин*, издававший в 1806 и 1817-1818 гг. мистический журнал “Сионский Вестник.” Потом в 1813 г. все мистическое движение сосредоточилось в библейском обществе,

при содействии которого русская литература наводнилась целой массой мистических книг и брошюр, обязательно рассылавшихся по всем учебным заведениям, приходам, монастырям, книжным лавкам и прочим. Мистицизм еще высокомерно относился к православной церкви, чем масонство. Проповедуя непосредственное общение человека с Богом, универсальную, исключительно сердечную, субъективную религию без догматов и церкви, основанную на непосредственных озарениях от Духа Божия и вещаниях внутреннего Слова в духе человека, он отвергал все внешнее в религии, иерархию, таинства, обряды, даже обязательное учение внешнего, единственного истинного откровения и признавал одну “внутреннюю” церковь, не знающую никаких догматов, кроме догмата о возрождении и соединении человека с Богом, никаких разделений между своими членами и между разными вероисповеданиями, кроме разделения ветхого человека от нового, существовавшую, по учению мистицизма, от начала мира доселе во все времена и во всех религиях, мистериях и философских учениях. Мистицизм в лице сильных библейских деятелей покровительствовал всевозможным сектам и являвшимся из Европы учителям. Русские мистики совершали умную молитву с приезжавшими в Россию квакерами, окружали кафедры приезжих проповедников *Линдля* и *Госнера*, слушали мистическую пророчицу, остзейскую баронессу *Криднер*, восторгались учением духоборцев, братались и с хлыстами, распевая их песни и отплясывая на радениях в странном обществе некоей г-жи *Татариновой*. Мистическое увлечение сделалось какой-то повальной болезнью русского общества, отражалось и в литературе, и в искусстве, проникло в учебные заведения, в университеты, где своей враждой к “лжеименному разуму” едва не убило первых зародышей русской науки, отразилось даже в духовной литературе, например, в статьях Христианского чтения 1821-1823 гг. В некоторых салонах Москвы и Петербурга, у кн. С. Мещерской, известной изданием множества мистических брошюр, кн. А. Голицыной и других приверженцы мистицизма открыли собрания для “умной” молитвы и слушания разных экзальтированных проповедников. Большинство этого люда вовсе не понимало мистицизма, сумасшестввовало из одного подражания и от нечего делать, но это нисколько не мешало ему питать самое гордое презрение к “внешней церкви” и относиться с грубым фанатизмом ко всем несогласным, и особенно к своим обличителям. Во время двойного министерства Голицына за противодействие мистицизму был лишен должности некто *Смирнов*, переводчик медицинской академии, обратившийся к государю с просьбой о дозволении печатать опровержения на мистические книги. В 1818 г. духовный цензор, ректор петербургской семинарии Иннокентий восстал против Сионского Вестника и добился-таки его прекращения, затем пропустил в печать противомистическое сочинение некоего *Станевича* — “Беседа на гробе младенца”; министр страшно рассердился на него за такую дерзость и сделал комиссии духовных училищ грубый выговор за то, что цензор пропустил книгу, наполненную “защитой наружной церкви против внутренней, и противную началам, руководствующим наше христианское правительство.” Иннокентий был удален из Петербурга епископом в Пензу. Жертвой мистицизма был, как известно, и сам митр. Амвросий. Преемник его Михаил не сделался жертвой лишь потому, что после своей жалобы “на слепотствующего министра” вскоре скончался. Господство мистицизма прекратилось вместе с господством Голицына и библейского общества. При имп. Николае мистические книги отбирались из всех библиотек; для рассмотрения их был учрежден при Петербургской академии особый комитет, работы которого кончились изъятием некоторых более противных православию книг из обращения.

Царствование Николая I с начала до конца отличалось строго православным направлением и строгой цензурой, старавшейся предотвращать всякую открытую проповедь неправославных учений. Но учения подобного рода все-таки продолжали распространяться в обществе путями прикровенными. В конце 1830-х гг. и в 1840-х гг. представители науки и литературы, а за ними и образованное общество увлекались пресловутой философией Гегеля. В

1850-х и в 1860-х гг., с ослаблением цензурных строгостей, огромное влияние в обществе и в среде учащейся молодежи получили учения Конта и позитивистов, Фейербаха и крайних материалистов, затем учения социалистов и коммунистов. Но зато, вследствие того же ослабления цензурных строгостей и еще потому, что прежняя манера замалчивать неприятные общественные явления была теперь оставлена, означенные учения немедленно вызывали против себя открытый научный отпор в духовной, а отчасти и в светской литературе. Чуждые православной церкви влияния продолжают, впрочем, находить себе радушный прием в русском обществе и доселе. К счастью, все чуждые влияния касались только одних верхних слоев Русской земли с их наносной пылью и грязью, и почти совсем не проникали до грунтовых, народных ее слоев, так что последние еще сохранили свою натуральную неиспорченность.

Состояние религиозного образования народа.

Простой народ был обязан этим самому отделению от него высших классов, заживших среди него каким-то особым полу русским племенем; он сохранял целиком старую жизнь еще дореформенной Руси и относился ко всем представителям новой жизни с полным недоверием. Из просветительных забот правительства в XVIII веке его коснулись разве только заботы об искоренении суеверий, да и то в первой половине XVIII века не столько в видах чисто просветительных, сколько в видах политических. Всем образованием, какое только проникало в его среду, он обязан был одному приходскому духовенству, которое оставалось главным, если не единственным соединительным звеном между ним и образованными классами. Первые попытки к введению народного образования, весьма, впрочем, неудачные, видим при императрице Екатерине II, распорядившейся повсюду заводить для народа бесплатные общеобразовательные школы в тогдашнем культурном вкусе. Но народ отнесся к этим школам с недоверием и продолжал учить своих детей у прежних учителей, хотя и с платою. Возревновав за свои школы и за их “нормальный,” по тогдашним понятиям, метод, правительство стало теснить старых учителей, требовать от них свидетельств об изучении ими нормального метода и закрывать самые их школы, но достигло этим совсем нежеланных результатов: старинный и привычный источник народного образования действительно ослабло, а своих казенных школ все-таки не подняло и народными не сделало. В 1803 г. в указе “о введении наук в России” и в 1836 г. в указе об открытии народных школ при церквях и монастырях правительство снова заявило свое попечение об образовании народа, но пригласило на этот раз к содействию своему благому начинанию и духовенство. Дело пошло удачнее. Духовенство с сочувствием откликнулось на призыв и стало заводить приходские школы на свой собственный счет и в таком большом количестве, что совершенно спутало понятия всех гордившихся своим просвещением людей, которые привыкли толковать о невежестве, обскурантизме и своекорыстии “попов.” В последующее затем время обнаружилось, что самое сильное противодействие развитию народного образования встретило в крепостном праве. До уничтожения крепостного права народные школы только и держались в селениях удельных и казенных крестьян и встречали непреодолимые препятствия в селениях помещичьих, а единственными почти учителями в них были члены местных приходских причтов. При императоре Александре II, в эпоху уничтожения крепостного права, когда вопрос о народном образовании получил особенную, еще небывалую прежде важность, среди духовенства снова поднялось необычайное просветительное движение. Церковно-приходские школы открывались по епархиям целыми сотнями каждый год; духовенство жертвовало на них и временем, и последними удобствами своих тесных жилищ, в которые собирало учащихся детей за неимением особых зданий для школ, и даже деньгами на покупку учебных принадлежностей и на другие школьные расходы. С 1859 до 1865 г. открыто было свыше 21 400 новых приходских

школ исключительно одним духовенством. Образованное общество в 1860 г. тоже было возревновало о просвещении народа и стало заводить по городам воскресные школы, но приступило к этому святому делу с нечистым умом и сердцем; в 1865 г. правительство должно было закрыть эти школы, так как они сделались орудием для распространения в народе вредных идей. В 1867 г. они начали открываться вновь, но уже не обществом, а духовенством же при церквях и духовных семинариях.

Самоотверженная просветительная деятельность духовенства не нашла, однако, сочувствия в странной русской “интеллигенции” 1860-х годов. Печать заподозрила самое существование этих десятков тысяч неожиданно возникших школ и горячо затолковала и о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узости самой программы этого обучения (т. е. православно-религиозной) и проч. В министерстве же народного просвещения поднялся вопрос о подчинении всех народных школ министерскому ведомству. В 1862 г. состоялось Высочайшее повеление: приходские школы оставить в ведомстве духовенства, а министерству ведать школы, какие оно откроет само; но такое решение вопроса министерство не удовлетворило. Открывая свои школы, оно старалось войти в труд духовенства, присоединяя и его школы к своим. В этом помогали ему и его денежные средства, из которых оно помогало только тем приходским школам, которые присоединились к министерским, и его чиновники, начиная с попечителей округов, и мировые посредники — все люди новых убеждений, которые нередко прямо запрещали сельским обществам составлять приговоры об открытии новых приходских школ и собирать на них деньги. В 1864 г. против школ духовенства встали вновь открытые земства, мечтавшие об устройстве народных школ по европейским образцам, с новым — не религиозным, а “культурным” направлением, с новыми методами и новыми учителями, для приготовления которых предполагалось завести особые учительские семинарии и институты. Высказывая всяческое недовольство школьной деятельностью духовенства, в труд его стали входить и земства; приходские школы одна за другой были присоединяемы к числу земских, часто по желанию даже самого духовенства, которое видело в этом единственный способ доставить им хоть какую-нибудь материальную поддержку. Число подведомственных духовенству школ начало поэтому весьма быстро сокращаться; в начале 1880-х г. их осталось всего до 4 000 с небольшим. В 1864 г. для объединения просветительной деятельности всех народных школ учреждены губернские и уездные училищные советы из представителей ведомств и земств под председательством архиереев, но церковно-приходские школы не получили поддержки от этих советов, так как число разных руководителей народного образования, не сочувствовавших деятельности духовенства, оказалось в них преобладающим. Не нашли они такой поддержки и среди большинства вновь назначенных чиновников министерства, инспекторов (с 1869 г.) и директоров (с 1874 г.) народных школ. Все это не могло не отозваться дурно на усердии к школьному делу и самого духовенства. В министерских и земских школах оно очутилось в зависимости от светских лиц, предпочитавших ему своих светских учителей, в обидном пренебрежении и без помощи. Многие земства не желали оплачивать даже законоучительный труд священников, ставя этот труд в число обязанностей самого пастырского звания, другие назначали за него поурочную плату, и притом под контролем светских учителей школ, третьи определяли вознаграждение в форме только наград лучшим законоучителям — все вообще со своей культурной точки зрения считали нужным до минимума сокращать уроки по закону Божию на том основании, что этот предмет специальный и что крестьянские дети готовятся не во дьячки. Не мудрено, что духовенство не только перестало открывать новые школы, но стало уклоняться даже от законоучительства в светских школах. С 1871 г. Св. Синод вынужден был дозволить замещение законоучительских вакансий светскими лицами. Наконец, в 1874 г. и сами архиереи были отстранены от председательства в училищных советах; на место их председателями стали

назначаться предводители дворянства; духовенству же в губернских и уездных училищных советах предоставлено иметь только по одному депутату.

Духовное ведомство употребляло со своей стороны разнообразные меры к удержанию за собой влияния на народное образование, но при указанных обстоятельствах все эти меры оказывались безуспешными. Сюда относятся: многочисленные распоряжения преосвященных о том, чтобы духовенство не переставало заводить приходских школ и не бросало законоучительства в светских школах, введение в курс семинарий педагогики и учреждение при них образцовых школ, учреждение при церквях псаломщиков из кончивших курс семинаристов, с поручением им преподавания в приходских школах. Живая связь между церковью и народной школой видимо слабела. Сознание важности этой связи и необходимости для народного образования религиозных основ побудило правительство с 1882 г. снова обратиться к возвышению церковно-приходских школ. В 1884 г. вышло об этих школах новое положение, которое и положило начало новому текущему периоду народно-религиозного образования. Приходские школы и школы грамотности отданы в полное ведение духовенства; для управления ими учреждены епархиальные и училищные советы, а при Св. Синоде (с 1885 г.) центральный училищный совет. Число церковно-приходских школ опять стало возрастать, и к 1890-м гг. с 4500 дошло до 24 600. Еще с 1883 г. государственное казначейство отпускало в их пользу небольшие ежегодные суммы. В 1895 г. на содержание их отпущено было уже 700000 р., а с 1896 г. Высочайше повелено возвысить ассигновку этой суммы до 3 279 145 р., что дало, наконец, возможность придать церковно-приходскому образованию вполне приличную и стройную организацию.

Народное сектантство: хлысты и скопцы.

В своей обособленности от образованных классов народ особняком развивался и в религиозном отношении, не веря ничему, чему его желали научить люди этих классов, отстраняясь в иных случаях даже от самого народного из этих классов — духовенства. У него было свое православие, свои и ереси с расколами. Народное сектантство и раскол составляют поэтому только частную, хотя и самую важную, форму многостороннего общего разрыва между образованной по-новому и необразованной по-старому частями русского народа. Одной из самых страшных народных сект, начало которой уходит еще в XVII век, было *хлыстовство*, или ересь людей Божиих. Учение этой секты представляет собою своеобразную форму народного мистицизма, верящего в такое близкое общение человека с Божеством, которое совершенно уничтожает человеческую личность и делает человека полным воплощением Божества, сыном Божиим по природе, новым Христом. Ряд таких пророков-христов, которым люди Божии молятся и повинуются, как Богу, начинается с муромского крестьянина *Ивана Сулова* (получившего “божество” в 1649 г., + в 1716), и тянется до последнего времени. У христов этих были свои богородицы, апостолы и мироносицы. Отвергнув все церковные обряды и таинства, хлысты выработали в своих “кораблях” (обществах) свою собственную обрядность, которая состоит в песнях и “радениях” или плясках, имеющих большое значение для возбуждения духовного экстаза у всех вообще мистиков. Среди этих плясок “накапывает на них Дух,” и некоторые истеричные люди начинают пророчествовать. Официальные дела об этой ереси начались с 1733 года, когда хлыстовство было открыто в некоторых московских монастырях. Главные коноводы секты (две монахини и два иеромонаха) подверглись тогда смертной казни, другие сектанты, до 116 человек, наказаны кнутом и сосланы в Сибирь. Правительство не раз обнаруживало к ереси такое же строгое отношение и после, особенно в 1745-1752 гг., оттого еретики постоянно скрывали свои убеждения под покровом непроницаемой тайны. Ересь успела распространиться по всем внутренним губерниям, по

Волге, на Дону, на Кавказе и в Сибири. При Александре I, во время мистических увлечений, она получила полную безопасность; к ней пристало довольно много лиц даже из образованного общества, составивших целый корабль около полковницы *Татариновой* в Петербурге. Новые преследования хлыстов начались при имп. Николае. Нравственное учение секты основано на дуалистических идеях, на призвании тела злым началом в человеке; отсюда первыми правилами этого учения служат — умерщвлять плоть, не пить хмельного и не жениться. Последнее правило, однако, не исключало в их обществе разврата во время самых радений, кощунственно величаемого Христовой любовью.

Такая Христова любовь послужила главной причиной отделения от хлыстовства *скопцов*, которые, оставив у себя почти всю хлыстовскую догматику и обрядность, до крайности развили нравственное учение об умерщвлении плоти, требуя от всех оскотления. Основателем этой секты в половине XVIII столетия был орловский крестьянин *Кондратий Селиванов*, возмущенный хлыстовским развратом и основавший свой отдельный корабль. Он объявил себя сыном Божиим “искупителем” (т. е. оскотителем), пришедшим спасти род человеческий “от лепости” (сладострастия), крестить “огненным крещением” и “сокрушать душепагубного змия” (т. е. оскотлять). Личность его скопцы слили с личностью имп. Петра III, сына “приснодевы” имп. Елизаветы Петровны. Учение его первоначально распространялось в Тамбовской и Рязанской губерниях, но потом проникло всюду. При Екатерине Селиванов был сослан в восточную Сибирь, но при Павле I возвращен оттуда и посажен в дом сумасшедших, а при Александре I жил в покое и в большой чести в самом Петербурге. К скопчеству пристало здесь несколько лиц из образованных классов. В 1819 г. дознано было, что оно проникло в армию и что в него увлечены два племянника самого генерал-губернатора Милорадовича, — офицеры. Тогда против него приняты были, наконец, строгие меры. Селиванов был заключен в Спасо-Евфимиев монастырь, где и умер в 1832 г. При имп. Николае секта эта признана была самой вредной, что заставило ее окружить себя строжайшей тайной и лицемерием. Обе секты — и хлыстов, и скопцов — в корень извращающие все христианство, не могут быть в собственном смысле названы даже еретическими — это общества вовсе нехристианские.

Духоборцы, молокане и штундисты.

В половине XVIII столетия в южной России появилось общество *духоборцев*, основателем которого был казак *Силуан Колесников*; потом оно перешло в Тамбовскую губернию, где проповедниками его сделались одноверец *Побирохин* и беглый гвардеец *Капустин*. Духоборство выступило с безусловным отрицанием всей религиозной внешности во имя поклонения Богу духом и истиною. Отрицая не только авторитет церкви во всех его видах, но и всего почти внешнего откровения, ересь признала единственным источником веры “книгу животную” или слово Божие внутреннее, т. е. допустила полный произвол в делах веры. На основании внушений этого внутреннего слова еретиками принято понимать и внешнее откровение, Св. Писание, имеющее, по их мнению, только второстепенное значение пред внутренним. При таком произволе в делах веры духоборцы не развили у себя определенной догматики. Трудно сказать, верят ли они даже в истинного Христа, так как толкуют только о внутреннем слове, которое будто бы совершает внутри человека то же самое дело искупления, что и Христос, рождается в сердце верующего, проповедует, страдает, умирает и воскресает, а также — признают ли они первородный грех и искупление в христианском смысле, так как, по их словам, каждый отвечает лишь за свои собственные грехи, и грех Адама был только его личным грехом. Обрядность секты самая упрощенная, состоит только в чтении и пении некоторых песен, не имеет ни праздников, ни постов, ни обрядов на разные частные случаи жизни. Духоборчество распространялось первоначально в Тамбовской, Харьковской и Ека-

теринославской губерниях, затем перешло на Волгу, на Дон и в Сибирь. До Александра I духоборцев преследовали, отдавали в солдаты, ссылали в Колу и в Сибирь, потом они снискали себе особенное расположение у русских мистиков и у самого императора; им отведены были для поселения богатые земли на Молочных водах в Мелитопольском уезде, где они прекрасно устроились. При Николае I переселения их сюда были прекращены и их стали ссылать на Кавказскую пограничную линию. Секта их была отнесена к числу “более вредных.”

Как из хлыстовства выделилось скопчество, так из духоборства выделилось *молоканство*. Основателем его был зять Побирохина портной *Семен Уклеин*, возмущавшийся непочтительным отношением духоборцев к Св. Писанию. Он признавал Св. Писание обязательным для христианина даже в ветхозаветных предписаниях обрядового характера, например, о запрещенных в пищу животных и т.п.; впрочем, последователи его стали толковать подобные предписания в таинственном смысле. В догматическом учении молокане отвергли равенство лиц Св. Троицы и истинность тела Христова, считая Его рождение, страдания, смерть и воскресение только мнимыми. Учение о христианском равенстве всех доведено ими до отрицания всяких властей, а равно законов, судов, присяги и государственной службы, особенно военной. В богослужении они завели более сложную обрядность, чем духоборцы, лучшее пение и разные моления на частные случаи жизни. Скоро молоканство начало распадаться на разные толки. Признание обязательности ветхозаветных предписаний сделалось поводом к выделению из него сект субботников и жидовствующих, а докетизм в учении о Христе сблизил некоторых молокан с хлыстами, у которых они заимствовали и богослужебные радения (прыгуны на Кавказе), и породил между ними явления разных “Христов, Илий и Энохов”; некоторые (секта общих на Кавказе же) старались провести в устройстве своего общества принцип общения имуществ. Правительство всегда относилось к молоканству к числу сект вредных, но в царствование Александра I и они попользовались разными милостями, больше, впрочем, вследствие смешения их с духоборцами, а не сами по себе.

Все перечисленные секты немало воспользовались для своего учения разными мистико-протестантскими учениями, издавна бродившими на юге России, где было много иноверных колоний с запада. Во второй половине XIX столетия здесь же и по всей Малороссии быстро пошла в силу новая секта *штундистов*, обязанная своим происхождением и самим названием (*Stunde* — час) прямо влиянию немецких колонистов. В ней заметно даже политическое тяготение к немцам. Признавая единственным источником вероучения Св. Писание и толкуя его совершенно произвольно, большей частью аллегорически, штунда тоже дошла до полного отрицания иерархии и обрядов, в учении об искуплении приняла кальвинский детерминизм, в учении о таинстве крещения — анабаптизм с отрицанием крещения младенцев, в учении о причащении — чисто протестантские понятия о причащении “на Св. вечери” духовным телом и кровью Спасителя под видом хлеба и вина. Некоторые штундисты отвергают и эти два таинства. Богослужение штундисты устроили в форме общественных собраний, под управлением выборных старцев, учителей и служителей диаконов, для общего чтения и толкования св. Писания, пения особых стихов, часто прямо заимствованных у протестантов, и раз в месяц для преломления хлеба на священной вечери и причащения. С юга России штунда успела проникнуть и на север, и в последнее время сделалась предметом больших забот и огорчений для православной Русской церкви.

С 1874-1875 гг. явилась еще секта пашковцев, во главе которой встал полковник *Пашков*, проповедовавший протестантско-мистическое учение с голоса некоего лорда Редстока, английского проповедника, бывшего в Петербурге в 1874 г. Секта эта, впрочем, мало популярна. Также мало популярны недавно распространившиеся в “интеллигентных” кружках противохристианские идеи графа *Л. Толстого*.

Раскол старообрядства.

Более всех видов сектантства в народе распространялся и усиливался раскол старообрядства, более понятный и сродный обрядовому направлению народной религиозности. Внутренняя рознь в русском народе, возникшая в XVII в., когда одна часть народа отделилась от другой в раскол, обвиняя последнюю в измене старой вере и в “сложении с греками и униатами,” достигла высшей степени во время Петровской реформы, когда преобразованное общество “сложилось” еще с немцами. Раскол получил тогда необыкновенную силу в народе и сам дошел до высшей степени изуверства. Все действия Петра раскольники толковали применительно к разным признакам пришествия антихриста; в титуле императора (читали: император) усмотрели число 666, доказывали, что с учреждением Синода он принял на себя власть не только царскую, но и святительскую и Божию, стал истреблять остатки православия и учинил всенародное описание (ревизию), исчисляя живых и мертвых, дабы никто не мог укрыться от руки его. Раскол принимал окончательно противогосударственное направление, с которым государству непременно приходилось считаться. Государственный ум Петра, к счастью, довольно скоро разобрался в этом смешении религиозных понятий с государственными, и успел установить новые, более рациональные начала для определения отношений государства к расколу: он не стал преследовать раскольников за одни их религиозные мнения, а преследовал их только за одни их противогосударственные движения и выходки, и первый из русских государей дал им право гражданства, под условием только открытой записи в раскол и, в отличие от православных, лишения некоторых гражданских прав и двойного платежа подушного оклада. После этого (с 1714 г.) преследования правительства исключительно обратились против раскольников тайных, которые своим уклонением от записи в двойной оклад сами отрицались от государства, и против фанатических расколоучителей. Меры против тех и других были ничем не мягче мер, употреблявшихся в XVII в. против всего раскола вообще. Такой характер отношений к расколу удержался и при преемниках Петра в течение всей первой половины XVIII в. Духовная и гражданская власти впервые получили теперь возможность делать прямые воззвания раскольникам с приглашением к открытому разъяснению всех их недоумений в беседах с православным духовенством без всяких стеснений и страхов. Появились капитальные раскольнические произведения, в которых раскол откровенно высказался со всех более серьезных своих сторон, каковы сочинения братьев *Денисовых*: “Поморские ответы,” “История о отцах и страдальцах Соловецких,” “Виноград Российский.” Явились и солидные опровержения раскола в “Розыске” св. Димитрия, в “Пращице” сильного борца против раскола Питирима Нижегородского, который и сам происходил из раскольников, и в “Обличении неправды раскольников” Феофилакта Лопатинского (изд. 1745 г.).

Раскол, по-видимому, сам ослаблял себя внутренним разделением; внутри его и поповщинских и беспоповщинских толков шли постоянные споры о перекрещивании совращенных из православия, о приеме беглых попов, о браке, об отношении к правительству и молитве за царя, о титуле на кресте и т. д.; все эти споры вели к новому дроблению раскола на толки. Но такое разделение нисколько не ослабляло самого отделения раскола от господствующей церкви; всякий, и старый и новый толк, относился к ней с одинаковым фанатизмом. Не довольствуясь одними беглыми попами, поповщина старалась завести у себя свою собственную иерархию и делала несколько попыток сманить к себе какого-нибудь архиерея, хоть из-за границы, из Молдавии или Греции. Следствием этих попыток было появление в ее среде нескольких архиереев-самозванцев, каковы были: *Епифаний* на Ветке (1724-1735), обманом получивший сан архиерейский в Яссах и кончивший свои похождения обращением в православие по разорении Ветки русской военной силой; беглый дьякон *Афиноген* в Старо-

дубье (1751 года), не имевший вовсе сана епископского, поступивший после в военную службу к полякам, и беглый монах *Анфим*, получивший (1753 г.) заочное посвящение в епископы от Афиногена, в 1757 г. утопленный в Днестре некрасовскими казаками. Дробление на толки продолжалось в расколе и во вторую половину XVIII в., особенно по вопросам о приеме беглых попов, о мировании, браке и отношениях к церковной власти, но оно и теперь не помешало расколу воспользоваться для своего усиления власти всеми благоприятствовавшими ему новыми обстоятельствами.

Екатерина II отнеслась к раскольникам с той же веротерпимостью, как и ко всем вообще вероисповеданиям в империи; раскольников, бежавших за границу, она снова пригласила в Россию и отвела для их поселения хорошие земли (в южном крае и в Поволжье), на суеверия раскольников смотрела сквозь пальцы и старалась ничем их не тревожить; в 1783 году свобода веры была предоставлена раскольникам открыто — отменен был двойной с них оклад, отменены особые их списки и самое название “раскольник,” дозволено избирать их на общественные должности. Приниженный раскол заметно поднял голову. Кроме старых его средоточий — Поморья, Стародубья и Керженца, из воротившихся в Россию заграничных раскольников у него образовалось еще новое средоточие на Иргизе с богатыми скитами, в которых были не только часовни, но и церкви. Образовались большие раскольнические общины в самой Москве — поповщинская — Рогожское кладбище, и беспоповщинские — Преображенское кладбище федосеевцев и Покровская часовня поморцев. В царствование Александра I раскол сделался еще сильнее и смелее. Московские общины достигли в это время замечательно цветущего состояния и полной независимости от полицейского вмешательства; около них, как бы волшебством, возникли целые улицы и кварталы, фабрики и другие промышленные заведения, все наполненные раскольниками и беглыми; Рогожское кладбище поставляло от себя беглое священство на всю Россию. В 1822 г. государь дозволил поповцам открыто держать беглых попов и содержать часовни и церкви — не строить их только вновь. Надзору полиции с 1820 г. поручены были только беспоповцы (федосеевцы), между которыми обнаружены были явления разврата и детоубийства; кроме того, их снова не велено было выбирать на общественные должности. Но снисходительное отношение к расколу имело и добрые плоды — оно послужило сильным побуждением к появлению в раскольнической среде первых начатков примирения с православной церковью в форме *единоверия*, начавшегося в конце XVIII в. в Стародубье и на Иргизе. Главными деятелями при введении единоверия были стародубский монах *Никодим*, иргизский *Сергий*, протоиерей охтенской церкви в Петербурге *Андрей Журавлев* (из раскольников) и митрополиты Гавриил и Платон; последний написал и самые правила единоверия, утвержденные в 1800 г. Св. Синодом. При Александре единоверцам дана была даже особая типография для печатания богослужебных книг в старинном виде как для себя, так и для раскольников.

Новые строгости против раскола начались при имп. Николае. Раскольники опять были лишены прав на общественные должности и на запись в гильдии; общества их признаны незаконными; крещение и браки между раскольниками признавались только тогда, когда были совершаемы в православных церквях; запрещено строить и починять их молитвенные здания; публичное оказательство раскола и его пропаганда воспрещены безусловно. В 1842 г. Св. Синод распределил все раскольнические и другие секты на 3 разряда, с которыми и сообразовались потом все гражданские против них меры: 1) секты вреднейшие: иудействующие, молокане, духоборцы, хлысты, скопцы и беспоповцы, отвергавшие молитву за царя и брак; 2) вредные — те из беспоповщинских, которые допускают брак и молитву за царя; 3) менее вредные — поповщинские. В таком положении раскол оставался почти до последних снисходительных к нему постановлений 3 мая 1883 г., предоставивших раскольникам полные гражданские права и свободу веры только с небольшими необходимейшими ограничениями.

Православной церкви предоставлено действовать против него только духовными средствами — полемикой, развитием против раскольнического миссионерства и публичными беседами, открывшимися еще с 1870-х годов.

Из событий во внутренней жизни раскола замечательно возникновение у поповцев так называемой Австрийской иерархии. После отмены прежнего дозволения раскольникам держать беглых попов раскольнический собор в Москве в 1832 г. порешил непременно добыть себе особого архиерея и собрал на этот предмет богатые средства. После многих странствий поповщинские ходоки в 1846 г. наконец нашли такого архиерея. Это был лишенный кафедры боснийский митрополит *Амвросий* живший в большой нужде в Константинополе. Он согласился перейти к раскольникам за 500 червонцев годового оклада. Кафедрой для него назначен был раскольнический монастырь в Белой Кринице (в Австрийской Буковине); его заставили торжественно отречься от Никоновских ересей, перемазали и немедленно приставили к делу хиротоний. Он митрополитствовал недолго; в 1848 году австрийское правительство, по представлению России, убрало его из Белой Криницы в заточение в г. Цилль, где он в 1863 г. и умер, присоединившись перед смертью снова к православной церкви. Но раскольническая иерархия была уже упрочена — он успел рукоположить двоих архиереев — *Кирилла* и *Аркадия Лысого*; потом Кирилл рукоположил *Онуфрия* и *Софрония* и сам был рукоположен ими в митрополита на место Амвросия, а Аркадий Лысый с Онуфрием рукоположили еще двоих архиереев — *Алипия* и *Аркадия Шапошникова*. Все эти архиереи получили себе в турецких и русских владениях епархии и расплодили свое раскольническое священство повсюду. Россия сначала разделена была на две раскольнические епархии — Симбирскую и Владимирскую, или Московскую; на первую в 1849 г. был поставлен некто *Софроний Жиров*, на вторую в 1853 — *Антоний Шутов*. Потом, лет за 12, открыт был целый десяток таких русских епархий с многочисленными паствами. Учреждение австрийской иерархии, как и следовало ожидать, повело к новому разделению в расколе: поповщина разделилась на приемлющих и не приемлющих эту иерархию. Затем первые в 1860-х годах, в свою очередь, разделились на две же партии — окружников и противокружников; поводом к их разделению послужило так называемое Окружное послание ко всем раскольникам, изданное несколькими епископами и раскольническим советом в 1862 г. с целью оправдать украденную у православной церкви иерархию и написанное поэтому в примирительном духе в отношении к православию.

Главой формой примирения раскола с православной церковью в течение всего XIX в. оставалось единоверие. В царствование имп. Николая единоверие было введено на Иргизе (в 1828 и 1836 гг.), на Керженце (с 1849), в Стародубье (в 1847-1848 гг.) и в самой Москве на Рогожском и Преображенском кладбищах (в 1854 г.); единоверческих церквей за это царствование было построено до 150 в разных губерниях. Из обращений в единоверие раскольников за последнее время замечательны обращения в 1865 г. раскольнических епископов *Онуфрия* Браиловского, *Пафнутия* Коломенского, *Сергия* Тульского, в 1867 — *Иустина* Тульчинского и беспоповца *Павла Прусского*, сделавшегося замечательным защитником православия и борцом против раскола.

4. Богослужение и жизнь христианская.

Исправление некоторых богослужебных чинов и последований и составление новых служб.

Исправление богослужебных книг продолжалось и в Синодальный период, хотя с меньшей энергией, чем в XVII в., при отделении раскола от церкви. В числе важнейших обязанностей Св. Синода Регламентом было поставлено: а) рассмотреть акафисты, молебны и службы, составленные за последнее время, особенно в Малороссии, противные Писанию, и непристойные запретить, употребить меры, чтобы и пристойные из них, но ненужные не вводились в общий закон и напрасно совести человеческой не отягощали; б) рассмотреть истории святых, нет ли между ними ложных, вроде жития Ефросинова; в) искоренять обряды и обычаи суеверные, вроде празднования пятницы в Стародубском полку, где под именем пятницы водят в крестном ходу простоволосую бабу, и проч. Подобного рода исправления при Петре производились очень энергично, иногда даже не совсем разборчиво, и возбудили много неудовольствий в среде благочестивых людей, а приверженцам старины давали повод к лишним толкам о гонении на православие. Но потом, особенно со второй половины XVIII столетия, в этом важном деле стали поступать с большей осторожностью. Из богослужебных чинов и последований были пересмотрены и исправлены: Чин присоединения раскольников (в 1720 г.), Чин избрания и рукоположения архиерейского (в 1725 г.), Чин принятия иноверцев и еретиков (1743-1744 гг.), Последование в неделю православия (Гавриилом, изд. в 1761 и 1767 гг.), Чин на умовение ног (1765), Чин мироварения (1767), обе Триоди (игуменом Софронием Младеновичем, + 1773), Чин архиерейского исповедания и обещания пред рукоположением и Чин присоединения иноверцев (митр. Филаретом в 1856 г.). Несколько служб и акафистов было составлено вновь, например служба о Полтавской победе (Феофилактом Лопатинским в 1709 г.), Служба Феодоровской иконе Богоматери (1777 г.), Чин исповедания (митр. Гавриилом 1766 и 1796 гг.), Чин исповедания отроком (Иннокентием Псковским — 1769 г.), Служба с акафистом Стефану Пермскому (1799), акафист св. Алексею (1802), акафисты преп. Сергию и кн. Даниилу (митр. Платоном — 1795 г.), Службы Феодосию Тотемскому, евангелисту Иоанну, Димитрию Ростовскому (кн. Гагариным — 1798 г.), благодарственное молебствие на 25 декабря (митр. Филаретом 1814 г.), Служба свв. Кириллу и Мефодию, св. Владимиру и другие. По принятому порядку, во избежание всяких неисправностей в богослужебных книгах, в книгах Св. Писания и в Кормчей, все эти книги издаются не иначе как с разрешения Св. Синода в синодальных и подведомственных Синоду типографиях — московской, петербургской и в лаврских — киевопечерской и почаевской.

Новые праздники.

Появление новых богослужебных произведений большей частью соответствовало увеличению числа праздников в воспоминание новых благодеяний Божиих и в честь новоявленных русских святых. К первому разряду новых праздников относятся: дни победы русского оружия, как например, победы Полтавской и избавления России от нашествия галлов 1812 г., дни воспоминаний о прекращении моровых язв (чумы 1771 г., холеры 1830, 1848 и 1849 гг.), ознаменованные местным празднованием и крестными ходами; к второму — дни кончины и открытия мощей св. угодников, каковыми за описываемое время были: день памяти св. Димитрия Ростовского — 28 октября — и день открытия мощей 21 сент. (Служба ему написана киевским митрополитом Арсением Могилянским); 28 янв. память преп. Феодосия Тотемского (+ 1568), мощи которого были открыты нетленными в 1796 г.; 26 ноября память св. Иннокентия Иркутского, мощи которого были открыты и прославлены чудесами еще в 1764 г., а празднование установлено в 1804 г.; 23 ноября и 7 августа в честь св. Митрофана Воронежского, установленные для празднования по открытии его мощей в 1831 г.; 13

августа в честь св. Тихона Воронежского, торжественное открытие мощей которого совершилось в 1861 г.; 9 сентября в честь св. Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского (+ 1696 г.), открытие мощей которого последовало в 1896 году. К числу таких же новых богослужебных дней относятся: праздник перенесения при Петре Великом (30 авг. 1724 г.) мощей св. Александра Невского из Владимира в Александро-Невскую лавру и праздники славянских первоучителей (11 мая) и св. вел. кн. Владимира (15 июля).

Наблюдение за иконописанием.

Со времени Петровской реформы обращалось немало внимания на улучшение важнейших принадлежностей богослужения — св. икон и церковного пения. Для надзора за иконописцами Петр Великий в 1707 г. учредил целый приказ, во главе которого был поставлен архитектор и иконный мастер *Зарудный*. Потом цензура икон поручена была Св. Синоду. При имп. Елизавете издан указ о заведении возможно приличных икон, а также священных сосудов и облачений по всем церквам; неискусно написанные иконы велено отбирать; правительство обратило внимание на приличное содержание икон и в частных домах, даже в крестьянских избах, и поручило наблюдать за этим духовенству и епархиальной власти. Над иконописцами велено было поставить из лучших мастеров смотрителей. Религиозные эстампы дозволено продавать только с разрешения архиереев. Св. Синод не раз выдавал распоряжения: отбирать из церквей неискусно написанные иконы, не употреблять в церквах икон резных и литых, кроме распятий и некоторых лепных изображений на высоких местах, не изображать на иконах, вместо священных лиц, символы, не допускать в иконописные цехи раскольников, не изменять в древних церквах иконописи и других предметов старины. Печатные изображения подчинены надзору духовной цензуры. В 1858 г. в академии художеств положено учредить для образования иконописцев особый класс. Около того же времени у нас начал выработываться особый стиль иконописи, представляющий соединение иконописи по византийским и древнерусским образцам с приемами живописи и отличающийся большей правильностью рисунка и колорита.

Распоряжения о церковном пении.

Церковное пение стало усовершенствоваться особенно со времени имп. Елизаветы, большой его любительницы, заведшей у себя при дворе превосходный хор. Но в XVIII в. его церковному характеру много повредило подражание западным образцам и светской музыке. До половины XVIII в. в нем все еще сильно было начавшееся при царе Алексее малороссийское влияние, которое, несмотря на обилие в нем западных элементов, было все-таки еще довольно родное и церковное. Но с половины XVIII в. придворная капелла попала в руки разных итальянских и немецких композиторов, которые своими концертами и другими композициями увлекли и русских регентов. Развитию подобного вкуса в церковной музыке особенно много способствовал пышный век Екатерины, при которой русское городское богослужение повсюду наполнялось чисто светскими оперными мотивами. В сельских церквах в богослужении замечался другой недостаток — плохое знание и искажение причетниками самых обыкновенных церковных напевов. В 1772 г. Св. Синод принял меры к ограждению церковного пения от дальнейшей порчи — издал в печати первые нотные книги — Азбуку, Праздники и Обиход, а в 1798 г. Ирмолой. При имп. Павле вместо концертов велено было петь в церквах псалмы. С 1804 г. епархиальные начальства для обучения церковников правильному пению вызывали их, по желанию государя Александра I, по очереди в свои епархиальные города. Св. Синод с своей стороны распорядился, чтобы богослужение в церквах отправлялось по напевам печатных нотных книг, и сделал нотное пение обязательным пред-

метом в духовных училищах. В 1815 году рукописные ноты разных непризванных композиторов были запрещены, а велено петь только по печатным нотам, одобренным директором придворной певческой капеллы. Концертный период церковной музыки все-таки продолжался и после этого до царствования Николая I, при котором концерты были вовсе запрещены. В 1846 году вышли распоряжения — для сохранения древних напевов переложить их на ноты директору капеллы, а для обучения регентов для архиерейских хоров вызывать в капеллу лучших из этих хоров певчих. Из русских духовных композиторов лучшими были: *М. Березовский* (+ 1777), который первый начал исправлять искажения, введенные в церковное пение разными Галуппи, Сарти и другими иностранцами, и оставил после себя полную литургию, много причастных и концертов, отличающихся большею простотой и согласием музыки с текстом; *А. Ведель* (+1806), писавший в умиленном духе (известное “Покаяния отверзи ми двери” его произведение); *Д. Бортнянский* (+1825) и протоиерей *П. Турчанинов* (+1856), произведения которых и доселе в большом употреблении; управлявший придворной капеллой *А. Львов* (+1871), известный переложениями церковных напевов на 4 голоса. Но и эти русские композиторы не могли совершенно отделаться от многих чуждых православной церкви приемов, на которых были воспитаны, не исключая Львова, который работал по правительственному поручению и которому прямо было поставлено задачей очистить церковное пение от всего иноземного. Музыкальная бедность, скучная сухость и монотонность его переложений церковных мотивов, несогласие звуков с слоударениями и смыслом текста да и с самими церковными мотивами гласов служат причиной того, что любители церковного пения не любят его церковной музыки и безусловно предпочитают ей старинные церковные мотивы, сохраняющиеся особенно в наших древних обителях. В последнее время на изучение церковного пения обращено особенное внимание в духовных и народных школах.

Наиболее замечательные храмы.

Богат синодальный период и произведениями церковного зодчества. На этом искусстве долгое время тоже заметно отражались разные иноземные западные влияния. В устройстве русских храмов XVIII и начала XIX столетий видим и протестантские шпицы, и подражания католическим куполам, даже целому собору апост. Петра в Риме с его знаменитой колоннадой, и пестрые итальянские орнаменты наружных фасадов, которыми особенно отличались постройки Растрелли, и подражания римским базиликам с их фронтонами и тремя нефами и т.п. В царствование Николая I храмовая архитектура снова воротилась к византийским и древнерусским образцам, с 1841 г. сделавшимся даже обязательными при постройке всех церквей. Замечательные по величине и богатству храмы есть во всех важнейших городах России, но особенно известны ими наши столицы: Петербург — собором Петропавловским, который со времен Петра (строен 1711-1733 гг.) служит усыпальницей всех русских государей и лиц царской фамилии, собором Исаакиевским, строившимся в настоящем его виде 39 лет (1819-1858) и стоившим свыше 23 миллионов рублей, Казанским (1800-1811 гг.), хранящим в себе памятники побед 1812 г., и собором Александро-Невской лавры (1778-1790) с мощами св. Александра Невского; Москва — своим громадным храмом Христа Спасителя, построенным в память спасения России в 1812 г. и соединившим в себе работы всех лучших русских художников последнего времени; собор этот в 1817 г. решено было строить близ Москвы на Воробьевых горах, по проекту архитектора Витберга, с разными таинственно-символическими затеями в мистическом вкусе, но песчаный грунт Воробьевых гор не выдержал давления этой громадной постройки, и возведение ее остановилось; в 1837 г. храм начат на настоящем месте и в нынешнем византийском стиле, закончен постройкой и освящен в 1883 г. Кроме столичных храмов, достойны внимания: соборная церковь Воскресен-

ского монастыря (Нового Иерусалима), восстановленная в настоящем виде при имп. Елизавете и Екатерине II; киевские церкви — св. Андрея Первозванного (1747-1761), выстроенная по плану Растрелли и замечательная по красоте и смелости постройки на краю крутой горы, Десятинная (1828-1842) на месте старой Десятинной церкви в древнем стиле и новый, богатейший произведениями искусства собор св. Владимира, освященный в 1896 г.; другой собор Владимира в Херсонесе (освящ. 1891) на месте крещения равноапостольного князя; соборы в Варшаве (1877), в Вятке — постройки известного Витберга, в Орле (1794-1841), в Вильне (восстановленный), Риге (1877-1891), Самаре, Томске и многие другие. Общее число церквей в начале синодального периода значительно уменьшилось против прежнего времени вследствие Петровских церковных штатов, закрытия множества домовых церквей при домах частных лиц и запрещения строить и даже починять церкви без особого разрешения Св. Синода. В конце Петровского царствования всех церквей в империи, кроме домовых, считалось всего 13114. Распоряжения Петра о церквях оставались действующими и после него, даже при имп. Елизавете, но число церквей все-таки постепенно возрастало. Некоторые окраинные местности особенно нуждались в умножении храмов и вызывали на этот предмет щедрые пожертвования и правительства, и общества. Значительные вспоможения на дело восстановления и строения церквей были отпускаемы правительством и Св. Синодом после пугачевского разорения и особенно после нашествия французов в 1812 г. Затем по воссоединении унии правительство щедро помогало пришедшим в самое жалкое состояние храмам западного края, особенно с 1860-х гг., отпуская значительные суммы, даже в сотнях тысяч рублей, как на их восстановление, так и на построение новых, а из разных местностей России, благодаря патриотическому одушевлению общества, эти храмы снабжались денежными и вещевыми пожертвованиями. Такое же усиленное храмоздательное движение с 1840-х гг. и особенно в последние десятилетия возникло и в Остзейском крае. Вместе с разными обществами и частными лицами трогательное и назидательное участие в этом христианском подвиге принимали наши царствующие Особы и члены Высочайшего семейства. В 1859 г. в Петербурге организовалось особое “Общество вспоможения беднейшим церквям и монастырям” под покровительством Государыни. С 1864 г. важное участие в устройении благосостояния церквей получили возникавшие в разных местах церковно-приходские попечительства, которые, вместе с многочисленными церковными братствами, везде способствуют подъему и оживлению приходской жизни во всех ее отправлениях. Нельзя не упомянуть и о таких явлениях в современной истории церковностроительства, как построение храмов, часовен, икон в память событий, в которых открывалась милость Божия к нашему отечеству, в память освобождения крестьян, спасения от опасности Особы Государя Императора и пр., об усилившемся в последнее время обычае устраивать домовые церкви в учебных и благотворительных учреждениях и о начавшихся недавно опытах устройства церквей-школ. Церковное хозяйство в синодальный период получило более определенную организацию через учреждение при Петре I. должности церковных старост; учреждение это усовершенствовано в 1808 г., по случаю возбуждения тогда вопроса об экономических суммах церквей и установления правильного свечного сбора с церквей, причем для старост составлена была подробная инструкция (измененная в 1890 г.). Общее число церквей в империи к 1893 г. возросло до 46000 с 17 195 молитвенными домами и часовнями.

Меры относительно усиления церковного благочиния и народной религиозности.

Как и прежде, от духовного и светского правительства издавалось много распоряжений для поддержания благочиния в православном богослужении и возвышения общей народной религиозности. При Петре вышло несколько строгих указов о том, чтобы все православные

неопустительно ходили к богослужению во все воскресные и праздничные дни, кроме больных, под опасением быть в противном случае записанными в двойной оклад с раскольниками, чтобы во время самого богослужения вели себя чинно, не разговаривали, не ходили по церкви прикладываться к иконам или мощам, не подавали просьб властям и т.п. С нарушителей благочиния велено брать штраф, не выходя из церкви, для чего на видных местах в церквях повешены были штрафные ящики. Распоряжения эти повторены были при имп. Елизавете. При Александре I в 1804 г. Св. Синод, по желанию государя, указал духовенству наблюдать всяческую чинность в богослужении, особенно при свадьбах и крестных ходах, не допускать мирянам переходить в церкви с места на место, стоять в алтаре или на солее перед иконостасом и тем мешать священно служащим. В 1816 г. Высочайше повелено виновных даже в малейшем нарушении благочиния при богослужении, кто бы они ни были, предавать уголовному суду. В разное время подтверждались правила, запрещавшие нарушение святости воскресных и праздничных дней торговлей до окончания литургии, разными увеселениями во время церковных служб и общественными работами; при имп. Александре I губернским начальствам поручено было наблюдать, чтобы помещики не заставляли работать в такие дни своих крепостных крестьян. Каждогоднее исполнение христианского долга исповеди и св. причастия всеми православными, начиная с 7-летнего возраста, было постоянным требованием правительственных распоряжений; для наблюдения за этим при Петре заведены были в церквях исповедные росписи прихожан; виновные в неисполнении этого священного долга до трех раз подвергались штрафу (отмененному в 1801 году), потом предавались гражданскому суду и лишались прав на общественную службу. Все наши царственные особы старались сами подавать пример уважения к церковным установлениям и этим много сдерживали развитие в высших слоях общества разных противоцерковных веяний. Сам Петр Великий, заметно тронутый протестантскими идеями, больно поучил своей дубинкой В. Н. Татищева, который, воротясь из-за границы, вздумал кощунствовать: “Не соблазней-де верующих душ, не заводи вольнодумства, вредного общественному благоустройству; не затем я тебя выучил, чтобы ты был врагом общества и церкви.” Не имея возможности со своим войском соблюдать посты, царь во избежание соблазна счел нужным выпросить на то разрешение от самого константинопольского патриарха. В самый разгар немецкого господства в России имп. Анна оставалась на престоле представительницей настоящего русского благочестия, едва ли не такою же, какой была после нее имп. Елизавета; знаменитый московский Царь-колокол остался выразительным памятником этого благочестия Анны Иоанновны. Далее, в разгар пресловутого философского вольнодумства XVIII в., имп. Екатерина аккуратно выполняла все обязанности и обычаи православной церкви, хранила посты, говела и заставляла так же держаться свой двор. В XIX в. пора первого юношеского либерализма образованного общества стала проходить, и наступило время более благоприятного для церкви настроения. Только кое-где по барским усадьбам доживали свой век старые вольтерьянцы Екатерининского времени, наводя свои кощунничаньем ужас на жителей своих околотков. Благочестивое правительство старалось заглаживать вредные следы минувших общественных увлечений. Так, при Александре I для скрепления расшатанных в XVIII в. семейных связей вышли постановления, стеснявшие слишком частую практику разводов: в 1805 г. окончательное решение бракоразводных дел предоставлено вместо епархиальной власти Св. Синоду; в 1811 г. в производстве дел о разводах по обвинению одного из супругов в прелюбодеянии указано не ограничиваться по-прежнему одним только признанием виновного, а брать в соображение и прочие обстоятельства, ведущие к раскрытию истины, между которыми главное место заняло показание свидетелей — очевидцев преступления; тогда же в 1819 г. вышло запрещение давать супругам акты для жительства врознь.

В массе простого русского народа верность религиозным преданиям и нравам отцов и дедов сохранялась крепче и чище. Его религиозная жизнь и по своим достоинствам, и по недостаткам, мало изменилась против прежней допетровской жизни. Сообразно с новыми, более просвещенными религиозными понятиями, меры духовной и светской власти к возвышению народной религиозности и нравов более всего направлялись к смягчению старой обрядовой исключительности народного благочестия и истреблению народных суеверий. Реформа Петра выступила с самым резким обличением религиозного невежества народа, который, по выражению Духовного регламента, не в состоянии был “рассудить между десным и шумим.” Обличениями подобного рода наполнены и тогдашние законодательные памятники, и церковная проповедь, и литература. Петр писал в своих указах, что народ не знает ни веры, ни любви, а о надежде и не слыхивал, а всю надежду полагает на пение церковное, пост, поклоны, строение церквей, свечи и ладан, и неоднократно поручал Св. Синоду сочинить краткие книжки и поучения с изложением сущности веры и с точным при этом различием существенного в православии от несущественного, веры от обрядов, неизменного от изменяемого, дабы все знали, что в какой силе иметь. Такой цели удовлетворял по-своему букварь Ф. Прокоповича, горячо и с преувеличениями восстававший против казавшегося излишним почитания церковной внешности, и книжку эту в 1722 г. указано было читать по частям в церквях вместо уставных поучений. Духовные власти (Феодосий Яновский) издавали распоряжения о свечах церковных “всеу жегомых,” о неупотреблении св. Таин “за лекарство аптекарское” и т.п. Сам Св. Синод по Духовному регламенту обязывался следить за подобными предметами и проявлениями обрядоверия и издал несколько распоряжений и увещаний, против, например, часовен, ношения по домам икон, против дорогих церковных колоколов, о том, что в богатых ризах на иконы, в дорогих подсвечниках и лампадах “славе Божией и благочестию приплода никакого нет” и т.п. Истребление суеверий, к числу которых были относимы и все проявления обрядового благочестия, было, можно сказать, специальностью петровского времени и производилось с необычайной энергией и вместе крайней несдержанностью, производя сильный народный соблазн. Царь иногда сам публично раскрывал разные религиозные обманы, обнаруживал подделки в плачущих иконах, в ложных мощах, об одних таких мощах велел публиковать обличительное объявление в народе, обвинял в религиозных обманах духовенство и самих архиереев, преследовал разгласителей разных ложных чудес и пророчеств, указывал доносить о них даже духовникам, если те признаются им в своем грехе на исповеди. Все власти и духовенство были призваны к преследованию юродивых, колдунов, народных пророков и т.п. людей. За разглашение чудес и видений назначено телесное наказание и ссылка на галеры с вырезанием ноздрей; кликуш велено пытаться, пока не сознаются в обмане; колдуны и распространители суеверий, вредных государству, подвергались смертной казни. После Петра таким же преследованием суеверий отличалось время Анны Иоанновны; затем отношения к ним правительства становятся осторожнее и мягче. Указанные недостатки народной религиозности не исчезли и в философский век Екатерины. Сатирическая литература этого времени, бичуя суеверие, рисовала типы разных Ханжихиных, Чудихиных и Суеверовых из жизни не одного только простого народа, но и из жизни полуобразованного дворянства. Но законодательство прямо высказывалось против преследования суеверий суровыми мерами. Все виды суеверий, даже хулений против веры были изъяты из ведомства духовного суда и отнесены к ведомству полиции и светского суда, который ограничивался большей частью только внушениями виновным, чтобы они не распространяли глупостей и сами не верили в невозможное. К суровому обращению с ними судей правительство относилось весьма неодобрительно и строго. С духовенства, однако, не снята была обязанность противодействовать суевериям. Благочинническая инструкция митр. Платона почти дословно повторила о суевериях разные пункты Духовного регламента. Духовенству запре-

шалось служить службы у неведомых гробов и не освидетельствованных чудотворных икон, разглашать чудеса, отчитывать бесноватых и прочее. Предметы суеверного чествования старались удалять с глаз народа и прятать. Церковная проповедь постоянно ратовала против суеверий. Из обличителей их особенно известны: св. Тихон, Амвросий Подобедов, Дамаскин Нижегородский и митр. Платон. С царствования Екатерины и особенно Александра I против недостатков народной религиозности лучшими мерами стали почитаться меры просветительные — проповедь, литература, народные школы. Те же просветительные меры господствуют и в наше время, развившее их в небывалых еще доселе размерах и, надобно надеяться, с более прежнего чистым характером, достойным вековой русской святости — нашей веры православной.

Состояние при Петре I монастырей; Невская лавра.

Православные монастыри продолжали сохранять прежнее значение в религиозной жизни народа, несмотря на то, что в течение всего почти XVIII в. правительство относилось к ним не совсем благосклонно и заставило их претерпеть немало неприятностей, преимущественно по внешнему их благосостоянию. Прежде всего было сильно сокращено число как их, так и монашеского духовенства. О мерах к уменьшению монастырей и монашества, как известно, издано было несколько постановлений еще на московских соборах конца XVII в. При Петре с его крайним утилитарно-государственным взглядом на монахов, как на людей бесполезных, “чуждые труды поедающих,” меры эти доведены были до крайней энергии. В монастырских штатах Петра число монашествующих было сильно ограничено, и пострижение дозволено только на вакантные места, и не иначе как после трехлетнего искуса; мужчин дозволено постригать не ранее 30, а женщин 50-60 лет. В 1723 г. вышел указ даже вовсе не постригать новых монахов, а замещать все бывшие места отставными военными чинами, но вскоре был отменен, обнаружив только одно чрезвычайное стремление царя к умалению монашеского чина. В то же время из монастырей велено было выслать всех бельцов и белиц, кроме самого необходимого числа состоявших при монастырях для прислуги и на обязательном для пострижения трехлетнем искусе. Новые монастыри дозволялось строить только с разрешения Св. Синода и самого государя. Малые монастыри велено сводить вместе, а церкви их обращать в приходские. Многие монастыри упразднились тогда и сами собою, вследствие недостатка средств после отобрания их имений в ведомство монастырского приказа. Для улучшения внутренней жизни монастырей при Петре замечательны распоряжения о закрытии для монашествующих свободного выхода из монастырей, об уничтожении их бродяжничества и прикреплении их к месту, о введении в монастырях строгого общежития с лишением всех монашествующих прав частной собственности и права делать духовные завещания; все, что оставалось после их смерти, должно было поступать в пользу монастырей, а имущества умерших церковных властей — в Св. Синод. В 1724 г. вышел длинный указ царя под названием “Объявление” о монашестве*, в котором был подробно выяснен взгляд царя на монашество и изложен проект, как бы этот чин сделать полезным для общества. Простых, неученых монахов предполагалось занять при монастырях разными ремеслами и земледелием, а монахинь женскими рукоделиями; других, избранных монахов готовить к высшим церковным должностям посредством ученых занятий, для чего завести при монастырях школы и ученые братства. Кроме того, монастыри предназначались к обязательному благотворительному служению; при них велено заводить богадельни, больницы и воспитательные дома для младенцев. Со времени Петра в монастыри постоянно посылались на содержание больные и

* «Объявление, когда и какой ради вины начался чин монашеский, и каковый был образ жития монахов древних, и како нынешних исправить, хотя по некоему древним подобию, надлежит». — *Прим. ред.*

раненые военные чины, даже с семействами, селившимися в примонастырских слободах, и сумасшедшие преступники. Обращено внимание на управление монастырей. Настоятели давали присягу не держать в монастырях затворников и ханжей и не плодить суеверий; на места настоятелей положено назначать людей только известных правительству, преимущественно из Александро-Невского монастыря, который с самого основания (1712 г.) предназначался к тому, чтобы быть образцом для всех других монастырей и рассадником церковных властей. Петр был к нему очень внимателен и обогатил его. После он действительно исполнял свое назначение. Еще с 1721 г. при нем была большая духовная школа. При Екатерине II он был богато обстроен, а в 1797 г. возведен на степень лавры. В XIX столетии при нем устроены духовная академия, семинария, духовное училище и комитет духовной цензуры.

Последующие распоряжения о монашестве; монастыри штатные и заштатные.

Крутые распоряжения Петра о монашестве вызвали сильное неудовольствие среди монахов. Из монастырских стен выходили разные противоправительственные письма, вследствие чего Петр несколько раз выдавал указы, запрещающие монахам держать по кельям бумагу и чернила и писать что-нибудь без ведома настоятелей. После его смерти действие его законов о монашестве на некоторое время ослабело; но при имп. Анне они снова вошли в силу и в своем применении к жизни доведены были даже до крайности. В 1732 г. произведена была общая перепись всех монастырей, открывшая в них множество уклонений от законов, особенно относительно пострижения; всех незаконно постриженных велено было немедленно расстричь. В 1734 г. вышел суровый указ никого не постригать вновь, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат. Кроме того, монашество подвергалось тогда опустошительным разборам по политическим розыскам. В 1740 г. дело дошло до того, что Св. Синод решился доложить императрице, что монашеству грозит впереди совершенное оскудение, что в монастырях остались только старики прежнего пострижения, уже не способные ни к каким послушаниям и службам, а между тем “через разные случаи” монашество все еще продолжает умаляться. Императрица разрешила пострижение новых монахов даже с сокращением срока для искуса до полугода (вместо 3 лет). Монастыри снова стали оживать уже при имп. Елизавете, оказывавшей им большие милости. Она возвратила им вотчины и еще более расширила свободу пострижения в монашество, сначала, впрочем, только для ученых малороссов — кандидатов на учительские места в духовных школах — в 1749 г. вышло разрешение постригать их даже с 17 лет и с дозволения только местного архиерея; под конец царствования в 1761 г. позволено было постригать всех желающих, но с соблюдением принятых условий относительно лет постригающихся, свободы состояния и трехлетнего искуса. После Елизаветы в правительственных сферах опять обнаружилось противомонашеское направление. За все время от 1700 г. до Екатерининских штатов из 1200 монастырей прежнего времени было закрыто 175, а вновь открыто только до 47. При учреждении штатов 1764 г. во всей России считалось 1072 монастыря, из которых четвертая часть были женские, остальные мужские.

По штатам 1764 г. из 953 великорусских монастырей закрыто более половины — оставлено было только 224 в штате и 161 за штатом, на собственном содержании; затем свыше 40 монастырей закрыто при введении штатов в Малороссии и Белоруссии. К началу XIX столетия всех, и старых, и вновь открывшихся монастырей было налицо всего 452. Здания закрытых обителей обращались в казармы, госпитали, дома сумасшедших и т.п. Число монашествующих тоже уменьшилось; в 1762 г. всех монашествующих было 12 444, по штатам 1764 г. положено было только 5105, но действительное число их после штатов нигде почти не доходило и до штатной цифры, что зависело, главным образом, от скудости штатных окладов мо-

настырей — монастырям было выгоднее, и даже необходимо, иметь меньше монашествующих. Монастырские здания, которых в лучшие дни монастырей настроено было слишком много, разваливались без ремонта, а просить для ремонта пособий было бесполезно и даже небезопасно, потому что этим можно было накликать нежелательное распоряжение о совершенном закрытии такого монастыря, который не может обойтись с помощью одних собственных средств. Большой обеспеченностью в средствах пользовались только монахи-ученые, получавшие особые оклады жалованья по своим школьным и начальственным должностям и поэтому выделявшиеся из монашества в особый привилегированный класс. В 1766 г. Екатерина возвратила им и всем монашествующим властям отнятое Петром право делать духовные завещания. Размножению и возвышению этого монашества особенно много поспособствовал митр. Платон, в течение своего долгого святительства в Москве выпустивший из своей Московской академии многолюдную дружину ученых монахов «Платоников» из самых лучших талантов академического студенчества. Императоры Павел и Александр I относились к монашеству благосклоннее Екатерины. Первый увеличил оклады монастырей вдвое, а для улучшения средств ученых монахов дозволил, по заслугам, причислять их к соборам более богатых монастырей с правом пользоваться долей из кружечных доходов последних. Импер. Александр питал к монашеской жизни всегдашнее благоговение и редко отказывал монастырям в просьбах о пособиях; многие обители при нем успели поправиться и обстроиться почти заново. Весьма важное значение для материального обеспечения монастырей имело упомянутое уже дозволение им (1805 и 1810 гг.) приобретать с Высочайшего разрешения незаселенные земли в собственность. В царствование Николая I в 1835 и 1838 г. монастырям на содержание положено отвести земельные и лесные участки от 50 до 150 десятин из казенных земель и дач. Вследствие этих отводов, а также покупок и пожертвований многие монастыри успели обзавестись довольно значительными земельными владениями. В 1861 г., при освобождении крестьян, в замен прежней казенной прислуги из крестьян, монастырям ассигновано до 168 200 руб. на наем прислуги. В то же время постепенно увеличивались на содержание их штатные суммы и к 1890-м гг. возросли до 425 000 р. Не оскудевали и частные пожертвования на обители благочестивых лиц и всего православного народа. В 1848 г. гр. *Анна Орлова*, известная почитательница Фотия, архим. Юрьевского, пожертвовала громадную сумму по 5000 р. на 340 монастырей, кроме того, особо обогащала монастыри Юрьевский, Соловецкий и Почаевский. В 1859 г., как уже сказано, основано было общество для вспоможения беднейшим церквам и монастырям.

Восстановление более известных монастырей и открытие новых.

Усиление монастырских средств и преимущественно благоприятная перемена правительственных взглядов на монашество после Екатерины II снова оживили развитие монашеской жизни и способствовали умножению монастырей и монашествующих. При закрытии монастырей во время введения монастырских штатов значение многих обителей было оценено весьма недостаточно. Оттого о некоторых обителях, назначенных к упразднению и уже упраздненных, возникали сильные представления, заставлявшие восстанавливать их вновь. Так, при введении штатов в Малороссии положено было закрыть даже такой важный исторический монастырь, как киевский братский с академией — здания его положено обратить в госпиталь, а академию перевести в лавру; но, по ходатайству митр. Самуила, академия оставлена на своем месте, а в 1799 г. при митр. *Иерофее* восстановлен был в значении штатного и братский монастырь. В 1764 г. едва не закрылась в Новгородской епархии Нилова пустынь (Сорская) и сделана приписной — в 1850 г. она опять была восстановлена. В 1786 г. в Черниговской епархии закрыт Максаковский монастырь и обращен в дом сумасшедших — в

1803 г. открыт снова и передан единоверцам. В 1801 г. восстановлен по просьбе вологодских граждан Спасо-Каменный монастырь, закрытый в 1775 году. В 1786 г. был закрыт древний (XV в.) монастырь Воронежской епархии Дивногорский на меловых скалах — восстановлен в 1827 г., благодаря уважаемой его святыне — Сицилийской иконе Богоматери, и достиг теперь замечательного благосостояния. В 1787 г. киевский Межигорский монастырь обращен был в казенную фаянсовую фабрику — восстановлен в 1886 г. В том же году в Харьковской епархии кн. Потемкин выпросил себе для дворца в подарок монастырь Святогорский с угодьями, восхитившись местоположением обители; но смерть князя помешала осуществлению этой затеи, а наследники его отказались от этого подарка — обитель восстановлена, однако, уже в 1844 г. В 1788 г. было положено закрыть московский Симонов монастырь, состоявший по штатам в I классе — здания его предназначались для казарм; но против этого восстали все московское купечество, митр. Платон и губернатор Еропкин, указывая на то, что в этой обители почивают св. мощи и покоятся тела многих знатных покойников; в народе пошел слух, что в монастырском храме по ночам виден бывает таинственный свет. На другой год монастырь был восстановлен, а казармы переведены на другое место. Всех монастырей восстановлено было до конца XVIII в. 29, в XIX до 1890-х гг. около 65; восстановление их в разных местах продолжается и доселе. Основание новых монастырей после 1764 г. шло весьма неуспешно, так что до 1800 г. открылось всего до 20 монастырей. Но зато в XIX столетии их возникло (до 1890 г.) свыше 300; из числа их 106 монастырей открыто в одно десятилетие 1880-1890 годов, которое с этой стороны является единственным на всем протяжении нашей церковной истории. За все описываемое время с 1764 г. и особенно в последнее десятилетие замечательно быстрое возрастание числа женских обителей и общин, преимущественно последних; на 228 всех женских обителей в 1890 г. приходилось 103 общины вместе с заштатными монастырями. Общины эти, состоящие из сестер, исполняющих монашеские правила, но без пострижения, вроде монастырских послушниц и белиц, стали образовываться с издания штатов 1764 года, первоначально из тех послушниц и белиц, которые оставались на произвол судьбы после закрытия не вошедших в штаты женских обителей и после перевода их монахинь в штатные монастыри. Эти белицы или оставались жить на прежнем месте, или селились при разных церквях, содержась милостыней от окрестных жителей, которым с своей стороны служили уходом за больными, обучением детей, добрым советом, всем, чем умели. По примеру этих общин в разных местах стали возникать другие с целью давать приют женщинам, посвящающим себя Богу без пострижения, для служения ближним при общинных больницах, богадельнях, приютах, училищах и проч. Многие общины сделались потом настоящими женскими монастырями. Из 127 общин, возникших до 1890 года, до 78 преобразовано в общежительные обители, но число их постоянно возрастало и возрастает. Некоторые из них, образовавшиеся в раскольнических местностях или среди инородцев и иноверцев западного края, имеют особенно важное значение, будучи благотворными источниками просветительного и нравственного влияния на обширные круги. В 1881 г. правительство предоставило открытие новых обителей и общин на разрешение одного Св. Синода, если при этом нет надобности в назначении казенных окладов.

К 1893 года всех обителей состояло 742 (507 муж. и 235 женск.) с 15000 монашествующих и 28000 послушников и послушниц. Многолюднейшими обителями являются женские; на один мужской монастырь средним счетом приходится до 14 монахов и 11 послушников, тогда как на женский до 30 монахинь и 90 послушниц. Из всех монастырей 4 носят название *лавр*: петербургский Александро-Невский, киевский Печерский, Троицкий Сергиев и Успенский Почаевский. Семь монастырей, состоявших в непосредственном ведомстве Св. Синода, называются *ставропигиальными*: Новоспасский, Симонов, Донской и Заиконоспасский в Москве, Воскресенский (Нов. Иерусалим), Спасояковлевский в Ростове и Соловецкий.

Внутренняя жизнь монашества.

Внешняя обстановка монашеской жизни во многом имела влияние и на нравственное состояние монашества. За всю первую половину XVIII столетия оно представляет мало утешительных явлений и обрисовывается непривлекательными чертами во всех законодательных и других официальных и неофициальных памятниках того времени. Главными его недостатками выступают упадок в монастырях не только общежительного, но и всякого порядка, своеволие и бродяжничество монахов, полное отсутствие религиозного образования и господство суеверия. Во время разных розысков по монастырям при Петре, а особенно при Анне Иоанновне тайная канцелярия заставила дорого поплатиться за эти беспорядки и суеверия многие монастыри, даже один из лучших — Саровский, в котором сохранялись и строгое общежитие, и, по крайней мере внешнее, обрядовое благочестие. Из высоких подвижников за это время, кроме, конечно, сокровенных рабов Божиих, встречаем одного иеросхимонаха Иисуса, бывшего сначала священником — духовником Петра I, потом в 1708 г. сосланного на Соловки и здесь постриженного; в 1713 г. он основал Голгофо-Распятский скит на Анзерском острове, отличавшийся при его жизни строгим подвижничеством. Введение штатов 1764 г. произвело в монашестве сильное потрясение и на первых порах еще более расстроило его жизнь; никогда еще не было столько бегства монахов из обедневших монастырей и их бродяжничества, как несколько лет спустя после 1764 г. — кто искал себе лучшей жизни по разным монастырям, кто удалялся в лес для пустынного жителства, а некоторые уходили даже за границу — в Молдавию или на Афон. Но когда это движение немного поуспокоилось, началось лучшее время для монашества, и те же самые штаты 1764 г., то самое лишение старого вотчинного богатства, которые привели было монашество к расстройству, стали обращаться ему в пользу. Св. Синод и разные святители, ревновавшие о благе монашества, принялись за устройство монастырей, сообразно новому положению, через введение в них общежития, и за возвышение их внутреннего благоустройства. Само монашество, освободившись от множества расходов на содержание лишних обитателей и лишних, не призванных к нему людей, получило возможность употреблять свои средства более полезным образом и лучше устроить свое нравственное состояние. Даже между монахами, удалявшимися в леса, которых считали самовольными, явилось несколько замечательных подвижников, бывших потом устроителями нескольких монастырей и оказавших монашеству великие услуги; таковы были подвижники Брянских и Рославльских лесов конца XVIII и начала XIX века, числом до 30 (только известных) иноков. Эмигранты на Афон и в Молдавию, число которых только в одной Молдавии простиралось до 200 человек, дали тоже немало наставников иночества русским монастырям и между ними такого учителя, как Паисий Величковский. В русских монастырях увеличилось число истинных подвижников и развилась даже значительная аскетическая литература. Конец XVIII и начало XIX столетия были поэтому временем истинного возрождения и нравственного подъема русского монашества, с которого началась его новая жизнь.

Заслуга для монашества св. Тихона, митр Гавриила и других архиереев.

Из русских святителей более других о благоустройении монашеской жизни заботились св. Тихон и м. Гавриил. Сделавшись воронежским архиереем, св. Тихон застал монашество своей епархии в состоянии полного расстройствa и всеми мерами принялся за его исправление: рассылал по монастырям свои 15 статей увещания к инокам, заставлял монахов читать Св. Писание, при трапезе их ввел чтение чина пострижения и “Зерцала иноческого жития,” предпринимал меры против бродяжничества монахов, пребывания их в мирских домах,

пьянства и проч. По оставлении епархии (1767 г.) в своем задонском уединении он сделался великим учителем иночества. С глубокой практической мудростью он развил идеал истинного монашества в своих творениях — “Правилах монашеского жития” и “Наставлении обратившимся от суетного мира,” а своею жизнью непрестанно и ясно доказывал возможность самого осуществления этого идеала. Все его время, за исключением 4-5 часов тревожного отдыха, проходило в богословских занятиях и молитве, такой сокрушенной и пламенной, что, стоя на ней и обливаясь слезами, он не слышал ничего, что около него делалось. Жил он среди самой простой обстановки, часто занимался тяжелыми работами, несмотря на слабость своих сил, и каждый раз, вкушая скудную свою пищу, горько попрекал себя леностью, тем, что мало потрудился для св. церкви, хотя не оставлял дел своего пастырства и на так называемом покое. К разным лицам он писал назидательные послания, давал спасительные наставления многочисленным своим посетителям из ближних и дальних мест, особенно любил беседовать с простым народом, утешая его в тяжелой доле и уча не роптать на господ и начальства, много ему помогал и деньгами, и заступничеством пред помещиками, а последних назидал, внушая им чувства любви и милосердия, и мирил в их взаимных ссорах. Из монастырской слободы в его келью доверчиво собирались дети — он учил их молитвам и приучал к церкви. На благотворения уходила вся его 400-рублевая пенсия и все, что дарили ему почитатели.

Другим ревнителем монашества был м. Гавриил. Особенно любил он заниматься устройством приходивших в упадок монастырей и распространением по монастырям общежития. Он был в тесном общении почти во всеми замечательными подвижниками своего времени, ведя с ними переписку, и по их указаниям повсюду отыскивал лучших иноков для своих епархиальных монастырей. Некоторые из этих монастырей, до него совсем упадавшие, дошли при нем до образцового устройства, напр. Коневский, в который он нарочито вызвал старца *Адриана* (+1812) из Брынских лесов, Тихвинский при старце *Игнатие* из Песношского монастыря и особенно Валаамский, в который был вызван в настоятели опытный в духовной жизни и прозорливый старец *Назарий* из Сарова, в течение своего настоятельства (1782-1801) успевший возвысить свою обитель из совершенного упадка до такого совершенства, что ее ставили выше лучших Афонских обителей (+1809 в Сарове). Замечательно, что в настоятели своих монастырей митр. Гавриил не любил определять монахов ученых и предпочитал им простых, но духовно опытных старцев. Когда саровцы, не желая расстаться с своим Назарием, представляли митрополиту, что Назарий человек простой, малоумный, он отвечал им: “Умников у меня у самого довольно — пришлите мне вашего глупого.”

Из других архиереев известны своими попечениями о монашестве *Феофил* (Раев) Тамбовский (1788-1811), старавшийся устраивать все монастыри своей епархии по образцу Саровской пустыни, и *Филарет* (Амфитеатров), получивший справедливую репутацию монахолюбца. В Калужской епархии (1819-1825) он особенно возлюбил Оптину пустынь (Козельскую), устроил при ней скит на месте уединенных подвигов схимника *Иоанникия* (+1815) и вызвал в него дружину отшельников из Рославльских лесов Смоленской епархии. Об устройстве монастырей он неусыпно заботился и в других епархиях, которыми управлял. В Киеве среди братии св. лавры и в Голосеевской пустыни он чувствовал себя как бы в родной стихии. Киевская лавра достигла при нем высшей степени благоустройства; он сам стал в ряды ее братии как простой, только старший брат, называл себя “непотребным служкою пресвятой Владычицы и св. первоначальников обители сея.” Духовным отцом и другом его в обители был схимонах *Парфений*, известный подвижник, старец трудолюбивый, смиренный, всегда молитвенно настроенный, младенчески простой и чистый от всего земного. Монахолюбие его отразилось и на Киевской академии, которая никогда еще не выпускала из своих стен столько монахов, как при нем.

Паисий Величковский и его влияние на русское монашество.

Из подвижников, с которыми имел сношения митр. Гавриил, особенно замечателен молдавский архимандрит из выселившихся за границу русских иноков *Паисий Величковский* (Велицкий). Он был сын полтавского протоиерея (род. 1722 г.), в молодости немного (4 ¹/₂ года) учился в киевском братском училище, но, не кончив курса, ушел в монастырь на 17 году своего возраста. Монашеская жизнь в малороссийских монастырях и в лавре, где он одно время жил рясофорным монахом, не удовлетворила его, и в 1744 году он решился отправиться в Валахию, а отсюда после 3 лет жизни в скитах перешел на Афон. Здесь он подвизался в отшельничестве 7 лет и сделался даже основателем особого скита с 64 братьями; здесь же в 1750 г. он был пострижен в монашество. Теснота скита и разные неудобства жизни на Афоне от турецких властей и греков заставили его через 7 лет расстаться с Афоном и поселиться в Драгомирне в Молдавии, где он устроил большой общежительный монастырь с 350 человеками братии. По переходе Драгомирны в 1744 г. во власть Австрии он ушел с братией в монастырь Секуль, а через несколько времени в монастырь Нямецкий. Оба эти монастыря, имевшие до 500 человек братии, им тоже были прекрасно устроены по общежительскому уставу. Он скончался в 1794. Одной из отличительных черт устава его было широкое развитие духовного руководства монахов — так называемого “старчества” и изучения аскетических творений отцов, в переводе которых на славянский язык он много потрудился лично. Кроме переводов, от него осталось много оригинальных сочинений в форме посланий и книга об умной молитве. Митр. Гавриил в 1703 г. настоял на издании в печати его перевода греческого аскетического сборника “Добротолюбие.” Многочисленные русские ученики Паисия перенесли его писания и дух его устава вместе с учреждением монашеского старчества в Россию, и тем много способствовали оживлению и возрождению русского монашества. Более известные из этих учеников были сами настоятелями разных монастырей или жили в них влиятельными монахами. Таковы, например, *Феодосий* (Маслов), архим. Софрониевой пустыни Курской епархии; *Феофан* (Соколов), архим. Новоезерский; *Клеона*, строитель Введенской Островской пустыни, которые все заботились о введении в своих обителях внутреннего духовного подвижничества своего учителя; схимонах *Афанасий* (Захаров), подвизавшийся во Флорищевой и Площанской пустынях (+1823); схимонах *Феодор*, помогавший некогда Паисию в его переводах в Нямецкой обители, в России живший в разных монастырях и везде претерпевавший гонения за то, что принимал других монахов “на откровение помыслов,” т. е. за старчество, которое было неизвестно еще даже на Валааме (+1822 в Свирской обители); строитель Белобережской пустыни *Василий* (+1831 в Площанской пустыни) и др. Кроме непосредственных учеников, у Паисия было в России много учеников, которые усваивали его идеи и аскетический дух через письменные с ним сношения. Корреспондентом его был сам митр. Гавриил. С особенною полнотою проявился дух Паисия Величковского в Оптиной пустыни Калужской епархии.

Оптина пустынь была обителью весьма древней по происхождению (XV в.), но в XVIII в. пришла в полное запустение и расстройство. В 1796 г. на нее обратил внимание митр. Платон. Здания ее, стоявшие много лет без крыш, пришлось перестраивать заново; при возобновлении собора из иконостаса его вывезли несколько возов птичьих гнезд и помета. Братии было 3 монаха, и из них один слепой. Поземельное имущество монастыря расхищено жителями Козельска и соседних деревень, которые своевольно пользовались и монастырским лесом, и полями, и покосами. После Платона об этой обители много заботился Феофилакт (Русанов) Калужский, но истинным ее благодетелем был Филарет, успевший довести ее до цветущего состояния, особенно по высоте иноческой жизни, в чем помогли ему ее замечатель-

ные старцы-подвижники, ряд которых с того времени не прерывается и до наших дней. Для возвышения уровня иноческой жизни Филарет вызвал в пустынь рославльских старцев, которых и поселил в основанном при ней ските. Но не им принадлежала главная честь сообщения Оптиной обители той славы, которую она получила потом во всем русском народе, а ученикам учеников знаменитого великого подвижника с их подвигами старчества и нравственного просветительного служения народу. Первым виновником введения в нее этих особенностей ее подвижничества был иеросхимонах *Леонид* (Наголкин), ученик учеников Паисия, Феодора и Клеопы, долго подвизавшийся с ними в Белобережской и Валаамской обителях; введение старчества и прием мирян для духовного наставления стоили ему тяжелой борьбы и многих неприятностей и от других иноков монастыря, и от епархиальной власти, подозрительно смотревших на эти еще незнакомые им новшества — его поддержали игумен *Моисей* и оба митрополита Филареты. О. Леонид скончался в 1841 г., успев утвердить свое дело окончательно. Преемником его по руководству иноков и во множестве начавших приходить в обитель мирян был иеросхимонах *Макарий* (Иванов), ученик схимонаха Афанасия (Захарова) и Леонида, с которым он жил в Площанской пустыни, мягкий, кроткий и сердечный старец, привлекавший к себе еще более благоговейных посетителей, чем его учитель — правдивый и нередко строгий Леонид (+1860). Наконец, всем еще памятна светлая и любовная личность почившего (1891) третьего великого старца Оптиной пустыни, прозорливого *Амвросия*. Благодаря таким старцам пустынь сделалась образцом для других монастырей, лучшей школой иноческой жизни, развила обширное влияние на многие другие монастыри и выпустила из своих стен множество деятелей на пользу как иночества, так и всей церкви и народа. На ее уроках воспитались *Игнатий Брянчанинов*, епископ Кавказский, иеросхимонах *Антоний*, духовник Киевской лавры, оставивший до 2000 нравоучительных писем, ученый *Климент Зедергольм*, много потрудившийся в переводах для оптинских изданий и составивший биографии некоторых подвижников нового времени; *Леонид Кавелин*, недавно скончавшийся наместником Троицкой лавры, плодовитый писатель, историк нескольких монастырей и др. По примеру Паисия Величковского и благодаря трудолюбию и духовному образованию своих иноков, Оптина пустынь развила у себя обширную издательскую деятельность и выпустила в свет много книг, содержащих переводы св. отцов, оригинальные аскетические писания и исторические сказания о многих русских монастырях и известных подвижниках. Замечательно, что обычай старчества от нее перешел и в некоторые женские монастыри; в начале 1840-х гг. он, например, введен был в Белевский женский монастырь (Тульской епархии) ученицами старца Леонида настоятельницей *Павлиной*, казначеей *Магдалиной* и старицей *Анфией*.

В большей или меньшей степени влияние Паисия Величковского отразилось и на других монастырях, где спасались его непосредственные ученики — в монастыре Новоезерском Кирилловом в архимандритство Феофана (Соколова), в пустынях Софрониевой, Введенской Островской (Владим. епархии), Белобережской, Площанской (обе Орловск. епархии), Флорищевой (Владим. епархии), в монастыре Песношском, откуда при архимандрите *Макарии* (1788-1811), ученике Клеопы, вышло 24 настоятеля для разных монастырей, в обители Валаамской, где подолгу жилали известные вожди старчества, но где, впрочем, скоро их служение народу и самое подвижничество получили несколько иное, северно-практическое направление. Валаам, кроме строгости иноческой жизни, издавна славился еще трудолюбием братии, которое победило тамошнюю суровую природу, и благотворительностью; обитель всегда помогала, чем могла, нищете окрестного населения и давала радушный приют всем, заносимым к ее острову бурями, без различия вероисповеданий и племенного происхождения.

Саровская пустынь и старец Серафим; другие монастыри, известные подвижниками. В XIX столетии не менее Оптиной пустыни прославилась подъемом нравственной жизни пустынь Саровская (Тамб. епархии). Жизнь ее началась около 1700 г. с келейного и пещерного подвижничества нескольких отшельников под руководством иеросхимонаха *Иоанна* (+1737), но чуть было не замерла среди политических розысков 1730-х гг., когда и сам Иоанн попал в тайную канцелярию и умер в Петербурге; по миновании тогдашних бед она ожила снова и при мудрых строителях *Димитрии* (+1747), *Ефреме* (1758-1778), *Пахомии* (+1794) и игумене *Нифонте* (1806-1842) достигла такого цветущего состояния, что сделалась рассадником игуменов в другие монастыри и привлекла к себе благоговейное внимание всей России. Здесь спасались: известный Назарий Валаамский, ученики его: схимник *Марк* (+1817) и духовник обители *Иларион* (+1841), иеромонахи *Питирим* (+1789) и *Иоаким*, которого предназначали в епископы для американской миссии (+ 1841), и другие, в более позднее время известный всей России препод. старец *Серафим*. Он был сыном курского купца, родился 19 июля 1759 г., в Сарове поселился с 1778 г. на 18 году жизни, в 1786 г. был пострижен, в 1793 г. посвящен в иеромонахи. В 1794 г. он перешел из обители в лесную келью за 5 верст для уединенных подвигов. Как велики были эти подвиги, можно судить по тому, что однажды, подобно Симеону Столпнику, он простоял на камне 1 000 суток, сходя с него только для приема пищи из травы и для краткого отдыха; однажды чуть не до смерти избили его воры, думавшие найти у него деньги. Потом после 17 лет затвора в самой обители в 1825 г. он отворил келью и стал принимать посетителей; их ежедневно собиралось к нему до 2000-5000 людей всякого звания. Он выходил к ним в своем неизменном белом хитоне, в полумантии, епитрахили и поручах и всех с одинаковой лаской благословлял, поучал, утешал, многих исповедовал, раздавал антидор, просфоры, св. воду. Еще в живых он был прославлен властью над дикими зверями, даром прозрения и исцелений. В 1833 г. праведник скончался на 74 году жизни, стоя на коленях в своей келье перед иконой Богоматери. В 1903 г. он причислен Русскою церковью к лику святых. В половине XVIII в. к Саровской пустыни была приписана Санаксарская обитель (XVII в.), и вскоре после этого начала быстро восстанавливаться. Устроителем ее был настоятель *Феодор* (Ушаков из дворян), саровский же старец-подвижник; введя в нее строгие общежительные порядки, он сделал ее образцовым монастырем в Тамбовской епархии (+1791).

В соседстве с Валаамом с 1790 г. процвела обитель Коневская, на жизни которой отразилось влияние брянских пустынников, вызванных сюда, с иером. *Адрианом* во главе, митр. Гавриилом. Адриан завел на Коневском острове скитское жительство. В начале XIX в. новый строитель мудрый *Иларион* в 16 лет управления прекрасно обстроил монастырь, увеличил число братии, завел библиотеку для чтения инокам и дал братии добрый устав с правилами как для общежительных иноков, так и для скитников и отшельников; устав этот был принят потом в Оптиной пустыни. На Коневце были и лесные отшельники — старцы *Зосима* и *Василиск* — последний подвизался под конец жизни (+ 1823) в сибирских лесах, и иеромонах *Сильвестр*. Из старцев — устроителей монастырей и составителей уставов достоин внимания игумен *Филарет* (+ 1841), ученик Василия Белобережского — он ввел строго общежительный устав по правилам Афона на Глинской пустыни (Курской епархии) и составил три устава для женских монастырей.

Истинных подвижников довольно было по всем монастырям, так что их трудно и перечислить, тем более, что и сведения об них далеко еще не собраны и большей частью хранятся только в местных преданиях. Жизнеописаний этих рабов Божьих и особенно благочестивых инокинь издано самое малое количество. Они и сами укрывались от славы человеческой и объявлялись лишь по духовной нужде, для служения жаждающему их наставлений народу, преимущественно среди наиболее посещаемых монастырей. Так, в Задонском монастыре

пользовался таким же почтением, как старец Серафим Саровский, прозорливый затворник *Георгий* из дворян Машуриных (род. 1789 г. — +1836), проведенный в затворе 17 лет и принимавший посетителей в своей келье; в московском Новоспасском монастыре долгое время подвизался и был посещаем множеством народа старец *Филарет* (в сх. Феодор +1842); в Киево-Печерской лавре известны: инок *Досифей*, 30 лет проведенный в затворе (+1778), прозорливый схимонах *Михаил* (+ 1815), *Иоасаф* — блюститель пещер, в мире тайный советник Маслов, иеросхимонах *Вассиан*, которого в 1816 г. с благоговением посетил имп. Александр I, иеросхимонах *Парфений* и др.; в Невской лавре — схимник *Алексий* при имп. Александре I; в Кирилловом монастыре сохранилась благоговейная память о подвижничестве жившего здесь на покое епископа *Амвросия* автора “Истории Российской иерархии” (+1827). По своей истинно монашеской жизни известно немало наших почивших архипастырей, каковы, например, *Иоасаф Горленко* Белгородский (+1754), *Иннокентий* Пензенский (+1819), *Иона*, экзарх Грузии (+1849), *Антоний* Воронежский (+1846), Киевский и Московский Филареты, *Иаков* (Вечерков) нижегородский (+1850), *Феофан* Тамбовский и Владимирский и многие другие.

В 1900 г. в Киеве скончалась великая княгиня Александра Петровна, в иночестве *Анастасия*, подвигами своими поревновавшая древним св. княгиням-инокиням, основательница Петербургской Покровской общины и (с 1889 г.) Покровского общежительного женского монастыря в Киеве с обширной и образцовой больницей, лечебницей для проходящих, с тремя приютами для неизлечимо больных, женской богадельней и церковно-приходской школой для бедных девочек. Великая княгиня расходовала на эти учреждения все свои средства и сама лично служила при монастырской больнице, как самая ревностная и неутомимая сестра милосердия.

С возрождением монашества во второй половине XVIII в. возродилось и то общественное значение, каким русские монастыри отличались в древнее цветущее их время. При редких монастырях и общинах, разве самых бедных, не имеется теперь школы, богадельни, странноприимницы приюта, больницы и т.п. учреждений, а при некоторых, более достаточных и обширных, вроде наших знаменитых лавр, можно найти почти все подобные учреждения сразу. Некоторые приютили у себя большие учебные заведения — академии, духовные училища, женские епархиальные училища, приюты со школами, школы ремесленные, причетнические, певческие, иконописные мастерские и проч. Кроме того, монастыри наши постоянно и значительно участвовали своими пожертвованиями в разных государственных, церковных и общественных нуждах. Но еще выше, еще благотворнее их служение духовное, которое неудержимо влечет в лучшие обители, более известные своими святынями и духовной жизнью иноков, десятки тысяч православного люда всех званий, всяких состояний и всяких степеней образования, со всевозможными духовными нуждами, скорбями и болезнями. Сколько духовного запаса для удовлетворения своих нужд и своей духовной нищеты выносят отсюда эти десятки тысяч, сколько духовного врачевания для своих скорбей и болезней получают они, помолвившись в монастырском храме, среди благолепной монастырской службы, или выслушав простое, но сильное благодатью слово подвижника-старца, или просто только побывав среди монастырской обстановки, так непохожей на мирскую сутолоку, знает один Бог; но св. Иоанн Златоуст не напрасно сказал, что, пробыв в храме, где варится миро, нельзя выйти из нее не облагодуханным. С этой стороны св. обители служат великую службу нашему отечеству уже одним тем, что они в нем существуют. Сеть их, раскинутая по всей России, по выражению А. Н. Муравьева, есть своего рода Евангельская мрежа, которой доселе совершается в житейском море таинственная ловитва душ человеческих.